

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

ВЫПУСК 4-5

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

**ПУШКИНСКИЙ
МУЗЕУМ
АЛЬМАНАХ**

4—5

Санкт-Петербург
2007

ББК 83.3(0)5
П91

Редколлегия
«Пушкинского музея»:
Р. В. ИЕЗУИТОВА, С. М. НЕКРАСОВ (председатель),
В. П. СТАРК, О. В. ФОКИНА

Научный редактор
Р. В. ИЕЗУИТОВА

Ответственный редактор
С. М. НЕКРАСОВ

Рецензент
кандидат филологических наук
С. В. БЕРЕЗКИНА

Составитель указателей
О. В. ФОКИНА

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2007
© Издательство «Петербургское Пушкинское общество», 2007
© Коллектив авторов, 2007
© С. В. Кондрашенков, художественное оформление, 2007

ISBN 5-89913-010-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск альманаха «Пушкинский музей», сохраняя характер и структуру этого серийного издания, охватывает период, насыщенный событиями широкого общественно-культурного значения, такими, как празднование 300-летия Санкт-Петербурга (2003), 200-летия М. И. Глинки (2004), с которым Пушкина связывали тесные творческие и дружеские связи, а также отмечаемое осенью того же года 125-летие Всероссийского музея А. С. Пушкина. Редколлегия альманаха показалось существенно важным не ограничиваться публикацией материалов, в той или иной степени связанных с этими юбилейными датами, но представить нашим читателям и другие, весьма существенные аспекты деятельности музея, которая в 2003–2006 годы протекала особенно интенсивно. Введение новых рубрик в структуру альманаха в связи с поступлением интересных документальных материалов, в том числе касающихся и истории Всероссийского музея А. С. Пушкина, потребовало дополнительного времени на подготовку следующего выпуска альманаха, который выходит в значительно расширенном виде, хотя и с некоторым опозданием. Редколлегия надеется, что регулярность выхода в свет «Пушкинского музея» в дальнейшем нарушаться не будет.

Продолжая следовать сложившейся традиции, альманах открывается рубрикой «Пушкин и наши современники». На этот раз здесь представлены размышления и высказывания лауреатов Царскосельской премии 2005 и 2006 годов о значении Пушкина в жизни общества и в их собственном творчестве. Живое слово о Пушкине, прозвучавшее в актовом зале Музея-Лицея на церемонии вручения этой почетной награды, обрело форму своеобразного диалога деятелей нашей культуры с ее «вечным спутником». Неординарные суждения людей знаменитых помогают по-новому оценить влияние Пушкина на духовную жизнь России.

В 2005 году произошло еще одно знаменательное событие, непосредственно связанное с памятью Пушкина, а если говорить точнее, с его зарубежными потомками. Впервые в новейшей истории нашей страны потомок Пушкина по мужской линии Александр Александрович Пушкин и его супруга Мария Александровна, урожденная Дурново, получили российское гражданство. Читатели альманаха имеют возможность познакомиться с Указом Президента России Владимира Владимировича Путина.

В состав «Пушкинского музея» введена новая рубрика «Навстречу 200-летию Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея», которое будет отмечаться в 2011 году. Всероссийский музей А. С. Пушкина начал осуществление долгосрочного юбилейного проекта по подготовке к этой замечательной дате в истории российской культуры и в жизни Пушкина. В разделе печатаются новые документальные материалы о воспитанниках Александровского Лицея, известных своими заслугами перед Россией.

Приоритетным направлением в работе музея, несомненно, является фондово-хранительская работа. Поэтому рубрика «Жизнь и труды музея» открывается статьей Г. П. Балог (в течение многих лет главного хранителя) об истории комплектования коллекции ВМП. Статьи Е. В. Старинковой, Р. Г. Жуйковой и других авторов посвящены разным аспектам фондовой и экспозиционной работы. На страницах альманаха печатается статья Е. Ю. Глевенко, посвященная изучению библиотеки Н. А. Некрасова, а в статье А. И. Нечай, А. А. Будко и Л. Д. Ивановой представлены уникальные материалы о болезни и лечении Н. А. Некрасова из богатейшего архива Военно-медицинского музея.

Научно-исследовательское (пушкиноведческое) направление в деятельности музея представлено статьями, сообщениями и публикациями о предках и современниках поэта, а также о бытующих поныне в семейных преданиях потомков дворянских родов малоизвестных фактах биографии лиц пушкинского окружения (см.: «Вокруг Пушкина»). В разделе «Публикации и комментарии» продолжена работа по атрибуции новых архивных документов, по изучению текстов Пушкина, а также альбомной культуры его времени. «Пушкинский музей» постоянно сотрудничает с литературными музеями России и зарубежья. В этом выпуске мы публикуем также статьи и сообщения наших коллег из пушкинского Музея-заповедника «Михайловское» и Музея-заповедника М. Ю. Лермонтова «Тарханы» и надеемся на дальнейшее сотрудничество с нашими партнерами по совместным издательским проектам.

Всероссийский музей А. С. Пушкина не мог не откликнуться на юбилейные даты портретной пушкинианы — 175-летие знаменитых портретов Пушкина работы В. А. Тропинина и О. А. Кипренского (2002). В музее прошла конференция «Кисть чудотворная», посвященная этим художникам и проблемам портретного искусства пушкинского времени. Известные московские искусствоведы, статьи и сообщения которых помещены в разделе «Пушкин и художественная культура его времени», расширили рамки этой юбилейной проблематики за счет других видов изобразительного искусства.

В особый раздел вынесены статьи, в основу которых положены доклады научных сотрудников ВМП на юбилейной конференции «Для звуков сладких и молитв (к 200-летию М. И. Глинки)».

Жанровая природа альманаха предполагает злободневные отклики на заметные события культурной жизни Санкт-Петербурга, на новые тенденции в понимании и восприятии пушкинских традиций, такие, например, как размышления писателя М. С. Глинки о пушкинском начале в духовной жизни нашего общества, члена Союза художников России Ю. К. Люкшина о необходимости нового прочтения «Бориса Годунова», О. М. Сваловой о месте Пушкина в музее современного искусства и др.

Особенно богат разнообразными и разноплановыми материалами раздел «Зарубежная пушкиниана», в который вошли обзоры и статьи пушкинистов из ближнего и дальнего зарубежья. Заключительный раздел знакомит с рецензиями на новые книги о Пушкине и на издания его сочинений.

Все цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по Большому академическому полному собранию сочинений в 17 томах (1937–1959) с указанием в тексте тома (римской цифрой) и страницы (арабской), за исключением особо оговоренных случаев.

ПУШКИН И НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

ПОД МУЗЫКУ
ПУШКИНСКИХ СТРОК

У каждого из нас, безусловно, свой, особенный Пушкин. Рассказать об отношении с поэтом мы попросили лауреатов Царскосельской премии 2005 и 2006 годов.

Жорес Алферов:

Я очень люблю Лермонтова. Я думаю, поэтов мы начинаем любить в детстве, когда особенно яркие впечатления. Для меня в детстве одним из самых ярких было стихотворение Лермонтова «Смерть поэта».

Пушкин — это Пушкин. Мне трудно говорить на эту тему. Пушкина я люблю, хотя мой любимый поэт — Маяковский. А Маяковский, как известно, любил Пушкина. Он писал: «Нам стоять почти что рядом: вы на “Т”, а я — на “М”...»

Моему старшему брату, он погиб во время войны, мама подарила том Пушкина, выпущенный в 1937 году (мы тогда чаще отмечали юбилей смерти, чем юбилей дней рождений) к столетию со дня смерти Пушкина. А мне мама подарила однотомник Лермонтова и Маяковского на день рождения в 1940 году, и я к Пушкину пришел через этих двух великих поэтов.

Пушкин для меня классик. На Мойке, 12, я бывал в студенческие годы. Думаю, там многое изменилось, и будет интересно побывать сейчас. Я очень люблю Михайловское, ездил туда много раз. И есть музей Пушкина в Нью-Йорке, я там бывал. У нас есть свой лицей — физико-техническая школа, в будущем году ему исполняется двадцать лет. В лицее работает художник Энгель Насибулин, и у нас есть пушкинский зал, который полностью оформлен Энгелем. У него, конечно, иллюстрации потрясающие. Я думаю, он один из самых лучших сегодняшних иллюстраторов Пушкина. К моему юбилею он подарил мне альбом с рисунками, и на одном из них я беседую с Александром Сергеевичем... Я приехал получать Лицейскую премию с заседания Государственной думы, на котором в первом чтении принят отвратительный закон об Академии наук, и, к сожалению, мне ничего не удалось сделать. И вспомнил строки из пушкинской эпитафии: «В Академии наук / Заседает князь Дундук». Очень надеюсь, что не попаду я в какую-нибудь эпитафию и что в Академии наук заседают не только князь Дундуки.

Очень хороший мой знакомый, замечательный ленинградский писатель Даниил Александрович Гранин, недавно сказал «Подумайте, ведь в советское время, как это ни странно, можно было говорить даже не “серебряный”, а “золотой” век поэзии, и можно называть имена подряд: Брюсов, Есенин, Маяковский, Твардовский...» И я бесконечно рад, что сегодня получаю эту премию вместе с Бэлой Ахмадулиной.

Бэла Ахмадулина:

Пушкин сказал: «Велению Божию, о муза, будь послушна...» Это можно с большим религиозным чувством впрямую сказать... У меня есть стихотворение «Звук и благозвучие». И вот что это за звук, какого я жду, прощения или указания, чтобы творить с опрятной совестью?.. Это все равно ожидание соотнесенности с небесами, иногда и прямое обращение... Но это связь непререкаемая, потому что неопрятность поведения, непреклонность души — конечно, это будет немедленно замечено и отказано в этой соотнесенности. Я такие случаи знаю, и со мной тоже Бог соединялся...

Может быть, вы обратили внимание, что чем торжественнее обстановка, чем больше добрых слов, тем меньше интересуешься собственным значением. В силу обстоятельств мне пришлось выслушать много добрых слов... Если сложить сумму этих обстоятельств, собственное значение становится наименее интересным предметом. Зато другие имена осеняют сознание, возвышают меня над собственной участью. А вообще мыслью о собственном величии я никогда не увлекалась и умела преклоняться перед подлинными людьми. Это заметно по посвящениям Пушкину, Ахматовой, Пастернаку, Мандельштаму, Цветаевой...

Александр Белинский:

Когда мне было четыре года, мой отец, потомственный царскосел, прочел мне:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны плещут...

С тех пор вот уже 73 года я не расстаюсь с Пушкиным ни днем, ни ночью. Для себя я выбираю только (!!!) пушкинский путь. Ясный, простой, без кривлянья, с волшебным юмором. Мне кажется, лучше Тынянова о Пушкине ничего не написали и, боюсь, не будет написано.

Очень часто бываю в пушкинских музеях. На Казанском кладбище в Пушкине лежат мои родители и их предки. Это для меня тоже музей. Мое Отечество — Царское Село.

Валентин Гафт:

Александр Сергеевич? Опасно с ним связываться. Иногда люди остаются в истории, в сознании людей не потому, что они были на самом деле, а потому, что жили рядом с Александром Сергеевичем. Пример тому — Воронцов, изумительный человек, новороссийский генерал-губернатор, великий, умный. Что-то там произошло, и Александр Сергеевич его перечеркнул... И вообще Александр Сергеевич, когда его кто-то раздражал, он в замечательных стихах, иголкой, как будто насекомых, прикалывал их к стеночке и получал удовольствие:

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых.

Я думаю, лучшие эпиграммы, которые я читал и знаю, — пушкинские.

Александр Сергеевич — человек озорной, элегантный, абсолютно современный человек. Он разрушил все стереотипы, включая эпиграммы, потому что до него таких эпиграмм никто никогда не писал. Они настолько живые и настолько естественные, настолько остроумны и свободны от всяких стихотворных приспособлений, они выражают суть, и это потрясающе! До сих пор они являются образцом и языка, и мысли, и простоты, и глубины. И блеска.

Александр Дольский:

Впервые услышал имя Пушкина в два года на опере «Евгений Онегин». Пушкин — мой учитель во многом. К разным публикациям о Пушкине отношусь по-разному. Слишком много пустых упоминаний и ненужных сносок. Считаю, что нужно бережнее относиться к его имени.

Александр Друзь:

Есть такая уже почти поговорка: когда не знаешь, что отвечать, отвечай: «Пушкин». На самом деле это очень сильно искаженное правило, которое входит в так называемую школу «Что? Где? Когда?», которую мы разрабатывали в Санкт-Петербургском клубе с коллегами. Если вы понимаете, что в вопросе речь идет о русской литературе, то первый, кто должен приходиться в голову, это Александр Сергеевич Пушкин, потому что именно он первым, хотя и до него были замечательные поэты, писатели, поставил литературу на то место, которое она, несмотря ни на что, продолжает занимать и в XXI веке.

Последняя книга, которую я читал, это «Мифы и легенды о Пушкине», я ее читаю уже достаточно долгое время, потому что ее нельзя читать в метро, она требует вдумчивого чтения.

Михаил Жванецкий:

Я впервые узнал о Пушкине, когда мне было, наверное, лет десять. Это была война, отец был на фронте. Мы с мамой жили в Узбекистане в эвакуации. Я помню, там была провинция, школа. И была прекрасная учительница начальных классов, которая первая сказала, что я легко поддаюсь дурному влиянию. Видимо, это правда. Мое счастье, что я эту фразу запомнил, и, когда чувствовал дурное влияние, я просто прятался, падал. Из дурного влияния признавал только женское. Но это, слава богу, не приводило ни к каким тяжелым последствиям для меня.

И тогда же я узнал о Пушкине, но все-таки из-за войны это было где-то в третьем-четвертом классе. А дальше, после войны, к нам пришел преподаватель русского языка и литературы Борис Ефимович Друкер, и это все было на Пушкине, это для него было святое, для нас тоже. Единственное, нам это немножко насаждали, нам тогда это было отвратительно, что в нас вбивают Александра Сергеевича, а теперь это изумительно. А раньше это казалось жутким, это было насилие: запоминай... Ну, «Я к вам пишу, чего же боле...» — это мы запомнили навсегда, вот не знаю почему, именно это письмо Татьяны.

Люблю Пушкина очень, но не перечитываю. Знаете, что немножко отравило меня? Я помню, в советское время какой-то чиновник, довольно мерзкий, из цензоров, читал мне наизусть «Евгения Онегина». Он этим прикрывался, он говорил: «Если бы вы, товарищ Жеманюцкий (или Жеманецкий), увидели мою библиотеку, вы бы упали, вы таких книг не видели». Этим он объяснял то, что он вычеркивает, вырезает. Это было здесь, в Ленинграде.

Часто хочется крикнуть себе: «Ай да Миша, ай да молодец!». Это хочется крикнуть, это меня с Пушкиным связывает. И ритм, нас связывает ритм. Хотя я пишу не стихами, но ритм... Часто вызывает смех именно ритм, повторение ритмичное вызывает реакцию. И не поэзия — а чувствуется ритм, и мы начинаем раскачиваться вместе, попадаем в резонанс, и концовка вызывает или смех, или аплодисменты.

Сергей Мигицко:

Я горжусь, что имею маленькое отношение к Лицею, к Пушкину. Одной из первых моих ролей была роль Вильгельма Карловича Кюхельбекера в телеспектакле «Товарищ, верь!», что стало для меня чрезвычайно важным, и я старался потом ничего проходного не играть в своей жизни.

Никто не сомневается в заслугах лицеистов и Лицея в русской истории. Но для меня важнее не неоспоримый талант всех лицеистов, не их заслуги. Для меня важнее дух лицейский, который очень важен в моей жизни, в моем творчестве. Я сам человек духа. В одиночку ничего сделать нельзя, на мой взгляд. И я, когда что-то делаю, начинаю какую-то интересную работу, всегда опираюсь на своих коллег и стараюсь, чтобы мы были связаны единым духом, как когда-то были связаны лицеисты.

Алла Осипенко:

Впервые имя Пушкина я услышала от мамы, которая читала мне стихи Пушкина на ночь, года в три. Пушкин — это человек, близкий мне по характеру. Люблю бывать в квартире на Мойке. Там Пушкина для меня — живой. Безусловно, Пушкин оказал и оказывает на меня влияние, на мое творчество. Я много исполняла работ на его произведения. Замечательные балеты. Стихи Пушкина читать люблю, а вот о Пушкине — не всегда. Очень не люблю, когда врываются в личную жизнь гениев.

Эльдар Рязанов:

Имя «Пушкин» впервые услышал во чреве матери. Казалось, это единственная в мире поэзия. Это впечатление сохранилось. Мне кажется, что у каждого человека свой Пушкин. Разумеется, есть он и у меня. Конечно, он попросту не мог не оказать на меня влияния. Под музыку его строф я прожил практически всю свою жизнь.

Это абсолютное припадание к роднику...

Если бы у меня была совесть, то, наверное, Пушкин мешал бы мне сочинять стихи. Но поскольку у меня ее нет, то не мешает. Вообще, если мерить по этому, я думаю, что 99,9 процентов людей, которые сочиняют, должны заткнуться навсегда. Это очень коварный вопрос, но я честен. Я не меряю себя, не сравниваю себя с этим человеком, поэтому он мне не мешает. Я живу в большой любви к нему. К сожалению, не знаю, как бы он отнесся ко мне. Хочется надеяться, что тоже недурно, но это никак не проверишь.

Я собирался делать фильм о Пушкине, поэтому читаю очень много литературы. В этой эпохе я чувствую себя замечательно. У меня такое ощущение, что я знаком с огромным количеством людей: Кюхельбекером, Вигелем, Смирновой-Россет, Анной Петровной Керн и так далее. Несколько раз был на могиле Керн под Торжком. Я не читаю современных исследований о Пушкине, они меня уже не интересуют. Но это не значит, что они плохие.

ПОТОМКИ А. С. ПУШКИНА — ГРАЖДАНЕ РОССИИ

20 сентября 2005 года в посольстве Российской Федерации в Бельгии потомкам великого русского поэта А. А. Пушкину и М. А. Пушкиной были вручены российские паспорта. Это знаменательное событие широко освещалось в средствах массовой информации. А вскоре во время визита в Бельгию президент Российской Федерации В. В. Путин встретился с Александром Александровичем и Марией Александровной.

А. А. Пушкин: Путин произвел на нас очень приятное впечатление. Он был хорошо осведомлен о наших благотворительных программах, живо интересовался нашей жизнью, приглашал в Россию. Мы поблагодарили президента за то, что своим указом он предоставил нам российское гражданство, и выразили радость по поводу того, что теперь можем беспрепятственно пересекать границу родины наших предков.

М. А. Пушкина: Приятна сама манера В. В. Путина. Он очень достойно и в то же время просто держался, был весел, остроумен. И это нам очень импонировало.

А. А. Пушкин: Мы всегда стремились в Россию, и теперь будем бывать на своей и исторической родине еще чаще, и чувствуем, что стали ближе к России, к русскому народу. Надеюсь, став российскими гражданами, мы сможем еще больше пользы приносить России.

М. А. Пушкина: Мы рады этому событию и, конечно, довольны указом президента Путина. Я помню, как мечтал о России мой отец и как до последних дней стремился сюда. Теперь я вместе с мужем смогу без всяких виз приезжать в Россию, еще больше внимания уделять культурным и медицинским программам, которые мы патронируем.

125-ЛЕТИЕ СТАРЕЙШЕГО ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ РОССИИ

Всероссийский музей А. С. Пушкина ведет свое начало от первого пушкинского музея России, открывшегося 19 октября 1879 года в Петербурге при Императорском Александровском Лицее.

История музея — это не только даты, события, люди, но и история его коллекций. Музей может менять ведомственную принадлежность, здания, в которых размещаются его экспозиции и фонды, временно входить в состав каких-либо иных структур и объединений, но если основа его коллекции остается целостной и неделимой, музей продолжает жить и развиваться, обогащаясь новыми материалами и музейными экспозициями.

В исторически сложившейся судьбе старейшего пушкинского музея отразились катаклизмы одного из самых сложных и драматических периодов развития России и в еще большей степени противоречиво протекавшие процессы зарождения и становления музеев литературных с осознанием особой их природы, поисками путей решения экспозиционного показа литературного материала.

Оглядываясь назад, мы говорим о «трех эпохах музея»: лицейской, связанной с Пушкинским музеем Александровского Лицея (1879–1917), академической, в составе музейного комплекса Пушкинского Дома (1917–1953), и функционирования Всесоюзного музея А. С. Пушкина в системе сначала Министерства культуры СССР, затем Министерства культуры РСФСР (с 1953 года по настоящее время).

Большую роль в развитии музея сыграло Пушкинское лицейское общество, устав которого был высочайше утвержден императором в Царском Селе в канун столетия А. С. Пушкина в мае 1899 года.

Созданный по инициативе профессоров и учащихся Лицея, Пушкинский музей весьма активно пополнялся новыми ценными экспонатами. В числе первых экспонатов, поступивших в музей, были автографы поэта, книги, гравюры, портреты, картины, личные вещи. Как было указано в «Описании Пушкинского музея», «среди ценных предметов, поступивших в Музей за это время, отметим картину А. Наумова «Дуэль А. С. Пушкина» — дар Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича; портрет А. С. Пушкина работы И. Л. Линева — дар Л. Л. Леонидова, а также перстень А. С. Пушкина и медальон с волосами поэта — дар г-жи П. Виардо-Гарсиа».

Академическая эпоха в истории Всесоюзного музея А. С. Пушкина связана с расцветом собирательства, осмыслением накопленных художественных ценностей и пополнением новыми материалами пушкинских коллекций. Обогащаясь опытом фундаментальной академической науки, музейная работа в Пушкинском Доме (Институте русской литературы АН СССР) принимала новые и многообразные формы. Важнейшей вехой на этом пути стала передача в декабре 1925 года Пушкинскому Дому последней квартиры Пушкина на Мойке, 12, с целью создания в ней мемориального музея. Пуш-

кинский Дом в лице выдающихся ученых, видных музейщиков, известных краеведов вплотную подошел к реализации волновавшей русское общество еще с дореволюционных лет идее создания пушкинского музея в сохранившемся (хотя и перестроенном) доме Волконских. Ныне это один из самых знаменитых и посещаемых филиалов Всероссийского музея А. С. Пушкина.

Однако в первые послереволюционные десятилетия, несмотря на все переживаемые страной трудности, неуклонно продолжался процесс формирования пушкинского музея на более широкой, нежели в предшествующий период, общероссийской основе. Поворотным моментом в этом процессе стала Всесоюзная Пушкинская выставка, организованная Юбилейным комитетом в 1937 году к 100-летию со дня смерти Пушкина в здании Государственного Исторического музея при участии всех крупнейших музеев, архивохранилищ и библиотек страны, в числе которых, безусловно, был и Пушкинский Дом, предоставивший на выставку свою пушкинскую коллекцию. Спустя десятилетие, на которое пришлось годы Великой Отечественной войны, материалы выставки, дополненные другими экспонатами, поступившими в Москву по правительственному распоряжению, были переданы Пушкинскому Дому для создания на ее основе Всесоюзного музея А. С. Пушкина, и уже в начале июня 1949 года к юбилейным торжествам в связи со 150-летием великого поэта в г. Пушкине были открыты две новых экспозиции: мемориальная (в здании Лицея, восстановленного после войны) и литературная (в переданном Пушкинскому Дому здании Александровского дворца). Так сложился и получил возможности для своего дальнейшего развития уникальный музейно-культурный комплекс, история формирования которого неразрывно связана с Петербургом и Царским Селом.

1953 год открывает новую эпоху в истории Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Распоряжением Совета Министров от 16 июня 1953 года литературные музеи, входившие ранее в систему Академии наук СССР, были переданы Министерству культуры СССР. В дальнейшем весь музейный пушкинский комплекс, включая Музей-Лицей, Музей-квартиру А. С. Пушкина, Музей-квартиру Н. А. Некрасова, а также временно входящий в него Пушкинский заповедник (Михайловское) Псковской области, будет называться Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

Всероссийский музей А. С. Пушкина бережно хранит, приумножает и делает широким достоянием российской публики собранные усилиями многих выдающихся деятелей русской культуры, науки и скромных хранителей-энтузиастов, несомненно, лучшую в мире пушкинскую коллекцию, равной которой по своему значению и уникальности нет ни в одном из музеев нашей страны и за ее пределами. Музей владеет самой полной коллекцией личных вещей поэта, членов его семьи, близких и родных, знаменитых его современников.

С 17 по 20 октября 2004 года в Санкт-Петербурге прошли торжества, посвященные 125-летию юбилею Всероссийского музея А. С. Пушкина.

18–20 октября в филиалах музея: Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени, Музее-Лицее, а также в конференц-зале на Мойке, 12, была проведена юбилейная научная конференция «Старейший Пушкинский музей России» (к 125-летию Всероссийского музея А. С. Пушкина). В работе конференции активное участие приняли сотрудники Пушкинского Дома РАН, архивов, библиотек, научных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, крупнейших пушкинских музеев-заповедников, а также представители Татарстана и Украины. Конференция завершилась круглым столом «Литературные музеи на пороге третьего тысячелетия».

В рамках празднования 125-летия Всероссийского музея А. С. Пушкина был проведен очередной ежегодный лицейский фестиваль «Царскосельская осень», представленный интересной детской программой, кульминацией которой стал Лицейский бал, давший начало фестивалю. 19 октября, в день Лицейской годовщины, состоялись торжественная церемония у памятника А. С. Пушкину в Лицейском саду и праздничный литературно-музыкальный вечер в Музее-Лицее.

20 октября в Зеленом зале Всероссийского музея А. С. Пушкина на Мойке, 12, была торжественно открыта юбилейная выставка «Три эпохи музея» из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина, рассказывающая о развитии крупнейшего пушкинского музея России с 1879 года, момента основания музея при Императорском Александровском Лицее, до наших дней.

В этот же день в Российском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина (Александринском театре) состоялось торжественное заседание, посвященное 125-летию музея, и был показан спектакль по произведениям Пушкина «Маленькие трагедии». Во время торжественной акции в театре были зачитаны многочисленные поздравления и телеграммы, в том числе правительственные, полученные Всероссийским музеем А. С. Пушкина в честь юбилея. Коллектив музея приветствовали министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации А. С. Соколов, руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии М. Е. Швыдкой, представители Государственной думы, ИКОМа России, Союза музеев России.

Сегодня идет пополнение музея новыми интересными материалами; они частично уже включаются в существующие музейные экспозиции, а также станут основой новых выставок, которые будут развернуты в ближайшие годы в филиалах музея. Расширяется и совершенствуется издательская программа, выходят в свет новые альбомы, путеводители, сборники научных трудов, альманахи «Пушкинский музей». Регулярно проводимые научные конференции собирают авторитетную аудиторию известных ученых из Москвы, Петербурга и других городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Все это свидетельствует об огромном музейно-научном потенциале Всероссийского музея А. С. Пушкина, о том, что старейший в стране пушкинский музей и сегодня занимает особое место среди многочисленных музеев поэта, разбросанных по всей России.

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРСКОГО ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО (АЛЕКСАНДРОВСКОГО) ЛИЦЕЯ

Л. Б. Михайлова

«...РАВНЯЕТСЯ
С РОССИЙСКИМИ
УНИВЕРСИТЕТАМИ»

Университетские профессора —
наставники лицейстов

Санкт-Петербург, основанный в 1703 году по замыслу Петра I, должен был стать новой столицей Российской империи. Преобразования Петра дали стремительное ускорение развитию всех сторон социально-политической, в том числе и культурной, жизни государства. Ни в одной другой европейской стране не происходило тогда таких бурных перемен в духовной жизни общества, а именно в сфере образования, науки, философской мысли, искусства, такой ломки и борьбы устаревшего мировоззрения с нарождающимися новыми понятиями, с развитием национального самосознания, с ощущением причастности к общеевропейским проблемам культурного развития, как в России.

Санкт-Петербург можно считать своеобразным символом и продуктом этих преобразований эпохи Просвещения. По мере того как основанный царем-реформатором город приобретал парадный вид блистательной северной столицы, обустривался и разрастался, он становился не только центром политической и административной жизни, но и центром образования, науки и культуры.

Спустя почти четверть века после основания города Петр принял решение об учреждении Академии наук, о «прииске из русских, кто учен и к тому склонность имеет»¹.

Учрежденная петровским указом в январе 1724 года, Академия наук оказала значительное влияние на быстрый и эффективный рост научной мысли России. Петербургская Академия наук с гимназией и университетом при ней, о которых мечтал поборник просвещения Петр, в дальнейшем способствовала созданию крепкой научной базы, формированию русского ученого сословия.

С начала XVIII века образование последовательно развивалось в обеих столицах. В Москве и Петербурге открывались цифирные, математические, навигацких наук, инженерные и артиллерийские школы. Время требовало подготовки более образованных и просвещенных людей. В 1715 году в Петербурге была основана Морская академия, ставшая спустя сорок лет Морским шляхетным корпусом. Необходимость открытия этого учебного заведения была напрямую связана со становлением русского военно-морского флота; немного позднее появились Артиллерийская школа (1730) и Сухопутный шляхетный корпус (1732). Эти образовательные заведения определили не только учебное, но и культурное «лицо» Санкт-Петербурга. Шляхетный корпус прославился, в частности, своим театром, литературным журналом, где демонстриро-

вались достижения совместного творчества преподавателей и кадетов. Танцевальная школа (1738) воспитывала юных актеров для столичных театров.

Каждый российский государь считал своим долгом заботиться о просвещении сограждан. Императрица Елизавета Петровна основала Пажеский корпус (1759), Екатерине II мы обязаны учреждением Смольного института (1764), открытием в Петербурге горного училища (1774), которое со временем превратится в первое высшее техническое учебное заведение России — знаменитый Горный институт. Серьезный вклад сделал в 1799 году Павел I, преобразовав медицинскую школу в Медико-хирургическую академию.

Эпоха Александра I также была отмечена рядом очень важных для России событий, которые по своей значимости могут быть сравнимы с Петровскими реформами: учреждение министерств, среди которых одним из первых создается Министерство народного просвещения; создание учебных округов с университетскими центрами; новый университетский устав, предоставивший университетам обширные права, и прежде всего свободу преподавания; открытие формистерского училища, ставшего позднее Межевым лесным институтом (1803); Педагогического института, повышающего престиж учителя (1804); института, остававшегося в течение чуть ли не всего XIX столетия единственным институтом по подготовке инженерных кадров, — Корпуса инженеров путей сообщения (1809); наконец, Петербургский университет, — все эти заведения способствовали развитию национальной русской культуры. Мероприятия, проводимые правительством, очень созвучны замыслам, высказанным императором: «...в числе первых упражнений, мне промыслом предназначенных, считаю я нравственное образование юношества благородного...»².

Истории Царскосельского, а позднее Александровского Лицея, посвящено множество книг, статей, публикаций, сама эта тема казалась уже исчерпанной.

Данная статья — попытка рассмотреть еще один аспект лицейской жизни, прояснить, что скрывается за лицейским положением о равенстве с Петербургским университетом, ведь еще в начале XIX века в документах, данных Лицею Александром I, указывалось: «Лицей в правах и преимуществах своих совершенно равняется с российскими университетами»³.

Император Александр I учредил новый тип учебного заведения — лицей.

Императорский Лицей (1811) в Царском Селе всегда привлекал к себе пристальное внимание. Государственные деятели, литераторы, историки, педагоги проявляли исключительный интерес к «школе высших наук». Он был вызван несколькими причинами: во-первых, Царскосельский Лицей — единственное учебное заведение, поставившее своей целью «образование юношества, особенно предназначенного к важнейшим частям службы государственной»⁴. За сравнительно непродолжительный период обучения (6 лет) учащиеся Лицея получали широкое общее образование, приравненное к университетскому, позволявшее выпускникам поступать на службу в различные министерства, в армию и на флот. Во-вторых, среди первых выпускников был поэт А. С. Пушкин, мировоззрение которого сформировалось в период обучения в Лицее. Исследователи, изучавшие биографию поэта, в той или иной степени касались лицейской темы, лицейского способа преподавания и людей, которые были рядом с Пушкиным и его товарищами во времена их отрочества и юности.

Непосвященному читателю кажется, что Царскосельский Лицей просуществовал сравнительно недолго, порой хронологические рамки вообще ограничиваются первым пушкинским курсом. Если обратиться к истории этого учебного заведения, то царскосельский период Лицея закончился в 1843 году. Указом императора Николая I (который, кстати, сам мог быть среди воспитанников первого пушкинского курса) Лицей был пе-

реименован в Александровский и переведен в Санкт-Петербург, на Каменноостровский проспект⁵.

Александровский Лицей, давший России многих видных ученых, государственных деятелей, военных, учебное заведение, в стенах которого был основан первый пушкинский музей, прекратил свое существование в феврале 1918 года.

Долгие годы история Александровского Лицея умалчивалась, фамилии выпускников оставались малоизвестными, хотя именно в Александровском Лицее в полной мере была достигнута цель, которая ставилась при учреждении этого учебного заведения. Александровский Лицей дал России целую плеяду видных государственных деятелей: двух министров иностранных дел (А. Б. Лобанова-Ростовского и С. Д. Сазонова), двух министров народного просвещения (А. С. Сабурова и Л. М. Фон-Кауфмана), министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, министра финансов, председателя совета министров В. Н. Коковцова, последнего председателя совета министров Российской империи князя Н. Д. Голицына.

Список знаменитых выпускников Александровского Лицея можно продолжить, но хотелось бы обратить особое внимание на преподавателей этого учебного заведения, деятельность которых увенчалась такими замечательными результатами.

Первый биограф А. С. Пушкина П. В. Анненков впервые отметил высокий профессиональный уровень наставников Царскосельского Лицея. Имена таких преподавателей, как Н. Ф. Кошанский, А. П. Куницын, И. К. Кайданов, Я. И. Карцов, позднее А. И. Галич и др., свидетельствуют о стремлении императора обеспечить Лицей лучшими представителями науки того времени.

Куницын, Кайданов, Карцов — «отличнейшие студенты Педагогического института, довершившие свое образование в чужих краях»⁶. Как свидетельствовал П. В. Анненков, «ни за ними, ни около них мы не видим, в 1811 году, ни одного русского имени, которое бы имело более прав на звание образцового преподавателя, чем эти, тогда еще молодые, имена... Все было предусмотрено и намечено как в уставе, так и в приложении устава и осуществлении его, для того чтобы дать Лицею значение соперника лучших учебных заведений Европы»⁷.

Таким оставался Лицей и в последующие годы. Огромная заслуга в этом принадлежала профессорско-преподавательскому составу. На смену первым наставникам пришли другие, с Александровским Лицеем связаны имена известных ученых, преподававших здесь, — академиком Я. К. Грота, Н. А. Котляревского, знаменитого юриста А. Ф. Кони, историка В. И. Семевского, математика П. Л. Чебышева и многих других. По сложившейся традиции крупнейшие ученые, специалисты занимались преподавательской деятельностью, сотрудничали с институтскими, университетскими кафедрами, что благотворно сказывалось на подготовке сильной научной смены. Так случилось, что в последующие годы большинство лицейских преподавателей были неразрывными узами связаны с Санкт-Петербургским университетом, который лидировал среди столичных учебных заведений как крупнейший научный и учебный центр.

Студент университета, помощник профессора, адъюнкт, профессор университета, профессор Александровского Лицея — такой жизненный путь был характерен для многих лицейских наставников.

Девятнадцатилетним юношей за год до первого пушкинского выпуска пришел в Царскосельский Лицей Иван Петрович Шульгин (1795–1869). Уроженец Костромской губернии, он рано лишился родителей; по окончании гимназии в Костроме поступил в Санкт-Петербургский педагогический институт.

Годы ученичества в институте были очень похожи на студенческую пору первых лицейских наставников — Куницына, Кайданова, Карцева: одна *alma mater*, почти нищенское существование, постоянный поиск частных уроков, порой единственного средства к существованию, репетиторство с отстающими товарищами. Поэтому с такой радостью и надеждой было воспринято Шульгиным приглашение к преподаванию истории и географии на младшем курсе пансиона Царскосельского Лицея. Вместе с преподавательской деятельностью Шульгин, так же как С. Г. Чириков и П. Е. Георгиевский, должен был совмещать обязанности гувернера для младших воспитанников.

Только спустя два года, по представлению конференции Лицея, он будет утвержден в звании помощника профессора исторических наук, но не прекратит выполнять обязанности гувернера. В 1821 году, освободившись от этих обязанностей, Шульгин сосредоточился на преподавательской деятельности для обоих курсов — старших и младших: он читал статистику и географию.

Уже в первые годы службы в Царскосельском Лицее Шульгин приобрел репутацию опытного, способного наставника, сумевшего завоевать расположение лицеистов всех возрастов. Его молодость, ум, добрый нрав снискали ему привязанность многих товарищей Пушкина. Если принять во внимание тот факт, что Шульгин по возрасту был лишь несколькими годами старше воспитанников — И. В. Малиновского и В. К. Кюхельбекера, то неудивительно, что его воспринимали как товарища, друга, приятеля, а не строгого наставника. Об этом пишет и А. А. Дельвиг в лицейском послании «К Шульгину»:

...Прощай, приятель! От поэта
Возьми на память пук стихов...
...Бог весть, увидим ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Как обнимусь тогда с тобой!
Рука сама отыщет руку...⁸

Дельвиг был не одинок в проявлении теплых чувств к *alma mater*, поэтические строки посвятили своему наставнику лицеисты Павел Гревениц и Вильгельм Кюхельбекер.

Казалось, судьба навсегда связала Шульгина с Лицеем: он был помощником профессора, известного в то время И. К. Кайданова, автора многократно переиздававшихся тогда учебников истории, адъюнктом, а в 1833 году получил звание профессора. Перед ним прошло несколько поколений лицеистов. В сохранившихся воспоминаниях А. Н. Яхонтова⁹, поэта, литератора, многолетнего директора Псковской гимназии, К. С. Веселовского¹⁰, бессменного секретаря Академии наук, М. А. Белухи-Кохановского¹¹, Я. К. Грота¹², Шульгину и его лекциям посвящено много проникновенных теплых слов.

Воспитанники ценили его не только за спокойный, доброжелательный характер, но и за умение свободно, доходчиво излагать трудный материал. По воспоминаниям лицеиста IV курса выпуска 1826 года М. А. Белухи-Кохановского, отведенное для занятий время пролетало мгновенно. Шульгин умел выделить главное, излагал материал «увлекательно, живым словом, всегда без помощи каких-либо записок, мы на лету записывали его лекции...»¹³

Именно Шульгину обязан своим увлечением географией и историей золотой медалист, будущий академик, писатель Я. К. Грот. Спустя годы он возглавил кафедру русского языка, словесности и истории в Александровском университете Финляндии. Я. К. Грот вспоминал, что его общение с лицейским профессором продолжалось спустя

многие годы после окончания Царскосельского Лицея: «Я посещал его на дому и ходил иногда слушать его университетские лекции по истории (когда университет еще был в Семеновском полку)»¹⁴.

Прожив жизнь и многое повидав, с чувством глубокого уважения вспоминал о Шульгине К. С. Веселовский. В его записках дана, пожалуй, самая подробная характеристика лицейского наставника: «Иван Петрович Шульгин был наиболее любимым нашим профессором. Человек с прямым, открытым характером, он невольно располагал к себе; в своих сношениях с воспитанниками проявлял душевную приветливость и сердечное радушие. Он был замечательно умен, талантлив и, любя свой предмет и хорошо владея им, всегда умел оживлять свое изложение не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактов. Его лекции были в числе тех, которые наиболее врезались в память и обогащали понятия слушателей. <...>

Не знаю, готовился ли он к каждой лекции, он читал ее всегда свободным словом, не имея перед собою никаких записок, и я, увлекаясь столько же предметом, сколько и изяществом изложения его, усердно записывал за ним... Он говорил очень внятно, не торопясь, мерною и плавною речью...»¹⁵.

Блестящие успехи воспитанников, прекрасные рекомендации позволили Шульгину преподавать не только в Лицее. С 1826 года он читал историю в гардемаринских классах Морского кадетского корпуса, в Обществе благородных девиц — географию для слушательниц выпускных курсов, преподавал в Главном инженерном и Артиллерийском училищах, Пажеском корпусе, Школе гвардейских подпрапорщиков, а с момента утверждения профессором в Лицее в 1833 году — на кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета. В 1836 году Шульгин в том же звании возглавил кафедру истории университета и стал деканом факультета, а вскоре его избрали на должность ректора университета. Обширную педагогическую деятельность в ведущих учебных заведениях Петербурга с большим трудом ему удавалось совместить с утомительными, требующими много времени и сил переездами из столицы в Царское Село. Невозможность совмещать эти занятия стала одной из причин, по которой Шульгин покинул Лицей, хотя с этим учебным заведением его связывали многие годы плодотворной деятельности, ведь именно в Лицее, собственно, и произошло его становление как педагога.

Прекрасная репутация знающего и требовательного наставника способствовала тому, что Шульгина пригласили для чтения курсов географии, истории, статистики России к великому князю Константину Николаевичу, а позднее к великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам. Служба в университете продолжалась почти десять лет. Шульгину удалось сделать очень много для процветания этого учебного заведения. При нем был осуществлен переезд университета на Васильевский остров, в здание Двенадцати коллегий. Ректорство в университете требовало огромных сил, физических и душевных, порой отвлекало от собственно преподавательской деятельности. Нужно было быть искусным дипломатом, чтобы направить преподавательские силы, — а среди коллег Шульгина были люди много старше его, опытнее, — к одной общей цели — образованию и воспитанию студенчества. Начинания нового ректора не всегда находили поддержку и понимание не только у высшего начальства, но и среди тех, кто еще вчера был другом и единомышленником: «...подчиненные не любят его за то, что он не особенно с ними ласков...»¹⁶. Лишь немногие сумели оценить Шульгина в должности ректора, увидеть главное, пожалуй, самое важное для человека, занимающего такую высокую должность: «...он не способен к лести и искательству перед сильными»¹⁷.

Решение постоянных не только педагогических, но и хозяйственных задач сделало Шульгина человеком сосредоточенным, порой раздраженным, и, как вспоминал один из студентов, «сурово было его выражение некрасивого лица и неприветливо обра-

щение со студентами»¹⁸. Несмотря на бросающуюся в глаза неприветливость, ректор всегда оставался объективным и беспристрастным при переводе студентов на высшие курсы, при раздаче ученых степеней, был ярким врагом «нечистого духа» в научном и нравственном отношениях.

Трудно с определенностью сказать, какие причины побудили Шульгина оставить университет и вновь вернуться в Лицей. Он вернулся в 1841 году и служил в Александровском Лицее почти до самой смерти. Шульгина по праву называли «живой историей Лицея», ведь с небольшим перерывом он отдал этому учебному заведению почти пятьдесят лет своей жизни, в стенах Лицея он получил почетное звание заслуженного профессора.

В Александровском Лицее среди воспитанников Шульгина был и будущий педагог, много сделавший для развития земских школ, Н. А. Корф¹⁹, который в своих записках вспоминал о наставнике с чувством огромной благодарности. «...Курс его (Шульгина. — Л. М.) имел большое значение для моего развития», — писал Корф. «Шульгин начинал с весьма полного изложения данных из прекрасной книги Гизо "История цивилизации в Европе". В то время, когда я слушал Шульгина, я выносил самое сильное впечатление от того, что впервые для меня выяснялось, преемственность и связь между различными фазисами развития человечества; впервые выступали для меня причинность и взаимная зависимость исторических событий»²⁰.

Профессор Шульгин по праву пользовался заслуженной известностью как педагог, требовательный и объективный наставник. Им было подготовлено не одно поколение знающих и, что очень важно, деятельных воспитанников. Чтение лекций профессор совмещал с написанием ряда книг, ставших учебными пособиями для многих поколений учащейся молодежи. Им был написан двухтомный курс «Всеобщей географии», «Изображение характера и содержания новой истории», к которой позднее добавится «Изображение характера и содержания истории средних веков». Эта монография будет представлена к рассмотрению и удостоена половинной суммы Демидовской премии от Академии наук. Шульгин составил подробный план преподавания «Всеобщей и русской истории» в четырех томах и ряд других работ.

Вершиной популярности, зенитом славы для Шульгина были 1830–1840-е годы. Лицеист А. А. Харитонов²¹ вспоминал, что тогда на лекциях Шульгина воспитанники читали Адама Смита, Шторха, пытались самостоятельно составлять записки из статьи общей и русского государства, боялись пропустить что-то из объяснений профессора, — «ловя слова его на лету, так как он говорил скоро, не останавливаясь. Он заставлял нас работать с особенным рвением», — дополняет А. Н. Яхонтов²². Тем же, кому довелось учиться в Лицее позднее, слушать профессора в конце 1850-х годов, чаще приходилось искать ответы на интересующие их вопросы лишь в книгах наставника: «Шульгин был уже утомлен долгой педагогической деятельностью и часто манкировал лекциями», — вспоминал воспитанник Д. Ф. Кобеко²³.

Период преподавания Шульгина в Царскосельском и Александровском Лицеях — это целая эпоха лицейской жизни: ему довелось стать не только свидетелем, но и активным участником тех перемен, которые произошли в учебном заведении. Как с грустью замечал воспитанник А. Н. Яхонтов, «Лицей утратил свой первоначальный семейный характер (с репутацией либерализма). Со стороны высшего начальства проявилась наклонность к нивелированию его с прочими учебными заведениями...»²⁴. Менялась система преподавания, менялся сам дух этого учебного заведения, на смену свободе первых лицейских лет приходила казенщина и насаждение военного казарменного быта, но оставались воспитанники с неуемной жаждой знаний, находившие в лекциях и книгах профессора Шульгина ответы на многие волнующие их вопросы.

К старожилам Лицея можно отнести и еще одного наставника, чья деятельность также была связана с Петербургским университетом.

Имя Егора Васильевича Врангеля (1784–1841) было хорошо знакомо не одному поколению учащейся молодежи. Выпускник Дерптского университета, он стажировался в университетах Виттенберга и Гейдельберга.

Педагогическая деятельность Е. В. Врангеля началась в стенах недавно учрежденного императором Александром I Казанского университета, в котором с 1809 года он был адъюнктом правоведения. Благодаря широкой эрудиции, незаурядным преподавательским способностям молодой адъюнкт быстро снискал любовь и уважение казанского студенчества. Вскоре он стал секретарем университетского совета, членом экзаменационного училищного комитета.

Преобразования, затеянные М. Л. Магницким²⁵, коснулись и адъюнкта правоведения Врангеля. В августе 1819 года он был удален из университета и вынужден оставить Казань.

В Петербурге, куда Врангель переехал, служба началась с должности чиновника по особым поручениям в Комиссии по составлению законов графа М. М. Сперанского. В Лицей Врангель пришел сразу же после покинувшего его А. П. Куницына, в 1821 году. При Врангеле последовала конфискация произведений уважаемого лицейского наставника и было прекращено преподавание естественного права. Это был не лучший период в истории Царскосельского Лицея. Увольнение Куницына, «создавшего», по выражению А. С. Пушкина, первых воспитанников, запрещение его книги «Право естественное» были сочувственно восприняты преподавателями и воспитанниками. Е. А. Энгельгардт, в то время директор Лицея, в переписке с первыми выпускниками замечал: «“Естественное право” Куницына... конфисковано и запрещено как книга пагубная, разрушающая веру христианскую, расторгающая все связи семейные и государственные... Куницын от всех должностей по Министерству народного просвещения отставлен, и запрещено ему что-либо и где-либо преподавать... Жаль! Куницын умел учить и добру учил!»²⁶.

Только в 1822 году Врангелю разрешается возобновить преподавание естественного права. Одновременно с чтением лекций в Царскосельском Лицее он начал преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургском университете и Педагогическом институте, а в 1835 году, когда в Петербурге было учреждено училище правоведения, Врангеля, как знающего юриста и уважаемого преподавателя, назначили инспектором нового учебного заведения.

Иногда удивляешься поразительной работоспособности преподавателей XIX века, их любви к избранному со студенческой скамьи предмету. Как хватало сил и времени совмещать университет, где Врангель до самой смерти возглавлял кафедру русского права, а в 1836 – 1837 годах был деканом юридического факультета, училище правоведения, состоять в нескольких учебных комиссиях? При этом профессор оставался внимательным и заботливым отцом: в его большой семье было семеро детей: четыре дочери и три сына.

Преподавая в различных учебных заведениях, Врангель все-таки отдавал предпочтение Лицею, что потом верно будет подмечено Н. А. Корфом: «Лица, нам преподававшие, отличали Лицей от других учебных заведений»²⁷. Прежде всего это было связано с лицейскими традициями, необычностью этого учебного заведения. Конечно, среди лицейстов были очень разные молодые люди, не всегда подготовленные в достаточной мере к занятиям, но «между тем как юнкера и пажи того времени хвастались друг перед другом тем, кто кого перепьет и перещеголяет еще кое в чем, у нас (в Лицее. — Л. М.) хвастали тем, кто больше прочел. Твердо помню, до чего общественное мнение нашего

курса относилось пренебрежительно к тому, который мало читал»²⁸. Культ литературы, занятие литературным творчеством, любовь к книге, которые утвердили в Лицее первые воспитанники пушкинского курса, продолжали жить в Лицее в течение всего его существования.

Семнадцать лет служил Врангель в Лицее, состоял членом хозяйственного правления учебного заведения. Царскосельский Лицей он выбрал как место учебы для своих сыновей²⁹.

Семья профессора Врангеля постоянно жила в Царском Селе, и это давало возможность воспитанникам Лицея познакомиться с семьей наставника и узнать его в домашней обстановке. Профессор продолжал лучшие лицейские традиции, пропагандистом которых был Е. А. Энгельгардт. Двери его дома были гостеприимно открыты для лицестов всех возрастов. Там практиковались в немецком языке, соученики сына Василия участвовали в любительских театральных представлениях, музицировали вместе с дочерьми профессора, отдавая предпочтение камерной музыке, даже пытались разыгрывать фрагменты из популярных опер.

Спокойный, мягкий характер, доброжелательность, внимательное и доверительное отношение к воспитанникам способствовали популярности Врангеля, но эти качества не мешали ему оставаться строгим и требовательным педагогом.

Лицест А. Н. Яхонтов вспоминал: «...в третьем классе мы начали изучать законоведение — историю римского и затем историю русского права. Профессор этого предмета, барон Егор Васильевич Врангель, был типом пожилого, сухопарого немца, к которому можно было применить поговорку: “мягко стелет, да жестко спит”. Он чуть ли не наизусть знал, пандекты Юстиниана...»³⁰. Это не только мнение Яхонтова. Его соученики К. С. Веселовский, барон Б. Я. Икскуль³¹ были удивительно единодушны в оценках личностей своих наставников: «...с переходом к более высокому курсу обучения, — замечает в своих записках Б. Я. Икскуль, — обучение теперь соответствовало больше академическому: римское и русское право, география и статистика в отношении к государственной жизни народов, логика и метафизика составляли учебные предметы, к которым присоединялись история русской, немецкой и французской литературы... Мы получили вместе с новыми предметами и новых профессоров, и это было решающим. Среди них трое возбуждали у меня чрезвычайный интерес, с ними я вступил частично в личные отношения. Прежде всего профессор римского права барон Врангель, который вел также русское право. Врангель был высокообразованным, уже пожилым человеком, с любовью читал лекции и охотно помогал нам советом в работе. Также тогдашний ректор Петербургского университета профессор Шульгин умел свои географию и статистику так воодушевленно преподавать, что его уроки доставляли удовольствие и наслаждение...»³². С благодарностью Икскуль вспоминал и молодого профессора политической экономии и статистики И. А. Ивановского.

Как и большинство лицейских наставников, Врангель читал свой предмет по собственным запискам, составленным очень обстоятельно и доходчиво. Он дополнял записи устными пояснениями и, как вспоминал К. С. Веселовский: «при всей сухости этих предметов (римское и русское право. — Л. М.) профессор умел деловитостью изложения возбуждать в нас интерес к ним, и его лекции, конечно, принадлежали к числу тех, которые принесли нам наибольшую пользу»³³.

Профессор Врангель был из числа тех преподавателей, которые «самозабвенно», по мнению воспитанников, посвящали всех желающих в тайны преподаваемых им дисциплин.

Среди лицейских наставников, оставивших огромный след в сердцах и памяти воспитанников, особое место принадлежит и Петру Давидовичу Калмыкову (1808–1860).

Выдающийся профессор права, Калмыков воспитал несколько поколений русских юристов.

П. Д. Калмыков происходил из небогатой дворянской семьи Московской губернии. В пятилетнем возрасте он остался сиротой, заботу о нем взяли на себя дальние родственники, которые и определили подростка в 3-ю петербургскую гимназию. Эта была единственная тогда в столице строго классическая гимназия с преподаванием двух древних языков. Уже в гимназии Калмыков проявлял интерес к классической филологии, увлеченно занимался в классе русской словесности. По окончании гимназии в 1827 году Калмыков поступил на философский факультет Санкт-Петербургского университета. Университет переживал тогда не лучший период своего существования. В 1820-е годы правительство запретило всякое свободомыслие, особым гонениям подверглась кафедра философии. А. П. Куницын был уволен из университета с запрещением преподавать в учебных заведениях Министерства просвещения, такая же участь вскоре постигла и других профессоров: Э.-В. Раупаха, К. И. Арсеньева, К. Ф. Германа, на другую должность предложено перейти хорошо известному в Лицее А. И. Галичу. Репрессивные меры, принятые правительством, затормозили развитие отечественной философии.

Еще в студенческие годы формируются в сознании Калмыкова те мысли и настроения, которые характеризовали его в дальнейшем. Он был известен как ярый противник насилия, в каком бы виде оно ни проявлялось, всяческого попираания человеческого достоинства.

В первые месяцы учебы молодой, но способный студент обратил на себя внимание. Наряду со старшекурсниками первокурсник Калмыков был допущен до сдачи экзаменов, дающих право учиться в Дерптском университете. Трехгодичный курс обучения позволял затем стажироваться в лучших университетах Европы. Самый молодой из отправившихся в Дерпт студентов, он и там заслужил право называться лучшим. Упорство, настойчивость, любознательность, поразительная работоспособность позволили ему уже через год отправиться за границу для продолжения учебы. Калмыков слушал лекции Шеллинга, Гегеля, Савиньи, Ганса, Эйхгорна. Последний произвел на талантливое студента особое впечатление; спустя годы Калмыков написал воспоминания о своем наставнике³⁴.

Вернувшись в Петербург после окончания учебы, Калмыков без представления диссертации, только по выдержанным экзаменам и защите тезисов, был признан доктором права и в 1835 году получил назначение в Санкт-Петербургский университет профессором на кафедру энциклопедии законоведения и русского государственного права.

Свою профессорскую деятельность Калмыков начал в то время, когда теория права фактически не существовала. Его лекции по энциклопедии права были проникнуты строго философским характером, являлись своего рода откровением. Высокую оценку деятельности Калмыкова-преподавателя не раз давал М. М. Сперанский, присутствовавший на этих лекциях.

Университетское преподавание открыло перед ним двери многих других учебных заведений, среди которых было и недавно учрежденное училище правоведения. Один из воспитанников училища так вспоминал о своем наставнике: «Всегда серьезный, почти мрачный, но изысканно вежливый и деликатный, он поражал нас сдержанно-страстным отношением к своему предмету, выражавшимся во всем — в голосе, в тоне, в образной речи, в пафосе, с которым он говорил об уважаемых им ученых, или восставал против несимпатичных ему форм уголовной кары (например, против смертной казни, против телесного наказания и наложения клейм). Это последнее в тогдашнее время было не

совсем безопасно для профессора, но Калмыков не останавливался перед подобными соображениями»³⁵.

Возможно, в чем-то профессор использовал некоторые театральные приемы с повышением голоса, мимикой, прибегал к излишне напыщенной дикции, «любил выражаться высокопарно», как замечал Д. Ф. Кобеко, но многое из его лекций врезалось в память слушателям, заставляло их мыслить иначе и понимать, что не все так безоблачно в окружающем их мире. «Учились мы у Калмыкова усердно и довольно успешно, — вспоминает юный правовед, — уголовное право было единственным предметом, по которому мы вынесли из училища не бессвязные отрывки знаний, а нечто стройное и целое»³⁶.

Лекции профессора Калмыкова запомнились не только воспитанникам училища правоведения. Среди тех, кто с благодарностью вспоминал наставника, были и университетские студенты, хотя студенчество было отнюдь не однородно; как отмечал выпускник университета, а в будущем преподаватель А. В. Никитенко, «не все молодые люди были одушевлены одинаково любовью к науке. Часть студентов учится только для аттестата, следовательно, учится слабо. Конечная цель для них не нравственное и умственное самоусовершенствование, а чин, без которого у нас нет гражданской свободы»³⁷. Для тех же, кто не был захвачен «чинобесием» (как говорили тогда), кто хотел учиться, Калмыков был одним из авторитетнейших университетских наставников. «... Кто из бывших в университете не помнит, с каким настроением он входил в первый раз в аудиторию, кто с напряженным вниманием не следил за профессором, стараясь не проронить ни одного его слова! На кафедре не столько профессор, сколько величественный жрец. Калмыков — человек огромной учености, а главное, очень строг на экзаменах», — так вспоминал о наставнике студент Л. Ф. Пантелеев³⁸. Слушатели прежде всего выделяли ясность и простоту изложения: о сложных вещах профессор говорил доходчиво и просто. Прекрасное знание классических языков и литературы, цитирование античных авторов, эффектные паузы, живые жизненные примеры превращали эти лекции в моноспектакль. Своей блестящей эрудицией, разносторонними взглядами он завоевал любовь и уважение студенчества, и все это совмещалось у профессора с удивительной терпимостью и доброжелательностью. Величественная наружность, спокойный, размеренный шаг, внутренняя сдержанность Калмыкова делали его похожим на представителей русской науки XVIII века. Студент университета Ф. Н. Устрялов, сын университетского профессора истории Н. Г. Устрялова, вспоминал, что «Петр Давыдович как-то невольно заставлял нас вспоминать о Хераскове, М. В. Ломоносове и прочих старинных представителей науки и знаний. Его изречения запоминались студентами и повторялись между собой»³⁹.

Свою преподавательскую деятельность в Александровском Лицее Калмыков начал в 1851 году. Он был приглашен на должность частного преподавателя истории и отечественного права и служил в Лицее до своей смерти.

Калмыкову не надо было предпринимать каких-то особых шагов для сближения с воспитанниками — это произошло быстро и естественно. Лекции профессора воспринимались в Лицее с таким же интересом, как и в университетских аудиториях. Жадная до новых книжных новинок лицейская молодежь нашла в лице Калмыкова осведомленного собеседника и советчика. Н. А. Корф вспоминал, как благодаря вмешательству наставника ему удалось получить книгу с произведениями Л. Фейербаха, которую инспектор Лицея не решался самостоятельно выдать воспитаннику. Профессор сумел доказать инспектору, что книга имеет ближайшее отношение к теории права и необходима для занятий.

О Калмыкове с благодарностью вспоминали не только студенты Петербургского университета, но и лицеисты, молодые правоведы. Наставнику удалось добиться главного: он научил своих учеников самостоятельно мыслить и работать, они выходили из его аудиторий не только со знанием, но и с удовольствием проведенного времени, но и порой с тяжелым чувством чего-то неладного в окружающем их мире.

В 1840–1850-е годы только отдельные профессора и преподаватели не совмещали чтение лекций в Петербургском университете и преподавание в Александровском Лицее. Между университетом и Лицеем в то время уже существовала довольно прочная связь. Связь эта заключалась не только в том, что многие лицейские наставники были студентами университета, а затем и преподавателями *alma mater*, но и в том, что отдельные воспитанники Лицея по окончании курса слушали и лекции в университете⁴⁰.

Воспитанникам Александровского Лицея выпало счастье слушать лекции по истории и другого выдающего профессора — Василия Васильевича Бауэра (1833–1884). В течение двадцати лет Бауэр обращался с лицейской кафедры к новым поколениям лицеистов. Историк, профессор Петербургского университета, Александровского Лицея, Петербургских высших курсов, он получил первоначальное образование в знаменитой 3-й петербургской гимназии, выпустившей из своих стен не одно поколение будущих ученых и исследователей. Затем учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где стал одним из лучших студентов знаменитого профессора М. С. Куторга и по окончании учебы был удостоен серебряной медали.

Защита докторской диссертации по теме «Эпоха древней тирании в Греции» осенью 1863 года позволила Бауэру занять должность штатного доцента в университете, в 1866 году он стал ординарным профессором на кафедре всеобщей истории. Почти двадцать пять лет он был деканом исторического факультета университета, совмещая работу в университете с преподавательской деятельностью в Лицее.

Биография Бауэра не богата какими-то внешними событиями, о нем можно сказать фразой «учился и учил».

В Александровском Лицее он читал курс древней истории — греческой и римской, а позднее новую историю, к которой имел особую склонность. В «Памятной книжке Александровского Лицея на 1886 год» благодарные воспитанники написали о нем: «Он впервые поставил этот отдел исторического преподавания на прочную основу... выработав серьезный и систематический курс новой истории, и затем не переставал держать свое преподавание на уровне современного научного движения в этой области»⁴¹.

Профессор не был только кабинетным ученым. Сопровожда великих князей, сыновей великой княгини Марии Николаевны, он побывал во многих европейских государствах, совмещая поездку со стажировкой у известных историков Германии.

Бауэр испытывал особое влечение к немецкой истории, его интересовал период реформации в Германии. Читая курс лекций студентам и лицеистам, профессор не просто излагал какие-то исторические факты, он обращал внимание на внутреннюю, философскую сторону тех или иных исторических событий, на их причинную связь. Кроме общих обязательных курсов он самостоятельно разрабатывает специальные: «О первых книгах Тита Ливия» и «Об Аристотелевом сочинении о государстве».

Иногда кажется, что человек, погруженный в историческую науку, должен быть в стороне от жизни сегодняшней, от событий того времени, в котором он живет, но с Бауэром этого не произошло. Он был одним из самых активных членов совета Лицея, и его мнение порой было решающим в принятии тех или иных решений. Он с живым участием и интересом относился к лицейским проблемам, к нуждам лицеистов, умел слушать и считаться с чужим мнением. Главными для него в конфликтных ситуациях были польза и благо Лицея. Спокойно, бесстрастно, без излишних эмоций, в духе при-

мирения наставник доказывал необходимость принятия тех или иных важных, на его взгляд, решений, имея в виду только правду и интересы учебного заведения, которому было отдано двадцать лет жизни.

В 1860-е годы университет открыл свои двери для всех желающих; в то время не требовали записи в вольнослушатели, можно было просто посещать интересующие лекции. В аудиториях сидели воспитанники Римско-католической духовной академии, Александровского Лицея, чиновники, офицеры, особенно из высших военных учебных заведений. Нередко рядом с молодыми людьми появлялись известные литераторы, учителя, профессора других учебных заведений, люди весьма преклонного возраста, почтенные, занимавшие высокие посты. Такой разнообразный состав слушателей требовал особого искусства в изложении материала от читающего курс профессора.

Бауэр полностью соответствовал этим требованиям, он был прекрасным лектором. Свои курсы и каждую лекцию в отдельности он тщательно обдумывал заранее, заботясь о стройности и ясности изложения, демонстрировал результаты своего изучения и своих размышлений с искренним и неподдельным одушевлением. Это умение доходчиво, живо, эмоционально излагать материал привлекало слушателей. На его занятиях невозможно пассивно, автоматически записывать слова профессора; в каком бы учебном заведении он ни преподавал, слушатель невольно втягивался в дискуссию, с искренним и неподдельным одушевлением реагируя на услышанное. Один из учеников профессора Бауэра, граф А. А. Мусин-Пушкин⁴², позднее написал: «Василий Васильевич умел ясно, вполне наглядно для студента представить полную, законченную картину исторического явления, проследить его с самого зародыша, с первых признаков его возникновения и довести последовательно, через все фазисы его развития, до его упадка, до смены его новым явлением, исторически вытекающим из явления предшествующего»⁴³.

Лицейский наставник, отдавший Лицею двадцать лет — с 1864 по 1884 год, продолжал традиции, которыми всегда славилось это учебное заведение. Он не ограничивал общение с лицеистами только учебными часами, двери его дома гостеприимно были открыты для всех, независимо от успеваемости, его посещали и лучшие ученики, и те, кто просто хотел побыть в домашней обстановке, на некоторое время оставив казенный Лицей. В эти встречи особенно было видно благородство, необыкновенные душевные качества профессора, его умение понимать молодежь и ее проблемы. Несмотря на немецкое происхождение, Бауэр был и оставался русским человеком, которого волновала судьба России, ставшей ему родной.

Преподавательская деятельность не мешала Бауэру заниматься исследовательской работой. В разные годы им были написаны статьи «О преподавании истории в германских университетах», «Разбор сочинений Поссельта о Лафортте», «Сношение России с императорами Священной Римской империи в конце XV — начале XVI веков» и др.

Самым лучшим свидетельством того, каким учителем был профессор Бауэр, явился тот факт, что после его смерти его ученик, граф А. А. Мусин-Пушкин, издал лекции, прочитанные наставником. Новое поколение учащейся молодежи получило возможность заниматься по «Лекциям по новой истории профессора В. В. Бауэра» (СПб., 1886).

С 1820-х годов связь Лицея с Петербургским университетом постепенно крепла. Она заключалась не только в том, что из университета вышли многие лицейские наставники, но прежде всего в том, что в крупнейшем учебном и научном центре, каким являлся Петербургский университет, училось не одно поколение воспитанников Лицея.

В конце 1880-х годов старший курс Александровского Лицея занимался практически по программе юридического факультета, хотя лицейская программа оставалась более обширной и разносторонней.

Анализируя педагогическую деятельность И. П. Шульгина, Е. В. Врангеля, П. Д. Калмыкова, В. В. Бауэра, мы видим, что эти корифеи отечественной науки проявили себя как самые уважаемые наставники и в университете, и в Лицее. Одни и те же наставники, почти одинаковые учебные предметы, часы, потраченные на их преподавание, свидетельствуют о том, что выпускники Лицея по своему уровню подготовки ни в чем не уступали студентам университета.

Не только учебный процесс сближал воспитанников этих учебных заведений. Дружеские, доверительные отношения между лицеистами и студентами делали связь Лицея и университета особенно тесной.

«В университете совсем другой дух: там — жизнь...»⁴⁴ — писал Л. Ф. Пантелеев, один из студентов 1860-х годов. Действительно, русское студенчество всегда чутко относилось к ходу общественной жизни, особенно тогда, в «эпоху великих реформ»: первые студенческие волнения осенью 1858 года, ставшие особенно мощными осенью-зимой 1861–1862 года, первые столкновения прогрессивного студенчества с полицией, попытки студенческого самоуправления и корпорации, публичные диспуты и появление в учебных аудиториях среди слушателей первых женщин. Последнее было воспринято основной массой студентов и университетскими профессорами совершенно естественно. Многие сочувственно относились к стремлению мыслящих женщин получить высшее образование.

Отдельные элементы этой новой жизни, прежде всего увлечение прогрессивными идеями, проникали и в стены Александровского Лицея. Среди воспитанников и выпускников Лицея — те, кто в разные годы «состоял в сношениях с лондонскими пропагандистами», А. И. Герценом и Н. И. Огаревым, были соратниками Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, входили в число создателей первых молодежных, революционных студенческих организаций.

Таким образом, в начале XIX века Лицей «в правах и преимуществах своих совершенно равняется с российскими университетами», а к началу XX века считается и одним из самых либеральных учебных заведений Петербурга.

Примечания

¹ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 49.

² Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея. СПб., 1861. С. 15.

³ Бауэр В. В. Лекции по новой истории. СПб., 1886.

⁴ Грамота, пожалованная Императорскому Лицею Императором Александром I 22 сентября 1811 года. Пг., 1916. С. 1.

⁵ Лицей разместился в здании Александрийского сиротского приюта. Современный адрес: Каменноостровский проспект, д. 21. Здание сохранилось.

⁶ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 31–32.

⁷ Там же.

⁸ Дельвиц А. А. К Шульгину // Дельвиц А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 128.

⁹ Яхонтов Александр Николаевич (1820–1890), выпускник IX курса Царскосельского Лицея (1832–1838); директор Псковской гимназии, занимал должности по дворянским и земским выборам, камергер, действительный статский советник, занимался литературным трудом. Автор записок о Лицее.

¹⁰ Веселовский Константин Степанович (1819–1901), выпускник IX курса Царскосельского Лицея (1832–1838); окончил Лицей с золотой медалью. Экономист, статистик, географ, непрременный секретарь Академии наук. Автор записок о Лицее.

¹¹ Белуха-Кохановский Михаил Андреевич (?–1891), выпускник IV курса Царскосельского лицея (1820–1826). Окончил Лицей с серебряной медалью. Почетный мировой судья. Автор записок о Лицее.

¹² Грот Яков Карлович (1812–1893). Выпускник IV курса Царскосельского Лицея (1826–1832). Окончил Лицей с золотой медалью. Филолог, переводчик, профессор Гельсингфорского университета, профессор Александровского Лицея, академик. Автор записок о Лицее.

¹³ *Белуха-Кохановский М. А.* Воспоминания Царскосельского лицеиста IV курса. 1820–1826 гг. // Русская старина. 1890. Т. 65. Кн. 3. С. 841.

¹⁴ *Грот Я. К.* Автобиографические заметки // Я. К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 16. Большая часть аудиторий университета тогда помещалась на углу Кабинетной улицы, напротив казарм Семеновского полка. Ныне угол улицы Звенигородской и улицы Правды. Здание не сохранилось.

¹⁵ *Веселовский К. С.* Воспоминания о Царскосельском Лицее. 1832–1838 // Русская старина. 1900. Т. 104. № 10. С. 12.

¹⁶ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1: 1826–1857. С. 192.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Яхонтов А. Н.* Воспоминания бывшего студента. Петербургский университет полвека назад // Русский архив. 1888. Кн. 3. № 9–12. С. 125.

¹⁹ Корф Николай Александрович, барон (1834–1883). Выпускник XX курса Александровского Лицея (1848–1854). Окончил Лицей с серебряной медалью. Педагог, методист начального обучения, организатор земских школ. Автор записок о Лицее. Принадлежал к лицейской династии Корфов: его отец А. Корф воспитывался в Лицейском Благородном пансионе; родной дядя, М. А. Корф, — соученик А. С. Пушкина.

²⁰ *Корф Н. А.* Из пережитого // Русская старина. 1884. Т. 42. Кн. 4–6. С. 378.

²¹ Харитонов Алексей Александрович (1816–1896). Воспитанник VII курса Царскосельского Лицея (1829–1835). Действительный тайный советник сенатор. Автор записок о Лицее.

²² *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 113.

²³ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918). Воспитанник Александровского Лицея XXI курса (1850–1856). Закончил Лицей с серебряной медалью. Историк, литератор, директор Публичной библиотеки в Петербурге. Автор воспоминаний о Лицее. (Воспоминания о Лицее лицеиста XXI курса Д. Ф. Кобеко. 1850–1856 // Пушкинский музей. 2002. Вып. 3. С. 197–219 / Подгот. текста, вступление и примеч. С. В. Павловой. С. 206.)

²⁴ *Яхонтов А. Н.* Указ. соч. С. 103.

²⁵ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844). С 1819 г. — член правления училищ при Министерстве просвещения. Выступал с предложениями о закрытии Казанского университета, но вскоре сам получил назначение на должность попечителя Казанского университета и округа. Начавшиеся с приходом Магницкого преобразования коснулись всех сторон университетской жизни: изменялись учебные планы, увольнялись профессора и преподаватели (в течение года из университета ушли 11 профессоров). Преобразования проводились в духе благочестия и верноподданности. Особые гонения обрушились на кафедру философии и преподавателей этой дисциплины. По мнению М. Л. Магницкого, «философия лишь облекала ереси в новые формы». Подробнее см.: *Овчинникова Е. А., Чумакова Т. В.* Философия в университете в 1819–1850 гг. // Философия в Санкт-Петербурге: Справочно-энциклопедическое издание. 1703–2003. СПб., 2003. С. 33–54. С. 40.

²⁶ Из письма Е. А. Энгельгардта Ф. Ф. Матюшкину (Цит. по: *Кобеко Д. Ф.* Указ. соч. С. 158).

²⁷ *Корф Н. А.* Указ. соч. С. 132.

²⁸ Там же.

²⁹ Врангель Василий Егорович (1816–1860), воспитанник VII курса Царскосельского Лицея (1829–1835). Окончил Лицей с золотой медалью. Действительный статский советник, чиновник особых поручений, юрисконсульт Морского министерства.

Врангель Александр Егорович (1833–1915), воспитанник XIX курса Александровского Лицея (1847–1853). Тайный советник, состоял в ведомстве Министерства иностранных дел.

³⁰ Яхонтов А. Н. Указ. соч. С. 12.

³¹ Икскуль Борис Яковлевич, барон (1819–1884). Воспитанник IX курса Царскосельского Лицея (1832–1838). Президент Эстляндского экономического общества. Был ландратом. Автор записок о своей жизни, где были страницы, посвященные Лицею.

³² Uexküll B. F. von Als Schülerim Lyzeum von Zarskoje Sjelo, staatsbeamterin in St. Peterburg und student in Berlin // Zwischen Reval und St. Petersburg. 1993. S. 35. Пер. М. Ф. Шеиной.

³³ Веселовский К. С. Указ. соч. С. 14.

³⁴ Калмыков П. Д. Воспоминания о К. Ф. Эйхгорне // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. № 5. С. 42.

³⁵ Арсеньев К. К. Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 213.

³⁶ Там же.

³⁷ Никитенко А. В. Указ соч. Т. 1. С. 41.

³⁸ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 137–138.

³⁹ Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 6–8. С. 591.

⁴⁰ Еще зимой 1834 г. Конференция Лицея начала ходатайствовать о том, чтобы воспитанникам Лицея разрешили слушать университетские курсы. Свою просьбу лицейские наставники объясняли тем, «что хотя Лицей и имеет одинаковые права с университетом, но курсы наук в нем не расположены и расположены быть не могут по образцу курса университетского, т. е. разделенного на факультеты». Поэтому воспитанники «по окончании Лицея должны усовершенствовать познания свои, в особенности в тех науках, которые по избранному ими роду службы будут для них наиболее нужны». 28 августа 1834 г. такое разрешение было получено. См.: Селезнев И. Я. Указ соч. С. 200–201.

⁴¹ Краткий очерк истории Александровского Лицея // Памятная книжка Александровского Лицея на 1886 год. Пг., 1886. С. 131.

⁴² Мусин-Пушкин Александр Алексеевич, граф (?–?) педагог, сенатор. Попечитель Одесского и Петербургского учебных округов.

⁴³ Мусин-Пушкин А. А. Воспоминания о В. В. Бауэре // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 237. № 2. Отд. 4. С. 118.

⁴⁴ Пантелеев Л. Ф. Указ соч. С. 129.

В. Г. Смирнов

**БАРОН Ф. Ф. ВРАНГЕЛЬ
И ИМПЕРАТОРСКИЙ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЛИЦЕЙ**

Перевод в Лицей

Четырехлетняя служба капитан-лейтенанта Фердинанда Фердинандовича Врангеля в Михайловском дворце в качестве воспитателя герцога М. Г. Мекленбург-Стрелицкого (младшего сына великой княгини Екатерины Михайловны) закончилась в 1883 году: 20-летнему Михаилу предстояло продолжить образование в Европе.

Летом 1883 года Врангель получил предложение принять должность инспектора воспитанников Императорского Александровского Лицея. Очевидно, это предложение исходило от директора Лицея Н. Н. Гартмана, который был знаком с великой княгиней Екатериной Михайловной и, несомненно, знал о деловых и личных качествах Ф. Ф. Врангеля.

Обдумав все «за» и «против», Врангель выразил согласие на новое назначение. 6 августа 1883 года Александр III «высочайше соизволил» назначить капитан-лейтенанта Врангеля на должность инспектора воспитанников Лицея с сохранением ему звания морского офицера¹. 18 августа 1883 года был подписан приказ по морскому ведомству № 91 о новом назначении Врангеля². «Высочайший приказ» по ведомству учреждений императрицы Марии № 91 о назначении Врангеля инспектором воспитанников Императорского Александровского Лицея с 6 августа 1883 года, с зачислением по флоту, был подписан только 27 августа³.

Обязанности и контингент

Обязанности инспектора в Лицее, в соответствии с «Высочайшим повелением» от 17 декабря 1866 года, были разделены следующим образом. Учебной частью заведовал инспектор классов, назначавшийся из профессоров Лицея. Помощником директора по административной и хозяйственной частям являлся инспектор воспитанников. Ему полагалось жалованье в размере 1500 руб., столовые деньги — 750 руб., разъездные — 450 руб. (всего 2700 руб. в год)⁴ и квартира «в натуре», т. е. служебная. При этом оба инспектора по должности являлись непременно членами совета Лицея, а инспектор воспитанников, кроме того, и членом хозяйственного правления Лицея⁵. Уже в августе 1883 года Врангель приступил к исполнению новых обязанностей.

По штату численность воспитанников Лицея составляла 180 человек (фактически — меньше), обучавшихся в I–VI классах. В приготовительном классе, состоявшем из трех отделений, обучалось более 30 человек. VI, V и IV классы составляли младший (гимназический) курс, III, II и I классы — старший (университетский) курс Лицея.

Все воспитанники подразделялись на три категории в зависимости от вносимой платы за обучение. Часть из них была «казеннокоштными» (50 человек обучались

за счет казны), другая часть — «неплатящими» (несколько человек освобождались от платы за обучение), наконец, остальные были «своекоштными» (за обучение платили родители или опекуны)⁶.

Возрастной диапазон воспитанников колебался от 11 до 23 лет и требовал, естественно, разных методов в процессе воспитательной работы.

В подчинении у Врангеля находились классные (из числа преподавателей) и дежурные воспитатели. В подготовительном классе был главный воспитатель — статский советник А. Э. Лемм. Для решения вопросов, связанных с разбором дисциплинарных проступков, созывалась воспитательская конференция под председательством директора Лицея.

Следует отметить, что после первого года службы в Лицее Врангель получил и небольшую педагогическую нагрузку: 1 сентября 1884 года совет Лицея назначил его преподавателем космографии⁷. У Врангеля был один урок в неделю в IV классе Лицея⁸, за который он получал жалованье в размере 150 рублей в год⁹.

Педагогические принципы

Полностью войдя в курс дел в течение первого года службы в Лицее, Врангель пришел к выводу, что подчиненные ему воспитатели по-разному относятся к воспитанникам, нередко подходя слишком формально к исполнению обязанностей. В связи с этим он постарался изложить свое видение педагогических принципов и приемов в «Объяснительной записке к инструкции господам воспитателям Императорского Александровского лицея», отпечатанной по решению совета.

Целью записки, включавшей 14 параграфов, Врангель считал достижение большего единства во взглядах воспитателей на цели их педагогической деятельности. При этом он понимал, что «полного единообразия в приемах» достичь невозможно и нежелательно¹⁰.

«Наша задача состоит в том, чтобы подготовить молодых людей к жизни, то есть развить их силу воли и укрепить их нравственные понятия настолько, чтобы они избежали дурных поступков, несмотря на возможность их совершения. Этой цели мы вполне достигнуть не можем, но стремиться к ней должны и сообразно с этим создать условия для развития воли и характера», — отмечал Врангель¹¹. Он разделял воспитание на внешнее и внутреннее (нравственное).

Основными требованиями внешнего воспитания Врангель считал следующее:

1. Безусловно строгое соблюдение определенных часов дневного распорядка, которое имело прямое педагогическое значение, так как приучало молодых людей к «известному усилию воли».

2. Неизменно вежливое и почтительное обращение со старшими.

Эта привычка, как справедливо отмечал Врангель, характеризует «благовоспитанность человека». Большинство воспитанников эту благовоспитанность приобрели еще в семье. Однако если в ком-либо время от времени проявляется «поползновение к дерзости или непослушанию», то такого лицеиста при первом же случае следовало подвергнуть строгому наказанию¹².

Задачу нравственного воспитания Врангель считал более трудной, поскольку «деятельность даже самого искусного педагога весьма часто оказывается бессильною побороть недостатки природного характера и загладить ошибки предшествовавшего воспитания». По его мнению, первым и основным свойством благородного человека являются правдивость и честность, поэтому все усилия педагогов и воспитателей Лицея должны быть направлены на искоренение у воспитанников лжи и обмана¹³.

Врангель был уверен в том, что в закрытом учебном заведении общественное мнение товарищей и корпоративное понятие о нравственности составляют один из важнейших воспитательных факторов, которые могут постепенно меняться, но имеют в каждом заведении своей исторически сложившийся характер¹⁴.

Воспитатель должен избегать вмешательства во взаимоотношения лицейстов, так как молодые люди должны приучаться решать свои проблемы самостоятельно. Причем даже в случаях, когда сильные притесняли слабых, Врангель считал необходимым избегать наказания и стараться использовать нравственное воздействие на притесняемых¹⁵.

Врангель полагал, что во взаимоотношениях между собой старшие классы должны иметь несомненное преимущество по отношению к младшим. Особое внимание педагог уделил характеристике лицейстов выпускного класса. Он справедливо отмечал, что, с одной стороны, в воспитанниках I класса «как бы сводится итог всей педагогической работы училища», с другой — через их посредство легче всего можно влиять на «дух заведения».

Его опыт показывал, что преждевременное вовлечение молодых людей в повседневную жизнь общества часто вредно отражается на развитии личности: последствием этого являются «преждевременное разочарование и старческая зрелость, не соответствующая юношескому возрасту». Он был уверен в том, что «беззаботно проведенная юность» сохраняет молодым людям душевные силы для жизненной борьбы в «период возмужалости и практической общественной деятельности»¹⁶. Врангель считал необходимым поддерживать в воспитанниках привязанность к Лицею и корпоративный дух среди выпускников (*esprit de corps*).

В заключение своей записки Врангель остановился на проблеме сохранения лицейских традиций. Он считал, что даже если эти традиции иногда выражаются в «пустых внешностях», они придают свой «оживляющий колорит заведению», а также развивают в воспитанниках привычку уважать обычаи и обряды и не нарушать их по «личному произволу». Такая «умственная привычка», перенесенная в сферу общественной жизни, «порождает тот здоровый консерватизм, который стремится к возможному сохранению внешних форм учреждений, изменяя лишь дух их, сообразно с потребностями времени»¹⁷. Надо полагать, что практические дела Врангеля не расходились с принципами, изложенными в записке для воспитателей. Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях лицейста Б. Малютина, изданных в 1909 году: «За год с небольшим до разъезда нашего из Лицея, то есть в бытность XL курса во 2-м классе, назначен был инспектором воспитанников барон Фердинанд Фердинандович Врангель. К этому времени характеры наши уже определились, положение курса как отпетого — тоже. Казалось, совершенно бесследно должно было пройти для нас это новое лицо. Между тем за один год Фердинанд Фердинандович приобрел наши горячие симпатии. К опальному курсу он отнесся доверчиво, без предвзятой мысли; был настоящим баринком. “Благородным Фердинандом” звали мы его не в насмешку. Его помощи обязан курс тем, что удалось устроить читальню для старших классов, что наладились литературно-музыкальные вечера, что стали издаваться ученические журналы. В одном из них появлялись статьи, солидно и метко, но корректно полемизировавшие с увлечением одного юного ювенала. Позднее узнали, что эти статьи принадлежали барону.

Время это полушутя называли эпохой “благих начинаний”. Таким оно и было... все же много хорошего было сделано, и через 25 лет отраднo вспоминать о первых шагах барона Ф. Ф. Врангеля в Лицею»¹⁸.

О реформе Лицея

Практически одновременно с составлением объяснительной записки воспитателям Врангель подготовил и другую записку (она датирована 24 января 1885 г.) в связи с предполагавшимися в Лицее реформами (в частности, переходом его из Ведомства учреждений императрицы Марии в Министерство народного просвещения). В этой записке Врангель высказался об особенностях Лицея как учебного заведения, в том числе и в воспитательном отношении.

Врангель отметил следующие особенности Лицея, составляющие «драгоценное достояние его славного прошлого и верный залог его будущего процветания»:

- нахождение под непосредственным покровительством императора;
- управление посредством совета и под непосредственным руководством попечителя;
- наличие статуса закрытого учебного заведения, доступного лишь для сыновей лиц с «известным общественным положением» и происхождением;
- соединение в курсе Лицея старших классов общеобразовательного (гимназического) курса с трехгодичным высшим (университетским) курсом.

Врангель считал необходимым сохранить эти особенности Лицея, который в этом случае «не перестанет выполнять своей особой, выдающейся роли в общей системе высшего образования государственных деятелей»¹⁹. Далее Врангель остановился на возрасте воспитанников и традициях товарищества. Он писал: «...для того, чтобы всецело подпасть под влияние заведения, надо поступить в него в известном возрасте, вообще говоря, не моложе 13 и не старше 16 лет. Это тот именно возраст, в котором зарождаются самые крепкие узы товарищества и дружбы, такие узы, которых не в состоянии расторгнуть ни время, ни различие взглядов и понятий»²⁰. При этом Врангель весьма деликатно подчеркнул необходимость принадлежности воспитанников Лицея к одному и тому же общественному слою, т. е. потомственному дворянству. «С другой стороны, весь строй жизни и самые приемы воспитания в интернате, предназначенном для молодых людей такого сравнительно раннего возраста, должны, по необходимости, соответствовать обстановке и понятиям той среды, из которой выходит большинство воспитанников; словом, право поступления в число воспитанников такого заведения не может быть поставлено в зависимость единственно от научной подготовки и умственного развития, но должно быть обусловлено также и принадлежностью к известному, более или менее однородному слою общества. Эта однородность всегда существовала в Лицее и должна быть сохранена», — отмечал Врангель²¹.

Предполагая, что в случае перехода из ведомства учреждений императрицы Марии в Министерство народного просвещения Лицей утратит присущую ему самобытность и элитарность, Врангель отметил: «Учебное заведение, не подходящее к типу огромного большинства образовательных заведений России, не может быть управляемо на основании общих правил»²².

В заключение Врангель констатировал, что сохранение особенностей Лицея, которые он перечислил, не может служить препятствием для тех реформ, в которых Лицей «бесспорно нуждается».

Записка Врангеля была опубликована по распоряжению директора Лицея. Нам неизвестно, в какой степени она повлияла на планы реформирования, но Лицей и далее оставался в составе ведомства учреждений императрицы Марии.

ЧП лицейского масштаба

Если преподаванием Врангелю приходилось заниматься периодически, то хлопотной воспитательной работой — ежедневно. В этой деятельности иногда возникали и сложные, неприятные ситуации — своего рода ЧП лицейского масштаба. Одним из них стало «дело Корфа», возникшее в сентябре 1890 года.

6 сентября, в перерыве между занятиями, воспитанник V класса Оскар Корф подошел сзади к воспитаннику VI класса Голубеву и обжег его шею под воротником куртки папиросой. При этом присутствовало несколько товарищей Корфа. Незначительный ожог от трения куртки воспалился и увеличился, из-за чего Голубев вынужден был провести один день в лазарете, чтобы не надевать куртку. Все это выяснилось 13 сентября.

При расследовании этого случая Корф не отрицал своего проступка и признал его глупой и грубой выходкой, совершенной не по злости, а только ради шутки — из желания погугать новичка.

«Дело Корфа» рассматривалось 18 сентября 1890 года на чрезвычайном заседании воспитательного комитета при совете Лицея под руководством директора Лицея Н. Н. Гартмана. После изложения дела и возникших по этому вопросу прений, конференция «при закрытой баллотировке высказалась большинством голосов в пользу увольнения Оскара Корфа из Лицея по прошению отца»²³.

«Делу Корфа» было посвящено и чрезвычайное заседание совета Лицея также под председательством директора Лицея Н. Н. Гартмана, которое состоялось 20 сентября 1890 года совет пришел к выводу, что поступок Корфа хотя и обнаруживает «крайнюю грубость нрава», но не может быть признан таким «действием, которое бы настолько нарушало начало чести и нравственности, чтобы приходилось прибегнуть к крайней мере наказания». Совет признал, что отчисление воспитанника «тяжело ложится на всю его будущность», и потому следует быть крайне осмотрительным в его применении. Члены совета пришли к выводу, что проступок Корфа является частным случаем общего отношения воспитанников к новичкам, которое должно быть искоренено. Поэтому наказание должно быть таким, чтобы эта цель была, по возможности, достигнута. В связи с этим совет единогласно постановил: «...оставить воспитанника Оскара Корфа в Лицее с тем условием, чтобы в случае повторения каких-либо притеснений новичков со стороны V класса, в течение настоящего учебного года, Оскар Корф немедленно был взят из Лицея»²⁴.

Таким образом, было принято решение сделать Корфа своего рода заложником для нормализации взаимоотношений воспитанников V и VI классов. Однако вряд ли это в полной мере удалось. 26 сентября 1890 года отец Корфа, отставной гвардии ротмистр барон П. А. Корф, проживавший в имении Александровка близ станции Саблино Николаевской железной дороги, дал подписку следующего содержания: «Согласно постановления совета Императорского Александровского лицея, даю сию подписку, в том, что ежели сын мой будет замечен в какой-либо важной провинности или серьезной шалости пятого класса против шестого и по исследовании окажется, что он был главным зачинщиком (курсив мой. — В. С.), то я по предъявлению о случившемся Гм Директором, обязуюсь подать прошение об его увольнении из Лицея»²⁵.

Таким образом, П. А. Корф в своей подписке сместил акценты и с юридической точки зрения поступил весьма грамотно: почему его сын должен был нести ответственность за неблагоприятные поступки своих товарищей? Наверно, это понимали и Гартман, и Врангель.

«Дело Корфа», таким образом, было закрыто. В 1896 году он окончил Лицей и в конце XIX века, являясь губернским секретарем, служил в должности помощника бухгалтера Санкт-Петербургской конторы Госбанка²⁶.

О комплекте воспитанников

Будучи человеком военным и стремясь в каждом деле установить определенный порядок, Врангель предложил на заседании совета 13 декабря 1890 года «ввиду постоянно возрастающего количества лиц, поступающих в Лицей», установить комплект воспитанников в каждом классе. Мотивы этого предложения и необходимые расчеты Врангель изложил в специальной записке «Об определении комплекта воспитанников в VI, V, IV и III классах Лицея и в приготовительном классе». Врангель предложил установить следующий комплект воспитанников:

- в каждом отделении приготовительного класса — по 25 чел.;
- в VI, V и IV классах — по 30 чел.;
- в III классе — 35 чел.

Кроме того, все экзамены для поступления в III класс Врангель перенес на осень, чтобы была возможность для поступления кандидатам, имеющим аттестаты зрелости, полученные в гимназиях. Выпускники гимназий, по его мнению, должны сдавать экзамены по русскому языку, истории и иностранному языку (французскому, английскому и немецкому). Остальных кандидатов следовало экзаменовывать по всем предметам младшего курса Лицея²⁷.

Предложения Врангеля обсуждались на заседании совета Лицея. В утвержденных на этом заседании правилах для поступления в Императорский Александровский лицей были установлены цифры приема, предложенные Врангелем, за исключением приготовительного класса, в котором совет определил лимит («не более 25 воспитанников») только для старшего отделения. Что касается предложений Врангеля о поступлении в Лицей выпускников гимназий, то пункт 19 правил предусматривал следующее: «Освобождающееся ежегодно число казенных вакансий делится на две равные части, из коих одна предоставляется отличнейшим ученикам Первой, Второй и Ларинской гимназий, удовлетворяющей общим условиям происхождения (ст. 1), а другая — детям военных генералов и гражданских чинов не ниже четвертого класса». Пункт 4 правил приема устанавливал, что прием воспитанников в III класс производится в августе. Таким образом, были приняты «гимназические предложения» Врангеля²⁸.

О мерах по борьбе с прогулами

В начале 1891/92 учебного года Врангель выступил с новой инициативой. 24 сентября 1891 года он представил совету Лицея свои «предположения относительно точного определения степени влияния неисправного посещения лекций воспитанниками старшего курса на получаемые ими отметки за поведение».

Совет, обсудив «предположения» Врангеля и принимая во внимание, что определенная зависимость отметок за поведение от количества «манкировок» (пропусков. — В. С.) должна принести большую пользу, уменьшив количество случаев уклонения воспитанников старшего курса от лекций под предлогом болезни, особенно в период репетиций, принял правила:

1) два раза в год каждому воспитаннику старшего курса выставляется полугодовая отметка за поведение, выводимая как средняя из месячных отметок;

2) для определения прав воспитанников при выпуске из Лицея учитываются только полугодовые отметки за три старших класса;

3) пропуски лекций («манкировки»), не превышающие 30 лекций в полугодие, при постановке отметок за поведение в расчет не принимаются;

4) отметки за поведение снижаются: на 1 балл — в случае пропусков от 30 до 60 лекций в полугодие; от 60 до 90 лекций — на 2 балла и т. д. за каждые 30 сверх того пропущенных лекций — по 1 баллу;

5) пропуски занятий вследствие «тяжких болезней» или других причин, признанных советом уважительными, не влекут за собой отрицательных последствий²⁹.

Практически без изменений предложенные Врангелем правила были приняты.

Благотворительная лекция

Летом 1891 года Россию поразило тяжкое бедствие: от неурожая пострадали 13 губерний, в которых проживало около 28 миллионов человек³⁰. В связи с этим по всей стране прошли благотворительные акции, сборы от которых были направлены в качестве помощи пострадавшим от неурожая.

Императорский Александровский Лицей также не остался в стороне. 8 ноября 1891 года там была проведена благотворительная лекция «Колебания климата», с которой выступил Врангель. Многие из того, что он поведал собравшимся, было для них ново и любопытно. Заключительные слова лектора присутствовавшие в зале встретили продолжительными аплодисментами. Отчет о благотворительной акции Лицея, сбор от которой в пользу пострадавших от неурожая составил около 350 рублей, был опубликован в одной из столичных газет³¹. В том же году брошюра с текстом лекции была опубликована³².

Высокое назначение

В течение службы в Лицее карьера Врангеля развивалась в основном успешно. «Высочайшим приказом» по ведомству императрицы Марии от 1 января 1892 года № 1 барон Врангель «за отличие» был произведен в действительные статские советники³³. Это был чин IV класса, который соответствовал чину контр-адмирала на флоте.

28 февраля 1892 года шестой по счету (от основания) директор Императорского Александровского Лицея тайный советник Н. Н. Гартман скоропостижно скончался. Уже в день смерти Гартмана главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии, попечитель лицея с 1890 года граф Н. А. Протасов-Бахметев предписал барону Врангелю вступить в исполнение обязанностей директора Лицея.

2 марта 1892 года император Александр III выразил «словесное одобрение» на назначение Врангеля, а 21 марта 1892 года был подписан императорский указ о его назначении директором Императорского Александровского Лицея³⁴.

Очередное заседание совета Лицея под председательством нового директора состоялось 31 марта 1892 года. На этом заседании Врангель объявил о том, что новым инспектором воспитанников лицея назначен действительный статский советник З. Б. Вулик, «известный преподаватель математики»³⁵.

Жетон выпускника Лицея

Одним из первых административных дел, которым пришлось заниматься Врангелю на посту директора Императорского Александровского лицея, было учреждение жетона выпускника Лицея.

Первые жетоны для выпускников Лицея были неофициальными. 15 марта 1885 года, в день прощания с Лицеем, XLII курс поднес всем выпускавшимся товарищам старшего, XLI, курса памятные жетоны. Каждый жетон представлял собой серебряную пластинку ромбической формы с усиком. На лицевой стороне в три строки было написано: «XLI/15 марта/И. А. Л.» На оборотной стороне надпись была в две строки: «XLII/1885».

На следующий год, 21 марта 1886 года, воспитанники II класса также преподнесли выпускникам серебряные чеканные жетоны. Затем до 1894 года курсовых жетонов не было³⁶.

Став директором, Врангель занялся вопросом учреждения жетона выпускника Императорского Александровского Лицея, тем более что воспитанники I класса представили ему новый проект жетона — лиру на подвеске с лентой «для общей пользы» и двумя зелеными лавровыми венками посередине. Уже 2 апреля 1892 года директор направил попечителю Лицея отношение с просьбой «повергнуть жетон этот на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение»³⁷. 7 мая 1892 года Александр III утвердил образец жетона³⁸. Так, с «легкой руки» нового директора был учрежден жетон выпускника Императорского Александровского Лицея³⁹.

Следует отметить, что в конце XIX века помимо жетона появился и нагрудный знак выпускника Лицея. 22 июля 1898 года, когда директором Лицея был уже генерал-лейтенант Ф. А. Фельдман, император Николай II утвердил «Описание нагрудного знака для воспитанников, окончивших в Императорском Александровском лицее полный курс наук по первым двум разрядам»⁴⁰.

Через 5 месяцев, 22 декабря 1898 года, Николай II расширил право ношения этого нагрудного знака на всех лиц, выпущенных из Императорского Александровского Лицея с аттестатами об окончании полного курса наук⁴¹.

Совет Лицея

Через год после смерти Н. Н. Гартмана скончался заслуженный ординарный профессор, действительный статский советник Ю. Э. Янсон. Его смерть повлекла за собой изменения в составе совета Лицея, о которых Врангель и сообщил на заседании. По его представлению новым членом совета был назначен ординарный профессор, действительный статский советник Н. Л. Дювернуа.

Ранее, «Высочайшим приказом» от 14 января 1893 года, Н. М. Коркунов был уволен от исполнения обязанностей инспектора классов с оставлением в должности преподавателя Лицея⁴². Исправляющим должность инспектора классов был назначен инспектор воспитанников З. Б. Вулих⁴³.

Наконец, в январе 1893 года отставку попросил и секретарь совета С. А. Бершадский⁴⁴. Новым секретарем совета Лицея был назначен специалист по вопросам политической экономии, статистики и финансового права В. Г. Яроцкий, ранее исполнявший обязанности секретаря конференции Военно-юридической академии⁴⁵.

Таким образом, в начале 1893 года в состав совета Лицея входили: Ф. Ф. Врангель (директор), З. Б. Вулих (инспектор классов и воспитанников), ординарные профессора: тайный советник Ф. Ф. Мартенс, действительный статский советник Н. Л. Дювернуа, статский советник Н. Д. Сергеевский⁴⁶, профессор Н. И. Кареев, главный воспитатель подготовительного класса, действительный статский советник А. Э. Лемм и секретарь совета В. Г. Яроцкий⁴⁷. Совет решал самые различные вопросы деятельности Лицея, но основными на его заседаниях были вопросы организации учебного процесса и успеваемости воспитанников.

Иногда в повестке заседаний были и другие вопросы. Так, например, 29 марта 1894 года Врангель сообщил о пожертвованиях в Пушкинский музей, существовавший в Лицее уже почти 15 лет⁴⁸. Через посредство присяжного поверенного В. Н. Герарда госпожа Виардо-Гарсия передала в музей медальон с локонами волос А. С. Пушкина, принадлежавший И. С. Тургеневу. Бывший воспитанник Лицея В. Н. Коковцов⁴⁹ преподнес в

дар музею запасную пистолетную пулю, вынутую врачом Арендтом после дуэли из кармана А. С. Пушкина. Совет выразил признательность обоим жертвователям.

Изменение системы репетиций

Еще будучи инспектором воспитанников, Врангель впервые поднял вопрос о необходимости изменения системы репетиций (фактически — зачетов). Однако в 1889 году его предложение не получило официального движения⁵⁰.

Заняв должность директора Лицея, Врангель вернулся к этому вопросу. В мае 1892 года была опубликована его «Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе Императорского Александровского лицея», которую Врангель в октябре того же года представил на совете Лицея. В этой записке Врангель отметил, что существующая система репетиций, при которой лекции не прекращаются, а классы делятся на несколько смен, каждая из которых готовится по своему предмету, имеет значительные неудобства. Он констатировал, что в репетиционный период воспитанники стремятся всеми возможными способами уклониться от посещения лекций, чтобы лучше подготовиться к предмету репетиции⁵¹.

Директор Лицея предложил устранить неудобства, проводя репетиции два раза в году: осенью — с половины ноября до конца декабря, и весной — с половины февраля до половины марта, после чего подробно обосновал это.

Содержание записки вызвало оживленное обсуждение у членов совета. Первые мнения о предложении директора Лицея были довольно резкими. Однако впоследствии путем некоторых взаимных уступок было достигнуто единство по вопросу организации и проведения репетиций.

6 апреля 1893 года совет принял следующие изменения:

— репетиционные периоды сокращены до минимума таким образом, что промежуток между двумя последними репетициями составлял не более одного дня;

— чтение лекций в репетиционный период прекращено;

— деление на смены сохранено для удобства опросов;

— в виде опыта в III классе по энциклопедии и римскому праву введены предварительные репетиции в начале учебного года («ради побуждения воспитанников для более раннего изучения предмета»);

— для проведения предварительных репетиций были определены две недели в октябре, во время которых чтение лекций по остальным предметам не прекращалось.

23 ноября и 7 декабря 1893 года совет Лицея принял решение об отмене репетиций «второго круга» (весенних) по некоторым предметам, «усвоение которых представляет менее трудностей». В 1894 году в виде эксперимента были отменены репетиции по ряду предметов: церковному праву, полицейскому праву и истории философии (I класс); истории церкви, истории русской литературы и истории западноевропейской литературы (II и III классы).

В связи с тем, что введенные в III классе предварительные репетиции принесли несомненную пользу, на заседании совета Лицея 29 марта 1894 года было решено ввести с 1894/95 учебного года предварительные репетиции во II классе (по политэкономии и истории русского права) и в III классе (по гражданскому и уголовному праву)⁵².

Таким образом, предложение Врангеля об изменении системы репетиций было также внедрено в практику учебного процесса Императорского Александровского Лицея.

О преподавании истории в Лицее

На заседании совета Лицея 16 февраля 1893 года Врангель поднял вопрос о необходимости введения в IV классе «повторительного курса» всей истории, кроме изучаемого там вновь уроча древней истории, с целью «более прочного возобновления его в памяти воспитанников перед переходом их в старший курс Лицея». Трех часов в неделю, отпущенных для преподавания истории в IV классе, по мнению директора Лицея, для повторения пройденного было недостаточно. Нужно было изыскать еще один дополнительный час. Врангель предложил сократить курс немецкого языка (сделать три часа вместо четырех), так как на преподавание французского и английского языков давалось лишь по три часа в неделю.

Однако инспектор З. Б. Вулих предложил «забрать» 1 час из курса аналитической геометрии (3 часа в неделю), которую он сам и преподавал.

В результате обсуждения совет признал полезным введение в IV классе «повторительного курса истории» (с производством экзамена при переходе в III класс) с прибавлением 1 часа за счет уроков по аналитической геометрии.

Взавший затем слово профессор Н. И. Кареев⁵³ заявил о неудобстве принятого в Лицее общего плана преподавания всеобщей истории в младших классах. Действительно, воспитанники VI класса изучали историю Средних веков, V класса — новую и русскую историю, IV класса — древнюю историю. По мнению Кареева, в VI классе следовало преподавать древнюю историю. Некоторые члены совета согласились с мнением Кареева, однако окончательного решения принято не было⁵⁴.

На заседании совета Лицея 6 апреля 1893 года состоялось обсуждение записки профессора Н. И. Кареева и инспектора З. Б. Вулиха об изменении программы и порядка преподавания истории в младшем курсе и в приготовительном классе. Однако совет отложил принятие окончательного решения «ввиду необходимости дальнейшего разъяснения этого вопроса».

На этом же заседании при обсуждении вопроса о преподавании статистики Врангель предложил уменьшить число лекций по этому предмету с 4 до 3 часов в неделю с целью увеличения курса по русской истории. Если при 3 часах в неделю курс русской истории простирался лишь до вступления на престол императора Павла I, то при 4 часах его можно было довести до начала царствования императора Александра II. Это предложение было принято⁵⁵.

Тема преподавания истории в Лицее привлекла самое пристальное внимание Врангеля. Он долго размышлял над этим вопросом и в конце концов изложил свои мысли в специальной записке, в которой отметил, что все члены совета согласны с мнением профессора Н. И. Кареева о необходимости начать преподавание систематического курса истории с древней, а не со средней истории (истории Средних веков. — В. С.), как это было заведено в Лицее. Разногласия состояли в том, когда начинать преподавание — в VI классе Лицея или раньше. Чтобы разобраться в этом вопросе, Врангель произвел небольшой анализ ситуации, после чего предложил следующий план преподавания истории в Лицее:

1) во II отделении приготовительного класса — краткий курс отечественной истории (2 урока в неделю);

2) в I отделении приготовительного класса — древняя история (краткие курсы истории Востока, Греции и Рима) — 2 урока в неделю;

3) в VI классе — история Средних веков и отечественная история (до Иоанна IV) — 4 урока;

4) в V классе — новая история (до Венского конгресса) и русская история (до смерти Александра I) — 4 урока;

5) в IV классе (I полугодие) — более пространный курс древней истории; II полугодие — повторение средней, новой и русской истории (по 4 урока в неделю).

После обсуждения записки директора Лицея совет практически без изменений согласился с предложенным планом преподавания истории. Корректурa оказалась весьма незначительной: в среднем (II) отделеении пригoтовительного класса было решено начать прохождение краткого курса древней истории; в IV классе преподавание курса истории Греции и Рима следoвало вести по другому руководству, чем в пригoвительном классе, — по учебнику П. Г. Виноградова⁵⁶.

Диссертация Аркадия Вейнера

В соответствии с правилами воспитанники старших классов Лицея писали сочинения и диссертации. Для сочинения в III классе выбиралась одна из тем по римскому праву, во II классе — по истории русского права. В I классе каждый воспитанник готовил диссертацию по одному из предметов юридических и политических наук по выбору выпускника и с одобрения совета⁵⁷.

Осенью 1893 года воспитанник I класса Аркадий Вейнер представил диссертацию по международному праву по теме: «Консулы в христианских государствах Европы и Северо-Американских Соединенных Штатах». Ординарный профессор Ф. Ф. Мартенс⁵⁸, проверивший работу Вейнера, аттестовал ее «как лучшую из когда-либо представленных ему воспитанниками Лицея диссертаций». По мнению Мартенса, диссертацию Вейнера следoвало опубликовать, поскольку она могла стать полезной справочной книгой для российских консулов.

О высокой оценке Мартенса диссертации Арк. Вейнера Врангель сообщил коллегам на заседании совета 23 ноября 1893 года. По мнению директора Лицея, публикация в виде предисловия одобрения совета была бы достойной наградой воспитанника Вейнера и могла бы послужить стимулом для других лицеистов к серьезному отношению к письменным работам. Совет одобрил предложение Врангеля и утвердил текст предисловия будущей книги⁵⁹.

В 1894 году диссертация Вейнера была опубликована. Даже беглое знакомство с этой книгой убеждает в правоте мнения профессора Мартенса о труде Вейнера. Его монография объемом в 248 страниц (20 глав) по современным меркам (начала XXI в.) «тянет» на кандидатскую степень и даже более...

Следует отметить, что весной 1894 года, когда в Лицее состоялся очередной выпуск, Аркадий Вейнер получил малую золотую медаль⁶⁰.

Ф. Ф. Врангель и востоковедение

Новый 1895 год Врангель встречал в приподнятом настроении. Накануне он был награжден орденом св. Станислава I степени «за отлично-усердную службу»⁶¹. Высокая награда была хорошим стимулом к новому этапу созидательной работы, и Фердинанд Фердинандович ее продолжил. 9 апреля 1895 года он составил записку о необходимости введения курса по изучению государственного устройства восточных стран⁶². 18 апреля 1895 года совет подробно обсудил ее и постановил: ввести в виде опыта на 1 год преподавание «Государственного устройства главнейших восточных стран» («под каковыми подразумевать Оттоманскую Империю (Турцию. — В. С.), Персию, Китай и Японию») и установить по данному курсу экзамен.

16 мая 1895 года советом Лицея была рассмотрена и утверждена программа курса, разработанная «магистрантом» А. Н. Мандельштамом, а сам он был допущен к чтению лекций в следующем учебном году⁶³.

Осенью Мандельштам начал чтение своего курса. Текст трех его лекций был опубликован в литографии Куприна (170 с.). Уже 28 ноября 1895 года Врангель сообщил членам совета, что воспитанник I класса Борис Татищев просит разрешения выбрать тему диссертации по курсу «Государственного устройства главнейших восточных держав». Совет разрешил Татищеву готовить диссертацию⁶⁴. В следующем году он окончил Лицей с большой золотой медалью⁶⁵.

Таким образом, благодаря инициативе Врангеля в Лицее был введен новый предмет, который оказался весьма важным в деле подготовки будущих дипломатов и государственных деятелей России. Опыт преподавания этого курса был признан «весьма удачным». К сожалению, в дальнейшем преподавание предмета было прекращено из-за того, что А. Н. Мандельштам был направлен в продолжительную заграничную командировку, а затем его назначили 3-м драгоманом (официальным переводчиком) при русском посольстве в Константинополе⁶⁶.

Празднования годовщин Лицея

В тот период, когда барон Врангель был директором Императорского Александровского Лицея, по существовавшей издавна традиции, ежегодно 19 октября отмечались годовщины деятельности Лицея. Проходили они, как правило, следующим образом.

За несколько дней до очередной даты в ряде столичных газет (например, «Новое время») публиковалось объявление о том, что 19 октября в Лицее будет совершено благодарственное молебствие⁶⁷.

19 октября в лицейской церкви, в присутствии воспитанников и бывших питомцев законоучитель протоиерей о. Иоанн Смирнов совершал божественную литургию и молебствие. Среди присутствовавших были попечитель Лицея граф Н. А. Протасов-Бахметев и приглашенные лица: член Государственного совета действительный статский советник Н. А. Тройницкий, член Совета министра финансов тайный советник Д. Ф. Кобеко, сенаторы Шульц и Орлов, тайный советник Стюарт, барон фон дер Пален, один из старейших питомцев — Буйницкий.

Во время молебствия пели воспитанники и провозглашалось многолетие императору и императрице, наследнику цесаревичу и всему царствующему дому, провозглашалась вечная память основателю Лицея, императору Александру I.

После молебствия в актовом зале был завтрак, для которого сервировались три длинных стола. За средним помещались бывшие питомцы, за боковыми — воспитанники. За завтраком пили шампанское.

Первый тост — за здоровье государя императора — провозглашал граф Н. А. Протасов-Бахметев (в его отсутствие, как, например, в 1895 году, это делал Врангель). Оркестр лейб-гвардии конного полка исполнял гимн («Боже, Царя храни»), после чего гремело восторженное «ура!». Затем граф поднимал тост за Лицей. Врангель поднимал ответный тост — за попечителя Лицея. Следующий тост провозглашал один из воспитанников — за директора и попечителя Лицея. Затем звучал тост за бывших питомцев Лицея. Некоторые из ветеранов читали свои стихи. Не уступала и молодежь: так, например, в 1893 году декламировал стихи воспитанник III класса Г. А. Кологривов.

По окончании завтрака воспитанники распускались по домам⁶⁸.

Отставка и пенсия

Заседание совета Лицея 22 февраля 1896 года стало последним для Врангеля. 11 марта 1896 года Врангель серьезно заболел⁶⁹. После ухудшения здоровья он решил уйти в отставку.

3 августа 1896 года граф Протасов-Бахметев представил императору Николаю II доклад о назначении пенсии Врангелю в размере 4500 рублей в год с 23 июля с. г. На следующий день Николай II, находясь в Петергофе, начертил на докладе Протасова-Бахметева: «Согласен»⁷⁰. Кроме того, по линии морского ведомства Врангелю была назначена эмеритальная пенсия в размере 794 рублей в год⁷¹.

* * *

Оценивая почти тринадцатилетнюю деятельность Ф. Ф. Врангеля в Императорском Александровском Лицее, следует отметить, что он проявил себя как талантливый педагог, опытный и требовательный инспектор воспитанников, высококвалифицированный преподаватель и администратор, старавшийся активно воздействовать на организацию учебного процесса в целях его улучшения, в том числе за счет внедрения более совершенных учебных планов и введения новых дисциплин, столь необходимых тем, кто решил посвятить себя государственной службе — дипломатии, правосудию и др.

За период службы Врангеля в Императорском Александровском Лицее «через его руки» прошли почти 400 воспитанников: 141 выпускник покинул Лицей в бытность его инспектором воспитанников, 151 — когда он был директором. Более 100 выпускников 1897–1901 годов начинали учебу в Александровском Лицее, когда Врангель являлся директором. Большинство из них в начале XX века занимали весьма высокие посты в государственном аппарате царской России. Вот лишь некоторые примеры.

Золотой медалист XLV курса (выпуск 1890 г.) Г. Г. Лерхе стал камергером, действительным статским советником, членом Государственной думы 3-го созыва. В той же Думе заседали мичман флота в запасе А. А. Федоров (LI курс, выпуск 1895 г.) и золотой медалист камергер Д. Н. Чихачов (LIII курс, выпуск 1897 г.). Золотой медалист И. Н. Пустошкин (LII курс, выпуск 1896 г.) был избран членом Государственной думы еще 1-го созыва (г. Сызрань).

Серебряный медалист XLIX курса (1893 г.) А. Н. Хвостов в 1910 году был нижегородским губернатором. Его однокурсник М. М. Веселкин служил во флоте: очень быстро стал флигель-адъютантом, а впоследствии контр-адмиралом свиты Е. И. В.⁷²

Несомненно, большинство из тех, кого воспитывал и учил Ф. Ф. Врангель, помнили о нем в течение всей жизни.

Примечания

¹ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 46.

² Правительственный вестник. 1883. № 186. 23 авг.

³ РГИА, ф. 759, оп. 75, д. 353, л. 4 об.

⁴ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 49.

⁵ Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. С. 36.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ РГИА, ф. 759, оп. 75, д. 353, л. 5а.

⁸ Памятная книжка... на 1886 год. С. 22–23, 30.

⁹ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 102.

¹⁰ Объяснительная записка к инструкции господам воспитателям Императорского Александровского лицея. СПб., 1885. С. 1.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же. С. 3–4.

¹³ Там же. С. 5–6.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Императорский Александровский лицей. XL курс. 1884–1909. СПб., 1909. С. 36.

¹⁹ О реформе Императорского Александровского лицея. СПб., 1885. С. 1–2.

²⁰ Там же. С. 3, 4.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 454, л. 52–53.

²⁴ Там же. Л. 54–56.

²⁵ Там же. Л. 55.

²⁶ Памятная книжка... на 189^{8/9}, учебный год. СПб., 1899. С. 257.

²⁷ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 454, л. 64.

²⁸ Там же. Л. 58, 60 об.

²⁹ Там же. Л. 99–100.

³⁰ См.: Раевский М. Н. Неурожай 1891 года в связи с общей характеристикой нашей хлебной производительности, а также вывоза хлебов за границу за предыдущие годы // Известия ИРГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. I. С. 2, 6.

³¹ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 276.

³² Врангель Ф. Колебания климата. Лекция в Императорском Александровском лицее. СПб., 1891.

³³ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 126.

³⁴ РГИА, ф. 759, оп. 75, д. 353, л. 1 об.

³⁵ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 454. З. Б. Вулик (?–1897) преподавал математику детям императора Александра III: великим князьям Георгию Александровичу и Михаилу Александровичу, великим княжнам Ксении Александровне и Ольге Александровне, а также великому князю Александру Михайловичу, герцогам Георгию Георгиевичу, Михаилу Георгиевичу и герцогине Елене Георгиевне Мекленбург-Стрелицким [«Наставникам, хранившим юность нашу...». Памятная книжка чинов Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея с 1811 по 1911 г. СПб., 1911. С. 248].

³⁶ А. И[льин]. Памятные жетоны Императорского Александровского лицея. СПб., 1911. С. 3–5.

³⁷ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 460а, л. 9.

³⁸ Там же.

³⁹ В книге А. И[льина] «Памятные жетоны Императорского Александровского лицея» указано следующее описание общелицейского жетона, утвержденного 7 мая 1892 г.:

Лиц[евая] ст[орона]. На красном эмалевом, слегка выпуклом поле накладной вензель Императора Александра под Императорскою Короною (изображение вензеля снято с грамоты Императорскому Лицею Александра I), по сторонам которого в эмали год основания Лицея 18–11. Все в выпуклом золотом ободке.

Об[оротная] ст[орона]. На серебряной плоской поверхности, сверху, параллельно краю жетона, надпись из зеленой эмали: *Для общей пользы*, которую отделяют две звездочки о восьми лучах, выгравированную по нижнему краю жетона, фамилию лицеиста, владельца жетона. В середине — подпись в три строки:

ИАЛ (зеленой эмали)

LXIII курс (выгравировано)

1907 (выгравировано)».

Это описание и помещенные в книге изображения общелицейского жетона А. А. Ильина явно не совпадают с тем, что было представлено в 1892 г., — лира на подвеске с лентой «для общей пользы» и двумя зелеными лавровыми венками посредине.

⁴⁰ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 460а, л. 12–12 об.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² Осенью 1894 г. преподаватель энциклопедии права Н. М. Коркунов был удостоен степени доктора государственного права на юридическом факультете Петербургского университета. (ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 454, л. 339–340). В январе 1896 г. он был назначен помощником статс-секретаря Государственного совета и с осени того же года оставил службу в Лицее (там же, д. 466, л. 89).

⁴³ В 1895 г. сын З. Б. Вулиха, Борис, окончил Александровский Лицей с большой золотой медалью (Памятная книжка чинов... С. 137).

⁴⁴ До ноября 1895 г. С. А. Бершадский оставался профессором истории русского права Александровского Лицея (ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 466, л. 83).

⁴⁵ Там же. Д. 454, л. 159.

⁴⁶ Летом 1895 г. Н. Д. Сергеевский был назначен статс-секретарем Государственного совета и вышел из состава преподавателей, но остался в составе совета Лицея (там же, д. 466, л. 55 об. — 57).

⁴⁷ Там же. Д. 454, л. 171.

⁴⁸ См.: *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. 1879–1899 / Под ред. И. А. Шляпкина. СПб., 1899. XV–XIX.

⁴⁹ Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) — граф, окончил Александровский Лицей в 1872 г., министр финансов Российской империи в 1904–1914 гг. (с перерывом в 1905–1906 гг.), председатель Совета министров в 1911–1914 гг. С 1918 г. находился в эмиграции во Франции.

⁵⁰ См.: *Яроцкий В.* Исторический очерк учебного и воспитательного дела в Лицее последние двенадцать лет // *Памятная книжка...* на 189^{8/9}, учебный год. С. 21.

⁵¹ *Врангель Ф.* Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе Императорского Александровского лицея. СПб., 1892. С. 1, 2.

⁵² *Яроцкий В.* Указ. соч. С. 22–25.

⁵³ Карсеев Николай Иванович (1850–1931) — русский историк, член-корреспондент Петербургской АН (с 1910 г.), почетный член АН СССР (1929). Автор трудов по аграрной истории Франции второй половины XVIII в., истории Великой французской революции; курса по новой истории Западной Европы.

⁵⁴ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 454, л. 159 об. — 160.

⁵⁵ Там же. Л. 173.

⁵⁶ Там же. Л. 186, 203–204. Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), русский историк, профессор Московского университета, член Петербургской АН (с 1914 г.).

⁵⁷ Там же. Д. 466, л. 22–25.

⁵⁸ Мартенс Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) (1845–1909) — русский юрист и дипломат, член-корреспондент Петербургской АН (с 1908 г.). В 1885 г. — вице-президент Европейского института международного права. Делегат России на ряде международных конференций (в том числе гаагских 1893, 1894 и 1906 гг.).

⁵⁹ Там же. Д. 454, л. 258–258 об.

⁶⁰ Там же. Л. 297–298.

⁶¹ Там же. Д. 3528, л. 233–236.

⁶² Там же. Д. 466, л. 8–8 об.

⁶³ Там же. Л. 17.

⁶⁴ Там же. Д. 460, л. 83.

⁶⁵ *Памятная книжка...* на 189^{8/9}, учебный год. С. 255.

⁶⁶ Там же. С. 7. В известной степени именно Ф. Ф. Врангель способствовал выдвижению Андрея Николаевича Мандельштама (1869–1939), который впоследствии (в начале XX в.) являлся 2-м и 1-м драгоманом русского посольства в Константинополе. А. Н. Мандельштам стал известным специалистом в области международного права, опубликовал ряд трудов: «Гаагские конфе-

ренции о кодификации международного частного права» (СПб., 1900. Т. 1–2.), «Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа» (СПб., 1906. Ч. I. 130 с.), «Гаагское третейское решение 11 ноября 1912 г. и его значение для развития международного права» (СПб., 1914. 118 с.), «Младотурецкая держава. Историко-политический очерк» (М., 1915. 68 с.).

⁶⁷ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 467, л. 1–3.

⁶⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1892. 20 окт. (1 нояб.); 1893. 20 окт. (1 нояб.); 21 окт. (2 нояб.).

⁶⁹ ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, д. 3528, л. 252.

⁷⁰ РГИА, ф. 759, оп. 75, д. 353, л. 25а.

⁷¹ Там же. Л. 28, 32–32 об.

⁷² Памятная книжка чинов... С. 125, 132, 134, 139, 143, 146.

А. И. Беленкова

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИЦЕИСТА
В. М. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Первый курс, самый знаменитый в истории Императорского Царскосельского — Александровского Лицея, оставил в нашей памяти не только незабываемое имя А. С. Пушкина, но и И. И. Пущина, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера.

Потомки многих первокурсников тоже отдали предпочтение Лицею. Это учебное заведение закончил внук поэта, Григорий Александрович Пушкин (XLV курс, выпуск 1889 г.), Лаврентий Иванович Пущин, внук И. И. Пущина (LV курс, 1899 г.), Виктор Михайлович Кюхельбекер (LIII курс, 1897 г.), внук Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

Со временем лицейские династии (их было более 60) стали своеобразной традицией. Это достойная характеристика высококлассного, уважаемого заведения. Оказавшись после 1917 года в изгнании, лицеисты чувствовали необходимость объединения в новых условиях. На предложение вспомнить бывшее откликнулись многие. Среди них был и Виктор Михайлович Кюхельбекер.

В. М. Кюхельбекер в своих «Воспоминаниях об Императорском Александровском Лицее» подробно перечислил всех членов своей семьи, которые закончили это учебное заведение: «С лицеем я был связан целым рядом родственных и семейных воспоминаний и отношений. Мой родной дед с отцовской стороны, В. К. Кюхельбекер, был лицеистом I курса. Два родственника моей матери, В. П. и Н. С. Гаевские были лицеистами XIV курса. Мой двоюродный брат по отцу Ф. Н. Косов был лицеистом XXXIX курса и, наконец, мой троюродный брат с материнской стороны Н. В. Гаевский, почти мой одноклассник и товарищ моего детства, был лицеистом XLIX курса. Все это создало у нас в семье как бы культ Лицея, и я с самого раннего детства мечтал о поступлении в это родственное мне учебное заведение»¹.

Родился Виктор Кюхельбекер в Варшаве. Его отец, Михаил Вильгельмович, был сыном лицеиста I курса Вильгельма Кюхельбекера. До четвертого класса юноша учился в одной из варшавских гимназий. В 1888 году, сдав вступительные экзамены, был принят в приготовительный класс Лицея², но спустя полгода вынужден был покинуть класс в связи с тяжелой болезнью.

Весной 1891 года Виктора приняли в шестой класс Александровского Лицея, на LIII курс, который он закончил в 1897 году.

Через четыре года В. Кюхельбекер, по приглашению тогдашнего директора Лицея А. П. Саломона, стал дежурным воспитателем, однако через год службы оставил дорогое его сердцу учебное заведение, так как ему трудно было совмещать работу в Лицее с основной службой в Министерстве финансов.

В 1905 году Кюхельбекер был избран представителем LIII курса в особый исполнительный орган Лицея — собрание лицейских курсовых представителей. Виктор Михайлович

занимался извещением своих товарищей по курсу о церемониале праздников, снабжением их билетами и пропусками.

7 января 1912 года после торжественного юбилейного акта в Лицее, проводившегося в присутствии императорской четы, Кюхельбекер был лично представлен императору Николаю II и императрице Марии Федоровне, которые удостоили его личной беседой.

Уехав после революции 1917 года в Польшу, Кюхельбекер стал лицейским представителем в этой стране. С 1935 года был председателем Правления лицейского объединения в Польше. Через 40 лет после окончания Лицея В. М. Кюхельбекер написал воспоминания, повинуясь желанию, высказанному на одной из встреч бывших лицеистов, 19 октября. Там говорилось о необходимости составить подробную историю Лицея. В обращении к бывшим лицеистам высказывалось мнение, что от них ждут правдивых воспоминаний, где главным будут не форма и способ изложения, а памятные описания. Подобные призывы к воспитанникам раздавались и раньше. Воспитанник IX курса К. С. Веселовский писал: «На совести каждого имеющего возможность пояснить некоторые черты нравственной физиономии Лицея, лежит обязанность сказать свое сильное слово».

В домашнем архиве Кюхельбекера было немало материалов по истории Лицея, но все они безвозвратно исчезли в Петрограде, откуда он в 1918 году уехал в Польшу. Решившись воскресить в памяти те далекие «счастливые времена», Кюхельбекер взялся за перо. Обращаясь к будущим читателям, он писал: «Я старался излагать в своих воспоминаниях одну только правду, приводя часто даже мелкие, незначительные факты, характерные, однако, для Лицея и потому дорогие для нас — лицеистов. Не затушевывая вместе с тем и некоторые отрицательные стороны, которые, конечно, были и у нас в Лицее». Воспоминания охватывают период 90-х годов XIX века. Кюхельбекер не столько рассказывает о себе, сколько о воспитателях, наставниках, однокурсниках. Эти бесхитростные, проникнутые искренней любовью к Лицею воспоминания соответствуют девизу «Для Общей Пользы».

Воспоминания В. М. Кюхельбекера об Императорском Александровском Лицее

Первое, что меня поразило при входе в здание Приготовительного класса, это был огромный рост красавец швейцар в придворной парадной красной ливрее с множеством золотых и серебряных медалей, а также какой-то своеобразный, специфический запах на лестнице, происходивший от просмоленного канатного коричневого ковра, которым была покрыта вся лестница.

В то время Приготовительный класс, хотя и состоял при Лицее, но фактически ничего общего с ним не имел. Он пользовался полной автономией, имея своего Главного Воспитателя — Александра Эдуардовича Лемма, фактически являвшегося полномочным директором и распорядителем судеб вверенных ему мальчиков.

А. Э. Лемм, главный воспитатель Приготовительного класса, был высокий, франтоватый, с аккуратно подстриженной небольшой бородкой, несколько суховатый господин с проседью, лет 50, из русских немцев, но великолепно говоривший по-русски, в форменном виц-мундире, с орденом Св. Владимира III степени на шее. В разговоре выяснилось, что он знал моего покойного отца и потому он меня обнял, старался всячески ободрить и стал меня сразу называть на «ты»...³

Помещение Приготовительного класса, хотя и имело несколько казарменный характер, все же, благодаря широким венецианским окнам и высоким потолкам, было светлое

и просторное. Полы были повсюду паркетные и блестели как зеркало. Электричества в те далекие времена еще, конечно, не было, и освещение всюду было керосиновое: такое же керосиновое освещение было и в большом Лицее, причем все классы освещались висячими лампами с рефлекторами, обращенными к потолку. В рекреационном зале, налево от входа, стоял стол дежурного воспитателя; на противоположной стороне висел поясной портрет Императора Александра III, а в простенке между двумя окнами — также поясной портрет бывшего попечителя Лицея Принца П. Г. Ольденбургского. В углу висел большой образ Спасителя, перед которым по утрам и по вечерам читались положенные молитвы. Под портретом Государя стояла длинная деревянная скамья со спинкой, пользоваться которой, по заведенному обычаю, могли только воспитанники старшего I отделения, именовавшиеся «сенаторами». Под портретом Принца Ольденбургского стояла маленькая скамья для воспитанников II среднего отделения, называвшихся «корнетами»; воспитанники же младшего, III отделения, или «поросята», своей скамьи не имели, а пользоваться скамьями старших товарищей не имели права, точно так же как не имели и права входить в старшие классы.

В столовой каждое отделение садилось за свой стол, и только в дортуарах этого разделения почему-то не придерживались, и на этой почве постоянно происходили между воспитанниками недоразумения.

При моем поступлении в Приготовительный класс всех воспитанников там было 45... Пробыл я в Приготовительном классе всего полгода, так как принужден был покинуть его вследствие серьезной болезни. Вторично я уже поступил прямо в большой Лицей, в VI класс, весной 1891 года.

Директором Лицея в 1891 г. был Н. Н. Гартман. Небольшого роста, типичный петербургский чиновник семидесятых годов прошлого столетия, седенький, с редкими бакенбардами и бритыми усами, сильно надушенный очень крепкими духами, сухенький немец, обладавший необыкновенно крикливым голосом, чрезвычайно напоминал маленькую обезьяну, за что и был прозван «макакой». В молодости он был офицером, но потом посвятил себя педагогической деятельности и много лет прослужил в училище правоведения, а потом перешел на службу в Лицей, сначала инспектором воспитанников, а в 1877 г. был назначен и директором. Он был не особенно умен, но пользовался у нас большим авторитетом, был, в сущности, очень добр, хотя и любил разносить, как он выражался, «по-губернаторски».

Он знал, что лицеисты прозвали его «макакой», и говорил: «Я знаю, что вы называете меня именем одного гадкого животного». Ко мне он относился очень благосклонно, так как хорошо знал мою мать и часто бывал в доме моих родственников Гаевских. Помню, как, встретив меня раз в лицейском саду, он в сильно повышенном тоне начал меня распекать за то, что я недостаточно отчетливо отдал ему честь по-военному, причем окончил свое распекание совершенно неожиданно: «Когда будете писать, кланяйтесь от меня Вашей мамаше, а теперь ступайте».

Инспектором воспитанников был в то время бар. Ф. Ф. Врангель. Он пользовался совершенно исключительным уважением и авторитетом. Это был очень умный, образованный и культурный человек. Моряк по образованию, окончивший Морскую Академию, он до поступления на службу в Лицей в 1883 году был воспитателем герцогов Мекленбургских. Бар. Ф. Ф. Врангель был прирожденный педагог и великолепный инспектор. Он знал решительно все, что делалось в Лицее, и появлялся совершенно неожиданно и днем и ночью. Он был очень требователен и не допускал никаких поблажек: не исполнить его требований никому не могло прийти в голову. Он был небольшого роста, рыжеватый, с гладко пробритым подбородком и с рыжеватыми бакенбардами. Говорил он по-русски с небольшим иностранным, скорее всего англ-

лийским акцентом, вследствие того, что дома он всегда говорил по-английски, будучи женат на англичанке, которую мы, никогда не видя в глаза, почему-то прозвали «леди Монтэгю». Он имел привычку каждую фразу начинать со слов «Э, вот!», причем правой рукой неизменно дергал себя за левую баку. Между нами мы его называли «Фердинандом» или даже просто «рыжим псом». Он, как ученый моряк, был превосходным математиком и преподавал в IV классе космографию. Он был человек долга, глубокий порядочности и в полном смысле слова джентельмен. В нашем курсе были два его родных племянника, бароны О. В. Врангель⁴ и Э. О. Шиллинг, державшие себя всегда с большим тактом.

Инспектором классов был проф. Н. М. Коркунов. На младшем курсе мы его видели только на экзаменах и познакомились с ним более близко уже на старшем курсе, где он читал Энциклопедию Права и Государственное Право.

Высшим педагогическим органом в Лицее был Совет, председателем которого был директор, а членами — оба инспектора, главный воспитатель пригготовительного класса и несколько профессоров старшего курса.

Воспитателей в каждом классе младшего курса было по 4, из которых один в каждом классе являлся старшим.

Воспитатели младшего курса переходили со своим классом от IV до VI включительно и таким образом оставались со своим классом в течение всех трех лет пребывания на младшем курсе. В 1891 году у нас, в VI классе, нашим старшим воспитателем был англичанин В. И. Вебб, или, как его все называли, мистер Вебб. Это был уже немолодой типичный англичанин, вполне хорошо говоривший по-русски, не очень умный, но добрый и приличный человек. Он пользовался среди нас всеобщим уважением, в случае маловажных проступков даже отстаивал нас перед начальством, но по отношению к нам всегда был очень требователен. Он никогда не повышал голоса, но в случае какого-либо проступка записывал фамилию провинившегося в особую книжку, которую мы называли «книгой живота», сопровождая это записывание sacramентальными словами: «And now I shall inscribe you»⁵. Он был всегда гладко причесан, носил боковой пробор и имел седые, коротко подстриженные бакенбарды и гладко выбритый подбородок. В молодости В. И. Вебб увлекался боксом, которому пытался обучать и своих воспитанников.

Младший воспитатель Ф. Ф. Россет был очень элегантный, красивый, представительный брюнет лет 30. Кроме Лицея он служил еще помощником обер-секретаря в Сенате и постоянно приносил на свои дежурства портфель, наполненный сенатскими делами, которыми он и занимался во время наших уроков или препараций. Пользовался он у нас большой любовью и симпатией за свой ровный и приветливый характер, и за все время нашего пребывания в Лицее у нас с ним не было никаких недоразумений. Называли мы его, любя, просто «Феликс».

Воспитатель А. П. Аксюк был человек хороший, но довольно мрачного вида, мало разговорчивый и с первого раза нам мало понравился. Впоследствии, когда мы его ближе узнали, мы поняли, какой он был кристально чистый и порядочный человек.

Француз К. Ю. Дю-Лу был совершенно другой по виду человек: молодой, замечательно красивый блондин с длинными пушистыми усами, всегда элегантно одетый, обладавший превосходными манерами и удивительно красиво говоривший по-французски. На младшем курсе он у нас преподавал французский язык. И как воспитателя, и как преподавателя мы его очень любили, хотя воспитатель он был очень слабый и никаким авторитетом у нас не пользовался, так что на дежурствах его мы делали буквально все что хотели. У него, как, впрочем, почти у всех французов, было необыкновенное

пристрастие к чинам, орденам и всякого рода знакам отличия. Одновременно с Лицеем он был еще преподавателем в Пажеском и Морском корпусах, а также преподавателем детей Вел. Князя Константина Константиновича. Вследствие своей службы в Морском корпусе он нарядился в морской сюртук, шинель и фуражку, причем на фуражке этой кокарда была передвижная, т. е. из гражданской превращалась в военную. На какое-то торжество в Лицее он явился в треуголке статского советника, не имея на то, конечно, никакого права, и на сделанное ему указание наивно отвечал, что такая треуголка ему больше нравится.

Многие обвиняли К. Ю. Дю-Лу в том, что он, будучи воспитателем, недостаточно солидно вел себя и позволял себе рассказывать воспитанникам разные интимные подробности из своей личной жизни. Быть может, это и правда, но в мое время К. Ю. Дю-Лу был много скромнее и если и позволял себе говорить разные двусмысленности, то только тогда, когда мы уже были на старшем курсе, а следовательно, перестали быть его воспитанниками.

Преподавателем Закона Божия был настоятель лицейской церкви протоиерей И. Н. Смирнов. Он был довольно требовательным преподавателем, но все же снисходительным к молодежи и, если можно так выразиться, каким-то благостным. Он пользовался всеобщим уважением не только среди воспитанников, но и среди своих сослуживцев. Он был одним из лицейских старожиллов, начав службу в Лицее в 1870 г. Несмотря на всеобщее уважение, у него все же было на моей памяти несколько неприятных инцидентов с воспитанниками младшего курса. Так, в одном из соседних классов, когда при разъяснении катехизиса он сказал: «Просфору надлежит вкушать с благоговением», кто-то иронически спросил: «А с кофеем, батюшка, можно?», на что прот. И. Н. Смирнов, совершенно не повышая голоса, ответил: «Вон из класса за подобный вопрос». Такая реплика была безусловно правильной, так как иначе могла бы возникнуть совершенно нежелательная дискуссия.

Другой раз как-то утром один из воспитанников, увидав прот. И. Н. Смирнова идущим по двору и направляющимся в Лицей, крикнул ему в форточку: «Осанна в вышних! Аллилуйя!» Так как крикнувший эти слова моментально спрятался, то прот. И. Н. Смирнов только грустно покачал головой, и инцидент этот никаких последствий не имел.

Находившийся тогда во втором классе XLIX курса А. Н. Хвостов, впоследствии министр внутренних дел, зверски убитый большевиками, увековечил это происшествие в следующем юмористическом стихотворении:

Вкусив вместо чашки чая
Благословенной просфоры,
Идет Святой Отец, зевая,
Через лицейские дворы.
Идет, задумался немножко,
Вперивши очи в небеса,
Вдруг ясно слышит, из окошка
Рекут такие словеса:

«Осанна в вышних! Аллилуйя,
Благословен грядый в Лицей...»
Святая Мать Перепегуя,
Хотел бы знать я, кто сей змей?
Святой Амвросий Медиоланский,

Пусть разразятся небеса
За тот поступок хулиганский
И за такие словеса.

Надо, впрочем, сказать, что подобные инциденты были просто мальчишеским озорством в младших классах, но отнюдь не носили характера издевательства над религией или духовным лицом, чего у нас в Лицее вообще никогда не было, так как все у нас относились всегда с полным уважением к религии и к церкви.

Не могу не вспомнить об одном маленьком курьезном инциденте, происшедшем у нас на уроке Закона Божия, если не ошибаюсь, в VI классе: один из наших товарищей, отвечая очередной урок по катехизису, запутался при перечислении соборных Апостольских посланий и один из них пропустил. Сидевший недалеко от него В. А. Юдин, желая ему подсказать, указал пальцем на себя, имея в виду пропущенное послание Апостола Иуды, но отвечавший, находившийся в большом смущении, совершенно неожиданно пролепетал: «Послание Василия», так как В. А. Юдина звали Василием, что вызвало, конечно, общий хохот всего класса.

Закон Божий для католиков преподавал К. Л. Мацулевич, а для лютеран — пастор Э. Ф. Герценберг.

Преподавателем русского языка и словесности был Н. Н. Гераков. Это был удивительно обаятельный человек. Очень красивый, обладавший задушевым голосом, он научил нас любить литературу. Будучи очень добрым человеком, он не мог быть требовательным преподавателем, но учились у него мы все хорошо, боясь иначе обидеть нашего любимого Колю Геракова. Латинский язык преподавал Г. Ф. Воронович. Он был чех по происхождению и бывший дерптский студент. Необычайно толст и грузен, очень добродушен и, как полагается чеху, отвратительно говорил по-русски. На этой почве происходило много курьезов. Так, однажды он стал диктовать для перевода на латинский язык такие глубокомысленные фразы: «Птица прыгает с сучки на сучку» и «Слон ходит длинными ногами и никогда не ест мышов». Преподаватель он был довольно требовательный, и потому *Виргилия* и *Горация* мы знали у него хорошо⁶.

Историю преподавал воспитатель старшего курса Ф. К. Неслуховский, заменивший в 1891 г. долголетнего преподавателя истории Е. А. Белова. Е. А. Белов прослужил в Лицее почти 25 лет, был чрезвычайно требователен, весьма резок и не признавал никаких авторитетов, а в особенности начальства. Про него рассказывали, что на одном экзамене истории с ним произошел следующий инцидент: один из воспитанников, говоря о государственном устройстве Венецианской республики, упомянул о Совете Десяти, тогда Е. А. Белов спросил его, из скольких членов состоял этот Совет. Видя, что воспитанник задумался, присутствовавший на этом экзамене директор Н. Н. Гартман, желая помочь воспитаннику, заметил, что тут нет никакого вопроса, так как само название дает на это ответ. На это экзаменатор Е. А. Белов вдруг возгласил: «Дурак тот, кто думает, что Совет Десяти состоял из десяти человек, он состоял из четырнадцати человек, так как кроме 10 постоянных членов в него входили Дож и Совет Трех».

Историю русской литературы читал проф. и академик И. Н. Жданов. Это был необыкновенно толстый и грузный человек, и читал удивительно невнятно. Он очень долго и подробно останавливался на «Слове о полку Игореве», творениях Даниила Заточника и Семена Полоцкого, остальную часть литературы до Петровского периода он проходил более быстро.

Историю западной литературы читал профессор, впоследствии также академик, Н. А. Котляревский. Это был всесторонне образованный человек, и читал он свои лек-

ции чрезвычайно увлекательно. По наружности это был красивый брюнет с небольшой бородкой, в пенсне, и при ходьбе преуморительно качал головой во все стороны...⁷

Два раза в неделю, по вечерам, происходили уроки фехтования для желающих. Преподавал его старенький, седой отставной капитан Р. С. Гавеман, лицейский старожил, служивший в Лицее с 1852 г. Помощником у него был В. Ф. Федоров, служивший в Лицее с 1862 г. Этот Федоров был замечателен тем, что при каждом ударе рапиры приговаривал: «С'est ça, не так!» Эти уроки вообще носили какой-то балаганный характер.

Воспитателем был К. И. Лозинский, которому, соседний, LI курс учинил большой скандал в то время, когда он был помощником инспектора. В одном из своих стихотворений Я. Г. Северский охарактеризовал его следующим образом:

Голос зычный,
Глаз привычный,
Рост исполинский —
Константин Лозинский.

Позже он был старшим воспитателем до конца нашего пребывания в Лицее. Он оказался очень порядочным человеком, и наш курс его очень любил, и прозвали мы его «Лозиманом».

Третьим воспитателем был М. Д. Бублик, пожилой человек, довольно мрачной наружности, в темных очках и с небольшой козлиной бородкой. Как человек желчный, он раздражался из-за каждого пустяка, но был добрейший и кристально чистый человек. Одним из наших развлечений было стравливание М. Д. Бублика с французом К. Ю. Дю-Лу. Когда последний, вследствие плохого знания тогда русского языка, наученный нами, задавал ему самые неприличные вопросы, возмущению М. Д. Бублика не было границ.

Наконец, четвертым воспитателем был Я. Г. Северский, который, как это ни странно, имел наибольшее влияние на наш курс. Наружность его ничем особенным не отличалась: довольно высокий, поджарый, с аккуратной подстриженной бородкой, блондин, в пенсне. Он обладал самыми разнообразными талантами: превосходный юрист, одно время готовившийся к профессуре по Уголовному Праву, страстный библиофил, потом заведовавший лицейской библиотекой.

В то время в большой моде было посещение буфета на плавучей пристани на Неве против Летнего сада, так называемого «Поплавка». Поэтому и мы, лицеисты, отдавая дань тогдашней моде, собирались на этом поплавке после каждого экзамена и провели там немало приятных часов.

Во время одного из наших экзаменов в Лицее произошла целая катастрофа: наш товарищ бар. Э. О. Шиллинг, который после прошлогоднего несчастного случая на охоте плохо видел, ехал во время экзаменационного перерыва по главной аллее лицейского сада на велосипеде и, не заметив шедшего к нему навстречу директора бар. Ф. Ф. Врангеля, наехал на него со всего размаха и сбил его с ног, и так неудачно, что у директора оказалась вывихнута рука и сломана ключица. Пикантность этого инцидента заключалась в том, что бар. Э. О. Шиллинг был племянником бар. Ф. Ф. Врангеля, и это дало повод разным острогам на тему о том, как племянник сломал шею своему дяде. Я и несколько товарищей оказались около места катастрофы, подняли стонавшего бедного директора и на руках отнесли его в лазарет. В результате он должен был пролежать в постели около шести недель, потом поехал лечиться за границу и совсем поправился только к осени...

Еще с младшего курса многие ездили на бал в некоторые учебные заведения, как, например, в Морской корпус 6 ноября, в Екатерининский институт 24 ноября, в Смольный институт и т. д. Лично мне пришлось также несколько раз побывать на этих балах, но потом мы как-то охладели к этим развлечениям, и только записные наши танцоры, а их у нас в курсе было немного, продолжали ездить на эти балы.

По воскресеньям и праздничным дням, около трех часов дня, многие из нас появлялись, по установившейся тогда моде, зимой на Большой Морской, ранней весной на Дворцовой набережной, а потом в Летнем саду. Чтобы отдохнуть, а зимой и согреться, многие, в особенности так называемые бездомные, к которым со II класса стал принадлежать и я, заходили в ресторан Мильбрета в Кирпичном переулке, в ресторан Мишеля и в Английскую гостиницу на Исаакиевской площади или в Гранд Отель на Малой Морской, куда нас охотно и беспрепятственно пускали. Согласно существовавшим тогда полицейским правилам, воспитанникам таких закрытых учебных заведений, как Лицей, вход в ресторан был безусловно запрещен, и потому для наших официальных обедов и ужинов 19 октября и на «неделе прощания» начальство наше предварительно сносилось с градоначальством. Рестораны же Мильбрета и Мишеля, а также Английская гостиница и Гранд Отель почему-то нас — лицеистов — пускали охотно. Я думаю, что полиция знала про наши посещения, но смотрела на это сквозь пальцы.

Ресторан Мишеля, самый старый из петербургских ресторанов, основанный, если не ошибаюсь, в 1771 г., одно время особенно охотно нами посещался, говорили, что в этот ресторан заходил пить шоколад еще Пушкин.

Одно время было в моде посещение рысистых бегах на Семеновском плацу, кое-кто поигрывал в тотализатор, но особенного увлечения этим не было. Вообще должен заметить, что дух азарта был чужд Лицею, карточных игр, по крайней мере, в мое время, совершенно не было, и я об этом даже никогда не слышал. Некоторые собирались по субботам у кого-либо из товарищей и там играли или, вернее сказать, учились играть в распространенный тогда винт.

Слегка отдали мы дань господствовавшей одно время в Лицее цыганомании, т. е. увлечению цыганами и их пением. Увлечение это в нашем курсе не приняло, впрочем, сколько-нибудь широких размеров. Думается, что произошло это потому, что в нашем курсе не много было богатых людей, остальные же располагали более или менее скромными средствами. Лично я бывал у модного тогда Алексея Шишкина в Новой деревне у Строганова моста всего раза два. И окружающая обстановка, и все, что я видел, меня особенно восхитить не могли, и я так и не сделался завзятым цыганоманом. Из наших товарищей больше всего увлекался цыганами Э. А. Крейслер⁹, про которого даже сложены стишки:

Эрнест Александрович Креслов
Известен на весь град Петров:
Порой бывает сильно пьян
И любит бешено цыган.

В ту пору у нас вообще пользовались успехом подобного рода стишки, которые писались Н. И. Арцишевским, В. В. Левенцом, В. А. Юдиным и мной, иногда эти стихи писались даже коллективно...

Одевались мы в то время чрезвычайно элегантно: собственные мундиры светло-зеленого сукна с широкими красными обшлагами шились преимущественно у модного тогда портного Брукста и имели чисто кавалерийский покрой: брюки были диагонале-

вые, фасона галифе, обязательно со штрипками. Пальто шились у Лускарева на Загородном проспекте, а треуголки были все от Брюно.

Судя по старинным лицейским группам и фотографиям, выглядели мы гораздо более элегантно, чем наши старшие товарищи. В шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия, уступая, быть может, духу тогдашнего времени, и мундиры, и даже прически имели подчеркнuto небрежный вид. В восьмидесятых годах все это изменилось, но мундиры тогда были чисто штатского покроя. В девяностых годах мундиры приобретают совершенно военный или, вернее, кавалерийский вид.

Вместе с мундирами проник в Лицей и некоторый дух милитаризма, что объясняется как массовым поступлением лицеистов по окончании Лицея на военную службу, так и близким знакомством лицеистов с военной гвардейской молодежью...

...Запомнился наш переход в последний, I класс. На акт нас в алфавитном порядке вызывали к столу, за которым сидело все начальство. Попечитель Лицея гр. Н. А. Протасов-Бахметев вручал каждому из нас шпагу, которую мы тут же ловко продевали через прорезанное место мундира, вкладывали ее в портулек, делали попечителю самый изысканный версальский поклон и, повернувшись налево кругом, церемониальным шагом шли на свое место¹⁰.

По окончании акта директор обходил все классы и поздравлял с переводом в следующий класс, добавляя при этом, что все свободны начиная с сегодняшнего дня. Но так как через два дня состоится коронация Государя, то в этот день в лицейской церкви будет отслужен торжественный молебен, по окончании которого в Лицее состоится завтрак, на котором могут присутствовать все воспитанники.

Из нашего класса на это торжество остались почти все, да и из других классов многие тоже отложили отъезд.

14 мая, в день коронации, в лицейской церкви состоялся молебен, а затем и завтрак. В столовой посередине был поставлен большой длинный стол, на одном конце которого поместилось начальство с директором во главе. Мы сели около самого начальства, а остальные по старшинству классов. Когда было подано шампанское, директор провозгласил тост за Государя и всю царскую семью, а мы троекратно спели «Боже, Царя храни!». В конце завтрака Н. И. Арцишевский, А. Н. Фельдман и я провозгласили тосты за Лицей, за директора и за все лицейское начальство.

К 1-му июля надо было прислать в Лицей сочинение по истории Русского Права, поэтому в течение всего июня я усиленно писал и переписывал это сочинение и выслал его даже несколькими днями раньше срока.

В первой половине августа мы узнали из газет о переменах всего лицейского начальства. Директором был назначен член Ученого Комитета Генерального штаба генерал-лейтенант Ф. А. Фельдман. Инспектором воспитанников был назначен гвардии полковник В. А. Шильдер, а инспектором классов — только что переведенный из Одессы проф. И. А. Ивановский¹¹... Наш прежний инспектор З. Б. Вулик назначен был главным начальником всех петербургских женских гимназий, а директор бар. Ф. Ф. Врангель не назначен, как это всегда делалось, почетным опекуном, а уволен просто в отставку.

Впоследствии мне пришлось слышать, что увольнение бар. Ф. Ф. Врангеля было вызвано какими-то не порядками в денежной отчетности, его имя даже связывали с постройкой оранжереи в лицейском саду и т. д. В действительности же ничего подобного, конечно, не было. Бар. Ф. Ф. Врангель был всегда идеально честным человеком, и никакие инспекции не могут запятнать его честного имени. Значительно позже я узнал, что вокруг бар. Ф. Ф. Врангеля уже давно плелась целая сеть интриг и велась сложная кампания в недрах Ведомства Учреждений Императрицы Марии, где вообще бар. Ф. Ф. Врангеля невзлюбили за его самостоятельность и полную независимость.

Бар. Ф. Ф. Врангель, как человек безусловно крупного калибра, стоял выше всех канцелярских формальностей, и мелкие, чисто формальные неправильности его в конце концов и погубили. Даже при назначении пенсии его обидели, и он об этом при наших встречах всегда говорил с большой горечью. Гр. Н. А. Протасов-Бахметев сыграл в этой истории не очень красивую роль, и это, конечно, не способствовало увеличению его популярности.

В двадцатых числах того же августа, также из газет, я узнал о неожиданной и трагической гибели нашего товарища М. А. Висконти. В газетах приводились все подробности этой катастрофы, впоследствии вполне подтвердившиеся.

Часть летних каникул М. А. Висконти провел за границей, во Франции и на юге Италии. Возвращаясь во второй половине августа в С.-Петербург, М. А. Висконти решил заехать на два дня в Висбаден, к нашему общему лицейскому товарищу Е. С. Протопопову. 22 августа М. А. Висконти с Е. С. Протопоповым поехали на несколько часов в близлежащий город Майнц над Рейном, где осматривали старинный готический собор. Во время посещения ими этого собора там производился ремонт. Не обратив на это внимания, они поднялись на самый верх колокольни, где были сняты решетки. Тут произошло нечто совершенно неожиданное: или М. А. Висконти поскользнулся, или у него закружилась голова, и он упал с верхней площадки колокольни вниз на каменные плиты. Находившийся в двух шагах от него Е. С. Протопопов только услышал крик и увидел, как М. А. Висконти летел в воздухе. Когда Е. С. Протопопов сбежал вниз, М. А. Висконти был уже мертв.

Трагическая гибель бедного М. А. Висконти, с которым я в течение последних лет поддерживал самые сердечные и дружеские отношения и в гостеприимном доме которого на Разъезжей улице я неоднократно бывал, причинила мне глубокое и тяжелое горе...

В тревожном настроении возвращался я после летних каникул в Санкт-Петербург, причем эта тревога по мере приближения к Санкт-Петербургу все усиливалась. Было невыносимо жаль бедного М. А. Висконти, этого славного и жизнерадостного юношу, чья молодая жизнь так трагически и нелепо оборвалась. Беспокоила также и перемена всего начальства в Лицее. Я отлично сознавал, что мы, как I класс, должны будем принять от нового начальства первый, так сказать, удар, и многое будет зависеть от того, как мы себя поставим и сумеем ли мы объяснить новому начальству, что Лицей — совершенно своеобразное учебное заведение, имеющее свои традиции и совсем не похожее на кадетский корпус или военное училище.

С такими невеселыми мыслями я приехал в Лицей вечером в воскресенье 1 сентября 1896 г. Приветствовавший меня наш старый швейцар Болохов на мой вопрос о новом начальстве ответил шепотом: «Люди видно серьезные, да ничего, Вы, наверное, с ними поладите...» Мы узнали, что на место Я. Г. Северского воспитателем на старший курс был переведен с младшего курса бывший лицеист XLVII курса С. П. фон Крут, которого мы давно знали. На освободившееся место воспитателя младшего курса после некоторых перетасовок был принят бывший лицеист XLVII курса А. А. Повержо, назначенный воспитателем в VI класс.

Правитель канцелярии К. И. Белых, тишайший и скромнейший человек, был уволен по личному распоряжению попечителя Лицея, гр. Н. А. Протасова-Бахметева, за непорядки в денежной отчетности, погубившей самого бар. Ф. Ф. Врангеля. На место К. И. Белых был назначен из контроля Ведомства Учреждений Императрицы Марии некий К. В. Атаманов, человек крайне нахальный и беспринципный. Говорили, что он был назначен в Лицей с целью шпионажа и доклада обо всем, что делается в Лицее, непосредственно попечителю...

I класс помещался во втором этаже, рядом со II классом, на правой стороне, под IV классом. Помещение I класса почти ничем не отличалось от II класса, только выглядело более нарядно. В рекреационном зале висел большой портрет Императора Николая II, а также поясной портрет Императрицы Марии Федоровны, кроме того, в зале находился бронзовый бюст Императора Александра I, а в аудитории, т. е. в классе, висел его же поясной портрет масляными красками.

Над кафедрой висела фотография заслуженного лицейского профессора Государственного Права А. Д. Градовского, скончавшегося в 1889 году. В аудитории перед конторками стояли не стулья, как в III и во II классах, а деревянные кресла.

Курилка в I классе, называвшаяся «каменкой» оттого, что в ней одно время хранилась коллекция минеральных камней, кем-то пожертвованных Лицею, а может быть, и оттого, что в ней хранился большой камень, по преданию, из фундамента здания Царсково-Скопского Лицея, и на котором на неделе прощания разбивался колокол, была украшена большим портретом Императора Александра II и фотографическими группами окончивших Лицей курсов, этими группами были завешены все стены «каменки». Их было более 30, так как обычай дарить Лицею фотографии выпускных групп установился с момента изобретения фотографии или даже их предшественников, дагерротипов...

В мае 1897 г. из нашего III курса окончило Лицей 27 человек. Более 40 лет прошло со времени окончания нами Лицея, и из нашего тогдашнего лицейского начальства, а также преподавательского и воспитательского персонала почти никого не осталось в живых. Из окончивших Лицей в 1897 г. нет в живых 8 человек.

Трое — барон Г. М. Врангель, И. П. Купчинов и Д. Н. Чихачев — погибли мученической смертью, будучи расстреляны большевиками. В особенности ужасна и кошмарна была смерть бар. Г. М. Врангеля, этого милого и тихого Жоржика: осенью 1918 г. банда матросов и местных крестьян ворвалась в его усадьбу около Петергофа и на глазах обезумевших от ужаса его жены, маленьких детей и старушки матери, зверски его убила, предварительно подвергнув жесточайшим пыткам: отрубив ему сначала руки и ноги, отрезав ему уши, вырвав язык и выколов глаза. Даже после смерти эти звери в человеческом образе не оставили его в покое, а повесили обезображенное тело на дереве, воткнув в рот окуроченный папиросы. Несколько дней висело тело так, пока наконец дворня, вняв мольбам и рыданиям его близких, не позволила снять его тело, которое ночью и было похоронено в местном парке. О кончине И. П. Купчинова и Д. Н. Чихачева я почти ничего не знаю. Знаю только, что оба они были расстреляны большевиками и также предварительно подвергнуты пыткам: первый в Москве осенью 1919 г., а второй в то же время около Киева...

Остальные наши скончавшиеся товарищи умерли не при таких трагических обстоятельствах: 5 сентября 1899 г. скончался от чахотки в Ялте В. В. Левенец, талантливый и многообещающий поэт, 30 июля 1905 г. застрелился в Санкт-Петербурге в припадке нервного расстройства Е. И. Тарасов, весной 1922 г. скончался в Москве от болезни печени, а более от недостатка лекарств и медицинской помощи Н. Н. Малевинский, в 1922 г. скончался в Польше И. П. Громницкий, бывший там городским судьей, еще до революции скончался в России В. А. Юдин, отставной лейтенант флота, но у меня нет никаких сведений ни о времени, ни о месте его кончины...

Окончив Лицей и превратившись в бывших лицейстов, мы не порвали связи друг с другом и часто встречались, в особенности часты были наши встречи в первые годы по окончании Лицея, когда большинство наших однокурсников жило еще в Санкт-Петербурге. В первый год мы регулярно, каждую субботу, собирались у Д. Н. Чихачева на Гагаринской (Французской) набережной. Собрания эти бывали довольно многолюдны, потому что и хозяин, и несколько человек из нашего курса с осени 1897 г. отбывали воинскую повинность

вольноопределяющимися и им поэтому нельзя было в военной форме посещать ресторанов.

Не порвали мы связи и с Лицеем и продолжали живо интересоваться всем, что в нем происходило. Лично мне очень часто приходилось бывать в Лицее — в особенности в первые годы по окончании, когда в Лицее было еще много моих близких друзей...

В самом начале 1901 г. я принял участие в созванном тогдашним директором Лицея А. П. Саломоном совещании бывших лицейцев, имевшем целью установить действительные лицейские традиции.

Последний раз был я в Лицее уже после революции, в мае 1917 г., на заседании собрания лицейских курсовых представителей, созванном последним попечителем Лицея — статс-секретарем гр. В. Н. Коковцовым.

Грустно было это последнее заседание: директор Лицея генерал В. А. Шильдер был тяжело болен, и его обязанности исполнял инспектор Лицея А. А. Повержо. На заседании выяснилась предательская роль «дядек» и чувствовалось, что Лицею наступает несомненный и скорый конец...

В 1917 г. 19 октября было отпраздновано очень тихо в лицейском собрании, там было устроено скромное чаепитие, на которое собралось довольно много бывших лицейцев. Настроение у всех было очень подавленное, так как со дня на день ожидался большевистский переворот.

Очутившись в 1921 г. за границей — в Польше, я сразу же восстановил связь с главным лицейским центром в Париже и рассеянными по всему свету лицейцами...

Каждое 19 октября в Варшаве собирается на традиционный ужин около 15 человек, и все, без различия национальностей и религий, вспоминают об общем для всех дорогом Лицее и годах, в нем проведенных. Вспоминают и своих товарищей, рассеянных теперь буквально по всему миру и также празднующих 19 октября.

Таким образом исполняются пророческие слова А. С. Пушкина:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

...Теперь, когда прошло более 40 лет со времени окончания нами Лицея, можно совершенно спокойно и объективно подвести некоторые итоги и сказать несколько заключительных слов о самом Лицее...

Нас всех всегда удивляло, почему Император Александр I, основывая в 1811 году Лицей, не обеспечил его землями или капиталами, подобно тому как сделала Императрица Мария-Тереза для основанной ею в Вене Терезианской академии, специально созданной для образования будущих дипломатов и по образцу которой до известной степени был создан и наш Лицей...

Что же представлял из себя наш Лицей?

Это было удивительное культурное и учебно-воспитательное заведение, соединявшее в себе три последних класса гимназии с тремя специальными университетскими классами. Покойный профессор Н. М. Коркунов назвал как-то старший курс Лицея факультетом государственных и политических наук. Едва ли, впрочем, такое определение совершенно правильно: ведь в Лицее, помимо чисто юридических наук, проходились также некоторые науки или дисциплины историко-филологического факультета, пра-

вильнее поэтому было бы называть Лицей — факультетом государственных, политических и исторических наук.

Лицейская программа была составлена блестяще: она была изумительно последовательна и логична и несколько напоминала программу дореформенных камеральных отделов юридического факультета в университете. Лицей давал своим питомцам полную энциклопедичность образования, и эта энциклопедичность была его силой, а также и слабостью. Сила заключалась в том, что окончившие Лицей оказывались всесторонне образованными людьми, слабость же заключалась в отсутствии какой-либо специализации, что так необходимо в жизни, а в особенности теперь.

Пробел этот можно было бы очень легко восполнить, введя в последний, I класс, кое-какие дополнительные занятия, ведь в мое время в I классе было всего по 4 лекции в день и потому для дополнительных, хотя бы вечерних занятий, всегда можно было бы найти время.

На этих вечерних занятиях, или так называемых семинарах, следовало бы преподавать для желающих посвятить себя дипломатической карьере более подробно международное право и историю трактатов, для желающих посвятить себя административной службе — более подробно административные законы и, наконец, для поступающих на службу в Министерство Финансов — основы бухгалтерии и более подробно финансовое право, в частности его отделы о кредите, банковском деле и податной системе.

Кроме того, следовало бы обязательно всех знакомить с основами канцелярского делопроизводства — входящими и исходящими бумагами, журналами, реестрами, алфавитами и проч.

Думается мне, что ознакомление с этими дополнительными, чисто практическими сведениями ничего кроме пользы не принесло бы.

Наконец, желающих посвятить себя военной службе следовало бы, может быть, знакомить с основами некоторых чисто военных наук — техникой, стратегией, фортификацией и пр., подобно тому, как это же было в Царскосельском Лицее до 1829 г.

Воспитательная часть в Лицее стояла на очень высоком уровне, и не потому, что все без исключения воспитатели были идеальными педагогами. Были среди них воспитатели и неважные, и даже совсем неподходящие. Воспитание же зависело не только от одних воспитателей, но и от начальства, и, в частности, от директора, дававших, конечно, тон всему Лицею. Я лично знал пятерых директоров Лицея (Н. Н. Гартмана, бар. Ф. Ф. Врангеля, ген. Ф. А. Фельдмана, А. П. Саломона и ген. В. А. Шильдера), все это были люди очень культурные, глубоко порядочные, горячо любившие Лицей и сумевшие передать эти свои качества и любовь к Лицею своим питомцам. Бар. Б. Э. Вольфа, бывшего, как говорят, очень неудачным директором в течение двух лет (1908–1910), я почти не знал.

Со времени директорства А. П. Саломона в Лицее на воспитательскую службу было привлечено довольно много бывших лицейцев. Привлечение на воспитательские должности бывших питомцев Лицея оказалось очень удачным, так как они поступали на службу в Лицей исключительно по идейным соображениям, будучи горячо преданными Лицею и хорошо зная лицейскую жизнь, а также особенности и традиции Лицея.

Раздавались, правда, и в лицейских кругах голоса против привлечения бывших лицейцев на воспитательские должности в Лицее, причем указывалось на недостаточную их подготовленность в педагогических вопросах и на их сравнительную молодость. Едва ли, впрочем, эти возражения были очень серьезны. Лицейские воспитатели из бывших лицейцев всегда пользовались большим влиянием и авторитетом среди воспитанников и часто являлись даже судьями при разрешении спорных вопросов, касающихся лицейской жизни и традиций.

Немаловажную роль в воспитании играл и I класс, пользовавшийся, по традиции, огромным авторитетом среди младших товарищей и стоящий на страже всех лицейских традиций и обычаев. Достаточно вспомнить роль I класса в праздновании 19 октября и недели прощания. Произносившиеся на этих праздниках речи, дышавшие горячей любовью к Лицею, глубоко западали в юные сердца молодых лицеистов и запоминались ими навсегда. Большую роль в воспитании играли также и сами воспитанники, которые незаметно влияли друг на друга. Как морские волны обтачивают острые камни, так и товарищи в постоянном общении как-то смягчали все шероховатости, относясь, однако, с полным уважением к индивидуальным верованиям, убеждениям, национальным чувствам и политическим взглядам. В Лицее воспитывались не только русские, но и поляки, и немцы, и финляндцы, и другие инородцы. Все они сохранили любовь и благодарную память к Лицею... Велико было обаяние Лицея и его товарищеского духа, если новички через каких-нибудь полтора месяца с момента поступления — к 19 октября — превращались всегда в настоящих лицеистов.

Совершенно как-то незаметно прививались ко всем нам лицейские взгляды и убеждения: пламенная любовь к Родине и Лицею, его традициям и заветам, понятия о чести и долге, уважение к старшим и к женщинам и, наконец, то особое благородство духа и гуманное отношение к людям — *politesse de coeur*, которые так характерны для всех лицеистов.

Окончившие Лицей не порывали связи ни с ним, ни со своими товарищами, а, ставясь в ряды бывших лицеистов, продолжали оставаться членами лицейской семьи и жить ее интересами до самой своей смерти.

Эти особенности, т. е. товарищество, преданность традициям и заветам Лицея, а также энциклопедичность образования и великолепное воспитание, которое давал Лицей своим питомцам, сделали из него совершенно своеобразное учебно-воспитательное заведение, сыгравшее очень крупную роль в истории Российской Империи последнего столетия и не имевшее себе равного, кажется, во всем мире...

Варшава, 1937–1938 гг.

Именной указатель

Аксюк Анатолий Павлович — младший воспитатель в 1895–1899 гг.

Арцишевский Николай Иванович — воспитанник LIII курса. Автор стихотворных куплетов об однокурсниках.

Белов Евгений Александрович (1826–1895) — преподаватель истории с 1867 по 1891 г.

Белых Константин Иванович — правитель канцелярии до 1896 г.

Болохов К. — бывший лейб-гусар, более десяти лет прослуживший швейцаром.

Бублик Матвей Дмитриевич — воспитатель в 1890-е гг.

Вебб Владимир Иванович — мистер Вебб. Воспитатель, преподаватель английского языка; одновременно преподавал и в Морском корпусе, способствовал приобщению воспитанников к спорту (бокс, теннис).

Веселовский Константин Степанович (1819–1901) — воспитанник IX курса.

Висконти Марсалий Александрович (1877–1896) — воспитанник LIII курса. Трагически погиб в Германии (Майнц).

Вольф Борис Эдуардович, фон (?–1917) — барон, гофмейстер высочайшего двора, действительный статский советник. Был директором в 1908–1910 гг.

Воронович Герман Федорович — преподаватель латинского языка. Выпускник Дерптского университета.

Врангель Георгий Михайлович (1876–1918) — барон, воспитанник LIII курса. Надворный советник. Земский начальник. Расстрелян большевиками в 1918 г.

Врангель Фердинанд Фердинандович (1844–1919) — барон, действительный тайный советник. Инспектор воспитанников с 1883 по 1892 г. Директор Лицея с 1892 по 1896 г.

Вулих Захар Борисович (?–1897) — инспектор классов с 1893 по 1896 г. В 1896 г. назначен главным начальником женских гимназий Санкт-Петербурга. Сын его, Б. З. Вулих, закончил LI курс Лицея.

Гавеман Р. С. — отставной полковник. Был учителем фехтования, прослужив более 30 лет.

Гаевский Виктор Павлович (1826–1888) — воспитанник XIV курса. Историк Лицея.

Гаевский Николай Викторович (?–1906) — воспитанник XLIX курса.

Гаевский Н. С. — воспитанник XIV курса.

Гартман Николай Николаевич (1825–1892) — тайный советник. Служил инспектором воспитанников и классов (1875–1877). Директор Лицея (1877–1892).

Герakov Николай Николаевич — преподаватель русского языка и словесности. Запомнился воспитанникам удивительным чтением пьес А. Н. Островского.

Герценберг Эдуард Федорович — пастор, преподавал немецкую литературу. Творчеству Шиллера и Гете предпочитал религиозные произведения немецкого поэта Ф. Клопштока, требуя от воспитанников делать переводы. Преподавал Закон Божий воспитанникам-лютеранам.

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) профессор. Преподавал государственное право.

Громницкий Иван Петрович (1876–1922) — воспитанник LIII курса. Служил городским судьей в Варшаве.

Дю-Лу (Du Lou) Карл Юлиевич — младший воспитатель. Преподавал французский язык (1892–1896).

Жданов Иван Николаевич (1848–1901) — профессор, академик. Преподавал историю русской литературы.

Ивановский Игнатий Александрович — действительный статский советник, профессор политической экономии и права. Член Совета Лицея (1902–1905). Известен своими трудами по государственным вопросам. Много добрых слов оставили о нем бывшие воспитанники в своих воспоминаниях.

Кокцов Владимир Николаевич (?–?) — воспитанник XXXII курса. Член Совета Лицея с 1901 г. Последний попечитель Лицея. Председатель правления Лицейского общества в Париже. Один из основателей лицейского архива за рубежом.

Коркунов Николай Михайлович — действительный тайный советник. Профессор. Инспектор классов (1883–1893). Читал государственное право.

Косов Федор Николаевич (?–1899) — воспитанник XXXIX курса.

Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — профессор, академик. Преподаватель истории западной литературы. Член комитета Пушкинского Лицейского общества.

Круг Сергей Платонович — воспитанник XLVII курса. Воспитатель (1893–1898). Был очень уважаем лицеистами за ровный и спокойный характер.

Купчинов Иван Порфирьевич (1877–1919) — воспитанник LIII курса. Расстрелян большевиками.

Левенец Владимир Владимирович (?–1899) — воспитанник LIII курса. Через два года после окончания Лицея (1899 г.) покончил жизнь самоубийством.

Лемм Александр Эдуардович — главный воспитатель приготовительного класса.

Лозинский Константин Иванович — воспитатель, помощник инспектора (1894–1896).

Лускарев П. — известный петербургский портной, модный среди молодых людей.

Малевинский Николай Николаевич (1876–1922) — воспитанник LIII курса.

Мацулевич Константин Леонович — прелат. Преподавал Закон Божий для воспитанников-католиков.

Неслуховский Франц Карлович — воспитатель, преподаватель истории (1891–1909).

Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812–1881) — попечитель Лицея (1843–1881). С 1860 г. управлял всеми учреждениями ведомства императрицы Марии, был назначен главноуправляющим IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Повержо Александр Александрович (1870 — не ранее 1938) — лицеист XLVII курса. Репетитор (1896–1901), курсовой воспитатель (с 1901).

Протасов-Бахметев Николай Алексеевич — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Попечитель Лицея (1889–1890)

Протопопов Евгений Сергеевич — воспитанник LIII курса.

Пушкин Григорий Александрович — воспитанник XLV курса, внук А. С. Пушкина.

Пуцин Лаврентий Иванович — воспитанник LV курса. Член Государственной думы. Внук воспитанника I курса, друга А. С. Пушкина, И. И. Пуцина.

Россет Феликс Феликсович — младший курсовой воспитатель. Член Лицейской Конференции. Оставив в 1899 году Лицей, ушел на пост директора Приюта принца Ольденбургского. Считал свой уход большой потерей для себя. Помощником обер-секретаря в Сенате.

Саломон Александр Петрович (1853–1908) — воспитанник XXXIII курса. Окончил Лицей с золотой медалью в 1874 г. Шталмейстер Высочайшего двора. Член Государственного совета. Директор Лицея (1900–1908).

Северский Яков Григорьевич — воспитатель. Юрист по образованию. Занимался юридической практикой. Театрал, библиофил. Заведовал лицейской библиотекой.

Смирнов Иоанн Николаевич — протоиерей, настоятель лицейской церкви, преподавал Закон Божий и читал лекции по истории церкви. Прослужил в Лицее 35 лет. В 1905 году покинул Лицей, был настоятелем в церкви МИДа. Своих сыновей Александра (XLIX курс) и Бориса (LIII курс) отдал в Лицей.

Тарасов Евгений Иванович (1876–1905) — воспитанник LIII курса.

Федоров Виктор Фомич — помощник учителя фехтования, прослужил в Лицее более 25 лет.

Фельдман Ампилий Николаевич — воспитанник LIII курса.

Фельдман Федор Александрович (1835–1902) — генерал-лейтенант. Директор Лицея (1896–1900).

Хвостов Александр Николаевич (1872–1918) — воспитанник XLIX курса. Министр внутренних дел (1915–1916). Расстрелян большевиками.

Чихачев Дмитрий Николаевич (1876–1919) — воспитанник LIII курса. В 1919 г. расстрелян большевиками.

Шиллинг Эрнест Оттонович — воспитанник LIII курса. Много сделал для сбора лицейских материалов, которые хранятся в Брюсселе. Сын его, А. Э. Шиллинг, закончил LXVIII курс.

Шильдер Владимир Александрович — генерал-лейтенант, статский советник. Инспектор воспитанников (1896–1900) последний директор Лицея (1910–1917). В 1925 г. был осужден по «делу лицейстов».

Шишкин Алексей — заведовал рестораном, который славился цыганским хором.

Юдин Василий Александрович (1875–1915) — воспитанник LIII курса. Служил на флоте.

Примечания

¹ «Воспоминания об Императорском Александровском Лицее» В. М. Кюхельбекера содержат 234 листа, отпечатанных in-quarto (четверть печатного листа) на гектографе. Хранятся в Брюсселе (лицейский архив).

² Приготовительный класс помещался в отдельном небольшом двухэтажном здании на углу Б. Монетной улицы и Каменноостровского проспекта. Находился в подчинении Лицея. Главным воспитателем Приготовительного класса был Александр Эдуардович Лемм, живший в здании, где находился управляемый им Приготовительный класс.

³ Воспитанники Приготовительного класса в шутку расшифровывали аббревиатуру И.А.Л. (Императорский Александровский Лицей) как Институт Александра Лемма.

⁴ Вероятно, это ошибка. О. М. Врангель среди воспитанников Лицея не числится. На LIII курсе учился Г. М. Врангель, племянник директора.

⁵ Теперь я запишу Вас (*англ.*).

⁶ В архиве Брюсселя сохранилось стихотворение неизвестного автора, которое приводит А. Н. Яхонтов:

Воронович с толстым брюхом
Весь пропитан римским духом.
И всегда сказать готов:
«Цезарь напал на врагов».

(Лицейский архив, ф. XIX–31)

⁷ В письме к Ф. Ф. Врангелю Котляревский писал, что считает годы службы в Лицее лучшими годами своей жизни.

⁸ А. А. Повержо в своих «Воспоминаниях» (хранятся в лицейском архиве Брюсселя, ф. XIX–б/а) пишет о Лозинском как о человеке мрачного вида, грубоватом, прозванным «извозчиком».

⁹ В списках воспитанников Лицея Э. А. Крейслер не значится.

¹⁰ А. А. Повержо в «Воспоминаниях» (с. 34) пишет: «Шпаги были казенные, но почти каждый воспитанник получал шпагу от своих предшественников, иногда от брата или отца. Самая почетная историческая шпага была шпага В. К. Кюхельбекера. В свое время ее получил внук поэта, В. М. Кюхельбекер».

¹¹ В «Воспоминаниях» С. С. Бехтеева, воспитанника LIX курса (лицейский архив Брюсселя, ф. ХХС–24), сохранилось его стихотворение о профессоре И. А. Ивановском:

Ивановский я, Игнатий,
Заправила всех занятий,
Говорю всегда на «О»,
Ровно, тихо и красно.

С. В. Павлова

ВОСПОМИНАНИЯ

ЛИЦЕИСТА

П. М. ФОН КАУФМАНА

В третьем номере «Пушкинского музеума» были опубликованы воспоминания известного историка Д. Ф. Кобеко о годах, проведенных в Императорском Александровском Лицее. В предисловии к публикации говорилось о большом интересе, который вызывает сегодня эта школа, воспитавшая не только великого русского поэта, но целую плеяду замечательных людей, оставивших яркий след в государственной деятельности, общественной жизни, отечественной науке и культуре; говорилось о том, что познать и понять эту школу помогают не только архивные документы, официальная хроника, но и воспоминания его воспитанников, живых свидетелей былого. Предлагаем познакомиться с еще одними неизвестными лицейскими воспоминаниями, которые, без сомнения, вызовут интерес у читателя. Написанные живо, ярко, интересно, с чувством юмора и с большой любовью к учебному заведению, товарищам, преподавателям, они относятся к одним из значительных воспоминаний об Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) Лицее. Их автор — воспитанник 35-го курса Петр Михайлович фон Кауфман.

Петр Михайлович Кауфман принадлежит к числу государственных деятелей Российской империи царствования Александра III и Николая II: обер-гофмейстер, член Государственного совета, сенатор, министр народного просвещения. Петр Михайлович по праву гордился своим родом: дед — ветеран Отечественной войны; отец, Михаил Петрович, — герой кавказских войн, директор Николаевского инженерного училища, сенатор, член Государственного совета, известный филантроп; дядя, Константин Петрович, инженер-генерал, туркестанский генерал-губернатор, руководил завоеваниями Средней Азии. Это Константину Петровичу в 1913 году в Ташкенте Россия поставила памятник, и в память заслуг дяди Петру Михайловичу разрешено было именоваться «Кауфманом-Туркестанским». И дед, и отец, и дядя — кавалеры ордена Святого Георгия (разных степеней), ордена, полученного за личное мужество, проявленное в военных действиях.

В 1877 году Петр Кауфман блестяще (с золотой медалью, чином IX класса) закончил Императорский Александровский Лицей, и началось его восхождение по иерархической лестнице государственной и придворной службы. На всех постах он всегда проявлял себя как человек деловой, энергичный, решительный, целеустремленный, умеющий быстро ориентироваться в обстановке, подобрать нужных, необходимых для выполнения дела людей. В период царствования императора Александра III в течение почти десятилетия он участвовал в разработке важнейших законодательных актов. Многие годы Петр Михайлович трудился в ведомстве Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, участвуя в его преобразованиях. Это он предложил, а затем составил и впервые опубликовал росписи доходов и расходов

ведомства, давшие обществу возможность судить о значении, средствах и оборотах учреждений императрицы Марии. Им же был составлен проект преобразования Опекунского совета и местного управления в столичных заведениях ведомства. В результате были установлены правила материальной и уголовной ответственности почетных опекунов, управляющих отдельными заведениями. Этот проект, одобренный Александром III, возбудил против его автора многих лиц, видевших в реформе умаление своих прав, а в требовании законности — выражение недоверия. Однако это преобразование, хотя и не вполне, было осуществлено.

В течение почти двух лет (с апреля 1906 по январь 1908 года) П. М. Кауфман занимал должность министра народного просвещения. Он принял учебное ведомство в труднейшее (после революции 1905 года) время: были закрыты университеты и другие высшие школы, в средней школе бастовали ученики. Бойкот русской школе объявлен в Польше, Финляндии, на Волге, в Крыму. Против Министерства народного просвещения — и общество, и родители, и оппозиционно настроенные преподаватели. Новый министр быстро освоился с положением. Уже с осени 1906 года все учебные заведения были открыты, постепенно стали налаживаться занятия. К концу 1907 года во всех учебных заведениях был водворен порядок. Кауфман проводил реформы в области народного образования с учетом обстоятельств и требованием времени, сделав много необходимого и полезного. Крупнейшим вкладом стало внесение в Государственную думу законопроектов о введении в России всеобщего начального обучения и об увеличении кредитов на народное образование.

Будучи членом Государственного совета, Петр Михайлович принимал активное участие в его работе, принадлежа к группе центра.

Кауфман известен также по работе в обществе Красного Креста. Как только было получено сообщение о нападении японцев на Порт-Артур и Красный Крест приступил к мобилизации, Петр Михайлович был избран главноуполномоченным Красного Креста. Находился при действующей армии и в тылу. Ляоян, Мукден, Порт-Артур знал не только по названиям. Умелым подбором ближайших сотрудников и личным примером ему удалось сплотить порученную ему организацию и направить общие усилия к одной цели — оказанию помощи и эвакуации больных и раненых воинов.

По линии Красного Креста он принимал участие и в Первой мировой войне. В августе 1914 года в Восточной Пруссии под Каушеном был убит в бою единственный сын Петра Михайловича — Михаил, выпускник Александровского Лицея (выпуск 1907 года), корнет лейб-гвардии Гусарского полка. Посмертно за храбрость его наградили орденом Святого Георгия IV степени.

После революции, уволенный со службы, Петр Михайлович переезжает из Петрограда в Кисловодск, где у него была дача. Во время Гражданской войны работал по ведомству Красного Креста сначала на юге России, а с 1920 года — в Париже. Умер в 1926 году, похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Подобно большинству воспитанников Лицея Кауфман на всю жизнь сохранил привязанность к воспитавшему его учебному заведению. Неоднократно исполнял обязанности попечителя Лицея во время отсутствия Н. А. Протасова-Бахметева; был членом совета Императорского Александровского Лицея. По званию члена совета являлся членом комитетов Пушкинского лицейского общества и товарищеской кассы бывших воспитанников Лицея. Это Петра Михайловича, импозантного, седовласого, седобородого человека, можно увидеть сидящим в центре за столом на известной фотографии Карла Буллы, запечатлевшей момент инсценировки лицейского экзамена, устроенного для И. Е. Репина в Александровском Лицее во время работы художника над картиной «Пушкин на лицейском экзамене». Кауфману мы обязаны изданием в 1900 году под-

линного военно-судного дела о дуэли Пушкина с Дантесом, до того времени в полном объеме публике неизвестном. Как свидетельствует текст на титульном листе, все средства от этого издания пошли в фонд Пушкинского лицейского общества («Издано в пользу фонда Пушкинского лицейского общества»).

В 1911 году Петр Михайлович был членом комитета по выработке программы юбилейных торжеств по случаю столетнего юбилея Лицея. Комиссия признала, что «лучшим способом почтить вековую годовщину Лицея было бы начертание его истории, долженствующей изобразить жизнь Лицея за этот период во всех ее проявлениях». В состав редакционной комиссии по составлению юбилейной истории Лицея за сто лет вошел и П. М. Кауфман. Предполагалось, что основной материал для составления истории будет взят из архива Лицея. Воссоздать внутреннюю жизнь школы должны были помочь воспоминания лицеистов. Среди тех, кто временно оторвался от обывательской жизни, взялся за перо и воскресил в памяти забытое, но дорогое прошлое, был и Петр Михайлович Кауфман. К сожалению, история Лицея за сто лет его существования не была написана. Не увидели свет и воспоминания Кауфмана. Сегодня, почти сто лет спустя, первыми с ними познакомятся читатели «Пушкинского музея». Текст печатается по машинописной копии воспоминаний, хранящейся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН¹. Из-за большого объема текст печатается с сокращениями, которые обозначаются угловыми скобками. Кроме того, встречаются пропуски и в самом машинописном тексте (обозначаются квадратными скобками). Объяснение этим пропускам дает секретарь Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбот в записи, сделанной карандашом на последней странице машинописи. Причина — неразборчивый почерк Кауфмана, и то, что не смогла прочесть машинистка, обернулось пропусками в тексте. Как пишет Рейнбот, Петр Михайлович собирался править машинопись сам, но не сделал этого. Не смог исправить положение и Рейнбот, по всей вероятности из-за того, что не располагал рукописью. Очевидно, рукопись осталась у автора воспоминаний. В настоящее время ее местонахождение неизвестно.

Воспоминание о Лицее лицеиста XXXV курса П. М. фон Кауфмана (1871–1877)

Родился я 7 июня 1857 г. в г. Тифлисе, из чего не следует, что я восточный человек, ибо случилось это лишь потому, что отец мой, прослужив 17 лет на Кавказе, там женился и в момент моего рождения проживал в Тифлисе, командуя Кавказским Саперным батальоном. Не могу, однако, сказать, чтобы родина не имела на меня никакого влияния. Независимо от волнистого профиля и южного оперения, в характере моем до сих пор наблюдаются некоторые свойственные кавказским туземцам черты: я очень вспыльчив, люблю кейф, могу ни о чем не думать, не пьянею от хакетинского, ничему не удивляюсь, очень привязан к семье, горжусь предками, предпочитаю ездить на уздечке и не страдаю от жары. <...>

Вступительный экзамен наш (в Императорский Александровский Лицей. — С. П.) происходил в мае 1871 года. Помню, весна была чудесная. Отец не имел возможности меня возить в Лицей сам и поручил меня своему секретарю — бывшему лицеисту К. П. Нарановичу, с которым мы и ездили ежедневно, в течение недели, на испытания. Приготовлен я был хорошо и рискнул конкурировать на казенную вакансию. Помню, вакансий было 10; конкурентов около 70. Я поступил первым. <...> Никаких особенных обстоятельств за время экзаменов у меня в памяти не осталось, кроме того, что дома мы репетировали втроем: Идаров, Суковкин и я; Идаров даже у меня ночевал, а

Суковкин приезжал к Исакию с Знаменской каждый день. Все трое выдержали экзамен успешно. Впрочем, на экзамене из географии произошла сцена, о которой я вспоминаю и теперь. Я поступал в младший IV класс², как и большинство, но между экзаменовавшимися было несколько мальчиков, приготавлиемых и поступающих, по возрасту, в III класс. В числе последних находился Н. Чарыков, ныне посол в Константинополе. На экзамене географии, когда нас рассадили, чтобы чертить на память карты, около меня, т. е. за соседней конторкой очутился Чарыков. Он тогда только что прибыл из Англии, где обучался в каком-то пансионе; одет он был не так, как мы все, а в каком-то смокинге (тогда и взрослые еще этого костюма не носили); ходил и говорил Ч. размеренно, держался в стороне и выглядел гораздо старше своих лет. Мы, четвероклассники, должны были чертить части света, а третьеклассники — отдельные государства. Мне выпало чертить Австралию; взял я лист бумаги, начертил сетку и в несколько минут изобразил свою Австралию с ее архипелагами, как нас учил Пулиновский. Это было нетрудно. Исполнив свою задачу, я стал посматривать по сторонам и вижу, что Ч. вытащил из кармана коробочку с шоколадом от Балле, выбрал одну шоколадину в бумажке, на которой оказалась изображена Англия, и без малейшего смущения сию Англию срисовал, а шоколад препроводил себе в рот. Я тогда еще считал списывание предосудительным и не удержался, чтобы не сказать Ч.: «Что это вы делаете?» Ответ я получил немедленно: «Цель оправдывает средства. Я решил поступить в Лицей, а чертить меня не учили». Это было сказано так ясно и определенно, без улыбки и колебания, что слова эти тогда у меня запечатлелись в памяти, и всю эту сцену я вижу теперь. Когда я, возвратясь домой, рассказал об этом отцу, он рассмеялся и только сказал: «Это называется английским воспитанием». Впоследствии мне часто приходилось вспоминать эти слова, когда я уже мог сознательно относиться к политическим событиям. Я не имею данных, чтобы сказать, что Ч. потом в жизни применял это английское правило; из него вышел совсем порядочный человек и сделал он блестящую карьеру благодаря своему усердию, а в особенности случаю, который всегда важнее таланта и знания, чтобы выдвинуть человека, но, насколько знаю, к средствам, оправдывающим цель, не прибегал. <...>

Итак, в мае 1871 г. я поступил в Лицей, в IV класс. В награду за успехи мне сшили, не ожидая выдачи казенного мундира, — собственный, и я через несколько дней после официального извещения о моем приеме уже щеголял настоящим лицеистом в Павловске, где проживали летом мои родители на даче. Вся семья была счастлива, и лето пролетело безмятежно. <...>

В августе в Лицее начались занятия. Первый мой дебют был неудачным. В классе — IV, что ныне шестой³, — я был посажен во втором ряду около окна на одну скамейку с Евген. Крыловым (кажется, так пришлось по алфавиту); в первый же урок английского языка, который преподавал инспектор Адольф Егорович Паукер, Крылов обратился ко мне с каким-то вопросом, я ему что-то ответил, но, вероятно, настолько громко, что Паукер услышал мой голос. Слышу — Кауфман [...]. Подхожу к кафедре [...] и Паукер что-то у себя в записной книжке отметил. Наступила суббота, час распуска, я в радостном настроении облекся в мундир и собирался уже уходить, как дежурный воспитатель мне объявляет, что я наказан без отпуска на 3 часа за разговор в классе, но по праву первой записи на этот раз могу идти.

Оказалось, что я первый из всего класса наказан, и таким образом первый, как [...] лишен невинности новичка. Отпуск по правилу первой записи значило, что если я буду записан второй раз, то уже должен наказание отбыть. Потом я бывал записываемым неоднократно, но все-таки ни разу по записи в Лицее не сидел, ибо воспользовался другим правом, правом приготовления, чтобы погашать свои наказания. А право приготовления заключалось в следующем: малоуспевающие воспитанники, получившие по

какому-либо предмету в течение недели менее 7⁴, могли просить переответа, а для приготовления переответа — избирать себе репетитором из воспитанников, имевших право баллов, т. е. не менее 10 из всех предметов. Дружеские мои отношения со многими из малоуспевающих в этом случае мне очень понравились. Они меня выбирали репетитором, по большей части без всякого моего участия, исправлять свои отметки, а я шел к инспектору и записывал в особую книгу себе на приход — за каждую полученную переответчиком семерку, восьмерку и девятку — 3 часа отпуска, а за 10 и выше (чего, впрочем, никогда не бывало) 6 часов. К переходу моему на старший курс на моей приходно-расходной книжке отпусков, за зачетом нескольких десятков часов на наложенные на меня наказания, у меня еще было несколько часов в остатке, которые я, к сожалению, по правилам ни продать, ни подарить, ни завещать никому не мог. Это уже был чистый барыш инспектора: для воспитанников они пропали. Такую меру мог, конечно, изобрести только такой идеалист не от мира сего, как гернгуттер⁵ Паукер. Она была не нужна, ибо и без того более слабые товарищам, и непедagogична, ибо поощряла корыстную помощь и освобождала от наказания провинившихся, но в действительности вреда никому не причиняла, так как мы были бескорыстны по природе, а записывали нас за такой вздор (вроде моего разговора в классе), что в сущности и наказания мы не заслуживали. Забегая немного вперед, я вспоминаю, что в 3-м классе меня регулярно записывал в каждое свое дежурство воспитатель Ноллендорф, прозванный квасником за неестественное сходство с кухонными мужиками, носившими нам к столу квас. Меня с первого знакомства он возненавидел по следующему поводу. В нашем классе было несколько воспитанников — истинно русских, без кавычек, но с немецкими фамилиями, зашел как-то между нами в присутствии Ноллендорфа (по всей вероятности, пропущено слово «разговор». — С. П.) о немецких выходцах, наезжавших до Петра Великого в Россию и до такой степени обрусевших, что через 3–4 поколения даже, как я помню, выразился, и в аптеке анализом немецкого духа в них не найдешь. Одно воспоминание остается — фамилия, да и то только у эмигрировавших после Петра. Ноллендорф вмешался в разговор и вызывающим тоном, обращаясь лично ко мне, хотя нас было несколько, выпалил, что я-де говорю о таких немцах, у которых за границей не было прошлого, а потому они все немецкое забывали, что нечего было помнить, а вот такие-де роды как гр. Ламздорф, гр. Бенкендорф и гр. <...> Ноллендорф, и вообще все дорфы (окончание, доказывающее, по его словам, старое рыцарство, владевшее дорфом) никогда не забудут, что в их жилах течет благородная германская кровь. И такие были воспитанники (очевидно, «воспитатели». — С. П.) в русском дворянском учебном заведении. Приняв это по существу заявление, как личного против меня выпада, я вспылил и ответил ему, что насколько знаю — названные им рода, осевшие в России, — теперь такие, как дай бог любому новгородцу, русские, а что касается до Ноллендорфов, то они, конечно, не могут забыть, где они были лакеями и конюхами у немецких бар, так как это было вчера и может быть завтра. Результат этой дружеской беседы — запись без отпуска. <...>

Класс быстро сдружился, и если были между товарищами размолвки, то они возникали потом, в следующих классах, а все полтора года IV кл. мы прожили тесною товарищескою семьею. Равенство во всех отношениях было полное. Экстернов между нами не было. Было только трое, которые ходили в свободное время подкармливаться к родным: Строкин, Лялин и Нолькен, первый на квартиру шурина о. Смирнова, второй к отцу — нашему старшему воспитателю — жившим в здании Лицея, а Нолькен, по родству, к инспектору Паукеру. Остальные жили и ели в Лицее за общим столом и пользовались лишь по приобретенному праву отпусками. В этом отношении исключение составлял один Р.П.⁶, который, оставаясь почти всегда без отпуска, в на-

казание, на праздники, умудрялся ездить домой среди недели по фальшивкам. Фальшивками назывались подложные письма от родителей к инспектору. Р. П. долго, пока случайно не попался, пользовался этим принятым в австрийской и иных дипломатиях способом для веселого времяпровождения в будни. Темой его писем были семейные радости: помолвка сестры, бракосочетание, рождение племянника и семейное горе — смерть того же племянника. Долго это ему сходило, пока случайно Паукер не удивился слишком быстрому обороту жизни в семье Р. П. Помолвка, свадьба, рождение детей и смерть в течение одного месяца показались Паукеру явлением не совсем обычным; к тому же и отцу Р. П. вздумалось как-то навестить сына как раз в тот день, когда тот, убитый горем, отправился на похороны брата или сестры. Произвели расследование. Все члены семьи оказались в добром здравии, сестра не замужем, а следовательно, и бездетной. Р. П. был посажен в карцер и оставлен без отпуска впредь до разрешения. <...>

С Пономаревым я был близок еще с пансиона Лялина⁷, с Бартеневым был другом с того же времени. <...> Бартенев, благодаря своему возрасту, пользовался известным авторитетом. Бартенев был способный, не глупый, но безгранично ленивый юноша, считавший убежденно совершенно бесполезным наше учебное заведение и откровенно заявлявший, что он сидит в Лицее только в угоду отцу. Сын богатого тамбовского помещика и коннозаводчика, его идеал — была деревня, а страсть — лошади, скачки, бега. Он предназначал себя сельскому хозяйству и службе по выборам, много читал, но не то, что входило в курс нашего учения, и всегда твердил: «На кой мне прах эта латынь — аптекарем все равно не буду, пишу грамотно; а географию и историю я и так знаю больше наших соседей». Он был лет на пять старше меня, дружба наша завязалась еще с пансиона Лялина, когда он был классом выше меня и объявил себя моим покровителем. Когда он поступил в Лицей в декабре 1869 г., мы с ним расстались на 3 года, но оставшись на второй курс во II классе, он опять со мной встретился при моем поступлении и уже выпущены мы были в 1877 г. вместе. Он больше не зимовал. Отношения наши до перехода моего в старший курс, когда я вырос и физически возмужав, с ним сравнился, носили своеобразный характер. Он на меня смотрел как взрослый на ребенка и нередко проявлял нежную заботливость о моем здоровье и в то же время признавал за мной умственный авторитет и во всех своих невзгодах приходил ко мне за советом. В таких случаях он приступал обыкновенно к совещанию словами: «Ну, Кошка, <...> шевели мозгами, как быть, вот какое дело»; я шевелил мозгами, и мы принимали решение, которому он подчинялся, редко протестуя. Отношения наши отчасти напоминали Тутса и Домби-сына⁸, но только Бартенев был умнее Тутса, а моя семейная обстановка ничем не походила на Домби, и я не был меланхоликом, напротив, Бартенев почти каждое воскресенье, когда не сидел в Лицее, ходил ко мне, и большую часть отпуска проводил у нас. Родителей моих, несмотря на все их радушие, он стеснялся, так как в обществе был дик и странно застенчив и потому редко оставался обедать и не выходил из моей комнаты, но я с ним не стеснялся и часто оставлял его с книгой одного, не нарушая для него своей обыденной домашней жизни. Застенчивость его и неловкость в обществе была, между прочим, причиной одного трагикомического случая. На одном из балов, которые давал нам Попечитель, незабвенный Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, наш директор Н. И. Миллер представил меня камер-фрейлине Бартеневой (известной Наденьке Бартеневой), пришедшейся двоюродною сестрою отцу моего товарища, Михаилу Ивановичу. Вероятно, от Михаила Ивановича она знала, что я дружен с ее родственником-лицеистом, которого она никогда не видела, и попросила меня привести к ней Николая в ближайшее воскресенье. Я обещал. С трудом удалось уломать племянника посетить тетку, но, так или иначе, на праздничный день мы отправились в Зимний дворец в помещение фрейлин с Комендантского подъезда. Поднялись на самый

верхний этаж и приказали о себе доложить. Нас провели в приемную — гостиную, где у окна стояла громадная фарфоровая ваза. Я в ожидании хозяйки присел, а Бартенев стал бродить по комнате, разглядывая портреты и картины, которыми была увешана стена. Он, видимо, волновался и по свойственной ему в минуты волнения привычке потряхивал правой рукою, шелкая пальцами. Так он подошел к окну; вдруг я вижу, что неловким движением он толкнул вазу, и ваза, пошатнувшись, валится. Не успел я вскочить, как ваза уже была на полу и в кусочках. Прошло мгновение. Бартенев — красный, весь в поту, хватая меня за руку и стремительно влечет вон из комнаты. Выскочили мы в коридор, оттуда на лестницу. «Ходу», — кричит Бартенев, и мы через минуту уже на площади. Тут только Б. вздохнул полной грудью. «Ну ее в болото», — все, что он сказал, и след наш простыл. Так фрейлина и умерла, не увидев своего племянника. Я ее потом еще два раза встречал, но о Николае она больше не заговаривала, вероятно, кто-нибудь видел сцену и ей рассказал. Бартеневу не суждено было осуществить свои идеалы: в деревне после выпуска он не поселился, а вынужден был поступить на службу и трагически погиб, состоя комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, — он застрелился, приехав на побывку к отцу, в отцовскую усадьбу, дробью, из ружья, сделав для этого особое сложное приспособление. Какая причина побудила его покончить с собою — осталось невыясненным.

Вспоминая эпизод с фр. Бартеневой, я вспоминаю и те балы, которые устраивал у себя во дворце для учащихся принц Петр Георгиевич. На балы эти приглашались дамами — институтки и гимназистки ведомства императрицы Марии, а кавалерами — лицеисты, правоведа⁹ и коммерсанты (1-го коммерческого училища)¹⁰. В первый год, отправляясь на бал, мы должны были стричься под гребенку, надевать непременно казенный мундир и отнюдь не выпускать белых воротничков. Потом требование это уже не соблюдалось. По выбору директора несколько воспитанников намечались для танцев с принцессою Терезией Петровной, супругою герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского. Такие воспитанники должны были держаться до востребования близ зала, где были места для членов царской фамилии, посещавшей балы. С 1871 по 1875 г. балы эти посещал Государь император Александр Николаевич. На одном из этих балов я удостоился в первый раз в жизни обращения ко мне Государя. В ожидании кадрили, которую я должен был танцевать с принцессою Терезией Петровной, я стоял около царских мест, в нескольких шагах от Государя и, конечно, смотрел на него, ловя его слова и движения. Взор Государя упал на меня, и он кивком головы приказал мне приблизиться. «Как фамилия?» — «Кауфман, Ваше Величество». — «Константина или Михаила?» — «Михаила, Ваше Величество». — «Где родился?» — «В Тифлисе, Ваше Величество». — «То-то черномазый». Подоспевший Миллер вставил от себя: «Это сын генерала, Ваше Величество, Мих. Ф. Кауфмана. — «Знаю, он уже сказал», — молвил Государь. — «Хорошо учится?» — уже обращаясь к Миллеру, спросил Его Величество. — «Так точно, Ваше Величество, воспитанник хороший». — «Ну, старайся, будь в отца. Иди — танцуй».

Другой мой друг, Идоров, с которым мы даже жили вместе до поступления в Лицей и четыре года после выпуска — тоже застрелился, попав во время моего отсутствия из Петербурга в 1880–1881 гг., когда я ездил на сенаторскую ревизию в Киевскую и Черниговскую губ., в кутильную компанию, вовлекшую его в неоплатные долги. Идоров. Мальчик был удивительно красив (мать его была известна своею красотой) и привязался ко мне как родной. Семейные обстоятельства его были тяжеле. Отец с матерью не жили; он остался при матери. Ненормальные отношения между родителями, частые отъезды матери и надолго за границу сделали его бездомным, и когда мои родители взяли его к себе для совместного учения со мною, он стал членом нашей семьи. Он

поселился в одной со мною комнате; перевез ко мне свою неспорную движимость, и мы устроили с ним коммуны. Мать его вскоре получила от отца развод, вышла замуж за испанского поверенного в делах Муруагу ([...] такова была его полная фамилия), и когда Муруагу был назначен посланником в Мексику, а потом в Бразилию, уехала с ним за океан, откуда уже не возвращалась: в Бразилии она и умерла.

Виделся я часто вне Лицея и дружил еще с Суковкиным, Эрдели, Масловым, Бельюстиным, Нолькеном, Манделем, Якобсоном, Воронцом и Вадковским, а с третьего класса — с Окуновым¹¹ и гр. Стакельбергом (Александром) и б. Таубе. Вообще же был в добрых товарищеских отношениях со всем курсом и если не со всеми был одинаково тесно связан, то это объясняется лишь тем, что вне Лицея у нас были разные кружки знакомых, и во время отпусков мы тоже встречались, но ни положение родителей, ни материальные средства здесь не играли никакой роли. Мы об этом даже никогда не думали. Того, что теперь называется снобизмом и какой-либо группировки воспитанников во таких признакам у нас не было и помину. Большая или меньшая обеспеченность товарищей принималась как факт и лишь учитывалась при складчинах, причем мы равнялись не по богатым, а по малоимущим, и, Боже упаси, если бы кому-нибудь пришло в голову козырнуть своим достатком. Это считалось хамством. Если же случалось друг над другом трунить, когда чуткое юношество подмечало что-либо комичное в семейной обстановке того или иного воспитанника, то это делалось добродушно, без обиды. Так, однажды <...> товарищ почтенного, но скромного происхождения как-то прихвастнул, что его родители сродни Германскому Императору. Так как это обстоятельство было более чем сомнительно, то мы отучили нашего друга от подобных генеологических экскурсий тем, что вызывали его через дядьку в приемную несколько раз на неделе громким докладом: «Пожалуйста выйти — Вильгельм или Фридрих-Карл приехали»¹². Общий незлобивый смех, и о своем родстве с Гесенцоллером¹³ наш товарищ постарался забыть.

Из воспитателей наших на младшем курсе наиболее популярным, хотя и бывшим мишенью наших не всегда остроумных острот, был, по-моему, наш старший воспитатель Эд. Сам. Лемм, сын которого Оскар был нашим товарищем по курсу. У меня осталось о Лемме воспоминание как о честнейшем человеке, любившем нас искренно, постоянно ворчавшем добряке, воспитателе старой школы. Я думаю, в душе он сожалел, что нас нельзя было иногда посекать, но только потому, что он был убежден, что легкая экзекуция для мальчишек нашего возраста красноречивее всяких увещаний и записей. В третьем классе самым любимым воспитателем был, безусловно, англичанин Карл Гис. Этот был настоящий педагог. Высшее наказание, которому он сам придавал громадное значение, были слова: [...]. И для нас эта фраза была сильнее всяких карцеров и лишений отпуска. Гис был горячен и иногда за маловажный проступок посылал нас [...], но и такая пожизненная ссылка нас все-таки меньше пугала, чем лишение нас лично и по состоянию присвоенных прав джентльмена. Вот до какой степени заразительно действует на юношей порядочное личное благородство и нравственная чистота воспитателя. Гис был оценен по достоинству не только нами. Он был приглашен в воспитатели к цесаревичу, ныне благополучно царствующему Государю императору и скончался всеми уважаемым и любимым после коронации. <...>

День в Лицее в наше время начинался в 7 ч. утра. Вставание, молитва, чай и в 9 — первый урок. До 12 уроки; от 12 до 1 ч. завтрак и рекреация; от 1 ч. до 4 — уроки. Затем обед и большая рекреация; от 6 до 8 — препарация; от 8 — чай, отдых, затем молитва, и в 9 — отхождение ко сну. После 9 лампы в классе тушились и разрешалось заниматься лишь с собственными свечами. Утром вставание было трудное, особенно в зимние темные дни. Утром холод и тусклое освещение удерживали в нагретой за ночь

собственным телом постели. Воспитатели после звонка раз по десяти входили в спальню поднимать нас с кроватей, но ранее 8 ч. собрать класс не удавалось, причем некоторые воспитанники, любившие поспать, или по природе требовавшие более отдыха, и после 8-ми, уже одетые, примачивались, кто где, и дремали до 9 ч., когда начинались уроки. Я принадлежал к числу последних и досыпал на скамейке в рекреационном зале, завернувшись в шинель и укрывшись от нескромных взглядов складным столом. На уроках внимательно следили за учителем лишь на первой скамейке, а на задних кто читал, кто готовил уроки, а кто занимался корреспонденцией. Вообще занимались своими делами в ожидании вызова к ответу. Некоторые, закрывшись поднятою крышкою парты, закусывали. Начеку держались воспитанники лишь у немногих преподавателей, не вызывавших для ответа к доске, а спрашивавших перекрестно или задававших письменные работы. Ежедневно в определенные часы все классы обходил директор — генерал Н. И. Миллер. Проходя по коридору, он останавливался у стеклянных дверей, отделявших класс от коридора, засматривал в класс и шел дальше. На этот момент все воспитанники устремляли свои взоры на учителя. Довольно часто, и незначай, даже ночью, нас посещал попечитель Лицея принц Петр Георгиевич Ольденбургский. Принц был очень любим. Мы знали о его безграничной доброте, великодушии и щедрости на всякое благотворение. Мы знали, что, обладая крупным родовым состоянием, он тратил свои богатства на благо России и русских в России, отзывчиво откликался на всякую нужду. Краткая надпись на его памятнике на Литейном против Марининской больницы¹⁴ дает его верную характеристику, он был просвещенным благотворителем.

Директор наш Н. И. Миллер был ему в пару. Тоже необыкновенно добрый и всею душою привязанный к Лицею. Страха он нам никакого не внушал, и хотя у него проявлялись иногда вспышки строгости, но это были только вспышки. Особого надзора при нем за воспитанниками не было. По директору строилась и остальная администрация, но настроение у воспитанников было такое, что такого надзора и не требовалось. Мы жалели директора, нашего старого генерала, георгиевского кавалера, а по-русски жалеть — значит любить. Нередко мы воздерживались от той или иной юношеской эспанады исключительно из боязни, чтобы генералу не влетело. На этом основании и вне Лицея, в городе, старшие присматривали за младшими и, позволяя иной раз себе отступления от устава и правил учебного заведения, ревниво охраняли от таких отступлений мальчишек. Тем не менее бывало, что молодая кровь не выдерживала и мы выходили за пределы дозволенного, но я (не) (не в тексте пропущено. — С. П.) помню за 6 лет случая, чтобы таковые наши проступки имели бы предосудительный характер. Все сводилось к удиранию, т. е. к выходу из Лицея без разрешения, чтобы где-нибудь кутнуть. За все мое время я не помню случая столкновения воспитанников с полицией или какой-нибудь жалобы начальству со стороны обывателей на какой-либо неблагоприятный поступок лицеиста. Ели, пили, бывало, много пили, но памятуя всегда, что мы лицеисты.

Единственный день в году, когда мы позволяли себе шуметь на народе, — был 19 октября, но в этот день петербургские обитатели знали, что Лицей гуляет, и относились к нам снисходительно. Помню, как в одно из 19 октября подвыпивший лицеист в цирке во время представления вышел на арену и гонялся за ученой обезьяной. Его на другой день посадили в карцер, но публика, бывшая в цирке, даже не протестовала, а веселилась вместе с подгулявшим лицеистом, и за наше время это был случай самого крупного беспорядка, лицеистом в городе учиненного. Вообще же 19 октября проходило всегда весело и шумно в стенах ресторанов и смирно за их дверью. Покучивали мы, и даже в младших классах, и в самом Лицее, но и тут все оставалось в известных рамках, даже и тогда, когда мы решали закатить кому-либо из возбудивших наш гнев

воспитателей, — бенефис. Весь бенефис выражался в том, что мы не строились, идя в столовую, шумели и стучали в классе и вечером тушили лампы, а затем депутаты шли объясняться с начальством и предъявляли курсовые или общестуденческие требования. Наши депутаты были курсовыми старостами. Правильных выборов их не происходило, но в начале учебного года при первом случае класс назначал того или иного товарища в депутаты, и затем уже этот представитель являлся ходатаем за курс в течение всего года, а иногда до выпуска. Одним из таких депутатов со дня поступления и до выхода был я. Те же депутаты намечались уже начальством для представительства курса во внешних сношениях, для приношения поздравления Его Высочеству попечителю на Новый год и на Пасху, при погребении старых лицеистов, при разных официальных церемониях, в которых участвовало учебное заведение. На этом основании мне пришлось приветствовать Н. И. Миллера от лица воспитанников в день его служебного юбилея¹⁵.

Чтобы понять, какие у нас были отношения с директором, достаточно рассказать один случай, происшедший в тот год, когда в Петербург приехал Персидский Шах [...], а именно в начале 1874 г. У нас шли репетиции¹⁶. Был чудесный весенний вечер. На стрелке предстояла иллюминация в присутствии Государя и Шаха; мы висели на окнах, глядя на гулявших и вереницы экипажей, мчавшихся по Каменноостровскому проспекту. Из третьего этажа Лицея сквозь густую зелень переднего сада было плохо видно улицу, что еще более разжигало наше любопытство и желание тоже быть там, куда стремилась толпа. Несколько товарищей, считавшие себя, как и я, уже достаточно подготовленными к завтрашней репетиции, не помню, из какого предмета, но во всяком случае, трудного, — командировали меня к генералу просить, чтобы он нас отпустил на вечер, на острова. Пошел. Н. И. меня тотчас же принял, но в просьбе нашей отказал, объявив самым решительным образом, что иллюминация в честь шаха не последняя в нашей жизни, а репетиция во II кл. — последняя, и что за иллюминацию нам баллов ставить не будут, а если завтра плохо ответим, то можем остаться в классе на второй курс. Нечего делать — вернулся к товарищам с носом, но жажда пойти так нас обуяла, что мы тут же решили удрать и без разрешения. Вмиг одели мундиры, водрузили на головы треуголки и, воспользовавшись минутой, когда дежурный воспитатель присел на свое кресло в рекреационном зале, через парадную лестницу с самым закономерным видом вышли из подъезда. Чтобы генерал не мог нас увидеть из окна, мы прошли вплотную под его окнами до ворот внутреннего двора, и оттуда прямо через наружные ворота на улицу. Добежали до Невы, взяли гичку, и вчетвером пустились вниз по течению по взморью. Заехали по дороге в какой-то береговой кабачок, кажется, под названием «Ягодка», слегка там угостились, и в самом благодушном настроении продолжали путь. Трое гребли, я сидел на руле. Подъезжая к стрелке, перед которой тогда не было тех отмелей, которые удалили от нее воду, мы увидели на самом краю площадки величавую фигуру царя: император Александр II стоял рядом с Шахом, окруженный на некотором расстоянии свитой. Мы налегли на весла и быстро, пользуясь течением, помчались вдоль правого берега. В нескольких шагах от моста, где стоял Государь, гребцы по команде взяли весла наверх, а я встал, и, правая стоя, проходя мимо Государя, взял под козырек. Так мы обогнули часть стрелки; за сим, по команде «весла на воду», в два-три взмаха въехали в Неву, против дачи [...] и остановились ждать иллюминации. Когда уже стемнело, Государь отбыл, и публика стала разъезжаться, мы повернули домой и благополучно прибыли в Лицей около полуночи. Разделись и улеглись спать. На другой день благополучно сдали репетиции. Около часа дня входит в класс швейцар Голов и зовет меня: «Г-н Кауфман, пожалуйста к генералу». Являюсь. Миллер стоит посреди своего кабинета в мундире и несколько секунд смотрит на меня своими добрыми светлыми глазами. Наконец, подойдя ко мне ближе и взяв меня за плечо, говорит: «Ну, вот,

Кауфман, скажите, что мне делать. Я только что от Его Высочества, который сегодня утром имел счастье видеть Государя Императора. Его Величество изволил ему сказать, что он очень доволен лицеистами, которые вчера на стрелке оказались лихими гребцами и молодцами, мимо него пропарадировали, когда Его Величество стоял на стрелке с Шахом. Его Высочество приказал мне передать эти милостивые слова Государя и его личное удовольствие тем воспитанникам, которые вчера были на стрелке, на гичке. Вы не знаете, Кауфман, кто были эти воспитанники?» — Я молчу. — «Ну, так что бы Вы сделали с этими воспитанниками?» — Я ответил: «Я бы, Ваше превосходительство, посадил их в карцер впредь до разрешения, а через 5 минут их бы выпустил и объявил им Высочайшее благоволение». — Миллер рассмеялся и сказал: «Будь по-вашему, но пока Вы дойдете до карцера, пройдет 5 минут. Можете туда и не ходить. Нехорошо Вы поступили, что нарушили мое приказание, но царская милость все поправит. Смотрите, впредь будьте послушнее. Не всегда Государь будет на Вашем пути, и не всегда его слова могут Вас спасти. Если бы только мне объяснили, что Вы готовы к экзамену, я бы Вас и сам не задержал, а теперь Ваше ослушание отравляет мне радость Высочайшего одобрения моим воспитанникам». И у генерала навернулись слезы. Вспоминая этот эпизод через 38 лет, я вижу сцену эту, когда мне было 16 лет, как вчера, и по чистой совести заявляю, что никакие карцеры, выговоры, порки и т. п. не произвели бы на меня такого исправительного впечатления, как две старческие слезы, скатившиеся на морщинистые щеки нашего генерала, и те немногие слова укоризны, которые он с любовью к нам произнес. Я дал себе слово и сдержал его уже до выпуска — директора не огорчать. Обет этот, конечно, не распространялся на Ноллендорфа и К^о, ни даже на инспектора Паукера, который при всей своей чистоте был так сух и не по чину наивен, что влияния на меня иметь не мог.

О Миллере среди его питомцев и в обществе составились разные мнения, и я думаю, не ошибусь, если скажу, что большинство, и преобладающее большинство, после выпуска, оглядывая умственным взором прошедшее, не иначе, как добром, поминает своего заслуженного ветерана-директора и признает в нем педагога, который по условиям той эпохи, когда он нас воспитывал, и по составу воспитанников Лицея того времени, и в послаблениях своих был педагогичен. Еще Монтескье говорил в своем [...], что для разных режимов существуют разные основы порядка. Может быть, те приемы воспитания, которые применялись Миллером в Лицее и которые проповедовал и прилагал к жизни Гис, не годились бы в других интернатах, но в Лицее они были на месте. Ныне с большим чувством признательности вспоминаю я о принце Петре Георгиевиче, Миллере и Гисе как о моих воспитателях, что я вижу в их приемах черты, сходные с теми, которые применялись в школе другим педагогом, еще более близким мне, и память которого я чту, как святыню, — моим отцом, который в революционное время 1863 г. сердцем своим спас инженерное академическое училище от полного крушения. Это уже не мои слова, а слова его бывших питомцев, и притом оглашенные не при жизни его, а после его смерти. Этим же приемам, в исключительных случаях — рубить, а как общее правило — искать не отягощающие, смягчающие вину обстоятельства — старался следовать я сам, когда по воле Государя мне пришлось тяжелое время общей растерянности и угара, охвативших нашу ошалелую учащуюся молодежь, стать во главе учебного ведомства¹⁷. Мне ни разу не пришлось раскаиваться в обращении к чувству чести молодежи и в снисходительном отношении к ее проступкам, но я иногда сожалел о тех случаях, когда в минуту раздражения или под напором сторонних влияний я принимал бесповоротные решения, не дав времени себе успокоиться, а провинившемуся отрезвиться, забывая то, что обыкновенно в школе возраст и толпа имеют свою психологию и что один и тот же учащийся субъект, когда он сам по себе

— один человек, а когда он в стаде — другой, на себя не похожий. И я по чистой совести могу сказать, как могли сказать отец мой и принц Петр Георгиевич, и Миллер — результаты говорили за нас. И надо признать, что если не наружный порядок, то внутренняя дисциплина была при Миллере сильнее, чем после него. Наиболее похожим по типу на Миллера из последующих директоров оказался К. Шильдер¹⁸. С ним все свободно разговаривают, но его тоже, что и Миллера, любят и берегут, веря в его доброжелательность и справедливость. Говоря о Миллере, не могу не сказать несколько слов о его ближайшем помощнике — инспекторе, капитане 1 ранга Паукере. В Паукере мы чутьем угадывали незапятнанной честности человека, но как инспектора его не высоко ценили. Несмотря на то что он моряк, он должен был видеть свет и познать людей, он для нас был не от мира сего, и мы, дети, считали себя житейски более опытными, эксплуатируя его наивность. Звали мы его «рыбий самец». Преподавал он нам английский язык по грамматике Ленна и по собственной хрестоматии. И то, и другое он требовал от нас знать наизусть. <...> но если мы что и знали к выпуску, то лишь потому, что говорили по-английски до поступления в Лицей и имели потом частную практику. <...> Ни разговору, ни письменному изложению прочитанного он не обучал, а уже на старшем курсе читавшему нам английскую литературу проф. Тернеру было, что называется, в превосходной степени наплевать, знаем мы что-либо из его курса или нет. Он, как кукла, отсиживал свои сорок минут на кафедре в пустом классе и, ни с кем ни слова ни промолвив, удалялся механически, как привидение.

О наивности Паукера можно судить по следующему происшествию, со мною случившемуся. Кто-то из товарищей привез в Лицей игрушечную рулетку, прикрепленную к коробке с конфетами. Шоколад съели, рулетку отклеили и во время рекреации стали вертеть. Помню даже имя ее обладателя — это был «Юшка» Безобразов¹⁹, сын нашего профессора академика В. П., тоже бывшего лицеиста XV курса. Шутя, 3–4 человека стали ставить по гривеннику, и таким образом, устроилась игра в классе. За воспитателя у нас дежурил воспитанник 1 класса Лунд I. Он проходил по коридору и не мог не видеть через стеклянную дверь, что на одной из конторок группа воспитанников что-то манипулирует. Воспитанники не скрывали своего дивертисмента, и потому мы были немало удивлены, когда Л. нам заявил, что он сообщил инспектору о нашей игре, и Паукер приказал виновных отправить в карцер. Кто же был виновен. Поочередно играло столько человек, что, пожалуй, если сжать в карцер всех игравших, пришлось бы рассадить $\frac{3}{4}$ класса. Лунд придумал тогда такое Соломоново решение. Он нарезал по числу воспитанников бумажки; на пяти из них было написано «играл», остальные были белые. Стали тянуть; я в числе 5 вытянул — «играл». Тогда на одной бумажке написал «карцер» и дал тянуть пятерым, вытянувшим «играл». Я вытянул «карцер». (Кстати сказать, я в игре не участвовал вовсе — не по добродетели, а потому, что играть на гривенник на детской рулетке меня не забавляло.) Но в карцер — так в карцер. Л. пошел доложить, что виновный разыскан и что это Кауфман. Я был из лучших учеников с 12 бал. из поведения. Паукера это смутило, и я был, несмотря на позднее время, — дело шло к концу препарации — вызван к нему. И вот у нас происходит следующий разговор. Паукер, стоя у своего стола, с удрученным видом, обращается ко мне со словами: «Как же это вы, батенька мой, впали в такой грех? Подумали ли вы, что вас ожидает. Ваш уважаемый отец дает вам карманные деньги из честно заработанного им жалованья, а вы их проигрываете в Лицее, как матрос на берегу. Когда вы все ваши деньги проигрываете, вы начнете делать долги и, не заплатив долгов, потеряете уважение ваших кредиторов, а когда вы кончите курс, вы проигрываете все ваше состояние и можете даже проиграть жену». <...> — Я все молчу. Паукер продолжает: «С кем же вы играли?» — Я говорю: «Я играл один». — «Ну, — говорит,

— в таком случае вы виновны вдвойне, так как у вас даже нет отговорки, что вы были кем-либо увлечены. Ступайте, батенька, в карцер на 3 суток». И я пошел в темницу. На другой день утром инспектор прислал ко мне для увещания грешника — священника. Я рассказал о. Смирнову, как было дело; он передал это директору, и я моментально из карцера был выпущен. Тем инцидент и кончился, но Паукер, не удивившийся, что в рулетку я играл сам с собою, верно, не был бы поражен и в будущем, если бы узнал, что я собственную жену проиграл самому себе.

За время пребывания моего на младшем курсе из крупных событий в лицейской жизни в памяти у меня осталось лишь два: бунт II кл. (1873) и бал (1874). Бунт вызван тем, что профессор немецкой литературы Герценберг, убедившись в том, что его слушатели из немецких слов не знают ни черта, приписал столь малую успешность своих учеников их неразвитости, и вместо чтений о Гете и Шиллере вздумал посадить нас за диктовку. Академики возмутились и выставили своего профессора из аудитории, причем для большей демонстрации своего негодования кое-что побили, кое-что поломали и в довершении подняли на руки тяжелую кафедру и бросили ее об пол. Произошло землетрясение, в результате которого в этаже, под II классом, находившемся и занятом квартирою инспектора, обсыпался потолок. Так как увещания сбежавшегося начальства действия не возымели, то, как потом меж нами ходили слухи, была даже речь о приглашении для усмирения гренадеров (полк расположен в соседстве с Лицеем). Помнится, кого-то исключили, несколько человек повергли [...], а через несколько дней об истории говорить перестали.

Бал был устроен воспитанниками I кл., но при материальном участии всех лицестов, от мала до велика. Сколько вносили старшие — не знаю, но младшие были обложены по 25 р. с носа — кто мог, а прочим было предоставлено вносить по средствам. Конечно, платили родителя. Весь средний этаж был преобразован в гостиные; мебель поставляли воспитанники из родительских домов; коридор был заклеен красными вперемешку с белыми полосами, что придало ему вид тиковой палатки; в музыкальной комнате, что перед актовым залом, был устроен фонтан и зимний сад; в боковых залах — буфет. Приглашены были семьи воспитанников и некоторые высокопоставленные лица. Последних ездили приглашать депутации. Веселье было полное, плясали до утра.

Из действовавших в лицее лиц того времени, о которых еще вспоминают мои сверстники, на памяти остались: доктор Перваль, учитель танцев Стуколкин, гимнастики — Викситен, фехтования Гавеман, правитель дел Крылов и фельдшер, он же смотритель здания, Илья Денисович Васильев.

Перваль был маленький, старенький человечек, приходивший по утрам на несколько минут в Лицей, но едва ли нас лечивший. Визитаций и осмотров я не помню. Лично я к нему ни разу не обращался, а при малейшем недомогании уезжал домой. Звали его рябчиком и обыкновенно, издали завидя, приветствовали всегда одним и тем же возгласом: «Паф, паф — рябчик упал». Перваль знал свое прозвище, злился нахальству воспитанников, но делал вид, что нас не замечает.

Викситен — добрейший швед учил нас гимнастике, плохо владея одной ногой, вследствие постигнутого его удара. Правильных уроков гимнастики у нас не было. Упражнялся кто хотел. Уже после нашего выпуска стали обучать воспитанников фронту, чем воспитанники занимались охотно, под руководством офицеров. У Гавемана учился фехтованию, когда мне было 7 лет, в инженерном училище; тогда же первым моим учителем танцев был Стуколкин. Обоих я нашел в Лицее несколько не изменившимися. Гавемана я встречал потом у П. Я. Дамова, т. е. через 40 почти лет, и все таким же. Илья Васильевич, он же Илиос, был всегда к воспитанникам весьма почтителен, имел обя-

занности эконома, кормил нас отвратительно, но почему-то был популярен. Правитель дел — Крылов, канцелярист, из семинаристов, отлично знал канцелярскую часть, имел среди нас репутацию стяжателя, хотя на чем он мог благо приобретать, было нам тогда неясно. Он старался держать себя независимо, но только в швейцарской, где, проходя по утрам с докладом к директору, он спрашивал швейцара, не дома ли генерал или директор, а дома ли Миллер. Нас это хамство коробило, и однажды кто-то из товарищей, услышав, Миллер дома, подошел к нему и полусхуля, полусерьезно, но во всяком случае для воспитанника дерзко, его отчитал за столь фамильярное, хотя бы заочное, обращение к директору, обещав сказать генералу, как его Крылов за глаза зовет. Крылова после этого мы больше в швейцарской не видели. Дядькам при нас платилось по 2 р. в месяц с воспитанника и изредка давалось на чай за исполнение отдельных поручений с разноскою писем и беганьем за покупками к фруктовщику Аверину, преимущественно за ситным, чайною колбасою и монпансье. Дядьки же были нашими банкирами, ссужая нас деньгами за не всегда умеренный процент. Кормили нас, как я уже говорил, прескверно, что иногда вызывало протесты, но редко, так как вообще мы были благодарны и подкармливались собственными средствами. В буфете можно было всегда за 20 коп. получить чашку кофе с плюшкой, приготовления М-м Сенявской, жены столового дядьки, красавца унтера Семеновского полка. М-м Сенявская, довольно безобразная и объемистая, далеко не прочь была с господами пошутить, но шутки ограничивались взаимными [...] и шлепками. Весною и осенью мы поглощали невероятное количество молока с черным хлебом в саду у огородника до совершения начальством Лицея преступления — продажи половины сада в частные руки²⁰. Это преступление — непорочно, так как отошедший участок уже вплотную застроен. Тот чудный лицейский сад, принадлежавший когда-то [...] с прудами, огородами и традиционной половиною I класса, на которую не смели переступить воспитанники других классов, уменьшился более чем на половину, а с ним вместе исчезли весенние сидения на заборе, удираные на Архиерейскую улицу²¹ и дружество с [...], но об этом впереди.

В 1874 г. XXXV курс перешел на старший курс, так называемый академический, состоявший в наше время из II и I класса по полтора года в каждом. Мы получили золотые петлицы и вместо уроков стали слушать лекции с университетскими профессорами и притом с лучшими того времени: Градовским, Таганцевым, Бауером, Никольским, Безобразовым. К сожалению, Пахман как раз в это время был назначен секретарем и от лекций в Лицее отказался, заместив себя Гедримовичем, юным приват-доцентом по Римскому и гражданскому праву. Наибольший след во мне оставил Ал. Дм. Градовский (почему-то прозванный у нас Марфутка). Я составлял ему лекции²² по Истории Русского Права и по Государственному Праву, и благодаря тому виделся с ним и вне Лицея. Предметом своим он меня заинтересовал, а личным [...] к себе привязал. Добрые, доверчивые отношения я сохранил к нему до его смерти, встречавшись с ним уже на почве общественной работы во дни диктатуры сердца у гр. М. Т.

Градовский был человек желчный, больной. Болезнь сердца, которая и свела его преждевременно в могилу, уже тогда причиняла ему страдания, отражавшиеся на его настроении. На репетициях его боялись, спрашивал он строго и на баллы был не щедр. У нас была примета, что когда он приходил в черных брюках — быть беде, и когда он являлся в брюках цвета [...] — настроение, значит, благодушное. Для репетиций класс был разделен на смены, человек по 10–12. Распределялись по сменам мы сами и старались группировать вместе воспитанников равных сил, дабы по возможности никто от сравнения ответов не проигрывал. В моей смене были наиболее работящие воспитанники, и смена называлась золотою. Случайно к нам попал в начале курса воспитанник Крылов, добрейший и милейший Женечка Крылов, которому наука давалась туго, и

пока он был с нами — репетиции сдавались им очень неудачно. Помню его анекдотический ответ по энциклопедии права, которую нам читал И. Я. Фойницкий, профессор университета, известный криминалист, ныне сенатор. Он при нас поступил проф. в Лицей и нашему курсу читал свою пробную лекцию. Избран был записывать и составлять его курс Рейнбот 2-й, но первую лекцию (вступительную) Фойницкий, очевидно, прочитывал заранее и уже написанную передал Рейнботу. Лекция начиналась словами: «Являясь перед вами лицом совершенно новым, я прежде чем приступить и т. д.». На первую репетицию, когда Фойницкий уже успел нам прочесть порядочную часть своего курса, он, обращаясь к Крылову, говорит ему: «Ну, г. Крылов, а вы мне расскажите с начала». И вот Женечка, вертя пуговицу своей куртки, начинает: «Являясь перед вами лицом совершенно новым и т. д.». Хотя и это была правда, так как и Крылов для Фойницкого был совершенно нов, но тем не менее бедный Ж., выучив наизусть несколько листов записки, имел лишь [...]. Фойницкий ему сказал: «Что же вам поставить? За усердие 12, а за знание 1 — в среднем на первый раз 7». Этот балл дебюта оказался для Крылова фатальным, так как он из него уже не выходил.

Фойницкого мы тоже любили, предмет его знали; он читал интересно и удобопонятно даже для средних воспитанников; в ответах был требователен.

Очень популярным и уважаемым профессором был тоже Н. С. Таганцев (уголовное право и судопроизводство). Талантливый лектор, с прочною силою блестящего ученого и писателя, при чрезвычайно симпатичной наружности, он держал класс в руках, и на его лекциях все слушали его с большим вниманием. Иногда нас только корбило слишком снисходительное к нам отношение, с оттенком иронии, что, как нам казалось, выражало признание нас ниже по развитию, чем наши сверстники — слушатели, студенты университета. Так как Градовский и др., напротив, часто нам выражали, что средний наш уровень выше, чем в университете, то мнение о нас Таганцева нам казалось предвзятым, но на наших отношениях это не отразилось. Любителем уголовного права у нас был всего один — Велинский, вообще мало занимавшийся науками, а больше скрипкою, на которой он играл мастерски, но страсть к уголовщине проявилась у него еще на школьной скамье. Впоследствии он был выдающимся следователем, но страсть к розыску его потом и погубила. Раскрыв в Кейданне одно преступление, дело о котором его предшественником было прекращено за отсутствием улик, он был, вместо поощрения, причислен к Министерству, так как преступниками оказались люди с большими связями (дело об отравлении мужа баронессою Ф. Ш.) и настойчивость Велинского была поставлена ему в вину, так как благодаря его настояниям — прежнее дело уже во второй раз нельзя было рассматривать, и преступникам с сообщниками пришлось понести по суду тяжелое наказание. Велинского в судебном ведомстве затерло и долго спустя, уже при моем содействии, он вынужден был покинуть любимое дело и перейти для совместной службы со мною в Ведомство Учр. Императрицы Марии — членом сов. Одесского института, на новой должности он и умер. -

Статистику, государственное право иностранных держав и международное право нам читал И. А. Ивановский, когда-то блестящий лектор, собиравший толпы на свои публичные чтения в городской думе, но нам он достался уже в виде руины. Мы уже его не слушали, потому что не стоило слушать: его записки, составленные еще в 60-х годах, перепечатывались без изменений и в них сообщалось как о современных — об исторических событиях, отошедших уже в область предания. Ивановский был слеп на левый глаз. Этим пользовались некоторые товарищи на репетициях. Сядя по левую руку, они без стеснения раскрывали записки и по ним отвечали. Только шелест перерачиваемых страниц возбуждал иногда подозрение в старике, и тогда он просил: «О, тот-то, сядьте-ка мне на правый глаз». Ивановский любил острить, но все его остроты

тоже были XVIII века, и мы их знали наизусть. <...> В международном праве у Ивановского был отдел под названием дипломатический, и в нем глава о международной вежливости. Читая эту главу, он неизменно говорил: «Когда один корабль в открытом море встречается сам с собою, то взаимно производит салютацию флагом или пушечными выстрелами».

За выходом Пахмана, назначенного Сенатором, как раз с переходом нашим в старший курс чтение лекций по римскому и гражданскому праву было поручено юному приват-доценту Гедримовичу. Оказалось, что Бартенева в гимназии был классом выше Гедримовича. Они друг друга вспомнили, и Бартенева заявил, что он не может унижаться до ответа Гедримовичу, которого он в гимназии лупил. И так до выпуска он ему и не отвечал на репетициях. Гедримович, не будучи уверен, что не будет взлуплен, несмотря на свое профессорское звание, ставил Бартенева семерки в кредит. Гедримович или, как его звали «Гедрила», знал свой предмет основательно, но читал его невероятно скучно. Мы подзубривали и римское, и гражданское право к репетициям, но лекций не слушали. О гражданском процессе мы вынесли самые смутные представления. Полицейское право нам преподавал магистр Грижцов, добрейший и скромнейший человек; читал он по Бунге с такими подробностями, что, напр., Законом о ловле пиявок была посвящена отдельная глава. Впоследствии Грижцов поступил на службу в департамент полиции, где при Плеве занимался законопроектом о реформе полиции. Вероятно, в числе десятков таких проектов, и проект Грижцова где-нибудь лежит теперь в архиве департамента. <...>

Профессором политической экономии и финансового права был наш лицеист, академик и тайный советник В. П. Безобразов. Записки ему составлял Белюстин с присущей ему добросовестностью, но самый курс был скучен. Лектор Безобразов был не блестящий. Не оратор, а благодаря своей рассеянности, Безобразов иногда в лекциях своих бывал комичен. Он был, по его словам, убежденный [...]. Мне в то время было совершенно безразлично, будет ли наша таможня закрыта для иностранных товаров или открыта настежь, но для балагана я объявлял себя непримиримым протекционистом, и добрейший Б. совершенно серьезно на каждой репетиции силился меня обратить в истинную веру; я ему горячо возражал фразами из его же курса и так к общему удовольствию проходило почти все время, на репетицию назначенное; за 10 минут до звонка он наскоро ставил нам два-три вопроса и, не ожидая ответа, ставил удовлетворительные отметки, что и требовалось. Но при всех своих странностях Безобразов был человек добрейшей души и пользовался общим уважением. Он преподавал финансовое право великому князю Сергею Александровичу и бывал приглашаем на интимные вечера к великой княгине Елене Павловне, великой княгине Екатерине Михайловне и потому считал себя как бы человеком придворным, но это не мешало ему быть очень доступным и простым в обращении с нами. Я бывал у него изредка на званых вечерах, где находил смешение языков и племен, и для всех радушный прием любезных и хлебосольных хозяев. Сын В. П. — Юрий, по-нашему «Юшка», был нашим однокурсником, Юшка был довольно способный, но лодырь. По выходе из Лицея поступил на военную службу и умер офицером пехотного полка в Казани. Дочь В. П. (М. В. Безобразова. — С. П.), в наше время еще ребенок, теперь известная ученая.

Преподавателями истории на младшем курсе были Белов и Неслухов, читавшие русскую историю, а на старшем профессор Бауэр. Белов младшему возрасту читал серьезную, продуманную историю отечества и проводил через весь свой курс красной нитью мысль — о культурной миссии России и ее стихийном росте <...>; читал историю для зрелых людей, могущих понять философию истории. Бауэр — старшему курсу преподавал гладко связанную хронологию всеобщей истории наивными характеристиками

монархов и не многих упомянутых в курсе государственных деятелей; читал свой курс для детей. «Добрый он был», — говорил он про одного короля или императора, «Злой он был», — про другого. И точка, а записи — в таком-то году было такое сражение, а в таком-то заключен союз. Мне лично Б. был антипатичен. Я почему-то его считал иезуитом. Со своей стороны, Б. меня терпеть не мог. На почве этого чувства у нас с ним произошла стычка, едва не лишившая меня плодов моих лицейских занятий и не выбросившая меня из Лицея накануне выпуска.

Перед выпускными экзаменами выставлялись годовые баллы. Выпускная отметка, дававшая право на тот или иной разряд или чин, а также на медаль, составлялась из деления на 3 суммы трех результатов — экзаменационного, годового и поведения. Повсеобщей истории (проф. Бауэр) за четыре репетиции я имел по 12 баллов. Бауэр в годовом мне поставил 9 или даже 8. Если бы он выставил 12 годовой, на экзамене я всегда имел изо всех предметов 12 и из поведения я имел основание рассчитывать, что в Совете мне натянут $11\frac{1}{2}$, а то и все 12, хотя у меня и был за II класс недочет, но в среднем от трех результатов я получаю тоже 12 или 11 с большой дробью, что давало мне право и на IX класс, и на медаль. Между тем с 8 из одного результата выходило $10\frac{1}{2}$, т. е. я лишался медали, которую считал заслуженною, ибо за все 6 лет имел только отличные отметки и притом лишался ее не по своей вине, а по капризу г. Бауэра. Когда я получил от инспектора мой список баллов, я увидел 8 Бауэра, отнесся к этому спокойно, в убеждении, что это описка и что стоит мне только обратить на нее внимание профессора, и все будет немедленно исправлено, но оказалось, что иезуит сделал это сознательно, давно готовив мне эту гадость. На репетициях, когда я отвечал при свидетелях и отвечал на все вопросы, он не решался уменьшить отметки, но при выводе годового у себя дома он думал, что апелляция на него уже будет невозможна. Все это мне стало ясно после бурного объяснения, которое я у него имел на квартире, когда на мое заявление, что я считаю его отметку нелогичною, ибо если я знаю каждую четверть курса по его же оценке на 12, то $\frac{4}{4}$ я знаю на тот же балл, тем более что буду еще иметь время весь курс прочитать до экзамена, не торопясь, и получил в ответ: «Тут не в логике дело, а в моем дискреционном праве, не подлежащем вашему обсуждению». Конечно, я этим ответом не удовлетворился, отправился к добрейшему директору Н. И. Миллеру, и вот он при участии инспектора, в то время Гартмана, предложил мне следующее: отвечать по истории на выпускном экзамене в присутствии всего совета и тогда, когда придет на экзамен Его Высочество принц Петр Георгиевич, причем оба мне обещали, что если ответ мой не по билету, а по всему курсу будет вполне удовлетворителен, то совет исправит мне годовой балл. Так и сделали. Когда наступил день экзамена, я дождался съезда принца Петра Георгиевича и всего совета и тогда вышел отвечать, после завтрака первым, без приготовления, не ожидая вызова профессора. Вынул билет — легчайший — отечественная война; ответил, тогда начали меня пытаться по всему курсу. Что Бауэр ни спросит — все знаю. Отвечал уже минут 20. Видя, что ничего не берет, Б. задает мне вопрос — что я знаю о масонских ложах в России в царствование императора Александра I. В курсе об этом он не говорил ни слова. Тогда я, обращаясь к попечителю, говорю: «Ваше Высочество, профессор нам об этом ничего не читал, но ответить я могу, причем о посвящении в масоны, не скрою, могу отвечать лишь по “Войне и миру” Толстого». Совет пришел в веселое настроение. Принц сказал: «Довольно», и все, кроме Б., мне выставили по 12, но его отметка растаяла при сложении. Годовой балл, как было обещано, исправили, и я медаль получил. Отношения у нас с ним были в ту минуту ликвидированы на всю жизнь <...>. Но я не злопамятен, и вскоре, встретившись с ним у одного моего родственника, его ученика и приятеля по университету, с которым Б. по поводу моего инцидента объяснялся и сказал, что он имел против меня зуб, потому что

ему казалось, что я над ним насмехаюсь, я забыл свой гнев и вел с ним вполне мирную беседу, с удовольствием перебирая лицейские воспоминания.

Литературу нам читали: русскую В. В. Никольский, французскую — Камиль Рюо, английскую Тернер, о котором уже я упоминал, и немецкую — пастор Герценберг. Никольский — разносторонне образованный человек, талантливый лектор — слушался нами с удовольствием. Он сумел курс истории русской литературы, сам по себе для русских юношей увлекательный, снабдить попутными сведениями об истории искусства, чем придал курсу еще более интереса. Немало этому содействовало то, что записи по истории русской литературы весьма умело составлялись нашим классным поэтом Николаем Никифоровым, <...> литератором уже на школьной скамье. Я не скажу, чтобы талант Никифорова был оригинален, но подражания его бывали художественны. Он с одинаковою легкостью писал под Пушкина, под Лермонтова, под Мея, Кольцова, и если бы пожелал, мог бы мистифицировать даже знатоков наших классиков, выдавая свое за неизданные произведения знаменитостей. Никольский впоследствии был любимым лицейским инспектором и сохранил по себе почтенную память среди бывших своих воспитанников.

Рюо был хорошим преподавателем, но курс его нас знаниями не обогатил, а Герценберг преподавал литературу так, как мог бы это сделать любой из нас, достаточно грамотный, чтобы читать по печатному. Лекций его никто не слушал. На первых скамьях воспитанники мирно занимались чтением всяких, кроме немецких, книг, а на последней во время лекций играли в пикет, что профессора нимало не смущало. <...> На репетициях и экзаменах каждый воспитанник отвечал излюбленный билет. <...> Вообще один какой-нибудь излюбленный вопрос иногда выручал нас при ответах из разных предметов. Так, Бартечев где-то случайно прочитал статью какого-то старого журнала о торговле невольников, и об этой торговле он рассказывал довольно гладко и литературно и по гражданскому праву, когда удостоивал беседы проф. Гедримовича, и по государственному иностранных держав, и по политической экономии, и т. п. прежде чем приступить и т. д. и заученным оборотом сворачивал на торговлю невольниками. Профессор сразу не понимал, куда он ведет, но проходило минут пять-десять; речь Бартечева лилась, и когда, наконец, его останавливали и дальше уже от него добиться ничего было нельзя, оказывалось, что все-таки он что-то сказал; 6–7 баллов как будто заслужены, а больше ему и не требовалось. Я думаю, невольники невольно помогли ему кончить курс, хотя и без [...], но все-таки с чином.

Профессором канонического права, истории церкви, логики и психологии был о. Иван Николаевич Смирнов, зять о. Строкина, б. законоучителя Лицея. На младшем курсе он же читал богослужение. Все качества и недостатки его преподавания были те же, что и везде, где эти предметы преподавались. Они зависели от системы преподавания. Богослужение мы зубрили наизусть, не вникая в его символический смысл; логику и психологию тоже отвечали по запискам наизусть, и кроме того, [...] убийственно скучного, причем психология у нас называлась опытной психологией, ничего по этим предметам нам не читал и не знал. То же можно сказать и об академических предметах — истории церкви и канонического права. Этими науками я, напр., интересовался, но если что и знал по ним, то благодаря постороннему «вольнодумному» чтению. Сам по себе человек чрезвычайно симпатичный и весьма образованный, о. Смирнов, по-видимому, ничего не смог сделать, чтобы оживить свое преподавание. И его звали «рутина». Нередко на площадке лестницы по окончании урока о. Смирнов встречался с пастором Герценбергом и ксендзом, доминиканцем Шкилондзем. О. Смирнов всегда с обоими по духовному братству лобызался, а католик с протестантом ограничивались [...]. Нам, помню, манера о. Смирнова нравилась. Мы считали, что он этим показывает православному веротерпимость, что и возвышает его над инославием.

В последний год нашего пребывания в Лицее, после смерти Паукера, инспектором был Н. Н. Гартман, переведенный из Правоведения, где он заведовал приготовительными классами. Гартман явился в Лицее преобразователем. Человек умный, настойчивый, он успел провести свои реформы, несмотря на несочувствие к ним коренных лицейцев, к голосу которых прислушивались. Преобразование выразилось главным образом в том, что 4-классный традиционный Лицей с полуторагодовичными курсами он оправоведил, разделив его на 6 классов с годовыми курсами. Для этого, прежде всего, потребовалось помещение, а для его постройки — деньги. Деньги Гартман добыл путем продажи половины лицейского сада. Надстроил этаж, демократизировал состав воспитанников, допустив более широкий прием по происхождению.

Гартман застал нас в выпускном классе, вероятно, считал, с своей точки зрения, отпетыми, и уже никаких нам утеснений не чинил, но свободою мы злоупотребили всего один раз, учинив незадолго перед выпуском хмельное празднество в самом классе и дортуаре. Вечер прошел пресвело, никакое начальство не приходило, и потерпели на другой день лишь полотеры, до седьмого пота чистившие пол от прилипшей к нему бутылочной смолы. Гартман лишь потом допытывался, что это за собачье пойло, которое, по его сведениям, [...] Бартенев, а поило это состояло из смеси коньяку, шампанского, красного и белого вина и ликеров.

Чтобы исчерпать мои воспоминания о нашем лицейском житье-бытье, мне остается сказать о нашем самосуде, который мне памятен особенно потому, что в двух случаях его применения я был одним из судей. В первый раз мы судили Гаверина, уличенного в продаже татарину казенного мундира. Учинили следствие, допрос обвиняемого, свидетелей; не допрашивали только потерпевшего — казну, и присудили товарища к исходу. Приказали ему написать отцу, чтобы тот за ним приехал и взял его из Лицея подобра-поздорову. Отец действительно приехал, но взял было с нами неподлежащий тон, с угрозами; пошел жаловаться директору, но генерал, знавший конфиденциально, в чем дело, и понимавший, что дать ход ему в официальном порядке — значит погубить воспитанника, закрыл глаза на наш трибунал, в душе ему сочувствуя, и при объяснении с родителем принял нашу сторону, предложив, впрочем, если отец пожелает, нас за самосуд наказать, а дело его сына направить в совет Лицея. Конечно, отец предпочел подчиниться нашему решению, и по прошению взял сына из Лицея. Из этого юноши, который потом был офицером, путного ничего не вышло; из полка он тоже должен был уйти, и по слухам, он порядочным человеком не сделался.

Второй случай был не столь серьезный; мы судили одного товарища за эксплуатацию им другого, которого он совершенно подчинил своей воле, обратив его не то в своего слугу, не то в вечного без расплаты кредитора. Хотя второй — безвольный — сам и не жаловался, но мы признали такие отношения между товарищами недопустимыми и приговорили эксплуататора к изъятию из обращения, т. е. к отлучению от товарищества; до выпуска с ним никто не разговаривал. К выпуску он был амнистирован, но, замечательное явление, — через 32 года нам пришлось его вновь исключить из товарищеского курсового общения за нетоварищеский и более того, непорядочный поступок.

Так вот что такое была лицейская семья XXXV курса. И тяжело нам было расставаться, как ни радостен был день выпуска. Накануне последнего роспуска весной 1877 г. собрались мы в последний раз в профессорской и с неподдельными слезами расстались.

Разбросала нас жизнь в разные стороны, кому она оказалась матерью, кому мачехой, и рассовала она нас по разным ступеням общественной лестницы, кого воздвигнув вверх, кого оставив внизу...

Одни, едва начав жизнь, скончались, другие в житейской борьбе, обессилев, — погибли: трое кончили самоубийством, один убит своей женой, двое лишились рассудка. Из 33-х, окончивших со мной курс, — в живых 21; двое совершенно исчезли с горизонта, никогда не показываясь, с одним никто из нас не видится, но зато все выжившие в числе 20, когда бы и где бы ни столкнулись, стараются забыть тяжелый для многих промежуток, и, постаревшие, поседевшие, облысевшие, все живо помнят одно, что мы XXXV курс и что нас соединяет нежно любимый нами Лицей, оставивший у всех нас священную и благодарную память.

Именной указатель

Бартенев Николай Михайлович (?–1883, в своем имени близ ст. Грязи) — воспитанник XXXV курса. Губернский секретарь. Комиссар по крестьянским делам Замошского уезда.

Бартенева Надежда Арсеньевна (1821–1902) — фрейлина императрицы Марии Александровны.

Бауер (Бауэр) Василий Васильевич (1833–1884) — историк, профессор Петербургского университета, Петербургских высших женских курсов, Александровского Лицея. В Императорском Александровском Лицее начал службу в 1864 г., занимая должности: преподавателя всеобщей истории (1864–1867); экстраординарного профессора (1867–1868); члена совета Лицея (1868–1884); ординарного профессора (1868–1884). Степень доктора получил в 1863 г. за работу «Эпоха древней тирании в Греции». В разное время его учениками были: цесаревич Александр Александрович, его брат великий князь Владимир Александрович, сыновья великой княгини Марии Николаевны — Евгений и Сергей Максимилиановичи Лейхтенбергские. Две работы Бауэра — «Лекции по новой истории» (1836–1888), «Реформации Фридриха III» были изданы уже после его смерти графом А. А. Мусиным-Пушкиным.

Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) — воспитанник XV курса, окончил Лицей в 1847 г. Сенатор. Крупнейший экономист, географ, академик Императорской Академии наук. Автор работ по политической экономии и финансовому праву. В Императорском Александровском Лицее преподавал политическую экономию и финансовые законы в 1869–1878 гг.

Безобразова Мария Владимировна (1857–1914) — историк философии, участница женского движения.

Белов Евгений Александрович (1826–1895) — историк, географ, преподаватель всеобщей истории в Императорском Александровском Лицее в 1867–1891 гг.

Белюстин Вячеслав Вячеславович (?) — воспитанник XXXV курса. Окончил Лицей с золотой медалью. Тайный советник, сенатор, товарищ министра народного просвещения. Подарил Лицею свою коллекцию лицейских материалов.

Вадковский Владимир Федорович (?–1884, г. Сухуми) — воспитанник XXXV курса. Титулярный советник, окружной судья в г. Сухуми.

Велинский Владимир Владимирович (?–1897, г. Одесса) — воспитанник XXXV курса. Коллежский советник, член Совета Одесского института благородных девиц.

Викситен Василий Федорович (1857–1879) — учитель гимнастики в Лицее.

Воронец Александр Васильевич (?– 25.03.1900, г. Вологда) — воспитанник XXXIV курса. Окончил Лицей в декабре 1875 г. Коллежский советник, непреременный член Вологодского губернского присутствия.

Гавеман Роберт Самуилович (1852–1908) — подполковник в отставке, учитель фехтования в Лицее.

Гартман Николай Николаевич (1825–1892) — тайный советник. Директор Императорского Александровского Лицея (1877–1892), прежде служивший в Лицее инспектором (1875–1877). В бытность его директором состоялось открытие первого памятника Пушкину (скульпт. А. М. Опекушин, Москва) и первого пушкинского музея (Санкт-Петербург, Александровский Лицей). В учебном заведении при нем велись значительные строительные работы.

Гедримович Петр Александрович — статский советник. В Лицее занимал должности: преподавателя гражданского и римского права (1874–1886); секретаря совета Лицея (1879–1888); преподавателя гражданского права и судопроизводства (1886–1888). О Гедримовиче вспоминает воспитанник XXXIV курса Петр Попов: «За выходом профессора Пахмана кафедру гражданского права занял совсем юный, сухощавый, высокий и, как говорили, много обещающий, П. А. Гедримович, который прежде всего старался сохранить престиж профессора, что ему не всегда удавалось. Мы, ввиду его молодости и неопытности, часто позволяли себе всякие шутки, в особенности во время репетиций. Юный профессор краснел, поправлял очки и всячески старался придать себе серьезность. Читал он недурно, но как-то неуверенно, а при репетициях почему-то относился к некоторым предубежденно и с таковыми, как бы хорошо они ни отвечали, был скуп на баллы. Ранняя его кончина не дала возможности осуществиться тем надеждам, которые знающие люди возлагали на Гедримовича». (*Петр Попов* (П. Княжнин). Шесть лет в Императорском Александровском Лицее (1870–1875). СПб., 1911. С. 91–92).

Герценберг Эдуард Федорович — пастор, занимавший в Лицее в разное время должности: преподавателя Закона Божьего для лицеистов евангелическо-лютеранского вероисповедания (1866–1909), преподавателя немецкой литературы (1872–1906), учителя немецкого языка на младшем курсе (1872–1897).

Хис (Хис) Карл Осипович (1826–1901) — англичанин, с 1850 г. жил в России. Преподавал английский язык и литературу в Императорском Александровском Лицее (1856–1878). Кроме лицеистов, в числе его учеников — наследник-цесаревич Николай Александрович, великие князья Сергей и Павел Александровичи, Константин Константинович, великая княгиня Мария Александровна. В отставку вышел действительным статским советником. В воспитании уделял большое внимание физическому развитию личности. Говоря о воспитании наследника-цесаревича Николая Александровича, генерал Н. А. Епанчин пишет: «Физическое развитие наладилось случайно. Дело в том, что для занятий по английскому языку был приглашен мистер Хис. <...> Именно Хис обратил внимание на недостаточность физических упражнений Цесаревича и занялся этим делом и, между прочим, закаливанием Цесаревича, в чем достиг прекрасных результатов» (*Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 198–199).

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) — тайный советник, русский историк государственной школы, публицист, профессор Петербургского университета. В Лицее служил в период с 1867 по 1889 г., являясь профессором по кафедре государственного права. Автор многочисленных трудов по государственному праву. В 1899–1904 гг. издано собрание сочинений А. Д. Градовского.

Екатерина Михайловна (1827–1894) — великая княгиня, дочь Михаила Павловича (брата Николая I), замужем (1851) за герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким (1823–1876). С 1847 по 1870 г. — член совета Петербургского патриотического общества, с 1870 г. — президент совета этого общества.

Елена Павловна (1806–1873) — великая княгиня, урожденная принцесса Фредерика-Шарлотта-Мария Вюртембергская, жена (с 1824 г.) великого князя Михаила Павловича. Хозяйка артистического салона в Михайловском дворце в Петербурге. В

Михайловском дворце были созданы музыкальные классы. В этих классах начал свое музыкальное образование П. И. Чайковский. Вошла в историю русской культуры: при ее поддержке были основаны Русское музыкальное общество и Петербургская консерватория.

Ивановский Игнатий Акинфиевич (1807–1886) — профессор международного права. Учился в Виленском университете, после чего был направлен в Московский университет и Профессорский университет в Дерпте. По получении степени доктора права был командирован для усовершенствования за границу. Приглашен в Лицей в 1837 г. на вновь образованную кафедру политической экономии и статистики. В Лицее — профессор статистики и политической экономии (1837–1857), профессор международного права, государственного права европейских держав и дипломатии (1857–1882). С 1860 г. — заслуженный профессор. Известен своими трудами «Взгляд на науку дипломатии» (1836), «О началах постепенного усовершенствования государств» (1837), «Руководство статистики европейских государств» (1856). Лицеист А. Н. Яхонтов вспоминал об Ивановском: «Все в нем увлекало нас, возбуждало наше внимание: и живая пылкая речь, и интерес содержания лекции, и даже оригинальные модуляции его голоса» (Рус. старина. 1888. Окт. С. 114).

Идаров Сергей Сергеевич (? — 1882, Париж) — воспитанник XXXV курса. Окончил Лицей с серебряной медалью. Коллежский асессор, секретарь Канцелярии Министерства иностранных дел.

Крылов Евгений Евгеньевич (? — март, 1893) — воспитанник XXXV курса. Титулярный советник, судебный следователь в Трокском уезде.

Лейхтенбергская Терезия Петровна (1852–1883) — принцесса Терезия-Фредерика-Ольга, дочь попечителя Лицея принца П. Г. Ольденбургского и его супруги принцессы Терезии-Вильгельмины-Изабеллы-Шарлотты. Замужем за герцогом Г. М. Лейхтенбергским.

Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович (1852–1912) — герцог, князь Романовский, сын старшей дочери императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского (сына Евгения Богарне, пасынка Наполеона I). Двоюродный брат Александра III. В первом браке состоял с принцессой Терезией Петровной Ольденбургской (ум. в 1883 г.). В 1890 г. женился на Анастасии Николаевне Черногорской.

Лемм Оскар Эдуардович (? — 1918, Петроград) — воспитанник XXXV курса. Статский советник, ученый хранитель Азиатского музея Императорской Академии наук.

Лемм Эдуард Самойлович (1856–1883) — действительный статский советник, воспитатель в Лицее.

Лунд Александр Константинович (? — 9.08.1898, г. Двинск) — воспитанник XXXIV курса, окончил Лицей в декабре 1875 г. Прапорщик армии.

Лялин Сергей Васильевич (?–1871, С.-Петербург) — штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка. Командирован в Лицей в 1851 г. Воспитатель (1851–1858; 1863–1871); репетитор (1851–1871). Кроме того, содержал пансион для приготовления к поступлению в Лицей (1856–1871). В Лицее учились два его сына: Лялин Василий Сергеевич (XXXII курс, выпуск 1872 г.) и Лялин Сергей Сергеевич.

Лялин Сергей Сергеевич (? — 19.07.1900, г. Ялта) — воспитанник XXXIV курса, окончил Лицей в декабре 1875 г. Надворный советник, столоначальник Департамента таможенных сборов.

Майдель Владимир Петрович, барон (? — 06.08.1905, г. Эйзенах) — воспитанник XXXV курса. Статский советник, уездный депутат Венденского уезда, почетный мировой судья Венденского и Валкского уездов.

Маслов Николай Петрович — воспитанник XXXV курса. Поручик гвардии, земский начальник Фатежского уезда.

Миллер Николай Иванович (1809–1889) — инспектор (1843–1853), а потом директор (1853–1877) Лицея. Окончил Инженерное училище первым учеником. Капитан лейб-гвардии Измайловского полка, прикомандированный к Пажемскому корпусу. В Лицей принят по ходатайству принца П. Г. Ольденбургского, знавшего Миллера «за человека отлично образованного и любознательного». Во время службы в полку имя Н. И. Миллера сделалось известным в военном мире по следующему случаю. Когда он со своею ротой занимал караул в Зимнем дворце, один из нижних чинов роты, стоявший ночью у Иорданского подъезда, услышав крики тонущего в Неве человека, оставил свой пост и вытащил несчастного из воды. Об этом было доложено обер-полицмейстеру Кокошкину, который сумел спасти рядового от грозившей ему тяжелой кары, а самого Миллера от неминуемого взыскания. Этот случай описан писателем Н. С. Лесковым в рассказе «Человек на часах».

Наранович Константин Павлович (?–24.07.1898, г. Ставрополь Самарской губ.) — воспитанник XXVII курса, окончил Лицей в мае 1865 года. Статский советник, контролер Сберегательных касс Государственного банка.

Никифоров Николай Константинович (1856–?) — воспитанник XXXV курса. Действительный статский советник. Чиновник особых поручений V класса при Главном управлении Землеустройством и Земледелием. Автор сборников стихов и прозаических сочинений.

Никольский Владимир Васильевич (1836–1883) — преподаватель, а затем профессор Российской словесности в Императорском Александровском Лицее (1866–1883). С 1877 по 1883 г. — инспектор Лицея. Инициатор и создатель в стенах Александровского Лицея Пушкинского музея, ставшего первым Пушкинским музеем России. В исследовании творчества Пушкина выдвинул новую проблему — «Идеалы Пушкина». Занимался публикацией неизвестных документов, связанных с дуэлью Пушкина. Вел поиски места дуэли поэта путем опроса старожилов.

Ноллендорф Иоганн Вильгельмович — коллежский секретарь, служил воспитателем в Александровском Лицее в период с 1874 по 1877 г.

Нолькен Александр Генрихович, барон (? — 26.04. 1928, Ницца) — воспитанник XXXV курса. Окончил Лицей с серебряной медалью. Камергер, действительный статский советник, член Совета министра внутренних дел, почетный мировой судья Витебского уезда; служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881) — принц, сын великой княгини Екатерины Павловны, любимой сестры императора Александра I, и принца Георга Ольденбургского. Первый попечитель Императорского Александровского Лицея (1843–1881). В своей деятельности большое внимание уделял образованию в России. Основатель и попечитель Училища правоведения. На собственные средства купил для училища дом и передал ему. В 1860 г. П. Г. Ольденбургскому было вверено управление всеми учреждениями ведомства императрицы Марии с назначением его главноуправляющим IV отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1844 г. в ведомстве IV отделения было 104 воспитательных и других учреждений, а в год кончины принца их насчитывалось 496. Автор стихов, переводов, музыкальных произведений. В 1834 г. перевел на французский язык «Пиковую даму» А. С. Пушкина.

Паукер Адольф Егорович — капитан I ранга, на службе в Лицее с 1856 по 1875 г. занимал должности репетитора, воспитателя, инспектора классов. С 1861 по 1875 г. — учитель английского языка.

Пономарев Петр Николаевич (?–1893, Одесса) — воспитанник XXXV курса. Титулярный советник, кандидат на судебные должности в округе Одесской Судебной палаты.

Рейнбот Павел Евгеньевич (1855–1934) — поступил в Лицей на XXXIV курс. Из-за столкновения с воспитателем удален из Лицея на полтора года с правом держать экзамен в 1 (высший) класс. Окончил Лицей с XXXV курсом в мае 1877 г. «Статский советник в отставке. Присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Исполняющий обязанности юрисконсульта Министерства народного просвещения», — говорилось о Рейнботе в Памятной книжке лицейстов за 1911 г. Известный пушкинист. Секретарь Пушкинского лицейского общества, заведующий Пушкинским музеем Александровского Лицея, много сделавший для пополнения его собрания, член Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина при Российской Академии наук. Один из создателей Пушкинского Дома. С 1921 г. — помощник хранителя музея Пушкинского Дома. В апреле 1925 г. арестован. С июня 1925 по декабрь 1926 г. находился в административной ссылке сначала в Свердловске, затем в Тюмени. С 1928 по 1930 г. заведовал библиотекой Пушкинского Дома.

Рейнбот 2-й Александр Евгеньевич — воспитанник XXXV курса. Окончил Лицей с большой золотой медалью. Действительный статский советник, член Совета министра финансов.

Рюо Камилл Генрихович — в 1866–1881 гг. преподаватель французской словесности в Лицее.

Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, сын императора Александра II. Женат (1884) на принцессе Гессен-Дармштадтской Елизавете, в России — Елизавете Федоровне (1864–1918), родной сестре императрицы Александры Федоровны. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1891 г. — московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа. Убит взрывом бомбы, брошенной И. П. Каляевым в Кремле возле Никольских ворот.

Смирнов Иоанн Николаевич (1844–1911) — протоиерей, магистр богословия, преподаватель Закона Божьего и истории церкви для воспитанников православного исповедания в Императорском Александровском Лицее в период с 1870 по 1901 г.

Стакельберг Густав Эрнестович, граф — воспитанник XXXIV курса. Окончил Лицей в декабре 1875 г. Шталмейстер, генерал-майор; служил в лейб-гвардии Гусарском полку, состоял при великом князе Владимире Александровиче.

Строкин Алексей Николаевич (1826–1870) — протоиерей, магистр богословия С.-Петербургской духовной академии. В 1854–1870 гг. — законоучитель православного вероисповедания и настоятель церкви Лицея.

Строкин Николай Алексеевич (?–05.12.1890, С.-Петербург) — воспитанник XXXV курса. Коллежский асессор, податный ревизор Департамента окладных сборов.

Стуколкин Тимофей Алексеевич — артист балета Императорских театров. Учитель танцев в Лицее в 1859–1894 гг.

Суковкин Михаил Акинфиевич (?–1938, Ментон) — воспитанник XXXV курса. Камергер, действительный статский советник, председатель Киевской губернской управы по делам земского хозяйства, почетный мировой судья Каневского уезда.

Таганцев Николай Степанович (1843–1923) — один из наиболее выдающихся русских криминалистов; автор трудов по уголовному праву. С 1887 г. — сенатор. С 1906 г. — член Государственного совета. Почетный член Российской Академии наук (1917). Службу в Императорском Александровском Лицее начал в 1869 г., занимая должности: и. д. экстраординарного профессора по кафедре уголовного права (1868–1871), ординарного профессора (1871–1882), члена совета Лицея (1879–1882).

Таубе Константин Фердинандович, барон — воспитанник XXXV курса. Действительный статский советник, Управляющий 1-й Экспедицией при канцелярии Министерства иностранных дел.

Тернер Карл Иванович — статский советник. В 1862–1903 гг. преподаватель английской литературы в Лицее.

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) — тайный советник, сенатор. Профессор Петербургского университета. В период с 1874 по 1876 г. служил в Императорском Александровском Лицее и. д. экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии права. В 1899–1901 гг. преподавал здесь же уголовное судопроизводство. Известен своими трудами: «Курс уголовного судопроизводства» (т. I — 1884 и 1896 гг., т. II — 1895 г.); «Учение о наказании в связи с тюремоведением» (1889); «Курс русского уголовного права, часть особенная. Посягательства личные и имущественные» (1890).

Чарыков Николай Валерианович (Валерьевич) (1855–1930) — воспитанник XXXIV курса. Окончил Лицей в декабре 1875 г. с золотой медалью. Русский дипломат. С 1897 г. — министр-резидент при папском дворе; в 1900–1905 — посланник в Сербии, в 1905–1907 — в Нидерландах; в 1907–1909 — товарищ министра иностранных дел. В 1909–1912 гг. — посол в Турции, проводил политику сближения с турецким правительством, добивался открытия черноморских проливов для русского военного флота. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Имел знаки отличия Военного ордена 3-й и 4-й степеней.

Шильдер Владимир Александрович (1855–1925) — генерал-лейтенант, числившийся по гвардейской пехоте, в списках Пажеского Е. И. В. корпуса, в списках лейб-гвардии Семеновского полка и Псковского кадетского корпуса, начальником которого он был. В 1896–1909 гг. — инспектор воспитанников. С 1910 по 1917 г. — директор Императорского Александровского Лицея. В 1925 г. арестован по «делу лицеистов». Умер в тюрьме во время следствия.

Шкилондзь Иаков — иеромонах доминиканского ордена, преподаватель Закона Божьего для лицеистов римско-католического вероисповедания в Императорском Александровском Лицее в период 1865 по 1877 г.

Эрдели Яков Егорович — воспитанник XXXV курса. Действительный статский советник, минский губернатор, почетный попечитель Елизаветградского земского реального училища.

Якобсон Владимир Иванович — воспитанник XXXV курса. Действительный статский советник, чиновник особых поручений по сельским делам при министре внутренних дел.

Примечания

¹ ИРЛИ, ф. 157, № 306.

² В этот период шестилетний курс обучения в Лицее состоял из четырех классов по полтора года в каждом. Низшим был четвертый, выпускной — первый. Первый и второй классы составляли старший возраст, два другие — младший.

³ С 1877 г., согласно Уставу 1848 г., прежний порядок обучения в четырех полуторагодовых классах заменялся на шестиклассный по одному году в каждом классе.

⁴ Двенадцатибалльная система для оценки успехов в науках (12 — отлично хорошие успехи; 11 и 10 — весьма хорошие успехи; 9 и 8 — хорошие; 7 и 6 — удовлетворительные; 5 и 4 — посредственные; 3 и 2 — худые; 1 и 0 использовались для обозначения безуспешности).

⁵ Представитель религиозного — общинного движения, распространившегося в Латвии с 1729 г. из местечка Гернгуте в Саксонии. Своими корнями движение уходит к Моравским братьям. Учение Гернгуте о трудолюбии, бережливости, послушании, морально-правственном перевоспита-

нии людей соответствовало интересам крестьянской верхушки, которая возглавила Гернгутские общины.

⁶ Рейнбот Павел. См. именной указатель.

⁷ Пансион, служивший для приготовления к поступлению в Лицей, содержавшийся в 1856–1871 гг. воспитателем Лицея С. В. Лялиным. См. указатель имен.

⁸ Герои романа Чарльза Диккенса «Домби и сын».

⁹ Учащиеся Училища правоведения — перворазрядного закрытого учебного заведения для детей дворян (1835–1918). Учреждено по мысли и на средства принца П. Г. Ольденбургского «для образования благородного юношества на службу по судебной части». Училище состояло в ведомстве Министерства юстиции и управлялось попечителем. Срок обучения сначала был шестилетний, затем семилетний с приготовительными классами. В приготовительных классах и на младшем курсе изучались общеобразовательные предметы, на старшем — юридические науки. В числе окончивших училище — И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, А. М. Жемчужников, В. О. и М. Е. Ковалевские, К. П. Победоносцев, Д. А. Ровинский, А. Н. Серов, В. В. Стасов, П. И. Чайковский.

¹⁰ С.-Петербургское коммерческое училище ведомства учреждений императрицы Марии, первое коммерческое училище, созданное в России. Первоначально находилось в Москве, в 1800 г. переехало в С.-Петербург.

¹¹ В Памятной книжке лицеистов 1911 г. не значится. По всей вероятности, полного курса в Лицее не окончил.

¹² Имена германских императоров.

¹³ Вероятно, ироничное совмещение двух немецких княжеских родов.

¹⁴ «Просвещенному благотворителю» — было написано на памятнике П. Г. Ольденбургскому, воздвигнутому в 1889 г. на Литейном проспекте перед зданием Мариинской больницы, управление которой было поручено принцу 14 октября 1839 г. Автор памятника — академик И. Н. Шредер. В 1930-е гг. памятник утрачен.

¹⁵ В 1873 г. отмечалось тридцатилетие службы директора Лицея генерал-лейтенанта Н. И. Миллера.

¹⁶ По постановлению совета Лицея через каждые два месяца в учебном заведении устраивались репетиции — опрос воспитанников по пройденному в течение этого периода материалу. Одно время баллы, полученные воспитанниками на этих репетициях, включались в общий счет отметок за эти месяцы. Затем было принято решение считать баллы, полученные на репетициях, за годовую оценку. В случае пропуска воспитанником репетиции его лишали отпуска в ближайшие праздники. При несдаче всех репетиций к концу учебного года воспитанник не допускался до экзамена.

¹⁷ Автор воспоминаний имеет в виду свою службу на посту министра народного просвещения.

¹⁸ Ошибка в тексте. Следует читать «В. Шильдер». См. именной указатель.

¹⁹ Юрий Безобразов в Памятной книжке лицеистов 1911 г. не значится. По всей вероятности, полного курса в Лицее не окончил.

²⁰ В 1877 г. в Лицее начались работы по преобразованию учебного заведения из четырехклассного в шестиклассное. Это вело к увеличению количества учащихся. Так как каждый класс в Лицее должен был иметь отдельное помещение, потребовались новые площади для размещения вновь образуемых классов. Было принято решение расширить помещения учебного заведения за счет надстройки четвертого этажа основного здания. Чтобы справиться с финансовыми трудностями, пришлось продать часть сада.

²¹ Архиерейская улица в 1918 г. переименована в улицу Льва Толстого. Эта улица отходит от Каменноостровского проспекта у площади Льва Толстого и идет к Большой Монетной. Название — Архиерейская — велось от находившегося в начале XVIII в. на этом участке Новгородского подворья архиерея Феофана Прокоповича.

²² Один из воспитанников записывал за профессором читаемые им лекции. Затем эти записи просматривались профессором и литографировались в типографии. Использовались воспитанниками в качестве учебных пособий.

С. М. Некрасов
«ЛИЦЕЙСКИЙ СТАРОСТА»
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
Записки Н. Н. Флиге

19 октября 1917 года на Конногвардейском бульваре, в доме выпускника 54-го курса Императорского Александровского Лицея Н. Н. Флиге собрались на традиционную лицейскую встречу его товарищи по Лицею. Совсем недавно они сфотографировались вместе в память 15-летия лицейского выпуска. Преуспевающие военные и штатские чиновники, благополучно делавшие карьеру, и сегодня смотрят на нас с этой исторической фотографии. Однако в тот вечер они говорили не только о временах лицейской старины. Все яснее и очевиднее становились признаки грозных революционных событий. «Мы уже переживали очень тревожные дни, — свидетельствовал хозяин дома. — Многие подумывали, куда уехать». Действительно, вскоре многие лицеисты потянулись на юг, где большинство из них вступило в ряды Добровольческой армии.

19 октября 1918 года уехавшие на юг лицеисты справляли в Киеве. В Монархическом клубе собралось более восьмидесяти человек. Председательствовал лицеист 28-го курса В. Н. Охотников. 19 октября 1919 года в Киев на лицейскую встречу, проходившую в здании Дворянского и Крестьянского банков, приехало только двенадцать человек. В тот же день в Ростове-на-Дону собралось более восьмидесяти бывших воспитанников Императорского Александровского Лицея. Многие из них были в военной форме и надеялись вскоре увидеться в Москве и Петербурге. Однако фронт стремительно продвигался к югу России, и надеждам этим не суждено было сбыться.

Через год Гражданская война окончилась. Большинство оставшихся в живых выпускников Императорского Александровского Лицея оказались за пределами России. Здесь, в русском зарубежье, Флиге предстояло занять особое положение. Он стал деятельным организатором лицейских встреч 19 октября, а также инициативным собирателем и хранителем лицейских реликвий. С годами он превратился в своего рода «лицейского старосту», к которому обращались с различными предложениями и просьбами члены огромного сообщества лицеистов «русского рассеяния». Он пользовался большим авторитетом среди лицейских воспитанников. Был в хороших отношениях и с В. Н. Коковцовым, хотя порой это было не просто.

Дело в том, что Флиге был вхож в дом Коковцова еще в Санкт-Петербурге в бытность его министром финансов и вскоре после окончания Лицея женился на его дочери. Впрочем, этот брак оказался недолговечен, и уже в 1911 году супруги разъехались. Однако Флиге удавалось сохранить добрые отношения с Коковцовым до последних дней его жизни и постоянно контактировать со своим бывшим тестем по делам лицейского объединения.

Эмигрировав поначалу в Германию, в январе 1927 года Флиге переезжает в Париж, а спустя несколько лет перебирается в Канны. Здесь, на Лазурном берегу Франции, он проживает до конца жизни в небольшом домике, вилле Баттерфляй. Сюда, в этот дом, который и поныне стоит на окраине небольшого приморского городка, прославленного

на весь мир международным кинофестивалем, шли письма от бывших лицейстов из различных мест Франции, Бельгии, Италии, США и других стран, где обитали доживающие свой век лицейские выпускники. Сюда же присылали стихи лицейские поэты, с которыми Флиге поддерживал оживленную переписку. Большая часть этой переписки хранится сегодня в Брюсселе, в Королевском музее Армии, куда по инициативе Коковцова и Флиге при поддержке правления Объединения лицейских выпускников были помещены на временное хранение собранные ими материалы архива Императорского Александровского Лицея.

Не желая отправлять лицейский архив в Советский Союз и опасаясь за его судьбу в случае победы левых сил во Франции, правление лицейского объединения избрало Бельгию в качестве наиболее оптимального места для размещения архива. К тому же здесь уже находились музей и архивы некоторых русских гвардейских полковых объединений.

В конце 1937 года по полученному им праву Флиге отправился в Брюссель. Полковник особых поручений и камергер, Н. Н. Флиге не имел постоянного источника дохода во Франции и был вынужден жить весьма скромно. Тем не менее он как один из деятельных членов правления Объединения лицейских выпускников, не считаясь со временем, занимался делами объединения, поддерживал связи с лицейскими представителями в разных странах мира, что вызывало уважение и огромную признательность его лицейских собратьев.

Вот, например, письмо Дмитрия Ознобишина, возглавлявшего правление после кончины Коковцова:

«Женева. 10 Января 1948

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Николаевич,

Спасибо Вам за милое письмо от 2-го с. м. Я благополучно добрался до Женевы, где застал довольно сносную погоду. Снегу нет, к великой досаде моего внука, который собирался кататься здесь на коньках. Получил длинное письмо от А. Н. Мясоедова, тоже со стихами, но не только, которые он послал Вам.

Вот они:

Вы правы! Жив Лицейский Дух,
 Не умер он в сердцах Лицейских
 Среди забот и зол житейских
 Манящий светоч не потух.
 Но славный цикл наш завершен,
 Везде царят иные боги,
 Лишь нам, оставшимся немногим,
 И дорог и понятен он.
 Иная, темная пора,
 Пора безвременья настала,
 Ей чужды светлые начала:
 Для общей пользы и добра!

Примите мои сердечные пожелания на наш православный Новый год Вам и Вашим милым дамам. Буду рад получить то, что Вам писал Саблин о портрете Александра II. Целую руки Вашим дамам и крепко жму Вашу руку. Искренне Ваш Д. Ознобишин».

В канун 1937 года Флиге временно вновь переезжает в Париж для участия в подготовке выставки, посвященной 100-летию гибели А. С. Пушкина, организованной С. М. Лифарем. Открытие выставки в зале Плейель стало одним из самых ярких событий тех памятных пушкинских дней 1937 года.

Выставку открыл внук поэта Н. А. Пушкин, специально прибывший в Париж из Брюсселя. Он особенно подчеркнул заслуги Лифаря в организации пушкинских торжеств: «Празднования Пушкинских юбилеев происходили все в России, национальный гением которой он был. Сегодня вся Европа, весь мир воздает ему почести. И в этом признании гения Пушкина на долю Лифаря, — и я хочу это подчеркнуть — его достоинств и его энергии приходится немалая часть заслуги.

Должен признаться, что я ехал в Париж на эту выставку с чувством некоторого предубеждения, ибо, отдавая себе отчет в тех трудностях, с которыми сопряжено создание подобной выставки за границей, я думал, что она рискует оказаться бедной, неполной, недостойной того, кому она посвящена. Но как только я переступил порог зала выставки, я был охвачен энтузиазмом. Я нашел выставку столь совершенную, столь полно отражающую эпоху Пушкина, что, без всякого сомнения, она должна занять одно из первых мест в списке юбилейных торжеств столетия смерти Пушкина».

Затем с кратким словом о Пушкине и его эпохе к присутствующим обратился известный пушкинист М. Л. Гофман. Слово о Пушкине произнес и сам Лифарь. В первый же день ее посетило более тысячи человек. Приглашенных на церемонию открытия встречали устроители выставки Лифарь, А. Н. Бенуа, Гофман, секретарь объединения бывших выпускников Императорского Александровского Лицея Флиге.

Десять лет спустя, на лицейской встрече в Ницце С. С. Бехтеев подарил Флиге стихотворение, названное им «Наша Святыня». Стихи, разумеется, были посвящены очередной лицейской годовщине.

В дни нашей юности былой,
В дни счастья чуждого печали,
Лицейский праздник дорогой
Мы с шумной радостью встречали.
В тот день, со всех концов земли
Питомцы славного Лицея
Под кров родной толпой текли,
Любовью дружбы пламенея...
Так было прежде! — а теперь,
Когда повержен строй державный,
Когда закрыта крепко дверь
В былой чертог самодержавный,
В заветный день, в урочный час,
Мы здесь сошлись, сыны изгнанья,
Чтоб то, что дорого для нас,
Почтить в мечтах воспоминанья.
Чтоб вновь в родной семье своей
Пожить событиями былого,
Весельем, шутками друзей
И жизни быта нам родного.
Чтоб крепче дружбой нас спаять,
Разгладьте ранние морщины,
И чашу братскую поднять
В священный праздник годовщины.
Чтоб осушить ее за тех,

Кто на чужбине вместе с нами
 Сегодня вспоминает всех
 Друзей с их горем и скорбями.
 И верим мы, наступит день,
 Когда, душою молодея,
 Сберемся снова мы под сень
 Былого Царского Лицея.
 Того Лицея, что живет
 В сердцах изгнанников поныне,
 Что бодрость духа нам даст
 И как паломников влечет
 К своей покинутой святыне!

*С. Бехтеев
 19 октября 1947 года
 г. Ницца*

Празднование 50-летия 54-го курса (выпуск 1898 года) было торжественным и очень сердечным. Со стихотворным посланием к Флиге обратился Бехтеев.

А через год тот же лицейский поэт Бехтеев посвятил Флиге стихотворение в связи с 50-летием его выпуска из Лицея. Стихи эти свидетельствуют о том высоком уважении, которым адресат пользовался у бывших лицейских воспитанников, входящих в объединение лицейских выпускников.

**Юбилей 54-го курса
 Императорского Александровского Лицея.
 Посвящается дорогому другу Н. Н. Флиге**

В день дорого Юбилея,
 Заветы дружбы возлюбя,
 Питомцы славного Лицея
 Сошлись, чтоб чествовать Тебя.
 Чтоб в эти светлые мгновенья
 Тебя по-дружески обнять
 И за Твой труд объединенья
 Спасибо братское сказать.
 Живи ж во славу нашей дружбы,
 Блюститель славы прошлых дней,
 Слуга святой великой службы,
 Здесь воскрешающей Лицей.

*С. С. Бехтеев
 Ницца 28 мая 1948 г.¹*

Сам Флиге обратился к своему близкому другу лицейскому представителю в Италии поэту А. Н. Мясоедову, лицеисту 53-го выпуска, с просьбой откликнуться стихами на 50-летие 54-го выпуска, к которому принадлежал сам Флиге. Вскоре из Рима пришло письмо, датированное 11 мая 1948 года:

«Любезный друг мой Николай Николаевич,
 Заказ выполнен... При сем <нрзб.> “младшим братьям” (как ты выражаешься в своем письме по случаю пятидесятилетия их выпуска из Лицея).

На обороте:

«Получил ли ты мое недавнее письмо; с тех пор у нас все по-старому. Здоровье, как бы не сглазить, как будто лучше.

Сердечный привет всей семье.
Дружески тебя обнимаю.

*Твой Александр.
Рим, 11 мая 1948 года»*

Н. Н. Флиге. К пятидесятилетию выпуска из Лицея 54 курса

Вам, братья младшие, сегодня мой привет,
Ваш выпуск празднует годину юбилея;
Полвека протекло, давно Лицея нет,
А все еще живем мы памятью Лицея!
Как помню я те дни! Был май, как и теперь,
И ночи белые над Невскою столицей;
На волю, наконец, нам открывают дверь,
И как весенний день сияли наши лица.
Хоть грустно покидать нам было старый кров,
Но жизнь влекла к себе, пленяла и манила,
И бодро по стопам и дедов и отцов
Стремилась мы идти. Как молодо то было!..
Что скажем мы теперь? Жизнь обманула нас,
Лишила Родины, по всей земле рассея,
И, подходя к концу, даруешь нам сейчас
Лишь память о былом, о светлых днях Лицея!

*А. Мясоедов
Рим.
11 мая. 1948 года»².*

Во многом торжества по поводу юбилея выпуска превратились в чествование одного из наиболее ярких его представителей — Н. Н. Флиге. В самом деле, именно благодаря Флиге были собраны и сохранены многие лицейские материалы и свидетельства жизни лицейстов как в России, так и в эмиграции. Последнее особенно важно в связи с полным забвением деятельности Объединения выпускников Императорского Александровского Лицея в эмиграции и их роли в жизни и культуре русского зарубежья.

В конце жизни и сам Флиге взялся за перо и написал большой изящный очерк о своем пребывании в стенах Императорского Александровского Лицея, где когда-то учился еще его отец, сумевший с малых лет привить сыну любовь к своей alma mater. Мы не будем пересказывать эти записки. Благодаря любезному разрешению его внука, Патрика де Флиге, предоставившего нам возможность сделать копию текста и опубликовать его, предлагаем читателям самим ознакомиться с этими уникальными записками. Быть может, после их прочтения читатель, интересующийся историей Императорского Александровского Лицея, откроет для себя еще одного лицейского деятеля, до конца дней исполнявшего памятный лицейский завет «для общей пользы».

Записки Н. Н. Флиге ЛИЦЕЙ

С раннего детства я много слышал о Лицее. Мой отец воспитывался в Лицее и хотя его не кончил, так как заболел в Киеве перед последним курсом и, выздоровев, поступил на военную службу, сохранял тесную связь с Лицеем и продолжал до конца своих дней дружить со своими товарищами по Лицею. Более того, он до конца своих дней фактически нес обязанности курсового представителя: собирал свой курс 19-го октября, и ему удалось в день 50-летия окончания Лицея собрать шесть человек своего курса. Это был единственный случай за все существование Лицея.

Отец всегда говорил, что его курс особенно живуч. И на самом деле, в день 50-летнего юбилея окончания, т. е. когда ему и его товарищам было не менее 70 лет, оставалась в живых половина курса. Я тоже, конечно, был в этот знаменательный день в Лицейской церкви и не мог не любоваться этой трогательной картиной, которая все же глубоко взволновала. Да и на самом деле все собравшиеся были на редкость красивые старики. Само собой разумеется, они после завтрака снялись, и я потом отвез в подарок Лицею их группу в рамке, которая и была повешена в нашей «каменоломне». Присутствовали: мой отец, барон Медем, князь Друцкой-Соколинский, Чуриков, Буш и Шульц.

Когда мой брат, ввиду легочной болезни, бросил военную службу, а я достиг возраста для поступления в учебное заведение, родители решили поместить моего старшего сводного брата, Анатолия ф. Швенцона, на старший курс Лицея, а меня во второй приготовительный класс. Готовил меня в Лицей Л. Д. Войцеховский. Об этом милом старике я в другом месте буду подробно говорить. Выдержал я экзамен неважно и подготовлен был я весьма неровно, в особенности моя плохая грамотность на всех языках, которая преследовала меня в течение всех гимназических годов. Ехал в приготовительные классы Лицея со страхом. У меня было среди друзей много сверстниц, но мало сверстников и я не привык жить среди мальчишек. К тому же меня ото всего оберегали, так что я привык всего бояться. Ввиду этого поездка в новый город, сдача экзаменов среди чужой и новой обстановки меня очень волновала, и только авторитет моего деда, Н. Х. Бунге, у которого мы жили, несколько поддерживал бодрость моего духа, т. к. в моей детской душе оставалась надежда, что есть кому за меня заступиться.

Экзамены я все же выдержал, приобрел себе форменную фуражку и вернулся в Киев победителем. Меня очень забавляло, что я мог, согласно правилам, не снимать шляпы, а козырять как военный. Осенью сдал экзамены и мой брат, и моя мать, брат, Лиза, моя приемная сестра и я переехали в Петербург. Отец же остался в Киеве, где он управлял Волжско-Камским банком. Вскоре однако и ему удалось устроиться в Петербург представителем Варшавского банка.

Первые шаги в Лицее были мне очень тяжелы. Необычная обстановка, жизнь по звонку, окрики, воспитателя по отношению хотя и к другим мальчишкам, — все это меня ошеломило. Кроме того, возможность наказания меня очень волновала. Дома за все мое детство меня даже никогда в угол не ставили. Но самое ужасное для меня — это была возможность остаться без отпуска. Немало горя причинили мне и приставания товарищей. Я никак не мог решиться ответить на них тумакami, а обыкновенно разражался ревом, что, конечно, доставляло сорванцам громадное удовольствие. Никогда я себя не чувствовал так глубоко несчастным, как в течение первой зимы, в особенности пока я еще жил в приготовительном [классе] Лицея. Мои родители, видя мое горе, выхлопотали мне право быть дриходящим. Я

подружился с некоторыми товарищами и ездил чаще всего в Лицей с Валерианом Кетрицем, а потом с Карлушей Миллером, который был классом старше меня. Подружился я также с Веневитиновым и Тарасовым, и вообще постепенно дружеские отношения начинали у меня крепнуть, расширяться, и мое положение становилось лучше. Во второй год моего пребывания случился инцидент, сыгравший известную роль. В старший класс поступил очень талантливый сын К. Е. Маковского, известный впоследствии поэт и художественный критик. Я не помню, по какому пустому поводу мы дважды с ним подрались, и раз я ему расквасил физиономию, второй же сам вышел из свалки с разбитой губой.

По понятной для мальчишки психологии мой образ действия был внесен в актив моего авторитета. Учебные мои дела шли неровно. Математика мне давалась легко, устные ответы, в особенности по истории, которую я очень любил, и географии, были прекрасны, да и по всем другим предметам, но за письменные работы я неизменно получал единицы, и никогда ни один успех впоследствии меня не радовал так сильно и никогда ни за что я не возносил таких горячих благодарностей Всевышнему, как когда получил первую двойку за диктовку... по 12-балльной системе.

Чувство товарищества, чести мундира, корпоративность были у нас всех очень развиты. Мы все с первых же дней вступления считали себя членами одной семьи и знали, что за нашим поведением вне Лицея следят не только наши учителя и воспитатели, которых мы, по правде сказать, никогда вне Лицея не встречали, а все лицеисты. Товарищество в Лицее было настолько развито, что всякий старший лицеист, иногда кончивший уже десятки лет Лицей, при встрече в обществе относился к каждому малышу, как к равному. Все сверстники были, само собой разумеется, между собой на ты, а 19-го пили брудершафт и со многими старшими. Традиции в Лицее играли громадную роль, и неписаный закон был гораздо сильнее писанного. С ним приходилось считаться всему лицейскому начальству. Класс имел право и в некоторых случаях удалять из своей среды нежелательного воспитанника, а следовательно и из Лицея, неподходящих товарищей. Одним из самых тяжким наказаний было отлучение из класса, когда по постановлению класса все товарищи переставали не только говорить, но иметь какое-либо общение с отдельным воспитанником. Такие меры принимались обыкновенно против воспитанников, совершивших поступок, который было трудно квалифицировать по официальной скале прегрешений. Он обыкновенно касался области товарищеских отношений и порядочности и бывал ответом на такие действия, которые, по мнению наших молодых голов, были недостойны звания лицеиста. Я и теперь с самыми лучшими чувствами вспоминаю, как мы, способные в каждом отдельном случае на всевозможные эксцессы, вставали, как один человек, в защиту того, что считали связанным с достоинством и честью Лицея.

В год моего вступления в Лицей разыгралась голодная катастрофа 1891/92 гг. Для всякого лицеиста день основания Лицея являлся самым дорогим днем жизни. И оно вполне понятно. 19-е октября, связанное с гением Пушкина, проходило в такой торжественной, красивой и волнующей юные сердца обстановке, которая не могла не захватить всех. И в этот день лицеистам старших классов единственный раз в году разрешалось посещение ресторанов. Узнав о разыгравшемся бедствии, лицеисты единогласно постановили произвести обычный сбор на 19-е, не посещать ресторанов, не делать никаких трат и послать весь сбор голодающим. Вечер же провести в совместной дружеской беседе в стенах Лицея. И думаю, что этот вечер оставил в душе лицеистов не меньшее чувство удовлетворения и хорошую память о себе, чем те вечера, которые они проводили за роскошными ужинами в ресторанах.

Помню, за вечерним чаем прекрасно пел Гревс.

В публике о лицейских кутежах ходили всегда весьма преувеличенные слухи. Объясняется это тем, что многие из лицейстов принадлежали к богатому кругу и в отпускные дни на улице их видели разъезжавшими на рысаках... их родителей. В единичных случаях на самом деле бывали только отдельные лица, тратившие крупные деньги. Последнее мое заявление хотя и покажется парадоксальным, но соответствует действительности. Швыряние деньгами отдельными лицами настолько не соответствовало лицейскому духу, что подобные кутежи чаще всего скрывались от товарищей и происходили как бы вне повседневного лицейского общения. В Лицее же никто не имел права показать своего денежного превосходства. Все обязаны были платить дядьке одну и ту же сумму в 3 руб. в месяц, и сборы все делились в равном размере со всех. Единственное исключение в этом отношении допускалось неофициально со стороны устроителей по поводу отдельных малоимущих товарищей. Чтобы их не обременять, с них брали только за то, что они сами съездили, не распространяя на них общих расходов по празднику.

Но возвращаясь к хронологическому изложению моей лицейской жизни. Наступил момент перехода из пригготовительного Лицея в большой Лицей. Момент весьма важный в жизни каждого лицеиста. «Настоящими» лицеистами считались собственно только воспитанники большого Лицея. Им было присвоено ношение треуголки и мундира с шитьем. Приготовишки же ходили в коротеньких курточках и синих невыразимых. И нас часто дразнили нашими «сахарницами». Три пригготовительных класса Лицея соответствовали четырем младшим классам гимназии, 3 младших курса — четырем старшим классам гимназии, а три старших курса — золотой галун и золотое шитье на воротнике вместо серебряного — университету. Воспитанники последнего класса носили шпагу.

Экзамен был трудный, кроме того, многие стремились попасть на казенную вакансию, т. к. неполучение казенной вакансии было для них равносильно оставлению Лицея ввиду сравнительно довольно высокой платы — 800, а потом 1000 рублей в год, правда, за учение, полное содержание и одежду. По моим учебным успехам я мог рассчитывать попасть в число казеннокоштных, но мой отец заявил мне, что он сам был казеннокоштным, т. к. мой дед не мог бы за него вносить высокой платы. Он же поставлен теперь в такие материальные условия, что для него плата в 800 рублей необременительна и он не может допустить, чтобы я отнял вакансию у более нуждающегося моего товарища.

Благополучно сдав экзамены, я весной 1892 г. поступил в 6 младший класс Императорского Александровского Лицея. Ни одно другое событие моей жизни не казало мне впоследствии таким значительным, как эта перемена: шитый мундир, треуголка, вся обстановка лицейской жизни, многократные ежедневные прохождения через Пушкинский музей — все это не могло не производить большого впечатления на наши юные головы.

Перейдя на старший курс, мы были с места поражены блестящим фейерверком лекций профессора Дювернуа по римскому праву. Он обладал необыкновенной живой манерой преподносить слушателям свой предмет, оживлял его массою примеров и анекдотов и обладал громадным ораторским талантом. С не меньшим восторгом слушал я лекции Н. А. Котляревского о всеобщей русской литературе. Всеобщую историю читал монотонный Кареев, русскую — Мякотин, который своим глухим голосом передавал интересный текст своих лекций, причем, однако, неприятно действовало его напряженное дрожание рук, которые во время лекций он держал перед собою. Энциклопедию права читал нервный, но очень талантливый Коркунов, государственное право — Ивановский, по внешности и вообще джентльмен в лучшем смысле этого слова, но несколько суховатый, хотя лекции его были всегда весьма содержательны. Не буду

подробнее останавливаться на профессоре уголовного права Вульфегерте, скучно читавшем свой собственный скучный курс по книге. На его лекции раз произошел комический инцидент. Он, по-видимому, пожаловался нашему милому директору генералу Фельдману, что его никто не слушает. Фельдман, чтобы поддержать его престиж, сам пришел на его лекцию и сел в первом ряду против Вульфегерта. Результат получился неожиданный. Наш директор так заснул, сидя непосредственно против Вульфегерта, что даже не заметил, когда раздался звонок, извещавший конец лекции. Мы же хранили, конечно, мертвую тишину и не без удовольствия наблюдали, как рука, разглаживавшая седые бакенбарды Фельдмана, осталась в воздухе, а седая голова нашего директора склонилась низко на грудь. Понятно, Вульфегерт выскочил после этой лекции как ошпаренный.

Читали у нас также гражданское и полицейское право два брата Дерюжинских, милые и приличные люди (один из них был статс-секретарем Государственного Совета), но довольно безцветные, и мы в шутку звали Владимира Федоровича, который был побольше ростом, сапогом, а старшего, поменьше ростом, — ботинком. Старожилом среди профессоров, горячо любившим, несмотря на свою ярко либеральную окраску, Лицей, был Васька Яроцкий, профессор статистики и политической экономии, у которого мы работали в качестве счетчиков при первой всероссийской переписи, желая получить медали. Человек он был хороший, но лекции его яркостью не отличались.

Забавную фигуру на лекциях представлял профессор международного права Мартенс. Его самодовольная фигура и напыщенная манера чтения лекций весьма известны. Он очень любил при всяком удобном и неудобном случае повторять слова «так сказать». Я с моим соседом Вейнером обыкновенно держал пари, что Мартенс скажет большее число раз «так сказать», чем будет длиться минут его лекция. Тот, кто проигрывал, должен был платить извозчика домой, и не раз я проехался благодаря Мартенсу даром. Он любил очень кичиться своим влиянием, известностью и высокими связями. Одну из своих лекций он начал словами: «Мой друг, одна коронованная особа...», — речь была о короле бельгийском Леопольде. Другой раз на вопрос, как ему адресовать письма во время летних каникул, он самодовольно заявил: «Профессору Мартенсу. Европа».

Прекрасным лектором был профессор Шляпикош, который заменил самого слабого из них, увы, академика Жданова. Об иностранцах, читавших у нас по принадлежности историю французской, немецкой и английской литературы, я говорить не буду, т. к. их лекции представляли мало интереса.

Знали мы курсы в Лицее хорошо, благодаря прекрасно поставленной системе. В конце ноября у нас начинались первые репетиции, и мы должны были сдать треть годового курса, причем ответ каждого воспитанника длился не менее четверти часа. В феврале вторую репетицию, к экзамену же весь курс. Если же предмет читали в течение двух лет, то окончательный экзамен мы должны были сдать ко всему курсу, т. е. еще раз повторить курс первого класса. Имея в виду, что в классе было около 30 воспитанников, обязанных присутствовать на всех лекциях, то трудно себе представить, насколько близкие отношения у нас были с профессорами, которые имели возможность знать каждого воспитанника.

Я не упомянул еще о нашем законоучителе, о Иоанне Смирнове, читавшем у нас историю церкви. Он был очень почтенным и умным священником, и мы его все любили. После окончания мною Лицея, в грустные дни директорства Саломона, Смирнов ушел из Лицея и получил настоятельство в церкви М. И. Д., и я служил у него панихиды в день смерти моего отца и причащал детей.

Как я упомянул, я поступил в Лицей, когда директором был Гартман. Он умер, когда я был в старшем приготовительном классе, и его заменил инспектор барон Врангель, по прозвищу «рыжая собака» или «Фердинанд». Рыжим он был на самом деле, но собакой не был. Женат он был на весьма несуразной англичанке, про которую ходили курьезные слухи, немало забавлявшие воспитанников. Всю свою жизнь он числился или служил во флоте, измерял температуру Черного моря и преподавал у нас космографию. Он был крайне рассеян и постоянно оговаривался. Выражения, подобные тому, как «земля вращается» — «враща земляется» вошли у нас в поговорку. Оставался он на своем посту до 1896 г., когда летом его сменил ген. Фельдман, а инспектором был назначен всеми нами горячо любимый полковник В. А. Шильдер.

Для каждого лицеиста особенно памятни и дороги дни празднования столетия Лицея. Государь Император изъявил свое желание принять участие в праздновании столетнего юбилея Лицея, но не мог присутствовать 19 Октября, почему 19 Октября 1911 г. прошло обычным порядком. Празднование же было перенесено на начало 1912 г. Для меня лично оно имело особенно большое значение.

Торжества столетия прошли очень удачно и красиво и длились целую неделю. Я участвовал во всех официальных церемониях, не попал только в Царское Село, куда был совершен пелеринаж к памятнику Пушкина. Начались празднества с торжественного акта в присутствии Государя Императора, которому были представлены все курсовые представители, и он вел милостивую беседу с каждым из нас. На торжествах Лицея мне впервые пришлось фигурировать в камергерском мундире, но беседовал я с Государем не как камергер, а в качестве курсового представителя. Я помню то чувство волнения, которое мною овладело в тот момент, когда Государь после разговора с Кюхельбекером 53-го курса, обратился ко мне, и у меня мелькнула в голове мысль, что я сейчас буду говорить с монархом, от воли которого зависит судьба 180 миллионов подданных. На этот раз разговор носил шаблонный характер и был весьма краток. Помню, что Государь обратился к Коковцову с просьбою представить ему Анну Федоровну. В зале I класса, где шло представление, помимо курсовых представителей и лицейского начальства, присутствовал Совет Лицея, состоявший, как известно, только из бывших лицейцев с женами. Несколько слов о Совете Лицея. До учреждения Думы он имел право по лицейским делам представлять свои журналы на Высочайшее утверждение непосредственно, подобно Совету министров, и проф. Ивановский говорил о нем как о Высшем Государственном Учреждении наравне с Советом Министров.

Во время представления курсовых представителей произошел курьезный инцидент. Последним стоял рыжий Ермолов в форме вольноопределяющегося. Государь, подойдя к нему, спросил: «Московского полка?» — «Никак нет, Ваше Величество, Преображенского Вашего Величества полка», — ответил Ермолов.

Мне впервые пришлось видеть Царя в стенах Лицея, так как случилось так, что за 8 лет моего пребывания Государь ни разу не посещал Лицей, а на следующий год после того, как я вышел, приехал и остался очень доволен своим посещением. Лицейсты же обезумели от восторга и провожали сани Государя до Александровского парка, а мой товарищ Пущин сел с Царем рядом в сани и вел в дружеском тоне беседу, пока, не доезжая до Петропавловской крепости, Царь всех не послал домой, сказав «довольно».

Помню, что день представления курсовых представителей как раньше, так и позже, на меня произвела удивительное впечатление особенная мягкость взгляда Государя.

Настроение, конечно, все эти дни было очень приподнятое. Приятно было видеть всех съехавшихся товарищей и вместе с ними пережить, может быть, самые красивые дни нашей жизни.

В Нашем дворце был устроен обед в Высочайшем присутствии, и после обеда Государь и Императрица Мария Федоровна в течение двух часов обходили лицейстов и вели с ними беседу в том тоне, в котором хозяин и хозяйка дома ведут ее со своими гостями. Государь спросил меня, много ли собралось моих товарищей, сказав, что в старых курсах съехавшиеся на торжество однокурсники иногда сразу не могли друга друга узнать, настолько время их изменило, — и тут же прибавил: «Ну, вы еще молодежь, время вас еще не настолько изменило».

Еще красивее был спектакль в Мариинском театре, куда все лицеисты были приглашены с женами и сестрами. В Высочайшем присутствии шел «Евгений Онегин» в лучшем составе. Если не ошибаюсь, в этот день Собинов получил звание солиста Его Величества. В нижней ложе слева у сцены сидел Государь Император с Великими княжнами Ольгой и Татьяной, а в верхней ложе столько великих князей и княжен, что сидеть им в ней было тесновато. В театре лицеисты были во фраках и вицмундирах при белых жилетах. После же театра все поехали ужинать к Кюба, причем во всей большой зале Кюба случайно был один посторонний человек и то лицеист 52-го курса Воронович.

Помимо официальных обедов и ужинов мною был устроен очень весело пошедший курсовой обед, на котором присутствовали жены Булгакова, Веневитинова, Максимовича и Дуроп. Разговор Пуцина с женою Максимовича, дармштадской немкой, был очень забавен, т. к. он почти не говорил по-немецки, а она говорила с большим акцентом по-русски, но очень мило отвечала на его шутки. Не могу не вспомнить здесь один остроумный ответ милейшего Максимовича, когда кто-то 19 октября 1914 года задал ему вопрос, как он себя чувствует, имея жену немку. Максимович ответил, что утешает себя тем, что он с Государем Императором товарищ по несчастью.

Я уже упоминал, что все лицеисты, бывшие в Лицее при Шильдере, горячо его любили и ценили его рыцарское и любовное отношение к молодежи, и я решился предложить всем тем курсам, которые во время Шильдера кончили Лицей, чествовать его обедом. Этот обед имел еще то значение, что собрал за одним столом всех тех лицейстов, которые почти 6 лет вместе провели в Лицее. Все откликнулись, как один человек, и когда я пришел к Шильдеру передать приглашение шести курсов, он был так взволнован оказанным ему вниманием, что чуть не прослезился при всей его сдержанности и только повторял много раз: «Трогательно, трогательно».

В день обеда я послал его жене, Анне Михайловне, большой букет красных роз, а также жене нашего милого секретаря А. А. Рубца, много потрудившегося в связи с юбилеем и написавшего красную книгу, посвященную Лицею. Среди других тостов мною был поднят бокал за лицейста Шильдера, единственного сына В. А. Кто мог думать, что через 15 лет оба они и А. М. так трагически погибнут, вероятно, из-за тех хороших чувств, которые они питали к Лицею³. Обед прошел великолепно.

Последним торжеством был обед всех бывших лицейстов в Дворянском собрании. По правде сказать, он прошел наименее удачно. Может быть оттого, что все остальные торжества имели глубокий смысл и стояли в близкой связи с лицейскими традициями, и имели духовную подкладку. Этот же обед носил случайный характер, да и устали все немного за неделю. Обед был красиво накрыт, столы украшены цветами и красивыми лентами, но, к сожалению, помпезное меню было заказано в кухмистерской Аристархова, и он одним махом 80 человек уложил в постель. Даже лицейские желудки не выдержали уху, которой он нас угостил. Во время обеда играл придворный оркестр, про-

износились речи, читались стихи, а после обеда Собинов должен был спеть «Куда, куда вы удалились». Но тут произошел маленький курьез. Собинов захворал и его любезно согласился заменить Андреев I, прекрасный бас Мариинского театра, который в своем репертуаре нашел пушкинский текст, арию из «Руслана и Людмилы», и после обеда, когда на столах стояли еще неубранные остатки индюшек и фазанов, проникновенно спел «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями».

Все лицеисты старших курсов оставили в моей памяти воспоминания о необыкновенно благородной мягкости и снисходительности и благожелательного отношения к младшим товарищам, причем сами были к себе очень строги, скромны и выдержаны.

В этой части моих воспоминаний я не буду касаться ни личности моего горячо любимого отца, лицеиста XVII к., лучшего друга всей моей жизни, светлая память о котором до сих пор дает мне силы переносить всякие невзгоды, ни о гр. В. Н. Коковцове, на единственной дочери которого я был женат, а то воспоминания о лицеистах обратились бы в семейную хронику.

Следующим по возрасту лицеистом, с которым я очень часто встречался, был И. А. фон Швенцон, родственник моего единоутробного брата, лицеиста XLIX курса. Это был очень милый благовоспитанный и мягкий, но безхарактерный и непрактичный человек. В личном порядке его все любили и перед войной он наконец хорошо устроился, кажется, в Ташкенте. Но ближе всего я был к XLIX курсу, с которым мой единоутробный брат А. А. ф. Швенцон кончил Лицей.

У его товарища А. Ф. Свечина я даже был, несмотря на юные годы, шафером, а с А. Н. Хвостовым, бар. А. К. Врангелем, Н. И. Бутовичем и другими меня связывали дружеские отношения.

К этой же компании принадлежал Ю. Я. Соловьев, которого я еще в Киеве знал гимназистом. Странное дело: несмотря на его благовоспитанность и на то, что за все лицейские годы он ничего неблаговидного не сделал, отношения с ним товарищеские не были столь сердечны как с другими, и он, служа по ведомству М. И. Д., как-то отошел от своих одноклассников, а после революции, в 1923–25 годы, по доброй воле, живя в Берлине, перешел к большевикам, где однако не выдвинулся, и вскоре его не стало неизвестно при каких обстоятельствах.

Центром этой компании был отец А. Н. Хвостова Н. А. Хвостов, впоследствии сенатор. Он искренно любил молодежь, а также любил, чтобы его послушали, говорил он хорошо, увлекательно, а Кирочная, где он жил, была в свое время легендарной квартирой.

На Кирочной собирались все лицеисты средней полосы России.

Помимо товарищей сына А. Ф. Свечина (Тульск. губ.), бар. Врангеля (служившего впоследствии в Ельце), ф. Швенцона, Соловьева, там бывали Веселкин, Лакьер (женатый на старшей сестре Хвостова), Иванов, А. Н. Мясоедов, Матвеев и многие другие. Всех их встречали на Кирочной по-родственному, и Н. А. распространял на всех отеческую доброту и заботливость.

Кирочная представляла тип холостой квартиры; вся молодежь ходила в столь облегченных костюмах, что однажды мелкий чиновник, живший во дворе пришел просить Н. А., к которому относился как к сановнику, чтобы он повлиял на молодежь в смысле туалета, т. к. у него мол две взрослые дочери, и на замечание, что пусть не смотря в окна, если не нравится, чиновник с отчаянием воскликнул, что не может никак их отогнать от окон.

Часто по вечерам молодежь собиралась на Кирочной, и несомненно, что беседы с Н. А., а чаще его речи, многому их научили. Он умел образно говорить и жизненно

подходил к правовым темам; сам увлекался и с разных сторон освещал вопросы новые для лицейстов III класса, и слушатели могли научиться, как надлежащим образом справляться с имеющимися у них пока скромными знаниями при ответах на экзаменах.

Раз как-то молодежь решила устроить на Кирочной вечер для всех семей, где часто бывала.

Всего было припасено вдоволь. Перед вечером бар. Врангель и еще кое-кто у нас обедал; был и наш приятель хромой старик Глушановский, который заметил: «Знаю я эти студенческие вечера, водки и закуски вдоволь, вина также, а про конфеты забыли». К великому смущению устроителей, так оно и было, и они поспешили за сладостями.

На другой день была в Лицее какая-то панихида, на которой непременно все должны были быть, и мне было поручено утром приехать всех будить.

На вечере я за молодостью лет не был. Я во время приехал и ревностно исполнил свою обязанность, но перед Мих. Мих. Веселкиным должен был спасовать — все усилия были бесплодны.

Он в этом отношении был феномен как А. Н. Хвостов в другом. Последний так храпел, что получил право отпуска по случаю храпа, даже в отдельной комнате лазарета при наличии рядом больных не всегда могли его терпеть.

XLIX курс разбился на две группы, но в общем жил дружно.

Необыкновенно красочной фигурой был М. М. Веселкин, впоследствии флигель-адъютант, расстрелянный большевиками. Он любил, как и Хвостов покушать, оно и понятно: мужчина он был громадного размера, и негодовал, когда к завтраку подавали репу, заявляя, что «говно и мало».

Хвостов был очень толст при среднем росте, 19 лет он достиг веса в 8 пуд. 12 фунт.

В юные годы он был большой ходок по женской части. Его таланты в этом направлении получали широкое применение, когда он отбывал в родовое имение «Воронец» Елецкого уезда. Товарищи дразнили его, то около Воронца скоро появятся поселки большие и малые Хвосты. А. Н. также был расстрелян большевиками.

Бар. Врангель, семья которого жила на Юге, готовился как-то к экзамену у нас и после завтрака всегда раскладывал пасьянс, загадывая, выдержит ли экзамен, и на это занятие у него часто уходило часа два, но и для него все кончилось благополучно, и вся компания хорошо кончила Лицей.

Лето 1893 г. мой брат, Хвостов, Свечин, Смельский и я провели лето на минеральных водах. Хвостова послали в Ессентуки, чтобы сбавить жиру. Свечин со своей неразлучной гитарой жил с нами, а Смельский покучивал. Хвостову тяжело давалась голодовка, и когда он приезжал к нам, и со стола еще не было убрано, он овладевал сковородами и блюдами и скреб остатки «для вкуса».

Это лето еще более сблизило нас всех. XLIX курс кончил, когда я переходил в 5 класс.

О промежуточных курсах я писать не буду, так как в Париже много представителей этих курсов.

Мои воспоминания о 54 к. тоже будут кратки. Полушкин, обладающий феноменальной памятью и трудолюбием, так подробно изложил хронику моего курса, что мне остается сказать несколько слов о семьях моих ближайших друзей: Булгакова, Верховских, Зноско-Боровского, Франка и Вейнера.

Больше всего у меня связано воспоминание с гостеприимным домом моего друга и товарища Бориса Булгакова. Сколько веселых вечеров мы все у него провели, и какие очаровательные балы у них бывали.

Его мать София Михайловна любила веселость и как никто умела веселить друзей и вносить оживление. У Булгаковых всегда бывало весело и оживленно. Обе его сестры Надя и Женя, по прозванию Кленя, любили потанцевать, и вторая к тому была прекрасной музыкантшей и обладала редким слухом. Четырнадцатилетней девочкой, вернувшись из театра, она могла сесть за рояль и сыграть попури прослушанной оперы.

Во время балов у них всегда устраивали забавные и красивые дивертисменты. Играл у них неизменно знаменитый Сивачев и только на маленьких вечерах играл Ризенталь. Котильоном дирижировал В. В. Абаза, которого сменял Ив. Петр. Зыков или кто-нибудь из лицеистов.

Кормили и поили нас до отвалу: в час подавалась изумительная закуска, в 4 час. ужин *par allis* и около 6 час. утра перед рассветом — кофе; весело было и никогда ни одного инцидента — все так были увлекаемы общим весельем, что о «столкновениях», столь распространенных среди теперешней молодежи, тогда и помину не было.

Но двери булгаковского дома бывали для всех нас открыты не только в дни танцевальных вечеров — бывали мы, т. е. ближайшие друзья милого Бориса, и на маленьких вечеринках, обедах по воскресеньям, и всегда Андрей Пав. и Соф. Мих., не говоря о сестрах моего друга, встречали нас ласково и сердечно.

Если очень редко кто-либо из молодежи и был провинен в бестактности или минутной слабости, то быть молодцу не ставилась в укор, но при всей снисходительности его так ставили на место, что провинившийся никогда не бывал рецидивистом.

Второй дом, где тоже мы часто бывали, был дом Верховских. Молодежи у них тоже бывало очень много, но их сестра А. Влад., по браку Ржевуская, была несколько старше наших обеих товарищей Володи и Коли, почему на их многочисленных вечерах мы бывали младшими и чувствовали себя не так в своей компании как у Булгаковых.

Добрейшая О. А. была ко всем нам очень ласкова.

В. В., видный сановник, имел очень моложавый и элегантный вид. Он почти ежедневно проводил вечера в сельскохозяйственном клубе, и его редко видели дома. Ходил анекдот, что раз у них на балу один из танцоров подошел к нему и стал уговаривать поехать освежиться от надоевшего вечера в Аквариум. На что он ответил: «Рад бы, да не могу, я ведь хозяин».

Нередко мы танцевали и у Франков. Семья их состояла из трех сыновей, из которых только наш товарищ Генрих кончил Лицей, остальные же убоялись бездны премудрости; их сестра Мэри Золотова, ныне здравствующая в Ревеле.

У них бывало очень уютно, но три брата были довольно бесшабашные, хотя и симпатичная компания, и вносили некоторый сумбур в их семейную жизнь, да и общество у них было не такое сплоченное, как у Булгаковых и Верховских.

У Франка между прочим перед окончанием состоялся «примирительный» ужин нашего курса — ссориться мы не ссорились, но как-то распались на две части, и добрейший Генрих до разъезда на всю жизнь курса собрал нас всех на товарищеский ужин, чтобы за дружеской беседой скрепить прекрасный наш союз, который «как душа неразделим и вечен». Судьба лишила нас рано его доброго дружеского сердца, которое перестало биться раньше, чем у других.

Как мило бывало у Зноско-Боровских! Помимо обеда в день серебряной свадьбы его родителей, на который мы были званы, как и на вечерах в день серебряной

свадьбы у Булгаковых, что свидетельствует, насколько мы все вошли в интимный обиход семей наших Лицейских товарищей.

О Саше Зноско не могу не сказать несколько слов, как о самом выдающемся лицеисте нашего курса. Как в Лицее, который он кончил с большой золотой медалью, так и после он по заслугам шел впереди нас.

Даже после революции он не растерялся и сыграл большую, хотя и не показную роль в создании хлеборобов и сохранении Украины, увы, на короткий срок.

Всем памятна его прекрасная статья по случаю убийства Царя, которую прилагаю.

А какие красивые вечера и обеды бывали у Вейнера, и сколько вечеров в экзаменационное время я провел у него или он у меня.

Лицейст на всю жизнь попадал в ту исключительную благоприятную дружескую атмосферу, которая до конца дней служила ему лучшей поддержкой в дни невзгоды и сомнения, и никогда Лицейст не мог сказать, что он одинок, а если бывал одинок, то по своей вине, так как не сумел сберечь то благо, которое сама судьба ему дала в руки.

Примечания

¹ Depot «Lycée Alexandre» XVII A-35 (e) // Archives De Lycée Alexandre. Musée Royal De L'Armée. Bruxelles.

² Depot «Lycée Alexandre» XVII A-33 // Archives De Lycée Alexandre. Musée Royal De L'Armée. Bruxelles.

³ Последний дир ектор ИАЛ В. А. Шильдер и его сын М. В. Шильдер в числе других 38 бывших лицейстов летом 1925 г. будут расстреляны по сфабрикованному чекистами так называемому Лицейскому делу. Остальные отправлены на Соловки.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МУЗЕЯ

Г. П. Балог

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ВСЕСОЮЗНОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

Страницы истории
(1965–1985)

В жизни любого музея проблемы комплектования коллекции занимают далеко не последнее место. От полноты музейного собрания зависят качество постоянных экспозиций и временных выставок, возможности развития научно-исследовательской работы и многие другие аспекты жизни музея. Говоря о коллекции ВМП, следует прежде всего с благодарностью вспомнить о том, что в 1953 году, при выделении ее из состава Пушкинского Дома, в нее были включены все наиболее значительные произведения искусства, посвященные А. С. Пушкину и его современникам, собранные несколькими поколениями почитателей поэта и исследователями его творчества. Тем не менее продолжавшаяся в музее работа по дальнейшим поискам пушкинских материалов увенчалась серьезными успехами. За период 1965–1985 годов коллекция музея выросла почти в два раза. Именно в этот период коллектив музея сумел осуществить очень серьезные задачи. Были, наконец, полностью расселены дом Волконских на Мойке, 12, здания Музея-Лицея и дачи Пушкина в Царском Селе. Основная литературно-монографическая экспозиция переехала из Государственного Эрмитажа во флигель Екатерининского дворца. Все здания филиалов музея прошли капитальный ремонт. Новые помещения на набережной Мойки и в г. Пушкине необходимо было освоить в достаточно короткие сроки: развернуть новые экспозиции, разместить материалы фондов. Конечно, осуществление этих задач стало возможным благодаря тому заделу, который был подготовлен коллективом во главе с первым директором музея М. М. Калаушиным. Однако множество продиктованных временем и обстоятельствами проблем легли на плечи нового директора музея М. Н. Петай, ее заместителей А. И. Мининой и А. Я. Бобруйского, заведующих филиалами Н. И. Грановской, О. В. Ломан, Н. И. Поповой, М. П. Руденской, Н. М. Чернецкой и других сотрудников.

Несмотря на сложные условия, в которых работал коллектив музея, основные задачи, в том числе и комплектование коллекции, удалось успешно решить.

Естественно, что дать характеристику, даже самую общую, всем поступившим материалам в пределах одной статьи невозможно. Поэтому целью данной статьи является информация о наиболее ценных находках и приобретениях, сделанных в рассматриваемый период. В основном эта информация касается коллекции изобразительных материалов XVIII–XIX веков и документальных фондов. Библиотека музея и огромная работа по ее пополнению требуют отдельного рассказа.

В своих поисках сотрудники отдела фондов исходили из необходимости осуществления следующих основных задач:

- 1) поиски, взятие на учет и по возможности приобретение мемориальных коллекций или отдельных предметов, имеющих прямое отношение к самому Пушкину и его ближайшему окружению;

2) приобретение книг, рукописных и печатных материалов, предметов быта, произведений искусства, дающих представление о культуре и быте пушкинского времени;

3) приобретение произведений современного искусства, имеющих прямое отношение к профилю музея.

Для определения направления первоочередных поисков, в том числе касающихся новых экспозиций, был создан каталог дезидератов. В него включались группы предметов и наименования конкретных вещей, о существовании которых нам становилось известно из самых различных источников. Что касается источников, то здесь следует в первую очередь назвать имена людей, без помощи которых наша работа не была бы столь успешной. Это наши коллеги из разных музеев Ленинграда и Москвы: В. М. Глинка (ГЭ), А. М. Кучумов (ГМЗ «Павловск»), П. Е. Корнилов (ГРМ), В. С. Попов (ГЛМ).

Огромную роль играла и играет наша дружба с коллекционерами — замечательными людьми, порою даже уступавшими музею свои находки. Среди них П. В. Губар, Я. Г. Зак, В. А. Крылов, М. С. Лесман, С. Л. Марков, Е. Я. Непомнин, М. Д. Ромм. Список этих людей можно продолжить, но мне хочется с благодарностью выделить имена тех, кто относился к нашему музею как к своему детищу и бескорыстно помогал нам многие годы.

Говоря о самих приобретениях, прежде всего остановимся на мемориальных предметах. Большинство из них поступило от потомков и наследников первых владельцев — современников поэта. Среди них бюро карельской березы из семьи Пушиных, бюро кабинетное М. Ф. Орлова, кресло С. А. Соболевского, мебель из семьи Брюлловых, дамское бюро и рукодельный столик из Тригорского, два шкафа и шахматный столик из семьи Ивашевых, самовар семьи Нашокиных, хрустальный бокал Антона Дельвига, набор хрустальных предметов, принадлежавших Н. А. Яхонтову. Многие из них заняли прочное место в музейных экспозициях, которым они придают особое очарование, воссоздавая аромат эпохи. Особого упоминания заслуживает дар Сержа Лифаря, который привез из Франции фрагмент занавеса из квартиры Пушкина на набережной реки Мойки, 12. Сам Лифарь в свое время получил реликвию от потомков Гончаровых, проживающих во Франции.

К числу ценнейших поступлений следует отнести также рукописи и документы пушкинской эпохи. Безусловно, важным событием стало поступление от прямых потомков архива семьи Гончаровых. В архиве 98 единиц хранения, их хронологические рамки охватывают целое столетие: первый документ датируется 1780 годом, последний — 1898-м. Подлинные письма отца, деда и бабушки Н. Н. Пушкиной позволяют представить всю глубину трагедии этой семьи — душевную болезнь Надежды Платоновны и Николая Афанасьевича Гончаровых. Несколько документов относятся к периоду учебы и службы Николая Афанасьевича. Материалы второй половины XIX века посвящены опеке над больным Гончаровым, а также различным имущественным и финансовым проблемам членов семьи.

Обширные сведения, касающиеся жизни и творческого наследия В. А. Жуковского, содержит архив его секретаря Р. Р. Родионова. В составе архива есть автографы Жуковского: его письма Родионову и другим корреспондентам, денежные документы, касающиеся имущественного положения семьи, различные материалы, свидетельствующие о широкой благотворительной деятельности Жуковского и, наконец, документы, связанные с реализацией последних прижизненных изданий поэта (1848–1852 гг.). Архив содержит 162 единицы хранения.

Следует упомянуть о таком колоритном эпистолярном памятнике пушкинской эпохи, каким являются письма М. Д. Ралль, урожденной Римской-Корсаковой, бывшей, по

ее словам, давнишней приятельницей матери Пушкина Надежды Осиповны. 249 писем этой женщины, переплетенные ее потомками в солидный том, озаглавленный «Воспоминания о незабвенных родителях», представляют собой подлинную хронику семьи на фоне времени. Особенно интересны и ценны письма Ралль, относящиеся к периоду Отечественной войны 1812–1813 годов.

Яркой чертой пушкинского времени было широко распространенное увлечение семейными альбомами, содержащими многочисленные списки произведений современных писателей и поэтов, автографы самих писателей, а также разнообразные памятные рисунки. В одном из таких альбомов, подаренных музею Я. Г. Заком, оказались списки произведений А. С. Грибоедова, Д. Давыдова, А. С. Пушкина. От М. С. Лесмана поступили прекрасно сохранившиеся рукописные экземпляры «Горя от ума» Грибоедова 1830-х годов и «Бахчисарайский фонтан» Пушкина 1824 года.

Из материалов более позднего периода следует отметить макет издания «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского с его пометами, переданный музею в числе многих других ценных предметов вдовой автора С. П. Близняковской, а также ряд документов из личных архивов Б. Л. Пастернака и семьи Цяпловских, поступивших от известного собирателя и знатока документальных архивов Л. А. Шилова.

Основательно пополнилось благодаря приобретениям этого периода и собрание изобразительных материалов. Еще в 1964 году от П. В. Губара музей получил два уникальных произведения, долгое время считавшихся утерянными для русской культуры: рисунок А. П. Брюллова «Литературный обед в книжной лавке Смирдина» (титульный лист к альманаху «Новоселье» за 1833 год) и оригинал виньетки А. П. Сапожникова ко второй части «Новоселья» 1834 года. Владелец уступил музею эти раритеты вместе с большой коллекцией (124 ед.) иллюстраций к альманахам и книгам 1820–1830-х годов. В их числе отметим первые иллюстрации к поэме Пушкина «Братья-разбойники» работы С. Ф. Галактионова (1824–1825). В 1965 году П. В. Губар подарил ВМП рисунок Пушкина «Рылеев и Кюхельбекер на Сенатской площади 14 декабря 1825 года». Рисунок до сих пор вызывает споры и обсуждения, но его ценность несомненна. До сих пор это единственный рисунок Пушкина, который по желанию владельца остался в ВМП, в то время как остальные рисунки, так же как и рукописи, хранятся в Пушкинском Доме.

В золотой фонд музея вошла также поступившая от П. В. Губара коллекция из 62 миниатюрных портретов современников Пушкина. Назовем хотя бы некоторые из них: портреты Павла I, О. А. Долгорукой, И. П. и П. И. Вырубовых, Г. Ф. Готеля, Е. Нелидовой.

Среди других поступлений в фонд миниатюр необходимо отметить несколько наиболее ценных с точки зрения их художественной и исторической значимости: портрет И. М. Муравьева-Апостола работы Д. Босси (1790-е годы), семейные портреты Тургеневых, два портрета Наполеона Бонапарта из собрания В. С. Попова; портрет Камиллы Ивашевой поступил от ее правнучки Е. К. Решко.

Важное место в коллекции музея занимают портреты исторических деятелей, а также жанровые и исторические композиции, зачастую издававшиеся в конце XVIII — начале XIX века в виде художественных альбомов. Редкое по полноте собрание таких произведений поступило от Я. Г. Зака (245 ед.). К числу ценнейших художественных альбомов относятся приобретенные у Е. Я. Непомнина альбом графических портретов Пушкина 1820–1890-х годов, содержащий 92 листа, и альбом литографированных портретов членов Императорской Российской академии 1835–1841 годов, изданный в

литографии Мошарского. Особый раздел в собрании графики составили альбомы, посвященные России и издававшиеся в начале XIX века в различных городах Европы. В их числе давно ставшие библиографической редкостью альбомы гравюр немецкого художника Х.-Г.-Г. Гейслера «Путешествие по южным провинциям Российской империи» (Лондон, 1803) и «Пытки и наказания в России» (Лейпциг, 1805). Их автор совершил поездку по России в составе научной экспедиции П. С. Палласа в конце XVIII века. Поездка помогла художнику скрупулезно и точно передать избранные им сюжеты. Большинство других альбомов, изданных за рубежом, включают пейзажные и жанровые композиции, посвященные Москве и Петербургу, реже — Новгороду, Пскову, Казани. Среди наиболее известных имен художников, осуществлявших подобные издания, — М. Ф. Дамам-Демартре, Ж. Делабарт, А. Кадоль и Ж.-Б. Лепренс.

Виды Петербурга и Царского Села всегда были и остаются в центре внимания сотрудников ВМП. В настоящее время музей располагает богатейшей коллекцией подобных изображений. Прекрасные коллекции рисунков и гравюр с видами Петербурга и его окрестностей поступили от С. Л. Маркова, В. А. Крылова и М. С. Лесмана. Трудно преувеличить значение подобных произведений для ВМП: они помогают лучше представить среду, в которой обитал поэт и герои многих его произведений. Некоторые из них вызывают особую гордость. В первую очередь это относится к альбому «12 видов Царского Села», содержащему автолитографии Валериана Лангера. Будучи лицеистом второго выпуска, Лангер издал свой альбом в год окончания Лицея — в 1820 году. В музей альбом поступил из собрания С. Л. Маркова.

Работа над этой статьей началась в дни, когда ВМП отмечал 125 лет со дня основания первого пушкинского музея — Лицея. Совершенно естественно, что эта знаменательная дата обязывает уделить особое внимание созданию и пополнению лицейской коллекции, происходившему в 1960–1970-е годы, накануне открытия Музея-Лицея после его ремонта в 1974 году.

В рассказе о Лицее следует в первую очередь отметить огромную работу, проведенную его первым хранителем М. П. Руденской. Многие годы Мария Петровна изучала архивные материалы и различные источники, которые помогли ей полнее представить судьбу лицейской коллекции. Особенно настойчиво она пыталась проследить историю лицейской библиотеки. Известно, что после революции библиотека Александровского Лицея поступила в Государственный музейный фонд, откуда большая ее часть в 1920 году была передана Свердловскому государственному университету. Благодаря усилиям Руденской в 1963 году удалось получить из Свердловска 331 книгу из бывшей Лицейской библиотеки. Работу Руденской продолжили новые сотрудники — заведующая книжным фондом музея Л. П. Кузьмина и С. В. Павлова, сменившая Руденскую на ее посту хранителя. После 1963 года Л. П. Кузьмина трижды ездила в Свердловск, пытаясь убедить руководство университета передать в Лицей оставшуюся там часть библиотеки. В 1974 году очередная поездка завершилась успехом, и в Ленинград были привезены еще 324 книги с экслибрисами Лицея. Естественно, что все эти издания заняли свое место в шкафах исторического помещения библиотеки Лицея.

Однако для дальнейшей мемориализации помещения музея не хватало еще многого. Самыми трудными оказались поиски различных учебных пособий, о сохранении которых в свое время никто особенно не заботился. Хорошо известно, например, что из старых книг меньше всего сохранилось учебников. То же самое можно сказать о физических приборах, пособиях по истории или географии. К нашим поискам подключились друзья музея. Физические приборы удалось найти в Ленинградском строительном техникуме и школе № 189 Дзержинского района. В техникум они попали в 1918 году из Александровского Лицея. К открытию музея они вернулись в его физический класс.

Отдельные предметы поступили из Москвы. Огромную помощь в поисках оказал нам главный хранитель Государственного литературного музея В. С. Попов. Зная о наших проблемах, он стал знакомить нас с людьми, обладавшими нужными нам материалами. Однажды он сообщил, что у двух сестер — потомков семьи Шереметевых хранятся очень интересные материалы, так как один из их предков всю жизнь собирал предметы, связанные с географией. В одном из писем Валентин Сергеевич описал карту, хранящуюся в этом доме: «Генеральная карта Российской империи с разделением на вновь утвержденные губернии и уезды. Сочиненная <...> в 1785 г. С картушем. Размер 2,78 × 1,25». И далее он сообщил: «Висели карты у Шереметевых в усадьбе, а с 1918 года стоят свернутыми в углу комнаты во флигеле Львовского, ошибочно считавшегося Кваренговским, дома на Воздвиженке, в котором жила Параша Жемчугова».

Очень скоро мы встретились с сестрами Шереметевыми — Ольгой Борисовной и Елизаветой Борисовной. Две комнатки в коммунальной квартире, находившиеся в бывшем доме Шереметевых, хранили немало приятных сюрпризов. Кроме карты, о которой мы уже знали от В. С. Попова, оказавшейся именно такой, какая была необходима Лицею, нам были предложены уникальные учебные пособия, сохранившиеся с конца XVIII столетия. Это были игры, состоящие из фрагментов географических карт 1770–1780-х годов и композиций с изображением различных исторических сражений. Складывая фрагменты в заданную композицию, ребенок одновременно знакомился с историей и географией стран мира. Можно не сомневаться, что подобные игры были знакомы и нашим лицеистам. Владелицы согласились также передать музею несколько бытовых предметов, уникальных по своему назначению. Из них следует отметить миниатюрный дорожный пропитр для занятий и шкатулку-бюро с потайными ящичками.

Не могу отказать себе в удовольствии поделиться воспоминаниями и эмоциями, связанными с транспортировкой всех этих сокровищ из дома Шереметевых к месту на окраине Москвы, где я остановилась во время этой командировки, и затем в Ленинград. Визит в гостеприимный дом затянулся, и я возвращалась поздним вечером. Выйдя из метро, я оказалась с бесценными пакетами в руках на совершенно пустой и темной улице. Осмотревшись, я увидела дежурившего на улице милиционера. Набравшись смелости, я подошла к нему и попросила проводить меня, коротко объяснив причину своей просьбы. Высказав мне все, что он думает по поводу моего легкомыслия, милиционер отошел, и через несколько минут меня вместе с моими сокровищами везла милицмейская машина по указанному мной адресу. На этом эпопея с реликвиями дома Шереметевых не завершилась. К поезду я прибыла уже с картой, которую предварительно взяли у владелицы коллеги из ГЛМ. Меня предупредили, что в связи с обветшанием основы карты ее нельзя снимать с палки, на которой она была закреплена. На вокзале, куда мы с картой приехали заранее, выяснилось, что она не входит в спальный вагон «Красной стрелы». Проводник вагона отправил меня к начальнику поезда, я постаралась объяснить ему ситуацию, умоляя что-нибудь придумать. Начальник поезда нашел решение: он снял пломбы с почтового вагона, открыл в нем окно и через него внес карту. Все эти процедуры заняли немало времени, и мой спаситель вынужден был просить по телефону о задержке отправления поезда. На следующий день мы благополучно и вовремя прибыли в Ленинград. Вечером того же дня мне позвонили друзья из Москвы и сообщили, что в газете «Вечерняя Москва» появилось короткое сообщение о том, что впервые за много лет «Красная стрела» начала свой путь с опозданием на несколько минут. Там же приводилась причина опоздания.

Со времени этих событий прошло 30 лет, но я и сейчас не могу без волнения вспоминать этих людей — ночного дежурного милиционера и начальника поезда, оказавшихся Людьюми с большой буквы.

Но вернемся к рассказу о дальнейшей работе в поисках необходимых материалов для новой экспозиции Лицея. Коллектив музея поставил себе задачу максимально приблизить новые интерьеры к старому облику. Так, например, было известно, что в классе пения в свое время стояли клавикорды конца XVIII столетия. Благодаря содействию того же В. С. Попова, руководство ГЛМ нашло возможным передать ВМП прямострунное фортепиано, принадлежавшее некогда семейству Вяземских. Дирекция ГЛМ взяла также на себя непростую задачу — отправить фортепиано в Ленинград. Транспортировка прошла без приключений, инструмент благополучно прибыл в Лицей и с тех пор неизменно находится в классе пения. На 4-м этаже, в комнатках лицеистов, была восстановлена обстановка, соответствующая найденным документам. К сожалению, подлинных предметов мебели и быта из Лицея почти не сохранилось. Тем ценнее были поступления аналогичных предметов. Редкой находкой считаются два умывальных прибора из синего стекла, подобные тем, которые стояли на умывальниках в комнатах лицеистов. Они поступили из коллекции С. П. Варшавского. По их образцу на Ленинградском заводе художественного стекла были изготовлены копии, почти не отличающиеся от оригиналов.

В отдельных случаях в крохотные интерьеры «келий», как называли свои комнатки лицеисты, удавалось добавить предметы, помогавшие лучше «охарактеризовать» того или иного ученика. Одной из таких удачных находок стала гитара работы Ивана Краснощекова, занявшая место в «келье» Михаила Яковлева — талантливого певца и музыканта. Гитару подарила музею певица, давний друг музея Т. И. Сухомлина.

Мы уделили особое внимание материалам, вошедшим в экспозицию Музея-Лицея после его ремонта в 1974 году. Но Лицей был не единственным музеем, позволившим продемонстрировать богатства фондов и новых приобретений. Многие новые материалы вошли в экспозиции Музея-дачи А. С. Пушкина и музея-квартиры Н. А. Некрасова, открывшихся после ремонта (в 1981 и 1985 гг.). Многие годы была открыта в Камероновой галерее в г. Пушкине большая выставка «А. С. Пушкин в советском изобразительном искусстве». Большой резонанс в культурной жизни города и в других городах страны имели и некоторые другие временные выставки. Особенным успехом пользовались тематические выставки: «Первенцы свободы» (к 150-летию восстания декабристов, открытая в Лицее), «А. С. Пушкин в русском и советском изобразительном искусстве» (к 185-й годовщине со дня рождения поэта в ЦВЗ Манеж), «А. С. Пушкин и его современники» (к 150-й годовщине со дня смерти Пушкина). Различные тематические выставки, посвященные Пушкину и его времени, экспонировались более чем в 60 городах нашей страны. На каждой из них обязательно демонстрировались и новые материалы.

Сотрудники музея немало сделали для того, чтобы широкая публика узнала о новых открытиях и приобретениях не только благодаря экспозиционно-выставочной работе, но и через специальные публикации. В каждом номере «Временника Пушкинской комиссии» обязательно публиковались как обзоры новых поступлений, так и научные статьи, рассказывающие об отдельных экспонатах и о целых коллекциях. Подобные рассказы нередко звучали по ленинградскому радио и телевидению, публиковались в массовых изданиях.

Традиции, формировавшиеся годами, успешно сохраняются в наши дни. Благодаря появлению нового периодического музейного издания «Пушкинский музей» расширились возможности научно-исследовательской работы сотрудников музея. Систематически проводящиеся конференции и творческие вечера неизменно вызывают интерес специалистов и широкой публики. Можно не сомневаться, что и в дальнейшем все новое и значительное в жизни Всероссийского музея А. С. Пушкина будет становиться достоянием широкой общественности города и страны.

Е. В. Старинкова

**ПУШКИН
И ВОПРОСЫ ГЕРАЛЬДИКИ.
ПЕЧАТКИ ПУШКИНЫХ
В СОБРАНИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО
МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА**

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот скоронил...

А. С. Пушкин. «Моя родословная»

В фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина имеется коллекция печаток, в том числе и пушкинских. Подобные вещи в былые времена имели большую значимость, утраченную в наш стремительный век.

В XVIII веке, когда зарождался интерес к изучению русских печатей и гербов, появились первые исследования на эту тему. В библиотеке А. С. Пушкина, хранящейся в ИРЛИ РАН, имеются основные источники того времени — несколько томов «Древней Российской Вивлиотики», выпущенных Н. И. Новиковым, и «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Эти издания рубежа XVIII–XIX веков, положившие начало изучению печатей и гербов. «Родословная книга Князей и Дворян Российских и выезжих», изданная, как обозначено в заглавии, «по самOVERнейшим спискам» в Университетской типографии у Н. И. Новикова в 1787 году, стала основой геральдики. Она содержала в себе и роспись Пушкиных. В библиотеке поэта имеется и это издание.

В первой половине XIX века было издано 10 томов «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», составление которого было начато еще в конце XVIII века. Четыре части были опубликованы до 1803 года, они есть (кроме третьей) в сохранившейся библиотеке поэта. Герб Пушкиных находится в пятой части, которая вышла в 1836 году. Этот том в библиотеке поэта отсутствует, но можно не сомневаться, что и он был приобретен Пушкиным, но по каким-то причинам не был передан в ИРЛИ РАН.

В своем литературном творчестве Пушкин редко рассуждал о значимости дворянства и важности герба, но в публицистике смело высказывал свое мнение о дворянстве. Так, статья «Отрывок из литературных летописей», написанная в Москве в марте 1829 года и появившаяся в печати в сокращенном варианте только в 1830 году, отражает отношение Пушкина к литературным спорам. По его мнению, они допускаются, если в основе истинный критерий творчества — мастерство и честное отношение к делу. Критика допустима, если в качестве оружия не упоминается «ни о его (автора. — Е. С.) службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души». Выступая на стороне Н. А. Полевого в его полемике с М. Т. Каченовским, Пушкин отмечает: «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор или странствующий купец равны перед законом критики. Князь Вязем-

ский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины» (XI, 169).

Речь идет о статье П. А. Вяземского «Письмо в Париж», опубликованной в журнале «Московский телеграф» в 1825 году. Замечание князя дает возможность услышать интонации и тон полемики того времени: «Еще отличительная черта этих союзных походов на “Телеграф” есть то, что сии Крестовые рыцари упрекают Издателя в том, что он купеческого сословия. Да кто же, спросите вы, сии феодальные Бароны, повитые на пергамене и вскормленные на щите, которые не иначе хвалят книгу, как удостоверившись, что она писана дворянскою рукою? Умора! <...> Чего ожидать от писателей, которые в литературных прениях употребляют подобныя орудия личности и не стыдятся в 19-м веке обнаруживать такие мнения? Но как и не пожалеешь о состоянии текущей Литературы, которая вертится на подобных пружинах!»¹

Под этими словами мог подписаться Пушкин, которого, как и Вяземского, волновало состояние литературной критики и литературы в целом. Через пять лет после выхода «Письма в Париж» Вяземского в статье «Опровержение на критики», написанной осенью 1830 года в Болдино, Пушкин дает обзор критических отзывов о своих произведениях за весь период собственной литературной деятельности. Здесь же, вступившись за собратьев по перу, Полевого и А. А. Дельвига, Пушкин обвиняет Ф. В. Булгарина, смеявшегося над купеческим происхождением Полевого и ставшего во главе нападавших на участников «Литературной газеты» как на «литературных аристократов»: «Г.<оспода> чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратьев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. Осмелюсь спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, г.<оспода> чин.<овные>; журн.<алисты> с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах» (XI, 151–152).

Стихотворение «Моя родословная» явилось продолжением споров с Булгариным. В объяснительном письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года Пушкин писал: «Признаюсь, что мне дороги так называемые предрассудки; я дорожу тем, что я дворянин не хуже кого бы то ни было, хотя это не дает мне никакой выгоды; наконец, я дорожу именем предков, потому что их имя — единственное наследство, мной от них полученное»².

С не меньшей убежденностью Пушкин отстаивал свои взгляды и в частных спорах. Об этом свидетельствуют его дневники. Так, в 1834 году появилась запись: «Вчера (17) (декабря. — Е. С.) вечер у S. — Разговор с Нордингом³ о р.<усском> дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши весьма новы. Оттого в гербе кн.<язей> Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов» (XII, 334). Тут же другая запись: «22 декабря, суббота. — В среду был у Хитр <овой> — имел долгий разговор с в.<еликим> кн.<язем> (Михаилом Павловичем, 1798–1849. — Е. С.). ...разговорились о дворянстве. В.<еликий> кн.<язь> был против постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers etat⁴, сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле г <осударя>, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все

равно) все будет дворянством. Что касается до tiers etat, что же значит наше старинное дворянство с именами, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства?» (XII, 334–335).

Рассуждения о герое в письме к К. Ф. Рылееву свидетельствуют о глубоких знаниях Пушкиным истории вопроса. Во второй половине мая 1825 года поэт писал другу из Михайловского: «Ты напрасно не поправил в Олеге Герба России. Древний Герб, С. Георгий не мог находиться на щите Язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть Герб Византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на воротах на показание победы (XIII, 408). Об этой ошибке Рылеева в думе «Олег Вещий», напечатанной в «Новостях литературы» в 1822 году, Пушкин еще раньше говорил автору и писал брату в январе 1823 года из Кишинева.

В своем творчестве поэт использовал знания в области геральдики и истории в целом. Зная о том, какой силой обладали перстни и тем более гербовые печати, в повести «Андрей» Пушкин точно использует этот момент:

Замыслив новую затею, Дук представил
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановил... (V, 127)

Самым стойким символом, сохранившимся со времен учреждения в 1722 году Петром I геральдической конторы, оставалась гербовая печать. Не раз Пушкин запечатывал свои письма просто каплей сургуча, видимо, не имея под рукой какой-либо печати или облатки. Неоднократно использовал он и облатки — мучные или бумажные на клею кружочки голубого, красного, белого, розового, желтого, коричневого, черного и зеленого цвета. Содержание писем не имело значения. Облатки употреблялись и для дружеских посланий, и для деловых писем, но так или иначе адресаты посланий, запечатанных облатками, — люди хорошо знакомые. Тем не менее печать и ее оттиск являлись основными знаками и в культуре переписки пушкинского времени. В мемуарах представителей XVIII века имеются свидетельства об отношении к родовому гербу. Так, Е. П. Янькова, правнучка историка В. Н. Татищева, в воспоминаниях, записанных ее внуком Д. Благово, рассуждала о нравах начала XIX века: «А экипажи какие? Что у купца, то и у князя, и у дворянина: ни герба, ни коронки. Кто-то на днях сказывал, видишь, что гербы стыдно выставлять напоказ: а то куда же их прикажете девать, в сундуках, что ли, держать или на чердаке с хламом? На то и герб, чтоб смотреть на него, а не прятать — не краденый, от дедушек достался. Я имею два герба: свой да мужнин, и ступай, тащись в карете, выкрашенной одним цветом, как какая-нибудь Протопотова, да статочное ли это дело? Или печатай письмо печатью с незабудкой или, того хуже, облаткой, а не гербовой печатью? Как бы не так!»⁵

Изображение гербов для истинных дворян всегда являлось предметом особой гордости. Герб рода красовался на фасадах домов, на экипажах. Их размещали на фамильных склепах:

В домово́й церкви, где кругом
Почи́ют мо́щи хладным сном,
С короной, княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница (IV, 161).

Гербы украшали фамильное серебро и золотые изделия. В фондах ВМП с 1982 года хранятся золотые карманные часы английской фирмы «Нортон» конца XVIII века. Часы принадлежали Л. А. Пушкину, после смерти которого его старший сын, Василий Львович, получил их в наследство. На откидной крышке часов он заказал гравировку герба рода Пушкиных, но выполнена она была после внесения рода Пушкиных в 1800-х годах в «Общий гербовник дворянских родов». Гравировка на крышке часов полностью соответствует изображению и описанию герба рода Пушкиных: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхнем горностаевом поле на пурпуровой подушке с золотыми кистями положена Княжеская шапка. В нижней части в правом поле изображена в серебряных латах правая рука с мечом, вверх поднятым; в левом золотом поле голубой Орел с распростертыми крыльями, имеющий в когтях Меч и державу голубого ж цвета»⁶.

В 1830 году, после смерти Василия Львовича, не имевшего законных наследников, часы перешли младшему племяннику — Льву Сергеевичу Пушкину⁷. Другая семейная реликвия, самая дорогая, по понятиям рода, перешла, как и положено, старшему племяннику — Александру Сергеевичу Пушкину. Это гербовая печать с ручкой из слоновой кости. На прямоугольной со скругленными краями стальной печатающей части щит с атрибутами рода Пушкиных, над которым изображена графская корона — обруч с вставленными в него девятью жемчужинами. Сейчас эта печатка хранится в Рукописном отделе ИРЛИ. Она была подарена в 1989 году Лилиан Алефельд, вдовой коллекционера С. Лифаря, в добавление к письмам Пушкина, приобретенным через аукцион. Эти реликвии могли оказаться в России еще раньше. Лифарь предлагал подарить их взамен постановки балета на сцене Большого театра в Москве, но советское правительство отказало ему.

В исследованиях, посвященных эпистолярному жанру, уделяется внимание прежде всего смысловому, стилистическому насыщению писем, но внешняя сторона не менее важна. В книгах о правилах светской жизни и этикета переписке отведены специальные главы. Наряду с рекомендациями по форме писем, обращений и подписей, даются советы «о печати писем» или о том, как следует запечатывать свою корреспонденцию.

В изданных в 1889 году «Правилах светской жизни и этикета...» разъяснялось: «Приличие требует запечатывать письма не иначе, как красным сургучем. Разного рода пестрые бумажки, облатки, фантастические сургучи и т. п. приличны только дамам»⁸. Составители этого сборника учитывали к концу XIX века сложившееся словесное смещение. В начале того же века отношение к истории своего рода было более почтительным, не говоря уже о представителях века ушедшего, отношение которых к фамильным символам было неколебимым.

Оттиски печатей с вырезанными на них надписями, вензелями или гербами до XVIII века делали на воске, белом или желтом, черном или темно-коричневом. Эти цвета могли быть употребляемы всеми, от великого князя до митрополита. Особое значение имел воск красного цвета: им печатали официальные грамоты. Сургучные печати (черные и красные) появились в конце XVII и вошли в общее употребление с XVIII века.

Оттиски на сургуче как средство скрепления письма с целью сохранения конфиденциальности являются более надежными. Их невозможно восстановить, если письмо было вскрыто. В мае-июне 1834 года Пушкин не мог не заметить бесцеремонного вторжения в его личную переписку с женой. Он не раз предупреждал и Наталью Николаевну, чтобы она была менее откровенной в письмах, и, оправдываясь в своей сдержанности, писал: «Мысль, что мои (письма. — Е. С.) распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен» (XV, 170).

Оттиск печати является знаком адресату: еще не вскрыв письма, он может определить отправителя. Обратный адрес на конвертах не указывали, и поэтому оттиск служил своеобразным адресом автора послания. Вспомним свидетельство О. С. Павлицевой, сестры Пушкина, о том, как трепетал поэт при получении писем Е. К. Воронцовой, запечатанной печаткой с такими же знаками, как на его перстне-талисмани.

Этот вид печатей был самым древним. Перстни-печатки играли важную роль в жизни их обладателей. Носивший печатку располагал определенной властью или исполнял определенную должность. Известно, что символом власти библейского царя был перстень с печаткой.

Согласно древнегреческим мифам, традиция носить перстень восходит к Прометею. Прикованный Зевсом к скале, Прометей был освобожден им же с помощью Геракла. Но кольцо, как знак зависимости от воли богов, осталось у Прометея.

Руку знатного человека испокон веков украшали перстни, свидетельствуя не только о его богатстве, но прежде всего о его положении в обществе. Изготавливались перстни-печатки, как правило, в единственном экземпляре. Руководствуясь так называемым законом Солона, ни один резчик не имел права оставить у себя оттиски с вырезанных им камней или печаток и тем более повторить рисунок печатки для другого владельца. Перстень являлся удостоверением личности, оттиском перстня-печатки под каким-либо документом подтверждалась воля хозяина.

В XI веке персы презирали того, у кого не было перстня, и если письмо вельможи было без печати, то считалось, что это от слабого разума и нечистых помыслов. Сокровищница каждого уважающего себя человека должна была иметь печать, в противном случае он рисковал заработать репутацию небрежного и неосторожного хозяина. «Для умного печать, для глупого — замок» — так звучит русская поговорка. Опечатывались не только сундуки с богатствами, двери дома, но даже кувшины с маслом, вином и благовониями, иногда и гробницы.

Традиция скреплять печатями, корреспонденцию и важные документы сохранилась и в XIX веке. М. И. Пыляев писал: «Печати, эти alter ego каждого джентльмена, служащие вместо подписей, сохраняются в маленьких, шелковых мешочках, которые носятся на груди и прячутся даже от членов собственной семьи. Эти печатки сделаны из искусно вышлифованных камней, обделанных в золото, и часто представляют собой весьма ценную древность»⁹.

Среди первых печатей, встречающихся на письмах А. С. Пушкина, — перстень, на вставке которого, скорее всего сердоликовой, был вырезан сосуд, напоминавший античный светильник. Оттиск этого перстня-печатки — на письме от 27 октября 1819 года из Петербурга к члену кружка «Зеленая лампа» П. Б. Мансурову. Письмо хранится в рукописном отделе РНБ. Пушкин писал его, находясь у Н. В. Всеволожского, и начинается оно так: «Насилу упробил я Всеволожского, чтобы он позволил мне написать тебе несколько строк, любезный Мансуров, чудо-Черкес!» (XIII, 11)

Н. Лернер в своей статье дал подробное описание данного письма и оттиска этой печатки: «По обычаю тогдашнего безконвертного времени оно было аккуратно сложено, что видно по сгибам бумаги; на обороте написано имя адресата, а на противоположных краях, которые были скреплены сургучной печатью, почти целиком сохранились обе половинки оттиска. Красивый и довольно ясный оттиск маленькой печатки изображает сосуд, вроде античного светильника, незажженного, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой. Это единственный известный оттиск этой печати в пушкинской переписке; на других письма Пушкина его нет. Судя по величине печатки, она должна была украшать собою перстень. Неизвестно, было ли

когда-нибудь у Пушкина кольцо с такой печатью»¹⁰. Б. Л. Модзалевский в комментариях к изданию писем Пушкина отмечал, что изображение светильника «напоминает о тех кольцах, которые, по свидетельству Я. Л. Толстого, носили члены «Зеленой лампы»¹¹. Возможно, данное письмо запечатано кольцом Всеволожского, но старший сын поэта А. А. Пушкин утверждал, что у отца была и такая печатка, но он потерял ее во время своего пребывания в Кишиневе.

По письмам Пушкина можно определить лишь несколько печаток, которыми пользовался поэт. Не все оттиски на письмах сохранялись. Адресат, убедившись в неприкосновенности корреспонденции и определив по оттиску автора полученного послания, не всегда заботился о сохранности сургучного следа. По сохранившимся оттискам печаток Пушкина можно судить о времени появления их у поэта, о том, какая из них была любимой и даже о душевном состоянии поэта в момент написания послания. Ярким тому примером служит письмо от 7 мая 1821 года из Кишинева, адресованное А. И. Тургеневу: «...как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге <...> вдали камина к.<нягини> Голицыной замерзнешь и под небом Италии» (XIII, 29). Через два дня Пушкин запишет в своем дневнике: «Вот уже ровно год, как оставил я Петербург». Совсем скоро он уедет в Одессу, где ему исполнится 22 года. Тоска по столице, удаленность от друзей выражены не только в тексте письма, но и надписью на печатке, которой Пушкин запечатал свое послание. Возможно, эту печать поэт купил в Кишиневе именно потому, что начертанное на ней как нельзя лучше передавало его душевное состояние. На овальной печатке на сетчатом поле по гладкому пояску одно слово: «Solus», что означает один, одинокий, покинутый. Оттиск этой несохранившейся печатки, скорее всего перстня, на письмах поэта больше не встречается.

В период южной ссылки Пушкин пользуется еще одной печаткой, гербовой, оттиск которой будет много раз повторяться. Этот оттиск впервые встречается на письме Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 года из Кишинева. Он же — на одном из последних писем, дошедших до нас, вернее, на пакете к А. О. Ишимовой от 27 января 1837 года.

Местонахождение этой печатки неизвестно, так что судить о ней можно только по оттискам на письмах. На печатающей части овальной формы (2,4 × 2,1 см) в центре щит, по форме напоминающий больше германский, а не французский, каким утверждён он в V части «Общего гербовника».

Форма германского щита для герба Пушкиных считается более правильной, так как основатель рода Радша — знатной словенской фамилии, по показанию родословных, «то из немец, то из Семирадской земли, то, наконец, из земель Словянских». А. Б. Лакиер, опубликовавший в 1855 году свое исследование «Русская геральдика»¹³, определил род Пушкиных как «потомство мужа честна, именем Радша», в число родов, выехавших из Пруссии.

На оттиске печатки не прочитывается фон полей, но расположение фигур соответствует описанию в «Общем гербовнике»: Княжеская шапка, Рука с мечом и Орел. Над щитом вместо шлема — корона, украшенная одиннадцатью жемчужинами. Вокруг щита виньетка, на которой слева (по оттиску) виден цветочек, а справа — веточки. Можно предположить, что именно эта печатка — одна из первых фамильных реликвий, полученных Пушкиным. Ею он запечатывал свои письма вне зависимости от адресата и содержания письма. Оттиски других гербовых печатей, даже из тех, которые дошли до нас и находятся в фондах ВМГ, на сохранившихся письмах поэта не встречаются.

Почти так же часто Пушкин пользовался так называемым перстнем-талисманом. Впервые его оттиск появляется на письме А. А. Дельвигу в начале июня 1825 года из Михайловского. (Это то самое письмо, где содержится оценка поэтического дара Державина и сравнение его с Ломоносовым.) Письмо дружеского характера и, несмотря на

то, что адресовано оно в Публичную библиотеку, запечатано этим перстнем — подарком Е. К. Воронцовой, оттого имевшим для Пушкина особый смысл.

С перстнем-талисманом связывают несколько стихотворений поэта. Но на черновике стихотворения «Талисман» появляется оттиск еще одной печати, которая впоследствии больше не встречается в бумагах Пушкина. На обороте автографа с подписью «6 ноября 1827 г.» пять капель красного сургуча с оттисками круглых печаток (диаметром 1,3 см). На каждой свое, аллегорическое, изображение и девиз на французском языке: 1) треугольник с отвесом — «*toujours droit*» (всегда прав); 2) букет — «*to... ou*» (нрзб.); 3) стрела — «*a mon but*» (к моей цели); 4) пламя — «*vive et pure*» (живое пламя); 5) бабочка с цветком — «*j'attends*» (жди). Чья это печать и почему она появилась именно под этим стихотворением — вопросы, требующие отдельного исследования.

Оттиск еще одной печати, судьба которой неизвестна, встречается на сохранившемся письме Пушкина к Н. Н. Гончаровой, еще невесте, из Плотавы¹³ от 1–2 декабря 1830 года. На овальной печатающей части в тонком линейном ободке вензель с инициалами «АР» под графской короной.

В. М. Русаков в своей книге упоминает о печати из дымчатого топаза, на которой также выгравированы инициалы поэта¹⁴. По семейной легенде ее подарила Пушкину М. Н. Волконская незадолго до отъезда в Сибирь. Печатка эта передавалась из поколения в поколение, долгое время хранилась у внучки поэта Анны Александровны, позже — у С. Б. Пушкина.

Единственный оттиск из известных нам печатей, которыми пользовался поэт, — оттиск утраченного перстня с надписью на древнееврейском языке. Все другие, хранящиеся в фондах ВМП печати Пушкиных, не соответствуют оттискам на имеющихся в архиве ИРЛИ письмах поэта. Другими словами, ни одной из ниже перечисленных печаток Пушкин не пользовался (если иметь в виду сохранившиеся в архивах письма и документы поэта).

Массивная печатка Пушкина из тульской стали с воронением на печатающей части в овале имеет надпись «А. С. ПУШКИНЪ». В 1925 году печатка была найдена на складе случайных вещей и передана в Пушкинский Дом (по другим сведениям, печатка поступила в 1927 году из Оружейной палаты). В сохранившейся переписке поэта оттиск этой печати не встречается.

Еще одна печать с гербом Пушкиных — хрустальная, во Всесоюзный музей А. С. Пушкина поступила в 1956 году от А. Г. Яксиной. На овальной печатающей части под сенью в виде листьев — французский щит, увенчанный латами под короной с жемчужинами и перьями. На щите все атрибуты герба Пушкиных. Печатка имеет значительный скол на печатающей части. Ручка граненая, округлой формы, и выбор камня был не случайным. Известно, что шары из горного хрусталя и сейчас в ходу у магов, которые используют их как средство концентрации мыслей. К сожалению, в инвентарной книге ВМП не указано, кем была дарительница печати и кому именно принадлежала эта реликвия.

Другая, бронзовая с золочением печать, по-видимому, использовалась чаще всего. На это указывает прежде всего сохранность вещи: золочение значительно потерто, множественные щербинки и отломанная ручка, под которой вращались три плоскости этой печати. На одной из овальных плоскостей надпись «ОТ ПУШКИНА», на другой — вензель «АР» под графской короной, на третьей — герб Пушкиных, под которым сабля, увитая лентой со знаками орденов и медалей. Эта деталь гербовой печати не учитывалась ранее. Но именно она подсказала прежнего владельца печати.

Небольшие броши или рамки с миниатюрными крестиками и медалями на сабельке, иногда с надписью «За храбрость», вошли в моду в первой половине XIX века. Их не

только носили на груди, они стали появляться на рисованных гербах, в вышитых бисером или нитками. Изображения полученных владельцем орденов и медалей украшали и гербовые печати.

Существует порядок расположения знаков отличий такого рода. Ордена и медали размещают слева направо в порядке их получения. На печатающей части печаток дается зеркальное изображение. На бронзовой печатке, о которой идет речь, справа налево на ленту, обвивающую саблю, подвешены знаки орденов Св. Георгия, Св. Владимира с мечами, Св. Анны 3-й степени. Два последних знака — медали: одна — за Отечественную войну 1812 года, другую определить не удалось.

Медаль 1812 года помогла определить владельца этой печатки. Инициалы «АР» на другой печатающей части подтвердили предположение. Единственный родственник Пушкина, награжденный этой медалью, — Александр Юрьевич Пушкин (1777–1854), двоюродный брат матери поэта, соответственно двоюродный дядя поэта. Он был родоначальником костромской ветви рода Пушкиных. Из сухопутного кадетского шляхетного корпуса в Петербурге он был выпущен прапорщиком в Астраханский гренадерский полк, стоявший в Москве. В составе этого полка он участвовал в знаменитом Итальянском походе под командованием А. В. Суворова. Именно тогда от Н. О. Пушкиной он узнал о рождении племянника и о том, что сам Александр Юрьевич будет заочно его приемником, а имя мальчику дали в его честь. Осенью того же 1799 года А. Ю. Пушкин вышел в отставку, после шестилетнего перерыва был определен на службу на Московский почтамт, затем год отслужил в экспедиции казенных винокуренных заводов Тамбовской губернии. Выйдя в отставку, с октября 1809 года А. Ю. Пушкин живет в Новинках, костромском имении своей жены. В нескольких имениях и деревнях Костромской губернии Пушкину принадлежало более 280 душ мужского пола¹⁵. По решению костромских властей было определено брать в ополчение крепостных крестьян с имений свыше 16 душ. Неизвестно, какое количество душ было у А. Ю. Пушкина на 1812 год, но можно предположить, что число его крепостных, назначенных в ополчение, было немалым. Возможно, за этот вклад Александр Юрьевич был удостоен не боевой, а дворянской медали 1812 года, с которой он изображен на портретах, хранящихся во Всероссийском музее А. С. Пушкина¹⁶.

После смерти племянника А. Ю. Пушкин не раз избирался совестным судьей Костромы. В 1847 году за службу в Министерстве юстиции он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, который фигурирует на его портрете¹⁷ и печатке, о которой идет речь. Этот факт дает возможность утверждать, что печатка принадлежит именно А. Ю. Пушкину, и, кроме того, появилась она у дяди поэта не ранее 1847 года. Возможно, не случайно Александр Юрьевич, родившийся в XVIII веке, выбрал форму печатки, характерную для того времени. До конца жизни в течение семи лет он пользовался этой печатью. К сожалению, никто из его троих детей (сыновья Николай, Лев и дочь Мария) не имел инициалов «АР», как на одной из сторон печатки. Старший сын Николай умер в сорокалетнем возрасте, за год до смерти отца. Младший, Лев, унаследовал семейные реликвии Пушкиных. Сам он имел восьмерых детей — пять сыновей и три дочери. Старший сын носил имя деда — Александр, но он покончил жизнь самоубийством, и все реликвии перешли к следующему по старшинству брату — Василию Львовичу. В 1910 году член костромской губернской ученой архивной комиссии И. Д. Преображенский посетил В. Л. Пушкина с целью осмотреть реликвии его рода. В доме В. Л. Пушкина среди других документов находились и вещи рода Пушкиных: серебряная табакерка с портретом императрицы Екатерины II, по преданию, пожалованная Юрию Алексеевичу Пушкину, масонская лопаточка и два масонских знака, один из которых, по словам В. Л. Пушкина, принадлежал его деду, а другой — А. С. Пушкину. Среди вещей,

указанных Преображенским, нет гербовой печати Пушкиных, возможно потому, что Василий Львович пользовался ею (за исключением одной стороны с вензелем «АР», не совпадающим с его инициалами).

Дальнейшая судьба этих реликвий печальна. Сын Василия Львовича Александр жил в Ленинграде, и весь архив после смерти отца хранился у него как у старшего в роде. В самом начале 1941 года он ушел на фронт, а семья выехала в эвакуацию, оставив квартиру без присмотра. Вернувшись, обнаружили, что пропали все вещи, в том числе и семейные реликвии. Возможно, печать, о которой идет речь, была среди этих вещей. Через несколько лет она оказалась в Пушкинском Доме, куда была передана А. М. Хомченко, нашедшей печать среди вещей помещичьего дома в деревне Смыки (?) Великолукского района Псковской области; чей это дом и где деревня, пока не ясно. Во Всероссийский музей А. С. Пушкина эта реликвия перешла в 1953 году, а полвека спустя секрет владельца этой бронзовой печати был раскрыт.

Каждая вещь имеет историю бытования и порой хранит свои тайны долгие десятилетия. Безмолвие меморий только на первый взгляд кажется безнадежным. Спустя столетия сохранившиеся реликвии открывают свои тайны, позволяя исследователям дополнить биографии владельцев этих вещей новыми деталями.

Примечания

¹ *Вяземский П. А.* Письмо в Париж // Московский телеграф. 1825. № 22. С. 178–179.

² *Пушкин А. С.* Письма. М.: Academia, 1935. Т. 3. С. 56 (репринт 1989 г.).

³ *Нордин Густав (1799–1867)* — секретарь и поверенный в делах шведско-норвежского посольства в Петербурге в 1830-х гг.

⁴ Третье сословие (*фр.*)

⁵ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 115.

⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. 1836. Ч. V.

⁷ В. Константинович, внучка Л. С. Пушкина, передала эти часы А. А. Полякову, дочь которого в 1982 г. продала реликвию семье Пушкиных ВМП.

⁸ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни / Сост. Юрьев и Владимирский. СПб., 1889. С. 237.

⁹ *Пыляев М. И.* Драгоценные камни и их свойства, местонахождения и употребление. 1990. С. 21 (репринт 1888 г.).

¹⁰ *Лернер Н.* Заметки о Пушкине // Русская старина. 1909. № 4. С. 198–199.

¹¹ *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. 1926. Т. I. С. 196.

¹² *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 305.

¹³ Плотавка — деревня в Богородском уезде Московской губернии, на границе Владимирской губернии, в 72 верстах от Москвы, на Нижегородском тракте.

¹⁴ *Русаков В. М.* Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1992. С. 146.

¹⁵ *Григорьев А. А.* Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 224.

¹⁶ Преданья русского семейства. Портреты. Реликвии. Документы. СПб., 1999. С. 58 (КП–14 866).

¹⁷ Там же. С. 59. (КП–14 672).

Ю. Г. Епатко
КНЯЗЬЯ ВОЛКОНСКИЕ
В ГОСТЯХ У... ПУШКИНА

20 марта 1969 года в нескольких комнатах мемориального Музея-квартиры А. С. Пушкина в Ленинграде на Мойке, 12, открылась необычная выставка: «Материалы пушкинской эпохи в собраниях ленинградских коллекционеров». В гости к «Пушкину», покинув свои домашние музеи, «пришли» предметы искусства пушкинского времени, портреты друзей и приятелей поэта, современников, которых он, быть может, знал или встречал на петербургских улицах. В предисловии к каталогу выставки заместитель директора музея Г. Г. Прошин писал, что со временем «специалисты уточнят атрибуции портретов, и тогда в иконографии появятся новые имена, заполнятся, пусть и небольшие, пробелы нашего знания о творчестве художников, обнаружатся новые имена, неизвестные прежде, и новые изображения лиц известных»¹.

За прошедшие три десятилетия удалось установить, что автором миниатюрного портрета лейб-гусара, героя Отечественной войны 1812 года Николая Логгиновича Манзее, приятеля Пушкина, был немецкий художник Карл-Франц Эдлингер (1785–1823), а миниатюрный портрет императора Александра I выполнил в 1822 году русский художник-миниатюрист Иван Андреевич Виншберг, работавший в Петербурге². Подтвердилось авторство В. А. Тропинина в отношении «Головки девочки», которая является этюдом к «Портрету В. И. Ершовой с дочерью» из Минского музея³. Великолепный по исполнению акварельный мужской портрет, экспонировавшийся на выставке как работа неизвестного художника, после тщательного исследования обрел имя автора — им оказался знаменитый русский художник Александр Иванов. На портрете изображен ныне забытый архитектор и акварелист, помощник А. П. Брюллова в воссоздании интерьеров Зимнего дворца после пожара 1837 года, друг Н. В. Гоголя и А. А. Иванова Карл-Август Андреевич Бейне (1816–1858)⁴.

К этим атрибуциям добавилось новое определение двух миниатюрных парных портретов неизвестных молодых людей. В каталоге выставки отмечено, что, «по преданию, на миниатюрах изображены Михаил и Петр Ивановичи Полетика»⁵. Под этими именами миниатюры хранились в собрании ленинградского актера и коллекционера Григория Диомидовича Душина (1905–1990). На небольших костяных пластинах работы неизвестного художника — прелестные юноши, очевидно братья, одетые в темные сюртуки, светлые рубашки и кружевные жабо по моде второй половины 1810-х годов. Миниатюры поступили в собрание Душина по обмену от ленинградского коллекционера Г. И. Бялика, по утверждению которого портреты получены от потомка изображенных на миниатюрах братьев Михаила и Петра Полетика.

Практика работы со старинными портретами показывает, что надо с большой осторожностью относиться к «семейным преданиям» и к удостоверяющим надписям. Часто такие надписи, сделанные «под старину», имеют одну цель: увеличить историческую, а следовательно, и коммерческую ценность произведения искусства. Г. Д. Душин в сво-

их рукописных воспоминаниях рассказал о подобном «определении» персонажа миниатюрного портрета. В числе его друзей-коллекционеров был знаменитый киноактер и режиссер, крупный ленинградский коллекционер Владимир Ростиславович Гардин. «Придя однажды вечером к супругам Гардиным, — вспоминал Душин, — я застал Владимира Ростиславовича в его кабинете, за столом, на котором лежал раскрытый том справочника Бенези. На обороте миниатюры, изображавшей профильный портрет неизвестного старика-адмирала, Владимир Ростиславович старательно писал старой орфографией координаты какого-то адмирала, найденные в справочнике...

Немного смутившись и как бы оправдываясь, Гардин сказал: «Возраст подходит. Совпадают форма и звание. А может, это и есть он?»⁶. Видимо, таким же образом «определили» имена персонажей парных миниатюр.

Петр Иванович Полетика — дипломат, посланник в Филадельфии (США), член литературного общества «Арзамас» — был близко знаком с А. С. Пушкиным, часто встречался с ним у общих знакомых. Пушкин 1 июня 1834 года, после вечера, проведенного у Е. А. Карамзиной в обществе П. А. Вяземского, В. А. Жуковского и П. И. Полетика, записал в «Дневнике»: «Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I, романтическом нашем императоре» (XI, 300). Конечно, было бы очень интересно, если бы на одной из парных миниатюр был изображен петербургский знакомый поэт.

Михаил Иванович Полетика, действительный статский советник и кавалер, родился 17 сентября 1768 года, а его брат Петр Иванович — действительный тайный советник и кавалер, появился на свет 15 августа 1778 года⁷. Следовательно, во второй половине 1810-х годов старшему брату было 50 лет, а младшему 40, что не соответствует возрасту молодых людей, почти подростков, на миниатюрных портретах. Отклонив имена братьев Полетика, миниатюры долгое время оставались безымянными. 25 февраля 1990 года Григорий Диомидович Душин скончался. Его коллекция русских портретов XVIII–XIX веков, и в их числе парные миниатюры, поступили на постоянное хранение в Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Определить имена персонажей миниатюр помогло иконографическое собрание известного петербургского коллекционера Павла Яковлевича Дашкова (1849–1910), помощника статс-секретаря Государственного совета, действительного члена Петербургской Академии художеств. Более 40 лет Дашков собирал все, что относилось к русской культуре, — рукописи, письма знаменитых россиян, редкие книги, гравюры, литографии, рисунки русских художников, карикатуры, старинные карты и планы городов. После его кончины предметы коллекции пополнили фонды многих московских и петербургских музеев. В некрологе, написанном историком и коллекционером К. А. Военским, высоко оценивалась коллекция Дашкова. «В течение последнего времени ни одно сколько-нибудь серьезное издание художественного или исторического характера, ни одна юбилейная история наших правительственных учреждений а также значительная часть наших полковых историй и хроник не обошлась без собрания П. Я. Дашкова. Нужен “хороший” портрет какого-нибудь исторического лица, художника, министра, полководца или просто замечательного русского человека, нужен вид дворца, старого здания, виды Петербурга, Москвы, необходим автограф малоизвестного, но интересно-го деятеля, снимок с редкой грамоты, и, конечно, если не найдешь в Публичной библиотеке, то у Павла Яковлевича только можно найти»⁸.

Портретные выставки 1902 и 1905 годов привлекли внимание специалистов и коллекционеров к старинному русскому портрету. Появилась идея издать свод русских исторических портретов XVIII–XIX веков. Организатор Таврической выставки 1905 года С. П. Дягилев, историк и издатель, великий князь Николай Михайлович, редакция жур-

нала «Старые годы» и П. Я. Дашков специально фотографировали на выставках и в частных семейных собраниях старинные миниатюры, живописные и графические портреты. Николай Михайлович в 1905–1909 годах на основе своей иконографической коллекции издал пять томов «Русских портретов XVIII–XIX столетий». Шестой и седьмой тома готовили к печати, но они так и не вышли в свет. Сейчас этот весьма ценный иконографический материал хранится в фондах Исторического музея в Москве.

Фототека П. Я. Дашкова, отличающаяся по составу от коллекции великого князя Николая Михайловича, хранящаяся в Отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа, в 1918 году поступила в Русский музей и находится в Отделе живописи XVIII — первой половины XIX века. В 70 папках хранится около 1340 фотографий с живописных полотен, миниатюр, рисунков и акварелей. Фотоотпечатки отличного качества наклеены на специально заказанные коллекционером серые паспарту и проаннотированы владельцем. Иногда это машинописные тексты, чаще надписи сделаны карандашом на обратных сторонах паспарту. Фотографии, судя по тисненым штампам на лицевой стороне, делали известные фотографы. В Москве портреты снимал К. А. Фишер, в Петербурге — Ф. Л. Николаевский⁹.

Работая с иконографической коллекцией П. Я. Дашкова, я обнаружил фотографии с парных миниатюр, которые были в собрании Г. Д. Душина и экспонировались на выставке в музее-квартире А. С. Пушкина в 1969 году. На миниатюрах изображены сыновья светлейшего князя Петра Михайловича Волконского и его супруги Софьи Григорьевны Волконской — князь Дмитрий Петрович (03.X.1805–26.VI.1859) и князь Григорий Петрович (27.III.1808–24.IV.1882, Ницца). Возраст князей Волконских совпадал с возрастом молодых людей на миниатюрах из собрания Душина.

В фототеке П. Я. Дашкова имеются фотографии с двух других, идентичных по манере письма, размерам и оформлению, миниатюр, изображающих сестру братьев Волконских, княжну Александру Петровну (1804–1859), бывшую замужем за камергером Павлом Дмитриевичем Дурново (1804–1864), и их отца, светлейшего князя П. М. Волконского¹⁰. Его миниатюрный портрет, местонахождение которого сейчас неизвестно, несколько раз воспроизводился Николаем Михайловичем¹¹. По фотографии дашковской коллекции удалось опознать А. П. Волконскую на миниатюрном портрете, хранящемся в петербургской частной коллекции, где он считался изображением неизвестной дамы¹². Все четыре миниатюры до 1917 года находились в собрании Петра Павловича Дурново, потомка Александры Петровны Дурново, урожденной княжны Волконской. Это еще раз подтверждает, что на парных миниатюрах из Государственного Эрмитажа (ранее — собрание Г. Д. Душина) запечатлены братья — князья Дмитрий и Григорий Волконские. Возможно, был еще пятый, идентичный по исполнению и оформлению, миниатюрный портрет матери семейства князей Волконских — светлейшей княгини Софьи Григорьевны Волконской, родной сестры генерал-майора декабриста С. Г. Волконского, но о нем ничего не известно.

Супруги светлейшие князья Волконские и их дети упоминаются в справочнике Л. А. Черейского как лица, общавшиеся с А. С. Пушкиным в разные периоды его жизни¹³. С светлейшим князем П. М. Волконским, который по должности министра Императорского Двора был высшим начальником камер-юнкера А. С. Пушкина, и с женой Волконского — Софьей Григорьевной поэт встречался в театрах, на светских раутах и придворных балах. В начале 1832 года Пушкин обращался к Волконскому за разрешением ознакомиться с библиотекой Вольтера, находившейся тогда в Императорском Эрмитаже. 8 февраля 1833 года Пушкин с женой Натальей Николаевной был у Волконских на бале-маскараде в их служебной квартире, помещав-

шейся в бельэтаже Зимнего дворца. 8 января 1835 года поэт упоминает Волконского в «Дневнике», давая ему нелицезную характеристику.

В начале 1836 года Пушкин был у П. М. Волконского на чтении Н. В. Гоголем комедии «Ревизор». 1 сентября 1836 года поэт подписал с Л. А. Перовским, доверенным лицом княгини Волконской, находившейся за границей, контракт о найме квартиры в принадлежавшем ей доме на Мойке, 12, ставшем последним его жилищем в Петербурге.

Хорошо знал Пушкин и младшее поколение князей Волконских. Со старшей дочерью П. М. и С. Г. Волконских княжной Александрой Петровной поэт встречался в мае-июле 1824 года в Одессе и в письме к А. И. Тургеневу восхищался ее «прелестной головкой». Позже они виделись в петербургском высшем свете. Имя княжны Александры Петровны (в свете ее звали Алина) неоднократно встречается в «Дневнике» троюродной сестры Анны Алексеевны Олениной, дочери президента Академии художеств А. Н. Оленина, в доме которого одно время поэт бывал довольно часто¹⁴.

Князь Дмитрий Петрович Волконский воспитывался в Ришельевском лицее в Одессе, затем учился в Париже. В 1822 году определился на службу в Коллегию иностранных дел. Был членом строительной комиссии Императорского Эрмитажа по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 года. В 1839 году получил как член комиссии специально учрежденную золотую медаль «За возобновление Зимнего дворца» и орден Св. Станислава 3-й степени¹⁵. В 1843 году — церемониймейстер, в 1856 — гофмейстер. В 1856 году был избран предводителем дворянства Петербургской губернии. По сведениям Л. А. Черейского, князь Д. П. Волконский «был знаком с А. С. Пушкиным» и мог с ним общаться в высшем свете¹⁶. Дмитрий Петрович Волконский был женат на Марии Петровне Кикиной (1816 – 1854), дочери одного из основателей и первого председателя Общества поощрения художников П. А. Кикина. Князя Д. П. Волконского характеризует следующий эпизод, сохранившийся в семейной хронике. В конце 1840-х годов в Петербург приехала 18-летняя вдова Елена Сергеевна Рахманова, дочь декабриста С. Г. Волконского, томящегося в Сибири. Не желая компрометировать родственников, она остановилась в гостинице «Англетер» на Исаакиевской площади. Узнав о ее приезде, через полчаса за Еленой Сергеевной приехал ее двоюродный брат князь Дмитрий Петрович Волконский и повез ее к себе, а потом к матушке, Софье Григорьевне, жившей у своего тестя П. Д. Дурново на Английской набережной. Светлейшие князья Волконские, радушно встретившие в Петербурге дочь декабриста, могли навлечь на себя неудовольствие, а может быть, и гнев императора. Князь Сергей Михайлович Волконский поведал одно семейное предание: «Фельдмаршал (П. М. Волконский. — Ю. Е.) очень любил свою красавицу-племянницу (Е. С. Рахманову. — Ю. Е.); она часто ездила в его ложу. Однажды Государь спросил его: “Кто это у тебя в ложе красавица сидит?” — “Дочь Волконского”. — “Какого Волконского?” — “Сергея”. — “Ах, это тот, что умер”. — “Он, Ваше Величество, не умер”. — “Когда я говорю, что он умер, значит он умер...”»¹⁷.

Более близок был Пушкин с князем Григорием Петровичем Волконским, дипломатом, камергером, певцом-любителем. Он был самым интересным человеком в семье Волконских. В 1818 году князь Григорий вместе со старшим братом Дмитрием поступил учиться в Ришельевский лицей в Одессе. Заканчивал образование за границей, в Париже. В 1822 году был определен в Коллегию иностранных дел. С 1828 года состоял при Русской миссии в Неаполе. В 1829 году по Высочайшему повелению пожалован камер-юнкером. С 1830 года состоял при Азиатском департаменте. В 1838 году переведен в Министерство просвещения. В 1839 году занимал пост Председателя Петербургского

цензурного комитета, отличался либерализмом. По словам известного критика В. Г. Белинского, «сын министра Двора» помог ему опубликовать многие статьи в «Отечественных записках». С 1842 по 1845 год был попечителем Петербургского округа, затем Одесского. В 1847 году вернулся на службу в Министерство иностранных дел, был произведен в действительные статские советники и причислен к Русской миссии в Риме. В 1851 году назначен заведовать Археологической комиссией в Риме «для приискания древностей», а также начальствовать над русскими художниками-пенсионерами Академии художеств, работавшими в Риме. 25 сентября 1850 года был избран почетным членом Императорской Академии художеств¹⁸. Кроме того, являлся почетным членом Петербургского университета и Петербургского филармонического общества. Князь имел замечательного тембра голос (бас) и был непременным участником и душой всех любительских концертов, устраиваемых с благотворительными целями. Волконский пел во дворцах и в светских гостиных. 13 апреля 1834 года Женское патриотическое общество организовало концерт в пользу бедных. Газета «Северная пчела» в номере от 15 апреля 1834 года в отчете о концерте особо выделила талант князя Григория Волконского, «дивный голос которого не имеет себе равного в Европе». Возможно, А. С. Пушкин на одном из выступлений князя наслаждался его виртуозным пением. Известно, что в 1830-е годы Пушкин общался с Г. П. Волконским. Писатель, журналист, критик и издатель князь В. Ф. Одоевский, один из друзей Пушкина, устраивал у себя приемы по субботам и «после театра, в 11 часов вечера», на которых бывал Александр Сергеевич, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, драматург А. А. Шаховской, Д. Н. Блудов и другие лица из пушкинского окружения.

В воспоминаниях неизвестного «лифляндца» рассказывается об одном вечернем приеме, бывшем в 1833 году у князя Одоевского в его квартире в доме на углу Мошкова переулка и Большой Миллионной, на котором присутствовали Пушкин и князь Григорий Волконский. «Вдруг, — рассказывал неизвестный, — никогда этого не забуду: входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящего до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видел. Когда она появилась, то казалось, что видишь богиню. Благородные, античные черты ее лица напомнили мне Евтерпу Луврского музея, с которой я хорошо был знаком. Князь Григорий (Г. П. Волконский. — Ю. Е.), подошел ко мне, шепнул на ухо: “Не годится слишком на нее засматриваться”. Рассказчик, не знакомый с Пушкиным, набрался смелости, подошел к нему, заговорил, сказал какую-то остроту, которая рассмешила поэта.

— Что такое вы сказали? — спросил меня князь Григорий, — чему он засмеялся?»¹⁹

Александр Сергеевич упомянул светлейшего князя Г. П. Волконского в шутовском стихотворении «Надо помянуть, непременно помянуть надо», которое специалисты датируют 1833 годом (III (I), 487).

29 января 1837 года в доме светлейшей княгини С. Г. Волконской на набережной реки Мойки, 12, по образному выражению В. Ф. Одоевского, «Солнце русской поэзии закатилось!». 132 года спустя сыновья Софьи Григорьевны — князя Дмитрий Петрович и Григорий Петрович Волконские в образе двух молодых людей на парных миниатюрах работы неизвестного художника начала XIX века из собрания Григория Диомидовича Душина «пришли» в гости к Александру Сергеевичу Пушкину на его последнюю петербургскую квартиру...

Наш поиск завершился. Иконография петербургских знакомых А. С. Пушкина пополнилась двумя миниатюрными портретами братьев князей Волконских.

Примечания

¹ Материалы пушкинской эпохи в собраниях ленинградских коллекционеров: Каталог выставки / Под ред. Г. Г. Крошина. Л., 1970. С. 55.

² Епатко Ю. Г. 1) Встречался с А. С. Пушкиным. Нева. 1984. № 6. С. 203–204; 2) Зарисовки на тему // Русский антиквар. СПб., 2002; Вып. 1. С. 155.

³ Материалы пушкинской эпохи... С. 14. № 39; «Русское искусство XVIII — начала XX века. Из частных собраний Ленинграда: Каталог выставки / Сост. Т. Волошина, Д. Градова, В. Голод, В. Евсеев. Л., 1988. С. 46. Русская дореволюционная и советская живопись в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь: Каталог А. Минск, 1997. Т. 2 (К–Я). С. 305–306.

⁴ Ромм М. Д. Неизвестная акварель Александра Иванова // Мир музея. 1994. № 4. С. 60.

⁵ Материалы пушкинской эпохи... С. 101. № 10: Неизвестный художник. Портрет молодого человека. 1800-е. Миниатюра на слоновой кости. 4,3 × 2,7 (в свету). Овал. Собрание Г. Д. Душина.

№ 11, неизвестный художник. Портрет молодого человека. 1800-е гг. Миниатюра на слоновой кости. 4,3 × 2,7 (в свету) овал. Парная предыдущей. Собрание Г. Д. Душина.

⁶ Записки Г. Д. Душина. Ленинград. 1974–1976. Рукопись. Цит. по машинописному экземпляру в архиве автора статьи. С. 133–134.

⁷ Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 447.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1910. 10 февр.

⁹ Фишер Карл Андреевич (1850-е — ум. после 1920), московский фотограф. В 1882 г. купил ателье И. Г. Маговченко на Кузнецком мосту. Снимал фотопортреты писателей, артистов. Издавал фотоиллюстрированные каталоги и альбомы картин русских художников. В течение 14 лет публиковал иллюстрированные каталоги Товарищества передвижных художественных выставок.

Николаевский Федор Львович (1849–1919), окончил Академию художеств как гравер, с 1891 г. занимался фотографией, специализируясь на съемке произведений искусства, снимал в Эрмитаже, Русском музее, на Таврической портретной выставке 1905 г. 30 ноября 1904 г. получил звание фотографа Императорского Эрмитажа.

¹⁰ ГРМ. Фототека П. Я. Дашкова. Портрет князя Д. П. Волконского. Фотография с миниатюры. В-6292. Портрет князя Г. П. Волконского. Фотография с миниатюры. В-7025. Портрет св. князя П. М. Волконского. Фотография с миниатюры. В-6330. Портрет княжны А. П. Волконской, в замужестве Дурново. Миниатюра. В-7324. Все миниатюры, с которых были сделаны фотографии, хранились в собрании Петра Павловича Дурново в Петербурге.

¹¹ Великий князь Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1906. Т. 1. № 99; Великий князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 13–15. Цв. ил.

¹² Неизвестный художник. Портрет княжны Александры Петровны Волконской. 2-я пол. 1810-х гг. Кость, акв., гуашь; 4,4 × 3,0 (в свету). Овал. СПб. Частное собрание. Ранее — Портрет неизвестной дамы.

Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 101. Дурново Александра Петровна, рожд. кнж. Волконская, 7 июня 1804 — 1 июня 1859. В память примерной дочери, супруге и матери. Александро-Невская лавра. Духовская церковь.

¹³ Черейский А. Л. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 15–16.

¹⁴ Оленина А. А. Воспоминания / Авт. вступ. ст. и науч. ред. В. М. Файбисович. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1999.

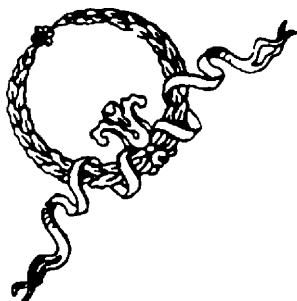
¹⁵ См.: Суровцева Н. Г. Из переписки двух друзей // Демидовский временник. Исторический альманах. Екатеринбург, 1994. С. 1240.

¹⁶ Черейский А. Л. Указ. соч. С. 76.

¹⁷ Волконский С. Разговоры. СПб., 1912. С. 107.

¹⁸ *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1866. Ч. III. С. 142.

¹⁹ Приключения Лифляндца в Петербурге // Русский Архив. 1878. Кн. 1. С. 442.

Р. Г. Жуйкова

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К СТАРИННОМУ ПОРТРЕТУ

Составляя завещание и обдумывая судьбу своего, огромного к концу жизни, состояния, А. А. Гончаров особо выделил, на правах майората, предприятия, которые были основаны в 1710-е годы по именному указу Петра I. По завещанию полотняная и бумажная фабрики в имении Полотняный Завод¹ не подлежали по завещанию никаким формам отчуждения, передавались из поколения в поколение по наследству старшему сыну и должны были, таким образом, навсегда оставаться в роду Гончаровых.

Первым наследником стал старший сын А. А. Гончарова, Н. А. Гончаров² — прадед Н. Н. Пушкиной, вступивший в права наследства после смерти отца, в конце января 1784 года.

Облик нового владельца майората можно представить себе по двум портретам. Один из них в настоящее время, как и когда-то, находится в гончаровском доме в селении Полотняный Завод, только сейчас — в экспозиции музея³. Судьба второго неизвестна, потому что располагают лишь его фотографией. В данной статье опубликована фотография утраченного портрета, любезно предоставленная нам Натальей Глебовной Гончаровой.

Оба портрета почти идентичны. Н. А. Гончаров предстает на них красивым мужчиной средних лет. У него правильные черты лица, чуть тяжеловатый подбородок, высокие дуги бровей. Пудренный парик с бантом, мундир с широкими лацканами, шейный платок с кружевным галстуком — все это отражает эпоху 1760–1770-х годов. Так выглядели герои «Капитанской дочки»...

Портреты похожи, но все же разнятся как по формальным признакам (прямоугольник и овал, изображение поясное и погрудное), так и выражением лица (во втором случае оно моложе и мягче).

Таким образом, мы знаем Н. А. Гончарова «в лицо», но другая биографическая информация о прадеде Н. Н. Пушкиной крайне скудна.

Еще первый историк Полотняного Завода А. В. Средин отмечал, что Н. А. Гончаров проходит в семейной хронике «бледной тенью»: так мало времени он был хозяином заводов, так мало документов связано с его именем — всего лишь купчая на дом в Москве и патент на звание секунд-майора от 1777 года. В последнем по времени исследовании — статье Н. А. Михайловой «Потомки А. А. Гончарова»⁴, также говорится, что о Н. А. Гончарове сохранились «незначительные сведения. Служил он в гвардии, затем в армейских полках, вышел в отставку в 1777 г. в чине секунд-майора»⁵.

В подобном биографическом вакууме интересными и ценными оказываются любые новые документальные данные. Первый такой документ — заметка в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 5 апреля 1784 года. Приведем ее целиком.

«Из Калуги от 22 марта.

Здесь Приказ Общественного Призрения сим к общему сведению сообщает, что по письму, поданному 17 марта к г. Генерал-поручику, правящему должность Калужского и Тульского Генерал-Губернатора, и Кавалеру Михайле Никитичу Кречетникову, Господа майору Николаю и Ивану⁶ Гончаровы, в довод благочестивейшего их признания к отцу своему Ассесору Афанасию Аврамовичу Гончарову, недавно пред тем дни свои скончавшему, усердствуя уделить часть приобретенными его трудами имения в пользу больницы, премудрыми Высочайшими о управлении Губерний Учреждениями предназначенной, отдали каменный свой дом, состоящий в Губернском городе Калуге, с принадлежащим к оному местом, а в июне или в июле месяце внесут две тысячи рублей, да чрез то покоющиеся под кровом Приказа Общественного Призрения поделят с ними ту благодарную признательность к благодеяниям родителя их, изъясняясь при том, что им на сей случай большим, чем ту признательность показать не позволяет начальное вступление их в новое хозяйство»⁷.

Итак, братья Н. А. и И. А. Гончаровы ознаменовали свое вступление в наследство щедрым даром: они подарили городу Калуге каменное здание для больницы. Заметка в столбных «Санкт-Петербургских ведомостях» сохранила для потомства этот благородный, в православных традициях жест благотворения.

Характеризуют личность Н. А. Гончарова и несколько писем (пять), хранящихся в составе фонда Гончаровых в архиве Всероссийского музея А. С. Пушкина. По письмам от свояков Николая Афанасьевича — Федора Прокофьевича Бульгина (муж Натальи Афанасьевны) и Ильи Богдановича Бибикова (муж Варвары Афанасьевны) можно составить некоторое представление о том, что происходило в семье после смерти главы рода. Письма свидетельствуют о разладе, раздорах, нерешенных денежных проблемах, а Николай Афанасьевич предстает в них человеком неуживчивым, резким, к тому же с неблагоприятной семейной жизнью.

Из письма Ф. П. Бульгина от 10 апреля 1785 года:

«Любезный друг, государь мой Николай Афанасьевич!

Не знаю, милостивый государь, в чем вы на меня имеете гнев, — когда изволили быть в Москве, о себе не дали знать, когда б к вам приехать. И ко мне не пожаловали ни единого разу. Кажется, по завещанию покойный ваш родитель, а мой искренний друг Афанасий Аврамович, приказал нам жить по-дружески, а где дружба и любовь, тут и Бог, а то вы горячностью навели на себя лишнее бесслаvie и несогласие с Катериной Андреевной (жена Н. А. Гончарова. — Р. Ж.), то душевно сожалею о таком несчастном разрыве»⁸.

«Другу и брату Федору Бульгину» вторит и И. Б. Бибиков:

«Вам за благо рассудилось меня отчуждаться...» — пишет он в письме от 1 февраля 1785 года⁹. В следующем письме, от 18 марта 1785 года, где речь идет о долгах и взаимных расчетах, Бибиков упрекает Гончарова в неблагодарности, напоминая о своем былом покровительстве: «Приведите только себе на память чрезвычайное ваше желание быть в службе и достать чины»¹⁰. В дальнейшем И. Б. Бибиков собирается общаться с Н. А. Гончаровым только через Александра Матвеевича Нестерова.

Судя по переписке, лишь с Нестеровыми, семьей старшей сестры, Александры Афанасьевны, отношения у Николая Афанасьевича были дружескими. В одном из них все Нестеровы желают «братцу» «благополучно встретить светлое Христово Воскресение» (от 6 марта 1785 г.)¹¹, а в другом — желают ему стать... бароном! Это письмо особенно любопытно.

«Батюшка братец Николай Афанасьевич! Я, как вам известно, тоже фамилии Гончаровых, <нрзб.> то самое меня заставляет вас посоветовать по нонешнему учреждению непременно ехать, не теряя времени, в Петербург. Мне сколько не удавалось говорить, то все уверяют, что вам дадут баронство. Пожалуй, посоветуйся с братцем. <нрзб.> Тут и потерять несколько рублей не жаль. Однако же оно между нами. Мне сказано, а я вам пребуду верная сестра Александра Нестерова»¹².

Письмо не имеет даты, но в нем есть упоминание о «вышедшем узаконении о дворянстве». Несомненно, имеется в виду знаменитая «Грамота на право вольности и преимущества благородного российского дворянства», дарованная императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 года. Скорее всего, письмо писалось в конце апреля — начале мая. Мечты о титуле могли возникнуть в общей атмосфере ожидания монарших милостей и пожалований, когда заслуги отца, А. А. Гончарова, могли получить высокую оценку. Ну а для продвижения бумаг по инстанциям — «несколько рублей не жаль»!

Однако бесхитростным надеждам сестры сбыться было не суждено.

Уже в августе этого же 1785 года в Полотняном Заводе — новый хозяин: в промежутке между маем и августом Н. А. Гончаров скончался. Неизвестно, насколько основательными были предположения А. А. Нестеровой, разделял ли брат амбиции сестры, успел ли предпринять что-либо...

Жалованную грамоту на дворянство Гончаровым, подписанную Екатериной II 2 октября 1789 года, получил уже следующий владелец майората, дед Н. Н. Пушкиной А. Н. Гончаров. Дворянский диплом даровал и право на запись в Первую часть дворянской родословной книги Калужской губернии и фамильный герб. Но титул Гончаровы не получили...

Несколько штрихов к старинному портрету — и кажется, что застывшие черты стали чуть выразительнее и живее.

Примечания

¹ В эту долю наследства входили и другие вотчины.

² В литературе прадеда Н. Н. Пушкиной обычно называют Николаем Афанасьевичем Гончаровым I, т. к. ее отец носил то же имя.

³ Воспроизведение портрета Н. А. Гончарова см.: Трефилов В. Полотняный Завод: Опыт путешественника. Калуга, 2000. С. 29.

⁴ Михайлова Н. А. Потомки А. А. Гончарова // Калужская пушкиниана. Калуга, 2003. С. 18–23.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Иван Афанасьевич — младший из двух сыновей А. А. Гончарова, получил в наследство, кроме вотчин, железоделательные заводы в Орловской и Калужской губерниях.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1785. 5 апр. — Благодарим К. К. Троицкую за сообщение об этой заметке.

⁸ ВМП. Архив, ф. 4, д. 2.

⁹ Там же. Д. 3, л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 3, л. 3.

¹¹ Там же. Д. 6.

¹² Там же. Д. 5, л. 1.

Г. М. Седова

**БЫТОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЭКСПОЗИЦИИ В МЕМОРИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЯ-
КВАРТИРЫ А. С. ПУШКИНА
НА МОЙКЕ, 12**

Дом на набережной Мойки у Конюшенного моста, в котором находилась последняя квартира Пушкина, в начале XX века был в значительной степени перестроен¹. За годы, прошедшие со времени кончины поэта, исчезли, затерялись многие предметы, которые составляли бытовое убранство его квартиры. Еще в конце XIX — начале XX века общественность Петербурга предлагала организовать в этом доме если не музей, то хотя бы «учреждение памятного типа». Речь шла либо о высших женских курсах, либо о народной библиотеке, которые могли бы разместиться здесь без реконструкции прежних интерьеров. Выделить как особое памятное место предполагалось только кабинет, где прошли последние дни жизни Пушкина. С 1921 года вопрос об устройстве музея в бывшей пушкинской квартире обсуждался на совместных совещаниях сотрудников Пушкинского Дома (ИРЛИ) РАН и историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Тогда для разработки проекта музея была даже создана специальная комиссия, в состав которой вошли известные деятели российской культуры: А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере, Н. А. Пыпин, Б. Л. Модзалевский и М. Д. Беляев. В результате возник проект реставрации квартиры «в том виде, как она была при Пушкине», и в ней предполагалось устроить музей 1830-х годов и мемориальную комнату Пушкина².

Для реализации этих планов требовалось расселить бывшую квартиру поэта. Это удалось сделать летом 1924 года, когда отмечалось 125-летие со дня его рождения. Осенью того же года квартира перешла в ведение пушкинского кружка общества «Старый Петербург — Новый Ленинград». Тяжелое финансовое положение кружка³ не позволило приступить к воссозданию всей квартиры. Поначалу удалось частично восстановить кабинет и привести в порядок прилегающие к нему гостиную и переднюю. Планы полной реконструкции дома пришлось отложить на более отдаленное время.

Значимой датой в жизни музея стало 10 февраля 1925 года: в квартире впервые прошло памятное собрание и открылась небольшая экспозиция, устроенная в двух помещениях (кабинете и передней), посвященная исключительно дуэли и смерти Пушкина. Это не был еще музей в полном смысле слова. Ядро его крошечной экспозиции составляли документальные и изобразительные материалы, в том числе портреты друзей и знакомых поэта (А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, Е. М. Хитрово, П. Я. Чаадаева, графа Г. А. Строганова, докторов Н. Ф. Арендта и В. И. Даля), работы художников XIX века (Ф. А. Бруни, А. А. Козлова, А. Н. Мокрицкого А. А. Наумова и др.) с изображением сцен дуэли и похорон Пушкина. Несколько предметов мебельного убранства служили обозначением интерьеров пушкинской эпохи.

На этом, как и на следующем этапе восстановительных работ, когда квартира (с декабря 1925 г.) перешла от пушкинского кружка в ведение Пушкинского Дома, построением экспозиции руководил ученый хранитель музея Пушкинского Дома М. Д. Беля-

ев. Опыт музейной работы в Симбирске и в литературном музее Пушкинского Дома позволил ученому сформулировать важнейшие принципы построения литературно-мемориального музея. В октябре 1926 года он изложил их в нескольких лекциях, прочитанных на музейных курсах в Москве. Из стенограммы этих лекций⁴ следует, что сохранение чувства эпохи «во всем, начиная от окраски стен и кончая последним стулом»⁵, Беляев считал важнейшей составляющей в деле музейной реконструкции. По его мнению, в мемориальном музее необходимо воссоздать «типичный для писателя фон»⁶, отражающий «общий вкус и стиль эпохи и среды»⁷ и позволяющий приблизить писателя к современному посетителю.

Занимаясь воссозданием пушкинской квартиры, Беляев пришел к справедливому выводу, что реконструировать прошедшую эпоху особенно сложно, «когда от памятного и дорогого нам дома остаются одни только стены, да и те подверглись не только разрушающему влиянию времени, но и переделкам, исказившим их первоначальный вид, как это имеет место в той квартире, где скончался Пушкин»⁸. В подобных случаях он предлагал начать с восстановления исторического облика дома (на основе старых планов и описаний современников) и лишь затем воссоздавать в нем «тот внутренний вид, который хотя бы примерно» этот дом имел «при жизни писателя; если же это совершенно не известно, придать ему типичные черты интересующей нас эпохи. Достигнуть этого можно окраской и оклейкой стен и наполнением комнат типичной обстановкой»⁹. Позднее в своей книге о последней квартире Пушкина Беляев признавался, что для него и его коллег «наиболее заманчивой, конечно, являлась задача восстановления квартиры в ее первоначальном виде»¹⁰. Но из-за недостатка времени и средств решено было сначала воссоздать «хотя бы приблизительную внешность, хотя бы слабый след жизни, протекавшей некогда в этой квартире и окружавшем ее старом Петербурге»¹¹. На деньги, выделенные Академией наук, в 1926 году удалось восстановить планировку передней, где в конце января 1837 года стоял гроб с телом поэта, а также убрать в столовой перегородку начала XX века, превратившую часть комнаты в коридор.

В течение 1924–1926 годов Беляев и его коллеги вели огромную собирательскую работу. Чтобы «наполнить это печальное место чем-то таким, что говорило бы нам не только о поэте, но и о человеке...»¹², решено было воспользоваться не только мемориальными вещами (Беляев называл их реликварными¹³), но и типологическими бытовыми предметами. При этом речь шла не о детальной реконструкции утраченного облика дома, а о тактичном воссоздании некоторых элементов среды, в которой жил и творил поэт. «Хотелось следов быта, но быта, отведенного на второй план и как бы подчиненного тому главному событию, которое <...> все еще делает для нас дорогим это место»¹⁴. Так сформулировал свою концепцию Беляев.

Первый музей был открыт «для публичного обозрения» в бывшей пушкинской квартире 13 февраля 1927 года¹⁵. К этому времени экспозицию удалось расширить и она разместилась уже не в двух, а в шести комнатах. Бывшие буфетная, столовая, гостиная и детская также были открыты для посетителей. Но эти помещения решено было не восстанавливать в мемориальном плане, так как имеющихся средств едва хватало на небольшой косметический ремонт. В прежних габаритах, как тогда говорили, были восстановлены только кабинет, передняя, гостиная и спальня. Бывшие буфетная и столовая все еще представляли собой единое помещение в пять окон, а детская, напротив, сохраняла уменьшенные размеры: треть ее площади была занята новой парадной лестницей, сооруженной в начале XX века. Пока еще не могло быть и речи о реконструкции прежней парадной лестницы (на ее месте с начала XX века были устроены кухня и черный ход). Не ставился вопрос и о возвращении квартире комнат, в которых в пушкинское время жили сестры Н. Н. Пушкиной (так называемой гончаровской половины).

Создатели музея сосредоточили все силы на экспозиционной работе. Описание этого первого пушкинского музея на Мойке, 12, находим в книге Беляева¹⁶.

В помещениях, во многом сохранявших искаженный архитектурный облик, Беляев и его коллеги решились поместить мебель красного дерева, классические бронзовые часы, золоченые фарфоровые батенинские вазы, гравюры и литографии с видами Петербурга и его окрестностей. Все эти экспонаты должны были напоминать об утраченной атмосфере дворянской гостиной пушкинского времени. Тем самым был задан тон музейному рассказу о жизни Пушкина в доме на Мойке. В историко-литературную экспозицию органично вписывались прижизненные издания Пушкина и позднейшие собрания его сочинений, а также факсимиле его автографов, помещенные в огромном книжном шкафу красного дерева.

Виртуозное сочетание бытовой и литературной экспозиции позволяло напомнить посетителю музея о вкусах и стиле пушкинской эпохи, а также раскрыть некоторые стороны частной жизни семьи поэта. Если в первом экспозиционном помещении — бывшей столовой — тема творческой жизни поэта была дана на фоне города и его истории, то экспозиция гостиной и бывшей спальни была посвящена семье поэта. Здесь рядом с копиями с прижизненных портретов Пушкина и его жены находились портреты их родственников — Пушкиных, Ганнибалов и Гончаровых.

В бывшей детской (как раз перед входом в кабинет поэта) были представлены портреты друзей и знакомых Пушкина — тех, с кем он общался в последний месяц своей жизни и кто присутствовал в доме после его кончины. По-прежнему осмотр музея завершался рассказом о поединке Пушкина с Дантесом и о кончине поэта. В передней была сохранена экспозиция, посвященная этому сюжету и включавшая картины с изображением дуэли, портреты Пушкина в гробу, его посмертные маски.

В той первой экспозиции необычным оставалось решение кабинета поэта. В 1927 году, как и в 1925-м, интерьер этой комнаты был решен весьма лаконично. Доминантой здесь был бронзовый бюст Пушкина работы Витали, установленный на месте кончины поэта (внутри специального ограждения). Остальное пространство кабинета, практически, не было заполнено, если не считать нескольких предметов мебели, в числе которых — конторка, по семейному преданию принадлежавшая Пушкину.

Созданный Беляевым и его коллегами музей существенно отличался от литературных и бытовых музеев своего времени. Буквальная реконструкция быта, по мнению хранителя, неизбежно приводит к бутафории. Опасаясь этого, опытный музейщик предостерегал и от другой крайности: увлечение построением историко-литературной экспозиции могло увести от быта и тем «лишить наш мемориальный музей того дыхания жизни, которое и должно составлять его главную прелесть»¹⁷.

Не случайно сам Михаил Дмитриевич называл обычно это место либо просто квартирой, либо — квартирой-музеем, но никогда — музеем-квартирой. Он говорил, что стремился «наполнить это печальное место чем-то таким, что говорило бы нам не только о поэте, но и о человеке...»¹⁸. Однако подобные экспозиционные решения отнюдь не соответствовали запросам нового музейного строительства.

В одном из пособий по музейному делу, изданному в 1929 году Государственным институтом истории искусств, читаем: «Нельзя навязывать массам фетишистское преклонение перед гениальными личностями. <...> Чем больше слава того или иного художника, тем он опаснее. Музеи не должны тянуть назад к прошлому, а толкать вперед к будущему...». Авторы пособия осуждали стремление некоторых музейщиков «повсюду и всегда выдвигать на первый план пресловутую “эпоху” и из нее делать фетиш, точно “эпоха” и “знание эпохи” есть какая-то абсолютная ценность <...>. С государственной точки зрения музеи или должны вовсе не быть или должны быть общественно-просве-

тельными учреждениями, куда бы люди охотно ходили не потому, что им “интересно”, но в которых бы эти люди, сами того не замечая, просвещались в желательном для государства направлении»¹⁹.

Осенью 1930 года Беляев разделил судьбу многих сотрудников Пушкинского Дома, репрессированных по так называемому академическому делу. Вскоре после его увольнения и ареста было объявлено, что музей на Мойке, 12, заполнен «буржуазным хламом» и фальсифицирует быт Пушкина²⁰. Чтобы не вводить посетителей на этот счет в заблуждение, решено было перенести «ненавистный» «буржуазный хлам» в парадные помещения, которые были использованы в качестве жилплощади для сотрудников Академии наук. Вскоре здесь поселился пролетарский поэт-напостовец, создатель партийной ячейки Института литературы (ИНЛИ) — Семен Родов со своей семьей и домработницей М. Терилевой. В январе 1931 года Родов сообщил этот новый адрес (наб. Мойки, 12, кв. 1) своему соратнику по борьбе на литературном фронте Г. Лелевичу (псевд., наст. имя Лабори Гилелевич Калмансон). Приглашая друга в Ленинград, Родов заметил, что тот сможет остановиться у него вместе с женой: «...комната и кровать будут, — только нет одеяла и постельного белья — этим мы бедны. Если не трудно будет, захвати...»²¹ Действительно, создавая музей поэта, Беляев и его коллеги не предполагали, что помимо мебели красного дерева его новым сотрудникам может потребоваться еще и постельное белье.

Казалось, первый этап становления музейной экспозиции в доме на Мойке, 12, был завершен. Но уже в конце 1931 года на заседании административно-хозяйственной комиссии АН СССР был заслушан вопрос «о необходимости восстановления квартиры А. С. Пушкина или использования ее для культурно-просветительных нужд Академии наук, а не заселения жильцами»²². Год спустя президиум Пушкинского общества обследовал состояние музея в доме на Мойке и констатировал в специальном акте, что музейная экспозиция еще остается в трех комнатах (детской, кабинете и передней), остальные же помещения являются жилыми. После увольнения Родова в бывших столовой, гостиной и спальне жили аспиранты ИНЛИ²³.

В канун 100-летия со дня гибели Пушкина в Пушкинском Доме вновь заговорили о необходимости создания полноценного музея в его последней квартире. Одним из инициаторов обновления экспозиции был сотрудник Института литературы Г. А. Гукровский. Но его проект не был одобрен руководством института. Академик Орлов писал, что без литературной экспозиции «невозможен показ массовому посетителю исторического облика Пушкина». Поэтому к рассмотрению мог быть принят только проект развития литературной экспозиции «на основе марксистско-ленинских установок»²⁴.

Члены Пушкинского общества, которые в 1920-х годах начинали работать в квартире вместе с Беляевым и по-прежнему настаивали на необходимости восстановления исторических интерьеров, в это же время выступили с предложением создать на Мойке, 12, крупный научно-исследовательский центр и назвать его Домом имени Пушкина. Ядром этого центра должна была стать квартира поэта, полностью реконструированная в своем историческом виде. На втором этаже, в освобожденных от жильцов помещениях, планировалось устроить музей эпохи Пушкина, а в дворовых флигелях — библиотеку, лекторий и кабинеты для научной работы. Поначалу именно этот проект был принят Юбилейным пушкинским комитетом, а также был поддержан Ленгортсовым. 11 мая 1936 года ученый совет ИНЛИ принял решение о том, что «пушкинская квартира воссоздается <...> как бытовой музей с сохранением назначения каждой комнаты, с мебелью и т. п.»²⁵. Но в канун юбилея, как обычно, не оказалось средств. Решено

было в срочном порядке, «...не приводя квартиру в тот вид, который она имела при Пушкине, организовать в ней “музей-выставку”»²⁶.

Для создания такого музея в ИНЛИ был приглашен из Москвы на должность ученого хранителя Литературного музея Б. В. Шапошников, в недавнем прошлом — директор Московского музея быта сороковых годов. Понимая, что время уходит, он буквально за сто дней до предстоящего юбилея предложил «восстановить прежний архитектурный облик» и бытовой интерьер трех помещений, составляющих ядро пушкинской квартиры, — кабинета, гостиной и столовой. Об убранстве этих комнат сохранились наиболее полные сведения современников. «Эта часть квартиры, конечно, является наиболее интересной как непосредственно относящаяся к условиям жизни самого Пушкина», — писал Б. В. Шапошников. В остальных комнатах до их реконструкции он предполагал разместить историко-литературную или, как тогда говорили, систематическую экспозицию²⁷.

Но даже такой сокращенный вариант реконструкции квартиры не был одобрен Юбилейным комитетом, который в начале января 1837 года принял специальное постановление о воссоздании «в бытовом плане» только кабинета Пушкина и требующее «в остальных комнатах разместить выставочный материал, характеризующий творчество Пушкина в 1833–1837 гг.»²⁸. Мнение сотрудников Пушкинского Дома не совпадало с новыми взглядами членов Юбилейного комитета. Ученый секретарь ИНЛИ Н. Г. Свириин отправил в Москву следующий ответ: «Подобная реэкспозиция музея не может быть признана отвечающей действительным задачам его, и на нее придется пойти только в силу необходимости, чтобы не сорвать открытие музея к юбилейной дате». Он объяснял, что помещения музея требуют «специфического использования <...> для показа бытовой обстановки, в которой жил Пушкин в последний период, и той социальной среды, которая была причиной его трагической смерти. Об этом свидетельствует основная масса записей в книге впечатлений музея...»²⁹.

Таким образом, к началу 1937 года вопрос о реконструкции дома поэта так и не был решен. В соответствии с требованием московского начальства в музее была создана масштабная историко-литературная экспозиция, в которой уже не могло быть того органичного единства между литературной и бытовой частями, которое существовало при Беляеве. В отличие от первой экспозиции это уже был не просто фон для рассказа о жизни Пушкина в доме на Мойке. Новая экспозиция имела ярко выраженный просветительский характер. Помимо портретов современников и видов пушкинских мест в квартире появились иллюстративные материалы — многочисленные пояснения, цитаты не только из произведений Пушкина, но и из произведений классиков марксизма-ленинизма, работ Сталина, передовиц газеты «Правда». Все эти чуждые мемориальному пространству материалы опытный экспозиционер и художник Б. В. Шапошников поместил на специальных щитах и стендах. Таким образом они были отделены от жилого интерьера, хотя и размещались непосредственно внутри него. К чести Шапошникова надо сказать, что, невзирая на все запреты, он сумел начать работы по реконструкции части интерьеров. Ему удалось отыскать вещи, подобные тем, которые находились когда-то в квартире Пушкина, согласно воспоминаниям современников. Так были воссозданы уголки гостиной и передней. Самой большой победой и несомненным успехом Шапошникова стала полная реконструкция жилого интерьера пушкинского кабинета.

Литературная экспозиция, созданная в 1937 году, просуществовала в бывшей пушкинской квартире около трех десятилетий. Со временем ее содержание все более приближалось к последнему периоду жизни Пушкина. В послевоенные годы постепенно ее стали вытеснять предметы мемориального и типологического ряда. В 1949 году в кабинете появились новые мемориальные экспонаты — авторская копия картины Н. Г. Чернецова «Вид Дарьяльского ущелья» и акварельный портрет

Пушкина работы П. Ф. Соколова. В гостиной была помещена сонетка пушкинского времени, в спальне рукодельный столик и комодик, в кабинете карсельские лампы — увеличенные копии ламп из Нащокинского домика. Оконные занавесы и ламбрекены, так же как и карнизы для них, в 1940-х годах были выполнены в соответствии с изображениями интерьеров пушкинского времени.

Логика развития музея со всей очевидностью вела к более решительному шагу, который и был осуществлен в 1965 году под руководством С. С. Ланды, Т. К. Галушко и хранителя квартиры А. И. Мининой. К этому времени стало очевидным, что литературно-монографическая экспозиция «Пушкин. Жизнь и творчество» станет постоянной экспозицией ВМП. Наличие такой фундаментальной экспозиции позволяло отказаться от многих историко-литературных тем в мемориальном пространстве пушкинской квартиры на Мойке, 12. Полная реконструкция архитектурного облика дома все еще не была осуществлена. Поэтому бытовые интерьеры, созданные в это время, стали тактично называть условно-мемориальными. Однако с выносом большей части литературной экспозиции за пределы пространства квартиры встал вопрос о смысловом стержне обновленного музея. Им по праву стал сюжет дуэли и смерти Пушкина.

Традиционно, еще со времен Беляева и Шапошникова, экспозиция, посвященная этому сюжету, размещалась в двух помещениях, с двух сторон примыкающих к кабинету, — в детской и передней. В передней логично было рассказывать о реакции современников на смерть Пушкина: именно здесь 29–31 января 1837 года был выставлен для прощания гроб с телом поэта. В бывшей детской экспозиция, посвященная дуэли, разместилась по иным причинам. Еще в начале XX века, при перестройке дома Волконских, треть этого помещения отошла под новую парадную лестницу, на ликвидацию которой требовались немалые средства. В изуродованном архитектурном пространстве Беляев создал, а Шапошников сохранил экспозицию, не имевшую прямой связи с бытовым назначением этого помещения. Эта экспозиция, повествующая об обстоятельствах, предшествующих дуэли Пушкина с Дантесом, а также о ходе самого поединка, была помещена перед входом в кабинет поэта и предваряла рассказ о его кончине.

Архитектурный интерьер этой комнаты к 1965 году не изменился, и разворачивать в ней бытовую экспозицию, даже если назвать ее условно-мемориальной, не представлялось возможным и целесообразным. Решено было сохранить здесь ту историко-литературную экспозицию, которая существовала со времен Беляева и Шапошникова. Однако такое половинчатое решение — сохранение в музее небольшой части литературной экспозиции, помещенной посреди чисто бытовых, хотя во многом и типологических (условных) интерьеров, — вызвало немало споров и нареканий в адрес музея. Этот вопрос рассматривался на специальном совещании 26 декабря 1967 года, посвященном перспективам развития музея. На совещании были заслушаны мнения некоторых старейших сотрудников музея.

Е. В. Фрейдель, которая была хранителем музея в послевоенные годы, отметила, что «давать только бытовую музей» было бы большой ошибкой. Она предложила устроителям поискать место для дополнительной экспозиции, «которая должна раскрыть драму Пушкина. Только надо ее продумать. То, как это сделано в детской, — это неприлично! Или надо переделать (хотя бы временно), или закрыть»³⁰.

Беспокойство за судьбу обновленной экспозиции выразила и Е. П. Населенко, начавшая работу в Литературном музее Пушкинского Дома еще в начале 1930-х годов вместе с Шапошниковым: «То, что было сделано в 1937 году, не совсем удачно. Это соединение литературной экспозиции и некоторых сторон быта — это противоестественно. А если оставить квартиру без литературной экспозиции, мы дадим внешнюю

сторону жизни Пушкина, но истории тут не будет... Дополнительная экспозиция нужна. Вопрос в том — где ее дать»³¹. Позднее, уже в 1988 году, С. С. Ланда говорил автору этих строк, что был бы счастлив, если бы смог отыскать иное, кроме детской, место размещения такой экспозиции. Действительно, до полной реконструкции дома поэта решить этот вопрос не представлялось возможным.

Новый этап в развитии музея начался тогда, когда бывший дом Волконских был полностью расселен, а в 1982–1987 годах в нем был осуществлен капитальный ремонт, возвративший как всему особняку, так и бывшей квартире Пушкина утраченный архитектурный облик. До ремонта экспозиционеры работали в искаженном времени пространства, и это давало им возможность маневрировать между бытовой (типологической) и литературной экспозицией, опираясь в то или иное время на одну из них. После ремонта изменились эстетические параметры музейного пространства: оно утратило ту нейтральность, которая позволяла создавать условные интерьеры, и приобрело конкретно-бытовые черты, обусловившие характер музейной экспозиции.

В новых условиях нелепым и невозможным выглядело бы сохранение в мемориальном пространстве детской историко-литературной экспозиции, посвященной преддуэльной истории. Но отказаться от этой «дополнительной», как ее называли в 1960-х годах, экспозиции означало бы перевести сюжет гибели Пушкина в чисто бытовую, житейскую плоскость. Это хорошо понимали художник Т. Н. Вороникина, хранитель музея Н. И. Попова, зав. экспозиционным отделом Т. К. Галушко и их коллеги, когда в 1982 году приступали к работе над проектированием будущего музея. Они предложили переместить все историко-литературные материалы в одно из восстанавливаемых помещений — в комнату сестер Гончаровых.

До окончания ремонта такой путь представлялся вполне приемлемым. Умозрительно, не входя в отреставрированные помещения, казалось, что комнаты, расположенные за пределами, очерченными на плане В. А. Жуковского (так называемая гончаровская половина), можно будет оформить как нейтральные помещения, пригодные для размещения не бытовой, а литературной экспозиции. Но на поверку по окончании ремонта оказалось, что восстановленная квартира составляет единую архитектурную среду и литературная экспозиция «разрывает» ее конкретно-бытовое пространство независимо от того, помещена она в детской или в одной из комнат сестер Гончаровых. Таким образом, в 1987 году вопрос о размещении в мемориальном музее-квартире «дополнительной» литературной экспозиции остался открытым. Чтобы решить его, мы вновь обратились к истории музея, пытаясь понять, что по этому поводу думали наши предшественники.

Еще в 1936 году, когда Шапошников готовил план реконструкции всего мемориального пространства пушкинской квартиры, он впервые заговорил о необходимости создания и той особой литературной экспозиции, без которой, по его мнению, «музей не давал бы достаточно отчетливо воспринимаемой картины условий жизни и причин гибели поэта». Опытный специалист музейного дела считал, что подобная экспозиция долж на находиться за пределами мемориального пространства — над пушкинской квартирой, на втором этаже. Устроить эту экспозицию в самой квартире он предлагал лишь как вынужденную меру, до тех пор пока не будут освобождены от жильцов помещения второго этажа³². Однако реализация этих планов затянулась, и сосуществование в стенах квартиры экспозиций двух типов со временем уже стало казаться естественным. Как известно, освоение экспозиционных помещений на втором и третьем этажах бывшего особняка Волконских началось в музее только после ремонта 1982–1986 годов. Тогда и появилась уникальная возможность осуществить предложение Шапошникова по перемещению в эти залы дополнительной историко-литературной экспозиции.

10 февраля 1995 года литературная экспозиция была впервые полностью выведена за пределы мемориального пространства дома поэта и устроена в выставочных помещениях, расположенных на втором этаже. Здесь, в четырех залах дворовой анфилады, по пути в Музей-квартиру Пушкина, посетителю представлялась уникальная возможность окунуться в атмосферу пушкинского Петербурга, увидеть город и людей, окружавших поэта накануне его гибели, узнать о конкретных обстоятельствах, предшествующих дуэли и смерти поэта. Небольшая по объему, но важная по содержанию, эта историко-литературная экспозиция вызывала большой интерес и просуществовала до 1998 года, когда в выставочных залах на втором и третьем этажах начался монтаж постоянной экспозиции Всероссийского музея А. С. Пушкина «Пушкин. Жизнь и творчество».

Тем временем был завершен ремонт полуподвального цокольного этажа, находящегося под мемориальной квартирой. Изначально, с 1740-х годов, когда дом строился для И. А. Черкасова, этот этаж был отведен под хозяйственные помещения — кухню, прачечную, комнаты для прислуги и т. п. Его назначение не менялось и при Волконских, когда Пушкин снимал квартиру на первом этаже, а его прислуга, согласно договору о найме, пользовалась комнатами в цоколе. В XX веке, когда в доме был устроен музей, к нему также перешла часть полуподвальных помещений, используемых для технических и хозяйственных целей. В частности, здесь хранились дрова, а кладовыми пользовались не только сотрудники музея, но и жильцы соседних квартир. В годы Великой Отечественной войны подвал отсырел: его гидроизоляция была нарушена после того, как неподалеку от дома упал фугасный снаряд. Положение не улучшилось и после капитального ремонта, осуществленного в 1982–1986 годах.

Только в 1999 году благодаря усилиям заместителя директора ВМП по развитию Т. Н. Моховой цокольный этаж был очищен от плесени и сырости, в нем была устроена надежная гидроизоляция, что позволило переместить сюда литературную экспозицию. Материалы, включенные в эту экспозицию, не претендуют на большое по времени повествование о преддуэльных событиях, жизни и творчестве Пушкина в конце 1830-х годов, поэтому ее следует считать не дополнительной, а только вводной. Размещенная непосредственно перед входом в мемориальную квартиру, такая экспозиция является своеобразным эпиграфом, предвещающим музейный рассказ о последних днях жизни поэта в доме на Мойке, 12. Эта экспозиция призвана подготовить посетителя к эмоциональному восприятию того, что представлено сегодня в собственно мемориальной части Музея-квартиры поэта.

Когда-то Беляев и его коллеги считали заманчивой, но неосуществимой идею «восстановления квартиры в ее первоначальном виде»³³, и потому первая экспозиция в доме на Мойке, 12 носила более типологический, чем мемориальный характер. В 1937 году Шапошникову удалось усилить мемориальное содержание музея и даже реконструировать кабинет поэта. Вместе с тем под воздействием партийных идеологических установок именно в 1937 году литературно-историческая экспозиция в квартире Пушкина стала превалировать над историко-бытовой и мемориальной. Возвращение к идее мемориализации пространства музея началось только в начале 1960-х годов, когда в четырех комнатах бывшей квартиры поэта были воссозданы условно-мемориальные интерьеры. При этом в музее были сохранены и элементы литературной экспозиции. Перспектива полного воссоздания пушкинской квартиры в мемориально-бытовом плане обрела реальность только после капитального ремонта бывшего дома князей Волконских в 1982–1987 годах. Окончательное перемещение историко-литературных элементов экспозиции за пределы мемориального пространства бывшей квартиры поэта стало логичным завершением этого этапа существования музея. В настоящее время

наше внимание сосредоточено на формировании и совершенствовании мемориальной экспозиции в реконструированной архитектурной среде.

Примечания

¹ Подробно об истории дома Волконских и о создании в нем первого музея А. С. Пушкина см.: *Седова Г. М., Солдатова Л. М.* Особняк на Мойке, 12. СПб., 1999.

² Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1921, д. 7, л. 51, 64.

³ О деятельности кружка см.: *Седова Г. М.* Пушкинский кружок общества «Старый Петербург» в доме на Мойке, 12 (1924–1925 годы) // Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2002. Вып. 3. С. 47–58.

⁴ См.: *Яценко О. А. М. Д. Беляев.* Теория построения историко-литературного музея // Страницы истории пушкиноведения. СПб., 1994. С. 99–106.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 103.

⁸ Там же. С. 105–106.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ *Беляев М. Д.* Пушкин в своей последней квартире. Л., 1930. С. 40.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Там же.

¹³ *Яценко О. А.* Указ. соч. С. 103.

¹⁴ *Беляев М. Д.* Указ. соч. С. 42.

¹⁵ Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1932, д. 35, л. 204.

¹⁶ *Беляев М. Д.* Указ. соч. С. 42–54.

¹⁷ *Яценко О. А.* Указ. соч. С. 105.

¹⁸ *Беляев М. Д.* Указ. соч. С. 44.

¹⁹ *Шмит Ф. И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 145, 115, 116, 82.

²⁰ Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1932, д. 35, л. 20.

²¹ РГАЛИ, ф. 1392, оп. 1, д. 114, л. 93–93 об.

²² Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1931, д. 7, л. 39.

²³ Там же. Оп. 1–1932, л. 33, 35–35 об.

²⁴ Там же. Л. 3, 17, 20 об.

²⁵ Там же. Оп. 1–1936, д. 67, л. 214.

²⁶ ЦГА РФ, ф. 305, оп. 1, д. 1, л. 40–40 об.

²⁷ Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1937, д. 47, л. 30–31 об.

²⁸ Там же. Д. 44, л. 4, 7.

²⁹ Архив ВМП, оп. 3, д. 95, л. 19 об.

³⁰ Там же. Д. 317, л. 36.

³¹ Там же. Л. 28.

³² Архив РАН, ф. 150, оп. 1–1936, д. 29, л. 135–140.

³³ *Беляев М. Д.* Указ. соч. С. 40.

Е. Ю. Глевенко

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ Н. А. НЕКРАСОВА

Каждый мемориальный музей считает за честь представить в экспозиции полный, пусть и дублетный, состав библиотеки поэта, писателя... Примером тому библиотеки Пушкина на Мойке, 12, Тургенева — в Спасском-Лутовиново, Толстого — в Ясной Поляне... Так и для Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова воссозданная библиотека поэта должна стать основным звеном экспозиции.

В воспоминаниях современников Некрасова мы часто встречаем высказывания о том, что посетителям его петербургской квартиры книги в глаза не бросались: «Кто вошел бы к нему в квартиру, не зная, кто в ней живет, ни за что не догадался бы, что это квартира литератора. Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел; во всех комнатах стояли огромные шкафы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки», — вспоминал А. М. Скабичевский, постоянный сотрудник «Отечественных записок»¹. И мнение о том, что библиотека Некрасова была невелика, продолжает бытовать. У.Г. Иваск в книге «Описание русских книжных знаков» прямо указывает на то, что в библиотеке Некрасова насчитывалось около 1500 томов². Так ли это?

Обратимся к конторским книгам журнала «Современник», хранящимся в ИРЛИ РАН. Из статьи расходов за 1862–1864 годы видно, что Некрасов тратил на книги немалые средства: «Уплачено в магазин Звонарева за забранные Некрасовым книги 110 руб. 65 коп.»; «Уплачено за журналы, выписываемые для редакции, 153 руб. 56 коп.»; «Уплачено книгопродавцу Давыдову за книги для Некрасова 45 руб.» и т. д.³

Запись 11 августа 1862 года: «Перевозка разных книг Некрасова на извозчиках. Включительно по 7 августа. Один рубль»⁴. Перевозили книги, как следует из записи, в течение нескольких дней. Куда? Может быть, в специально снятое помещение? И еще одна запись, сделанная уже в 1864 году: «Уплачены за найм сарая для хранения книг и дворнику 4 рубля»⁵. Значит, Некрасов действительно снимал помещения для хранения книг и журналов. И, думается, количество томов его библиотеки намного превышало цифру 1500.

Есть сведения о том, что, купив в 1862 году имение Карабику в Ярославской губернии, Некрасов перевез туда часть своих книг.

В 1918 году карабихская библиотека была вывезена из усадьбы и оставлена на хранение в одном из сел Ярославской губернии. Часть книг погибла от сырости, другая была расхищена. Мы бы никогда не узнали о составе карабихской библиотеки, если бы не П. А. Картавов — библиограф и почитатель Некрасова, который, побывав в Карабихе в 1903 году, составил опись этого книжного собрания. В ней 353 наименования — красноречивое свидетельство разнообразных интересов Некрасова: немало художественной литературы — 200 наименований (из них 120 — русские и украинские писатели, 80 написаны иностранными авторами), издания по фольклору, этнографии, географии, истории, словари, несколько из-

даний по охоте и анатомии. Опись была воспроизведена с подробными комментариями. Мы отдаем должное кропотливому труду исследователя, но нельзя не заметить: составители каталогов в большинстве случаев понимали под описанием библиотеки инвентаризационный учет уцелевших книг или же «реставрацию» и доработку сохранившихся «семейных» списков (как в данном случае). Такой подход формален. Он приводит к тому, что состав библиотеки оказывается заведомо обедненным. Восстанавливая библиотеку, можно и нужно использовать сочинения писателя, письма, мемуары и другие источники, содержащие сведения о книгах, известных писателю.

Первые книги были подарены Некрасову как рецензенту. Разбирать ему приходилось разные книги, и не только художественные. Библиотека росла, пополнялась... Однако частые переезды с квартиры на квартиру, затрудненное материальное положение — книги приходилось продавать — делали библиотеку неустойчивой. Но были книги, которые прочно занимали свое место на полках: «Русские народные сказки», собранные Сахаровым (СПб., 1841); «Говор простого народа» А. Месковского (СПб., 1855); «Анекдоты всех веков и народов, извлеченные из собраний этого рода, доселе изданных» (СПб., 1846). В рецензии на одну из этих книг Некрасов писал: «Русские песни, предания, пословицы, суеверные страхи, наконец русские сказки, без сомнения, заслуживают большого внимания: они память нашего давно минувшего, они хранилище русской народности»⁶.

О том, какими изданиями интересовался поэт, что хотел иметь в своей личной библиотеке, свидетельствует и его переписка. Это, пожалуй, самый благодатный источник в поиске книг из библиотеки Некрасова и ее дальнейшем комплектовании.

Из письма петербургскому книгопродавцу и издателю И. Т. Лисенкову от 26 января 1842 года: «Да нельзя ли ненадолго новое издание “Истории крестовых походов” Мишо? Нет ли таюже “Сто двадцать сказок” Ф. Кузьмичева? Пришлите, пожалуйста, книгу “Повесть Ангелина” Н. Молчанова...»

Некрасов писал поэту Н. Ф. Щербине в Одессу 24 июля 1850 года: «Я очень благодарен Вам за доставленные мне Ваши стихотворения. Надо Вам сказать, что Ваша книжка как по достоинству своему, так и по успеху в публике, есть в настоящее время нечто исключительное...»⁷. Речь идет о «Греческих стихотворениях» Щербины, изданных в Одессе в 1850 году.

В ноябре 1871 года Некрасов сообщает В. М. Лазаревскому, члену совета Главного управления по делам печати: «Дело пустое. Продали ошибкой азбуку. Приказчики уже выпущены. Ждем обедать к 4-м. Некрасов»⁸. Рукою Лазаревского здесь пояснено: «Азбука социальных наук» В. Берви-Флеровского, ч. 1–3, 1871» и далее: «Запечатан магазин Черкесова...»⁹. Обыск в магазине Черкесова в связи с запрещением «Азбуки...» был произведен в начале ноября 1871 года. Было отобрано 297 экземпляров, остальные 901 успели продать. Купил ли Некрасов книгу в эти дни? В описи карабахской библиотеки указаны три книги, запрещенные цензурой. Можно предположить, что таких изданий было больше.

В 1870-е годы Некрасов хорошо знал известного в Петербурге букиниста Гумбольта, специальностью которого была торговля запрещенными, («ожеными») книгами. И, вероятнее всего, Некрасов не только был знаком с ним, но и состоял в числе его покупателей¹⁰.

В ежегоднике «Памятники культуры» за 1979 год было впервые опубликовано неизвестное до тех пор письмо А. К. Толстого Некрасову от 21 марта 1867 года. В нем, в частности, говорится: «Дней через десять надеюсь поднести Вам экземпляр всех моих стихотворений, которых печатание подходит к концу. Ожидаю от Вас такого же откровенного отзыва, каков был мой насчет Ваших стихотворений»¹¹. Письмо это говорит не только о том, что в 60-е годы между А. К. Толстым и Некрасовым намечались творческие связи, но и о том, что советом и мнением известнейшего поэта и журналиста доро-

жили многие писатели и, конечно, не только А. К. Толстой присылал свои произведения Некрасову.

Особое место в музейном собрании отведено книгам с автографами Некрасова и дарственными надписями поэту. Но эта тема требует отдельного освещения. А пока в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова продолжается научно-исследовательская работа по подбору и комплектованию дублетного фонда библиотеки поэта.

Примечания

¹ *Скабичевский А.* Литературные воспоминания / Под ред. Б. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 219.

² *Ивак У.* Описание русских книжных знаков. М., 1905. С. 205.

³ ИРЛИ РАН, ф. 628, ед. хр. № 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1989. Т. 11. Кн. 1. С. 9.

⁷ Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 113.

⁸ Н. Некрасов // Литературное наследство: В 3 т. М., 1949. Т. 2. С. 51.

⁹ А. А. Черкесов (1839–1908) — владелец библиотеки и книжного магазина (с 1867 г.), который был основан в пропагандистско-революционных целях.

¹⁰ *Некрасов Н.* «Тонкий человек» и другие неизданные произведения / Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928. С. 339–340.

¹¹ Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 года. Л., 1980. С. 103.

А. И. Нечай
А. А. Будко
Л. Д. Иванова

**БОЛЕЗНЬ И ЛЕЧЕНИЕ
НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА
НЕКРАСОВА**

К середине 1870-х годов здоровье великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова стало заметно ухудшаться. Зимой 1874 года он несколько раз приглашал доктора Н. А. Белоголового¹, выпускника Медико-хирургической академии, жалуясь на недомогание, вялость, острую невралгическую боль. Однако он еще держался, работал, бывал в редакции, осуществлял активную деятельность в Литературном фонде, ездил на охоту. Через несколько месяцев боли стали постоянными. Летом 1876 года Некрасовы жили на даче в Чудовской Луке. Отсюда Николай Алексеевич писал в Карабику 11 июля 1876 года: «Любезный брат Федор, мне очень плохо; главное: не имею минуты покоя и не могу спать — такие ужасные боли в спине и ниже уже третий месяц. Живу я в усадьбе около Чудова, почти каждые 10 дней езжу в Гатчино, где живет доктор Боткин; что далее будет со мной, не знаю — состояние мое крайне мучительное — лучше не становится»².

В литературе, освещающей этот период жизни поэта, указывается, что болезнь его была тяжелой и приносила много страданий, но наиболее полно об этом писал в своих дневниковых записях врач поэта Н. А. Белоголовый. Вместе с ним лечением больного занимались известные врачи С. П. Боткин³ и Е. И. Богдановский⁴. Больного лечили свечами из цинка и опия, микроклизмочками с несколькими каплями опийной настойки, экстрактом из ревеня, касторовым маслом, а также применяли очистительные и масляные клизмы и использовали электрическое воздействие на живот⁵.

В диагностическом плане вначале высказывались разные предположения, но со временем становилось все более очевидным, что речь идет о раковой опухоли толстой или прямой кишки. В начале декабря 1876 года больного консультировал работавший тогда в Медико-хирургической академии профессор Н. В. Склифосовский⁶. При пальцевом исследовании прямой кишки он отчетливо определил опухоль величиной с яблоко, которая окружала всю периферию кишки и вызывала значительное ее сужение и приращение к крестцовой кости.

В общих чертах Николай Алексеевич был ознакомлен с диагнозом и понял, что речь идет о серьезном заболевании. Настроение его ухудшилось. Врачи стали увеличивать дозу опия, но Некрасов относился к этому негативно, так как боялся, что это повлияет на его умственные способности, а он использовал малейшую возможность для литературной работы. К этому времени относятся такие его строки:

О Муза! Наша песня спета.
 Приди, закрой глаза поэта
 На вечный сон небытия,
 Сестра народа — и моя!⁷

Применявшееся лечение становилось все менее эффективным. Очистить кишечник не удалось. Больной тяжело страдал. 18 января 1877 года по рекомендации Н. А. Белоголового к Н. А. Некрасову был приглашен хирург профессор Е. И. Богдановский.

Богдановский внимательно осмотрел больного, провел ректальное исследование и счел возможным провести трубку через суженное опухолью место, что ему удалось осуществить с помощью эластичного желудочного зонда. Был достигнут нужный эффект. Такие процедуры повторялись и приносили значительное облегчение больному⁸.

Улучшению настроения способствовало и то, что в январе 1877 года «Отечественных записках» был опубликован цикл стихотворений поэта «Последние песни». Николай Алексеевич даже стал диктовать свою биографию, редактировать и дописывать стихотворение «Баюшки-баю» и поэму «Мать».

1 февраля 1877 года сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич пишет брату Федору Алексеевичу в Ярославль: «...здоровье брата не хуже; приглашен новый доктор, хирург Богдановский, который нашел возможность искусственным образом, с помощью катетера, освободить кишки. Вообще доктора говорят, что болезнь продолжительная и может длиться годы, если только не случится что-нибудь необычайное... Один Боткин все еще стоит на том, что это не рак»⁹.

Спустя неделю у Анны Алексеевны появилась надежда на улучшение состояния Николая, и 8 февраля она пишет: «Любезный Федор, всю эту неделю брату было лучше. Доктора начинают сильно сомневаться, что у него рак, прописали новое средство, совсем против другой болезни, в виде опыта, и говорят, что если через три недели будет хотя малейшее улучшение, то есть еще шансы на спасение»¹⁰.

Сам же Некрасов 12 марта 1877 года писал по этому поводу брату Федору: «При мне постоянно доктор Белоголовый и профессор Богдановский хирург. Боткин ездит тоже. И много их. Оба вышеназванные (Белоголовый и Богдановский) превосходные люди. Я нашел в них друзей»¹¹.

Однако паллиативные меры дали только временное облегчение, и во второй половине марта состояние поэта вновь ухудшилось: нарастали симптомы кишечной непроходимости, устранять которые становилось все труднее. Больной тяжело страдал, стал раздражительным. Встал вопрос об операции, о чем Н. А. Некрасов не хотел и слышать, хотя введение даже тонкого зонда через опухоль становилось трудными мучительным для больного. Но уже 3 апреля 1877 года, как сообщает Н. А. Белоголовый, Некрасов сам обратился с просьбой к лечащим врачам: «Ну, сделайте дыру, что ли? ведь не могу ж я дольше так оставаться?»¹²

4 апреля 1877 года Богдановский, Боткин и Белоголовый назначили операцию на 6 апреля. Операцию должен был провести Богдановский¹³. Здесь нужно, однако, заметить, что когда только впервые встал вопрос об операции, сестра поэта А. А. Буткевич обратилась через знакомого в Вене к известному хирургу профессору Теодору Бильроту¹⁴ с просьбой приехать в Петербург и сделать операцию брату. 5 апреля пришло согласие Бильбота, за проезд и операцию он запросил 15 тыс. прусских марок. Лечившим больного врачам, в том числе и Богдановскому, пришлось согласиться с принятым решением и ожидать приезда Бильбота, хотя они отчетливо понимали экстренную необходимость в разгрузке кишечника оперативным путем.

Профессор Т. Бильрот прибыл в Петербург вечером 11 апреля 1877 года, и его ознакомили с историей болезни. 12 апреля он осмотрел больного и переговорил с Богдановским о некоторых приготовлениях к операции и о времени ее проведения.

Операцию производили под хлороформным наркозом на квартире поэта (Литейный пр., 36). Операция — колостомия¹⁵ в левой поясничной области — продолжалась 25 минут. Больной перенес вмешательство хорошо.

Профессора Т. Бильрот и Е. И. Богдановский утром, днем и вечером делали перевязки. На третий день в дополнение к перевязке и ирригации воды в кишку Бильрот стал растирать живот намашенной рукой, и колостомы стала функционировать. На следующий день утром Бильрот уехал в Вену, пробыв в Петербурге 3 дня.

Постоянно лечением больного занимались в основном Богдановский и Белоголовый. Рана частично нагноилась, и через колостому ежедневно проводились промывания кишки. Через месяц после операции Н. А. Некрасов стал вставать с постели и ходить по комнате, но был очень слаб и боли в животе возобновились.

«Любезный брат, — пишет сестра Федору, — послезавтра будет четыре недели, как сделали операцию брату, до сих пор рана еще не зажила, два шва упорно держатся, а следовало бы им давно отойти... Местная болезнь, по-видимому, осталась в той же силе, только припадки изменили характер: теперь он вскрикивает буквально через каждые двадцать минут, боль продолжается недолго, но зато нет ему покоя ни днем, ни ночью.

В Фомин понедельник брат женился, это было для меня тяжелым сюрпризом, именно случилось тогда, когда я наименее этого ожидала»¹⁶.

Со своей будущей женой, Феклой Анисимовной Викторовой, которую сам Некрасов и все его знакомые называли Зинаидой Николаевной, он познакомился в начале 1870 года, когда ей было 19 лет¹⁷. Охарактеризовать их отношения можно словами самого поэта, подарившего своей подруге том стихов с трогательной надписью: «Милому и единственному другу моему Зине. Н. Некрасов. 12 февраля 1874». В устах сдержанного и замкнутого Некрасова эти слова означали очень многое¹⁸.

Между тем болезнь прогрессировала, страдания становились непереносимыми даже для окружающих. Опий, который вводили три раза в день, уже почти не помогал. В одну из таких тяжелых бессонных ночей Некрасов набросал стихи, посвященные Зине:

Двести уж дней,
 Двести ночей
 Муки мои продолжаются
 Ночью и днем
 В сердце твоём
 Стоны мои отзываются, -
 Двести уж дней,
 Двести ночей!
 Темные зимние дни,
 Ясные зимние ночи...
 Зина! закрой утомленные очи.
 Зина! усни!¹⁹

Зина оказалась преданным другом и надежной сиделкой, как и сестра поэта. В последний год жизни Николай Алексеевич посвящает Зинаиде Николаевне еще одно стихотворение:

Подвинь перо, бумагу, книги!
 Милый друг! Легенду я слышал:
 Пали с плеч подвижника вериги,
 И подвижник мертвый пал!..
 Говори, что ты довольна другом:
 В торжестве одержанных побед
 Над своим мучителем недугом
 Позабыл о смерти твой поэт!²⁰

Испытывая нежность и благодарность к Зине за ее самоотверженность, Некрасов, несмотря на свое отчаянное положение, принял решение — обвенчаться с ней, т. е. вступить в законный брак. Это было нелегко, надо было обойти церковные правила, требовавшие, чтобы подобные обряды производились в церкви.

Друзья поэта, желая помочь ему, подговорили под строжайшим секретом священника из домово́й церкви венчать их на дому, но тот, узнав, что по городу уже ходят слухи, наотрез отказался, не желая рисковать местом. Отказал и митрополит Исидор, сославшись на церковные уставы.

Помощь пришла от военного духовенства. Через военное ведомство достали походную церковь-палатку, поместили ее в зале некрасовской квартиры, и здесь же, поддерживая за руки, обвели его три раза вокруг аналоя, уже полумертвого от страданий. Он был при этом босой и в длинной белой рубахе.

После совершения обряда венчания Некрасов успокоился — Зина приобрела законные права и могла лучше устроить свое будущее.

В июле Некрасов все же переехал на дачу (Черная речка), но в августе вновь вернулся в город. С каждым месяцем состояние здоровья поэта ухудшалось: уменьшился аппетит, нарастала общая слабость, появились отеки на обеих ступнях. Цвет лица стал зеленовато-бледным. Постоянные переживания, страдания и раздумья тяжелобольного поэта («Тяжело умирать, хорошо умереть») вылились в такие строки:

Нет! Не поможет мне аптека,
 Ни мудрость опытных врачей:
 Зачем же мучить человека?
 О небо! смерть пошли скорей!²¹

6 декабря 1877 года известный книгоиздатель А. С. Суворин пишет Некрасову: «Как-то Вас бог милует. В последнее время я слышал, что Вам решительно лучше и что прошло то время, когда говорят больному, что “дни его сочтены”, и дай Вам бог пожить еще если не для себя, то для родной литературы»²².

К 1877 году относятся и такие строки поэта:

Вам, мой дар ценившим и любившим,
 Вам, ко мне участие сохранившим
 В черный год, нависший надо мной,
 Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
 Верен: «в горе жить —
 Некручинну быть» —

И больной работаю полгода,
Я трудом смягчаю свой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!²³

Однако в декабре состояние больного резко ухудшилось, хотя колостома функционировала без каких-либо осложнений. Наряду с усилением общей слабости появились постоянные и нарастающие боли, отеки на ногах. 14 декабря наблюдавший поэта Н. А. Белоголовый определил, как он записал, «полный паралич правой половины тела». Больной был осмотрен С. П. Боткиным. Сознание и речь были еще сохранены. С каждым днем состояние ухудшалось, появились симптомы приближающейся смерти. Больной очень страдал. 26 декабря Николай Алексеевич поочередно позвонил к себе жену, сестру и сиделку и с каждой из них попрощался. Вскоре сознание покинуло его, и через сутки, вечером 27 декабря 1877 года (8 января по новому стилю), Н. А. Некрасов скончался.

На следующий день в 10 часов вечера (вероятно, на квартире поэта) профессор В. Л. Грубер провел вскрытие. В средней трети прямой кишки определялась большая, бугристая, распадающаяся раковая опухоль, полностью перекрывавшая просвет кишки. Ни канцероматоза брюшины, ни метастазов опухоли в печень или другие органы не было выявлено. Местное же распространение опухоли было значительным и сопровождалось прорастанием в крестец и мочевой пузырь.

30 декабря 1877 года Петербург простался со своим народным поэтом, выразителем дум и чаяний простых людей, великим патриотом России.

Николай Алексеевич Некрасов умер в возрасте 56 лет и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

Примечания

¹ Николай Андреевич Белоголовый (1834–1895) — врач и писатель, друг С. П. Боткина.

² Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 24.

³ Сергей Петрович Боткин (1832–1889) — академик и заслуженный ординарный профессор Военно-медицинской академии, крупнейший русский клиницист и основоположник русской научной клинической терапии.

⁴ Евстафий Иванович Богдановский (1833–1888) — выдающийся врач-клиницист, педагог, искусный хирург.

⁵ Белоголовый Н. А. Болезнь Николая Алексеевича Некрасова. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 438–476.

⁶ Николай Васильевич Склифосовский (1836–1904) — один из выдающихся русских хирургов-новаторов, профессор Медико-хирургической академии, крупный военно-полевой хирург.

⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 3: Стихотворения 1866–1877 гг. Л., 1982. С. 183.

⁸ Белоголовый Н. А. Указ. соч. С. 453–454.

⁹ Архив села Карабихи. С. 279.

¹⁰ Там же. С. 280.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Белоголовый Н. А. Указ. соч. С. 459.

¹³ См.: Колосов Г. А. Профессор Евстафий Иванович Богдановский. Смоленск, 1898.

¹⁴ Теодор Бильрот (1829–1894) — немецкий хирург, работавший в хирургических клиниках Берлина (с 1855 г.), Цюриха (с 1859 г.) и Вены (с 1867 г.).

¹⁵ Colotomia (искусственный проход для кала) в левой поясничной области, произведена венским профессором Бильротом у нашего поэта Н. А. Некрасова // Врачеб. ведомости. 1877. № 33. С. 1. Автор — аноним (X).

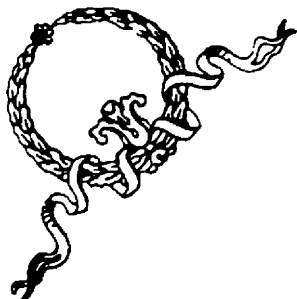
- ¹⁶ Архив села Карабихи. С. 281.
- ¹⁷ См.: *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М., 1935. С. 434.
- ¹⁸ Архив села Карабихи. С. 434.
- ¹⁹ *Некрасов Н. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 179.
- ²⁰ Там же. С. 201.
- ²¹ Там же. С. 184.
- ²² Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. Н. Форгунатова. М., 1987. Т. 2. С. 475.
- ²³ *Некрасов Н. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 199.

ВОКРУГ ПУШКИНА

Н. К. Телетова

О СКАНДИНАВСКИХ ПРЕДКАХ

А. С. ПУШКИНА

В романе «Арап Петра Великого» и в набросках произведений мы сталкиваемся с именами, известными по родословию Пушкина. Но встречаются и такие, которые вызвали подозрения, что взяты они у кого-то из предков, но в силу недостаточного знакомства с генеалогией писателя оставались «глухими», что заставляет с особым интересом к ним обращаться.

Кроме того, естественным является желание узнать истоки родов, соединение которых дало Пушкина. Нет твердой уверенности, где границы известного и неизвестного для писателя, но многое открывается при изучении родословных материалов. Особенно темным остается до сих пор все, связанное с прибалтийскими корнями прабабушки Пушкина Христины-Регины.

Здесь обнаруживаются предки, жившие в Германии, Дании, Норвегии, Швеции. Пушкин знал об этом. И ощущение безбрежности европейских связей, своего соучастия в жизни мира, культуре и нравах этих неведомых и невиданных земель придавало особый пафос его творчеству, а принадлежность России ощущалась на этом фоне с особым волнением и чувством права, ибо его родина отодвигала культурные границы Европы вдаль — «От финских хладных скал до пламенной Колхиды...»

Углубляясь в изучение генеалогии скандинавских родов, мы сталкиваемся со сложностью при воспроизведении этого многолюдства: чем далее уходят корни рода, тем более растет число предков. Геометрическая прогрессия преследует, конечно, всякого генеалога: дедушек и бабушек — два и два; прадедов и прабабушек — четыре и четыре. А затем идут восемь и восемь... Аккуратные записи имен отдаленных предков хранятся в католических и протестантских церквях, а затем переходят в архивы. Порою — до XII и XIII веков. Однако мы не прибегаем к этому почти библейскому принципу, ограничивая исследование двумя веками существования скандинавских родов до Пушкина¹.

Первое место занимает фамилия предков Христины-Регины — Сьёберг, т. е. линия ее отца. Собственно род дворян Сьёбергов начинается с прадеда Христины — Матиаса-Отто. Проследим это родство.

I

Поколение прадедов Христины-Регины

Матиас-Отто (Matthias Otto Siöberg, 01.02.1624–02.02.1692). Получил шведское дворянство в 1668 году от короля Карла X Густава за службу в качестве шталмейстера. Тогда же ему была пожалована земля на одном из Балтийских островов, принадлежавших

Швеции. С этого времени он меняет свою фамилию. Его предки именовались Врангелями, он же ставит подпись под документами — Съёберг, что переводится как «Холм среди моря». Фамилия закрепляется за потомками. Возникает и герб, соответствующий фамилии, — рыцарь, стоящий на островке среди воды. Служил Матиас-Отто в разных местах, в частности в чине лейтенанта в крепости Тавастгус, на финской территории.

По своему происхождению был швед или выходец из Германии на шведской службе.

В 1657–1658 году он женился на NN Маркграф, умершей в 1685 году. Имя ее не сохранилось, судя по фамилии, она была, скорее всего, немкой. Супруги имели двух сыновей и дочь.

II

Поколение дедов Христины-Регины

2/1 Густав Съёберг (1658–1694/95), дед Христины-Регины. Как и все мужчины рода, был военным, на 1677 год лейтенант.

Ж. с 1680 года — Клара-Мария Гальтунг (1651–1698/99), старшая дочь Ларса (Лауритца) Гальтунга, норвежского адмирала, женатого на полунемке-полудатчанке Барбаре фон Грабов. Пятеро их детей рано осиротели, воспитывались девочки у опекунов, мальчики — в военных школах.

3/1 Адам-Клас Съёберг (род. ок. 1660 г.).

Ж. с 1686 года — Юлиана-Элеонора Томсон, дочь капитана.

4/1 Доротея-Элизабет Съёберг (ум. в 1720 г.).

М. Николаус Антоний фон Флак.

III

Поколение отца Христины-Регины

5/2 Матиас-Юхан Съёберг (1680–1742), отец Христины-Регины. Погребен в Ревеле. В 1699 году был в Польше, участвовал в военных действиях, бежал в Ригу (1700 г.). В 1702 году — фенрик (прапорщик), с 1707 года — лейтенант. К 1709 году служит в Ревеле, откуда посылается в Стокгольм с русскими пленными. В 1711 году получает чин капитана 2-го ранга; с 1714 года служит в Сала, затем живет в приходе Сведви до ноября 1719 года. С 1719 года, после выхода в отставку, живет в городке Вестерос близ Стокгольма, где у него был свой дом. В 1721 году, после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира, Петр I предлагает шведским дворянам сохранить свои имения, вступив в русскую службу, что и делает в 1723 году. Матиас-Юхан. В том же чине капитана он направлен служить в крепость Пярну в Эстляндии.

Около 1705 года в Риге он женился на Христине-Элизабет (род. ок. 1685 г.), дочери Георга-Карла Альбедилля (Albedyll) из весьма знатного ливонского рода. Но вскоре военные действия на территории Прибалтики разъединили супругов. Только после морского сражения при Гангуте (1714 г.) ситуация изменилась, и супруга с сыном приехала в Сала к мужу. В следующие годы появились на свет еще шестеро детей. И скудные доходы при большой семье, и наличие земель в Ливонии — может быть своих, но скорее Христины-Элизабет — толкнули Матиаса-Юхана принять русскую службу — в том же чине и в родных для супругов местах. (Семеро детей.)

6/2 Елена-Мария Съёберг (род. 1682 г.).

М. Христиан-Христофор Валькендорф.

7/2 Ларс-Отто Съёберг (род. 1684 г. — убит в 1704 г. в Польше в чине капрала). (Имя в честь обоих дедов.)

8/2 Элизабет-Мария Съёберг (1685–1723).

М. с 1707 года Густав Шалин.

9/2 Карл-Густав Съёберг (1689/90—1745), уже в 13 лет в военной службе, помощник штабмейстера (на посту деда). В 1706 году служит в Польше, драгун. В 1709 году участник Полтавской битвы. Попал в плен. Три версии: к казакам, к калмыкам, к русским, и отправлен в Москву. Бежал, и в 1713 году уже в Швеции. В 1718 году — капитан, в 1719 году вышел в отставку. В 1743 году служит в королевском кавалерийском полку; в 1744 году — квартирмейстер.

Ж. 1 с 1720 года Августа Киль (ум. до 1737).

Ж. 2 с 1737 года Брита Бергелиа.

Карл-Густав умер на 56-м году от рождения.

IV

Поколение Христины-Регины, ее братьев и сестер

10/5 Георг-Карл Съёберг (1706–1757), капитан русской службы в 1746 году, в 1750 году — управитель поместья А. П. Ганнибала Рахула в Эстляндии. Умер в Ревеле и погребен у церкви Нигулисте (св. Николая).

Ж. Анна Барбара Даницкая (шестеро детей).

11/5 Маргарет-Элизабет Съёберг (род. 19.12.1715 в Швеции, поместье Фогельшёе прихода Сведви).

12/5 Христина-Регина Съёберг (весна 1717, Швеция, поместье Фогельшёе прихода Сведви — 13 марта 1781, Суйда). Погребена или рядом с супругом, или у лютеранской кирки в Кобрино, под Петербургом.

М. — А. П. Ганнибал, генерал-аншеф и кавалер двух орденов. (Девять детей. Еще две дочери, Евдокия и Агриппина, рожденные неразведенной первой женой Ганнибала не от супруга, числятся за Абрамом и Христиной Ганнибалами.)

13/5 Юлиана-Шарлотта Съёберг (род. 09.05.1718 в Швеции, поместье Фогельшёе прихода Сведви).

М. с 1742 года Георг-Рейнхольд Роде.

14/5 Катарина (возможно, Катарина-Йозефа) Съёберг (род. 15.01.1720 г. в г. Вестеросе, неподалеку от Стокгольма).

М. с 1744–1745 года Матвей Артамонович Муравьев-младший (1714–1799). С конца 30-х годов он служит в Пярну, где проживает семейство Съёбергов; на 1745 год инженер-подпоручик. По договоренности со свойственником А. П. Ганнибалом летом 1745 года находится в его псковских владениях, где борется с крестьянами, захватившими Ганнибаловы луга (см. об этом статью Н. С. Новикова в газ. «Велуколуцкие были» 25 от авг. 2004 г.). В начале Семилетней войны (1756–1763) Муравьев-младший в чине капитана переведен из Пярну в действующую армию. В 1757 году война перешла на территорию Восточной Пруссии, и с 1758 по 1760 год Кенигсберг оказался в руках у русских. В 1758 году инженер-майору Муравьеву поручается снять планы прусских крепостей. Сохранились два плана, им подписанных, цитадели Фридрихсбург, окружавшей стены Кенигсберга. Чины подполковника и полковника следуют Матвею Артамоновичу в начале 1760-х годов. Затем он возвращается служить в Эстляндию, но уже в Ревель, где становится комендантом Ревельской крепости, видимо, на месте А. Ганнибала. 30 мая 1768 года отправлен руководить работами по устройству Балтийского порта (Палдиски). Какне-то неприятности по службе, связанные с материальной стороной, вынуждают его выйти в отставку — без получения при этом повышения. О бедности

этой ветви рода свидетельствуют письма племянника Матвея и Катарини Муравьевых, писателя Михаила Никитича Муравьева. Так, 21 августа 1877 года он пишет об их сыне Иване своему отцу: «Иван Матвеевич нынешнее лето не был в лагере, затем что денег нет. Ему надобна, по квартирмейстерскому чину, лошадь и пр., а взять негде, так сначала был он в отпуску и жил в Сюйде, а теперя рапортуется больным»².

(Четверо детей.)

15/5 Густав (возможно — Карл-Густав, род. 25.02.1721 г. в Вестеросе).

16/5 Анна-Густавиана, род. 1722/ 23 в Вестеросе.

М. с 1746 года Георг-Симон фон Соколовски.

В традициях рода называть сыновей и дочерей в честь их дедов и бабушек. Этому следуют Юхан и Христина-Элизабет Съёберги. Так, Георг-Карл (старший) получает имя деда — отца матери. Часто детям дают в честь дедов только одно из общепринятых в лютеранстве двух имен, чтобы предоставить второе или другому предку, или чьему-то значимому в семье имени. Так происходит у Маргарет-Элизабет, сестры Георга-Карла. Второе ее имя заимствуется у бабушки, причем у той и другой оно стоит на втором месте.

Третья наследница рода — особо интересующая нас Христина-Регина. Она получает свою половину имени бабки — Христина. Очень вероятно, что одно из двух имен избирается свободно, чтобы обновить путь этого лица в следующие поколения.

Это же касается четвертой, пятой и седьмой наследниц Съёбергов, сестер Христины, ибо имен бабушек уже не хватает.

Рожденный предпоследним Густав (возможно Карл-Густав), конечно же, назван в честь брата отца, имевшего цветистую биографию.

Обратим внимание на краткость жизни всех детей Съёбергов (чьи даты смерти нам известны). Дети вынуждены бороться за существование. Бедность Съёбергов делает понятным, почему в 1734—1735 годах Христина-Регина сходитя с Ганнибалом и в 1736 году тайно венчается с ним в Ревеле — подложная «вечная память» помогает Абраму, уже женатому, обойти закон и избежать скандала, а тяжелая жизнь вынуждает Христину-Регину быть неразборчивой невестой. Как уже говорилось, позже в документах она окажется матерью двух девочек, рожденных первой женой Ганнибала не от супруга. Так к девяти собственным детям присоединятся еще двое, и Пушкин повторит сведения «Немецкой биографии», написанной А. К. Роткирхом, о том, что у Абрама и Христины было одиннадцать детей. Примечательно, что доброта Христины приводит ее к тому, чтобы взять старшую дочь Евдокии (младшая дочь умерла младенцем) в свою семью и воспитывать девочку со своими детьми.

V

Поколение детей Христины-Регины и детей ее брата и сестры

Следующее поколение — дети Христины-Регины и их кузены — завершает историю рода Съёбергов, носителей фамилии, т. е. по мужской линии, о чем указывается в родословных книгах Швеции. Как уже говорилось, из семерых детей Матиаса-Юхана только двое были мальчиками, причем о потомстве младшего из них ничего не известно. Надежда рода связывалась с внуками, детьми Георга-Карла. Но пять дочерей и один сын не восполняли надежд. Притом в холерный 1751 год сын и одна из дочерей умерли. Тогда же, в 1751 году, род Съёбергов в мужских представителях и носителях фамилии, видимо, пресекается.

С особым вниманием Георг-Карл, брат Христины, относился к именам своих детей, понимая всю ответственность перед предками. Рассмотрим эти имена. Старшая дочь получила имя бабушки — Христина-Элизабет. Вторая — имя старшей сестры Георг-

га-Карла, Маргарет-Элизабет. Третий ребенок — имя брата отца Карл-Густав. Далее следовали «гибридные» имена — Шарлотта, Анна.

Известно, что только две сестры Георга-Карла называли своих дочерей именем тетки — Христина-Регина. Между тем среди крестных матерей у детей Георга-Карла мы встречаем и «Frau General-Majorin und Ober-Comendantin von Hannibal» — она крестила в 1744 году племянницу Маргарет. Приведем список детей Георга-Карла:

17/10 Христина-Элизабет, род. 18.06.1742.

18/10 Маргарет-Элизабет, 1744–1751.

19/10 Карл-Густав, 1746–1751.

20/10 Анна-Шарлотта, род. 30.03.1749.

21/10 Катарина-Йозефа, род. 22.12.1751.

22/10 Иоанна-Ульрика, род. 1754 г.

Остановимся далее на потомстве двух сестер Георга-Карла (не дочерей!), т. е. Христины-Регины и Катарины, которые, выйдя замуж, утратили фамилию Сьёберг.

Потомки Христины-Регины, казалось бы, известные более всех других, — это девять детей, среди которых оказался и дед Пушкина Осип-Ианнуарий.

23/12 Иван Абрамович Ганнибал, 1735–1801. Имя дано в честь деда Матиаса-Юхана (по-русски Матвея-Ивана). Холост.

24/12 Елизавета Абрамовна Ганнибал, 1737–1815.

М. Андрей Павлович Пушкин, род. ок. 1728 — умер насильственной смертью в 1763 году (у них сын, умерший в детстве, и две дочери).

25/12 Анна Абрамовна Ганнибал (1741–1810).

М. Семен Степанович Неёлов (1714–1781). (Семеро детей.)

26/12 Петр Абрамович Ганнибал (1742–1826).

Ж. Ольга Григорьевна Данненстерн (1759–1817). (Пятеро детей.)

27/12 Осип (Ианнуарий) Абрамович Ганнибал (1744–1806).

Ж. Мария Алексеевна Пушкина (1745–1818). (Одна дочь.)

28/12 Исаак Абрамович Ганнибал (1747–1808).

Ж. Анна Андреевна Чихачева (1757–1841). (Пятнадцать детей.)

29/12 Екатерина Абрамовна Ганнибал (1750–1751). (Имя дано Христиной-Региной в честь сестры.)

30/12 Яков Абрамович Ганнибал (1752–1760).

31/12 Софья Абрамовна Ганнибал (1759–1802).

М. Адам Карпович Роткирх (Адольф Карлович), 1746–1797. (Шестеро детей.)

Наконец, остановимся на младшей ветке рода, утратившей фамилию Сьёберг, т. е. на детях Катарины и ее мужа М. А. Муравьева-младшего.

32/14 Агриппина (Аграфена) Матвеевна Муравьева (1746–1811). Названа, по-видимому, по имени матери Муравьева.

М. Петр Антонович Костливцев (1724–1786), вице-адмирал. (Потомство неизвестно.)

33/14 Петр Матвеевич Муравьев (ок. 1747–1771), поручик. Убит на войне. Холост.

34/14 Иван Матвеевич Муравьев (ок. 1752 — после 1813). Об Иване Матвеевиче много пишет его кузен Михаил Никитич Муравьев³.

Ж. Пелагея Григорьевна Базанина (1754–1804). (Восемь детей, пятеро из них умерли в детстве.)

35/14 Захарий Матвеевич Муравьев (1759–1832).

Ж. Елизавета Карловна Поссе (1760–1815). (Пятеро детей, двое из них умерли в детстве.)

VI

36/35 Артамон Захарович Муравьев (1793–1846), полковник, декабрист.

Ж. с 1818 г. Вера Алексеевна Горяинова (1790–1867). (Трое детей.)

37/35 Александр Захарович Муравьев (1794–1842), генерал-лейтенант.

Ж. Баронесса Елена Александровна Корф (1788–1846).

38/35 Екатерина Захаровна Муравьева (1796–1879), кавалерственная дама. Названа в честь бабушки.

М. с 1816 г. гр. Егор Францевич Канкрин (1774–1845), министр финансов, сенатор. (Шестеро детей.)

Пушкин отлично знал о родстве с Канкриным через Муравьевых. Так, 30 июля 1830 года он писал невесте: «Перечитывая письмо Афанасия Николаевича, вижу, что он не собирается больше закладывать свое Заводское имение, а хочет, по моему совету, просить о единовременном пособии. Это другое дело. В таком случае я сейчас же отправляюсь к своему кузену Канкрину просить у него приема» (XVI, 414). Впрочем, Канкрин через свою жену доводился кузенком (троюродным братом) не Пушкину, но его матери: Пушкин знал о родстве, но высчитывать его степень не удосуживался.

Ветка рода Муравьевы-Съёбберги оставалась совершенно неизвестной — даже наследникам, ныне здравствующим. Ставим ее на соответствующее место.

Завершая анализ шести поколений наследников рода Съёбберг, заметим, что породнение с более знатными и древними родами дворян Прибалтики оказалось возможным для Густава (второе колено) и его сына Матиаса-Юхана. Именно жены придали своим супругам земельные владения — источник благосостояния, подробно исчисленного в шведских и норвежских генеалогиях. Северная война, однако, разделив эти владения на шведские и русские, не способствовала зажиточности рода, который следует отнести к среднему служилому дворянству, а в конце — скорее всего и бедному.

Познакомившись с историей рода Съёббергов, остановимся на известных по шведским и норвежским источникам более далеких предках двух родов — Гальтунг и Грабов. Что касается фамилии Альбедиль, то она уже представлена недавно в других изданиях⁴.

Самой древней и существующей ныне фамилией среди предков Христины-Регины следует назвать фамилию фон Грабов. Описание этого немецкого рода хранится в Бранденбургском архиве Германии и фиксирует начало рода с XII века. Позже род переселяется в Данию. Первым рожденным в Дании называется Иохим Грабов, сын Ханса. Представим этот род с XVI века.

Ханс Грабов (1549–1625), житель Бранденбургской марки, переселившийся в Данию в 1582 году. — Иохим Грабов (1599–1634), род. Дании. Ж. — Марен, дочь Стенсена, датчанина (1592–1645). У них четверо детей, считающихся датчанами. — Младшая из них — Барбара Грабов (1631–1696). С мая 1650 года она жена норвежца, адмирала флота Ларса (Лауритца) Гальтунга (1615–1661). Два сына и три дочери, старшая из детей — Клара Мария Гальтунг (1651 — 1698/99, Швеция). М. с 1680 года Густав Съёбберг (ум. в 1694/95). Три сына и две дочери. Старший из них — Матиас-Юхан (1680–1742). Ж. — Христина-Элизабет Альбедиль.

Таким образом, дочь Съёббергов Христина-Регина наследует своим немецким, датским, норвежским и шведским предкам, а вступив в брак с африканцем, передает своим

детям удивительное смешение свойств, обогащенное, наконец, еще одним наследством через брак сына Христины-Регины Иосифа с русской дворянкой Марией Пушкиной. Поскольку Иосиф рождается в России и принадлежит, как и его отец, к православной церкви, то русское начало в его дочери Надежде, а затем в знаменитом его внуке Пушкине главенствует. Но как сознательное, так и стихийное начало позволяют поэту на таинственном уровне проникать в мир, казалось бы, незнакомый, открывающийся его гению.

Так что же знал о своих дальних предках по линии прабабушки Христины-Регины ее правнук? В его творчестве дважды встречается имя Адам. В первом случае это Густав Адамыч, упомянутое в 1827 году в романе об арапе, а во втором — Адам Адамыч, в наброске «Романа на кавказских водах» осенью 1831 года. То есть в обоих случаях имя упоминается после получения Пушкиным в июле 1827 года копии «Немецкой биографии», составленной Адамом Роткирхом. Имя этого двоюродного деда, а также имена шестерых детей с отчеством «Адамовичи», конечно, были известны поэту и прежде, но теперь появилось желание каким-то образом использовать его в кругу персонажей. В «Романе на Кавказских водах» ловкий курортный лекарь Адам Адамыч обходит неповоротливого украинца с фамилией, отдаленно ассоциирующейся с хлопотами:

«Хлапенко, малор<осс> лекарь <...>. Едет коляска с дамой Моск<овской> — Хлап<енко> опазды<вает>, — немец берет его место — куда вы Адам Адам.<ович>?». (Конечно, отчество следует написать как «Адамыч», а не Адамович, как это представлено в издании (см.: VIII, 968).

Интереснее случай первый. В представленных выше генеалогических таблицах мы не раз встречаем имя Густава. Густав — это старший сын родоначальника Съёбергов, женатый на дочери адмирала Гальтунга, прямой предок Христины-Регины, ее дед. Скорее всего, его второе, опущенное имя было «Адольф», но в России, быть может, по неприятным ассоциациям с именем шведского короля Густава II Адольфа (1594–1632), нападавшего на Псков, имя это всегда заменялось именем Адам, внесенным в православные святцы. Шведский источник вообще не называет второго имени этого Густава Съёберга.

Следующий носитель этого имени — младший брат Мариаса-Юхана Карл-Густав, родной дядюшка Христины-Регины. В романе «Арап Петра Великого» пленный швед живет в петербургском доме Ржевского. Он до VII, заключительной, главы — танцмейстер без имени. Указывается, что он был пленен под Нарвой, очевидно, тогда, когда Петр I одержал победу, т. е. в 1704 году. Но вот Валериан называет его — и зовут его Густавом Адамычем. Но Густавом зовут и дядю Христины, и он побывал в русском плену, хотя попал в него не под Нарвой, а после Полтавы, т. е. в 1709 году. Шведский источник о пленении этого Густава (Карла-Густава) Съёберга сообщает три версии: или он попал к казакам, т. е. на Украину, или к калмыкам, т. е. в низовья Волги, что маловероятно, и, наконец, будто бы был доставлен в Москву, откуда бежал и в 1713 году оказался в Стокгольме. Заметим, что взятых в плен под Полтавой отослали в Сибирь, а позже обменяли, вернув русских, отправленных в Швецию, — об одном таком рейде сообщается в биографии Мариаса-Юхана, отца Христины, который в 1709 году доставлял 217 русских пленных в Стокгольм. Несомненно, Карл-Густав был самым интересным лицом в роде Съёбергов. Не этот ли дядюшка Христины подсказал Пушкину как имя, так и часть биографии для пленного шведа в романе? Впрочем, пленные шведы жили и в доме вице-губернатора Ю. А. Ржевского в Нижнем Новгороде в 1721 года⁵.

Был и третий Густав — младший брат Христины-Регины, о котором нам ничего неизвестно. И, наконец, четвертый — рано умерший племянник Христины Карл-Густав.

Что касается отчества танцмейстера-шведа в романе — Густав Адамыч, то оно, конечно, взято Пушкиным у Адама Роткирха, хотя имя это однажды и появилось в генеалогии рода — это Адам-Клас, брат деда Христины.

Насколько хорошо знал эту генеалогию Пушкин? Некоторое знакомство с нею несомненно. Знал ли Пушкин этот шведский сюжет о пленном, фамилию которого будет позже носить его прабабушка? По-видимому — знал, давая имя Густава Адамыча, составленное из имен отдаленных предков.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оной — постыдное малодушие», — писал Пушкин, память которого охватывала близких и далеких, хорошо известных и только теньями проходящих через столбцы «столбовых» дворян — русских и скандинавских предков поэта, входивших в историю Европы и ее формировавших.

Примечания

¹ Использованы следующие работы: Lihaug Elin Galtung. Grabow, Galtung — og Pusjkin // Norsk Slektshistorisk Tidsskrift. Utgitt av Norsk Slektshistorisk Forening. Bd. XXXIX. Hefte I. Oslo, 2003. S. 93–133; Knutsson Knut, Stallmstaren Matthias Otto (sson) Wrangel Siöberg och hans adliga ätt // Personhistorisk Tidsskrift. 1971/1972. S. 48–73.

² Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 273.

³ Там же.

⁴ См.: Катин-Ярцев М. Ю. Роспись прибалтийско-немецких предков А. С. Пушкина // Предки А. С. Пушкина. М., 1999. С. 76–82; Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 292–294.

⁵ См.: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 94.

Е. В. Гусарова

**«ГЕНЕРАЛ ИНЖЕНЕР
АВРАМ ГАНИБАЛ»
И СТРОИТЕЛЬСТВО КАНАЛА
В АСТРАХАНИ
(«АНТИНАБОКОВ»)**

«Из всех предков Пушкина прадед его Ганнибал занял первое место <...> по <...> бесконечным спорам, ибо неизвестного об этом африканце было много более известного», — пишет автор книги о нашем герое¹. Про «ганнибаловские загадки» говорит и публикатор русского перевода статьи В. В. Набокова о Ганнибале². Первым среди тех, кто «настойчиво стремился к отгадкам», следует, разумеется, назвать Пушкина, сожалевшего, что «странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям», собиравшегося «со временем» издать «полную его биографию» (VI, 665), отыскивавшего «всякую строку об африканском сподвижнике Петра I»³.

Многочисленных исследователей, «далеко обогнавших великого поэта» в открытии неизвестных документов о его прадеде, в первую очередь занимали такие загадки, как происхождение Ганнибала и место его рождения в Африке, обстоятельства его пленения и подробности привоза из Турции в Россию, история обучения во Франции и драма первого брака... «Вторым жезлоном» идут ответы на вопросы об исчезнувшем из России брате, об отвергнутом портрете, считавшемся изображением Абрама Ганнибала, об авторе «Немецкой биографии» Абрама Петровича, об адресах его в Петербурге и владениях в Псковской и Петербургской губерниях и т. д.

Деятельность Ганнибала-старшего как инженера⁴ меньше привлекала внимание, хотя не раз отмечалось, что в архивах лежит немало нетронутых документов, «поясняющих незаурядные деяния заслуженного генерала»⁵, она в значительной части продолжает оставаться областью загадок.

На сегодняшний день об этой ипостаси «арапа Петра Великого» известно, следующее. Во-первых, Петр, «приметив в своем крестнике арапе хорошие способности»⁶, оставил его во время второго своего заграничного путешествия в Париже «для учения, главнейше же инженерству...»⁷. Во-вторых, Абрам Петров обучался «фортификации и саперному делу» в одной из знаменитых военных школ Франции: то ли в Меце, то ли в Ла Фере, а скорее, последовательно и в той, и в другой⁸. В-третьих, в феврале 1724 года Петр дал распоряжение светлейшему князю определить «Абрама арапа», вернувшегося с патентом капитана французской армии, «поручником в бомбардирскую роту к инженерам» обучать «из молодых в кандукторы»⁹ (а сам он писал про «изустный указ», которым Его Императорское Величество повелел ему «обучать молодых унтер-офицеров и солдат лейб-гвардии архитектуре милитарис»). Сохранился учебник, написанный Абрамом Петровым

для подростка Петра Алексеевича, будущего Петра II, которого он по поручению Екатерины I обучал геометрии и фортификации¹⁰. Есть сведения о работах по инженерной части, использованных А. Д. Меншиковым как повод для высылки не любимого им «ученого арапа», потерявшего своих покровителей, царя и царицу, подальше от столицы — в Казань, в Сибирь, на китайскую границу¹¹. Известно, что в 1730 году его вызволил из ссылки Б.-Х. Миних, остро нуждавшийся в инженерах при перестройке Кронштадтской крепости и доделке Ладожского канала¹². Известно также, что в 1748 году Ганнибалу, тогда обер-коменданту Ревеля, был пожалован орден Св. Анны, как предполагают, «за создание хорошей линии укреплений на севере»¹³. В 1750-е годы переведенный в Петербург и назначенный «управлять искусственною строительною частью Инженерного ведомства»¹⁴, Ганнибал, как свидетельствуют документы, открытые еще М. Д. Хмыровым, особенно плодотворно работал над «исправлением» крепостей на северо-западных и западных рубежах России — Кронштадтской, Рижской, Перновской, Петропавловской (Санкт-Петербургской), «следил за возведением Тоболо-Ишимской укреплениной линии в Западной Сибири», курировал строительство укреплений на юге России «при поселениях Новосербском и Славяносербском, между Днепром и Донцом», «хлопотал о закладке крепости Св. Елизаветы», занимался «рассмотрением проекта постройки Киево-Печерской крепости...»¹⁵. При этом степень изученности последнего «инженерного» десятилетия нашего героя один из его биографов обозначил в 1984 году таким образом: «Можно составить *некоторое представление* (курсив мой. — Е. Г.) о службе А. П. Ганнибала в 1752–1762 годах в Петербурге»¹⁶.

Особенно запутан вопрос о карьере Ганнибала в конце 1750-х годов. С нелегкой руки известного пушкиниста Д. Д. Благого, сославшегося на неназванные дела канцелярии Главного управления артиллерии и фортификации, сложилось мнение, будто в эти годы Абрам Петрович был уже не столь деловит и добросовестен, как ранее: «показывал себя больным», подписывал далеко не все протоколы и журналы, мало бывал «в присутствии» то ли в силу возраста¹⁷, то ли «увлеченный приобретением земель под Петербургом»¹⁸. Иначе говоря, будто Ганнибал, пользуясь свободой от постоянного присутствия на заседаниях в Инженерном доме (что и ныне стоит вдоль главной аллеи Петропавловской крепости), пренебрегал своими служебными обязанностями. Н. К. Телетова даже высказала предположение, что часть этого времени он «провел в своих псковских землях, вероятнее всего, после продажи в мае 1757 г. петербургских владений» (причем она же справедливо называет это время пиком карьеры Ганнибала: в октябре 1759 года он стал генерал-аншефом, а в августе 1760 года получил орден Св. Александра Невского из рук самой императрицы)¹⁹.

Самые резкие, высокомерно-небрежные и, как увидим, несправедливые слова о Ганнибале-инженере (и о Ганнибале-человеке) принадлежат В. В. Набокову. В статье, написанной в 1956 году и опубликованной в английском журнале в 1962 году, Набоков поясняет, что исследовал прежде всего первую треть жизни своего героя и что «последними годами (курсив мой. — Е. Г.) Ганнибала в России» (а это 58 лет!²⁰) не занимался, считая «в главных чертах» этот период «достаточно хорошо изученным»²¹. Тем не менее он нашел нужным съязвить, что «за эти годы» (елизаветинское царствование) вынесший из учебы во Франции «кое-какие сведения о бастионах и контрфорсах» Ганнибал «выказал себя знатоком в устройстве фейерверков в официальных торжествах и в составлении доносов на разных чиновников»²². Возражая Пушкину, считавшему своего прадеда «независимым блестящим человеком», а вместе с ним автору «Русских любимцев» Георгу Гельбигу, собравшему в 1780–1790-е годы при екатерининском дворе сведения, что Ганнибал был «отлично воспитан, имел светлую голову, много прилежания к делу, отличался способностями к военным наукам и умер философом»²³, Набоков дает

такую характеристику: «В действительности <...> Аврам Ганнибал был человек урюмый, раболепный, взбалмошный, робкий, тщеславный и жестокий; военным инженером он, может, и был хорошим, но в человеческом смысле был полным ничтожеством, ничем не отличавшимся от типичных русских карьеристов своего времени, поверхностно образованных, грубых, колотивших своих жен, живших в скотском и скучном мире политических интриг, фаворитизма, немецкой муштры, традиционной русской нищеты и грудастых императриц на бесславном престоле»²⁴. Оставив на совести автора «бесславный престол» и прочее, заметим, что весь этот мизантропический пассаж сильно искажает реальную картину деятельности Ганнибала.

Забегая вперед, скажем, что обнаруженные нами документы освещают образ Ганнибала — и инженера, и человека — иначе. Документы эти относятся к строительству канала в Астрахани.

«Астраханской чрез Солончаки Большой канал», как величают его бумаги XVIII века, сыграл важнейшую роль в пространственном формировании города, стоящего при впадении Волги в Каспийское море. Традиция приписывает замысел канала Петру I, и, хотя документальных подтверждений пока не найдено, похоже, это именно так. В 1722 году царь несколько месяцев жил в Астрахани (в связи с Персидским походом), а это, помимо прочего, было время «строительной горячки» на каналах Вышневолоцкой водной системы и других «водяных коммуникациях» (симптоматично, что по возвращении из Астрахани Петр «тотчас осведомился о Ладожском канале»²⁵). К тому же период с 1718 по 1724 год считают временем «появления самостоятельной русской гидротехнической мысли», главным «генератором» которой, несомненно, являлся сам царь. Понятно, что и в Астрахани Петр не расставался с думами о каналостроении (которое, наряду с созданием новых горнозаводских районов, специалисты относят к петровским мероприятиям, наиболее важным для экономического развития страны). В таком контексте было естественным возникновение у него и в Астрахани идеи прорыть здесь канал, который не только образует удобное для судоходства водное кольцо, соединив Волгу с одним из ее протоков Кутумом, но и осушит заполненную стоячими водами южную окраину города.

Соленое болото к югу от главной астраханской возвышенности служило необходимым звеном в цепи естественных рубежей вокруг русской крепости в первые столетия ее существования. Однако к середине XVIII века этот «Солончак» стал нестерпимой помехой интенсивно развивавшемуся многолюдному портовому, торговому, промышленному городу, ключевому пункту великого волжского пути, административному центру огромного края. В апреле 1744 года, в период губернаторства В. Н. Татищева, одного из самых энергичных и образованных администраторов России (к тому же одного из поздних «птенцов гнезда Петрова»), задуманный Петром I канал начали строить. Осушенные территории были освоены в кратчайшие сроки, еще до завершения канала, во второй половине XVIII — начале XIX века здесь появились «заканалные» кварталы: армянские, персидские, татарские, русские, — город и в южном направлении стал расти в соответствии со своим потенциалом.

Непростая история строительства астраханского канала, казалось бы, известна. О ней писали краеведы середины XIX, рубежа XIX и XX столетий²⁶; в 2000 году вышла книга об астраханце греческого происхождения, крупном промышленнике и благотворителе, на чьи средства это строительство было закончено и именем которого канал стал называться, — Иване Андреевиче Варвации²⁷. Однако до сих пор никто в Астрахани не знал о том, что в течение 10 лет созданием Варвациевого канала руководил из Петербурга Аврам Петрович Ганнибал. Ничего не говорят об этом ни история отечественного инженерного дела, ни область пушкинистики, называемая ганнибаловедением.

Документы о строительстве астраханского канала демонстрируют участие Ганнибала с самого начала его службы командиром Инженерного корпуса — с 1752 года. Уже в этом году, как он диктует в «репорте», собственноручно подписанном «генерал инженер Аврам Ганибал»²⁸, «усмотрев, что оной (канал. — Е. Г.) с непорядочною работою и так долго продолжается», и убедившись, что, несмотря на «принуждение ко окончанию», «подрядчик Щепетильников» того «не учинил», Аврам Петрович представил Военной коллегии требование «командировать во оную Астрахань для точного и обстоятельного об оном канале изыскания <...> из находящихся тогда в Москве <...> инженер подполковника Демарина»²⁹. Однако вместо Отто Карла Демарина «следствие» в Астрахани «произвел» инженер-майор Людвиг Менцелиус. Первые результаты его Ганнибала не устроили: «За некоторыми неисправностями от меня велено оное обстоятельно пополнить»³⁰ (распоряжение, свидетельствующее о далеко не поверхностном отношении главного командира Инженерного корпуса к этой проблеме). Конца сюжета документы не сохранили, но из них следует, что добиваться завершения астраханского канала он продолжал и в следующем году. Поскольку «вышепоказанный Щепетильников <...> оного канала и на тот термин (и в 1753 году. — Е. Г.) не окончил», то астраханская инженерная команда по приказу Ганнибала «приискала» еще и других подрядчиков — «из армян, Залеева и Асатурова», которые, по сравнению с ценой Щепетильникова, «учинили уступку» (он брал по 1 рублю 25 копеек за кубическую сажень вырытой земли, они — по 1 рублю)³¹. Но и этих усилий оказалось недостаточно: как сообщал в «репорте» Ганнибал, «чтоб оной (канал. — Е. Г.) в скором времени совсем ко окончанию приведен был — неуповательно...»³². «Дело канала» двигалось мучительно медленно.

Направлявшиеся «Высокородному и высокопревосходительному господину генералу инженеру и ковалеру Авраму Петровичу Ганибалу» отчеты — месячные, «третные» (т. е. за трети года) и годовые, подписанные командирами астраханской инженерной команды, — о «разных фортификационных работах <...> при Астраханской крепости и при делающемся чрез Солончак Большем канале <...> и что там сработано и на то материалов употреблено», — открывают грандиозную картину строительства, проливают свет на неизвестные эпизоды его истории, доносят до нас любопытнейшие живые, а подчас и страшные подробности³³.

Ганнибал рассматривал отчеты астраханских инженеров, входя во все тонкости, представлял свое мнение о них в Канцелярию главной артиллерии и фортификации и фельдцейхмейстеру графу Шувалову, а в Астрахань направлял «ордерами» распоряжения о дальнейших действиях, предлагая свои технические решения, уточняя планы, корректируя проекты.

Так, в мае 1754 года в ответ на присланные главой астраханской команды инженер-капитан-поручиком Деколонгом «план и профиль на трех листах и опись», Ганнибал, как он диктует, «сочинил план и прожект <...> как наилучче (по мнению моему) устья того канала в реки Волгу и Кутумову укрепить», т. к. в проекте Деколонга «укрепление <...> в устьях того канала положено (по весьма по немалой бываемой прибылой воде) ненадежно...»³⁴ Приводимые далее выдержки из этого и других посланий Ганнибала дают представление как о степени его погруженности в технические вопросы строительства, так и о ясном мышлении прадеда Пушкина, о его слогое, четком и повелительном. Вот как пояснял Аврам Петрович Деколонгу упомянутый выше «прожект»: «...Двояким возвышением сторон канала, продолжа оной в реку, дабы песком устья заносить не могло, до того места, где глубже того канала не менее дву фут было, первое: в профили (чертеже вертикального разреза объекта. — Е. Г.) под литерою Д назначено на учрежденном ростверке (сваях, поддерживающих фундамент. — Е. Г.) каменные стены делать, кои обыкновенно прочнее быть могли. Но, как уповательно, при той кре-

пости камня заготовить дешевою ценою невозможно, то в разсуждение того положено второе, под литерою Е: поднять из дубового лесу рубленными тарасами (деревянными срубамы. — *Е. Г.*) и, наметав во оные щелью, ибо тот лес, уповательно, тамо в недоуругой цене состоит. А при наружи битых сваях, где может опасность от повреждения льда будет, прибить, врезав во оные сваи, железные полосы. Вбитые ж сваи более примечать по квалитету (плотности. — *Е. Г.*) тамошней земли. <...> А хотя нынешнее лето при означенном канале, кроме помянутого укрепления, работы довольно будет, но как особливо битье свай способнее всегда на льду в зимнее время производить, то необходимо в предбудущую зиму исправлять должно. И затем потребно об оном определение заблаговременно учинить, дабы все к тому потребные материалы заготовить, а по наступлении зимы, не упуская времени, то исправление начать»³⁵.

В других случаях помимо чисто инженерных Ганнибал решал еще и градостроительные задачи, продумывая планировку, пространственную организацию и благоустройство будущих, осушенных с помощью канала, территорий. Таковы его резолюции об «учреждении около канала <...> плацов» — площадей «для свободного проезду <...> собрания народа, нагруски и выгруски случающейся из судов припасов...» — и о том, как «на плацах по ширине канала намостить <...> и пред оными чрез канал зделать мосты», а также о «поперешных улицах от того канала...»³⁶.

Главной же заботой Ганнибала при руководстве строительством астраханского канала было, судя по всему, обеспечение его рабочей силой. Неоднократно обращался он с этим к фельдцейхмейстеру Шувалову: «...Определено было астраханской инженерной команде ко окончанию того канала приискивать вольных в наем людей, но токмо никоим образом сыскать было неможно, ибо кроме калмыков около Астрахани никаких российских крестьян в жительстве не состоит. <...> Ныне почти во все лето <...> и по сту человек в день в работе не находилось <...> никакой надежды иметь нельзя, чтоб оной канал в скорости окончан быть мог. А от того ожидать должно, что, по не окончанию онаго, донныне приведенная в состояние часть канала может притти в совершеннейшую ветхость, потому что берега онаго выкладены ис фашин (плетеные из прутьев укрепления береговых склонов. — *Е. Г.*), а доколе канал совсем окончен не будет, воды во оной впускать нельзя, а бес того будучи, фашины на воздухе от перемен онаго весьма скоро погнить могут, а потом из-за них натуральная ль или насыпная земля в канал паки сыпаться принуждена. И так употребленная на строение того канала столь знатная сумма, коей более восмидесят семи тысяч издержано, без наималейшей пользы останется. И в разсуждении таковых обстоятельств, дабы как наивозможно оную бесполезность и ожидаемой в повреждении берегов канала казне Ея Императорского Величества ущерб упредить, за должное нахожу Вашему Сиятельству предложить: не соблаговолите ль <...> откуда надлежит, истребовать присылки к той работе салдат, хотя до пятисот человек, которыми в один год почти весь оной канал окончить можно. А денежной казны и третьей части против исправления вольными людьми употребиться не может»³⁷. А егда онаго числа людей из салдат определено не будет, то вышеизображенного за невпуском воды в канал в берегах фашинам повреждения всегда ожидать должно. Да по такому несъску людей в наем, иначе как чрез определение салдат, и в состоянии оной канал привести будет неможно...»³⁸

«О командировании к тому салдат ни малой надежды иметь не можно...», — отвечал П. И. Шувалов 5 февраля 1757 года³⁹. Напомним, это было время Семилетней войны, «отнявшей у России многие десятки тысяч рабочих рук, растратившей ее живые силы, истощившей ее материальные средства...»⁴⁰ Обсервационный корпус, созданный тогда графом Шуваловым для европейского театра войны и сосредоточенный на северо-западных границах империи, потребовал, помимо прочего, немалых человеческих

ресурсов: от каждого полка, расположенного внутри России, — по 420 человек; недокомплект в гарнизонных войсках был значительный.

Однако Ганнибал продолжал требовать людей «к произведению при астраханском канале работ», повторяя свои аргументы снова и снова⁴¹. И добился своего. Анализ отчетов астраханской инженерной команды за 1756–1760 годы на предмет занятой в производстве канала рабочей силы говорит о неуклонном, в разы, увеличении количества работников в период его руководства Инженерным корпусом⁴².

15 июня 1761 года граф П. И. Шувалов направил в Правительствующий Сенат «о строении Астраханского канала» доношение, в котором повторил аргументы Ганнибала: «...Ныне до такова состояния оной канал доводитца, что осталось только одне головы от устья рек Кутумова и Волги исправить. Итак, в разсуждении того, что естли оные головы зделаны и вода впущена не будет, то фашинник, которым берега укреплены, весь згнить может, а чрез то употребленная сумма уничтожитца напрасно <...> Не повелено ль будет, за неимением теперь во осигнаци на канал денег, означенные головы исправить ис фортификационной суммы...»⁴³ Ответа на доношение в архивном деле нет...

Мы знаем, что через полгода, в декабре того же 1761-го, скончалась императрица Елизавета, в январе 1762 года умер П. И. Шувалов, а еще через полгода был уволен от службы Ганнибал — с формулировкой «по старости», хотя его, 66-летнего, сменил на этом посту 80-летний возвращенный из ссылки Миних. Биографы «вычислили», что «дерзкому» арапу, «защищавшему в Ревеле интересы российские, а не немецкие», отомстил бывший его начальник эстляндский губернатор, родственник новоиспеченного императора Петра III, принц Петр Гольштейн-Бек⁴⁴. Екатерина II оставила без ответа поданное в июле 1762 года прошение Ганнибала: «...предкам Вашим и Вашему Императорскому величеству верно рабскую мою службу продолжал 57 лет беспорочно, а июня 9 дня неповинно и без всякого моего преступления от службы отстранен...»⁴⁵

А канал в Астрахани — в огромной степени заботами Ганнибала — был тогда почти закончен. Еще в октябре 1756 года Абрам Петрович диктовал: «Токмо невнытая осталась часть не более ста двадцати сажен <...> и некоторые перемерычки, да по обе стороны онаго в реки Волгу и Кутумову выводу...»⁴⁶ В феврале 1762 года астраханский губернатор В. В. Неронов о «делающемся здесь чрез Солончак канале, которой ко окончанию едва не приведен», сообщал: осталось «по обоим концам <...> прорыть земли только сажен по тритцети и совсем в него текущую воду впустить»⁴⁷. В конце 1760-х годов канал, похоже, уже частично функционировал; в апреле 1769 года губернатор Н. А. Бекетов доносил Сенату: «Ныне чрез тот канал Солончак весьма очищается, и городу есть немалая польза. По разведыванью ж <...> от живущих людей противу прежних годов воздух гораздо очистился и живущем людем стал уже невредим, да и приходящим мелким судам в том канале от сильных морских штурмов убежище, и гибели никакой претерпевать уже не будут, как прежде инья в реке Волге всегда претерпевали...»⁴⁸ И побывавший в Астрахани в 1770 году академик С. Г. Гмелин писал: «Канал, соединивший Кутум с Волгою, в недавние времена *проведен*»⁴⁹ (курсив мой. — Е. Г.); на плане города, помещенном в его книге, канал имеет шесть мостов и две дамбы — те самые, у устьев.

После отставки Ганнибала эти устья (всего только устья!) — выводы канала в реки Волгу и Кутум — так и не были доделаны. Чтобы окончить канал без Ганнибала, понадобилось еще полвека. В течение следующих десятилетий «кладенный» для укрепления берегов «в давних прошедших годах» фашинник «пришел в совершенную гнилость», в канал «наплывала» земля «и прочее», он потерял «настоящую профиль», т. е.

четкую форму ложа, «стал похож на огромный зловонный ров» и получил презрительную кличку Канава. Случилось то, о чем предупреждал, чего стремился избежать Ганнибал, — «употребленная» на «дело канала» «весьма знатная сумма» «уничтожилась напрасно»...

С вопросом о достройке канала во второй половине XVIII века не раз обращались в Сенат астраханские губернаторы В. В. Неронов, Н. А. Бекетов, М. М. Жуков, И. С. Захаров. Завершить его удалось лишь в 1817 году — после 8-летней реконструкции на деньги казны и вышеупомянутого И. А. Варвация.

Добавим, что в XIX — начале XX века канал этот стал едва ли не «главной улицей» Астрахани, по престижности сравнивавшейся с Английской набережной Петербурга. Здесь селились в ампирных особняках офицеры Каспийской флотилии, строили доходные дома армянские купцы, устраивали конторы местные рыбопромышленники и судовладельцы; вдоль высаженных по берегу липок прогуливались в модных экипажах астраханские щеголи и светские дамы; зимой на льду канала устраивались конные бега, летом его воды были заполнены всевозможными суденышками, с которых продавали разнообразную снедь: огромное количество всякой рыбы, плоды окрестных садов и бахчей, изделия местных ремесленников (см. открытки с видами Астрахани рубежа XIX–XX веков, живописные полотна Б. М. Кустодиева).

Но все это было потом. А до этого после отставки Ганнибала целых полвека здесь царил «мерзость запустения».

Так открывается роль личности в истории одного канала. В свою очередь, новые факты из истории строительства канала уточняют наше представление об этой личности.

Выше говорилось об устоявшемся мнении, будто с конца 1750-х годов деловитость и добросовестность Ганнибала в отношении службы «несколько уступили место хлопотам по имениям». Документы о строительстве Астраханского канала демонстрируют другое. Вот хронология обнаруженных деловых бумаг по этому вопросу середины — второй половины 1750-х годов с подписью Ганнибала — «репортов», ордеров, резолюций, «мнений», а также материалов, направлявшихся ему на рассмотрение или отвечавших на его «доношения».

1754 год: 26 мая, 11 июля, 12 августа.

1755 год: 7 февраля, 13 февраля.

1756 год: 18 июня, 23 октября, 16 декабря.

1757 год: 5 февраля, 18 марта, 27 марта, 7 мая, 26 августа.

1758 год: 3 апреля, 8 апреля, 17 мая, 26 июня, 3 июля, 5 августа 17 ноября.

1759 год: 16 января, 3 марта, 31 марта, 15 декабря⁵⁰.

Приведенная «статистика» может показаться не слишком убедительной, если не иметь в виду, что в те же годы кроме строительства «при Астраханской крепости» Ганнибал ведал работами во всех других крепостях империи, а их были десятки. В елизаветинское царствование российское фортификационное ведомство делилось на семь департаментов. К первому относились Ингерманландия и Карелия (крепости Петербургская, Кронштадтская, Выборг, Кексгольм, Шлиссельбург, Нарва, Ивангород и Новгород). Второй департамент — Эстляндия и Лифляндия с 10 крепостями. Третий департамент включал 6 крепостей на границе с Польшей. Четвертый — крепости Нежин, Северск, Чернигов, Киев, Переволочна, Украинская линия (10 крепостей). Пятый — Белгород, Изюм, Св. Анны и др. Шестой — Казань, Уфа, Екатеринбург, Самара, Закамская линия (10 крепостей). Седьмой — Архангельск, Новодвинск, Кола, Тобольск, Омск, Томск, Семипалатинск, Нерчинск, Селенгинск и др.⁵¹

Выборочное знакомство с архивными делами конца 1750-х годов по некоторым крепостям юга России с целью выявления роли Ганнибала показало, что распоряжения, согласующие подписи «главного инженера Российской империи», его отчеты Главной канцелярии артиллерии и фортификации, генерал-фельдцейхмейстеру Шувалову, содержат документы о работах в Царицынской⁵², Енатаевской⁵³, Черноярской⁵⁴, Св. Анны⁵⁵, Бахмутской⁵⁶, Торской⁵⁷, Оренбургской крепостях⁵⁸.

Как видим, это значительно расширяет известную на сегодня географию фортификационной деятельности Ганнибала на юге России. К сведениям, приведенным М. Д. Хмыровым, Н. А. Малевановым, Г. А. Леецом о курировавшихся им укреплениях Западной Сибири, добавим, что Абраму Петровичу пришлось тогда же заниматься и Забайкальским краем: в мае 1758 года граф Шувалов поручил ему «разсмотреть, каким образом около Нерчинских и прочих серебрянных заводов от нападения мунгалцов (монголов. — *Е. Г.*) укрепления учинить и какия ко обороне и отвращению набегов меры употребить...»⁵⁹

Историки сообщают об участии Ганнибала в «Комиссии для рассмотрения крепостей», созданной для своего рода инвентаризации всех укреплений империи⁶⁰. Однако, судя по документам, учрежденная в 1757 году комиссия, очевидно, из-за начавшейся Семилетней войны так и не приступила к работе; об этом говорит фраза из «репорта» Ганнибала Шувалову от 21 мая 1758 года: «...О всех российских крепостях комиссия, за раскомандированием назначенных к присудствию генералитета и протчих штап офицеров, никакого начатия не имеет, да и впредь неуповательно, чтоб <...> в скором времени к тому рассмотрению приступить могла...»⁶¹

Но и кроме этого у Ганнибала было немало обязанностей. Помимо руководства всеми фортификационными работами в России, он отвечал за личный состав Инженерного корпуса. Ежемесячно, в том числе и в конце 1750-х годов, он направлял «для ведома» генерал-фельдцейхмейстеру «табели о состоянии» инженерных чинов: «штабных, полковых, при крепостях, при школе, в минерной роте, по департаментам ост-зейском, низовом, украинском, при французской армии», а также «в Париже дворян посольства (так называли инженерных учеников, проходивших стажировку за границей. — *Е. Г.*)»⁶². Кроме того, Ганнибал занимался аттестацией «штап и ундер офицеров и кандукторов (чертежников. — *Е. Г.*)» для произведения «в открывавшиися при Корпусе порозжие вакансии», формировал для этого комиссии, организовывал принятие их членами присяги («клятвенного обещания»). Сохранилась датированная 1758 годом бумага и с его собственной присягой: «Я, ниже именованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, Пресвятым Его Евангелием и Животворящим Крестом Спасителя моего в том, что следующих к повышению атестовать имею по сущей правде, справедливости, ни нароря никому для дружбы и непосягая ни на кого ни для зависти и вражды, но по самой чистой совести, так, как я пред Богом и Его Судом Страшным ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь. У сей присяги был и подписал Генерал Инженер Аврам Ганнибал. К присяге приводил Инженерного корпуса священник Иоан Петров»⁶³.

Продолжалась во второй половине 1750-х годов и педагогическая деятельность Ганнибала, начавшаяся, напомним, еще при жизни Петра I. В истории русского военно-инженерного образования Ганнибал известен как инициатор введения преподавания ученикам военной Инженерной школы гражданской архитектуры, помимо «архитектуры-милитарис» (фортификации), а кроме того, совместного обучения инженеров и артиллеристов⁶⁴. Известно также, что в период его заведования Инженерной школой ее ученики посылались слушать лекции в Академию наук, а затем в учебную программу самой школы включили, кроме специальных, гуманитарные дисциплины: историю

и географию, французский и немецкий языки, механику, аэрометрию и другие науки. В результате этих нововведений А. П. Ганнибала, поддержанных П. И. Шуваловым и разработанных с участием М. В. Ломоносова, инженерное образование стало давать России высококлассных специалистов широкого профиля. «Инженеры составляли в это время людей настолько просвещенных и образованных, что им поручались и разнообразные занятия и постройки, не заключающие в себе военного характера», — сообщает один из историков отечественного инженерного искусства⁶⁵. Чуть позже Екатерина II назвала одно из инженерных учебных заведений «рассадником великих людей России»⁶⁶. О том, что Ганнибал занимался делами Инженерной школы и в конце 1750-х годов, а не ушел тогда, как предполагают биографы, в заботы о приращении своих имений, свидетельствует в числе прочих и документ, относящийся к учебному полигону для практических занятий инженерных и артиллерийских учеников, устроенному ранее по его приказу на Выборгской стороне в Петербурге, собственноручно подписанный им 5 мая 1758 года⁶⁷.

Помимо столичной школы Ганнибал заботился о подготовке инженерно-технических кадров на местах. Известно, что по его инициативе была учреждена школа «для мастеровых малолетних детей» при Кронштадтском канале, где он «сам лично определял всех подростков от 10 до 16 лет в ученье»⁶⁸. Вновь открытый документ добавляет, что такая же школа появилась и в Киеве: по «представлению» Ганнибала в июле 1760 года «никуда не определенных» солдатских детей киевского гарнизона решено было направлять в «тамошнюю инженерную школу»⁶⁹. Пронзительный по человеческому содержанию факт открывается из «репорта» Ганнибала Шувалову от 31 мая 1760 года: глава Инженерного корпуса Российской империи просит за «родных детей» работавшего на строительстве Астраханского канала «каторжного колодника Григоря Колесникова», Данилу 12 лет и Козму 9 лет, «по охотному их желанию об определении во инженерную школу для обучения грамоте и прочим наукам»⁷⁰. «Определить в школу», — гласит стоящая на том же листе помета о решении генерал-фельдцейхмейстера и добавляет: «Решено 7 июля».

Важно подчеркнуть, что, назначенный в октябре 1759 года «главным директором Ладожских каналов и Комиссии Кронштадтских и Рогервикских строений», Ганнибал не перестал быть «начальником всей инженерной части в государстве». Этот факт биографы обходят молчанием, по-видимому, о нем не зная. Но из документов об Астраханской крепости и других видно, что новоиспеченный «директор каналов» продолжал курировать работы по всем крепостям империи (о том говорят, например, архивные бумаги декабря 1759 г.⁷¹ и 1760 г.⁷²). Причем это не было формальностью. Вот в какие подробности строительства порохового погреба в Астрахани вникает Ганнибал в «репорте» Шувалову 5 октября 1760 года: «В присланном плане и профиле обстоятельного дополнения непоказано, а имянно: во-первых, сколько ево (погреба. — *Е. Г.*) поныне начатием построено и что еще доделать надлежит... Також по профили, как глубоко в земле заложен, совсем никакова вида не показано. Да и окон для прохода воздуха по длинноти погреба весьма малочислено назначено — на каждой стороне токмо по два. И по крайней мере надлежит хотя по три зделать. А против длины средняго прохода между стелажими в погреб ни от сеней погребных, ни от противу лежащей стене и совсем окон не зделано, почему в погреб довольно воздуха проходить не может. Да и в окнах железных решеток, хотя и наружи быть, не показано...»⁷³

Приведенные факты свидетельствуют об интенсивной служебной деятельности Ганнибала в конце 1750-х годов. Вопреки утверждению Набокова, он никак не жил «в скотском и скучном мире». Отразившиеся в продиктованных им строках необычайная добросовестность, погруженность в инженерные проблемы от самых широких вопро-

сов до, казалось бы, незначительных мелочей — все говорит об увлеченности, о заинтересованном, можно сказать страстном, отношении к своему делу, как и о неизменном сознании своей ответственности. А это, в свою очередь, предполагает не скуку и прочее, а высокий профессионализм и достоинство.

Об отношении Ганнибала с его непосредственным начальником, генерал-фельдцейхмейстером графом П. И. Шуваловым, биографы сообщают немного, главным образом ссылаясь на известную из сенатского указа размолвку 1759 года, что они «враждовали»⁷⁴. Отношения эти действительно были непростыми. Но все-таки их стычки никак нельзя назвать «интригами», как формулирует Набоков, «типичных русских карьеристов». В подтверждение приведем фрагмент их обширной деловой переписки, демонстрирующий и накал эмоций в отношениях этих незаурядных и очень разных людей, и масштаб их личностей, не позволявший опускаться до мелочной вражды, мести, заставлявший заниматься делом, имея в виду прежде всего интересы государственные⁷⁵.

Итак, в июле 1758 года, получив от Ганнибала рапорт с приложенными отчетами, Шувалов ответил довольно резкой отповедью: «Вашему Превосходительству неоднократно данным от меня ордером повелено: как Вам, так и подкомандующему генералитету, присылаемые из крепостей о работах планы с профили и ведомостями разсматривая, подавать ко мне с Вашим мнением, кои Вами о многих крепостях подаваемы были без мнений, да и ныне от Вас при репорте о Торской крепости без мнения Вашего Превосходительства представили. <...> Чего ради оные к Вашему превосходительству посылаю обратно, о которой изволите <...> разсмотря, какие по укреплению оной надлежит употребить способы, о том положи надлежащее мнение, для рассмотрения представить ко мне. А впредь рекомендую, чтоб в силе прежних моих повелений, как по сему, так и по каждой крепости — что в которой исправить надлежит или что зачем отменить должно, — по рассмотрении Вашем, во мнениях описывать, иминно как того должность требует, и ко мне представлять для апробации. Вашего Высокопревосходительства охотной слуга граф Петр Шувалов»⁷⁶.

Не менее резким оказался поступивший через два дня ответ Ганнибала: «...Вашему Сиятельству донести имею. Хотя и во все крепости о исправлении при оных работ мнения давать по характеру моему за должность почитаю, которыя, как до вступления Вашего Сиятельства над Корпусом команды, так и по вступлении уже немалое время, Вашему Сиятельству по рачительной Ея Императорского Величества моей службе всегда подаваны были, по которым и надлежащие опробации <...> успех имели. А для чего <...> на подаваемые о исправлении при крепостях работ в репортах мнения не описано было, о том Вашему Сиятельству февраля 10, марта 11 и 13, також и 26 чисел сего году репортами довольно изображено — какие я по характеру моему и летам с обидою в том безвинно стерпеливо сносить принужден. Но как на оныя мои репорты я в ответ ничего не получил, а ныне тем Вашего Сиятельства повелением <...> бес всякого уже упоминания о происходимых мне прежде напрасных нареканий, подлежащего мнения от меня требовать изволите, то я во оном ныне опасным себя уже не нахожу и, как моя должность велит, подаваемые от меня к Вашему Сиятельству мнения описывать имею. Чего ради о Торской крепости во исправлении работ согласуюсь и оныя планы с профилями... и ведомости паки при сем представляю <...> Генерал Инженер Аврам Ганнибал»⁷⁷.

Он снова — «паки!» — отослал начальнику возвращенные ему бумаги, с «репортом», в котором фактически повторил, сделав чуть более внятной — «согласуюсь» — формулировку своего кратчайшего «мнения» из предыдущего, возмущившего Шувалова рапорта.

И что же Шувалов? Один из самых могущественных людей империи, «вожак» Сената, «подмявший», как говорят историки, всех других его лидеров, политик, сокрушивший партию всемогущего канцлера Бестужева, действительный генерал-фельдмаршал, «генерал-фельдцейхмейстер, сенатор, Ея Императорского Величества генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-компания подпоручик, государственный межевщик, обоих российских орденов кавалер»⁷⁸, отвечает на этот жест Ганнибала через месяц спокойно и безропотно: «На представленные ко мне от Вашего Превосходительства при репорте о исправлении в нынешнем 758 году при Торской крепости фортификационных работ планы с профили и ведомостями <...> учинены мною опробациею при оной крепости работ резолюции, по которым изволите повелеть, чтоб исполнение в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации <...> от меня же предложено...»⁷⁹ Правда, в подписи нет обычной шуваловской формулировки «Вашего Превосходительства охотной слуга» — только «Граф Петр Шувалов». Зато дальше прилагается составленная самим графом на двух страницах «Диспозиция об исправлении при Торской крепости в нынешнем 758 году фортификационных работ»⁸⁰. Быть может, это «смирение паче гордыни»? Уловка, за которой таится страшная интрига, затеянная, чтобы отомстить «дерзкому арапу»?

Но, судя по дальнейшей переписке, все осталось по-прежнему — их послания сохраняют корректный деловой тон. Например, в марте 1759 г. Ганнибал рапортует со столь же лаконичным изложением своего мнения: «...Присланные о исправленных в Бахмутской крепости в 758 году фортификационных работах <...> репорт и ведомости <...> к Вашему Сиятельству при сем представляю <...> со мнением <...> на котором и ныне остаюсь <...> с представлением от команды согласен...»⁸¹

Очевидно, огромная занятость этих людей, масштаб задач, стоявших перед ними, не оставляли места для мелочных интриг. О том, что Шувалова волновало «дело, а не лица», говорит и тот факт, что в предложенном им регламенте Инженерного корпуса он требовал расширения полномочий генерал-инженера, каковым был Ганнибал, ссылаясь на то, что генерал-инженер «во всех обстоятельствах при фортификации не столь имеет власти, чтоб по искусству мог бы представления производить <...> отчего могут легко произойти остановки...», добиваясь «для государственной великой пользы» равенства его ранга своему, генерал-фельдцейхмейстерскому⁸².

И еще, похоже, что правы те, кто представляет П. И. Шувалова человеком, которого, несмотря на все его амбиции и привычку властвовать, справедливые отповеди, подобные приведенной ганнибаловской, отрезвляли и останавливали⁸³. И совсем не похоже, чтобы Ганнибал в этой ситуации проявил себя человеком «раболепным», «робким», ничем, по Набокову, «не отличавшимся от типичных русских карьеристов»⁸⁴.

Останавливая здесь рассказ об А. П. Ганнибале — создателе астраханского канала, заметим, что история этого строительства — красноречивый пример того урона, который нанесла его отставка целому городу, государственной казне, отечественному инженерному делу. Обусловленная победой немецкой партии при Петре III, отставка эта обрекла энергичного опытного инженера, «выдающегося фортификатора и крупнейшего гидростроителя своей эпохи»⁸⁵, на двадцатилетнее бездействие, на прозябание «под сенью липовых аллей».

Каким диссонансом звучит поверхностно-небрежное набоковское: «...Построив последнюю крепость и запустив последнюю шутиху, он ушел на покой!»⁸⁶ По-видимому, именно подобные проявления имел в виду тот, кто назвал знаменитого писателя «сварливым снобом, хотя и гением»⁸⁷. Показателен факт, что ни при публикации статьи Набокова о Ганнибале в 1995 году, ни при издании набоковских

комментариев к «Евгению Онегину» в 1998 году, ни в монографии Н. К. Телетовой (2004) приведенные эскапады в отношении нашего героя никак не откомментированы. Хотя «тенденциозный», «односторонний» и «попросту ложный взгляд» Набокова на Ганнибала убедительно подвергнут критике еще в 1986 году⁸⁸. Едва ли это «молчание» комментаторов относится к «ганнибаловским загадкам». Здесь ясно читается существующая среди исследователей (начиная с П. В. Анненкова, которому возразил уже П. А. Вяземский) «тенденция» изображать прадеда Пушкина все в том же поверхностно-небрежном ключе — «склочным», «сварливым», «поверхностно образованным» и т. п.⁸⁹ Похоже, история продолжается: при жизни Ганнибал был личным врагом Бирона, подвергался нещадной травле иноземцами-авантюристами в Ревеле — и сегодня поборники прогресса и либеральных «общечеловеческих ценностей», враги традиционной национальной культуры⁹⁰ не могут простить «Абраму-арапу» его горячего российского патриотизма, его искреннего православия. А он тем не менее остается уникальным явлением, выросшим именно в России: из экзотического лакея — в высококлассного специалиста, крупного помещика, генерал-аншефа. Известно ли что-то подобное в других странах, при дворах других государей, где «было издавна в моде держать арапчат, арапов и арапок»?⁹¹

Примечания

¹ Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 3.

² Набоков В. В. Пушкин и Ганнибал: Версия комментатора / Вступ. статья и публ. В. П. Старка, пер. с англ. Г. М. Дашевского, примеч. Н. К. Телетовой // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Виролойнен. СПб., 1995. С. 6.

³ Листов В. С. Легенда о черном предке // Легенды и мифы о Пушкине... С. 54.

⁴ Известным инженером был и один из сыновей Абрама Петровича Иван — строитель крепости и порта Херсона, а также канала при днепровских порогах (об этом см.: *Нестерук Ф.* Предки А. С. Пушкина — выдающиеся деятели водного хозяйства // Речной транспорт. 1962. № 2. С. 59).

⁵ Малеванов Н. А. Прадед поэта // Звезда. 1974. № 6. С. 166; *Фейнберг И. Л.* Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина: Разыскание и материалы. М., 1986. С. 20.

⁶ *Хмыров М. Д.* Генерал-Аншеф Авраам Петрович Ганнибал // Хмыров М. Д. Исторические статьи. СПб., 1873. С. 8.

⁷ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого... 1843. Т. XV. С. 157.

⁸ *Набоков В. В.* Указ. соч. С. 51. Примеч. Н. К. Телетовой. № 83.

⁹ *Ганнибал А. С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографий. СПб., 1913. Вып. I. С. 13.

¹⁰ Хранится в Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук. Старый шифр 17.14.4. Новый шифр — П I Б. 24/1. Предисловие к учебнику с посвящением Екатерине I и краткой биографией автора опубликовано И. Л. Фейнбергом (указ. соч.).

¹¹ *Гастфрейнд Н.* Письма Абрама Ганнибала (архивные документы). СПб., 1904.

¹² *Телетова Н. К.* Жизнь Ганнибала С. 70.

¹³ *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 146.

¹⁴ *Модзалевский Б. Л.* Род Пушкина // Библиотека великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 18.

¹⁵ *Хмыров М. Д.* Генерал-Аншеф Авраам Петрович Ганнибал, араб Петра Великого (биографический очерк по документам) // Всемирный труд. 1872. № 1. С. 143; *Малеванов Н. А.* К биографии А. П. Ганнибала // Пушкин. Материалы и исследования. Т. IV. М.; Л., 1962.

¹⁶ *Леуц Г. А.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1984. С. 148.

¹⁷ *Благой Д. Д.* Абрам Петрович Ганнибал — арап Петра Великого // Молодая гвардия. 1937. № 3. С. 85.

¹⁸ *Телетова Н. К.* Жизнь Ганнибала... С. 80.

¹⁹ Там же.

²⁰ Годом рождения Абрама Петровича установлен 1696-й; в Россию он был привезен из Константинополя в 1704 г.; во Франции обучался с 1717 по 1722 г., в Россию вернулся в 1723 г., уволен в отставку в 1762 г., умер в 1781 г.

²¹ *Набоков В. В.* Указ. соч. С. 37.

²² Там же. С. 38.

²³ [Helbig G.] *Russischje Gunstling*. 1809. Цит. по: Ганнибал А. С. Указ. соч. С. 44.

²⁴ *Набоков В. В.* Указ. соч. С. 40.

²⁵ *Горелов В. А.* Речные каналы в России. К истории русских каналов в XVIII в. Л.; М., 1953. С. 62.

²⁶ *Рыбушкин М. С.* Записки об Астрахани. Астрахань, 1841. С. 129–130; *Штылько А. Н.* Астраханская летопись историческая: Известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни города Астрахани с 1554 по 1896 год включительно. Астрахань, 1897. С. 21, 23, 30–31; *Иллюстрированный путеводитель по городу Астрахани.* Астрахань, 1900. С. 55.

²⁷ *Марков А. С.* Варвакис. Астрахань, 2000.

²⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — ВИМАИВиВС). Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1298, л. 6. Подчеркнем, именно генерал-инженер, а не инженер-генерал: это была должность, а не чин (см. об этом: *Хмыров М. Д.* Генерал-Аншеф Авраам Петрович Ганнибал, араб Петра Великого (биографический очерк по документам). С. 144).

²⁹ Архив ВИМАИВиВС, л. 4 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 5.

³² Там же. Л. 3.

³³ См. об этом подробнее: *Гусарова Е. В.* Как Аврам Петрович Ганнибал Астраханский Большой канал строил // Петровское время в лицах — 2005 (в печати).

³⁴ Архив ВИМАИВиВС, ф. 2, оп. ШГФ, д. 1304, л. 17.

³⁵ Там же. Л. 17 об.

³⁶ Там же. Л. 18, 20.

³⁷ По указу Военной коллегии занятым в крепостных работах вольнонаемным платили по 12 копеек в день, а солдатам полевых и гарнизонных полков — по 3 копейки летом и по 2 копейки зимой (*Савельев А. И.* Исторический очерк Инженерного управления в России. Ч. I. СПб., 1879. С. 97).

³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1298, л. 5–6.

³⁹ Там же. Л. 9 об.

⁴⁰ *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Т. III. С. 275.

⁴¹ Архив ВИМАИВиВС, д. 1304, л. 35 об.

⁴² Конкретные цифры см.: *Гусарова Е. В.* Указ. соч.

⁴³ Архив ВИМАИВиВС, д. 1315, л. 17.

⁴⁴ *Леец Г. А.* Указ. соч. С. 162–163.

⁴⁵ Там же. С. 160.

⁴⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1298, л. 3 об.

⁴⁷ Там же. Д. 1674, л. 59–59 об.

⁴⁸ Там же. Д. 4514, л. 34.

⁴⁹ *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб., 1777. С. 120.

⁵⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1304, 1373, 1298, 1312.

⁵¹ *Савельев А. И.* Указ. соч. С. 94.

⁵² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1306, л. 2.

⁵³ Там же. Д. 1389.

⁵⁴ Там же. Д. 1344.

⁵⁵ Там же. Д. 1381.

⁵⁶ Там же. Д. 1313.

⁵⁷ Там же. Д. 1303.

⁵⁸ Там же. Д. 1387.

⁵⁹ Там же. Д. 1180. Л. 189–192.

⁶⁰ См. об этом: [Фабрициус И. Г.] Главное Инженерное управление. Исторический очерк // Столетие военного министерства. 1802–1902. Ч. I: Очерк первый. СПб., 1902. С. XL–XLI; Леец Г. А. Указ. соч. С. 155.

⁶¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1180, л. 189.

⁶² Там же. Л. 7–10.

⁶³ Архив ВИМАИВиВС Л. 18.

⁶⁴ См.: [Ламан Н. Л., Слуцкий С. А.] Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 96; Леец Г. А. Указ. соч. С. 156.

⁶⁵ Савельев А. И. Указ. соч. С. 88.

⁶⁶ Висковатов А. Краткий исторический очерк Первого Кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 49.

⁶⁷ Там же. Д. 1180, л. 180.

⁶⁸ См.: Нестерук Ф. Указ. соч. С. 58; Малеванов Н. А. Прадед поэта. С. 166.

⁶⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1193, л. 133.

⁷⁰ Там же. Л. 1.

⁷¹ Там же. Д. 1312, л. 36; д. 1315, л. 2.

⁷² Там же. Д. 1315, л. 4.

⁷³ Там же. Л. 4–4 об.

⁷⁴ Леец Г. А. Указ. соч. С. 156; Телетова Н. К. Жизнь Ганнибала... С. 82.

⁷⁵ Отметим факт, приведенный в недавнем интервью А. И. Солженицыным в ответ на вопрос о русской национальной идее — сформулированную П. И. Шуваловым в одном из обращенных к императрице Елизавете проектов задачи государства, — беречь народ как главную ценность (см. о том же: Шувалов Петр Иванович // Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1911. С. 494–495.)

⁷⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ, д. 1303, л. 3.

⁷⁷ Там же. Л. 4 об.

⁷⁸ Титулатура, которой начинаются все направлявшиеся П. И. Шувалову деловые бумаги инженерного ведомства.

⁷⁹ Там же. Л. 5.

⁸⁰ Там же. Л. 6–6 об.

⁸¹ Там же. Д. 1313. Л. 2. Справедливости ради отметим, что в июне 1759 г. Шувалов снова потребует от Ганнибала «представлять» ему «каждое дело порознь, с Вашим мнением...» (Савельев А. И. Указ. соч. С. 109).

⁸² Савельев А. И. Указ. соч. С. 112; Фабрициус И. Г. Указ. соч. С. XXXVII.

⁸³ За эту характеристику Шувалова благодарю знатока истории российского артиллерийского и инженерного ведомства хранителя архива ВИМАИВиВС Лиллу Константиновну Маковскую и, пользуясь случаем, приношу ей глубочайшую признательность за возможность плодотворно работать в названном архиве.

⁸⁴ Набоков В. В. Указ. соч. С. 40.

⁸⁵ Малеванов Н. А. Прадед поэта. С. 166.

⁸⁶ Набоков В. В. Указ. соч. С. 40.

⁸⁷ Цит. по: Глушанок Г. Переписка Набоковых с Профферами // Звезда. 2005. № 7. С. 124.

⁸⁸ Фейнберг И. Л. Указ. соч. С. 20–25.

⁸⁹ Подчеркнем, есть в ганнибаловедении и другая традиция — оценки личности предмета исследования как человека «честной души, воспитанной в строгой школе его крестного отца... в школе долга и любви к Отечеству» (Гастфрейнд Н. Указ. соч. С. 75), «неутомимо старавшегося везде и во всем поддерживать законность <...> защищавшего интересы казны и преследовавшего ее грабителей» (Ганнибал А. С. Указ. соч. С. 39, 42), «заслужившего своим неустанным самоотверженным трудом по завершению ряда дел Петра Великого <...> добрую память в потомстве» (Малеванов Н. А. Прадед поэта. С. 165).

⁹⁰ О сущности такого рода («мыслителей»), о механизме образования их общности («республики словесности», партии и т. п.), о закономерностях их образа действий, наконец, о страшном феномене «общечеловеческого патриотизма» см.: Кошен О. Малый народ и революция / Пер. с фр. М., 2004. С. 12–17, 21–43, 219–232.

⁹¹ Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 11.

В. П. Старк

ПУШКИН И РОД ПЛЕЩЕЕВЫХ

Среди многочисленных знакомых Пушкина есть лицо, по поводу которого в настоящее время появилась возможность уточнить не только характер его отношений с поэтом, но и то, что связывало их отнюдь не только знакомство и переписка — но и родственные узы, восходящие к самым знаменательным фигурам русской истории. Это Александр Павлович Плещеев (1793–4. VII.1867), происходивший из дворян Пензенской губернии, воспитанник 2-го кадетского корпуса в Петербурге, переведенный 7 марта 1818 года из 23-й артиллерийской бригады в Петербург, в гвардейскую артиллерию. Их знакомство можно отнести ко времени пребывания юного поэта в Петербурге. Там Плещеев служил до 6 сентября 1827 года, когда Пушкин вновь поселился в столице. К концу жизни Пушкина, с 1835 года, полковник Плещеев становится командиром 5-й артиллерийской бригады, дослужившись впоследствии до чина генерал-майора (1839)¹. Живя в Петербурге, Плещеев был тесно связан с кругом Л. С. Пушкина и С. А. Соболевского, о чем свидетельствует приписка неизвестной рукой на обороте письма Пушкина к брату от 14 марта 1825 года: «Приходи к Плещееву вкушать трапезу с... — Там будут институтки и вас зовут. Г.»². Известное общение Плещеева с самим Пушкиным относится к 1830-м годам и связано с долгом Льва Сергеевича Пушкина Плещееву, составлявшим немалую сумму в 2000 рублей и 30 червонцев. Этот долг образовался в то время, когда Лев Сергеевич, исключенный со службы за неявку вовремя в полк, в ожидании решения своей судьбы — замены исключения отставкой — прожил два года в Варшаве, оставив ее 5 октября 1833 года³. Долг этот при отъезде Л. С. Пушкина из Варшавы взял на себя его приятель, адъютант тогдашнего наместника Польши И. Ф. Паскевича Владимир Иванович Аничков. Он пригласил с собой Льва Сергеевича, направляясь по службе в Петербург, где рассчитывал получить должные деньги.

История оказалась не столь короткой и разрешилась значительно позднее, когда поэт, наконец, рассчитался за своего младшего брата. Очевидно, что когда они ехали в столицу, то весь расчет по уплате долга также был сделан на Пушкина. Однако материальные обстоятельства самого Пушкина оставляли желать лучшего, и долг не был уплачен тотчас. Уже 18 января 1834 года Л. С. Пушкин писал А. П. Плещееву: «Надежды мои на заем в Петербурге денег рушились, ибо мало людей, готовых, подобно тебе, помогать другому; голод и неурожай лишили нынешний год моего отца почти всякого дохода; дела брата расстроенынее прежнего, и я не могу надеяться на его помощь. С самого приезда в Петербург я живу в долг, не имея даже средства доставить в Варшаву необходимую и довольно незначительную сумму на уплату долгов весьма тягостных. Все сие не дозволило мне кончить с Аничковым дела касательно твоего перевода; он просил меня тебя об этом уведомить. Грустно и совестно перед ним и перед

тобою, но нельзя сделать невозможного, и я остаюсь должным прежние две тысячи и тридцать червонцев»⁴. В комментарии к указанной первой публикации этого письма по поводу упомянутого «перевода» в сочетании с именем Аничкова сказано: «Очевидно, Л. С. Пушкин хотел посособствовать с его помощью переводу Плетцеева из Польши»⁵. Подобное впечатление действительно могло сложиться, исходя из содержания другого письма, публикуемого в том же издании и давно известного. 26 апреля 1834 года Н. И. Павлищев пишет из Варшавы А. С. Пушкину о долге Льва Сергеевича: «Долг этот каким-то образом принял Аничков на себя, в надежде получить деньги от Л. С. в Петербурге. Денег он не получил, а между тем Плетцеев, по случаю сдачи своей роты попавши в трудное положение, требует платежа от него»⁶. Однако явно следует понимать не перевод по службе Плетцеева, а перевод долга ему Льва Сергеевича на Аничкова, от чего тот теперь и отказался, не получив ничего в Петербурге.

Несмотря на свои огромные долги, Лев Сергеевич снимал дорогой номер в доме В. В. Энгельгардта и посещал самые дорогие рестораны. Только 29 апреля 1834 года Пушкин уплатил за брата Энгельгардту за квартиру 1330 и за ресторацию 260 рублей. На самом деле, за квартиру брата Пушкин не уплатил наличными, а 3 мая 1834 года выдал Энгельгардту вексель, и расплатилась по нему с Энгельгардтом уже только опека над детьми Пушкина в мае 1837 года. Всего же с апреля до конца июля 1835 года Пушкин уплатил за брата 6768 рублей, об этом он сделал приходо-расходную запись⁷.

Не получив денег от Л. С. Пушкина, Плетцеев, сдавая роту, передал заемное письмо штабс-капитану Якову Филипповичу Эйхбергу. Последний 3 ноября 1834 года обратился к Николаю Петровичу Беклемишеву, которому Плетцеев поручил посредничество между ним и Пушкиным, с объяснительным письмом: «Положение мое с долгом Пушкина не совсем завидное; я при болезни и нуждаюсь в деньгах, а он по сие время не присылает. Зделайте милость не оставте быть в сем деле моим ходатаем, что совершенно на вас возложено от Александра Павловича» (XV, 200). Письмо было адресовано на квартиру отца адресата шталмейстера двора Петра Никифоровича Беклемишева⁸, который в тот же день обратился с письмом к А. С. Пушкину: «Прошлого года я имел честь принять от батюшки вашего верное обещание, что я посредством Вас, милостивый государь! получу деньги, занятые братцом Вашим, 2.000 руб. у полковника Плетцеева, родного моего племянника, который, не имея никакой собственности, в уважение просьбы и обстоятельств его кинулся к помощи и был уверен, что его дружеский поступок не поставит его в то трудное положение, в каком он теперь находится по письму, мною на днях от него полученному, которое к объяснению Вам, милостивый государь, в том истины я при сем прилагаю и, поруча сие справедливости, не смею в Вашем уважении сему делу не быть в совершенной благонадежности» (XV, 199).

Из письма следует, что сестра П. Н. Беклемишева была матерью А. П. Плетцеева. Приложив процитированное письмо Я. Ф. Эйхберга, находившегося на излечении в петербургском сухопутном госпитале, П. Н. Беклемишев в постскриптуме просит прилагаемое письмо возвратить. В конце того же 1834 года, 28 декабря, Пушкин уплатил Плетцееву 1500 рублей в счет долга брата. Об остатке должных денег поэту напомнил Плетцеев письмом от 5 июля 1835 года из г. Проскурова Каменец-Подольской губернии, где была расквартирована его бригада: «Весьма тебе благодарен за высылку 1500 рублей, в счет двух тысяч и тридцати червонцев, должных мне твоим братом, об сих, изволишь видеть, червонцах кажется, тебе Лев ничего не говорил...» При этом он пишет: «Господь Бог ниспосылает на ум тебе скаски и повести, кои ты печатаешь и продаешь, вырученные за оные деньги не бросаешь в Неву реку, а поди чай кладешь в шкатулку: вынь оттуда 500 рублей и 30 червонцев; будь друг и благодетель пришли ко мне; а в

проценты пришли бунт Пугачева, до нас еще эта книжица не дошла, в нашей стороне больше питают брюхо нежели голову (за исключением винных паров, коими преисполнены головы всех классов, полов и родов людей). Прощай будь здоров умен богат и развратен как Саломон». Подписался он коротко: «*Твой Плещеев*» (XVI, 37). Подобная подпись и обращение на «ты», несомненно, свидетельствуют о личном знакомстве. По тону и характеру письма, особенно его концовки, их знакомство действительно следует отнести к годам петербургской юности Пушкина.

Пушкин уплачивал долги брата не только из братских чувств, но и поскольку в начале апреля 1834 года взял на себя управление болдинским имением. Но в середине 1835 года он отказался от управления Болдиным, решив разделить доходы от нижегородского имения, о чем он сообщил и брату письмом от 3 июня 1836 года, в котором припомнил и долг его Плещееву: «...долг Плещееву заploчен (кроме 30 червонцев, о которых он писал ко мне, когда уже отказался я от управления нашим имением)» (XVI, 134).

На самом деле Пушкин не доплатил еще и 500 рублей, о чем вновь напомнил ему Плещеев уже 3 октября 1836 года: «Податель сего есть честный и большой мой приятель, которому я прошу тебя отдать занятые у меня повесою твоим братом 500 руб. ассигнац <иями> и 30 червонцев. Время тебе, Александр Сергеевич, рассчитаться со мною; я выручил твоего брата из беды, а ты даже и не отвечал на мое письмо; заплатил часть долгу, а от другой как будто бы отказываешься; ты не такой бедняк, а я не такой богат, чтобы тебе не платить, а мне не требовать. Большой, коему я прошу отдать деньги, гвардейской конной-артиллерии штабс-капитан Эйхберг и старший адъютант 2-ой артиллерийской дивизии. Вот тебе и вся сказка, которая может быть тебе не так приятна, как нам твои. *Твой покорный слуга А. Плещеев*» (XVI, 163).

По сравнению с предыдущим письмом тон Плещеева изменился, и подписал он свое послание более официально. Пушкин, озабоченный в ту пору изданием четвертого тома «Современника», с которым связывал поправление материальных своих дел, на обороте письма А. П. Плещеева делает запись с расчетом журнала по листам⁹.

В 1847 году А. П. Плещеев выходит в отставку и поселяется в Москве. На следующий год его имя вновь всплывает в связи с Л. С. Пушкиным. В то время брат Пушкина с семьей жил и служил в Одессе. 1 сентября 1848 года он отправляется из Одессы через Москву в Петербург, а затем в Нижний Новгород и Болдино для решения дел по имению.

В пространным письме от 10 сентября 1848 года из Москвы Л. С. Пушкин писал жене Елизавете Александровне, урожденной Загряжской, в Одессу: «Я провел почти весь сегодняшний день с генералом *Плещеевым*, который очень помог мне советами и написал обо мне множество писем своим сотоварищам и властям *Нижнего*». В том же письме он сообщает следующее: «Утром мы с *Плещеевым* ходили в *Чудов монастырь* поклониться мощам Митрополита Св. Алексия, и знаешь почему? Это ведь один из наших предков, нас обоих. Вспомнил я о бабушке, которая в детстве водила меня туда и говорила: *поклонись дедушке*»¹⁰.

Интересно сопоставить эту фразу «поклонись дедушке» со стихами из шутивного коллективного стихотворения, которое приводит Л. С. Пушкин в письме к своему приятелю М. В. Юзефовичу 4 февраля 1833 года из Варшавы:

Дядюшка Игумен
Был ли мне приятен?¹¹

Следует принять во внимание и уточнение этих строк Ал. Н. Вульфом, вспоминавшим: «Рифмы “дедушка-игумен” и прочие набраны были Львом Пушкиным, Панов-

ским, Вронченко и другими их собеседниками в 1832 году в Варшаве»¹². Скорее всего, именно в Варшаве Л. С. Пушкин и А. П. Плещеев сочлись родством с св. Алексеем-митрополитом, бывшим игуменом Чудова монастыря.

В первой публикации этого письма Л. С. Пушкина жене о посещении им с А. П. Плещеевым Чудова монастыря в примечании сказано: «Митрополит Св. Алексий, до пострижения Алферий (ум. в 1378 г.), — известный церковный и государственный деятель XIV в. Плещеевы были в прямом родстве с митрополитом Алексием: основатель их рода Александр Плещей был его родным братом. Родство Пушкиных с митрополитом Алексием проследить пока не удастся; но такова была, во всяком случае, семейная легенда»¹³.

Попытаемся ответить на этот вопрос.

* * *

При обращении к генеалогии рода Пушкиных действительно не находится оснований для установления указанного родства, о котором пишет Л. С. Пушкин. Насколько известно, Плещеевы только однажды пересеклись с Пушкиными во второй половине XVII века — в лице Аграфены Ивановны Пушкиной, дочери московского дворянина, воеводы Ивана Ивановича Пушкина, вышедшей замуж за Андрея Львовича Плещеева¹⁴. Ему принадлежало знаменитое подмосковное село Свирилово, упоминают Пушкиным в Беловой редакции <Путешествия из Москвы в Петербург> в главе «Шоссе», где речь идет об упадке барской Москвы и Подмоскovie: «Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свирилова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями» (XI, 246). Однако от брака А. И. Пушкиной с А. Л. Плещеевым не было потомства, да и принадлежала она к другой ветви рода, нежели А. С. Пушкин и его брат, а значит, это породнение Пушкиных и Плещеевых ничего не могло дать ответа на поставленный вопрос. Следовало обратиться к генеалогии Плещеевых.

Род Плещеевых — один из самых древних и знаменитых русских дворянских родов. Внесенный в «Бархатную книгу», он берет свое начало от боярского сына Федора Акинфиевича Бяконта, переселившегося с женой Марьей в Москву из Чернигова около 1300 года при великом князе Данииле Александровиче. Первенцем в семье Федора Бяконта явился Елевферий (Алферий) Федорович, в постриге — Алексий (1293—1378), основатель и строитель знаменитого московского Чудова монастыря, его игумен, достигший сана митрополита Московского и причисленного к лику святых. Его крестным отцом был великий князь Иван Данилович. Помимо Елевферия у Федора Бяконта было еще четыре сына: Феофан, Матвей, Константин и Александр Плещей. Константин Федорович умер бездетным, а о Феофане и Матвее не сохранилось никаких известий. Итак, младший из сыновей, Александр Федорович, достигший боярского чина, становится родоначальником всех Плещеевых. У Александра Плещей был единственный сын Даниил, имя которого, наряду с Федором и Александром, на века станет одним из родовых для всех ветвей многочисленной фамилии Плещеевых¹⁵.

Чудов монастырь в Кремле возник неподалеку от Спасских ворот, заложил его предок Плещеевых на месте ханского конюшенного двора, который был подарен Алексию, митрополиту Московскому, ханом Чанибеком за исцеление жены его Тайдулы, для чего митрополит ездил в Орду. В память этого был основан в 1366 году и назван митрополитом Алексием Чудов монастырь, приуроченный к чуду Архангела Михаила в Колоссах. Св. Алексий был погребен в южном предалтарии главного Благове-

щенского храма монастыря, в 1680 году его мощи перенесли в церковь его имени — Алексеевскую.

К роду Плещеевых принадлежали многие известные деятели, в том числе литераторы. Среди них — Сергей Иванович Плещеев (1752–1802), моряк, участник многих морских сражений, дослужившийся до чина вице-адмирала, состоявший с 1781 года при цесаревиче Павле Петровиче. В конце жизни он с женой уехал за границу, где скончался и похоронен. В 1773 году вышла в свет его книга «Дневные записки путешествия из архипелагского, России принадлежащего, острова Пироса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. С краткою историею Алибеевых завоеваний». Книга пользовалась большим успехом у современников. Он известен и как переводчик — перевел с английского языка на русский книгу Ф. Кальверта «Путешествие английского лорда Балтимура из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон». Путешествие начинается от Каменец-Подольска. Книга была издана в России дважды — в 1776 и 1778 годах. В. Г. Рубаном. В 1783 году Плещеев напечатал книгу «Начертание путешествия Павла Петровича и Марии Федоровны...». Для занятий с Марией Федоровной в 1781 году С. И. Плещеев составил учебник по географии России «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии», выдержавший пять изданий. Он был переведен на английский, французский и немецкий языки. Андрей Иванович Тургенев посвятил этому Плещееву стихотворение (25 сентября 1799 г.), прославляя его заслуги¹⁶. В 1796 году С. И. Плещеев женился на фрейлине Марии Федоровны Н. Ф. Веригиной, но наследников не оставил. Род Плещеевых был продолжен по другим его ветвям.

К одной из них принадлежали знаменитый поэт, писатель, драматург и переводчик уже XIX века Алексей Николаевич Плещеев (1826–1893) и его сын Александр Алексеевич (1858–1944), беллетрист, журналист и мемуарист, в 1919 году покинувший Россию и обосновавшийся в Париже.

Одним из самых известных деятелей России, принадлежащих к роду Плещеевых и близких к литературе, был Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), камергер и статский советник, близкий друг и родственник Н. М. Карамзина, к которому он не раз обращается в «Письмах русского путешественника». Как член «Арзамаса», Плещеев был хорошо знаком Пушкину. Его жена Анна Ивановна, урожденная графиня Чернышева, приходилась родней и Пушкиным по линии Ржевских, будучи четвероюродной сестрою бабушки Пушкина Марии Алексеевны. Она умерла в 1817 году, когда Пушкин окончил Лицей. С А. А. Плещеевым Пушкин встречался в годы послелицейской юности у В. А. Жуковского, с которым Плещеев был связан дружбой и родством через семейство Протасовых: матерью Плещеева была Анастасия Ивановна Протасова. К 1817 году относятся даже коллективные стихотворения «Писать я не умею», и «Кн. П. А. Вяземскому», написанные Пушкиным, Плещеевым, Батюшковым и Жуковским. Встречались и общались они и позднее, в 1830-е годы. Помимо литературы А. А. Плещеев успешно занимался музыкой, известен как автор романсов. Так он положил на музыку стихотворение В. А. Жуковского «Пловец». Пушкин был знаком и со всем семейством Плещеева, особенно с его сыновьями Александром Александровичем (1803–1848) и Петром Александровичем (1805–1859), соучениками Льва Сергеевича Пушкина по Благородному пансиону. По преданию, в 1829 году Пушкин посетил П. А. Плещеева по пути на Кавказ, проведя несколько дней в его поместье Плещеевская Чернь Болховского уезда Орловской губернии¹⁷. Двое из братьев Плещеевых — Александр и Алексей Александровичи Плещеевы, в ту пору офицеры лейб-гвардии Конного полка, привлекались по

делу 14 декабря. Первый, лишь знавший о существовании Северного общества, был освобожден, а второй — член Северного общества и петербургской ячейки Южного — был переведен в армию.

Знакомый и состоявший в родстве с представителями рода Плещеевых Пушкин даже намечался вывести одного из их предков эпохи Смутного времени, Алексея Романовича, в трагедии «Борис Годунов». В плане трагедии его имя стоит рядом с именем Гаврилы Пушкина: «Пушкин и Плещеев на площади — письмо Димитрия — вече — убийство царя — самозванец [принимая] въезжает в Москву» (VII, 289). В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал о Гавриле Григорьевиче Пушкине, что он «предался Самозванцу, был им вместе с Плещеевым послан возмущать Москву...» Основой для этих строк послужило соответствующее место из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (т. XI, гл. III): «Лжедимитрий, угадывая, что его письма не доходят до Москвы, избрал двух сановников смелых, расторопных, Плещеева и Пушкина: дал им грамоту и велел ехать в Красное село, чтобы возмутить тамошних жителей, а через них и столицу. Сделалось, как думал. Купцы и ремесленники Красносельские, плененные доверенностью мнимого Димитрия, присягнули ему с ревностью и торжественно ввели гонцов его (1 июня) в Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные Царем для усмирения сих мятежников, бежали назад, не обнажив меча: а Красносельцы, славя Димитрия, нашли множество единомышленников в столице, мещан и людей служивых; других силою увлекли за собою: некоторые пристали к ним только из любопытства».

Тенденциозно расширяя роль своего предка Гаврилы Пушкина (только однажды упомянутого Карамзиным), Пушкин многократно вводит его в действие, сделав одним из главных героев трагедии, в уста которого вкладывает самые значительные и решающие по смыслу слова. Если у Карамзина имя Плещеева стоит на первом месте, то в окончательном тексте пушкинской трагедии роль Плещеева и Пушкина исполняет один Пушкин. В известном письме Пушкина к Н. Н. Раевскому-сыну 1829 года по поводу трагедии сказано в связи с представлением в ней своего предка: «Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив. — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и <Плещеев> своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца» (XIV, 47, оригинал по-фр.).

Однако указанное родство Пушкина с Плещеевыми через Чернышевых никак не давало ответа на поставленный вопрос о родстве поэта со св. Алексием-митрополитом. Установить его оказалось возможным только при обращении к личности Ивана Никифоровича Плещеева, с 1722 года первого герольдмейстера России при Петре I. Собственно по рекомендации Брюса, данной царю, основателем герольдмейстерской конторы явился итальянец граф Франциск Санти, но поставить во главе русской геральдики иностранца Петр не пожелал и избрал в военной коллегии герольдмейстером Степана Андреевича Колычева, родственника Пушкиных, а во главе Герольдмейстерской конторы поставил И. Н. Плещеева, наследника рода Бяконта, и его товарищем — Ф. Санти. В июле 1727 года Санти был арестован как участник заговора и сослан в Сибирь. В 1731 году в помощь Плещееву был придан Петр Андреевич Квашнин-Самарин, еще один родственник Пушкиных.

Иван Никифорович Плещеев (I.V.1676–7.V.1750) — сын стряпчего, затем стольника Никифора Богдановича, сам стольник (1697), позднее — тайный советник. Он участвовал в сражениях под Нарвой, Ругодивом и Юрьевом-Польским, был ранен в боях, состоя тогда в лейб-гвардии Преображенском полку капитан-лейтенантом. В 1712 году он был внесен в Сенатский список тех, кто переводится из Москвы в Петербург. С 1715

года служил в канцелярии Сената, в 1719 году, произведенный в полковники, вновь был отправлен в Москву. С 1722 года опять служит в Петербурге, в Военном департаменте Сената по герольдмейстерской части. В чин тайного советника был пожалован в 1728 году¹⁸.

Помимо Ивана Никифоровича у Никифора Богдановича был еще один сын — Даниил Никифорович, стольник, умерший до 1732 года, и еще по крайней мере двое детей, имена которых до нас не дошли.

Вот здесь-то и образуется «брешь» в родословной, которая может быть заполнена и соотнесена с родом Пушкиных. Основанием для этого служит запись в синодике церкви св. Алексия-митрополита в Нижнем Новгороде, сделанная детьми вице-губернатора Юрия Алексеевича Ржевского, прапрадеда Пушкина по материнской линии. Будучи капитаном Преображенского полка, он был назначен в Нижний Новгород при Петре I в 1718 году, а с 1719 года при выделении из Казанской губернии Нижегородской стал ее вице-губернатором. В мае 1722 года Ю. А. Ржевский принимает в Нижнем Новгороде Петра I с императрицей. В походном журнале Петра I об этом событии записано: «29 мая: после обеда был у вице-губернатора Нижегородского Ржевского...»¹⁹ К этому памяtnому событию относятся известные Пушкину воспоминания бабушки, как царя хотели угостить его любимым блинчатым пирогом, но обедать он не стал. После же в пироге вместо изюма нашли тараканов, запеченных в пирог подкупленным поваром²⁰. В романе «Арап Петра Великого» семейные предания отразились по-своему: Петр I приезжает в дом Ржевских, хотя действие происходит не на берегах Волги, а на берегах Невы. Ржевского в романе зовут Гаврила Афанасьевич, но инициалы у него те же, что и у Юрия (Георгия в крещении) Алексеевича Ржевского. А «старшая сестра хозяина, сердечно им уважаемая» Татьяна Афанасьевна сохранила в романе имя старшей сестры Ю. А. Ржевского Татьяны Алексеевны. Пушкин и в «Истории Петра» не преминул отметить посещение царем Нижнего Новгорода и дома Ржевских: «В Нижнем Новгороде обедал у барона (NB) Строганова; на другой день у губерн<атора>...» (X, 261). Речь идет о Ржевском, который в должности вице-губернатора фактически правил в губернии, т. к. собственно губернатор со ставкой в Казани не мог управлять двумя губерниями.

Правлению Ю. А. Ржевского город обязан многими устройствами. Его усилиями возводится в городе на верхнем посаде у Дмитровских ворот, освященный во имя св. Алексия-митрополита, предка Плещеевых, имя которого носил и отец Ю. А. Ржевского. Именно в синодик этой церкви записаны Ю. А. Ржевский, его предки и родные с указанием, кого именно следует поминать: «Георгия, Екатерины, Софии девицы, Алексея, Анны, Никифора, Анастасии, княгиню Татианы, князя Андрея, Иоанна, Матфея, Анны, Даниила, Сергия младенца, Стефаниды. По сих родителей дано в настоящую церковь иконостас (столярной), и царские двери, и евангелисты серебряные, еще два образа местные, один Пресвятые Богородицы Всех Скорбящих, другой Гурия, Саммона и Аввива, великомученицы Екатерины»²¹.

Опубликованная впервые Н. И. Куприяновой, эта запись была в свое время проанализирована Н. К. Телетовой с целью идентифицировать имена в ней и, в частности, установить имя жены Юрия Алексеевича. Исследовательница пришла к следующему заключению: «Имя жены Юрия Алексеевича можно было до недавнего времени лишь предполагать — Екатерина, так как имя это неизменно носили старшие внуки Юрия Алексеевича, дочери Ивана, Анастасии и Сарры. Недавняя публикация подтвердила это предположение, расширив сведения и об именах родителей этой Екатерины — Никифор и Анастасия. Так, в Синодике Алексеевской нижегородской церкви, очевидно, дети

Юрия Алексеевича в конце 1729 или 1730 года поминают усопших родных». Однако уже после выхода в свет книги «Забытые родственные связи А. С. Пушкина» ее автор обнаружила в архиве ГИМа (ф. 253, д. 62 (Квашнины-Самарины), л. 121 об.), что Екатерина Никифоровна Ржевская в 1732 году была еще жива. 12 января в этот год она дала вольную своей крепостной Аfirmье Сибиряковой. Таким образом, запись в Синодике, куда внесено ее имя, не могла быть сделана ранее 1732 года.

Перечислив имена, помещенные в Синодике, исследовательница продолжает: «Кто “София девица” — сказать трудно, едва ли это царевна, благоволившая к Ржевским; все же остальные “расшифровываются”: Георгий (Юрий) и Екатерина — родители поминающих; Алексей и Анна — дед и бабка по отцу; Никифор и Анастасия — без сомнения, дед и бабка по матери; княжеская чета Татяна и Андрей — Репнины, благодетели нижегородских Ржевских, сестра отца и ее муж; остальные трое — братья и сестры Юрия Алексеевича»²².

Кроме «Софьи девицы» не истолкованными в этом комментарии остались Даниил, Сергей младенец и Стефанида. Теперь, после установления семейной легенды Пушкиных, можно попытаться истолковать эти имена, и назвать девичью фамилию Екатерины Никифоровны Ржевской. Учитывая все изложенные обстоятельства, особенно то, что свидетельство о предке Пушкиных св. Алексий-митрополите исходит от бабушки Пушкина Марьи Алексеевны, внучки Юрия Алексеевича, и связывается по рассказу Л. С. Пушкина с фамилией Плещеевых, именно эту фамилию от рождения носила Екатерина Никифоровна, в замужестве Ржевская. Судя по всем данным, она родилась около 1780 года, а умерла после 1832-го.

Итак, она являлась дочерью Никифора Богдановича Плещеева и сестрой Ивана Никифоровича и Даниила Никифоровича Плещеевых. Первый был еще жив, когда запись была внесена в синодик, второй уже скончался, и именно его имя было занесено в синодик. «Сергий-младенец» и Стефанида, вероятнее всего, также брат и сестра Екатерины Никифоровны. Имя Стефанида встречается в родословной Плещеевых не однажды. То, что церковь, которая была построена при участии Ю. А. Ржевского и его жены, урожденной Плещеевой, освящена во имя св. Алексея-митрополита, столь почитаемого в роду Плещеевых, лишний раз свидетельствует в пользу правильности сделанного вывода.

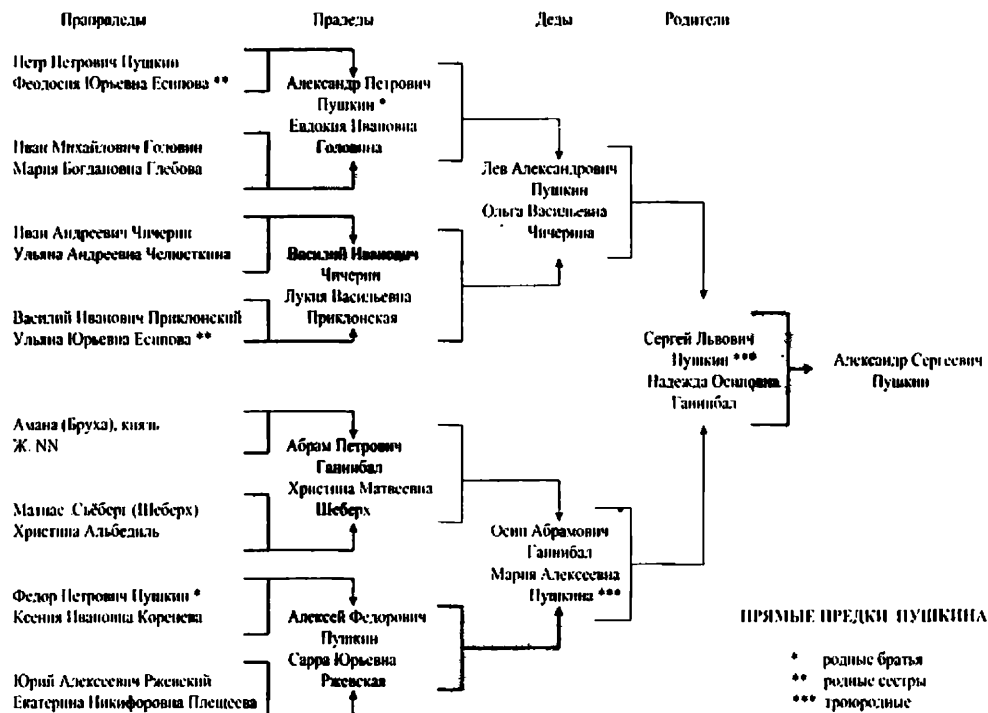
Ю. А. Ржевский служил одновременно с И. Н. Плещеевым в Преображенском полку, так что имел возможность познакомиться с его сестрой Екатериной, которая со временем станет матерью Сарры Юрьевны Ржевской. Она, в свою очередь, выходит замуж за Алексея Федоровича Пушкина. Так род Пушкиных породнится с родом Плещеевых. Ее дочь Мария Алексеевна, бабушка Пушкина, станет, таким образом, прямым потомком Федора Бяконта, сын которого св. Алексий-митрополит, окажется ей, хотя и в далекой степени, но дедушкой. Ее внуки, которых она водила на поклонение к его мощам, Пушкин и его брат Лев Сергеевич, как и А. П. Плещеев, принадлежали к шестнадцатому поколению от св. Алексея-митрополита. Екатерина Никифоровна Ржевская, урожденная Плещеева, доводилась Пушкину прапрабабушкой. Установлением ее девичьей фамилии замкнулся ряд ранее известных имен прапрадедов и прапрабабушек поэта, исключая африканскую уроженку мать Абрама Петровича Ганнибалы, чье имя установить никогда не представится возможным. Прилагаемая схема позволяет представить всех предков Пушкина вплоть до уровня прапрадедов, как по линии его отца, так и по линии его матери.

Схема наглядно представляет то, как роднились между собою предки поэта. Среди прапрадедов Пушкина мы находим отца и сына — Петра Петровича — по отцовской линии, его сына Федора Петровича — по материнской. Таким образом, отец поэта Сергей Львович Пушкин оказывается троюродным братом бабушке поэта Марье Алексе-

евне Пушкиной. Среди прапрабабушек поэта по отцу оказались сразу две родные сестры Есиповы, так что дед поэта Лев Александрович Пушкин приходится троюродным братом своей жене Ольге Васильевне, урожденной Чичериной. А Надежда Осиповна Ганнибал вследствие двойного соединения представителями рода Пушкиных, выйдя замуж за своего троюродного дядю Сергея Львовича, приходится своему сыну не только матерью, но и четверюродной сестрою. Все эти породнения фиксировались не только официальными генеалогиями, но и семейными преданиями, одно из которых, упомянутое Л. С. Пушкиным в письме своей жене, позволило установить девичью фамилию прапрабабушки поэта Е. Н. Плещеевой, жены Ю. А. Ржевского, восполнив тем самым существовавший до того пробел в генеалогии поэта.

Пушкин, ставивший, сочиняя «Бориса Годунова», рядом имена Пушкина и Плещеева, следовал не только Карамзину, но и семейному преданию, известному ему все от той же Марии Алексеевны, вдовившей внуков на поклонение к мощам св. Алексея-митрополита в Чудов монастырь. Именно этот монастырь, знакомый Пушкину с детства, становится одним из мест действия трагедии. Так рассказы «бабушки московской», «преданья старины глубокой» по-своему претворились творческим сознанием поэта.

ПРЯМЫЕ ПРЕДКИ ПУШКИНА

Примечания

¹ Полный список шефов, бригадных, дивизионных и батарейных командиров и офицеров л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. СПб., 1898. С. 52.

² А. С. Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1: 1815–1825. М.; Л., 1926. С. 121.

³ Материалы по долгу Л. С. Пушкина А. П. Плещееву были опубликованы П. Е. Щеголевым в издании «Пушкин и мужики» (М., 1928. С. 136–141).

⁴ Л. С. Пушкин в кругу современников. СПб., 2005. С. 136.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ Рукою Пушкина. 2-е изд., перераб. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1997. 17 (доп.). С. 343.

⁸ По поводу отчества П. Н. Беклемишева возникло разногласие, которое следует устранить: в именном указателе к Полному академическому собранию сочинений Пушкина он значится «Петром Николасвичем», а в справочнике Л. А. Черейского — как «Петр Никифорович». На этот раз прав оказался последний, т. к. и в «Петербургском некрополе», и в адрес-календарях, и в мемуарах он значится именно так. Однако следует уточнить, что указанный Николай Петрович Беклемишев приходится П. Н. Беклемишеву не просто «родственником», как указывает Черейский, а сыном.

⁹ Рукою Пушкина... С. 207.

¹⁰ Л. С. Пушкин в кругу современников... С. 213.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Там же. С. 302.

¹³ Там же. С. 311.

¹⁴ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932. С. 30.

¹⁵ См.: Веселовский С. Б. Род Бяконта // Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 247–262.

¹⁶ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 441–144.

¹⁷ Орловский край. 1916. 18 дек. № 206. С. 2.

¹⁸ *Ikonnikov*. La Noblesse de Russe. Paris. 1930–1965. La Descendance de Biakont et les Plestcheev. P. 31–117.

¹⁹ Журнал 1722 г. (Походный журнал). СПб., 1866. С. 36.

²⁰ Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. I. С. 36.

²¹ Куприянова Н. И. К сему: Александр Пушкин. Горький, 1982. С. 12. ГАГО. Ф. 570, оп. 4, д. 1151, л. 30 об.; Первая публикация: Куприянова Н. И. Из родословной А. С. Пушкина // Записки краеведов. Горький, 1979. С. 153.

²² Телтова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 97.

А. Н. Иезуитов

Н. Я. БИЧУРИН И А. С. ПУШКИН

Если говорить о том, что в первую очередь реально сближало Бичурина и Пушкина как выдающихся современников — это Петербург. Город, в котором оба они жили, и творили одновременно, хотя ученый был на двадцать два года старше поэта; город, в истории которого оба оставили свой особый и заметный след; город, который оказал существенное влияние на жизнь и деятельность обоих знаменитых петербуржцев, сыграв и позитивную, и негативную роль в их судьбе. Оба получили признание в Петербурге и оба немало претерпели в нем от самовластья (светского и церковного), оба преждевременно закончили в нем свои дни: Бичурин — от болезни, ускоренной депрессией (1853), Пушкин — от раны, полученной на дуэли (1837).

Непосредственная встреча Бичурина и Пушкина произошла в начале 1828 года. К этому времени Бичурин — отец Иакинф (принял монашество в Казани в 1800 году и одновременно стал соборным монахом Александро-Невской лавры в Петербурге), чувашин по национальности, был уже известным ученым, признанным специалистом в области китаеведения и Востока. С 1807 по 1821 год он возглавлял русскую духовную миссию в Пекине (Китай).

Пушкин к 20-м годам XIX века — знаменитый русский поэт.

Заочное знакомство двух современников состоялось еще до личного.

С научными работами Бичурина Пушкин познакомился, живя в Одессе и Михайловском¹. В Пушкинской библиотеке сохранился комплект журнала «Сибирский вестник» (1818–1824), в котором публиковались исследования Бичурина по истории и культуре Китая².

Бичурин с юных лет интересовался поэзией. В Казанской семинарии он с увлечением читал Державина, к концу 20-х годов XIX века, безусловно, знал и высоко ценил творчество Пушкина.

Очевидно, Пушкин не предполагал, что произойдет его личное знакомство с Бичуриным, которое при этом обнаружит у них немало общего во взглядах на историю и культуру России и Китая. Не предполагал такого знакомства и Бичурин.

В то же время знакомство поэта и ученого было в известном смысле закономерным, имело под собою внутренние истоки.

Пушкин проявлял особенный интерес и к чувашам, и к Китаю.

Знаменательно, что уже в первом дошедшем до нас пушкинском стихотворении «К Наталье» (1813) есть своеобразное упоминание о Китае. Пушкин выражает искреннее сожаление: «за учтивога китайца... почитать меня нельзя» (I, 7). Именно «учтивость»

(тонкость, изысканность, тактичность) поэт считает атрибутом китайского характера, ценным для людей другой национальности.

В конце XVIII века в Царском Селе была построена так называемая Китайская деревня — комплекс домиков в стиле китайской архитектуры, с особыми китайскими крышами и центральным корпусом — ротондой. Пушкин-лицеист часто бывал в Китайской деревне.

В 1818 году поэт посетил в Ораниенбауме Китайский дворец, воздвигнутый во второй половине XVIII века, в котором хранились китайские вазы, ткани, мебель, фарфор, лаковые миниатюры, перламутровые шкатулки, и, таким образом, познакомился с са-мобытной культурой Китая.

В поэме «Руслан и Людмила» (1820), описывая « пленительный предел» — место, в которое чудесным образом попала героиня поэмы, Пушкин замечает:

С прохладой веет ветер майский
Средь очарованных полей
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей (IV, 31).

«Соловей китайский» выступает у поэта как символ и образец изящества, утонченности, изысканной красоты природы и человеческих чувств.

В черновике первой главы «Евгения Онегина» (1823) была строфа:

[Конфуций] мудрец Китая
Нас учит юность уважать
[От заблуждений охраняя]
[Не торопиться осуждать] (VI, 219–220).

В окончательном тексте поэт снял эти слова: «китайская мудрость», очевидно, не очень-то соответствовала характеру главного героя.

Таким образом, к моменту знакомства с китаистом Бичуриным Пушкин уже имел собственные представления о Китае и его культуре.

До встречи с Бичуриным Пушкин проявлял своеобразный интерес к чувашам, которые были для него конкретным народом и одновременно синонимом определенных человеческих качеств. В «Моих замечаниях об русском театре» (1820) Пушкин сравнивает «немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгой» (XI, 9). Имелись в виду баллада немецкого поэта Г. Бюргера «Ленора», ее оригинальный перевод, сделанный В. Жуковским, под названием «Людмила», и совсем вольный перевод, принадлежащий П. Катенину, под названием «Ольга». Находясь в то время под влиянием Байрона, Жуковский придал своей героине черты англичанки (шотландки). В 1831 году он «русифицировал» свой перевод.

Катенин, сделав героиней собственного произведения «чувашку Ольгу», создал са-мобытный национальный характер, естественный и даже несколько наивный в своей душевной прямоте и безыскусственности. Для Пушкина такой характер имел и нарицательный смысл.

В письме к П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года поэт признавался: «Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны. <...> Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородна-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться <...> мы <...> рассеяны по лицу земли — между нами сношения затруднительны, нет единодушия» (XIII, 96). Словесность у «чувашей» существовала. И снова

«чуваши» выступают у Пушкина как своего рода синоним определенного и литературно психологически значимого явления, весьма привлекательного для самого поэта. Эта «благородная независимость» и одновременно некоторая наивность, и даже недостаточная изощренность и жесткость в поступках, известная внутренняя замкнутость по отношению к тем, с кем нет «единодушия». К таким «чувавам» Пушкин относил и себя, и Вяземского. Литературная критика, как следует из пушкинских слов, по природе своей требует и таких качеств, которые далеки от естественности и безыскусственности («палки», «приструнивание»). Доступны они не всем и не всегда.

В начале 1828 года Пушкин встречается с Бичуриным — утонченным китаистом и «благородно-независимым» чувашиним, обладая к этому времени знаниями и о Китае, и о чувашах. Видимо, это в значительной мере обусловило взаимный интерес и обоюдную симпатию собеседников. Встретились два человека, и лично, и профессионально близких друг другу.

Бичурин дарит Пушкину в своем переводе книгу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-ду до Хлассы. Санктпетербург. В Типографии Императорского Воспитательного Дома. 1828». На чистом после переплетной крышки листке написано:

«Милостивому Гдрю Моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828»³. Надпись — дружески-почтительная. Рассказ о жизни таинственно-привлекательной для русского читателя страны, безусловно, мог заинтересовать поэта.

Мало того, книга «Описание Тибета» является знаменательной в ряде отношений и для Бичурина, и для Пушкина.

Перевод Бичурина глубоко и точно передает текст книги, принадлежащий переводимому им автору, и одновременно содержит в себе определенные акценты, важные для самого переводчика. В текст книги как печатного издания включены также добавления («Приложения»), собственные и весьма оригинальные, сделанные Бичуриным и специально оговоренные им в «Предупреждении от переводчика». Все эти особенности перевода Бичуриным книги «Описание Тибета» были по-своему восприняты Пушкиным.

В тексте книги есть такое суждение автора о Тибете: «Не должно думать, чтобы сия страна не стоила внимания по тому, что считается в числе непостоянных Владений. Хотя уже прежде сделано было описание западных стран; но оно по своим погрешностям и излишеству не может совершенно удовлетворить любопытству»⁴. В «Предупреждении от переводчика» особо отмечается, что в описании многих предметов «сочинитель (китайский чиновник. — А. И.), хотя весьма краток, но верен и не предлагает тех поверхностных замечаний, каковыми и Европейские путешественники нередко вводят нас в погрешительное о чужих землях суждение» (X). «Погрешительных суждений» нет ни в тексте книги, ни в его переводе.

В «Описании Тибета» обращается внимание на то, что «Тибет должен изобиловать многими естественными произведениями: но чтобы уметь извлекать их, готовить и пользоваться ими, то для сего потребны просвещение и образованность в высшей степени, нежели каковые совместны с пастушеским и земледельческим состоянием тибетцев» (с. 204). Суждение это являлось весьма поучительным и для исправления состояния России в 20-е годы XIX века. Показательно, что Пушкин в записке «О народном воспитании» (ноябрь 1826 г.) отмечал: «...одно просвещение в состоянии удержать <...> общественные бедствия» (XIII, 44).

В книге «Описание Тибета» говорится, что в Хлассе (современное написание «Лхаса») — центре Тибета «индийцы торгуют дорогими камнями, жемчугом и белыми ситцами» (168). Очевидно, этим реальным и точным наблюдением Пушкин воспользо-

вался в «Отрывках из путешествия Онегина» (2 октября 1829 г.). Онегин едет из Москвы в Нижний Новгород и попадает на ярмарку: «Сюда жемчуг привез индеец» (VI, 198). Были варианты: «Сюда жемчуг навез индеец», «индеец блещет жемчугами» (VI, 479). Во всех вариантах является неизменной связью: «Индия — жемчуг».

С наблюдением из книги «Описание Тибета»: «Вообще в Тибете уважают молодых» (161) внутренне перекликается пушкинское суждение (1823), опирающееся на «китайскую мудрость», которая, как пишет поэт, «нас учит юность уважать» (VI, 219). Это свидетельствует о серьезной эрудиции самого Пушкина в области китаеведения. С XVIII века Тибет входит в состав Китая.

Бичурин-переводчик подчеркивает, что к тексту книги он «присовокупил замечание о вере и духовенстве тибетском» (XI), принадлежащее самому переводчику и принципиально значимое для него. Он отмечает, что «нравственность их (тибетцев — А. И.), особенно касательно обуздания воли и страстей, содержит высокие правила, из естества человека почерпнутые» (с. 210). Такое понимание существа нравственности никак нельзя назвать христиански-каноническим толкованием, реальное и ханжески-жестокое проявление которого Бичурин испытал на себе в начале 1820-х годов. Его суждение является поэтому внутренне полемичным.

Бичурин положительно оценивает тот факт, что в Тибете «духовные лица», кроме Далай Ламы, а «сей Азийский Папа, при важном титуле Владетеля Королевства, имеет одну только тень власти» (с. 205), «все суть избирательные по заслугам» (с. 216). В России Бичурин немало претерпел от «духовных лиц», безоговорочно исполняющих все распоряжения власти. Их никто и не «избирал» ни за какие реальные «заслуги», которых у них просто не было. И в этом случае заметен полемический подтекст суждения ученого и переводчика.

Бичурин (без всяких комментариев) приводит слова, характеризующие своеобразное мировосприятие тибетцев, которое имеет под собою, как следует из текста, реальные основания: «чудесные и отличные действия Духов, сверхъестественные действия существ невидимого небесного мира, словом, все чудесное и дивное подлинно заслуживает веру, имеет доказательства и отличается от мечтаний, рожденных воображением» (с. 94). Характеристика, весьма далекая от христианской ортодоксии. По существу речь идет о реальности «духовного», исходящего из жизни, а не из «воображения».

Еще дальше и глубже по отношению к христианской ортодоксии идет сам Бичурин в своем «Замечании о вере и духовенстве тибетском», утверждая, что «в их (тибетцев-буддистов. — А. И.) богослужении встречаются некоторые обряды, сходные с Христианскими: но откуда они заимствованы, сего нельзя знать, пока при пособии священных их книг (т. е. тибетцев. — А. И.) не откроем исторического начала оных (сходных обрядов. — А. И.)» (с. 210). Бичурин пишет, что основатель буддизма — Сакья-Муни — родился в 1031 году до Р.Х. (с. 208). Фактически исследователь усматривает исторические истоки христианства (его обрядов) в буддизме, проявляя в данном случае более чем вольномыслие с позиций ортодоксии и значительно опережая науку своего времени, по существу, снимая вопрос об извечном противостоянии различных религий.

В 1887 году Н. Нотович, русский журналист, посетил тибетские монастыри, где обнаружил древние манускрипты на тибетском языке, которые послужили первоисточником для учения Иисуса во время его посещения Индии. В Палестине Иисус отсутствовал с 12 по 30 г. н. э.⁵, т. е. до того, как стал Учителем у себя на родине. «В библиотеке Ватикана, в доступных лишь избранным иерархам тайниках, хранятся как минимум 63 древних манускрипта из ламаистских монастырей Тибета и Ладакха, документально свидетельствующие о пребывании в тех местах галилеянина и подробно рассказывающих, что занесло сына человеческого так далеко от Палестины»⁶.

В 1925 году эти манускрипты держал в руках Н. К. Рерих. В своем путевом дневнике он записал: «Около Лхасы был Храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел ознакомиться с ними сам. С величайшими опасностями Иисус с проводником достигли этого Храма в Тибете»⁷. В Индии Иисус провел около шестнадцати лет.

Догадка Бичурина приобрела в наше время серьезную и разностороннюю научную доказательность. Тем она ценнее и даже провиденциальнее. Возможно, мимо нее не прошел и Пушкин. В своих стихотворениях «Воспоминание» (19 мая 1828 г.), «Дар напрасный, дар случайный...» (26 мая 1828 г.), «Предчувствие» (август 1828 г.) поэт напряженно и пронизательно размышляет о смысле и «тайне» бытия, о «вечной жизни», о природе нравственности и т. д.

Сама структура «Описания Тибета» с детально-впечатляющим и последовательным изложением маршрута путешествия и остановок на пути следования, с кратким изложением истории, быта и нравов различных народов, встречающихся во время путешествия, с особым вниманием к непривычным верованиям народов и стремлением непредвзято разобраться в них, с приложением к тексту схемы маршрута, разбитого на пространственные участки в зависимости от остановок, — все это в известной мере повлияло на структуру пушкинского «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1829), которому в принципе присущи все названные выше структурные особенности «Описания Тибета», во многом определяемые характером перевода книги, сделанного Бичуриным.

Показательно, что Пушкин тоже задумывается, находясь, как и Бичурин, в горах, о том, что способствует размышлению о высоком, о том, в чем состоит реальный смысл мифа о «чудесном сохранении» жизни на Земле. «Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...» (VIII, 463). «Обновление» мира поэт видит в «примирении» различных сил, а не в их жестоком противоборстве, ведущем к «казни» побежденных. В этом Пушкин созвучен с Бичуриным, как и в органичном сочетании в тексте возвышенных слов и бытовых деталей.

Подобно Бичурину с его «Приложением» — «Замечанием о вере и духовенстве тибетском», которое переводчик «присовокупил» к «Описанию Тибета», Пушкин дает в качестве «Приложения» (I) к «Путешествию в Арзрум» свою «Заметку о секте езидов» (на французском языке). В ней содержится объективный анализ своеобразных верований этой поистине таинственной секты, пугающе неизвестной, а потому априорно «ненавистой» для многих. В этом плане она напоминала буддистов-тибетцев, неведомые прежде верования которых привлекли к себе внимание Бичурина и тоже вызывали у многих опасение и неприязнь. «Верования езидов» особенно заинтересовали Пушкина, который подчеркивает, что «о верованиях езидов нельзя получить никаких точных сведений, кроме того, что удастся в настоящее время наблюдать в их среде» (VIII, 1070). Метод непосредственного наблюдения за жизнью различных народов в их среде как самый объективный и достоверный успешно применяли и Бичурин, и Пушкин. У них нет поэтому «погрешительных суждений» о «чужих землях».

Так же, как Бичурин в «Описании Тибета», Пушкин дает в «Путешествии в Арзрум» в качестве «Приложения» (II) «Маршрут» своего передвижения (от Тифлиса до Арзрума), разбитый на места остановок и на расстояния между ними в верстах (VIII, 489–490). Это придает особую убедительность авторскому рассказу о своем путешествии.

В 1830 году Пушкин записывает в одной из рабочих тетрадей (на французском языке), что различные религии дали человеку много различных богов. Религия, которая признает только своего Бога, для Пушкина, по его собственным словам, «столь же отвлечительна», «что и атеизм» (XII, 482)⁸. Собственно говоря, религия, признающая «не только своего Бога», уже перестает быть религией в точном смысле слова. Любая религия по отношению к другим в принципе «монистична», иначе это уже не религия, а нечто иное по своей сути. Так называемые признания одной религией другой носят сугубо временный и явно прагматический характер. Внутренне они остаются «монистичными», каждая — единственно истинной и для себя, и для других.

Пушкин не признавал ни безоговорочного утверждения бытия Бога, ни его простого безоговорочного отрицания. Вопрос этот и для Пушкина, и для Бичурина был неизменно сложнее и многограннее, выходил далеко за пределы ортодоксии.

Именно Бичурин, как и Пушкин, не признавал «только своего Бога» и признавал право человека на различные верования. Его взгляды были значительно шире и глубже традиционно-канонических.

Как ученый и мыслитель Бичурин решительно ломал существующие в его время стереотипы и каноны. Его точные и тонкие жизненные наблюдения и неукротимая мировоззренческая смелость не могли не импонировать Пушкину и людям из его окружения.

Переводчик посвятил книгу «Описание Тибета» княгине Зинаиде Александровне Волконской и сделал это не случайно.

Есть сведения, что Бичурин познакомился с З. А. Волконской в Петербурге в 1823 году в доме директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Оба собеседника привлекли внимание друг друга. Княгиня интересовалась историей Китая, и Бичурин мог много рассказать ценного и оригинального своей новой знакомой.

Именно З. А. Волконская помогла Бичурину опубликовать его перевод книги о Тибете. Цензурное разрешение на издание было получено еще 29 апреля 1826 года, но только спустя почти два года благодаря финансовой поддержке княгини книга увидела свет. Бичурин считал необходимым отметить этот факт, посвятив свой перевод З. А. Волконской.

Дружеские отношения связывали и Пушкина с З. А. Волконской. Ей он 6 мая 1827 года посвятил свое стихотворение «Среди рассеянной Москвы...» (III, 54). В феврале 1829 года княгиня остановилась на некоторое время в Петербурге перед окончательным отъездом в Италию. Возможно, она встречалась в эти дни и с Пушкиным, и с Бичуриным.

В конце 1828 года Бичурин избирается членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделу литературы и древностей востока и становится в 1829 году почетным библиотекарем Публичной библиотеки в Петербурге.

М. П. Погодин вспоминает, что в декабре 1829 года в доме князя В. Ф. Одоевского неоднократно встречались «веселый Пушкин, отец Иакинф <Бичурин> с китайскими сузившимися глазами и толстый путешественник тяжелый немец Шиллинг»⁹. Веселость и оживление вызывали у Пушкина интересные и симпатичные ему люди.

Барон П. Л. Шиллинг — известный путешественник, знаток Востока — готовил тогда очередную экспедицию в Китай. В ней, по приглашению Бичурина, собирался принять участие Пушкин. Очевидно, в это время Бичурин дарит поэту книгу «Сань-Цзы-Цзин и троесловие с литографированным Китайским текстом. Переведено с Китайского Монахом Иакинфом. С.-Петербург. Печатано в Типографии Х. Тинца. 1829». На титульном листе рукою Бичурина написано карандашом: «Александру Сергеевичу

Пушкину от переводчика»¹⁰. Видимо, переводчик спешил: дата им не указана. Экспедиция в Китай собиралась срочно, и времени до ее отправки оставалось мало.

«Троесловие» могло вызвать у Пушкина особый интерес как образец китайской философско-стиховой культуры и подготовить его к правильному восприятию китайской мыслительно-поэтической экзотики.

23 декабря 1829 года в ожидании поездки в Китай Пушкин пишет стихотворение «Поедем, я готов» (III, 191). В нем выражается готовность поэта следовать «К подножию ль стены далекого Китая...» (III, 191). Был вариант: «стены недвижимого Китая» (III, 778). Он переключается со строкой из стихотворения «Клеветникам России» (1831): «До стен недвижимого Китая» (III, 270). «Недвижный» — в смысле устойчивый, постоянный, закрытый, таинственно-неведомый. Пушкин хотел самолично и глубоко познать Китай, потому и стремился поехать туда с таким знатоком Поднебесной Империи, как Бичурин.

Однако пушкинским надеждам не суждено было сбыться. 17 января 1830 года Николай I отказал в просьбе Пушкина направить его с экспедицией в Китай. К обоюдному сожалению Бичурин уехал 19 февраля 1830 года в Сибирь, а затем в Китай без Пушкина.

Впечатления от контактов с Бичуриным — добрым, искренним и естественным, лишённым светских предрассудков — нашли свое выражение в пушкинских суждениях о чувашах, весьма показательных.

Так, 15 февраля 1830 года (буквально накануне отъезда Бичурина) в работе <О статьях кн. Вяземского> Пушкин пишет: «Чувство приличия зависит от воспитания других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту (был вариант: «какому-нибудь доброму чувашу». — А. И.) поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав» (XI, 97, 370). «Станным», видимо, показался Бичурину в этом плане и поединок самого Пушкина в 1837 году.

Слова «добрый чуваш», очевидно, могли быть слишком непосредственно отнесены тогда к Бичурину, а для этого было не самое подходящее время и для поэта, и для ученого, потому они и были заменены. Характерно также, что именно в связи с Вяземским, его единомышленником, у Пушкина снова, как и в 1824 году, заходит речь о «чувашах» — носителях доброты и естественности, чуждых кастово-ограниченных и небезвредных для человека условностей. Вопрос этот сохранял свою жизненную актуальность.

14 марта 1833 года в работе <Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина> Пушкин конкретизирует и уточняет свое суждение 1820 года о «чувашке Ольге», подчеркивая, что Катенин в собственном переводе баллады Г. Бюргера «вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания; он написал Ольгу» (XI, 221). Такими сочувственными словами определяет поэт сущность чувашского национального характера, воплотившегося в Ольге. Эта проблема, в свою очередь, осталась значимой, причем не только эстетически.

Путешествуя по Сибири, Бичурин, находясь в Горячеводске, написал очерк «Байкал», датированный 13 июля 1831 года¹¹. С этим очерком связаны весьма примечательные события. Бичурин дважды подавал прошения об освобождении его от монашеского звания: в 1828 году и в 1830 году. В 1828 году ему было отказано. На этот раз для избавления от монашества были серьезные основания. Бичурин получил поддержку П. Л. Шиллинга (13 сентября 1830 г.) и даже вице-канцлера графа К. В. Нессельроде (29 мая 1831 г.). Он не сомневался в благоприятном для него решении вопроса, которое затягивалось. Уверенность Бичурина была настолько велика, что он впервые и заранее подписал свое сочине-

ние светским именем Н. Б.¹², т. е. Никита Бичурин, а в содержании альманаха было прямо указано: «Н. Я. Бичурин. Байкал»¹³. До этого все созданные работы он подписывал: И. Б., т. е. Иакинф Бичурин, И. Бичурин или монах Иакинф.

Пушкин принимал самое деятельное участие в подготовке и издании альманаха «Северные цветы на 1832 год», куда Бичурин направил свой очерк «Байкал» в виде письма, адресованного к «О. М. С...», т. е. О. М. Сомову. К очерку, опубликованному в альманахе, который вышел из печати 24 декабря 1831 года, есть Примечание, в написании которого наверняка принимал участие Пушкин, а возможно, был его автором¹⁴: «Письмо сие написано почтенным нашим ориенталистом, г. Бичуриным, обратившим на себя внимание просвещенной Европы своими сочинениями о Китае и Монголии, переводами с китайского языка разных замечательных творений... Расстроенное здоровье побудило г. Бичурину (в духовном звании отца Иакинфа) отправиться из Кяхты к Туркинским горячим водам, что за Байкалом. Помещенное здесь описание его плавания по Байкалу прислано им оттуда»¹⁵.

Показательно, что в Примечании Бичурин дважды фигурирует как светское лицо «г. Бичурин», а его «духовное звание» уже отнесено к прошлому, потому оно и заключено в скобки.

Между тем 20 мая 1832 года Николай I приказал оставить отца Иакинфа на жительство в Александро-Невской лавре, «не дозволяя оставлять монашество». Публикация «Байкала» в альманахе «Северные цветы на 1832 год» — это единственный случай, когда Бичурин напечатал, при содействии Пушкина, свое произведение под светским именем. Больше такой прецедент нигде и никогда не повторялся. В том же альманахе были напечатаны пушкинские произведения: две сцены из «Моцарта и Сальери», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаш», «Анчар, древо яда», «Бесы», четыре «Анфологические эпиграммы», «Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд». Здесь же была опубликована «Надгробная песнь славянского гусара», написанная З. А. Волконской. Так под одной обложкой сошлись друзья и литературные единомышленники: Пушкин, Бичурин и княгиня З. А. Волконская.

Показательно, что и Пушкин, и Бичурин подвергались за свое вольномыслие и неукротимый нрав преследованию одним и тем же духовным лицом — митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Серафимом. В мае 1828 года именно Серафим возбудил и всячески раздувал дело, связанное с поэмой Пушкина «Гавриилиада»¹⁶. Во время выборов Пушкина в Российскую Академию в декабре 1832 года один Серафим был против избрания поэта, мотивируя свою позицию тем, что Пушкин ему неизвестен¹⁷. Комментарий к этому факту излишни. Более того, Серафим отказал после смерти Пушкина в отпевании его в Исаакиевской церкви, к приходу которой он принадлежал. Таким было на деле «христианское милосердие» этого архипастыря.

В 1823 году Серафим настоял на том, чтобы Бичурин за свою строптивость был лишен звания архимандрита и священнического сана, но оставлен в монашеском звании и навсегда сослан в Соловецкий монастырь под строжайший надзор. Бичурину ставилось в вину, что во время его пребывания в Китае он посещал театры, не отправлял священнодействие и не каждый год исповедовался. 23 августа 1823 года Александр I повелел навсегда сослать Иакинфа на Валаам. 20 октября 1826 года Николай I своим указом перевел Иакинфа в Александро-Невскую лавру в Петербурге.

В 1828 году Серафим наотрез отказался снять с Иакинфа монашеское звание по его просьбе, а в 1831 году, коварно согласившись освободить Иакинфа по его новой настоятельной просьбе от монашеского звания, передал дело с соответствующей рекомендацией на усмотрение Николая I, зная, что Император сурово откажет просителю. Так и случилось.

Именно свободолобие, проявляясь в разное время и по-разному, сближало поэта и ученого и оно же вызывало неприязнь к ним обоим со стороны светской и церковной власти. Главное состоит в том, что внутренний контакт ученого и поэта никогда не прерывался.

Имя Бичурина оказывается тесно связанным с пушкинской «Историей Пугачева». В первой главе «Истории» есть фрагмент под названием «Побег кочующего народа». «Между Волгой и Яиком, — пишет Пушкин, — по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию» (IX, 10–11). В 1771 году калмыки задумали вернуться в Китай.

В Примечаниях к первой главе «Истории Пугачева» Пушкин подчеркивает: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках» (IX, 95). Имелась в виду работа Бичурина «Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», опубликованная в «Журнале министерства внутренних дел», 1883, ч. 8, кн. 3, 4 и 5 (IX, 411). Существовал черновой вариант оценки деятельности Бичурина: «коего [глубокая ученость] познания так долго обращены были на исследование наших сношений с [китайскими] Китаем» (IX, 411). Пушкин постоянно помнит, что Бичурин был выдающимся Китаеведом. В данном случае ему важнее было сказать о работе Бичурина, посвященной калмыкам и дать более общую характеристику трудам ученого, которые «разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком», а не только с Китаем.

В 1771 году Ойроты или калмыки, пишет Пушкин, «предприняли возвратиться на родину», т. е. в Китай, и «в мыслях своих представляли, что сей путь будет для них, как прежде всегда было, приятною прогулкою от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша. Но случилось совсем противное: ибо встретились такие обстоятельства, которые были вне всех предположений».

«...Волжские калмыки, долго бывшие под российским владением, по выходе за границу, считались беглецами, коих российское правительство, преследуя оружием своим, предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу останавливать их вооруженною рукою».

«Российские отряды, назначенные для преследования беглецов, по разным причинам, зависевшим более от времени и местности, не могли догнать их» (IX, 96). Киргиз-казаки «нападали на калмыков со всех сторон; и сии беглецы целый год должны были на пути своем беспрерывно сражаться, защищая свои семейства от плена и стада от расхищения. Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастье калмыков, загнав в обширную песчаную степь по северную сторону озера Балхати (Балхаш. — А. И.), где голод и жажда погубили у них множество людей и скота».

Из вышедших «169,000 душ обоего пола» осталось «не более 70,000 душ». Все же «по перенесении неимоверных трудностей, по претерпении бесчисленных бедствий, наконец калмыки приближались к вожденным пределам древней их отчины...». В этом месте Примечаний Пушкин дает непосредственную ссылку. «См. опис. Чжуньг. и В. Туркист., стр. 186 и сл.» (IX, 97). Полное название книги Бичурина, о которой идет речь: «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», ч. I, II. СПб., 1829.

Пушкин обращал особое внимание на то, что «Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставлено было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом» (IX, 97). Контраст в отношении двух властей к своим подданным очевиден и показателен.

К 1791 году появились известия, отмечает Пушкин, что «калмыки намереваются возвратиться из китайских владений». Российским правительством «предписано было сибирскому начальству» поселить их в Кольванской губернии (т. е. горном районе Алтая, ставшим непривычным для переселенцев), а не в знакомых и привычных для калмыков южных степях (IX, 98). Дело в том, что до XVII века ойроты, они же калмыки, обитали на территории горного Алтая. К 70-м годам XVIII века они уже прижились в южно-русских степях, которые к этому времени заселили. Однако возвращение «кочующего народа» в Россию не состоялось, не произошла и его депортация.

И для Бичурина, и для Пушкина калмыки — добрый, мирный и вольнолюбивый народ, незаслуженно униженный отечественными властями.

Возможно, в пушкинском стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» (1836) случайно появляется «друг степей калмык» (III, 424), ассоциативно восходящий к работе Бичурина о калмыках. Был вариант: «сын степей калмык» (III, ч. II, 1035), однако «друг степей» точнее передает особый характер отношений «калмыка» со «степью», отмеченный Бичуриным и воспринятый Пушкиным, более активный и сознательно-доверительный, чем «сын степей».

В «Истории Пугачева» Пушкин уделяет также заметное и характерное внимание чувашам. Бунт Е. И. Пугачева начинался с того, как считает поэт-историк, что «служивые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чувашаи, черемисы перестали повиноваться русскому начальству» (IX, 22), а 15 декабря 1773 года «мордва, калмыки, чувашаи и господск.<ие> кре.<стьяне> вообще вз<б>унтовались...» (IX, 629). Таким образом, у Пушкина стоят в одном ряду как бунтари-вольнолюбцы калмыки и чувашаи.

Перенесение «пугачевского бунта» за Волгу, особенно напугавшее правительство, проявилось в том, что 20 июля 1774 года «Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру» (IX, 70). Дворяне и чиновники бежали, а народ встретил его на берегу с образами и хлебом (см.: IX, 70, 658). «Пугачев велел раздать чувашам казенное вино <...> и пошел к Ядринску (Ядрину. — А. И.) (IX, 70). Предводитель восстания, чтобы отобрать у подполковника И. И. Михельсона взятую им Казань, собрал много «новокрещенных чуваш» как боеспособное войско (IX, 350). 27 июля 1774 года Михельсон, набрав силу, «мимоходом усмирил» сопротивление группы чуваш (200 человек) и «узнал о общем их бунте» (IX, 666). Чувашаи особенно упорно сопротивлялись властям и служили Пугачеву в 1774 году надежными проводниками в незнакомой казакам местности (см.: IX, 709).

Пушкин показывает, что чувашаи и русские разделяли одну судьбу: они были вместе в радости и страдании, в победах и поражениях. В пропущенной главе «Капитанской дочки» (1836) есть поистине символическая сцена. П. Гринев после подавления Пугачевского восстания встречает «пльвучую виселицу»: «Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти» (VIII, 376). Вместе до смерти.

И чувашаи, и калмыки, как отмечает Пушкин, активно проявляли свое свободолобие во время «Пугачевского бунта», а Бичурин — чувашин по национальности — был автором беспристрастного труда о калмыках, их «побеге» в Китай за вольностью в 1771–1772 годы. Так, в органической связи оказываются в пушкинской «Истории Пугачева»

Бичурин, чувашаи, калмыки и Китай, что соответствовало самой реальности, глубоко и разносторонне постигнутой Пушкиным — замечательным историком и поэтом.

В «Истории Пугачева» (1833) Пушкин снова называет Бичурину «Отцом Иакинфом», видимо, уже зная о его оставлении в монастыре по распоряжению Николая I от 20 мая 1832 года и дает Бичурину очень высокую и принципиально важную оценку как ученому. Возможно, также, говоря в 1836 году, что «в свой жестокий век» он «восславил свободу» и «милость к падшим призывал», поэт имел в виду и опального, вольнолюбивого и неукротимого «отца Иакинфа», жестоко униженного и оскорбленного светской и церковной властью.

Пушкин писал в 1830 году, что в жизни «бывают странные сближения» (XI, 188), которые являются по-своему знаменательными.

На смертельный поединок с Дантесом Пушкин уехал из Петербургской кондитерской «С. Вольфа и Т. Беранже», которая была оформлена в китайском стиле и получила название «Кафе Шануа» — «Китайское кафе».

Могила Бичурина находится в Петербургской Александро-Невской лавре в непосредственной близости от могилы Н.Н. Пушкиной, которую поэт называл «чистой прелести чистейшим образцом» (III, 224).

На могильном памятнике Бичурина высечена на китайском языке надпись, необычная для эпитафий, но очень точная и выразительная: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории». В «Истории Пугачева» Пушкин высоко оценивал «глубокие познания» и добросовестные труды Бичурина, которые «разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком» (IX, 95).

Поистине «бывают странные сближения».

Примечания

¹ См.: А. С. Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937. С. 128–135.

² См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 131–132.

³ Там же. С. 71. См. также: *Бокариус М. В.* Книги Н. Я. Бичурина в библиотеке Пушкина // *Невский библиофил: Альманах*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 123–129.

⁴ Описание Тибета в нынешнем его состоянии: С картой дороги из Чен-ду до Хлассы / Пер. с китайского. СПб., 1828. С. 93. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁵ См.: *Алексеев С.* Потаенные годы Иисуса Христа: Открытое письмо папе Римскому. Находка русского исследователя может изменить нашу веру. Весна 1999 года, Индия Россия (1999, май) // 24 часа (СПб.) № 2. С. 6–7 (впервые опубликовано в журнале «Огонек»).

⁶ Там же. С. 6.

⁷ *Пименов В.* Христос: Жизнь после Голгофы // 24 часа (СПб.) 2000. № 29. С. 9 (впервые: Труд. 2000. 25 мая).

⁸ См.: *Рукою Пушкина*. М.; Л., 1935. С. 167.

⁹ В память о кн. В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 57.

¹⁰ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина... С. 92.

¹¹ Северные цветы на 1832 год. М., 1980. С. 42.

¹² Там же.

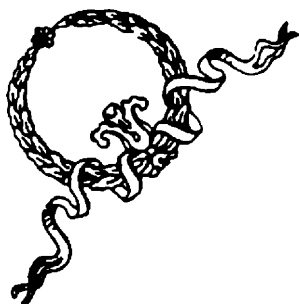
¹³ Там же. С. 396.

¹⁴ Автограф очерка находится в бумагах Пушкина. См.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 19.

¹⁵ Северные цветы на 1832 год. С. 34.

¹⁶ См.: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2.: 1825–1828*. С. 390–391.

¹⁷ См.: Там же. Т. 3.: 1829–1832. С. 524.

Н. Л. Петрова

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ
и Н. В. ГОГОЛЬ

Александра Осиповна Смирнова была не только хорошо знакома с Н. В. Гоголем, но и тесно общалась с ним в течение многих лет. Об их исключительной духовной близости знали и вспоминали друзья. Не претендуя на полное раскрытие этой большой темы, мы можем проследить внешнюю канву событий и остановиться на некоторых моментах их взаимоотношений.

А. О. Россет родилась на юге России, училась в Екатерининском институте в Петербурге, после его окончания была назначена фрейлиной (сначала императрицы Марии Федоровны, потом — Александры Федоровны). Она вышла замуж в начале 1832 года за состоятельного дипломата Н. М. Смирнова, но вышла не по любви, а желая избавиться от нищеты себя и братьев. Отношения ее с мужем складывались не совсем удачно, и в этом, по-видимому, они были виноваты оба (по свидетельству ее сводного брата А. И. Арнольди). Красавица итальянского типа (наследие грузинских и итальянских предков), А. О. Россет отличалась умом, широкой образованностью (учиться не прекращала и после замужества), наблюдательностью, была остроумной, часто язвительной собеседницей. А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, семья Аксаковых, М. Ю. Лермонтов — вот некоторые из ее собеседников, посвятивших стихотворные и прозаические похвалы очаровательной и умной красавице. В течение своей долгой жизни она не раз принималась за воспоминания о пережитом, но законченный характер носят лишь отдельные фрагменты мемуаров Смирновой-Россет. О Н. В. Гоголе ею были написаны два варианта воспоминаний: первый вписан в альбом вскоре после смерти писателя в 1852 году, второй записан в отдельной тетради в 1877-м, еще один вариант представлен в записи историка А. Н. Пыпина 1873 года. Ряд эпизодов почти без разночтений повторяется во всех текстах (забытое Смирновой начало их знакомства и реплики писателя по этому поводу, их всегда ностальгические беседы о родной Украине, шутки о путешествии Гоголя в Испанию, чтение Гоголем первых глав поэмы, совместное пребывание в Риме в 1843 году). В записи 1873 года есть подробности об их встречах в России в конце 1840-х годов, а в мемуарах 1877 года — о Калуге, о втором томе «Мертвых душ». Отдельные эпизоды, связанные с Гоголем, возникают в ряде вариантов ее воспоминаний, в том числе в «Баденском романе».

Начало знакомства Гоголя и Россет можно отнести к лету 1831 года, хотя мемуаристка утверждала, что не помнит точной даты их знакомства. Подтверждение их встреч и какого-то общения — это экземпляры только что вышедших «Вечеров на хуторе близ Диканьки», посланные автором Жуковскому, Пушкину, «третий, с сентиментальной надписью, для Розетти...»¹. Книга была прочитана ею «с восторгом <...> и они («Вечера...». — Н. П.) меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставивши еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась

ко всему тому, что его напоминало»². Детские годы, проведенные у бабушки на Украине, она всегда считала самым счастливым временем своей «пестрой и бесплодной» жизни. Позже, в окрестностях Рима, Смирнова с особым удовольствием гуляла по римской Кампанье: «Там есть какая-то неизъяснимая прелесть <...> почему-то вспоминается что-то родное, вероятно, степь южной России, где я родилась». Сходные чувства, по ее словам, испытывал и Гоголь.

В июне 1836 года Гоголь уезжает за границу; тем летом они с Александрой Осиповой виделись в Бадене, и после его отъезда она заметила, что ужасно скучает. В конце года они встречаются в Париже (Гоголь жил там с ноября 1836 по февраль 1837-го) часто общаются. Писатель — постоянный посетитель салона Смирновых, по свидетельству Андрея Карамзина, часто у них бывавшего. Если встречи 1831 года Смирновой не запомнились, то о парижских беседах с Гоголем она пишет подробно: разговаривали об Украине, обменивались впечатлениями и воспоминаниями о дорогих обоим местах, Александра Осиповна пела малороссийские песни. «О Париже мало было речи, он уже и тогда его не любил» (с. 27). Вместе с тем и Гоголь умел подметить и обрисовать в устных новеллах забавные черты парижской жизни. Летом 1837 года они снова встречаются в Бадене, но Гоголь явно стремится к одиночеству, предпочитая всему и всем утренние одинокие прогулки. «Часто он бывал так задумчив, что я не могла дозваться его, и он не хотел гулять со мной, прибирая самые нелепые причины. Он был во всю жизнь мастер на нелепые причины» (с. 43). Светские знакомые Смирновой удивлялись ее общению с писателем, считая его человеком несветским, дурного тона. В одном из вариантов «Баденского романа» она приводит разговор (с Н. Д. Киселевым?): «Я никогда бы не подумал, что это большой писатель, как вы о нем мне говорили, в выражении его лица ничто этого не показывает»; «Гоголь — человек очень благочестивый, он всегда занят движением своей духовной жизни. Он очень мало учился в молодости, теперь он изучает греческие слова, чтобы иметь возможность читать Евангелие по-гречески. Он себе задает уроки после молитвы, ходит по комнате и учит наизусть греческие слова» (с. 496). Тогда в Бадене Гоголь сам предложил Смирновым прочитать у них первые главы нового произведения — поэмы «Мертвые души», что и состоялось 16 (4) августа 1837 года. Кроме хозяев Гоголя в этот вечер слушали Андрей Карамзин, Лев Соллогуб, Валериан Платонов, А. М. Борх (Александра Осиповна утверждала, что ее муж во время чтения сбежал на рулетку, — он был заядлым игроком). Собрались в семь часов: «День был знойный. <...> Н. В. взошел, говоря, что будет гроза, что он это чувствует, но, несмотря на это, вытащил из кармана тетрадку в четвертку листа и начал первую главу столь известной своей поэмы. Между тем гром гремел, и разразилась одна из самых сильных гроз, какую я запомню <...>. Он поглядывал в окно, но продолжал читать спокойно. Мы были в восторге, хотя было что-то странное в духе каждого из нас. Однако он не дочел второй главы и просил Карамзина с ним пройти до Грабена, где он жил. После Карамзин мне говорил, что Н. В. боялся один идти домой <...> я полагаю, что гроза действовала на его слабые нервы, и он страдал теми невыразимыми страданиями, известными одним нервным субъектам» (с. 28). Продолжить чтение в другой раз автор отказался. Андрей Карамзин писал матери: «В понедельник я обедал у Смирновых с Гоголем, который принес читать нам новое, еще неоконченное сочинение: это длинный юмористический роман о России. Это лучшее всего до сих пор писанного им...» (с. 642).

В 1842 году в Петербурге Гоголь читает у П. А. Вяземского в присутствии Александры Осиповны очередные главы «Мертвых душ», а в доме Смирновых — «Женитьбу». И на этот раз он сам захотел познакомить близких людей со своим творчеством. «Никто так не читал, как покойный Николай Васильевич, и свои и чужие произведения; мы

смеялись неумолкаемо, и, если правду сказать, Вяземский и мы не подозревали всей глубины, таящейся в этом комизме. Такова уже участь комика, и надобно, чтобы долго смеялись ему, пока вдруг не узреют некоторые избранные, что этот смех вызван у него плачем души любящей и скорбящей, которая орудием взяла смех» (с. 29). В другом месте она дополняет свой рассказ: «Швейцару приказано было не принимать. Он пропустил князя Михаила Алекс <андровича> Голицына как короткого знакомого. Тот взошел. К счастью, Гоголь не обратил внимания, продолжал читать и после чтения пошел в кабинет мужа и крепко уснул на диване <...>. Голицын не находил слов, чтобы благодарить меня за приятные минуты, которые он провел у меня. Я читал с восторгом “Мертвые души” и всегда желал видеть их автора. Подобных минут я не проводил в этом пошлом Петербурге» (с. 45). В 1849 году Гоголь читал в доме Смирновых в Калуге для небольшого круга близких людей законченные главы второго тома романа, причем опять по своей инициативе; в числе избранных был находящийся в то время в Калуге А. К. Толстой. Собирались в два часа несколько дней подряд; прочитано было девять глав. В одном из образов второго тома романа — Чаграновой — Александра Осиповна узнала себя: «эмансипированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию, ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость» (с. 609). Смирнова неизменно была в числе тех немногих, кому Гоголь сам охотно читал свои произведения, прежде всего ненапечатанные. Возможно, писатель как-то производил отбор слушателей, судя по вышеприведенной сцене с М. А. Голицыным. О «Мертвых душах» Смирнова была чрезвычайно высокого мнения, считала эту книгу необходимой для современной умственной жизни России, для тех русских людей, которые заняты нравственными поисками. Из Петербурга 19 сентября 1845 года она писала Гоголю: «Снилось мне, что я получила от вас письмо, которое горело ярким лучом. И бумага, и почерк — все как будто преобразилось. <...> Пусть оно так, пусть вы преобразились телом и духом, и да увидим мы своими глазами преобразование ваших “Мертвых душ” в живительный источник любви и силы для наших собственных мертвых душ»³. Из Калуги 14 января 1846 года: «Многие, что меня даже удивило, любят, и все ждут, ждут с нетерпением и с любопытством и недоброжелательным и исполненным какой-то тревожной надежды, все ждут второй том, если не окончание “Мертвых душ”»⁴. В 1842 году Смирнова деятельно помогала писателю в цензурных хлопотах, связанных с печатанием первого тома романа.

По-настоящему свободно жить и работать над романом Гоголь мог только в Риме, но денег не было. В письмах Смирновой он просит, требует похлопотать о назначении ему постоянного денежного пособия. (Она сама не раз помогала ему; это были деньги ее мужа, на которого она много жаловалась Гоголю.) Обратилась Александра Осиповна с просьбой о пенсии для писателя к членам императорской семьи; и, несмотря на ее личную близость и к императрице, и к Николаю Павловичу, эти хлопоты оказались непростыми (в них принимали участие также П. А. Плетнев и П. А. Вяземский). Николай I высказался: «Единовременно, да, но не пенсию: он еще ничего не сделал такого, что заслуживает пенсии» (с. 648). Негодовали А. Ф. Орлов и С. С. Уваров: Гоголь молод, нет заслуг. Смирнова возмущенно писала в «Дневнике»: «Прошу господ министров сказать, что такое надобно сделать в литературе, чтобы получить патент на достоинство литератора в их смысле» (с. 13). В беседе с императором Александром Осиповна напомнила о Гоголе и «Мертвых душах»: «“Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба”». Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма» (с. 11). Все же государственное пособие было назначено, по тысяче рублей на три года (просили на пять).

Радостным и праздничным было общение Смирновой и Гоголя в Риме в начале 1843 года. Она с детьми находилась во Флоренции, он в — Риме, откуда писал: «Упросите себя ускорить приезд свой. Увидите, как сами себя обяжите. А обо мне я не говорю: вы должны сами чувствовать, что это светлый праздник души моей» (с. 644). И в другом месте он признается в душевной потребности видеть ее. Когда экипажи Смирновой подъехали в Риме к нанятому дому, «на лестницу выбежал Гоголь с протянутыми руками и лицом, исполненным радости. «Все готово, — сказал он, — обед вас ожидает <...>. Квартиру эту я нашел, воздух будет хорош, Corso под рукой, а что лучше всего, вы близко от Колизея и Fogo Voagio». Немного поговорили, и он отправился домой с обещанием прийти на другой день. В самом деле пришел в час, спросил бумажку и карандаш и куда следует понавещиваться чаще Александре Осиповне и с чего начать...» (с. 31). Вместе осматривали Рим, который Гоголь особенно, «нежно» любил и знал, изучив древних и современных историков, писателей, лучше любого местного сопро-водящего. «Он сам мне говорил, что в Риме, в одном Риме он мог глядеть в глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томления. Изредка его тревожили там нервы в мое пребывание, и почти всегда я видела его бодрым и оживленным» (с. 31). Через три года Смирнова писала Ростопчиной из Калуги в Рим: «Я надеюсь, что Гоголь будет ангелом-хранителем твоих художественных впечатлений; он поразительно чувствует искусство»⁵. В Риме же Александра Осиповна заметила религиозное настроение писателя, его поразительную склонность к самоограничению, доходящую до аскетизма. Он старался передать ей свое отношение к быту: «...может быть, я увижу то время, у вас будет только две пары платьев: одно для праздников, другое для будней. А лишняя мебель и всякие комфорты в комнате вам так надоедят, что вы сами понемногу станете избавляться от них» (с. 200). Но Смирнова элегантно одевалась и так же одевала своих девочек; она любила удобную и красивую обувь (тем более что у нее была крошечная ножка). Она вспоминала, как хотела подарить Гоголю удобный портфель для бумаг и чернильницы, а он отказался: «“...вы лучше подарите его в верные руки и дайте Жуковскому, он охотник на всякую дрянь”. Я и сделала, и Жуковский унес его с благодарностью. Гоголь говорил мне: “У меня чемодан набит, и я даже намереваюсь сделать вам подарок”. <...> принес мне единственную акварель Иванова. Сцена из римской жизни. Купец показывает невесте и ее матери запястье и коралловые украшения» (с. 57). (Смирнова подарила акварель великой княгине Марии Николаевне; сейчас эта работа находится в Русском музее).

Тесным общением и необыкновенным душевным сближением Смирновой и Гоголя ознаменованы месяцы 1843 и начало 1844 года. Уехав из Рима 1 мая 1843 года, писатель едет во Флоренцию, потом в Германию, где встречается с Жуковским, а уже в июне он настойчиво приглашает Александру Осиповну в Баден: «Каша без масла гораздо вкуснее, нежели Баден без вас. Кашу без масла все-таки можно как-нибудь есть <...> но Баден без вас просто нейдет в горло»⁶. Зимой 1843/44 года в Ницце собирается дружеский кружок — Соллогубы, Виельгорские, Смирнова, чуть позже к ним присоединился Гоголь. «В Ницце Гоголю предстала страдающая душа его давнишней уже доброй знакомой, и следствием этого явились качественно новые отношения между Гоголем и Александрой Осиповной»⁷. Позже он напишет: «Вы были знакомы со мною и прежде, и виделись со мною и в Петербурге, и в других местах. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичное знакомство в Ницце! Не кажется ли нам самим, как будто мы друг друга только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали»⁸. Она признавалась в письме: «Вы одни полюбили меня не за то внешнее и блестящее, которое мне принесло уже столько горя, а за искры души, едва заметные, которые вы же дружбой своей раздули и согрели...»⁹. В Ницце между

ними установилась та исключительная близость, которая сохранялась в последующие годы; их соединила взаимная душевная нужда и помощь. В 1850 году В. С. Аксакова писала: «Гоголь при ней совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинаковые взгляды, понятия, впечатления, язык»¹⁰. Он приучал Смирнову к постоянному, регулярному чтению церковных книг, читал ей сочинения отцов церкви, философа-стоика Марка Аврелия; на всю жизнь Гоголь стал для нее высшим духовным наставником. «Нас сдружило наше обоюдное одиночество в свете и сознание, что способности наши выше того слоя, где мы родились»¹¹, — писала Александра Осиповна.

Осенью 1844 года Смирнова вернулась в Петербург, и с Гоголем ее теперь связывала переписка, подробная и откровенная: она жалуется на своего мужа, неудачную семейную жизнь; рассказывает о романе с Н. Д. Киселевым, об увлечении Ю. Ф. Самариним. Но в ее письмах есть много подробностей и забавных эпизодов русской жизни. «В книжной лавке Иванова <...> купила я сочинения Н. Гоголя. Там мне сказали, что их продано только в этой лавке сто экземпляров, что Ольхин и Снегирев очень много продают, в Москве и в губернии потребовали много сочинений этого автора и проч. и проч. <...> Тут спросила А. О., прелюбопытная дама, требуют ли еще сочинения господина Булгарина. В ответ весьма застенчиво получила “да” и прибавлено, что их не предлагают, не выставляют и стараются выставлять только произведения порядочных авторов» (с. 605). Его ответные письма наполнены нравоучениями, советами, повелительными призывами к нравственному усовершенствованию: «Тогда смоеся прегрешение ваше, и душа ваша чиста будет от упреков совести» (с. 604). Часть писем-размышлений, адресованных Смирновой в Калугу, где ее муж несколько лет был губернатором, Гоголь включил в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», которую Александра Осиповна считала выше «Мертвых душ»; из-за этой книги она даже рассорилась с близкой ей семьей Аксаковых.

Гоголь вернулся в Россию осенью 1848 года; возобновляются их встречи со Смирновой, продолжается переписка. Когда писатель отправился в калужское имение Смирновых в Малом Ярославце, во время смены лошадей произошла забавная сцена. Городничий спросил у Льва Арнольди (сводного брата Смирновой): «Кто этот господин, ваш попутчик? — Это Гоголь. — Как Гоголь, тот самый, что написал “Ревизора”? — Да. — Ну, так, пожалуйста, представьте меня ему» (с. 65). В деревне Гоголь вставал рано, в пять утра, «пил кофе в восемь, запивал его холодной водой. <...> К нам он являлся в два часа. В воскресенье пил кофий с нами и приходил в полном параде, светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговицами и темно-синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе» (с. 65). Летом 1851 года писатель опять гостил у Смирновых, на это раз под Москвой, в Спасском. Там ему отвели две комнатки во флигеле; он вставал в пять утра, шел с молитвенником в рошу, в восемь пил кофе, потом писал; через два-три часа они со Смирновой встречались: беседовали, читал жития святых. «По вечерам Гоголь бродил перед домом после купания, пил воду с красным вином и сахаром и уходил часов в десять к себе. Был нездоров, жаловался, не разговаривал. <...> Любил смотреть, как загоняют скот домой. Это напоминало Малороссию. <...> Больны — расстались — благословил образом, «и молитва моя за вас будет» (с. 41). Лето было жарким; Александра Осиповна болела, нервы ее все более расстраивались; даже прочитанная Гоголем глава романа показалась ей «пошлой и скучной». Раз во время прогулки они забрели на кладбище соседнего села; Гоголь остановился и вписал в тетрадь:

О, гроб, мой дом.

О, дом мой, гроб.

Месяц, проведенный писателем в Спасском, был их последней встречей.

В 1847 году Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Не сердитесь на Смирнову, не называйте ее безрассудною женщиною. <...> Она меня знала еще прежде, чем вы меня знали, — знала как человека, не писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которых вы меня не видели. С ней мы были издавна, как брат и сестра, и без нее Бог весть, был бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни...» (с. 89–90). Смирновой о смерти Гоголя сообщили не сразу: для нее это была не только смерть гениального писателя, но и потеря очень близкого человека. «Никто не займет место Гоголя в моем сердце, никогда не будет у меня такого верного, преданного друга» (с. 609).

Примечания

¹ Письмо В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г. (*Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 7. С. 66).

² *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Гоголе // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 27. — Далее при ссылках на это издание в тексте указываются страницы.

³ Цит. по: *Переписка Н. В. Гоголя*: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 163.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Цит. по: *Колосова Н. П.* Смирнова и Гоголь // *Кавказиони*. 1985. Вып. 3. С. 199.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 194–195.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Там же. С. 203.

Н. В. Шаблинская
СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ
ЗАГОВОРИЛИ...

*Памяти моего отца,
Владимира Ивановича
Арнольда-Алябьева,
погибшего в блокаду
Ленинграда, посвящаю*

Александра Васильевна Алябьева

Шло лето 1812 года. Французы рвались к Москве, в которой царил переполох. В это страшное время в окрестностях Москвы в двух русских дворянских семьях родились две девочки. Одна из них, Наташа Гончарова, родилась в селе Кареена Тамбовской губернии, куда ее родители уехали из Москвы во время тревожных событий Отечественной войны. Вторая девочка, Александра, родилась на два месяца позже в родовом имении Алябьевых во Владимирской губернии. Они ничего не знали друг о друге и стали встречаться лишь в 1828 году, когда обеим исполнилось по 16 лет, на балах Московского дворянского собрания, которые посещали писатели и поэты¹, государственные деятели и даже сам государь император Николай Павлович. Они были весьма разные и по уровню образования, и по своим талантам, которыми одарила их природа. Но было у них нечто общее — это необыкновенная красота, которая оказалась в их жизни судьбоносной.

Случилось так, что эти две красавицы навеки оказались связанными бессмертной пушкинской строкой: «...и блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой...», написанной им в апреле 1830 года в послании «К вельможе». На балах Натали выделялась своей романтической красотой, в то время как красота Александры была «классической», по определению П. А. Вяземского². Натали была прелестной, нежной, с мягким застенчивым взглядом. Александра же имела отточенные черты прекрасного лица, гордую осанку и строгий холодный взгляд. В них влюблялись, им посвящали стихи. В частности, молодой М. Ю. Лермонтов, будучи студентом Московского университета, в 1831 году посвятил Алябьевой новогодний мадригал, в котором тонко подметил и с юношеской непосредственностью отразил особенности ее поведения и выражения ее лица:

*Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?³*

Многие современники Пушкина отмечали, что Александра Васильевна украшала великосветские собрания московского общества, была у всех на виду. Кроме выдаю-

шейся красоты, привлекавшей внимание, она обладала незаурядной музыкальностью, прекрасно пела и играла на фортепиано. Известный композитор Александр Александрович Алябьев был ее двоюродным дядей. В той или иной степени этим даром были наделены также и их потомки.

Вскоре обе красавицы вышли замуж. Избранниками их оказались люди весьма незаурядные. В 1831 году Натали Гончарова стала женой великого русского поэта А. С. Пушкина, а вот Александре Васильевне выпала особая судьба... Легенды о ней передавались в семье из поколения в поколение и впервые получают освещение на этих страницах. Жизнь Алябьевой не может быть названа счастливой, однако окружавшие ее люди считали, что судьба ее сложилась благополучнее, чем у Наталии Николаевны Гончаровой⁴.

Несколько лет тому назад, будучи в Москве, я посетила музей А. С. Пушкина на Старом Арбате. Осмотрев фотографии и гравюры на нижнем этаже, по парадной лестнице я поднялась в господские комнаты бельэтажа и, войдя в танцевальную залу, пришла в волнение: прямо передо мной со стены между окнами на меня смотрела Александра Васильевна Алябьева, моя двоюродная прапрабабка. Ее прекрасное гордое лицо обрамлено темными локонами, слегка ниспадающими на обнаженные плечи. Пурпурное бархатное платье и соболиная накидка подчеркивали белизну ее кожи, кисть левой руки с тонкими длинными пальцами спокойно лежала на ручке кресла. Фотография с этого портрета давно висит в моем доме. Подлинник же этого портрета я увидела впервые. Удалось, наконец, рассмотреть истинный цвет ее глаз, волос, а также одежду. Портрет был написан в 1844 году итальянским художником Шарлем Козиной, когда Александре Васильевне было уже 32 года. Он принадлежал ее старшему сыну Александру Кирееву и в музей Пушкина был передан родственниками.

Спустя более чем столетие мы можем взглянуть на портреты Гончаровой и Алябьевой и сравнить их между собой. Можно отметить, что у этих двух красавиц, таких разных в юности, появилось много общего: одинаковые прически (вероятно, модные в то время) с возрастом вытянутый овал лица, дуги бровей, высокий лоб в обрамлении приглаженных волос с прямым пробором, прямой нос и тонкие сжатые губы. И только взгляд их прекрасных глаз разный: открытый, прямой и мягкий у Наталии Николаевны, и скрытый, несколько надменный; с налетом грусти у Александры Васильевны.

Александра Васильевна происходила из древнего дворянского рода Алябьевых, который известен на Руси с начала XVI века⁵. Выходец из Польши, Александр Алябьев в 1520 году, во времена великого князя Василия Иоанновича Темного (1505–1533 гг.), отца Иоанна IV Грозного, приехал в Россию для службы при дворе. После того как он оказал князю какие-то услуги, ему пожаловали деревни и земли в Муромском уезде, недалеко от Москвы. С тех пор Алябьевы служили у русских государей воеводами, стольниками, а один из них, Григорий Андреевич, в 1631 году был даже послом России в Нидерландах. Род Алябьевых разрастался, усердно трудился на государственной службе и получал новые земли во Владимирской и соседних губерниях.

Отец Александры Васильевны, Василий Федорович, был сыном гусара, помещика Владимирской и Вологодской губерний, который, оставив военную службу, поселился у себя в поместье. Две его дочери, обе красавицы, — старшая Александра и младшая Варвара, получили блестящее домашнее воспитание.

С 16 лет Александра стала выезжать в свет. Здесь ее и увидел император Николай I, часто появлявшийся на московских балах.

Николай Павлович был человеком сложным. Многие современники отмечали двойственность натуры этого неординарного человека. По словам А. Ф. Тютчевой, фрейлины Марии Александровны, жены Александра II, внушительная и величественная внешность Николая I, величавая осанка, властный взгляд, снисходительная улыбка —

все дышало всемогуществом повелителя и убежденностью в своем призвании самодержца⁶. Его старшая дочь Мария Николаевна оставила записки о своем отце. Она писала, что совсем другим Николай I был среди своих домашних, в жилых комнатах на половине жены Александры Федоровны, в кругу своей многочисленной семьи. У него было семеро детей; последний законный сын императора Михаил родился 13 октября 1832 года. Детей он обожал, с ними он был мягким и добрым. Среди домашних его называли просто «папá», а для чужих это был строгий государь-император.

В зрелом возрасте (35–36 лет) этого грозного для посторонних человека охватила сильная и страстная любовь к 19-летней Александре Алябьевой. Она была моложе монарха на 16 лет и поразила его своей одухотворенной красотой.

Семейное предание гласит, что упорные ухаживания императора продолжались не менее года, и Александра Васильевна всячески избегала встреч с государем. Однако весной 1832 года она была вынуждена подчиниться и уступить. Наверное, многие современники догадывались об этой любви, но молчали. Двусмысленность положения, в котором оказалась молодая женщина, вынужденная скрывать ото всех происходящее, объясняет многое в ее поведении в свете. Отсюда гордый и надменный взгляд ее глаз и поведение недоступной красавицы. Этим можно объяснить и своеобразный тон посвящений поэтов в те времена Александре Васильевне, в частности юного Лермонтова, приведенный выше.

Вскоре Александра Васильевна забеременела, и государь нашел выход из создавшегося положения. В 1832 году он устроил ей фиктивный брак с молодым гвардейцем, бывшим офицером Ольвиопольского драгунского полка Алексеем Николаевичем Киреевым. Киреев принадлежал к древнему дворянскому роду, который известен в России с XVI века⁷. Жили Киреевы в Тульской, а затем и в Тверской губерниях. Это были служилые люди — стольники и стряпчие. За усердную службу им жаловали вотчины и поместья. В XVIII веке род весьма обеднел, и сыновья числились в армейской службе. В частности, отец Алексея Николаевича Николай Никитич был прапорщиком, а дед Никита Федотович — поручиком. У Алексея Николаевича был еще неженатый брат Валериан и сестра Елизавета.

Алексей Николаевич Киреев родился в 1812 году. Юношей поступил на службу офицером Ольвиопольского драгунского полка, квартировавшего на юге России в городе Ольвиополь (Орлик), заштатном городишке Елизаветградского уезда Херсонской губернии, находившейся у слияния рек Южный Буг и Синюха (ныне — Первомайск). В семье Алябьевых предполагали, что Алексей Николаевич Киреев, будучи пылким двадцатилетним юношей, в чем-то провинился у себя в полку, о чем было доложено государю. В результате этого он был вызван в Санкт-Петербург для встречи с Николаем I. Об их разговоре можно только догадываться. Вероятно, Киреев получил прощение, но вместе с тем дал согласие на фиктивный брак. Волею монарха он был переведен в один из гвардейских полков Санкт-Петербурга и пожалован богатыми именьями в Пензенской губернии. Такова история женитьбы Алексея Николаевича Киреева на московской красавице Александре Васильевне Алябьевой. В 1832 году высшее дворянское общество Российской империи присутствовало на свадьбе двух молодых людей, практически чужих, не знавших друг друга, не подозревая, что брак этот был обманом, а вся пышность церемонии — показной. Все было сделано для того, чтобы скрыть истинное положение вещей, не уронить чести императора. После церемонии невесту увезли родственники, а молодой жених отправился продолжать военную службу. Встречались ли они еще в этой жизни — сказать трудно.

Первый ребенок Александры Васильевны родился весной 1833 года. Сын Александр⁸ появился на свет в Пензенском поместье, куда перед родами была отправлена

Александра Васильевна, подальше от посторонних глаз. Позже молодая мать с ребенком вернулась в Санкт-Петербург. Когда мальчик подрос, его отдали в пажецкий корпус. В 1877–1890 годах он состоял при великом князе Константине Николаевиче, а после 1890-х годов, уже в чине генерал-лейтенанта, числился по армейской кавалерии. Александр Алексеевич был незаурядным публицистом. Он принадлежал к кругу славянофилов во главе с Константином Сергеевичем Аксаковым, сыном известного писателя С. Т. Аксакова. Александр Киреев дискутировал с философом В. С. Соловьевым, писал статьи о взаимоотношении церквей, занимался вопросами папства, папской непогрешимости и др., принимал деятельное участие в так называемом старокатолическом движении, считая, что это поможет продвижению православия на Запад. Был секретарем Общества любителей духовного просвещения.

В 1840 году у Александры Васильевны родилась девочка, которую назвали Ольгой⁹. О ее детстве и юности нам ничего не известно. Вышла замуж за генерал-лейтенанта Ивана Петровича Новикова. С 1878 года поселилась в Лондоне, где и начала свою литературно-публицистическую деятельность. Так же, как и брат, симпатизировала славянофилам. Ее статьи об англо-русских отношениях печатались в разных английских журналах и газетах. Она также сотрудничала с русскими периодическими изданиями («Московские ведомости», «Русское обозрение»).

Вскоре после рождения дочери, в 1841 году, у Александры Васильевны родился сын, которого назвали Николаем¹⁰. Согласно семейному преданию, Коленька настолько был похож на своего отца — государя Николая I, что, когда ребенок подрос, его отправили подальше от России — в Сербию, где он и вырос. В Россию он уже не вернулся. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона¹¹ о нем сказано весьма скупое. В 1876 году, во время русско-турецкой войны, он вступил добровольцем в кавалерию сербской армии под именем Гаджи-Гирея и участвовал в сражениях. Николай командовал отрядом, одержал над турками ряд побед и был убит 12 сентября 1876 года под Раковичами в Болгарии. Есть свидетельства о том, что могила его до сих пор поддерживается в порядке местными жителями, а село, где он погиб, названо в честь него Киреевкой.

О древнем дворянском роде Киреевых в энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано всего несколько слов, а об Алексее Николаевиче Кирееве — вообще ничего. Однако детям Киреева посвящены отдельные статьи; видимо, им уделяется персональное внимание потому, что они были детьми государя Николая I.

Году в 1843-м, после отъезда младшего сына в Сербию, Александра Васильевна тяжело переживала разлуку с ним, и между нею и Николаем Павловичем наступило охлаждение. Она стала надолго уезжать в Москву, где в 1844 году она организовала литературный салон. По воспоминаниям Б. Н. Чичерина, «не первой молодости и довольно полная, но все еще удивительно красивая, она любила в своей гостиной соединять ученых и литераторов и сама блистать своим образованием...»¹² Именно в это время (ноябрь 1844 года) Н. М. Языков, который был частым гостем, посвящает ей стихи:

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,

Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари...¹³

Салон Александры Васильевны посещали знаменитые литераторы: В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, отец и сын Аксаковы, П. А. Плетнев, М. П. Погодин и многие другие¹⁴.

В 1846 году умер Алексей Николаевич Киреев, которому было всего 34 года. Семейное предание гласит, что он был убит на дуэли, состоявшейся из-за насмешек сослуживцев над тайной его семейного положения. Предполагалось также, что эта смерть послужила причиной разрыва близких отношений Александры Васильевны и Николая Павловича. Она окончательно переехала в Москву и полностью посвятила себя воспитанию детей. Таким образом, эта любовная связь длилась не менее 10, а возможно и более лет. Замуж она больше не выходила. Государь же, как это явствует из дневников многих современников, в частности фрейлины А. Ф. Тютчевой, со временем подарил свою благосклонность Варваре Нелидовой, жившей в Зимнем дворце на правах фрейлины императрицы. Связь эта теплилась до его кончины в 1855 году. Александре Васильевне в то время было всего 43 года, а ее старшему сыну — 22. С ним она прожила всю оставшуюся жизнь, умерла она в 1894 году в возрасте 82 лет.

Мы начали этот очерк с сопоставления судеб, выпавших на долю двух московских красавиц, «связанных» навеки пушкинской строкой.

Жизнь Наталии Гончаровой сложилась не менее драматично. Трагедия с А. С. Пушкиным сильно потрясла ее. Частое безденежье, необходимость самой вести хозяйство, четверо малолетних детей — все это требовало от хрупкой и нежной женщины больших жизненных усилий. Второе замужество с П. П. Ланским, который создал ей покой и уют, не облегчало ее душевной боли. Она всю жизнь считала себя повинной в смерти Александра Сергеевича. В результате она стала много болеть и в 51 год умерла. Похоронена Натали Гончарова-Пушкина-Ланская в Александро-Невской лавре на Лазаревском мемориальном кладбище (ныне некрополь XVIII века). Когда бываю в лавре, захожу к ней и кладу цветы на ее каменный саркофаг.

Весьма интересна и судьба семьи родной сестры Александры Васильевны — Варвары, которая была на два года младше ее. Они получили одинаковое воспитание, вместе посещали великосветские балы. Но младшая сестра не обладала той классической красотой, а главное, не была столь музыкальна, как старшая. Когда ей исполнилось 20 лет, на одном из приемов в Москве она встретила молодого офицера — лейтенанта Аркадия Сергеевича Лескова. Большая разница в возрасте не помешала им полюбить друг друга. В 1834 году они поженились, и их брак был весьма удачным.

К тому времени Аркадий Лесков был уже состоявшимся человеком. Двадцатидвухлетний выпускник морского Кадетского корпуса состоял членом экипажа знаменитого шлюпа «Восток», которым командовал Ф. Ф. Беллинсгаузен. Во время его знаменитой антарктической экспедиции 1819–1821 годов был открыт целый ряд неизвестных до тех пор островов. В частности, в архипелаге Сандвичевых островов есть группа, названная в честь морского министра России того времени маркиза де Траверсе. Острова эти получили русские названия, и один из них был назван островом Лескова. В выпуске из корабельного журнала, который вел сам Беллинсгаузен, написано: «открылся к северу в 13-ти милях неизвестный остров... Он имеет вид хребта горы, высунувшейся из океана, длиною несколько менее двух миль, ширина в половину длины... Весь остров покрыт снегом и льдом, не был еще известен, а потому я назвал оный остров Лескова в честь третьего лейтенанта шлюпа «Востока»». ¹⁵ И ныне на всех географических картах

Южно-Сандвичевых островов можно видеть этот остров, открытый Беллингсгаузеном 22 декабря 1819 года.

Самым знаменитым представителем рода Алябьевых был композитор Александр Александрович Алябьев. Написанный им романс «Соловей» на стихи А. А. Дельвига сделал фамилию Алябьевых широко известной. Родился он в Москве в 1787 году. Отец его был видным сановником, сенатором, президентом Берг-коллегии, главным директором Горного корпуса и межевой канцелярии. Мать — Новикова, была близкой родственницей известного русского просветителя Н. И. Новикова. Будущий композитор получил прекрасное домашнее воспитание и был отдан в Московский университетский пансион. Уже в детстве проявлял явные музыкальные способности, однако специального музыкального образования не получил, т. к. отец прочил ему военную карьеру. В 14 лет был зачислен на службу в Берг-коллегию, а в 1812 году назначен офицером в 3-й Украинский казачий полк, затем служил в гусарских полках. Во время Отечественной войны 1812–1815 годов участвовал в нескольких сражениях с французами под началом Дениса Давыдова. В 1823 году он был уволен в отставку из лейб-гвардии Конно-егерского полка в чине подполковника. В это время ему было 36 лет. Он поселился в Москве в собственном доме № 138 под Новинским, расположенным недалеко от Коломенского. На музыкальных вечерах А. А. Алябьева частыми гостями были князь В. Ф. Одоевский, А. Н. Верстовский, граф М. Ю. Виельгорский, а также А. С. Грибоедов. Таким образом, композитор в 1823–1825 годах вращался в самых аристократических кругах московского общества. Алябьев особенно дружен был с А. С. Грибоедовым, который поселился поблизости и часто посещал друга.

Как brave гусар, Александр Александрович был изрядным кутилой и азартным картежником. Однажды, в 1825 году, во время картежной игры в его доме, один из гостей обвинил игравших в шулерстве, и композитор сильно ударил его по лицу. Через несколько дней этот человек скончался от инсульта. История эта стала известна, и Алябьев был обвинен в том, что способствовал смерти своего гостя. Его лишили дворянства и сослали в Тобольск. Дело это тянулось долго, и в Сибирь Александр Александрович уехал лишь в 1828 году. Биограф композитора Григорий Тимофеев пишет, что практически неизвестно, когда Алябьев вернулся в Москву¹⁶. Таким образом, не ясно, сколько времени он пробыл в ссылке. Знакомые встречали Алябьева в Москве в 1839 году. В свете изложенного выше нам представляется возможным уточнить эту дату. В Москву композитор вернулся гораздо раньше, вероятно, в 1835–1836 годах, когда отношения Алябьевой и Николая I были настолько близкими, что смогли сыграть определенную роль и в судьбе ее родственника. Вероятно, вскоре после рождения у Александры Васильевны сына композитор был помилован и смог вернуться в Москву. Он снова поселился в своем доме. Его женой стала Екатерина Александровна Римская-Корсакова, которая была намного моложе его. Детей у них не было. Александр Александрович умер в 1851 году, оставив большое музыкальное наследство, прославившее его на всю Россию. Похоронен он в Симоновом монастыре, в склепе под небольшой церковью во имя святого Александра Невского. Жена его похоронена там же.

Александра Васильевна Алябьева и ее сестра Варвара относятся к той ветви генеалогического древа семьи Алябьевых, которая дала многочисленных потомков, к одному из современных колен которого принадлежит и автор этого очерка. Как уже говорилось, в роду Алябьевых многие, даже далекие потомки, унаследовали музыкальные таланты. Один из них, Николай Арнольд, учился в Петербургской консерватории в классе Л. В. Собинова. Он обладал замечательным голосом — лирическим тенором — и был любимым учеником Собинова. Последний считал его своим наследником. Собинов в

1913 году подарил ученику свой портрет. К сожалению, юноша погиб в 1919 году, когда учился на последнем курсе.

Моя тетушка, Ирина Константиновна Неслуховская-Мерц, в 1997 году, незадолго до смерти, поведала мне семейные предания Алябьевых, которые, надеюсь, займут свое место в истории музыкальной культуры России.

Дворец княгини Юрьевской в Санкт-Петербурге

В Санкт-Петербурге, недалеко от Литейной части, если идти параллельно Неве по Шпалерной улице в сторону Фонтанки, вскоре открывается вид на серое трехэтажное здание, стоящее на Гагаринской улице поперек Шпалерной. Этот старинный особняк под номером три по Гагаринской улице, со двоянными полуциркульными итальянскими окнами и кариагидами в оконных проемах, украшен львиными масками и имеет два крытых подъезда по краям здания, что придает ему симметричный вид. До революции 1917 года он принадлежал светлейшей княгине Екатерине Михайловне Юрьевской — морганатической супруге императора Александра II.

Дворец был построен архитектором Г. А. Боссе в 1840-х годах из рускиальского мрамора. Этот уникальный камень добывался недалеко от Санкт-Петербурга, в восьми верстах от города Сердоболя (ныне Сортавала), в старинных ломках (карьерах) северного побережья Ладожского озера. Время и частые петербургские дожди изменили окраску мрамора, и снаружи он выглядит дымчато-серым, однако внутренняя отделка мраморных интерьеров и сейчас сохранила свой серо-голубой цвет с розовым отливом.

Рускиальский мрамор использовался при строительстве Мраморного дворца на набережной Невы, а также для внутреннего убранства Исаакиевского и Казанского соборов. Так, в Казанском соборе пол из синевато-серого и серого с зеленью мрамора.

Особняк на Гагаринской принадлежал графу А. Г. Кушелеву-Безбородко и его младшему сыну. В 1857–1862 годах он был перестроен, значительно расширен и приведен в современный вид архитектором Э. Я. Шмидтом, о чем сохранилась памятная надпись в левом нижнем углу здания, около ворот, над панелью. Подобные надписи в Санкт-Петербурге мало где сохранились и являются теперь большой редкостью.

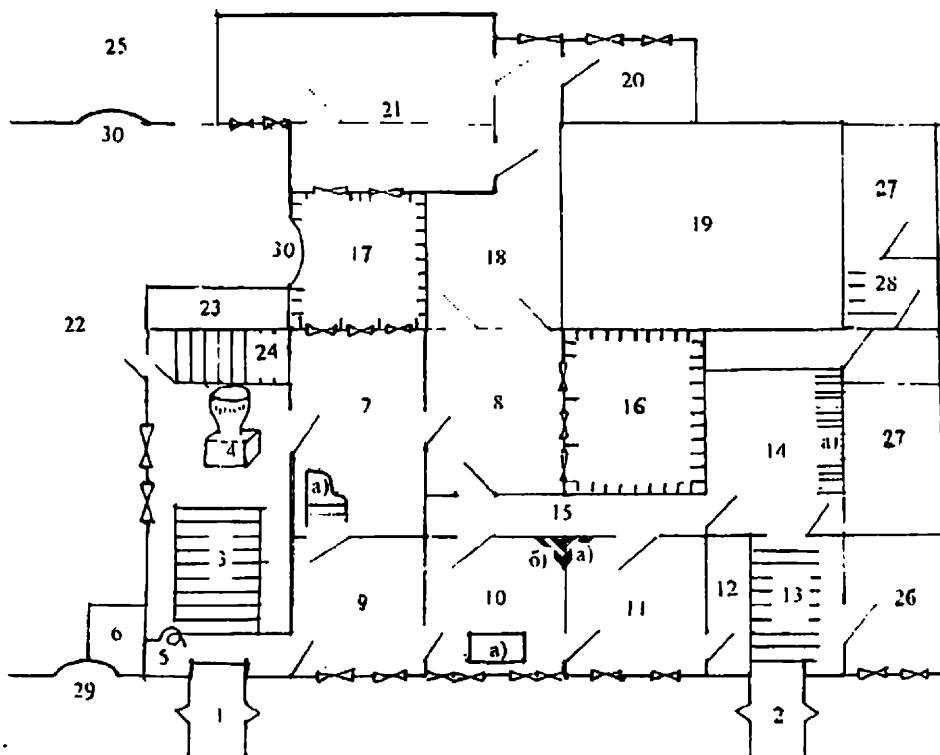
В 1870-е годы дворец принадлежал членам царской семьи, а в 1880 году он был подарен Александром II светлейшей княгине Юрьевской. Сам государь практически не жил в этом дворце: 1 марта 1881 года его настигла смерть.

В первые годы советской власти во дворце размещалась балетная студия, а с 1920 года — профсоюзная инспекция, на базе которой в 1927 году был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны труда. В 2004 году во дворце произошли изменения: основные покои занял Европейский университет Санкт-Петербурга, а сотрудники НИИ охраны труда Московского государственного социального университета (так он теперь называется) переместились во вспомогательные помещения здания. Несмотря на частую смену хозяев, внутренние покои и наружный вид дворца остались без существенных изменений.

Если пройти слева под арку, то во дворе, в виде пристройки, стоит небольшой двухэтажный флигель. Это дом управляющего дворцом. За ним начинался сад с деревьями и песчаными дорожками между газонами, который занимал все пространство до набережной Фонтанки. На территории сада в 1913–1914 годах был построен шестизэтажный доходный дом, примыкающий к флигелю, а позже выросшие дома плотным кольцом окружили дворец с внутренней стороны.

В феврале 1991 года, когда я побывала во дворце в сопровождении одного из старейших сотрудников НИИ, он рассказал много интересного из истории дворца, и я составила схематический план внутренних помещений. Услышала я и о том, как происходило

**План-схема второго этажа
дворца княгини Юрьевской, Гагаринская ул. д. 3
(составлена Н. В. Шаблинской в 1991 г.)**

- 1 и 2 — парадные с навесом по фасаду,
3 — вестибюль и мраморная лестница,
4 — мраморная итальянская ваза,
5 — балкончик с винтовой лестницей в привратническую,
6 — привратническая,
7 — Белый зал: а) роуль,
8 — столовая,
9 — Золотой зал (библиотека),
10 — кабинет, а) письменный стол, б) камин,
11 — парадный будуар, а) камин,
12 — туалетная комната,
13 — вестибюль с лестницей в пристройку,
14 — бильярдная под стеклянной крышей:
а) металлическая лестница на третий этаж,

- 15 — коридор,
16 — внутренний дворик,
17 — дворик с воротами,
18 — коридор,
19 — зимний сад (?),
20 — молельня,
21 — флигель управляющего,
22 — двор,
23 — будка охраны поздней пристройки,
24 — лестница во двор,
25 — шестизэтажный доходный дом постройки 1914 г.,
26 — комнаты гувернеров,
27 — пристройки, квартиры для прислуги,
28 — черная лестница,
29 и 30 — арки во дворы.

вселение института: окна были открыты настежь, и в них летела царская мебель — все, что считалось ненужным: стулья, диваны, столы, книги...

Когда-то интерьеры дворца были богато оформлены. До наших дней хорошо сохранился вестибюль, облицованный бело-розовым мрамором. Двадцать пять широких мраморных ступеней ведут на верхнюю площадку вестибюля, в центре которой стоит большая, чуть выше человеческого роста, мраморная ваза, украшенная барельефами обнаженных человеческих фигур и листьями и гроздьями винограда.

Ваза была привезена в Россию из Италии. Таких ваз в Санкт-Петербурге было две, и они принадлежали знаменитому вельможе екатерининской эпохи канцлеру Александру Андреевичу Безбородко. Знаменитые коллекции живописи и скульптуры, собранные князем Безбородко, хранятся в петербургских музеях. Беломраморное надгробие над его прахом (скончался в 1799 г.) и сейчас можно увидеть в усыпальнице церкви Благовещения пресвятой Богородицы в Александро-Невской лавре. В 1780-е годы особняк Безбородко стоял на Ново-Исаакиевской улице, и, как отмечает М. И. Пыляев, в парадной зале по обеим сторонам стояли две большие мраморные вазы с барельефными фигурами, сделанные в Риме¹⁷. Дом А. А. Безбородко впоследствии был переделан в Санкт-Петербургский почтамт, а вазы были перенесены в новые апартаменты, приобретенные его наследниками, в том числе на Гагаринской улице. Одна из этих замечательных ваз попала в особняк под номером три, где и сейчас можно полюбоваться ею. Местонахождение второй вазы мне неизвестно.

Внизу, у самого входа в вестибюль, расположена небольшая витая лестница, которая ведет на балкончик — помещение привратника.

На верхней площадке, напротив описанной выше вазы, расположена резная дубовая дверь, ведущая в Белый зал, окна которого раньше выходили в сад, а теперь в окруженный постройками дворик. Зал, небольшой и уютный, предназначался для скромных приемов близких друзей и знакомых. Гипсовые амурчики по бордюру потолка сохранились и по сей день. Рядом с Белым залом была расположена столовая, от внутреннего убранства которой практически ничего не осталось. Еще одна дубовая дверь в торцевой части зала ведет в Золотой зал, окна которого располагаются по фасаду здания. Здесь была библиотека. Отделка стен и книжных шкафов сохранилась. Из прежних книг я видела энциклопедию Брокгауза и Ефрона.

От Золотого зала начинается анфилада парадных комнат, расположенных по фасаду дворца, с окнами, выходящими на Гагаринскую. За библиотекой следует кабинет, далее — парадный будуар. В этих комнатах сохранились фрески на потолках. Из будуара небольшая дверь ведет в туалетную, за которой расположена вторая, правая, парадная. За парадной находятся помещения, позже пристроенные к дворцу. Здесь размещались комнаты гувернеров, металлические и черные лестницы квартир, где жила прислуга. Во внутренней части дворца, с проходами через систему коридоров, — бильярдная со стеклянной крышей, зимний сад и небольшая часовня — молельня. Эти помещения потеряли свой первоначальный облик, и об их принадлежности теперь уже ничто не напоминает. Широкий коридор соединяет дворец с двухэтажным флигелем управляющего. У флигеля узкие высокие окна и несколько просторных жилых комнат.

На третьем этаже дворца размещались жилые комнаты. Стены выполнены из искусственного мрамора, а рускальский мрамор сохранился только в одной из них. Окна лишены подоконников и начинаются прямо от пола. Форма резных дубовых дверей повторяет форму окон. Интересная особенность дворца — его отопление. Во дворце отсутствуют печи, и только на втором этаже в кабинете и парадном будуаре находятся каминные. В остальных помещениях в стенах оборудованы бронзовые душники. Во дворе

находилась котельная, откуда подогретый воздух поступал во дворец. Таково в общих чертах устройство дворца княгини Юрьевской.

О княгине Юрьевской я впервые услышала в 1950-е годы от своего свекра Николая Алексеевича Шаблинского, который свои отроческие годы провел в доме 3 по Гагаринской улице. С 1909 по 1915 год отец моего свекра, Алексей Викентьевич Шаблинский, служил управляющим дворцом княгини Юрьевской и жил с семьей во флигеле управляющего. Николай Алексеевич, человек весьма образованный и страстный библиофил, дал мне прочесть книгу французского дипломата при дворе Александра II Мориса Палеолога «Роман императора (Александр II и княгиня Юрьевская)», изданную в Берлине в 1924 году¹⁸. Прочитав ее, я была очарована этой необыкновенной любовью, которая вспыхнула между сорокасемилетним императором и шестнадцатилетней девочкой-смолянкой Катенькой Долгорукой, впоследствии княгиней Юрьевской. Книга написана с большой симпатией, теплотой и глубоким уважением к персонажам, их чувствам и отношениям на протяжении 16 лет.

У Александра II и императрицы Марии Александровны, которая была моложе императора на 6 лет, родилось восемь детей, шесть сыновей и две дочери. Частые роды и смерть старшего сына Николая — наследника престола, подорвали здоровье императрицы, и после рождения младшего сына Павла в 1860 году она заболела туберкулезом. Постепенно супруги стали отдаляться друг от друга. Последняя совместная фотография Александра II и императрицы относится к 1866 году. Более они, вероятно, не были близки. В этом же году рядом с императором появилась Е. М. Долгорукая. Встречи их были тайными, сначала во дворце Бельведер, в трех верстах от Петергофа, затем в кабинете Николая I на первом этаже Зимнего дворца. Княгиня никуда не выезжала, полностью отрезавшись от светской жизни, общалась только с Государем и узким кругом преданных ему людей. Посвятив всю жизнь императору, она была его другом и подержкой¹⁹. В 1872 году родился их первый сын Георгий, которого родители звали Гого. Александр II любил говорить, глядя на сына: «Вот истинно русский»... На семейной фотографии он стоит с отцом и матерью, одетый в черкеску с газырями на груди и кинжалом на поясе. На коленях Государя сидит их дочь Ольга, которая родилась в 1873 году. Через три года у княгини родился сын Борис, но вскоре умер от болезни, а в 1878 году родилась дочь, которую назвали Екатериной. Вскоре Екатерина Михайловна с детьми поселилась на третьем этаже Зимнего дворца и жила там до гибели императора. Между тем болезнь императрицы быстро прогрессировала, и 3 июня 1880 года, в возрасте 56 лет, она умерла.

Через полтора месяца, 18 июля, в Екатерининском дворце Царского Села, в одной из комнат, с напех организованным походным алтарем состоялась скромная свадьба, на которой присутствовали только свидетели — генерал-адъютанты граф А. В. Адлерберг, Э. Т. Баранов, А. М. Рылеев и подруга княжны Варвара Игнатьевна Шебеко.

В этот же вечер император подписал указ Правительствующему Сенату, в котором княжне Долгорукой присвоено имя княгини Юрьевской с титулом светлейшей. То же касалось и детей. 29 августа семья с двумя старшими детьми выехала в Ливадию (Крым), а в декабре они вернулись в Зимний дворец.

Два месяца спустя семью Александра II постигло горе. 1 (13) марта 1881 года Государь был зверски убит бомбой, брошенной террористами на набережной Екатерининского канала. На месте его гибели архитекторами А. А. Парландом и И. А. Макаровым возведена церковь Воскресения Христова, которая больше известна как Спас на Крови. В завещании, написанном в Ливадии, отец поручил своему сыну и наследнику престола Александру позаботиться о княгине Екатерине Михайловне и ее детях. Однако вскоре после похорон княгине пришлось покинуть Россию.

Появившаяся за последнее десятилетие серия художественных произведений, газетных и журнальных статей, а также телевизионных фильмов (В. З. Азерников, К. В. Артюхов и др.) кончаются на том, что княгиня покинула Россию навсегда и умерла в Ницце в 1922 году.

Я попыталась собрать разрозненные сведения о жизни семьи княгини после смерти Александра II и дополнить их рассказами очевидцев. Жизнь княгини Юрьевской пополняется новыми сведениями, интересными для истории России конца XIX — начала XX столетия.

На престол взошел Александр III, который был очень привязан к своей матери — императрице Марии Александровне. О его отношении к новой семье отца нетрудно догадаться. Уже на похоронах Александра II, по свидетельству генерала А. А. Мосолова, у широкой лестницы в Зимнем дворце в ожидании появления их величеств собрались с правой стороны все Великие князья и княгини, а с левой стояла небольшая траурная группа, состоящая из княгини Юрьевской и трех малюток. Все они были одеты в черные траурные платья. Александр III, войдя, направился здороваться к высочайшим особам, затем он обернулся и, подойдя к княгине Юрьевской, обменялся с ней несколькими словами и быстро пошел к выходу. Новая императрица Мария Федоровна, следуя за Государем, на минуту остановилась, и тогда к ней подошла княгиня Юрьевская. Мгновение они стояли друг против друга. Затем, преодолев нерешительность, Мария Федоровна «быстро обняла княгиню, и они обе заплакали». Дети подошли и поцеловали ручку, протянутую им императрицей. Начался отъезд в Петропавловскую крепость. Еще раз оглянувшись А. А. Мосолов увидел, что траурная группа Юрьевской с детьми стояла как окаменевшая в углу громадного почти опустевшего вестибюля. Для них была заказана отдельная панихида²⁰. Нельзя не отметить, что Мария Федоровна повела себя весьма достойно. Ведь если бы она протянула Юрьевской руку, то, согласно этикету, княгиня должна была бы ее поцеловать. Однако они обнялись и оказались на равных.

Не менее обстоятельно описывает похороны императора в Петропавловском соборе Морис Палеолог. После заупокойной литургии наступил момент прощания. Первым простился Александр III, за ним царица, великие князья и княгини. Далее к гробу приблизились послы других государств. «...Но в это время главный церемониймейстер князь Ливен попросил нас остановиться. В глубине церкви из двери, ведущей в ризницу, вышел министр двора граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинной траурной вуалью». Это была Екатерина Михайловна Юрьевская, морганатическая супруга покойного императора. «Опустившись на колени, она с молитвою припала головой к телу покойного». Через несколько минут, опираясь на руку Адлерберга, она исчезла в глубине церкви. Только после этого стал прощаться дипломатический корпус и все остальные. Появление княгини Юрьевской в момент прощания произвело неизгладимое впечатление на присутствовавших в Петропавловском соборе. М. Палеолог пишет и о том, что княгиня отрезала свои роскошные волосы и положила их в гроб императора²¹.

Вскоре Александр III повидался с княгиней и «посоветовал» ей оставить Россию вместе с ее детьми. Быстро собравшись и оформив перевод денег, оставленных Александром II на ее имя, они уехали из России во Францию и поселились в Париже.

Теперь обратимся к событиям столетней давности и к свидетельствам очевидцев.

Как уже было упомянуто, отец моего свекра с 1909 по 1915 год управлял дворцом княгини Юрьевской на Гагаринской ул., 3. Кем же был этот человек и как он попал в управляющие дворцом?

Алексей Викентьевич Шаблинский родился в 1862 году в местечке Белоусы Дриссенского уезда Витебской губернии в 5 километрах от реки Свольны, притока реки Дриссы.

Отец его, Викентий, выходец из Польши, имел большую семью — пять сыновей и двух дочерей. Фамилию свою получил от польских шляхтичей, владельцев местных земель. Сам он был православный. Сын его Алексей Викентьевич образование имел небольшое, учился в приходской школе, однако был весьма умен, деловит и предельно честен. Юношей покинув Белоусы, он перебирается в Санкт-Петербург. Первоначально устроился на Московскую железную дорогу, затем чиновником на строительство Сибирской железной дороги. В это время он уже был женат на Анне Мионовне Мионовой, которая была на четыре года старше его.

В 1896 году у них родился сын Николай, а три года спустя дочь Раиса. Содержать семью стало трудно, и Алексей Викентьевич выехал в г. Читу, где получил работу в качестве начальника участка Транссибирской железной дороги. Там в 1902 году у них родилась дочь Елизавета. Проработав на железной дороге несколько лет и скопив немного денег, в 1908 году семья возвращается в Петербург и поселяется в районе Литейной части на съемной квартире. Сын Николай поступает в реальное училище, старшая дочь Раиса — в частную гимназию на улице Пржевальского вблизи Сенной площади, а младшая, Лиза, — в Петришуле на Невском проспекте. Сам же Алексей Викентьевич вступает в члены польской артели, где распределялись рабочие места. Подобных артелей в те времена в Санкт-Петербурге было множество. Каждая имела свой устав, который утверждался у градоначальника. В уставе подчеркивалось, что все члены артели благонадежные люди, русские подданные и в основном православные. Оговаривался и возраст артельщиков — не моложе 21 года. Студентов и военных в артель не принимали. В артелях не было лиц с высшим образованием, но здесь ценились честность, исполнительность, незаурядная смекалка и моральная чистоплотность²². Всеми этими качествами обладал Алексей Викентьевич Шаблинский.

Случилось так, что около 1909 года во дворец княгини Юрьевской понадобился управляющий, и выбор членов артели пал на Шаблинского, учитывая его незаурядный ум, преданность делу и необычайную честность. Таким образом, семья переезжает на Гагаринскую улицу и поселяется в отдельном флигеле дворца, предназначенном для управляющего. Этот флигель стоит и сейчас. С дворцом он соединен длинным коридором, в конце которого располагалась домовая церковь, где молилась княгиня. Княгиня в это время находилась во Франции и изредка приезжала в Санкт-Петербург. Детям управляющего было разрешено ходить по дворцу и пользоваться библиотекой. Вероятно, последнее благотворно влияло на их учебу: сказалося на широте их взглядов и глубине образования. Мой свекор — Николай Алексеевич — в то время 13-летний мальчик, вспоминая о годах, проведенных под крышей дворца княгини Юрьевской, называл их благодатными. К сожалению, самому государю не пришлось долго жить в этом доме, но память о себе он здесь оставил. В кабинете, окна которого выходили на Гагаринскую, стоял огромный письменный стол красного дерева с зеленым сукном, подаренный Александром II своим детям. В углу стола была прикреплена медная пластина с выгравированной надписью: «За сим столом все науки пройти». Мой свекор запомнил эту надпись на всю жизнь. Помнили ли дети княгини об этой заповеди своего отца, следовали ли ей и передали ли они эти слова внукам и правнукам? К счастью, не только они, но и люди, жившие в этом доме, читали ее, следовали ей, и текст ее дошел до наших дней благодаря памяти их потомков.

Сестры моего свекра Елизавета и Раиса рассказывали мне, как они, будучи детьми, бегали по комнатам дворца и лазали по стеклянной крыше бильярдной комнаты, которую я видела и сейчас в центре здания, около лестницы с металлической решеткой, ведущей на 3-й этаж.

Княгиня Юрьевская, несомненно, приезжала в Санкт-Петербург и останавливалась в своем дворце после восшествия на престол Николая II, т. е. после 1894 года. После 1909 года она была в Петербурге не менее двух раз. Об этом рассказывала мне старшая из дочерей управляющего. Передаю ее рассказ об одном эпизоде полностью, так, как я его записала: «Однажды, когда мне было 13–14 лет, я играла в саду и, сидя на корточках, лепила песочные куличики. Вдруг я услышала, что кто-то зовет меня: девочка, девочка, поиграй с мальчиком! Я подняла глаза и увидела, что метрах в 10 от меня стоит стройная седая дама в белом одеянии и зовет меня и манит к себе рукой. Недалеко от нее я увидела мальчика моего возраста». Раиса сразу поняла, что перед ней княгиня Екатерина Михайловна со своим внуком. Она испугалась и кинулась бежать в дом, так как боялась отцовского гнева. Это было в 1913 году.

Этот год был насыщен событиями. 21 февраля праздновали 300-летие дома Романовых. В этом году в возрасте 41 года умер князь Георгий Александрович, сын княгини. Вероятно, она привозила своего внука Александра Юрьевского, чтобы показать ему Санкт-Петербург и поклониться праху государя, своего мужа и его деда. Они жили в своем дворце на Гагаринской. Случилось так, что это был последний приезд княгини в Россию. В 1914 году началась Первая мировая война, а затем смута и революция.

Семья управляющего прожила во дворце также недолго. В самом конце 1914 года, в декабре, Алексей Викентьевич в возрасте 52 лет скоропостижно скончался от аппендицита. Похоронили его на Большеохтинском кладбище. В начале 1915 года семья управляющего покинула дворец княгини Юрьевской и переехала на окраину Царского Села, где сняла квартиру в двухэтажном деревянном доме.

Между тем в России грянул 1917 год. После отъезда семьи управляющего, при котором все было в идеальном порядке, дворец княгини Юрьевской был разграблен прислугой и дворниками. Покидая дом на Гагаринской, семья была в крайне удрученном состоянии. Сын был уже студентом Технологического института, старшая дочь кончала гимназию, а младшей пришлось уйти из Петришуле. Мать Анна Мироновна сильно болела.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что светлейшая княгиня Юрьевская в начале XX столетия, а возможно и в конце XIX, неоднократно приезжала в Санкт-Петербург и жила в своем дворце на Гагаринской улице. Но основная жизнь ее протекала во Франции. В течение нескольких лет после смерти Александра II и отъезда княгини с детьми, М. Палеолог несколько раз встречал ее в Париже. Он пишет, что она вела там обычную жизнь богатой иностранки. У нее не было никаких сердечных увлечений. Воспитание трех детей, вероятно, поглощало ее целиком²³.

Дальнейшая жизнь княгини сложилась так, что дети, подрастая, уходили от нее, заводили свои семьи и расселялись по Европе. Сын, светлейший князь Георгий, женился на графине Александре Зарнекау и поселился в Швейцарии. В 1900 году у них родился сын Александр, тот самый внук, с которым княгиня приезжала в Санкт-Петербург в 1913 году. От брака с Урсулой Анной-Марией в 1961 году появился прямой наследник рода князей Юрьевских — светлейший князь Ганс Георг Александр, который живет в небольшом городке Мейлен, на берегу Цюрихского озера в Швейцарии. Правнук императора Александра II приезжал в Россию в 1991 году и возложил цветы на гробницу своего царственного прадеда. При нем впервые за истекшие 70 лет была отслужена панихида, во время которой молодой князь крестился по православному обычаю.

Дочь княгини Юрьевской Ольга вышла замуж за графа Георга Николааса Меренберга. Последний был сыном Наталии Александровны, младшей дочери великого поэта

Александра Сергеевича Пушкина. Так, волею судьбы, наш знаменитый поэт А. С. Пушкин породнился с Российским императорским домом Романовых в своих потомках²⁴. Графиня Меренберг (урожд. Пушкина) и ее муж принц Нассауский жили в Германии в Висбадене. Там и поселились потомки дочери княгини Юрьевской.

Оставшись одна, княгиня Юрьевская уехала в Ниццу, о которой они мечтали с Александром II, где и прожила последние годы в бедности. Деньги, которые ей были завещаны, давно кончились, и она продавала свои украшения и ценные вещи. Умерла княгиня 15 февраля 1922 года в возрасте 73 лет.

На трудности последних лет ее жизни указывает дневниковая запись императрицы Марии Федоровны в марте 1923 года. Она записала, что Кате Юрьевской, младшей дочери княгини и Александра II, приходится петь в концертах, чтобы заработать себе на пропитание. Светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская ушла из жизни, не оставив своей дочери никаких средств к существованию²⁵.

Такое окончание этой жизни, всецело посвященной человеческой любви.

Проходит время, сменяются столетия и режимы, уходит в прошлое история человеческих судеб, а серый мраморный дом на Гагаринской, 3, продолжает поражать прохожих своими итальянскими окнами и кариатидами. Последний же управляющий дворцом княгини Юрьевской, который поддерживал в нем давно заведенный порядок, лежит в скромной могиле на одном из старых петербургских кладбищ. Благодаря ему и его семье сохранились свидетельства очевидцев о некоторых моментах жизни исторических личностей Российской империи.

Примечания

¹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. АН СССР, отд. Литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л., 1975. С. 14.

² Вяземский П. А. Письмо А. С. Пушкину от 26 апр. 1830 // Остафьевский арх. кн. Вяземских. СПб., 1899–1909. Т. III. С. 677.

³ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 523.

⁴ Чижова И. Б. Души волшебное светило. Л., 1998. С. 287.

⁵ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Российская родословная книга изд. кн. Петром Долгоруковым. Ч. 4. СПб., 1857. С. 239.

⁶ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 34–35.

⁷ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Чернявский М. Генеалогия дворян Тверской губернии 1787–1869. Киреевы № 530. Ч. I. Осташкин. уезд // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II.

⁸ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XV. С. 153.

⁹ Там же. Т. XXI. С. 252.

¹⁰ Там же. Т. XV. С. 153.

¹¹ См.: там же. Т. XV. С. 153.

¹² Чижова И. Б. Указ. соч. С. 287.

¹³ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1961. С. 392.

¹⁴ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. С. 112.

¹⁵ Беллинггаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819–21 гг. (На шлюпах Востоке и Мирном). Б. м., 1831. Ч. I. С. 137–138.

¹⁶ Тимофеев Г. А. А. Алябьев. Очерки жизни и творчества. Л.; М., 1912. С. 26–27.

¹⁷ Пыляев М. И. Старый Петербург. М., 1990. С. 294.

¹⁸ Палеолог М. Роман императора. Александр II и княгиня Юрьевская. Берлин, 1924.

¹⁹ Кн. Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. Воспоминания. М., 2004. С. 90–205.

²⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 121–122.

²¹ Палеолог М. Роман императора. С. 9, 10, 95.

²² Клещук С. Артельщики боролись за доверие // СПб. ведомости. 15–21 мая 1999. С. 21.

²³ См.: Палеолог М. Роман императора. С. 10.

²⁴ Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. Л., 1982. С. 190.

²⁵ См.: Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 532.

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

С. В. Березкина

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ ПУШКИНА С КАРАМЗИНЫМ Эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно»

Четверостишие «От многоречия отрекшись добровольно» доныне остается совершенно закрытым для понимания пушкинистов произведением¹. Вот текст этого стихотворения Пушкина:

От многоречия отрекшись добровольно,
В собранье полным слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно (II, 456).

Открыта эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно» была сравнительно недавно. В 1934 году ее напечатал М. А. Цявловский в статье «Автографы Пушкина и его архив»². Четверостишие было обнаружено им при исследовании так называемой Тетради Всеволожского³. Установлено, что эта тетрадь (она дошла до нас не в полном объеме) составлялась Пушкиным в ноябре 1819 — апреле 1820 года как цензурная рукопись первого сборника его стихотворений. Предприятие это постигла неудача, тетрадь же со стихами Пушкина на долгие годы оказалась в распоряжении его приятеля Н. В. Всеволожского. Вновь в руки поэта тетрадь попала лишь в марте 1825 года, когда ее, выкупив у Всеволожского, прислал в Михайловское для работы над изданием Л. С. Пушкин. С середины марта до конца апреля 1825 года над Тетрадью Всеволожского работал Пушкин, который затем отправил ее с А. А. Дельвигом в Петербург друзьям, занятым изданием его стихотворений⁴.

Первый комментарий эпиграмме «От многоречия отрекшись добровольно» дал ее публикатор. М. А. Цявловский считал, что автограф эпиграммы появился в процессе редактирования Пушкиным Тетради Всеволожского: «Получив в 1825 году рукопись, Пушкин (в дошедшей до нас части) в 29 стихотворениях сделал исправления, а 7 стихотворений зачеркнул. Предвидя, что Плетнев, Жуковский и брат будут возражать против этого исключения, Пушкин, окончив свою работу по правке рукописи... написал стихи, до сих пор остававшиеся неизвестными»⁵. С критикой этой гипотезы выступил Б. В. Томашевский, полагавший, что тема «счастья души» не может быть связана с исключением из готовившегося сборника слабых произведений Пушкина: «Это не более чем мадригал или галантная сентенция в духе французской антологической поэзии, влияние которой на Пушкина после 1820 года начинает быстро иссякать. Это зашиф-

рованное “одно слово”, от которого зависит “счастье души”, очевидно, слово “люблю”, вполне выражающее то чувство, для совершенного выражения которого “слишком мало всех слов”»⁶.

Принципиальную важность в разработке комментария эпиграммы «От многогочечия отрехись добровольно» приобрел единственный, но чрезвычайно красноречивый вариант ее второго стиха: «В огромном словаре не вижу пользы я». В одной из работ Томашевского, где упоминалось о тексте «От многогочечия отрехись добровольно» (свое мнение о нем исследователь неоднократно менял), высказано предположение о том, что исправление второго стиха было осуществлено Пушкиным в тот момент, когда он, начав переписывать в Тетрадь Всеволожского созданное ранее стихотворение, изменил его замысел. Первая редакция четверостишия с упоминанием об «огромном словаре» была вызвана, по мнению исследователя, выходом в свет второго издания «Словаря Академии Российской», закончившегося в 1822 году; в 1825 году упоминание о словаре уже не было актуальным, и Пушкин изменил текст четверостишия. Томашевский считал, что взамен «словаря» Пушкиным было употреблено более «общее выражение»⁷. Развивая эту гипотезу, Т. Г. Цявловская связала «шутливое» четверостишие «От многогочечия отрехись добровольно» «с подпиской на какое-нибудь издание словаря русского языка»⁸.

Таков объем мнений, высказывавшихся пушкинистами в процессе комментирования текста «От многогочечия отрехись добровольно». К этому нужно еще добавить большой разноречивой в датировке эпиграммы. В различных изданиях указывается и на март 1825 года⁹, и на первые годы пребывания Пушкина на юге, а затем на март 1825 года как время записи его (с доработкой) в Тетрадь Всеволожского¹⁰, и на июнь (не ранее 11-го) 1817 — 15 марта 1825 года (II, 1176), и на 13 марта — 24 <?> апреля 1825 года¹¹. Отправной точкой в датировке эпиграммы являются особенности рукописного текста «От многогочечия отрехись добровольно»: это перебеленный автограф, с поправкой во втором стихе, записанный на полях копии лицейского стихотворения Пушкина «Роза» (1814–1816)¹². Тетрадь Всеволожского находилась в распоряжении Пушкина в ноябре 1819 — апреле 1820 года и марте–апреле 1825 года, однако все собственноручные записи в ней поэта (правка в текстах, фигурные росчерки, наконец, автограф «От многогочечия отрехись добровольно»), в отличие от писарских копий, были сделаны, как установил Б. В. Томашевский, в Михайловском. На этом основании автограф четверостишия может быть отнесен только к 1825 году, хотя его замысел, обнаруживающий связи с событиями жизни литературного Петербурга 1818–1819 годов, не позволяет сбросить со счетов предположение о том, что рукописный текст «От многогочечия отрехись добровольно» представляет собой запись созданного ранее произведения и поэтому его датировка должна охватывать более длительный период.

Упоминание об «огромном словаре» в варианте второго стиха эпиграммы не было до настоящего времени должным образом проанализировано в контексте сведений по истории русской лексикографии. Между тем знакомство с трудами лингвистов, посвященными истории русских словарей, позволяет дать, по моему мнению, исчерпывающий комментарий пушкинского четверостишия. Как оказалось, стихотворение «От многогочечия отрехись добровольно» — это вовсе не «мадригал» и не «галантная сентенция в духе французской антологической поэзии», а эпиграмма, которой Пушкин откликнулся на отзыв Н. М. Карамзина о «Словаре Академии Российской». Комментарий этой эпиграммы дает существенное дополнение к картине взаимоотношений Пушкина

с Карамзиным, которые, как известно, носили далеко не безоблачный характер. Что же явилось толчком к созданию этого произведения?

Обратимся еще раз к автографу эпиграммы «От многогочечия отрекшись добровольно». Начало ее было записано Пушкиным следующим образом:

От многогочечия отрекшись добровольно,
В огромном словаре не вижу пользы я...

«Прикрепить» к этим стихам вторую половину эпиграммы не удастся, поскольку в первоначальной записи стихов 1–2 нет существительного (в окончательной редакции это «слов»), которое можно было бы отнести к местоимениям «всех» и «одного» в четвертом стихе. Видимо, Томашевский был прав, когда писал, что текст стихотворения был изменен Пушкиным в процессе его белой записи (т. е. после исправления ст. 2). С исследователем трудно согласиться в другом — в оценке соотношения двух редакций, первоначальной, о которой мы все-таки можем судить по записи в автографе ст. 1–2, и окончательной. Вопреки мнению Томашевского, Пушкин не менял свой замысел, поскольку выражение «собрание полное слов» не является «более общим» по сравнению с «огромным словарем». В этом выражении, кстати, как это видно из публикаций эпиграммы во всех изданиях Пушкина, обособленного определения нет (как, например, здесь: «собрание, полное слов»), а есть только инверсия, без которой оно должно было бы звучать так: «полное собрание слов». В первой же четверти XIX века выражение «собрание слов» было довольно популярным и употреблялось в качестве синонима «словаря».

Так, выражение «собрание слов» очень любил А. С. Шишков, возглавлявший Российскую академию — признанный центр лексикографической работы в России. В статье «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря» он утверждал: «Все иностранные слова должно исключить из Словаря», ибо они «не наши» и «не должны иметь места в Словенском или Российском *собрании слов* <выделено, как и в других цитатах данного абзаца, мною. — С. Б.>»¹³. Другой, весьма красноречивый пример взят из выступления Шишкова на январском заседании Российской академии 1822 года, где им были предложены проекты словарей под следующими наименованиями: «Словарь технический, или *Собрание слов*, употребляемых в науках, искусствах, ремеслах...», «Словарь словесных наук, или *Собрание слов*, употребляемых в умословии, стихотворстве, истории, риторике и грамматике»¹⁴. О том, насколько распространенным было выражение «собрание слов», может свидетельствовать и позднейшее высказывание П. А. Вяземского, который в российских словарях усматривал следующий недостаток (эти слова были добавлены им к тексту из записной книжки пушкинского времени при подготовке его к первой публикации): «Жаль, что в наших словарях не приводят примеров различного употребления слов и выражений, какими являются они в разных литературных эпохах и у разных писателей. Наши словари — доньше более или менее *полное собрание слов*, а не указатели языка, как французские словари, по каким можно пройти почти полный курс истории французского языка и французской литературы»¹⁵.

Итак, и в первоначальной, и в окончательной редакциях эпиграммы Пушкин говорит об одном и том же — о словаре. «Полным» собранием слов в первой четверти XIX века можно было назвать только «Словарь Академии Российской». Огромный объем

сведений из истории русской лексикографии указанного периода, включающий в себя и отклики литераторов, в том числе журнальные, на задуманные или осуществленные издания, приведен в труде С. К. Булича¹⁶. Дав оценку вышедшим в первой четверти XIX века разного рода словарям и публикациям лексических материалов, Булич закончил свой обзор следующими словами: «Наиболее крупными явлениями... могут быть признаны лишь второе издание словаря Российской академии и собрание областных слов, предпринятое московским Обществом любителей российской словесности¹⁷. Остальное представляет собой часть “плененной мысли раздражен̄е”, в роде проектов Шишкова, частью не состоявшиеся или не доведенные до сколько-нибудь прочного результата предположения и начинания»¹⁸. Поэтому, думаю, комментатор эпиграммы «От многоречия отрекшись добровольно» не ошибется, если сосредоточит свое внимание на одном «полном» собрании слов, весьма примечательном к тому же по своей истории, а именно: на втором издании «Словаря Академии Российской». Любопытные сведения об отношении поэта к этому труду собраны в статье Е. А. Левашова «Пушкин и академические толковые словари»¹⁹. Проанализировав ряд высказываний Пушкина (в их число, к сожалению, не попала эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно»), исследователь пришел к выводу, что у поэта к словарю было «отношение двойственное: с точки зрения исторической, он видит в нем достойнейший памятник предшествующей эпохи, не потерявшей для многих своего направляюще-нормативного характера; подходя же к нему с меркой современных (своих) потребностей, он не находит его отвечающим назревшим задачам»²⁰. Эта оценка нуждается в уточнении на основе более внимательного анализа тех строк из наследия Пушкина, где поэт касался академического словаря.

Первое («словопроизводное») издание словаря вышло в 1789–1794 годах (именно оно представляло «Словарь Академии Российской» в библиотеке Пушкина). Его переиздание, «по азбучному порядку расположенное», началось в 1806 году; затем в 1809 вышел том второй, в 1814 — третий, наконец, в 1822 году — тома четвертый, пятый и шестой. Судя по упоминаниям в текстах Пушкина, он, как это и написано в главе первой «Евгения Онегина» (об этом подробнее см. ниже), изредка «заглядывал» в академический словарь и знал о допущенных в нем пробелах в отражении русской лексики. Причем его интерес к этой стороне издания был обусловлен в первую очередь критическим отношением к деятельности Шишкова. Отсутствие в академическом словаре того или иного слова Пушкин напрямую связывал с его воздействием. Например, в письме к Н. И. Гречу от 21 сентября 1821 года Пушкин, сожалея об исключении цензурой строки со словом «вольнoлюбивый» из текста послания к Чаадаеву «В стране, где я забыл тревоги прежних лет» (1821), выразил надежду на то, что «А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» (XIII, 32). Действительно, в академическом словаре слова «вольнoлюбивый» не было, и оно попало туда только в издании 1891 года. Выпуск, включавший в себя слова на букву «веди», вышел в свет во втором издании в 1806 году, когда президентом Российской академии был А. А. Нартов. Поэтому, думается, выражая надежду на то, что Шишков даст «право гражданства» слову «вольнoлюбивый», Пушкин имел в виду не второе издание «Словаря Академии Российской» (а именно так считали составители большого академического собрания сочинений поэта — см.: XVII (Справочный том), 400). Вероятнее всего, в письме к Гречу речь шла о «корневом» словаре — любимом проекте Шишкова, о котором он писал с 1815 года (над этим начинанием президента Российской академии много потешались «арзамасцы», а Пушкин в позднейшие годы, став членом академии, очень раздражался бесконечными шишковскими «корнеслови-

ями»). От этого начинания, помимо общих рассуждений, осталось в истории русской лексикографии несколько невнятных и не значительных с научной точки зрения публикаций Шишкова.

Другое упоминание об академическом словаре находим в письме Пушкина к брату от 13 июня 1824 года, написанном после назначения Шишкова на пост министра народного просвещения: «На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он “Бахчис.<арайский> Фонтан” из уважения к святыне Академического словаря и неблажно составленному слову *водомер?*» (XIII, 98). Остроумное суждение Пушкина основано на ошибочном предположении, поскольку слово «фонтан» в академическом словаре, причем и в первом и во втором издании, было. Во втором издании поэт мог увидеть его в шестом выпуске, вышедшем в 1822 году. Однако, по-видимому, не заглянул в него... Показательно, что и в этом случае предположение об отсутствии слова в «Словаре Академии Российской» связывается Пушкиным с идеями Шишкова.

Высказывания Пушкина 1821 и 1824 годов становятся особенно интересны, если сравнить их с тем умолчанием, которое сделал Пушкин в напечатанной им на страницах «Современника» статье «Российская Академия» (1836). В ней Пушкиным был дан обзор деятельности академии в период президентства А. А. Нартова, а после его смерти А. С. Шишкова. Перечисление деяний, совершенных каждым из них на посту председателя Российской академии, обнажало полную никчемность административной и научной деятельности Шишкова. При этом Пушкин отнес «словарь, расположенный по азбучному порядку», к плодам деятельности Нартова, умершего в 1813 году, хотя четыре из шести выпусков этого словаря выпали на президентство Шишкова (реальное участие он принимал в выпуске только трех последних). В статье Пушкина словарь вообще не числится в реестре изданий, подготовленных шишковской академией (см.: XII, 43).

Эти высказывания не исчерпывают всех упоминаний о «Словаре Академии Российской» в наследии Пушкина. Их анализ будет в статье продолжен, пока же необходимо дать оценку приведенным высказываниям. Отношение Пушкина к академическому словарю было насмешливо-негативным и направлялось преимущественным образом на выявление его недостатков. На первом этапе они связывались с деятельностью Шишкова, с одной стороны, отказывавшего в «праве на гражданство» целой области языка новой русской литературы, а с другой, навязывавшего своим современникам архаизированные и неблагозвучные языковые формы. В конце жизни негативное отношение Пушкина к Шишкову приняло иное выражение: он вычеркнул самое имя его из истории «Словаря Академии Российской»²¹.

Думаю, Пушкин сумел оценить реальный вклад Шишкова во второе издание «Словаря Академии Российской» благодаря общению в 1830-х годах со столь серьезным по своим познаниям и занятиям лингвистом, как о. Герасим Павский. Это предположение тем более вероятно, что Павский имел самое негативное отношение к деятельности Шишкова²². Второе издание «Словаря Академии Российской» не получило того выдающегося значения, которое справедливо связывается в истории русской лексикографии с его первым изданием. Расширение словника во втором издании, на первый взгляд довольно значительное, произошло вследствие распада «по азбучному порядку» словарных гнезд, а не из-за введения в него не учтенных ранее слов русской лексики (оно было весьма скудным). Сам Шишков писал в 1815 году о новом издании академического словаря: это «есть не иное что, как тот же самый словарь»²³. Переизданный «Словарь Академии Российской» был для своего времени архаичным явлением, поскольку

не отражал ломку старых лексических норм, приведшую к появлению в литературе новой стилистики и расширению струи живой речи в составе русского литературного языка²⁴.

Обратимся теперь непосредственно к анализу пушкинской эпиграммы «От много-речия отрехшись добровольно...» и событию, ее вызвавшему. Заявленное в стихотворении отрицательное отношение к академическому словарю, причем вне зависимости от того, первое или второе издание имеется в нем в виду, несет на себе отпечаток активной антишишковской позиции молодого Пушкина. Какими бы ни были принципы нового, второго издания, словарь для Пушкина — это символ Российской академии, это внушающая антипатию фигура Шишкова, весьма воинственная по своим идейным устремлениям. Не заостряя на этом внимание, отмечу в эпиграмме оттенок не чуждого Пушкину пренебрежения к плодам углубленных научных занятий²⁵. Отношение поэта к «Словарю Академии Российской» приобретает особый смысл, если сравнить его с высказываниями Н. М. Карамзина. Думаю, именно на них отреагировал Пушкин в своей эпиграмме о «собрание полном слов».

К одному из самых ярких публицистических выступлений Карамзина относится «Речь, произнесенная на торжественном собрании императорской Российской академии»²⁶ (под таким заглавием она печатается в собраниях сочинений писателя). Произнесена она была 5 декабря 1818 года на заседании по случаю избрания Карамзина членом Российской академии, а напечатана в первых числах января 1819 года на страницах «Сына отечества». Выступление Карамзина в стенах Российской академии слушал А. И. Тургенев, который писал о нем Вяземскому 11 декабря 1818 года: «Здесь все для души», — сказал он в четверг бездушной Академии²⁷, и голос его отдался в душе арзамасцев, которых заслонил широкопузый Шаховской с тщедушною братиею. Это было торжество не Академии, но Арзамаса... Все было внимание, и он не произносил речи, но, кажется, как детей, наставлял своих слушателей... Но бледная зависть и глупая глупость мальчика выразилась в досаде, с которою он сказал самому Карамзину, помнится: “Будет и на нашей улице праздник”... Карамзин отвечал ему дружелюбно. Другой, услышав слово “симпатия”, может быть единственное не русское во всей речи, уходя, говорил: “В российской Академии — французские слова! Вот до чего мы дожили!” Но, впрочем, большинство на стороне Арзамаса. Даже и сенаторы слушали с умилением. Я сделал только одно замечание. Не помню по какому поводу, Карамзин сказал: “Ибо и власть самодержцев имеет свои пределы”, или что-то подобное²⁸. В Европе это почли бы... пошлою истиною; у нас — верно, дерзостию, которую вслух говорить опасно»²⁹.

Пушкин познакомился с текстом речи Карамзина раньше ее обнародования. 22 сентября 1818 года он вместе с Жуковским, А. И. и Н. И. Тургеневыми слышал ее в Царском Селе в чтении Карамзина (об этом сообщал в письме от 25 сентября 1818 года Вяземскому Александр Тургенев, назвавший речь «прекрасной») ³⁰. Часть выступления Карамзина была посвящена «Словарю Академии Российской». Прежде чем указать те места в ней, на которые, как я думаю, подал реплику в эпиграмме «От много-речия отрехшись добровольно» автор, остановимся на характеристике этапа во взаимоотношениях поэта с Карамзиным, приходящегося на осень 1818 года.

В истории взаимоотношений Карамзина и Пушкина события осени 1818 года имели, по мнению Н. Я. Эйдельмана, особое значение. 30 сентября 1818 года Карамзин сообщил в письме Вяземскому о своем намерении 7 октября переехать из Царского Села в Петербург и «пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным»³¹. В связи с этими планами Эйдельман писал: «То ли на этом самом октябрьском вечере, то ли чуть позже, но между Пушкиным

и Карамзиным что-то происходит. Ведь прежде переписка современников и другие данные свидетельствуют о постоянных встречах; имена Пушкин и Карамзин постоянно соединяются. Однако с октября 1818 года общение прерывается. Никаких сведений о чаепитиях, совместных поездках, чтении, обсуждении... Ничего. Только один раз, по поводу выздоровления Пушкина от злой горячки (8 июля 1819 года), Карамзин замечает: «Пушкин спасен музами»³².

Эти выводы Эйдельмана рассмотрел в статье «Эпиграммы Пушкина на Карамзина» В. Э. Вацуру. Поскольку Эйдельман считал, что поводом к ослаблению контактов с Карамзиным послужила эпиграмма «В его "Истории" изящность, простота», написанная Пушкиным на «Историю Государства Российского» и дошедшая до адресата, как он полагал, именно в октябре 1818 года³³, В. Э. Вацуру особо остановился на вопросе о том, существовал ли подобный конфликт в действительности. При этом оба исследователя исходили из одного и того же письма Пушкина, где сообщалось о каких-то неурядицах на почве его взаимоотношений с Карамзиным: «...что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? — спрашивал он у Вяземского 10 июля 1826 года, — довольно и одной, написанной мною в такое время, когда К.<арамзин> меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены...» (XIII, 285–286).

По мнению В. Э. Вацуру, «признание Пушкина в письме к Вяземскому, что эпиграмма <на историю Карамзина> была написана им под впечатлением глубокой личной обиды, следует поставить под сомнение»³⁴. Он считал, что «версия конфликта, оскорбившего Пушкина», подана в его письме «нарочито завуалированно и даже двусмысленно (ее можно понять и как "отдаление" и как "ссору")»³⁵. Исследователь принимал первое из возможных толкований, т. е. постепенное отдаление Пушкина от Карамзина. С этим выводом трудно согласиться, поскольку в письме, как мне кажется, ясно сказано о том, что нечто в действиях Карамзина «глубоко оскорбило» Пушкина, причем так, что он и в 1826 году не мог вспомнить об этом «хладнокровно». Трудно представить, что Пушкин решился человеку, столь близкому к семье историка, только намекнуть на ссору с Карамзиным, которой на самом деле будто бы не было... Попытка Эйдельмана датировать конфликт между Карамзиным и Пушкиным вполне правомочна. Его датировка подтверждается наблюдениями, сделанными на основе материалов Остафьевского архива, указанных в «Летописи жизни и творчества Пушкина» М. А. Цявловского как подтверждение следующего сообщения: с 5 <?> октября 1818 года по 3 мая 1819 года Пушкин бывал «у Карамзиных, приехавших из Царского Села и поселившихся в доме Е. Ф. Муравьевой»³⁶. Однако в источниках, на которые ссылается автор «Летописи...», речь идет не о Пушкине, а о Карамзиных и времени их пребывания в доме Муравьевой³⁷.

В пушкиноведении было много споров о корпусе эпиграмм поэта на Карамзина; убедительный итог им подведен в работах В. Э. Вацуру³⁸. Наиболее взвешенное решение связывается современной наукой с двумя произведениями Пушкина: это, во-первых, лицейская эпиграмма «Послушайте, я сказку вам начну», а во-вторых, написанная, по-видимому, в 1818 году эпиграмма «В его "Истории" изящность, простота». Не думаю, что этот ряд должен быть продолжен еще одной, а именно — «От многоречия отрекшись добровольно». Это не эпиграмма на Карамзина, поскольку в ней нет свойственной этому жанру сатирической остроты. Это просто ответ Пушкина на ряд положений, высказанных в речи Карамзина. Тем не менее четверостишие «От многоречия отрекшись добровольно» могло сыграть какую-то роковую роль во взаимоотношениях Пушкина с Карамзиным осени 1818 года, поскольку в ответе молодого поэта не было свойственного окружению масти-

того историка пиетета перед его мнениями. Думаю, для Карамзина могло стать полной неожиданностью выражение столь резкого несогласия с ним в произведении еще только становящегося на ноги автора.

Речь Карамзина очень часто цитируется историками литературы, поскольку в ней в сжатой, афористической форме излагаются очень важные для понимания его позиции взгляды на соотношение национального и общечеловеческого в культурной жизни народа. В день выступления Карамзина шишковская академия услышала немало суждений, которые трактовали вопросы развития языка, изящной словесности, просвещения в направлении, противоположном ее деятельности. И все-таки в карамзинской речи была сторона, которую «арзамасец» Пушкин, судя по его эпиграмме «От многоречия отрекшись добровольно», решительно не принял.

В своем выступлении Карамзин дал высочайшую оценку академическому словарю: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностию, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев»³⁹. Карамзин настаивал на особой роли академического словаря в творческой работе писателя: «Утвердив значение слов, избавив писателей от многотрудных изысканий, недоумений, ошибок, Академия предложила и систему правил для составления речи...»⁴⁰. Если сопоставить эти высказывания Карамзина с первой частью эпиграммы о «собрании полном слов», то мы получим следующее соотношение: Пушкин, прибегавший в выражении чувств и понятий, причем вовсе не обыденных или приземленных, к помощи слов, которые «Словарь Академии Российской» не удостоил своим вниманием, высказывает решительное несогласие с Карамзиным и отказывается признать за этим изданием руководящую роль в своей творческой работе. Молодой Пушкин не видит для себя «пользы» в «огромном словаре», поскольку с лицейских лет привык считать, что творческая работа нуждается в природном даровании и вдохновении, а не в трудах «ремесленников», поверяющих, подобно Сальери, «алгеброй гармонию» (см. в сцене I «Моцарта и Сальери»). В сущности, мысль, выраженная в эпиграмме «От многоречия отрекшись добровольно», — очень пушкинская, многократно и на разные лады выражавшаяся поэтом на протяжении всего его творческого пути.

Но о каком же счастье, споря с Карамзиным, говорит Пушкин в своей эпиграмме? Часть выступления Карамзина была посвящена размышлениям об особом счастье, даруемом человеку творчеством. «Самолюбие грубое, — писал Карамзин, — довольствуется и *немою* хвалою: она нема, когда не изъясняет своего предмета: но самолюбие нежное требует хвалы *красноречивой*: она красноречива, когда изображает хвалимое» (ср. у Пушкина: «От многоречия отрекшись добровольно»)⁴¹. Писатель делился своим жизненным опытом: «Но ежели слава изменяет, то есть другая, вернейшая, существеннейшая награда для писателя, от рока и людей независимая: *внутреннее услаждение деятельного таланта*, изъясняющее для нас удивительную любовь к трудам и терпение, коему мы обязаны столь многими бессмертными творениями и которое Бюффон называл *превосходнейшим даром*: ибо не одни сочинители фолиантов, не одни антикварианты имеют нужду в терпении — оно, может быть, еще нужнее для великого поэта, для великого оратора или великого живописца природы. “Удаленный от света и, — сказал мне, в юности моей, старец Виланд, — не имея ни читателей, ни слушателей, в дикой пустыне, среди необитаемого острова, я в восторге беседовал бы с уединенною музою, неумоимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвестные миру”. Вот тайна писателей, часто, но не всегда ласкаемых славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляют душу и питают ее таким чис-

тым, полным, ей *сродным* удовольствием, что она в сии счастливые минуты забывает всякое иное земное счастье»⁴². Наконец, он обращался к молодым дарованиям: «Призываю вас к учению и к трудам: в них найдете для себя благороднейшие, неизъяснимые приятности — награду, которая выше похвал и славы!»⁴³ Можно себе представить, как 22 сентября 1818 года звучал этот призыв из уст Карамзина в царскосельской аудитории, где генерацию молодых дарований представлял один Пушкин!⁴⁴ Вполне вероятно, что вторая часть его эпиграммы была полемическим ответом именно на эти размышления Карамзина. Автор эпиграммы хотел вернуть статус высшего «счастья» радостям земным. Они, а не «учения и труды», как утверждал Карамзин, — источник творческих успехов поэта. Возможно, прав был Томашевский, когда писал, что под «одним» словом, «зашифрованным» в эпиграмме, подразумевалось слово «люблю». Выражение пренебрежения к своей авторской славе при воспоминании о благосклонности любимой женщины не является редкостью в произведениях Пушкина.

В эпиграмме «От многогочия отрекшись добровольно» мысль поэта выражена очень энергично, напористо. Пушкин ответил Карамзину на равных — как творец творцу. Для его отношения к историку, как показал В. Э. Вацуро, это было характерно с самого начала — стремление к освобождению от «мягкого педагогического диктата» Карамзина⁴⁵. Исследовав ситуацию, породившую эпиграмму «Послушайте, я сказку вам начну», Вацуро пришел к выводу, что ободрение, оказанное мэтром Пушкину при знакомстве с ним в Лицее 25 марта 1816 года, как раз и стало стимулом к ее созданию, поскольку было воспринято юным поэтом как «непроизвольное и незаслуженное унижение»⁴⁶. Легкая задиристость и какая-то безапелляционность мнения Пушкина об «огромном словаре», выраженного в четверостишии «От многогочия отрекшись добровольно», могла быть реакцией на то наставление, которое преподавал Пушкину в Царском Селе Карамзин. Поэт посчитал, что имеет право заявить ему в ответ о своем опыте творческой работы и жизненных наслаждений.

Избрание Карамзина в Российскую академию было для «арзамасцев» весьма неоднозначным событием. Сам Карамзин, с неизменной насмешкой отзывавшийся об этом учреждении, подчеркивал, что его вступление было необходимо для распространения в среде косных академиков здравых суждений и взглядов. На это же, описывая первое выступление в академии Карамзина, делал упор в своем письме к Вяземскому и А. И. Тургенев. В академии Карамзин повел себя очень смело, сразу же предложив для чтения в ней фрагмент из своей «Истории...» об Иоанне Грозном, чем страшно перепугал Шишкова, бросившегося для разрешения подобного заседания к самому императору. Начало деятельности нового академика носило характер, располагающий к себе «арзамасцев», хотя можно с уверенностью сказать, что само по себе вступление Карамзина в шишковскую академию не могло вызвать в их среде всеобщего одобрения. Об этом можно судить по реакции «арзамасцев» на произошедшее несколько ранее избрание в Российскую академию Жуковского, которое было встречено градом насмешек со стороны Вяземского и Батюшкова⁴⁷. Вяземский даже считал, что за Жуковским теперь нужно особо «следить», поскольку он «в первую субботу напьется с Карамзиным, а в другую с Шишковым»⁴⁸. Вероятно, и эпиграмма Пушкина «От многогочия отрекшись добровольно» была отголоском подобной, чисто «арзамасской» реакции на вступление в ряды академиков того, кто еще недавно был знаменем «Арзамаса».

Четверостишие «От многогочия отрекшись добровольно» — совершенно уникальная для литературного процесса первой четверти XIX века эпиграмма, поскольку она одновременно задевала таких разноплановых литераторов, даже, можно сказать, антиподов, как Шишков и Карамзин... Для «арзамасца» Пушкина похвалы академическому

словарю в выступлении Карамзина могли выглядеть как отступление от выражавшихся им ранее убеждений. Показательно, что Пушкин, решившись летом 1824 года «толкнуться» с первой главой «Евгения Онегина» в цензуре, к тому времени уже возглавлявшуюся Шишковым, в шутку назвал себя в письме к брату «Иудой-Арзамасцем» (см.: XIII, 136). Неслучайно, комментируя речь историка, Ю. М. Лотман делал акценты, как, кстати, и А. И. Тургенев в приведенном выше письме, именно на тех моментах, где сквозь похвалы Российской академии можно было расслышать полемический голос Карамзина (мне кажется, молодой поэт эту скрытую полемику увидеть просто не захотел): «...признавая заслуги пуристов <т. е. составителей «Словаря Академии Российской»>, Карамзин не только положительно оценивает самый факт быстрых изменений в русской культуре (против чего резко выступал Шишков), но и широко использует слова типа «автор», «феномен», употребление которых означало отказ строить свою речь по нормам «Словаря Академии Российской»⁴⁹.

Речь Карамзина Пушкин дважды цитировал в своих произведениях (последний раз в статье «Русская академия»). Приведенное здесь высказывание Лотмана взято из его комментария к «Евгению Онегину». Связанные с карамзинской речью строки «Онегина» очень интересны и сложны для понимания. Хотелось бы несколько подробнее остановиться на них, тем более что этот момент истории романа имеет отношение к проблеме датировки эпиграммы «От многоречия отрекшись добровольно». Сам факт неоднократного обращения Пушкина к речи Карамзина ставит комментатора перед необходимостью учета достаточно широкого временного промежутка, который способен в себя вместить датировку этого загадочного произведения.

Цитату из речи Карамзина Пушкин привел в одном из примечаний к стихам первой главы «Онегина». Когда и с какой целью оно писалось автором романа? Известно, что в первых числах ноября 1824 года Л. С. Пушкин увез с собой из Михайловского рукопись главы первой «Евгения Онегина». Долгое время автор романа писал его, не питая надежд на публикацию. Положение стало иным после «перемены министерства», т. е. после смещения в мае 1824 года кн. А. Н. Голицына и назначения на пост министра народного образования, а следовательно и главы цензуры, А. С. Шишкова. Однако даже это событие, вселяя некоторую надежду, не сулило «Евгению Онегину» безоговорочно успеха в цензурном ведомстве. Прохождение через него первой главы романа было обставлено рядом сопутствующих мер. Так, в самом начале октября 1824 года было написано «Второе послание к цензору» с несколькими комплиментарными строками в адрес Шишкова. Недаром Б. С. Мейлах назвал это стихотворение проявлением «реальной литературной политики Пушкина»⁵⁰. В письме к Вяземскому от 25 января 1825 года Пушкин писал: «Онегин печатается... не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе послание цензору? Там между прочим <следуют ст. 30–38 о Шишкове из послания>». Своему отзыву о нем во «Втором послании...» Пушкин дал в письме следующую характеристику: «В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу нашей словесности и усмиренья кичливого Красовского <петербургского цензора>» (XIII, 136). В письме Пушкин намекнул Вяземскому на то, что Шишков знал о его стихах⁵¹. Чувство удовлетворения, с которым поэт писал о них Вяземскому, говорит о том, что его надежды вполне оправдались: 28 декабря 1824 года глава первая «Евгения Онегина» была прочитана Жуковским Шишкову⁵², а 29 декабря цензор А. С. Бируков подписал ее к печати.

История со «Вторым посланием к цензору» не исчерпывает всех мер, которыми Пушкин обставил свое детище при прохождении его через цензуру. В сентябре 1824 года он

начал составлять примечания к главе первой⁵³, в одном из которых оказалась хвалебная цитата в адрес «Словаря Академии Российской» из речи Карамзина. Она предварялась словами Пушкина: «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Российской Академии. Он останется вечным памятником попечительной роли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного. Вот что говорит Карамзин в своей речи...» (VI, 653). Примечание это было дано к следующим стихам строфы XXVI:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, виновсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами.
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь (VI, 16).

«Комментируемый стих, — писал Ю. М. Лотман, имея в виду начало этой цитаты, — представляет собой указание на отсутствие этих слов в “Словаре Академии Российской” и, следовательно, на отсутствие их в языке, с точки зрения авторов словаря»⁵⁴. Сочетанию же этих стихов с примечанием Ю. М. Лотман дал комментарий, в котором подчеркнул противоречивость выраженной в них позиции Пушкина: «Для осмысления текста примечания необходимо учитывать, что в нем Пушкин сопровождает стихи, содержащие осуждение карамзинской лексики с позиций шишковизма, высокой оценкой шишковской Академии, данной в форме цитаты из речи Карамзина»⁵⁵. Во имя чего это делалось Пушкиным? Для чего ему понадобилось, в подтверждение слов Карамзина, расточать уже от своего имени комплименты в адрес «просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного»? А это делалось Пушкиным ради все той же «реальной литературной политики». Примечание писалось для Шишкова: оно должно было смягчить ироничный выпад Пушкина по поводу академического словаря, не заметившего освоенных русским языком слов. Да и самого Пушкина с его «иноплеменными словами» оправдать в глазах Шишкова⁵⁶. Когда же комплиментарное примечание «сработало» и первая глава благополучно вышла в свет первым изданием, Пушкин убрал его из текста «Евгения Онегина». Примечание о «строгих и верных опекунах языка отечественного» больше он в романе никогда не печатал, поскольку оно не отражало его позиции.

Отношение Пушкина как к «Словарю Академии Российской», так и к речи Карамзина оставалось весьма и весьма критичным. Рукописи строфы о «панталонах, фраке, жилете» обнаруживают намерение Пушкина выразить протест против «святыни академического словаря». Заявления о владении «скрижалями» российского языка были со стороны Шишкова и руководимой им академии очень агрессивны. А отсюда пушкинский черновой вариант строфы XXVI главы первой: «А мой торжественный словарь / Мне не закон как [было встарь]» (VI, 235). Но еще более решительно звучит у Пушкина финал этой строфы в белой рукописи главы: «Академический словарь / Мне не закон как было встарь» (VI, 548–549). Здесь усматривается самая непосредственная переключка со стихом эпиграммы «От многоречия отрекшись добровольно»: «В собранные полном слов не вижу пользы я». Смысл у этих стихов один и тот же. «...как было

встарь» в рукописях Пушкина — это, скорее всего, намек не на самого автора, который в прошлом справлялся с академическим словарем, а на давным-давно ушедшую эпоху, для которой словарь был «законом».

Обращение к речи Карамзина при написании примечания к стихам об академическом словаре оставило в занятиях Пушкина еще один след. Вообще, похоже, эта речь существовала в сознании Пушкина как сгусток эмоций, требовавших каких-то полемических откликов... Вот что Карамзин сказал о Екатерине II при вступлении в Российскую академию (эти слова также вошли к цитату, приведенную Пушкиным в примечании к «Онегину»): «Екатерина Великая... Кто из нас и в самый цветущий век Александра I может произносить имя ее без глубокого чувства любви и благодарности?..»⁵⁷. Вот на этот-то вопрос и ответил Пушкин в своей сатире на Екатерину II «Мне жаль великия жены», написанной в том же сентябре, что и примечание об академическом словаре: в этом стихотворении в чисто одических выражениях «любви и благодарности» к «великой жене» он дал очерк ее блудливой, суетной и тщеславной жизни⁵⁸. «Мне жаль великия жены, / Жены, которая любила / [Все роды славы:] дым войны / И дым парнасского кадила» (II, 341) — начальные строки пушкинского стихотворения перекликается со словами Карамзина о том, что Екатерина любила «славу России как собственную, и славу побед, и мирную славу разума»⁵⁹. Возможно, «Мне жаль великия жены» создавалось с мыслью об известной по воспоминаниям Пушкина о Карамзине шалости «некоторых остряков», которые «за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина» (В. Э. Вацура считал, что среди них был и Пушкин): «Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, конечно, были очень смешны» (XI, 306). В сатире «Мне жаль великия жены» была сделана попытка такого же рода: в ней очерк жизни «милой старушки» Екатерины был пропущен Пушкиным через стилистику высокой оды.

Итак, впечатления Пушкина от речи Карамзина оставались для него источником живого полемического отклика и михайловской осенью 1824 года. Поэтому едва ли правомочно четверостишие «От многоречия отрехшись добровольно» датировать, как это делается в целом ряде изданий, мартом-апрелем 1825 года, когда Тетрадь Всеволожского находилась в распоряжении Пушкина. При недостаточности сведений об этом произведении Пушкина (а предложенная в настоящей статье концепция носит, конечно же, гипотетический характер), думаю, самым разумным будет сохранение в датировке эпиграммы достаточно широкого временного промежутка: сентябрь (не ранее 22) 1818 — конец апреля 1825 года. При этом дата, диктуемая чисто текстологическими соображениями (1825), привносит в комментарий эпиграммы ряд очень сложных проблем.

Все без исключения произведения, копии которых были вписаны в 1819–1820 годах в Тетрадь Всеволожского, рассматривались Пушкиным под углом зрения уместности их на страницах его первого поэтического сборника. Даже те, которые он зачеркнул, в какой-то момент казались ему вполне этого достойными. Текст на полях лицейской «Розы» — это не черновой текст сатиры на полях онегинского черновика в рабочей тетради Пушкина. Если он оказался в Тетради Всеволожского, значит, какие-то предположения относительно опубликования эпиграммы «От многоречия отрехшись добровольно» у поэта были! Но кем хотел быть услышан автор эпиграммы? Карамзиным? Он бы, конечно, мог узнать в словах о бесполезности «полного собранья слов» реплику на свое выступление в Российской академии. А может быть, Шишковым? Глава Российской академии, без сомнения, сразу бы распознал, что за

«полное собрание слов» имеет в виду Пушкин. Кстати, Шишков очень ревностно относился к проявлениям в русской печати неуважения по отношению к возглавляемой им академии. Спуску журналистам он не давал, поэтому на уколоу в «Северной почте» или «Сыне отечества» не отмалчивался, а отвечал гневными и угрожающими письмами (вот очень характерная для него фраза, сказанная в ответ на выпад одного журналиста в адрес академии: «...я не позволю никому себя колотить, и сам гораздо больше уколю») ⁶⁰. «Нетерпимость Шишкова для всякой — даже самой умеренной — критике его языковых воззрения, — пишет О. Проскурин, — ни для кого не была секретом» ⁶¹. Характерно, что Пушкин, неоднократно, с лицейских времен, высмеивавший Шишкова в своих произведениях, никогда не задевал его в печати. Странно было бы, если бы он захотел сделать это в 1825 году — и это после тех усилий, которые предпринял в 1824-м, чтобы расположить к себе главу тогдашнего цензурного ведомства! Даже черта, которой Пушкин перечеркнул свою эпиграмму, не снимает этих вопросов, которые при обнаружении антишишковского пафоса эпиграммы встают перед текстологом, пытающимся дать ее датировку. Именно поэтому следует отказаться от однозначного отнесения эпиграммы к 1825 году. Эпиграмма как отклик на заметное событие литературной жизни России 1818–1819 годов создавалась Пушкиным, по-видимому, ранее 1825 года.

Примечания

¹ Приношу благодарность Н. А. Карпову за участие в подборе библиографии о стихотворении и обсуждении проблем, связанных с его датировкой и комментированием.

² Известия ЦИК СССР. 1934. 6 июня. С. 5.

³ По шифру Пушкинского Дома, где хранится рукопись, это ПД 847, л. 12.

⁴ О Тетради Всеволожского см.: *Томашевский Б. В.* 1) Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826). I. Тетрадь Всеволожского // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 825–842; 2) История Тетради Всеволожского // Летописи Гос. литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 30–79.

⁵ Известия ЦИК СССР. 1934. 6 июня. С. 5.

⁶ *Томашевский Б. В.* История Тетради Всеволожского. С. 62.

⁷ Там же. См. также комментарий стихотворения в изд.: *Пушкин А. С.* Стихотворения: В 3 т. / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 811 (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁸ См., напр.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2. С. 557.

⁹ Известия ЦИК СССР. 1934. 6 июня. С. 5. См также: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 435.

¹⁰ *Томашевский Б. В.* История Тетради Всеволожского. С. 62.

¹¹ *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1991. [Т. 1]: 1799–1826. С. 14.

¹² Факсимиле автографа см.: Литературное наследство. Т. 16–18. С. 833.

¹³ Известия Российской Академии. СПб., 1815. Кн. 1. С. 17–18. В статье речь идет о «корневом» словаре, задуманном Шишковым.

¹⁴ См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1888. Вып. 8. С. 217.

¹⁵ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1883. Т. 8. С. 90.

¹⁶ *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1 (XVIII в. — 1825 г.). С. 947–1003.

¹⁷ Материалы из «собрания областных слов» печатались в «Трудах Общества любителей российской словесности», начиная с 1819 г.

¹⁸ *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. С. 1003.

¹⁹ Русская речь. 1977. № 3. С. 12–20.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Неровность суждений Пушкина о втором издании «Словаря Академии Российской» делает возможным и такое предположение: возможно, поэт имел самые туманные представления о ходе

работы над ним. А может быть, он вообще не заметил, когда это издание началось, когда закончилось, как выходили тома? В таком случае высказывание Пушкина о судьбе слова «вольнoлюбивый» можно отнести к числу простых совпадений: он, и не заглядывая в академический словарь, знал, что этого слова в нем быть не могло.

²² Об одном из эпизодов общения Пушкина с Павским, также связанном с лингвистическими занятиями, а именно — с изучением древнееврейского языка, см.: *Березкина С. В.* Записная книжка Пушкина ПД 840: (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16–17. С. 87.

²³ Известия Российской академии. 1815. Кн. 1. С. 9.

²⁴ См.: *Виноградов В. В.* Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 218–219 (статья «Толковые словари русского языка»).

²⁵ Очень интересные и здравые наблюдения такого рода над рядом высказываний Пушкина, причем не только молодого, см. в кн.: *Формозов А. А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 45–61.

²⁶ Речь Карамзина стала предметом восторженного разбора в кн.: *Кошанский Н. Ф.* Частная риторика. СПб., 1832. С. 109–114. См. об этом: *Михайлова Н. И.* Карамзин-оратор // Н. М. Карамзин. Юбилей 1991 г.: Сб. науч. статей. М., 1992. С. 31–37.

²⁷ Ср.: «И жизнь наша и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой: здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением» (*Карамзин Н. М.* Соч.: В 2 т. / Сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 2. С. 176).

²⁸ Ср.: «Великий Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского, для того ли, что не хотел, для того ли, что не мог: ибо и власть самодержцев имеет пределы» (там же, с. 174).

²⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 167–168.

³⁰ Там же. С. 123.

³¹ Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 63.

³² *Эйдельман Н.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987. С. 193.

³³ См.: Там же. С. 193–198.

³⁴ *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 106.

³⁵ Там же. С. 107.

³⁶ *Цяловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 166.

³⁷ На недостаточность источниковой базы этого сообщения «Летописи...» обращено внимание в изд.: *Шакирова Л. Г.* Еще раз об «одной из лучших русских эпиграмм» // Н. М. Карамзин: Юбилей 1991 г. Сб. науч. трудов. М., 1992. С. 96.

³⁸ См.: *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. С. 85–109; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 681–684.

³⁹ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 2. С. 169–170.

⁴⁰ Там же. С. 170.

⁴¹ Там же. С. 172.

⁴² Там же. С. 174–175.

⁴³ Там же. С. 175.

⁴⁴ Так и видится, если можно об этом сказать в примечании, как царскосельская аудитория со значением посмотрела на молодого поэта и как он при этом вспыхнул.

⁴⁵ *Вацуро В. Э.* Указ. соч. С. 92.

⁴⁶ Там же. С. 91.

⁴⁷ См.: «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2. С. 365 (письмо К. Н. Батюшкова к Д. Н. Блудову от начала ноября 1818 г.), 367 (его же к А. И. Тургеневу от 24 марта 1819 г.), 378 (П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1818 г.), 417–418 (его же к Д. В. Дашкову от 2/14 ноября 1818 г.).

⁴⁸ См.: Остафьевский архив. Т. 1. С. 129 (письмо к А. И. Тургеневу от 13 октября 1818 г.).

⁴⁹ *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки (1960–1990). «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1997. С. 576.

⁵⁰ *Мейлах Б. С.* Пушкин и русский романтизм. Л., 1937. С. 75.

⁵¹ См. об этом: *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауза — Ефрона, 1909. Т. 3. С. 527 (комм. Н. О. Лернера).

⁵² См.: *Сербинович К. С.* Николай Михайлович Карамзин // *Русская старина*. 1874. № 9. С. 75.

⁵³ О датировке см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // *Пушкин. Исследования и материалы*. Л., 1983. Т. 11. С. 41.

⁵⁴ *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 575.

⁵⁵ Там же. С. 576.

⁵⁶ Об иронии, звучащей в примечании Пушкина об академическом словаре, см.: *Проскурин О.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 345–347.

⁵⁷ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 2. С. 170.

⁵⁸ О замысле этого стихотворения см.: *Березкина С. В.* Екатерина II в стихотворении Пушкина «Мне жаль великия жены» // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 412–421; *Левкович Я. Л.* «Мне жаль великия жены» (Наблюдения над текстом) // *Пушкин и его современники*. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 301–306.

⁵⁹ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 2. С. 170.

⁶⁰ *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 2. С. 342.

⁶¹ *Проскурин О.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. С. 347.

А. В. Ильичев

**СКУЛЬПТУРА И ТЕКСТ:
«ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ»
А. С. ПУШКИНА**

Стихотворение «Царскосельская статуя» создается А. С. Пушкиным в начале октября 1830 года в Болдино. Его текст возникает в процессе работы над стихотворением «Румяный критик мой» (ПД № 131, л. 1 об). Как бы в противовес мрачной картине, описанной в «Румянном критике»:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? (III, 236) —

в сознании поэта возникают образы Царскосельского сада — его вечного «отечества». Напомню, что приближается очередная лицейская годовщина, с одной стороны, а с другой — в конце сентября Пушкин работает над первоначально IX песней «Евгения Онегина» с ее знаменитым началом:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал... (IV, 165)

В стихотворении «Румяный критик мой» есть еще один мотив, который, на первый взгляд, не имеет отношения к «Царскосельской статуе»:

Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил (III, 236).

Но, как мы попытаемся показать ниже, он тоже мог служить творческим импульсом для создания стихотворения. Не менее существенно и то, что контекст возникновения «Царскосельской статуи» оказался связан с литературно-критическими размышлениями поэта, отраженными в стихотворении «Румяный критик мой», в болдинских критических статьях, так как и в «Царскосельской статуе», как покажет наш анализ, неочевидным образом присутствует тема поэзии.

Опубликовано стихотворение будет в альманахе «Северные цветы на 1832 год»¹ вместе со стихотворениями «Отрок», «Рифма», «Труд» под общим заглавием «Анфологические эпиграммы», являя собою жанровый цикл. Как представляется, стихотворения объединены не только единством жанра, но и некой единой внутренней темой,

выявить которую помогает анализ первого, открывающего цикл произведения — «Царскосельская статуя».

Стихотворение «Царскосельская статуя» в каком-то смысле уникальный текст. Самой яркой его особенностью оказывается тавтологичность, что было неоднократно отмечено исследователями². Тавтологичность естественно влечет за собой звуковые повторы, создающие удивительный фонетический рисунок стихотворения. Действительно, на два элегических дистиха слово *урна* употреблено два раза, *вода* — два раза, *вечно* — два раза; *дева* — три раза. К этому следует добавить однокоренные слова: *разбился* — *разбитой*; *печально* — *печальна*. По степени такой сгущенности, сконцентрированности, минимализации стихотворение оказывается уникальным в творчестве Пушкина, сопоставимым в этом смысле, пожалуй, только с четверостишием «Золото и булат» (III, 452).

Между тем эти назойливые повторы вовсе не ощутимы, а лексическая концентрация несет необычайно широкий и глубокий смысл. Пушкин «снимает» тавтологичность тем, что эти повторы описывают разные реальности: деву и статую, разное время — прошлое и настоящее, мгновенное и вечное, — разделенные границей чуда, некой метаморфозы, которая изменяет поэтические смыслы одинаковых лишь на первый взгляд слов. И если говорить о чуде, то первое из них — это чудо преобразования слов в поэтические образы, наполненные очень объемным и значительным смыслом.

Первая проблема, которая возникает перед исследователем, — осознание жанровой принадлежности текста. Именно жанр «Царскосельской статуи» породил литературоведческую проблему. Крайние позиции тут были обозначены Т. Г. Мальчуковой, которая осознает стихотворение как образец подражания классической греческой эпиграмме — надписи на статую, ограничивая иные возможности интерпретации. С другой стороны, это В. А. Грехнев, видящий в стихотворении самостоятельно созданный Пушкиным миф, который дает основание для развертывания очень широкого смыслового потенциала, заложенного в тексте. Но смысловой анализ Грехнева как бы скользит над пушкинским произведением, создавая эффект импрессионистичности, давая материал для критической оценки.

Действительно, на первый взгляд, пред нами классическая эпиграмма, т. е. надпись (именно так переводится с греческого языка это слово)³. Напомню, что в одном из вариантов белого автографа стихотворение имело заголовок «К статуе в Ц. С.» (III, 1213). Сразу отметим, что окончательное заглавие «Царскосельская статуя» слегка вуалирует эту описательную тенденцию, которую подчеркивает первоначальное заглавие, позволяя тексту развернуть свои потенциальные смыслы, далеко уводящие в сторону от чистой описательности.

Как надпись понимали этот жанр в пушкинскую эпоху. В. С. Печерин в статье «О греческой эпиграмме» пишет: «Вот первоначальная эпиграмма во всей ее простоте — надпись в собственном смысле слова»⁴. А в брошюре С. С. Уварова «О греческой антологии», для которой К. Н. Батюшков переводил с французского подстрочника греческих поэтов, говорится: «У них каждая небольшая пьеса, размером элегическим писана (т. е. гекзаметром и пентаметром), называлась эпиграммою. Ей все служит предметом... Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества»⁵.

Эти представления об антологической эпиграмме пушкинской поры вполне согласуются с историко-литературными исследованиями, посвященными происхождению эпиграммы. «Литературную греческую эпиграмму, — пишет Т. Г. Мальчукова, — сформировали эллинистические поэты двух школ: дорийско-пелопоннеской и ионийско-александрийской. Первые развивали темы надгробной и посвятительной надписи и связанные с нею описания памятников или окружающего ландшафта»⁶.

Описание памятников искусства оформилось в специальную разновидность эпиграммы — экфразис, самым древним примером которого является описание щита Ахилла у Гомера («Илиада», песнь 18, ст. 478–607). Для экфразиса важно, как отмечает Г. К. Косиков, «описание не самого по себе предмета, а предмета, несущего изображение другого предмета»⁷. Таким образом, экфразис несет в себе двойную информацию: 1) об описываемом произведении искусства; 2) о другом предмете, отразившемся в самом произведении искусства. Двойственная информативная природа жанра находила художественное разрешение, в частности, в оппозиции «мертвое — живое». Производство искусства в мертвой статике запечатляло динамику жизни, которая придавала впечатление живой жизни мертвой материи:

Полный отважности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп. Словно живет эта медь!
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей»⁸.

Асклеиад Самосский. «На бюст Александра Македонского»

Или:

Кажется, телка сейчас замычит. Знать, живое творилось
Не Прометеем одним, но и тобою, Мирон⁹.

Антипатр Сидонский. «На „Телку“ Мирона»

Этот экфразис посвящен статуе телки скульптора Мирона (середина V в. до н. э.), украшавшей центральную афинскую площадь.

А вот другой экфразис на эту же тему, авторство которого приписывалось Анакреонту:

Дальше паси свое стадо, пастух, чтобы телку Мирона,
Словно живую, тебе с прочим скотом не угнать.
Телка лита не из меди; нет, время ее обратило
В медь, и Мирон солгал, будто бы создал ее¹⁰.

Описывая статичную (и в этом смысле «мертвую») скульптуру, греческие авторы «оживляют» ее. Опираясь на греческую культуру, Э. Г. Лессинг дал теоретическое решение вопроса об изображении скульптуры в словесном искусстве, говоря о том, что словесное искусство должно стремиться скульптурную статику передавать через динамику, что соответствует поэзии как временному виду искусства.

Действие этого закона обнаруживается и у поэтов пушкинской поры. Для примера остановимся на идиллии А. А. Дельвига «Изобретение ваяния», которая несомненно повлияла на пушкинскую «Царскосельскую статую» (отмечено Р. О. Якобсоном). Идиллия А. Дельвига, рассказывающая созданный самим поэтом миф о возникновении искусства скульптуры, была напечатана в альманахе «Северные цветы на 1829 год», экземпляр которого был подарен Пушкину в конце декабря 1829 — начале января 1830 года¹¹. Совпадают рефрен из идиллии и композиционный центр пушкинской эпиграммы, показывающий рождение скульптуры как чудо:

В кушу ко мне, пастухи и пастушки! В кушу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!¹²

Тема скульптурного изображения возлюбленной Лекидаса Хлои строится на традиционной для греческого экфразиса оппозиции «мертвое — живое», когда мертвое

описывается в терминах живого: «Образ Хариты! Харита живая! Харита из глины!»¹³. Однако это описание скульптуры включено Дельвигом в распространенный рассказ о взаимоотношениях Хлои и Лекидаса, который оказывается своего рода предысторией создания скульптуры. Именно в связи с сюжетной основой идиллии, у Дельвига возникла другая метаморфоза — превращение «живого» в «мертвое», не характерная для греческого экфразиса.

Пушкинская эпиграмма, «прочитанная» на фоне Дельвигова мифа об изобретении скульптуры, воспринимается отнюдь не только как описание царскосельской статуи, но, по точному замечанию А. Д. Григорьевой, как миф о превращении девушки в застывший камень и о возникновении вечного источника¹⁴. Действительно, эпиграмма обнаруживает не только описательный характер, но и повествовательный. Пушкинский текст композиционно делится на две части. Первое двустихие: «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. // Дева печальна сидит, праздный держа черепок» (III, 231) — создает отчетливый повествовательный микросюжет, разворачивающийся во времени от прошлого к настоящему (уронив, разбила; сидит, держа). И эта первая часть может осмысляться не как описание статуи, а всего лишь как предыстория ее чудесного возникновения. Второй же дистих: «Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой; // Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит» — уже лишен повествовательной динамики и являет собою чистое описание (правда, и в нем подчеркнуто динамическое начало — «не сякнет вода, изливаясь из урнь»). Как отмечает Р. О. Якобсон, «„Чуду“ идеи движения, преодолевающего застывшую неподвижность материи (а таковым, отметим мы, и было традиционное для экфразиса решение. — А. И.), противопоставлено другое „чудо“ — неподвижность материи, преодолевающей чудо движения... Неподвижность статуи воспринимается как неподвижность девы, противоположение знака и предмета исчезает, неподвижность налагается на реальное время и осознается как вечность»¹⁵. Заметим, что Пушкин остро реагирует на неподвижность скульптуры как специфическое ее качество. Так, в письме к жене из Москвы в мае 1836 года он пишет: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности» (XVI, 116).

Как видим, Пушкин идет нетрадиционным для классического экфразиса путем. По обычной жанровой схеме произведение искусства описывалось в терминах живой жизни: так уравнивались искусство и жизнь. У Пушкина возникает обратная ситуация: сама жизнь описывается в терминах искусства. Жизнь, ставшая искусством, осмыслена как чудо. Образ навечно застывшей девы был бы неестественным, если бы не искусство. «Создается эффект, — как заметил С. А. Кибальник, — аналогичный основному принципу скульптуры, где живое, временное „застывает“ навеки в глине и мраморе»¹⁶. Можно сказать, что пушкинский текст создается через переосмысление античной эпиграмматической традиции и стремится стать изоморфным скульптурному тексту.

Конечно, этим стремлением пушкинского текста к превращению в скульптуру его смысл не исчерпывается. Заметим, что в дальнейшей традиции изображения царскосельских статуй поэты (И. Анненский, А. Ахматова) будут не «оскульптуривать», а оживать их, возвращая пушкинскую идею к истокам греческой традиции¹⁷.

Семантическая двупланность такого типа эпиграммы — экфразиса в истории жанра была использована и иначе. В эпоху развития аллегорико-символического стиля (барокко, классицизм) образ предмета и его аллегорический смысл разъединяются. Создаются композиции, в основании которых лежит сравнение, уподобление, т. е. перевод аллегорического смысла из изобразительной плоскости в плоскость вербального выражения.

Когда ночная тьма скрывает Горизонт,
Скрываются поля, леса, берега и поит.

Но только лишь оно (солнце. — А. И.) в луга свой луч прольет,
Открывшись в теплоте сияет каждый цвет.

Подобен солнцу твой, монархиня, восход,
Который осветил во тьме российский род.

*М. В. Ломоносов. «Надпись на иллюминацию,
представленную на день восшествия ее величества
на всероссийский престол ноября 25 дня 1752 года,
где изображено было восходящее солнце и ваза
с чувствительными травами»¹⁸*

Или:

Великого Отца и Матери прекрасной
Обеим подобну Дщерь металл изобразив,
Геройской бодростью и кротким взором жив.
Вещает, кажется, от вещи к нам безгласой
Надежду, мужество, щедроты, милость, мир.

*М. В. Ломоносов. «Надпись на конное, литое из меди
изображение ее императорского величества
государыни императрицы Елизаветы Петровны
в амазонском уборе»¹⁹*

Для эпиграмматического жанра, возникшего на основе экфразиса, характерна своеобразная семантическая избыточность, которая в разные эпохи по-разному выражается в произведениях. Классическая античная традиция связана с темой искусства, которое оживляет мертвое, превращает смертное в бессмертное. Рационалистические стили барокко и классицизма склонны превращать надпись в расшифровку аллегорического смысла иконического изображения. Пушкин в стихотворении «Художнику» (1836) выделяет эту особую смысловую нагрузку, заключенную в скульптуре: «Гипсу ты мысли даешь...» (III, 416). О наличии этого дополнительного смысла говорит то обстоятельство, что скульптура П. П. Соколова «Молочница» была создана по мотивам басни Лафонтена «Молочница и кувшин с молоком». Понятно, что басня — аллегорический жанр, где басенный рассказ приобретает дополнительный смысл в басенной морали. У Лафонтена басенный рассказ заканчивается так:

Прощайте и коровка, и свинка, и курочки!
Хозяйка столько богатств
Печальным взглядом обводит свою прибыль
И бредет объясняться к мужу,
Опасаясь, что быть ей битой.
Из этого рассказа был сделан фарс:
Он называется кувшин молока.

Ироническое сравнение Пьеретты с Пикрохолом и Пирром позволило резко расширить смысл случившегося:

Пикрохол, и Пирр, и наша молочница,
И безумцы, и мудрецы —
Все мы грезим наяву в свое удовольствие,
Всех нас обольщает утешительный обман²⁰.

Тем самым мораль басни связывалась с пустыми и бесплодными мечтами.

Разумеется, скульптура Соколова никак не могла передать смысл басни, обозначив только самую общую идею — грусть и печаль Пьеретты. Но он сделал нечто иное. По мнению Б. П. Городецкого, «фигура девушки решена художником в сугубо обобщенных классических формах»²¹. И с этим трудно не согласиться. Возможно, классические очертания скульптуры Соколова явились основанием для обращения Пушкина к классическому греческому эпиграмматическому жанру, но смысл создаваемого им текста далеко вышел за пределы басни Лафонтена, но отчасти был навеян классическими формами скульптурной работы Соколова.

Конечно, античный колорит пушкинского стихотворения имеет свою семантику. Действительно, представление об античности как царстве красоты укрепилась в европейском искусствоведении со времен Винкельмана, полагавшего, что «ни один народ не придавал такого значения красоте, как они... Было время, — писал Винкельман, — когда греческая молодежь в школах наравне с мудростью обучалась искусству. Таким образом, художник работал для вечности»²². Гердер укрепил представление об идеальности творений греческого искусства²³. Особое значение в воплощении идеала греческой красоты имела именно скульптура как гармоничное сочетание эстетических и этических качеств, уравнивающих в идеале калокагатийности внешнее и внутреннее, тело и дух. Представляется, что именно через такое понимание античной скульптуры и была увидена Пушкиным статуя Соколова. Красота, осмысленная как мудрость, — вот что оказалось наиболее значительным в этом контексте.

Но и этим не исчерпывается многосмысленность четырех пушкинских строк. Обращает на себя внимание тот факт, что кувшин, фигурирующий как в басне Лафонтена, так и в скульптуре Соколова, у Пушкина превращен в урну. Это особенно заметно как в связи с названием скульптуры — «Девушка с кувшином», так и с обычным восприятием ее: «...Видели ли вы в Царском большой бассейн, в котором проточная вода; он возле девушки с разбитым кувшином. Это очень хорошенький маленький памятник»²⁴. Или:

Все тоскует о забытом,
О своем весеннем сне,
Как Пьеретта о разбитом
Золотистом кувшине...

А. А. Ахматова. «Алиса»²⁵

И хотя Т. Г. Мальчукова, стремящаяся видеть в «Царскосельской статуе» только описательный экфразис, пытается убедить нас в том, что у Пушкина возможно появление «урны» в значении «сосуд для воды или пиршественной чаши»²⁶, более того, «Словарь языка Пушкина», на первый взгляд, не противоречит такому толкованию значения, мы все же позволим себе не согласиться с этим выводом. «Словарь языка Пушкина» указывает несколько значений слова «урна» в пушкинском употреблении: 1. Сосуд, обычно в виде вазы, употреблявшийся как украшение на могильном памятнике (ср. «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1836)). 2. Символ могилы, место погребения праха (пред-

смертные размышления Ленского (VI, XXII); «Для берегов отчизны дальней» (1830), «Элегия» (1816)). А вот далее любопытно. Для значения «вообще о сосуде, кувшине, вазе и т. п.» приводится единственный пример — «Царскосельская статуя». К значению «пиршественных сосудов» тоже приводится уникальный пример из послания «Кривцову» (1817). Напомним:

Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров (II, 50).

Ясно, что легкий пепел шалунов собирается после их смерти не в пиршественные чаши, а именно в погребальные урны. Более того, образно-тематическая композиция стихотворения выстраивается на развертывании по-разному звучащего мотива чаши. Сначала это «чаша жизни», потом «круговой сосуд», а в финале, естественно, «урны пиров» как гениальный по своей неожиданности образ эпикурейской смерти, столь характерный для ранней лирики Пушкина²⁷.

И наконец, последнее значение — «ваза или ящик для жеребьевки», где в качестве иллюстрации приводятся строки из стихотворения «Клеопатра» (1824) и, естественно, «Египетские ночи»²⁸:

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой (III, 131).

Совершенно очевидно, что образ роковой урны поэтически подчеркивает тот факт, что герои выбирают любовь вместе со смертью. Это вариация уже отмеченного мотива эпикурейской смерти. Анализ показывает, что во всех случаях образ «урны» связан у Пушкина с темой смерти. Образ урны как похоронного символа продержится в русской поэзии вплоть до «Урны» А. Белого. И единственный пример — «урна с водой» — не выпадает из этого ряда. Конечно, урна в первую очередь ассоциировалась с темой кладбища, похорон, могил, смерти. Так, в идиллии Дельвига мы встречаем «урны печальные». И это нейтрально. Но «урна с водой» — это поэтический нонсенс, некий образный парадокс, который находит свое объяснение в том, что обнаруживает в пушкинской эпиграмме философскую тему — тему жизни («вода») и смерти («урна»). Гармоничность и изящество пушкинского художественного решения станет яснее, если напомним о том, что одной из жанровых разновидностей греческой эпиграммы является эпитафия, естественно связанная с темой жизни и смерти (сам Пушкин видел единство и разность этих жанровых разновидностей. Ср.: «...эпиграммы... антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть...» (XI, 61) и «анфологическое надгробие» (XIV, 149)). Семантика «урны» как похоронного символа актуализирует и другие потенциальные смыслы. Так, «вечная струя», помимо своего прямого значения — фонтан в парке, — вбирает в себя смыслы, близкие гераклитовскому «все течет, все изменяется»²⁹.

Такой способ поэтической обработки мотивов и образов изобразительных искусств в пушкинской поэзии не редкость. В. В. Виноградов замечает: «Живописно-пластические формы предмета <...> обусловленные взаимодействием литературы и изобразительных искусств, составляют новый семантический круг в поэтическом стиле Пушкина. Это — „скульптурное или живописное начало, перенесенное в средства слова, где не только созерцание, но и самая мысль становится изваянием, картиной“ (Щербина)»³⁰.

Нужно отметить, что сама скульптура Павла Петровича Соколова, поставленная в Царскосельском парке в 1810 году (т. е. за год до поступления Пушкина в Царскосельский Лицей), имела не только эстетическую функцию. Как полагают исследователи, «прообразом „Молочницы с кувшином“ послужил ясный лик императрицы Елизаветы Алексеевны. Павел Петрович Соколов был придворным скульптором, и его работа навеяна уходом двух маленьких дочерей императрицы — Марии (1799–1800) и Елизаветы (1806–1808)... Для мастера... это своего рода подношение скорбящей императрице»³¹.

Поэтому думается, что образ мужика, спешащего похоронить своего ребенка из стихотворения «Румяный критик мой», мог в сознании Пушкина вызвать образ статуи Соколова с этим ее двойным смыслом. Именно поэтому Пушкин соединяет в своем стихотворении две разновидности эпиграмматического жанра — экфразис и эпитафию, описание скульптуры и стихи на смерть.

Этот реальный смысл, навеянный подтекстом статуи Соколова, в пушкинском тексте обретает обобщенно философское звучание.

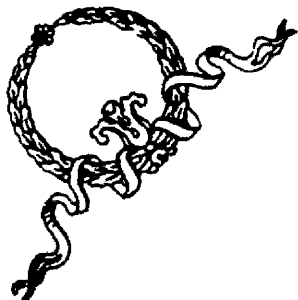
Смысловое поле стихотворения расширяется. Это уже не просто описание царскосельской статуи, это не просто воплощение мира красоты. Пушкинская эпиграмма включает в себя мысль о вечном движении жизни, о хрупкости и бренности существования конкретного человека как о бесконечном трагедийном конфликте бытия, о человеческой мудрости, способной сквозь эту конфликтность ощущать всеобщую гармонию мира, и, наконец, об искусстве, способном эту трагедию превратить в вечно прекрасные формы³². Этот обобщающий смысл возникает исключительно в поэтическом тексте Пушкина. И это то место, где поэтическое слово очевидно побеждает язык скульптуры. Если пушкинская эпиграмма включает в себя тему искусства, то в ней с неизбежностью неявно, имплицитно возникает тема поэтического искусства, поэтического слова, способного быть не только языком, изоморфным языку скульптуры, но создавать такие смыслы, которые лишь потенциально обозначены в скульптуре.

«Вечным» чудом в эпиграмме оказывается не только дева, ставшая бронзовой скульптурой, но и само поэтическое слово. В этом случае в семантической перспективе стихотворения обнаруживается смысл, близкий горацианской оде «К Мельпомене» о слове, которое крепче меди и долговечнее пирамид.

Наш анализ позволяет выявить и общую тему, которая объединяет все анфологические эпиграммы в единый цикл. Помимо жанровой общности выделяется общность содержательная. Это не только «идея классического значения русского искусства»³³, — как справедливо полагает Т. Г. Мальчукова, но и тема поэзии, поэтического труда, что очевидно в стихотворении «Отрок», обращенном к Ломоносову, в стихотворении «Рифма», где создается миф о рождении Рифмы, в стихотворении «Труд», где речь идет о значительности поэтического труда. Обычно из этого ряда выпадала «Царскосельская статуя». Но, как мы попытались показать, в ней тоже особым образом выразилась тема поэтического слова.

Примечания

- ¹ Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831. С. 41.
- ² См., напр.: Григорьева А. Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов. Опыт в антологическом роде // Григорьева А. Д., Некрасова Н. Н. Язык лирики XIX века. Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. С. 139; Кибальник С. А. Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 168–172.
- ³ Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма // Греческая эпиграмма. СПб.: Наука, 1993. С. 325.
- ⁴ Печерин В. С. О греческой эпиграмме // Современник. 1837. № 3. С. 74.
- ⁵ Уваров С. С. О греческой антологии. СПб., 1820. С. 5.
- ⁶ Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Антологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 65.
- ⁷ Косиков Г. К. Теофиль Готье, автор «Эмалей и Камей» // Готье Т. Эмали и камни. М., 1989. С. 15. См. также: Брагинская Н. В. Экфразис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 259–283.
- ⁸ Греческая эпиграмма. С. 286.
- ⁹ Там же. С. 203.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т. 3. С. 125.
- ¹² Дельвиг А. А. Полн. собр. соч. Л., 1959. С. 211.
- ¹³ Там же. С. 212.
- ¹⁴ Григорьева А. Д. Язык лирики Пушкина 30-х годов. С. 138. — Впервые о «методе мифологизации» по отношению к «Анфологическим эпиграммам» заговорил Д. Д. Благой (см.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 517).
- ¹⁵ Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 168.
- ¹⁶ Кибальник С. А. Венок русским камням // Венок русским камням: антологические стихотворения русских поэтов. СПб.: Наука, 1993. С. 14.
- ¹⁷ См., напр., Ткачева Н. Н. Пушкин и Анненский: заметки к «скульптурной» теме // Пушкин А. С.: эпоха, культура, творчество. Традиции и современность. Владивосток: ДВГУ, 1999. С. 161–169.
- ¹⁸ Ломоносов М. В. Избр. произведения. 3-е изд. Л.: Худож. лит., 1986. С. 234.
- ¹⁹ Там же. С. 247.
- ²⁰ Классическая басня. М., 1981. С. 134.
- ²¹ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 466.
- ²² Винкельман И. И. История искусства древности. М., 1933. С. 120–125.
- ²³ См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 361.
- ²⁴ Смирнова-Россет А. О. Из «Автобиографических записок» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 155.
- ²⁵ Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 39.
- ²⁶ См.: Мальчукова Т. Г. Указ. соч.
- ²⁷ См.: Постников О. Г. Тема смерти в ранней лирике А. С. Пушкина // «Вечные» сюжеты русской литературы («Блудный сын» и др.). Новосибирск, 1996. С. 63–64.
- ²⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 727.
- ²⁹ Ср.: Слонимский М. Мастерство Пушкина. 2-е изд. М., 1963. С. 90.
- ³⁰ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 70.
- ³¹ Белозерова Л. Секреты «девушки с кувшином»: версии любознательного читателя // Нева. 1998. № 8. С. 218–219.
- ³² Ср. «„Царскосельская статуя“ — произведение об античности и о „вечной струе“ бытия, о мудрой печали человеческой, склонившейся над потоком жизни, и о могучей силе искусства, способной удержать и заковать в вечно живые формы творчества быстротечный миг» (Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород, 1994. С. 287).
- ³³ Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 75.

Р. В. Иезуитова
ПУШКИНСКИЙ «АКАФИСТ»

Стихотворение «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» при жизни Пушкина не публиковалось, хотя принадлежит к числу завершённых пушкинских текстов. Черновик с авторской датой «31 июля 1827 Мих[айловское] в Рабочей тетради ПД 836 (л. 21) даёт первую редакцию стихотворения, которое затем было доработано и вписано в альбом адресата (младшей дочери Н. М. Карамзина) с новой датой «24 нояб[ря]» 1827 года, в день общих с её матерью, Екатериной Андреевной Карамзиной, именин.

На первый взгляд перед нами альбомный мадригал, однако не совсем обычный по своей форме. Акафист (от греч. «имнос акафистос» гимн, который исполняют стоя, в церковно-славянской традиции — гимн несидящих) обозначает литургическое песнопение «Акафист ко святой Богородице», исполняемое во время праздника Похвалы Пресвятой Богородицы. По этому образцу сложился жанр церковного песнопения в честь Христа, Богоматери или кого-то из святых. Особая природа акафиста как похвального жанра давала возможность для расширительного его толкования, однако в пушкинское время он сохранял свою связь с православной обрядностью и не стал ещё литературным жанром. Сохраняет эту связь и Пушкин в своём «Акафисте», в нарушение канона обращённом не к «к лику Святых», а к двадцатилетней девушке, ничем особенным не отличающейся, разве что своей принадлежностью к высоко чтимому в России семейству знаменитого российского историографа. Н. М. Карамзин воспринимался в пушкинское время не только как великий писатель, один из наиболее уважаемых и почитаемых «святых чудотворцев» отечественного Парнаса, но прежде всего как выдающаяся личность, человек высочайших моральных качеств. Ореолом особого почитания была окружена и семья писателя, которая была для Пушкина, начиная с лицейских лет, приобщением к миру высокой духовности. Связь с семейством Карамзиных — одна из наиболее устойчивых на протяжении жизни Пушкина. Екатерина Андреевна, предмет юношеской влюблённости поэта, до конца его дней оставалась его близким и преданным другом¹.

После смерти Карамзина в мае 1826 года теснейшее общение его друзей и сподвижников с осиротевшим семейством не прервалось. Гостеприимный и приветливый семейный очаг Карамзиных оставался одним из наиболее посещаемых в Петербурге. Постоянными гостями дома были П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев и другие писатели пушкинского круга. Посетив друзей на следующий день после своего приезда в Петербург, вплоть до их отъезда 19 июня на отдых в Ревель Пушкин бывал у них почти ежедневно. В семье по-прежнему бережно сохранялись культурные традиции арзамасского братства и ценилась непринужденность дружеского общения. В особой атмосфере, царившей в этом доме, и возник замысел стихотворения, обращённого к юной Карамзиной. Видимо, лирический сюжет настолько сложился в творческом сознании поэта, что почти сразу по приезде

в Михайловское он принялся за работу и, по-видимому, в один присест написал 31 июля стихотворение вчерне, дав ему название «Акафист К. Н. К-ой»². Лирическая героиня стихотворения прямо соотносена со святой владычицей (Богоматерью), которой благоговейно поклоняется спасшийся от бури пловец. Но образ автора исполнен тонкой самоиронии и во многом собирательный. Недаром в черновом тексте подыскивается соответствующая поэтическая формула, объединяющая «я» и «нас» — «для наших набожных очес». Кто они, эти «мы»? На языке церковной риторики Пушкин выразил не только собственное, но и общее восхищение друзей дома юной представительницей славного семейства Карамзиных, но в нарушение строгих канонов жанра акафиста не ограничился традиционными темами, а значительно расширил тематические рамки своего сюжета.

Нетрудно убедиться, что содержание стихотворения не сводится к упоминанию святой владычицы и поэтическим похвалам в адрес Катеньки Карамзиной: оно несет более значительную смысловую нагрузку. Как уже отмечалось исследователями, «Акафист» замыкает цикл декабристских замыслов 1826–1827 годов, связанных с восприятием и оценкой Пушкиным событий 14 декабря 1825 года и их трагических последствий³. На это прежде всего указывает положение чернового автографа в Рабочей тетради ПД 836, где на предшествующем листу 21 и в непосредственном соседстве с ним (л. 18 об. — 19 об.) находятся следующие произведения этого цикла: «Какая ночь! мороз трескучий», «Весна, весна, пора любви», а также фрагментарный текст «Как бурею пловец», ошибочно включенный в большом академическом издании Пушкина в черновик «Акафиста» (см.: III, 597).

Особого внимания заслуживает дата под текстом стихотворения — 31 июля 1827 года. Ровно год назад, датой 31 июля П. А. Вяземский пометил свое стихотворение «Море» (трагический реквием по казненным на виселице декабристам) и послал его Пушкину, который ответил другу посланием «Так море, древний душегубец», разгадав содержащийся в дате стихотворения Вяземского цифровой шифр. Перестановка цифр 3 и 1 давала число 13 июля — день казни К. Ф. Рылеева, П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, П. Каховского, М. Бестужева-Рюмина. Датируя «Акафист» 31 июля 1827 года, Пушкин еще раз откликнулся на трагическое событие, подвел итоги длившимся более года мучительным размышлениям на тему «И я бы мог как [шут ви]<сеть>» и поставил последнюю точку в своем диалоге с Вяземским.

Образ моря как «древнего душегубца» — стержневой для пушкинского «Акафиста» — организует лирическое пространство стихотворения, взаимосвязь составляющих его мотивов, каждый из которых соотносится с символикой декабристского цикла 1826–1827 годов в целом. Так, мотив бури — пловца отсылает не только к упомянутому выше фрагменту «И я бы мог...», но еще в большей степени к «Ариону», которым в иносказательной форме Пушкин откликнулся на годовщину казни, закамуфлировав свой отклик датой 16 (а не 13) июля. Вознося хвалу Провиденью за счастливое избавление от грозившей ему гибели, поэт переключал драматическую и торжественную тональность «Ариона» в дружески-доверительную «Акафиста», что было связано с переосмыслением ситуации «буря — пловец» в собственно личном плане. Показательно, что и в сохранившемся в составе Рабочей тетради Пушкина ПД 833 (л. 37) автографе «Ариона» Пушкин заменяет первоначальное «Их было много на челне» на «Нас было много на челне», а «Пловцам он пел» на «Пловцам я пел», иными словами, ведет повествование от первого лица, скрываясь за маской античного персонажа. В «Акафисте», уподобляя себя спасшемуся от бури пловцу, поэт говорит уже от своего имени, а античный колодит «Ариона» сменяется ориентацией на более близкие автору культурные реалии.

Показательно, что один из отброшенных вариантов ст. 8 — «В тиши родных небес», а нейтральная (в равной степени соотносимая и с другими христианскими конфессиями) «звезда небес» или «небесная дева» заменяется на святую Владычицу, т. е. Богоматерь, отсылая к символике православия. Пушкин не ограничился жанровыми рамками акафиста, но значительно расширил православный контекст стихотворения за счет обращения к обрядовой культуре русской церкви. Представление о земной жизни человека как о блуждании по бурному морю, заключенное в метафорическом образе «моря житейского», терзаемого бурями и напастями, крушение как гибель земного бытия, смерть как тихая пристань, где душа обретает покой — такова образная символика ирмоса канона «Песнь б», традиционно включаемого в обряд отпевания по православному обычаю: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве»⁴. Пушкин далеко не ортодоксально интерпретирует и этот религиозный текст. Говоря о своем счастливом спасении, поэт утверждает не смерть как избавление от житейских невзгод, а жизнь с ее радостями и светлыми чувствами. Подобно пловцу, счастливо избежавшему смерти и воздающему хвалы святой Владычице за свое спасение, пушкинский герой достигает не тихого пристанища (т. е. успокоения в смерти), а земли со всеми радостями человеческого бытия. Таков философский смысл неканонического пушкинского «Акафиста». Существенно и то, что предметом высокого восхваления становится у него не сама святая Владычица, а реальная, земная женщина, поэтому поклонение юной Карамзиной облечено в формы не религиозного, а скорее романтического культа и выдержано в стилистической манере Жуковского, женские образы которого («Узник к мотыльку», 1813; «К Эмме», 1819 и др.) исполнены небесной, почти неосязаемой прелести. Пушкин в «Акафисте» сохраняет особое духовное состояние «предчувствия неба» в прекрасном женском образе, но в отличие от Жуковского, небесное (духовное) и земное (реальное) у него не противопоставлены, а существуют в неразрывном единстве. Примером смелого пушкинского оксюморона могут служить следующие строки из «Акафиста», обращенные к героине:

Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес (III, 64).

Прочитированные строки взяты из белого автографа, к сожалению, до нас не дошедшего и известного по упомянутой выше публикации Б. Л. Модзалевского в статье «Из альбомной старины», в которой исследователь дал подробное описание ныне утраченного альбома Е. Н. Мещерской (в девичестве Карамзиной). В альбоме находились также три записи Жуковского, «из коих первая дает некоторые варианты к его пьесе “Лала-Рук”, а вторая представляет сопровождающее “Лала-Рук” любопытное рассуждение поэта о том, что такое прекрасное»⁵. Пушкин разделял взгляды Жуковского на природу прекрасного, что по-своему сказалось и на трактовке женского образа «Акафиста». Об этом выразительно свидетельствует переписанный его рукой текст Жуковского в редакции «Альбома Е. Н. Мещерской»⁶. Б. Л. Модзалевский сообщает также, что у дочери Карамзина был еще один альбом «более ранний, до нас недошедший», в который Жуковский вписал свой мадригал «В альбом Е. Н. Карамзиной» (1818), которым откликнулся на знаменитую речь Н. М. Карамзина в торжественном собрании Российской Академии 5 декабря 1818 года. Нет сомнения в том, что Пушкин держал в руках этот альбом и знал мадригал Жуковского еще с ранних петербургских лет,

часто бывая в доме Карамзиных. Это подтверждается сопоставлением двух поэтических текстов, обращенных к одному адресату. Романтический образ совсем юной девочки в стихотворении Жуковского строится на оппозициях: небесное — земное, свет — мрак, цвести — увядать. В несколько измененном виде эти оппозиции присутствуют и у Пушкина: земля — небеса, буря — тишь, венец — увядший венец. Общим для этих текстов оказывается и система эпитетов, характеризующих героиню: прекрасная душа — высокое светило, святая, светлая, небесная. При отмеченном нами сходстве существенны и различия: если мадригал Жуковского заключают прочувствованные строки о Карамзине («Все для души, сказал отец твой несравненный»), то в пушкинском «Акафисте» он не упоминается. Однако стихотворение создавалось с мыслью о Карамзине. Среди сложных обстоятельств, определивших судьбу Пушкина в последекабрьские годы, далеко не последнюю роль сыграло заступничество Карамзина перед Александром I в 1820 году. Посвящая благодарственные стихи за спасение от «бурь» дочери Карамзина, Пушкин по-своему выразил и признательность своему заступнику, которому он посвятил своего «Бориса Годунова» со следующими проникновенными словами: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд гением его вдохновенный, с благодарением и благодарностию посвящает Александр Пушкин». Возможно, одной из причин, помешавших Пушкину почтить стихами память знаменитого писателя, послужили панегирические сочинения невысокого художественного уровня, которыми многие откликнулись на кончину знаменитого россиянина.

Характерным примером может служить книга ревностного поклонника Карамзина Н. Д. Иванчина-Писарева «Дух Карамзина, или Изображение мысли и чувствования сего писателя» (1827). Дата ее цензурного разрешения — 31 января 1827 года — допускает возможность знакомства Пушкина с этим сочинением, в предисловии к которому автор обращался к почившему историографу со словами, исполненными пафоса и риторики: «Премудрость и благость Высочайшего Существа: красоты видимого мира: благородство Человека; любовь к Отечеству; его слава и благоденствие; польза от Наук, Словесности и Художеств; непорочные внушения любви и дружбы; добрые нравы и счастье сограждан: вот предметы, постоянно исполнявшие его душу»⁷. Восторженное поклонение дочери Карамзина в посвященном ей «Акафисте» вмещает и благодарную память о почившем великом человеке и о его заслугах перед Россией, несмотря на все бури и катаклизмы, ее терзающие. Однако шутливая, дружеская интонация пушкинского стихотворения преобразует панегирический стиль хвалебного текста и пафосную риторическую религиозного песнопения, не превращая «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» в стилизацию этих архаических жанров, а давая жизнь новой, оригинальной жанровой форме русской поэзии.

«Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» — это не только дань уважения Пушкина к семейству его великого современника, не только подтверждение прочности декабристских связей поэта, но прежде всего произведение многопланового жанрового диапазона, требующее, как мы стремились показать, изучения в широком историко-культурном контексте, обращения к традициям церковной письменности, знания обрядовой культуры, литературных источников, иными словами всего того, что было в поле его зрения при создании поэтического текста, одновременно восторженного и шутливого, романтического и ироничного, по-пушкински многозначного и неповторимого.

Примечания

¹ Вацуро В. Э. Подвиг честного человека // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С. 32–109; Тынянов Ю. Н. Бзыменная любовь // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 202–232.

² Правильная расшифровка инициалов принадлежит П. А. Ефремову (см.: *Пушкин А. С.* Собр. соч. Т. VIII. С. 275). Ему возразили: Н. О. Лернер (см.: *Пушкин А. С.* Соч. Т. IV. С. XXXIX) и П. Е. Щеголев (см.: *Пушкин и его современники.* Вып. XV. Пг., 1911. С. 28). Окончательно установил адресат «Акафиста» Б. Л. Модзалевский в статье «Новые строки Пушкина» (см.: *Пушкин и его современники.* Вып. XXVIII. Пг., 1916. С. 2–3).

³ *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. // *Пушкин. Исследования и материалы.* Л., 1983. Т. XI. С. 88–114.

⁴ Священник Алексей Морозов. *Помощь усопшим.* М., 2006. С. 124.

⁵ *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // *Русский библиофил.* Пг., 1916. Вып. VI. С. 76–77.

⁶ См.: *Рукою Пушкина.* Л., 1935. С. 490–492.

⁷ *Иванчин-Писарев Н. Д.* Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя. С прибавлением некоторых обозрений и исторических характеров. М., 1827. Ч. 1. С. XIII.

Н. И. Михайлова

**ПИСЬМО В. Л. ПУШКИНА
к В. С. ФИЛИМОНОВУ**

В рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) хранится письмо В. Л. Пушкина к В. С. Филимонову (ф. 244, оп. 20, № 152), до настоящего времени, насколько нам известно, не введенное в научный оборот. Между тем оно представляет несомненный интерес и как памятник эпистолярной культуры пушкинского времени, и как документ, дополняющий наши представления о взаимоотношениях московских литераторов.

Благодарю вас покорнейше, любезный Владимир Сергеевич, за присылку мне забавного стихотворения, все пакеты и экземпляры по надписям мною разосланы, к кому следовало, доставлены. Иван Иванович Дмитриев просил меня также изъяснить вам его благодарность. Мне приятно, что вы обо мне вспомнили, а я старых приятелей никогда не забываю, и сердечно жалел, что во время пребывания вашего в Москве, вы меня не посетили. Будьте здоровы, благополучны, беседуйте с музами, пишите веселые стихи и не забывайте искренно преданного и почитающего вас покорного слугу.

Василий Пушкин

Москва. 1828

апреля 9-го дня.

Владимир Сергеевич Филимонов (1787–1858) — москвич, воспитанник Московского университета, участник Отечественной войны 1812 года, новгородский вице-губернатор (1817–1819), архангельский гражданский губернатор (март 1828 — ноябрь 1831), поэт, прозаик, переводчик, издатель газеты «Бабочка» (1829–1831).

«Забавное стихотворение», присланное Филимоновым В. Л. Пушкину и другим московским знакомым, — поэма «Дурацкий колпак», вышедшая в свет в Петербурге в 1828 году (ч. I, II).

Со стихотворным посвящением Филимонов отправил свою поэму А. С. Пушкину:

Вы в мире славою гремите;
Поэт! В лавровом вы венке.
Певцу, неизвестному, простите:
Я к вам являюсь — в колпаке.

С.-П.б.
марта, 22.
1828¹

Прочитав и высоко оценив поэму, А. С. Пушкин в тот же день послал Филимонову стихотворный ответ:

Вам Музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком (III, 99).

1 мая 1828 года Филимонов написал стихи, адресованные А. С. Грибоедову, которому также подарил свой «Дурацкий колпак» (стихи были напечатаны в «Московском вестнике» (1828. № 16).

И А. С. Пушкину, и А. С. Грибоедову поэма была отправлена в Петербург.

Среди москвичей, получивших поэтический подарок Филимонова, — И. И. Дмитриев, который не только передавал свою благодарность через В. Л. Пушкина, но и лично поблагодарил сочинителя «Дурацкого колпака». 17 апреля 1828 года он написал Филимонову: «...я с большим удовольствием прочитал счастливое произведение Вашей музыки: оно дышит игривостью, тонкой иронией и прелестью поэзии. Оставьте Горация и пользуйтесь впредь Вашим капиталом. Искренне желаю, чтобы Вы сдержали свое слово и вплели еще несколько цветков в Ваш венок, который, по скромности Вашей, угодно было Вам назвать Колпаком»².

Поэма Филимонова была по достоинству оценена современниками. Благожелательные отзывы о ней в 1828 г. появились в «Московском вестнике», «Московском телеграф», «Северных цветах на 1829 год».

В. Л. Пушкину, как свидетельствует его письмо, также понравилась поэма. При этом, вероятно, он обратил внимание и на сатирический смысл этого «забавного стихотворения», полагая, что за него можно поплатиться. 11 апреля 1829 года Василий Львович писал П. А. Вяземскому: «Филимонов назначен губернатором в Архангельск. Не обязан ли он своим местом Дурацкому колпаку?»³

Любопытно, что в «Дурацком колпаке» Филимонов, представляя Московский Парнас, не забыл упомянуть В. Л. Пушкина: «Буянил с Музой Пушкин-дядя»⁴.

Уже после смерти В. Л. Пушкина Филимонов написал и в 1845 году выпустил в свет поэму «Москва», где не забыл московского стихотворца:

Ты, милый с дамами любезник,
Лихой Буянова творец,
Беседы скучной враг, веселый собеседник...⁵

Но возвратимся к письму В. Л. Пушкина. Оно представляет интерес еще и потому, что ставит перед нами задачу дальнейшего поиска. Необходимо искать книги Филимонова, присланные им в дар москвичам, искать книгу, подаренную им В. Л. Пушкину. Не исключено, что на этих книгах помимо дарственных надписей могут быть и стихотворные посвящения — неизвестные нам пока автографы автора «Дурацкого колпака».

Примечания

¹ Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 110.

² Цит. по: *Ленюшкина Л. Г.* Образный дар // *Филимонов В. С.* «Я не в Аркадии — в Москве рожден...» Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова. М., 1988. С. 15.

³ *Пушкин В. Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 280.

⁴ *Филимонов В. С.* Указ. соч. С. 44.

⁵ Там же. С. 223.

Г. В. Флерова

МОСКОВСКАЯ СЕМЬЯ СОЙМОНОВЫХ

И жизни, отошедшей в мир преданий,
Свой братский зов и голос подают.

И. А. Бунин

В Рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранятся четыре письма¹, адресованных Степану Петровичу Шевыреву (1806–1864), писателю, критику, историку литературы, профессору Московского университета, одному из организаторов журналов «Московский вестник» и «Московский наблюдатель», датированные 31 июля, 12 сентября, 10 октября 1839 года, 28 августа 1846 года.

На обложке дела указан предполагаемый автор писем — «Соймонов?», однако ему принадлежит только подпись в виде автографа, труднопрочитываемая, размашистая, прихотливая по рисунку.

Письма 1839 года (три) — на бумаге с филигранью: «J. WHATMAN TURKEY MILL 1837». В центре под короной вытеснен овальный штампель: BATH/FINE/. На письме от 31 июля 1839 года обозначен адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю Степану Петровичу Шевыреву».

Послания написаны на листах тонкой писчей бумаги, железо-галловыми чернилами, по-русски, четким каллиграфическим почерком, с соблюдением правил орфографии и пунктуации, без помарок и исправлений.

Для 30–40-х годов XIX века язык писем архаичен: обращения церемонны, слог высокопарен, предложения длинные. Вместе с тем при переходе разговора на детали повседневной жизни речь автора обнаруживает пластику живого разговорного языка с его простотой и естественностью.

Письма и их отправитель заинтересовали, поскольку изучение дворянского рода Соймоновых входит в круг наших научных интересов: к роду Соймоновых принадлежит и ученый библиограф, библиофил, друг А. С. Пушкина Сергей Александрович Соболевский (1803–1870). Представители этой родоювнтой московской фамилии, генеалогия которой прослеживается с XV века, преданно служили российскому престолу и «жалованы были от государя поместьями, а некоторые чинами и орденами»². Соймоновы были в родстве с Вяземскими, Татищевыми, Хованскими, Левашевыми, Мертваго, Буниными. И. А. Бунин в «Автобиографической заметке» пишет: «Род наш дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу Анну Петровну Бунину и поэта Василия Андреевича Жуковского; <...> в некотором родстве мы с братьями Киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми...»³

Среди выдающихся ученых и общественных деятелей России XVIII века — Федор Иванович Соймонов (1680–1780), «птенец гнезда Петрова», сподвижник царя в войнах на Балтике и Каспийском море, президент Адмиралтейств-коллегии. Его сын — Миха-

ил Федорович, крупнейший специалист в области геологии, геодезии, горных дел, основатель и первый командир Горного училища в Санкт-Петербурге. Двоюродный брат М. Ф. Соймонова, Петр Александрович Соймонов, — статс-секретарь Екатерины II, президент Берг-коллегии.

XIX век не отмечен такими крупномасштабными фигурами, тем не менее многие из представителей этого рода внесли достойный вклад в общественную и культурную жизнь России: декабрист М. Ф. Митьков, крупный горный инженер В. Ю. Соймонов, генерал, герой Севастополя, погибший в 1854 году, полный тезка своего знаменитого предка Ф. И. Соймонов, поэт М. Н. Соймонов и другие.

Обнаруженные нами письма относятся к категории дружески-деловых. По содержанию они не выходят за историко-бытовые рамки времени, но раскрытие личности отправителя может представлять для нас определенный интерес.

Автор обращается к С. П. Шевыреву как к наставнику своего горячо любимого сына Николеньки, советуется по вопросам его воспитания и определения дальнейшего жизненного пути: «...по дружескому совету Вашему, ежели угодно будет Богу, я намерен вести его по Московскому Университету...»⁴. В отношении рекомендованного Шевыревым учителя-француза г. Бернара он замечает, что «молодость его и неопытность меня устрашают»⁵. В последнем письме, датированном 1846 годом, отец выражает горячую признательность «за сына — Вашего студента»⁶. Участники переписки связаны долгими дружескими отношениями: семьи привыкли обмениваться книгами и литературными новинками, упоминается широкий круг родственников, друзей, знакомых. Так, в сентябре 1839 года С. П. Шевырев по рекомендательному письму друга посетил в Париже чету Свечиных, эмигрировавших во Францию в 1817 году. «Я очень рад, что сознакомил Вас со Свечиными, которые, с своей стороны, очень довольны, узнав вас вашим знакомством, по последнему письму, полученному от любезного старика Николая Сергеевича»⁷.

Н. С. Свечин — военный губернатор Санкт-Петербурга при Павле I, генерал, участник войны 1812 года. Для Соймонова он «почтенный старик, который любит Россию, русскую литературу, нетерпеливо ожидал видеть представителя оной. <...> Посылаю я ему с первою оказиею стихи Василия Андреевича по случаю Бородинских маневров, которые могут быть и вам приятно прочесть на чужой стороне»⁸. К письму приложен текст стихотворения В. А. Жуковского «Бородинская годовщина», посвященного Бородинским торжествам — открытию памятника на Бородинском поле в 27-ю годовщину со дня Бородинского сражения 26 августа 1812 года. Жена Н. С. Свечина — Софья Петровна, урожденная Соймонова, дочь Петра Александровича Соймонова, статс-секретаря Екатерины II, сенатора, члена Российской Академии наук, хозяйка знаменитого католического салона в Париже. Благодарные поклоны С. П. Шевыреву неизменно передает «жена Мария Александровна»; пишутся письма «в виду слабости зрения моим секретарем дочерью Екатериной Александровной»⁹.

Все четыре письма отправлены из родовой подмосковной усадьбы Соймоновых в с. Теплом Рузского уезда Московской губернии, где сосед и друг «батюшки — Гаврила Петрович Гагарин, женатый на Прасковье Федоровне Воейковой, построил церковь с приделом своего имени»¹⁰.

Содержание этих писем и упомянутые в них лица позволяют с уверенностью утверждать, что к С. П. Шевыреву обращался не кто иной, как Александр Николаевич Соймонов (1780–1856), московский дворянин, отец и наставник Сергея Александровича Соболевского, хозяин знаменитого в 30–40-е годы XIX века музыкального салона в Москве; он же двоюродный брат С. П. Свечиной.

Его жена — Мария Александровна, урожд. Левашева (1794–1868), дочь — Екатерина Александровна (1811–1879), певица, блиставшая в 1830-е годы в любительских концертах.

Борис Николаевич Чичерин, юрист, публицист, профессор Московского университета, в 1840-х годах, будучи студентом, посещавший дом Соймоновых на правах дальнего родственника, оставил описание этой знаменитой московской семьи: «На Малой Дмитровке в прелестном доме с большим садом жили Соймоновы, которые со старым московским радушием соединяли утонченное изящество форм. Балов они не давали, но каждый вечер в их гостиную съезжались светские люди, а иногда ученые и литераторы. Ласковость и приветливость хозяев делали то, что все у них чувствовали себя свободными; разговор всегда был оживленный; все в этой гостиной дышало какой-то сердечной теплотой. Старик Александр Николаевич, отец известного С. А. Соболевского, был совершенный маркиз XVIII века, с утонченными манерами, всегда веселый и живой. Он до 70 лет каждый день ездил верхом по московским улицам. Жена его Марья Александровна, рожденная Левашова, высокая, стройная, до старости носившая печать прежней красоты, была олицетворением сердечной чистоты и невинности. Умной и приятной собеседницей была замужняя дочь Сусанна Александровна Мертваго. Но красой семьи была другая, незамужняя дочь, уже довольно пожилых лет¹¹, Екатерина Александровна, женщина умная и образованная, с отличным сердцем, с приятным светским разговором, прекрасная певица»¹².

Этот известный всей Москве дом достался Александру Николаевичу в наследство от бездетного Михаила Федоровича. И семья проживала в нем с 1813 по 1850 год. У Соймоновых не давали балов, не устраивали литературных диспутов. В доме царил музыка. Желанными гостями были композиторы М. И. Глинка, А. Н. Верстовский, А. А. Алябьев; здесь начинал карьеру музыкального критика Н. А. Мельгунов, выступали гастролировавшие в России итальянские оперные певцы и знаменитые певицы-дилетанты Полина Бартенева, Надежда Репина, Полина Абаза.

А. И. Тургенев сообщает П. А. Вяземскому 7 ноября 1836 года из Москвы: «Доктор ежедневно навещает Чаадаева¹³. Он никуда из дома не выходит; боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался <...>. Вечер — у Соймоновых; слышал розу — соловья Абаза»¹⁴.

Учителем музыки в семье был Иосиф Иосифович Геништа (1795–1853), композитор, пианист, дирижер, педагог, большой почитатель Бетховена. Это он положил на музыку «Элегию» А. С. Пушкина («Погасло дневное светило»), которую исполнила поэтесса кн. З. А. Волконская, и «Черную шаль». В некоторых романах Геништа использовал русские народные напевы, за что В. Ф. Одоевский называл его предшественником М. И. Глинки; а сам Глинка постоянно вспоминал Геништу и его сочинения. Современники называли Геништу «образователем музыкального вкуса Москвы».

В 30–40-е годы XIX века гостеприимный дом Соймоновых на Малой Дмитровке был поистине «музыкальным университетом». На вечера к Соймоновым мог прийти без приглашения любой пожелавший, независимо от положения, которое он занимал на общественной лестнице; некоторые осуждали Соймоновых за их «неразборчивость», но хозяева всегда придерживались установленного правила: приветливо встречали всех и с энтузиазмом знакомили с каждым новым талантом. Здесь выступали итальянские артисты, исполнялись народные песни и русские романсы, звучали оркестры народных инструментов; исполнял свои знаменитые фортепианные импро-

визации кн. В. Ф. Одоевский, выступал М. Ю. Виельгорский, пели Рубини и Миньято Риччи.

Среди постоянных посетителей дома были П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, М. Ф. и Е. Н. Орловы, Н. Ф. Павлов, А. П. Елагина, семьи Аксаковых, Киреевских, гр. Бобринских, поэтессы Е. Ростопчина и Каролина Павлова. Душой музыкальной гостиной был сам А. Н. Соймонов — натура художественная, артистическая, обладатель прекрасного голоса, в молодости всегдашний участник любительских концертов и спектаклей, которыми так славилась старинная барская Москва. Среди его друзей — В. Л. и С. Л. Пушкины, Ф. Ф. Кокоскин, М. Н. Загоскин, В. А. Каратыгин. Глинка в одном из писем Соболевскому писал: «Я давно уже ничего не знаю о твоём отце. Если ты мне о нём напишешь, то можешь представить, как я буду этому рад»¹⁵.

В доме Соймоновых жил и скончался в 1829 году, после смерти жены, Николай Петрович Свечин, друг юности, поэт, переводчик, актер, музыкант, театральные постановщик; в 1812 году он вступил в Московское ополчение, служил совместно с Жуковским, с которым был связан родственными отношениями: Н. П. Свечин был женат на племяннице Жуковского, по отцу М. Н. Вельяминовой.

Семья органично входила в духовное пространство Москвы, а сами ее члены были живыми носителями черт, которые по крупницам собирают писатели, поэты, художники, создавая картину жизни своего поколения, придавая эпохе особый аромат времени.

Так, в знаменитой переписке М. А. Волковой и В. П. Ланской (1812–1818), послужившей Л. Н. Толстому материалом при создании «Войны и мира», А. Н. Соймонов и его жена Мария Александровна — неизменные участники московской светской жизни.

«Нынче мы едем на ужин к достопочтенной вдове Авраама Пушкина, которая задает пир на всю Москву с предместьями... Будут Оболенские, Вяземские, чета Соймоновых... вот молодые люди, с которыми мы видимся аккуратнo каждый день...»¹⁶.

«Василий Львович вчера ужинал у нас. <...> Пушкин просто бесценный. Вчера он нас очаровал. Мы за ним ухаживали и умоляли его прочесть свои стихи. Он это очень любит, тотчас повеселел и весь вечер смешил нас»¹⁷.

«Мы уже повидались со всеми соседями. Нынче ждем к ужину Соймоновых, Соловую, Левашеву». 5 августа 1812 года: «...многие помещики уехали из деревень, чтобы не быть свидетелями сцен, раздражающих душу»¹⁸ (усадьба Соймоновых находилась в 50 верстах от Бородино).

Преданным другом, партнершей по любительской сцене была кн. З. А. Волконская, искренне и горячо любившая Александра Николаевича и им восхищавшаяся. Оба страстно любили «театральную забаву», итальянскую музыку, боготворили Россини. В салоне Волконской давали не только концерты, но и ставились итальянские оперы: Зинаида Александровна и Александр Николаевич были блестящими исполнителями главных партий в опере Россини «Танкред».

В 1836 году, когда З. А. Волконская ненадолго приехала в Россию, в Москве ее чествовали в доме Соймоновых. И. И. Геништа положил на музыку стихи Н. Ф. Павлова, их исполнили Екатерина Соймонова и Елизавета Дьякова. В 1840 году, на 60-летие А. Н. Соймонова, Волконская подарила ему эти стихи, подчеркнув «родство душ»:

1

Я знала Вас в саду природы,
Где все искусства принялись;
Где в бледно-голубые воды
Глядятся лавр и кипарис.
Там греет солнце неродное,
Там гордо блещет Рим чужой,
Но подле Вас и все чужое
Казалось мне родной Москвой.

2

Я знала Вас, когда победа
Сверкала в голубых очах,
Под черным панцирем Танкреда,
С победной песней на устах.
Гремела Вам толпа живая,
И взорам виделось моим,
Как наша тихая Тверская,
Перераждалась в грозный Рим.

Хорь

С благоуханным светлым красем,
С искусством нас дружили Вы.
Мы Вас встречаем, провожаем
Как самый нежный звук Москвы¹⁹.

Служебной карьеры Александр Николаевич не сделал. При рождении (1780 год), как все дворянские дети, был приписан к военному полку (лейб-гвардии Преображенскому). Образование, в том числе и музыкальное, получил дома. Близкими друзьями отца, Николая Александровича Соймонова, действительного статского советника, богатого московского помещика, были архитектор и композитор Н. А. Львов, композитор Д. С. Бортнянский, директор Певческой капеллы М. Ф. Полторацкий. С 1782 года А. Н. Соймонов — сержант, переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, с 1797 — подпоручик «по провиантской части». В том же году «по слабости здоровья уволен к штатским делам»²⁰ в государственную Коммерц-коллегию с переименованием в губернские секретари; в конце 1797 года принят переводчиком в Коллегию иностранных дел с чином коллежского асессора. Это было престижное учреждение российской гражданской службы, и, казалось бы, образование, родственные связи гарантировали молодому человеку продвижение по службе, возможность дипломатической карьеры приобрела реальные очертания. Однако через два года службы он увольняется с чином коллежского асессора; с 1799 года мы вновь обнаруживаем в его послужном списке «штат провиантский», службу столь же трудную, сколь и неблагодарную.

С 1805 года А. Н. Соймонов в отставке. Поводом к ней послужила смерть отца, а с нею и необходимость управлять многочисленными имениями в Московской, Владимирской, Калужской, Смоленской, Пензенской, Нижегородской губерниях. В 1810 году А. Н. Соймонов женится на М. А. Левашевой, дочери генерал-майора А. И. Левашева

и Марии Захаровны, урожд. Евлашевой. В 1811 году у Соймоновых родилась дочь Екатерина, в 1815 — Сусанна.

В 1812 году А. Н. Соймонов принимает активное участие в формировании московского ополчения, отправив семью во Владимирскую губернию, а затем в Тамбов. В 1816 году, движимый патриотическими устремлениями после победоносной войны с Наполеоном, дает согласие баллотироваться на пост предводителя дворянства по Рузскому уезду Московской губернии и занимает его с 1816 по 1820 год. Согласно Описи делам и документам Рузского уездного предводителя дворянства, с 1816 по 1820 год выданы «свидетельства матерям, вдовам и малолетним детям воинов, убитых в сражениях»²¹, «розданы серебряные медали воинам, действительно бывшим в сражениях 1812 г.»²², произведены сборы на учреждение в Москве больницы, «на обеспечение благородных сиротствующих девиц приданым»²³. Позднее А. Н. Соймонов был в числе организаторов сбора средств по подписке на памятник Г. Р. Державину в Казани.

С 1825 по 1830 год Соймоновы живут за границей, сначала в Дрездене, а затем в Италии, где дочери Екатерина и Сусанна заканчивали образование: старшая обладала незаурядными вокальными данными, младшая увлекалась живописью. В Риме Соймоновым был представлен С. П. Шевырев, молодой писатель, приехавший в Италию с кн. З. А. Волконской в качестве наставника ее 17-летнего сына Александра: Шевырев должен был подготовить его к поступлению в Московский университет.

10 декабря 1826 года Шевырев пишет матери: «У посланника нашего князя Гагарина по случаю Тезоименитства Государя был после обедни завтрак. Я сделал приятное знакомство с домом Соймоновых, которые меня приняли очень ласково: я вдоволь наговорился по-русски и они мне дали книг. К ним я буду ходить часто»²⁴.

В 1828 году, во Флоренции, у Соймоновых родился желанный и долгожданный наследник — сын Николай (1828–1868), одним из его воспитателей был Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1768–1851), писатель, дипломат, отец декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. После казни младшего сына Сергея он был уволен от дел и проживал за границей, в Вене и Флоренции.

События декабря 1825 года и для семьи Соймоновых обернулись тяжелым ударом: был арестован и осужден по II разряду сводный племянник Александра Николаевича, Михаил Фотиевич Митьков (1791–1849). В содержательной статье Г. Чернова²⁵ использованы материалы исследователя М. Ю. Барановской, впервые изучившей письма М. Ф. Митькова в отделе письменных источников ГИМа и установившей, что «племянник» это и есть сам декабрист. Однако Барановская полагала, что мать М. Ф. Митькова была урожденная Соймонова. На самом деле, Анастасия Максимовна Митькова была урожденная Демидова, она дочь Сусанны Даниловны Соймоновой от ее первого брака с Максимом Демидовым, вторым браком — за Н. А. Соймоновым, отцом А. Н. Соймонова. Таким образом, М. Ф. Митьков — сводный племянник А. Н. Соймонова. Полковник лейб-гвардии Финляндского полка, участник войны 1807–1814 годов, член Северного общества с 1821 года, М. Ф. Митьков в 1820-е годы проживал в Москве, на Малой Дмитровке, 18, в доме дяди А. Н. Соймонова. Именно здесь в декабре 1825 года состоялось последнее заседание тайного общества в Москве, в котором приняли участие М. Ф. Митьков, И. Д. Якушкин, М. А. Фонвизин, П. А. Муханов и др.

Сразу по возвращении из Италии (1830) Александр Николаевич налаживает связь с опальным племянником. Митьков отбывал каторгу в Чите и Петровском заводе, с 1836 года — на поселении в с. Ольгинском Иркутского округа и в Красноярске.

В период, когда заключенным в сибирских тюрьмах декабристам не разрешалось вести переписку с родными, друзьями и знакомыми, роль корреспондента Митькова взяла на себя Е. И. Трубецкая. Ее письмо из Петровского завода от 10 сентября 1830

года написано по-французски, адресовано А. Н. Соймонову и переслано адресату с препроводительной:

«III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии честь имеет препроводить при сем к Его Высокоблагородию Александру Николаевичу письмо от Екатерины Ивановны Трубецкой.

Управляющий отделением А. Мордвинов.

№ 5638

11 ноября 1831»

Его Высокоблагородию А. Н. Соймонову.

«Я получила, милостивый государь, ваше письмо от 11 июля и деньги, которые вы мне переслали для вашего племянника, который в свою очередь получил письма от вас и своих кузин.

Я не сумею вам передать, как он счастлив тем, что вы его помните, и за ту дружбу, которую вы ему оказываете. Он очень искренне к вам привязан и проникнут большим интересом ко всей вашей семье и видит большое утешение в том, что может получать известие о вас: и он просил меня передать его большую радость и признательность.

Он благодарит тысячу раз своих кузин за их искренние письма и за те подробности, которые они описывают. Он очень ценит эти письма и просит их продолжать писать обо всем, когда у них найдется минутка свободная. Ваш племянник просит вам передать его благодарность за деньги, которые вы ему прислали. Он просит вас написать все новости о его двоюродном брате Сергее и передать глубокий привет его тете. Мой муж очень часто о вас говорил, как о друге его брата, и он был тронут вашим отношением к нему. Передайте мое почтение м-м Соймановой и вашим барышням дочерям и верьте мне, что мне будет радостно давать каждый раз, когда вы захотите, вести о вашем племяннике.

Примите, я вас прошу, милостивый государь, уверение в чувстве почтения и уважения очень искренних»²⁶.

А. Н. Соймонов посылает племяннику деньги, продукты, одежду, книги, находит способ организовать посылку инструментов для метеорологических наблюдений, которые Митьков начал вести на поселении в Красноярске с 1838 года: измерение температуры и давления воздуха, характеристика состояния неба, данные о замерзании и вскрытии Енисея. Наблюдения декабриста впоследствии использовались отечественными учеными (например, климатологом А. И. Воейковым, сводным троюродным братом Митькова) для создания научных представлений о природе Сибири. Переписка Митькова с А. Н. Соймоновым неизвестна, однако в письмах брату Платону были обнаружены свидетельства благодарности Митькова А. Н. Соймонову и его семье за поддержку. Из письма от 21 сентября 1843 года: «На моем бюро, у которого я всегда сижу, находятся 4 портрета семейства моего почтенного дяди Ал. Н.», от 27 октября 1847 года: «...ты писал, что несколько раз был у Соймоновых; я бы весьма желал, чтобы ты сблизился с ними; когда ты их узнаешь покороче, то увидишь, что все семейство заслуживает особенного уважения»²⁷.

Кстати, одной из первых оказала помощь Митькову мать С. А. Соболевского А. И. Лобкова, сохранившая с семьей Соймоновых теплые отношения до конца жизни (ум. в 1828 г.). Семья Соймоновых к моменту ареста была в Италии, а проживал декабрист в доме дяди по соседству с Лобковой, и «она мне оказала участие в то время,

когда я попал в несчастье и у меня до сих пор хранятся некоторые вещи, тогда ею мне присланные»²⁸.

Митьков получает издания Пушкина: «...возьми повести Пушкина, в них не найдешь лишнего слова, сжатость, простота, во всем изящность»²⁹.

31 октября 1849 года Василий Львович Давыдов, близкий друг Митькова, живший с ним по соседству, извещает А. Н. Соймонова о смерти его племянника: «...я все время болезни навещал его каждый день, всегда долго с ним беседовал и был свидетелем его христианского смирения и редкой твердости духа». Митьков был похоронен в Красноярске на городском кладбище, через 6 лет рядом похоронили В. Л. Давыдова. Фотография с надгробия Митькова была прислана в Литературный музей в Москве в 1937 году. Само надгробие не сохранилось.

Бедя не обошла стороной и семью близкого друга Соймоновых — Надежду Николаевну Шереметьеву, тетку Ф. И. Тютчева. Оба ее зятя — Михаил Николаевич Муравьев и Иван Дмитриевич Якушкин — оказались причастны «сему делу». Письма Надежды Николаевны к Александру Николаевичу переполнены «безграничной благодарности за помощь»³⁰, которая, как следует из писем, выражалась в сообщении ей дополнительных сведений о судьбе горячо любимого зятя И. Д. Якушкина. Соблюдая осторожность, она пишет из своего имения Покровское 13 марта 1831 года: «...ежели о военных имеются какие сведения, сделайте одолжение сообщить, только прошу не своеручно, а через переводчика»³¹.

И родство, и любовь к музыке, и участие в драматической судьбе композитора связывали семейство Соймоновых с композитором А. А. Алябьевым. На его сестре, Евдокии Александровне, талантливой пианистке, был женат Владимир Юрьевич Соймонов, крупный горный инженер. Соймоновы сблизили композитора с московскими театрами, в 1823 году в бенефис Сабурова с большим успехом прошла опера-водевиль М. Н. Загоскина «Деревенский философ» на музыку Алябьева. В годы гонений на композитора Соймоновы тщательно боролись за его возвращение в Москву. На прошение Екатерины Александровны Николаю I «разрешить несчастному брату проехать через Москву и пробывать в оной нужное время для совещания с известными медиками»³² император ответил категорическим отказом. В 1844 году Е. А. Соймонова просит возвратиться Алябьеву и его семье дворянское достоинство. А. Ф. Орлов не дает хода просьбе.

В 1845 году в журнале «Нувеллист» печатается последний романс Алябьева на слова Жуковского «Цветок»:

Минувшая краса полей,
Цветок увядший, одинокий...

А. Н. Соймонов был человеком редкой душевной отзывчивости. «Чужое горе, чужая болезнь заставляли (его. — Г. Ф.) как солдата на посту»³³. Он много и щедро помогал начинающим артистам и музыкантам, бедным студентам, нищим, бездомным, делал большие пожертвования на содержание московских богаделен, оказывал помощь Комитету Попечительному о тюрьмах, дружил с Ф. П. Гаазом, старшим врачом Московских тюремных больниц. При этом всегда протестовал против оглашения своего имени в качестве благодетеля, считая, что настоящая помощь должна быть анонимной. Под свадьбы невест-бесприданниц Соймоновы предоставляли свой дом на Малой Дмитровке.

Деятельное участие А. Н. Соймонов принимал в работе Московского общества испытателей природы. Оно воспитывало у москвичей интерес к науке, природе, растениеводству. Членами общества состояли Жуковский, М. Н. Загоскин, С. Т. Аксаков, кн. З. А. Волконская.

Н. Н. Раевскому-младшему А. Н. Соймонов помогал в организации Московского общества любителей садоводства, предоставив свой дом на Малой Дмитровке. Секретарь общества профессор Максимович в 1834 году, адресуя письмо Н. Н. Раевскому, помечает: «в доме Соймонова».

В 1840-е годы семья все чаще, иногда по полгода, жила в своем родовом имении Теплое Рузского уезда Московской губернии. Оно досталось Александру Николаевичу от отца, Николая Александровича, но «в котором году вступил во владение, того за расхищением во время неприятельского в 1812 году в г. Рузу нашествия суда и документов не видно»³⁴.

К 1852 году Теплое значит как «село Рузского уезда Московской губернии, крестьян 51 душа м. п., 66 женского пола, 1 церковь, 10 дворов». Оно было куплено бабушкой Александра Николаевича, Прасковьей Алексеевной, в 1758 году. В 1797 году на месте старой деревянной церкви Знамения Пресвятой Богородицы Николай Александрович Соймонов построил кирпичную, с применением белого камня (по московской традиции), в стиле зрелого классицизма³⁵.

Семья любила Теплое. Увлеченный новыми веяниями, Александр Николаевич провел в селе опыт устройства школы для крестьянских детей по методу Ланкастера. Применялся метод взаимного обучения — старшие и более успевающие ученики являлись помощниками учителя и под его руководством вели занятия с остальными учениками. В школе обучали Закону Божьему, чтению, грамматике, арифметике, ремеслам, летом занимались земледелием и огородничеством. Екатерина в свободное время шила одежду для крестьянок и их ребятишек, и, судя по дневниковым записям, проявляла недюжинный ум и смекалку в вопросах устройства и помещичьего, и крестьянского хозяйства: «Папа сказал мне составить список молодых крестьян от 12 до 14 лет, чтобы учить их какому-то ремеслу. Я подала ему эту мысль на днях, он сказал, что хочет найти возможность сделать своих крестьян более благополучными. “Тогда, — сказала я ему, — сделайте так, чтобы деньги не уходили у них из рук и вместо того, чтобы платить их другим, они платили бы их друг другу. Деньги принадлежат крестьянину, и если он захочет купить повозку или колесо, то он заплатит их постороннему, и деньги будут потеряны для всей деревни. Тогда обучите ремеслу колесного мастера одного из наших крестьян, и деньги, которые ему заплатят, останутся в деревне, и то же самое со всеми другими ремеслами”. Мы записали ремесла ежедневного спроса для каждого крестьянина: нужны колесники, красильщики, изготовители повозок, набойщики, кузнецы»³⁶.

Личная жизнь Екатерины не сложилась, несмотря на то, что была она натурой яркой и неординарной. Среди претендентов на ее руку были Д. П. Голохвастов, впоследствии вице-президент Московского сельскохозяйственного общества, Александр Сергеевич Цуриков, воспитанник Главного Инженерного училища, барон Федор Иванович Фиркс, писатель, печатавшийся в Европе под псевдонимом Щедо-Феротти.

Любовью всей жизни Екатерины стал немецкий профессор Георг Трепец, проживавший в доме несколько лет на правах учителя и воспитателя Николая. Влюбленным долго удавалось скрывать свои отношения от посторонних глаз, но когда все открылось, его даже не рассматривали как претендента на руку и сердце дочери: Александр Николаевич как огня боялся мезальянса.

Умная, острая на язык, Екатерина была необычайно похожа на своего сводного брата Сергея Александровича Соболевского. Незаконнорожденный сын А. Н. Соймонова, он, в свою очередь, был нежно привязан к своим сводным сестрам (младшая, Сусанна, жила отдельно, замужем за Н. Д. Мертваго, полковником в отставке, владельцем льняной мануфактуры) и их матери, Марии Александровне.

Отношения с отцом у Соболевского складывались непросто, и вникать в них можно с достаточной долей деликатности, однако справедливость требует расставить некоторые акценты. В литературе, посвященной Соболевскому, утвердилось почти единодушное мнение, что становление его личности прошло под опекой «умной, любящей и богатой матери»³⁷, Анны Ивановны Лобковой, урожд. Игнатьевой. Ничуть не умаляя достоинств этой замечательной женщины, скажем, что роль наставника в воспитании и образовании сына принадлежит Александру Николаевичу. Его дом был открыт для Соболевского всегда, родители были соседями, и в детстве большую часть времени мальчик проводил у Соимоновых. В семье хранились обширный архив, уникальная библиотека. Друзьями дома были Жуковский, Н. М. Карамзин, В. Л. и С. Л. Пушкины и многие другие. Одной из первых книг, подаренных Соболевскому в детстве, была книга стихов В. Л. Пушкина с дарственной надписью автора. Сам библиограф вспоминал: «Он (Василий Львович. — Г. Ф.) стал обращать внимание на меня, учил меня громко читать, как читывал Тальма, и сцены из французских трагиков, и “Певца” Жуковского, и оду Карамзина “Конец победам, Богуслава”, и даже слушал и поправлял мои вопросы!»³⁸.

В одном из первых стихотворных опытов, посвященных отцу, Соболевский писал:

В любезном здесь сию уединенье,
пишу к тебе, отец, наставник мой!³⁹

В РГБ хранятся два письма А. Н. Соимонова к К. Я. Булгакову с просьбой «подействовать прошению господина Соболевского о приеме его в Московский архив Коллегии иностранных дел» и сообщением, что господин Малиновский⁴⁰ «имел любезность сообщить нам важную новость о его (Соболевского. — Г. Ф.) принятии на службу. Спешу попросить Вас принять мою искреннюю благодарность и позволяю себе просить Вашего покровительства этого молодого человека»⁴¹.

Бережно собиравший и хранивший архив и библиотеку Соимоновых, Александр Николаевич много способствовал той любви к книге и историческому документу, которые отличали выдающегося библиографа и библиофила.

В разные периоды жизни Соболевский обращался к отцу со всевозможными прошениями, которые тот старательно исполнял. Он принимал участие в хлопотах Соболевского по распространению билетов на несостоявшееся издание «Стихотворения Александра Пушкина, 1817 год». Из письма Соболевского отцу: «Пожалуйста, скажите Свечину, что сочинения молодого Пушкина выходят в свет, и, если он желает, я сумею достать ему билет на них <...>. Один Жуковский взял их 100»⁴². За долгом, возвращенным Соболевскому Пушкиным через П. В. Нащокина, к последнему приезжал А. Н. Соимонов: «...деньги его я отдал на днях А. Н. Соимонову, который у меня был сам и видел лично, что у меня были другие хлопоты»⁴³.

И. А. Арсеньев свидетельствовал, что Соболевского А. Н. Соимонов «любил больше, чем родного сына»⁴⁴. Рожденный в браке сын Николай, долгожданный и желанный наследник, не оправдал надежд отца. Выделявшиеся умом и образованностью, Соимоновы не жалели сил и средств на его воспитание. Зачисленный при поддержке С. П. Шевырева в Московский университет на словесный факультет Николай, по образному выражению Б. Н. Чичерина, «кое-как протащился через него неусыпным попечением родителей»⁴⁵. Рано развившаяся в нем страсть к безудержной карточной игре привела состояние Соимоновых к полному краху. Все их владения в губерниях, прекрасный дом в Москве, их любимое Теплое были проданы в погашение долгов.

Причиной полного разорения семья стал не только безалаберный сын. Утрату большого богатства, благосостояния переживало в то время большинство дворянских се-

мей. Сама система крепостного хозяйствования была в глубоком кризисе. С отменой крепостного права лишь немногие дворяне-предприниматели сумели перестроить свои хозяйства, используя вольнонаемный труд.

В последние годы жизни А. Н. Соймонов занимался «приведением в порядок семейных бумаг».

Род Соймоновых внесен в шестую часть Дворянской родословной книги Московской губернии, о чем А. Н. Соймонову было выдано Свидетельство о дворянстве в 1800 году. С гордостью осознавая величие своего рода, он бережно хранил богатейший архив, яркое свидетельство того, как представители рода Соймоновых верой и правдой служили России, способствовали ее процветанию. Не «счастьем рождения», не «проворством» достигали они высоких чинов, а честной неподкупной службой.

«Царю наперсник, а не раб» был Федор Иванович Соймонов — писатель, гидрограф, сибирский губернатор, действительный тайный советник. Его знаменитое сочинение «О достопамятных случаях в жизни государя-императора Петра Великого» до сих пор не опубликовано. Он был лично послан Петром в Голландию для «усовершенствования в морском деле», в 1716 году в присутствии царя сдал экзамен на мичмана, служил на корабле «Ингерманланд» под началом Петра I во время шведской войны.

В 1721 году Ф. И. Соймонов составил карту Каспийского моря, посланную Петром I в Парижскую Академию наук⁴⁶, был участником персидского похода 1722–1723 годов. Ценнейшие сведения о жизни Сибири содержат «Автобиографические записки» Ф. И. Соймонова.

Московскому дворянскому собранию А. Н. Соймонов передал парадный портрет М. Ф. Соймонова — выдающегося организатора горно-геологической службы России, главного командира Берг-коллегии. В ее фонде сохранились сотни предложений М. Ф. Соймонова по управлению заводами, налоговой политике, работе монетных дворов, проверке найденных месторождений. Вплоть до 1917 года портрет М. Ф. Соймонова украшал парадный зал Благородного собрания: Михаил Федорович был первым избранным предводителем дворянства Московской губернии.

В семье бережно хранились письма естествоиспытателя А. Ф. Гумбольдта, архитектора Н. А. Львова, поэта И. И. Хемницера. М. Ф. Соймонов тепло и уважительно относился к Хемницеру — одаренному офицеру, преподавателю Горного училища в 1774–1780 годах, будущему баснописцу.

При поддержке М. Ф. Соймонова смог наладить опытную разработку залежей каменного угля в Боровичах архитектор Н. А. Львов. С открытием новых приисков в Калужской, Рязанской, Сибирской губерниях именно благодаря усилиям М. Ф. Соймонова и Н. А. Львова обе столицы стали снабжаться отечественным каменным углем⁴⁷.

От П. А. Соймонова, статс-секретаря Екатерины II, сенатора, академика, командира Горного училища, президента Коммерц-коллегии, в семью поступили собственноручные «Записки Екатерины II».

Большой интерес представляют «Соймоновские записные книжки». Их вела по рассказам старожилых Екатерина Соймонова. Некоторые семейные предания, воспроизведенные в них, несомненно, со слов бабушки, Николая Александровича Соймонова, удивительно созвучны «Застольным беседам» А. С. Пушкина: «Корсаков, хорошо певший; на катании попросили спеть, на что он отговорился, что ему не до песен, когда завтра же его посадят за долги на полковой двор. Н. А. Соймонов, спросив, сколько у него долгов и получив ответ: “200 руб.”, тут же вынул нужную сумму и отдал их Корсакову. Вскоре после этого Корсаков попал в фавор. На каком-то дворцовом собрании шествовала императрица, а за нею весь двор, в том числе и Корсаков. Соймонов, когда с ним поравнялся Корсаков, говорит ему: “ей, братец, а мои 200 руб.”. Тот возопил: “Помилуй,

Николай Александрович, теперь не время, после отдам”, но Соймонов не унялся. “Ты, ведь, высоко залез, тебя, пожалуй, теперь и не достанешь”. Тут и тот, и другой спешат предложить Корсакову свой кошелек — и Соймонов получил свои 200 р.»⁴⁸.

Другая запись повествует: «Многие близкие ко двору старались как-нибудь показать императрице Ланского, между прочим и зять Соймонова, женатый на его сестре, Василий Дмитриевич Арсеньев. Когда пришлось Ланского отправлять в Петербург, у Соймонова заняли его серебряный умывальный прибор (часть которого сохранялась до сих пор у наследницы Соймоновых), дабы ему въехать во дворец с пристойным багажом»⁴⁹.

Среди свидетельств об Отечественной войне 1812 года записей рассказов крестьян совсем немного. Тем интереснее повествование одного из крепостных А. Н. Соймонова, старичка Василия Ермолаевича: бесхитрость и непредвзятость его рассказа позволяют полнее представить весь драматизм событий: «Как только стали разъезжаться из Москвы, Соймонов отправил свое семейство во Владимир, а сам еще на несколько дней остался по делам. Сделали стенку кирпичную, побелили, на противоположной стороне свалили перины и хлам. Собрался барин в дорогу, подали ему городские дрожки, поскольку экипажа другого не осталось. Ехал он сперва в наше имение, верст 80 от Москвы; ... как вышел он садиться, пришли мы его провожать. Отец мой был в доме дворецким, и говорит ему барин: “Кто, говорит, хочет, пускай здесь остается, а кто хочет, пускай в Теплое едет. Оставляю я вам, говорит, все мои деньги, купили бы вы лошадь на всякий случай”. Высыпал он все, что лежало у него в кошельке, и уехал, а багюшка тем же днем купил лошадь. Гувернер Карл Иванович, француз, с господами не поехал, остался. Как только в Москву вошли французские полки, сказал: “Долго жил я в России, и люблю ее, а свои все-таки дороже. Прощайте, всем вам спасибо, потому ни от кого я дурного не видал”. Карл Иванович выдал охранную грамотку-записку к французам, чтобы “зря не обижали русских. Русские — добрые. <...> Дом подожгли на шестой день, дом и деревянные строения сгорели дотла”; семья дворецкого отправилась в Теплое: “Повернули мы к Иоанну Предтече. И церковь горит, и дома горят. Просто ад кипит, а со всех сторон все рушится»⁵⁰.

Иконография семьи достаточно обширна и требует специального исследования. Портреты Соймоновых хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее А. С. Пушкина, Всероссийском музее А. С. Пушкина. Самая большая и интересная коллекция находится в Государственном Историческом музее: великолепные семейные парадные портреты Александра Николаевича, Марии Александровны, Екатерины, Сусанны и интерьер музыкальной гостиной Соймоновых. Портреты выполнены в стиле австрийского бидермайера художником Шандором Козиной (1808–1873). Атрибуция работ принадлежит искусствоведу Н. А. Перевезенцевой.

Сохранившаяся часть архива, живописные портреты членов семьи, акварели, рисунки, книги, письма и дневник Е. А. Соймоновой поступали в Государственные книгохранилища и музеи вплоть до 1992 года от правнучки А. Н. Соймонова — Екатерины Александровны Булыгиной и праправнучки — Ольги Дмитриевны Булыгиной.

В 1992 году в Рукописный отдел Российской государственной библиотеки поступил интереснейший документ — дневник Екатерины Александровны Соймоновой (со страницами на английском, немецком, французском и итальянском языках). Он послужил источником новых фактов жизни и быта московского общества пушкинского времени. Более 200 имен, упомянутых в дневнике Е. Соймоновой, включены Л. А. Черейским в книгу «Пушкин и его окружение»; отмечено посещение дома Соймоновых Адамом

Мицкевичем — факт, доселе не упомянутый биографами поэта (дата требует уточнения, так как в годы, когда дневник велся, Адама Мицкевича не было в России, хотя факт самого визита сомнения не вызывает).

Частичные комментарии к «Дневнику» опубликованы Е. П. Мстиславской⁵¹. Несмотря на некоторые неточности (так, А. Н. Соймонов назван в них «боевым генералом 1812 года»), они представляют интерес для исследователя. В наше распоряжение Е. П. Мстиславская предоставила картотеку с некоторыми именами, за что приносим ей искреннюю благодарность.

К Екатерине Соймоновой адресованы опубликованные М. А. Цявловским два письма Елизаветы Сергеевны Волковой (1814–1906), племянницы Виельгорских⁵². В них описан бал у Разумовских в один из последних, трагических для Пушкина дней перед дуэлью. Злые несправедливые упреки поэту звучат отголоском сплетен недоброжелатель и не вызывают ничего, кроме горечи и боли.

А. Н. Соймонов скончался в 1856 году, знакомом для России. Это год поражения России в Крымской войне, возвращения ссыльных декабристов. Ему, пережившему четыре царствования, довелось увидеть, как на глазах менялся привычный уклад жизни, рушились вековые устои, пришли новые люди, которых он не понял и не принял. Его время прошло, в России начиналась другая эпоха. А. Н. Соймонов похоронен на кладбище Свято-Данилова монастыря в Москве. В советское время, в 1931 году, в связи с реконструкцией в Свято-Даниловом монастыре была открыта колония для несовершеннолетних, и кладбище было уничтожено. В середине 1990-х годов в возрожденном Свято-Даниловом монастыре, резиденции святейшего патриарха, была поставлена часовня в память обо всех оставшихся лежать в кладбищенской земле.

Николая с матерью, Марией Александровной, оказавшихся «на улице», приютили давние, задушевные друзья семьи — гр. Бобринские. Так и прожили они во флигеле особняка на Малой Никитской до 1868 года, когда в возрасте 40 лет скончался Николай, а в апреле 1869 года закончила свой земной путь безутешная мать.

Разорение и крах родового гнезда⁵³ не повергли в уныние и апатию сестер — Екатерину и Сусанну. Они явили собой пример удивительных русских женских характеров, не спасовавших перед драматическими поворотами судьбы.

С 1857 по 1861 год Сусанна Александровна служила инспектором, а с 1861 года — начальницей знаменитого Родионовского института благородных девиц в Казани. Екатерина помогала ей в организации музыкального образования. К владению сестрами английским, французским, немецким, итальянским, латинским языками следует прибавить глубокие познания в области земледелия, археологии, этнографии, литературы. Их образованность помогала в привлечении к преподаванию талантливых педагогов. Так, среди преподавателей и близких друзей находим П. А. Пономарева (1847–1919), видного историка, археолога, этнографа, нумизмата, Ф. Керенского, отца будущего председателя Временного правительства А. Ф. Керенского.

Долгие годы дружбы и взаимной помощи связывали сестер с Александром Касимовичем Казембеком, выдающимся востоковедом, профессором персидской словесности и тюркско-татарского языка Казанского университета, членом Азиатского общества Великобритании, член-корреспондентом Российской Академии наук, с 1854 года — первым деканом Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. С 1864 года Казембек — частый гость в Казани у дочери Ольги Александровны, ставшей женой Николая Евгеньевича, сына поэта Е. Баратынского.

По стопам сестер, став педагогом, пошла племянница Сусанны Александровны — Софья Петровна Мертваго, друг пушкиниста И. А. Шляпкина. С 1891 года она служила начальницей Института благородных девиц в г. Цетинье в Черногории. По свидетель-

ству научных сотрудников музея в г. Цетинье, ответивших на наш запрос, ей посвящена экспозиция зала. Педагогом была и правнучка А. Н. Соймонова — Екатерина Александровна Булыгина; она преподавала в Павловском институте, в Василеостровской гимназии, в Керченском институте благородных девиц⁵⁴. После революции преподавала иностранные языки в московских вузах.

Четыре письма Рукописного отдела Российской национальной библиотеки, с которых начиналась наша статья, атрибутированы. Их содержание, не выходящее за историко-бытовые рамки времени, послужило поводом вспомнить о достойном семействе Соймоновых, об их московском доме — одном из очагов российской дворянской культуры XIX века. В жизни его обитателей отразились и дым пожаров 1812 года, и судьбы ссыльных декабристов, и закат крепостнической России с трагическим финалом Крымской войны. Но ярче всего — пушкинская Москва 1830-х годов, сверкающая гением великого поэта и паразитическим созвездием выдающихся талантов.

Примечания

¹ РО РНБ, ф. 850, ед. хр. 521.

² «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г.», СПб., 1797. № 75.

³ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 253.

⁴ РО РНБ, ф. 850, ед. хр. 521. Здесь и далее орфография соответствует первоисточникам.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В 1841 г. Екатерине исполнилось 30 лет.

¹² Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 63.

¹³ Петр Яковлевич Чаадаев жил в доме родственницы жены А. Н. Соймонова Марии Александровны — Екатерины Гавриловны Левашовой, урожд. Решетовой, двоюродной сестры И. Д. Якушкина.

¹⁴ Остафьевский архив. Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 7 ноября 1836 г.

¹⁵ Канн-Новикова Е. И. Новые материалы и документы. М., 1973. Вып. 3. С. 53.

¹⁶ Вестник Европы. 1875. Кн. VII. С. 544.

¹⁷ Там же. С. 545.

¹⁸ Там же. С. 546.

¹⁹ Утренняя заря: Альманах на 1840 г. СПб., 1840. № 11.

²⁰ ЦГИА, ф. 240, письмо от 1 августа 1797 г.

²¹ Мосгорархив, ф. 14, оп. 1, д. 36.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ РО РНБ, ф. 263. Письмо Шевырева матери.

²⁵ Чернов Г. Сибирские письма декабриста М. Ф. Митькова. Отдел письменных источников ГИМ.

²⁶ Там же.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 625, д. 37.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ РО РГБ, ф. 780, картон 4.

³¹ Там же.

³² Гос. Центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, ф. 40.

- ³³ Волконский С. М. Мои воспоминания. М., 1992. С. 21.
- ³⁴ Мосгорархив, ф. 4, оп. 14, л. 1797.
- ³⁵ Архитектор церкви неизвестен, подписные авторские чертежи не найдены. Автором атрибуции, согласно которой архитектором сооружения признан Н. А. Львов, является А. В. Татаринков, научный сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина. Атрибуция введена в научный оборот и в настоящее время принята всеми исследователями.
- ³⁶ РО РГБ, ф. 780, картон 6, ед. хр. 1; пер. с фр. В. Д. Алташиной.
- ³⁷ Саитов В. И. Соболевский — друг Пушкина. СПб., 1922. С. 8.
- ³⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 17.
- ³⁹ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, первый альбом Соболевского, л. 3–4.
- ⁴⁰ Малиновский Алексей Федорович (1762–1840), писатель, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел, сенатор.
- ⁴¹ РО РГБ, ф. 41, ед. хр. 8; пер. с фр. В. Д. Алташиной.
- ⁴² Саитов В. И. Указ. соч. С. 8.
- ⁴³ Русский архив. 1904. Т. III. Письмо П. В. Нашокина А. С. Пушкину.
- ⁴⁴ Арсеньев И. А. Слово живое о неживых // Исторический вестник. 1887. Март. С. 564.
- ⁴⁵ Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 63.
- ⁴⁶ Труд Ф. И. Соймонова «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого» А. С. Пушкин использовал при работе над «Историей Петра».
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 271, кн. 2711, л. 599–804.
- ⁴⁸ Русский архив. 1903. Кн. III.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Тольчева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1912. С. 67–76.
- ⁵¹ Мстиславская Е. П. Окружение А. С. Пушкина в дневнике Е. А. Соймоновой // Пушкинские материалы в архивах России. М., 1999. С. 82.
- ⁵² Цявловский М. А. 2 письма о дуэли и смерти Пушкина // Памяти Сакулина. М., 1931. С. 309.
- ⁵³ Текстильное производство мужа С. А. Соймоновой, полковника Н. Д. Мертваго, к этому времени разорилось и подлежало закрытию.
- ⁵⁴ Керченский институт благородных девиц патронировали генерал-губернатор Новороссийского края М. С. Воронцов и Е. К. Воронцова.

Т. М. Мельникова

АЛЬБОМ УЕЗДНОЙ БАРЫШНИ

В начале 2001 года Л. В. Полукарова, сотрудница музея (она работала в «Тарханах» с 1972 по 1978 год, с 2001 года вновь сотрудник музея Лермонтова), передала мне письмо Анатолия Николаевича Крутых, помеченное ноябрем 2000 года. Он писал ей, что хотя они и не знакомы лично, но в разное время учились в Воронежском государственном университете: «А на филфаке из поколения в поколение передается легенда о девушке, которая самозванно приехала в Тарханы да и стала там работать». И далее в письме: «Весной этого года (имеется в виду 2000 г. — Т. М.) я приезжал в Тарханы с группой ребят и очень хотел Вам представиться, кое-что рассказать и попросить у Вас консультации или просто филологического совета. В самом начале 70-х годов я стал обладателем рукописного альбома. Он оказался интересный. О. Г. Ласунский (известный воронежский краевед. — Т. М.) видел его у меня и по многим признакам подтвердил, что вещь подлинная, начало XIX века. Я посылаю Вам снимки некоторых страниц. На них фамилии, даты. Может быть, по ним специалисты, работающие в заповеднике, смогут мне ответить на мучивший меня так долго вопрос, не девичий ли это альбом Марии Михайловны?»

Получив это письмо и присланные ксерокопии листов альбома (потом это оказались л. 2, 7, 10 об., 26 об., 27, 48 об., 50 об., 55), я очень заинтересовалась, с первого раза я посчитала подпись «Мария Лермонтова» подписью матери М. Ю. Лермонтова: мать и сын, по утверждению современников, были похожи внешне; на мой взгляд, и почерки их также очень похожи.

Сразу же, в январе 2001 года, я написала Крутых и попросила решить вопрос о передаче альбома в музей для изучения и приобретения впоследствии. Но скоро поняла, что придется основательно потрудиться, прежде чем вещь попадет в музей: отвечал Анатолий Николаевич неохотно, туманно. Уже позднее он признался, что как филологу ему не хотелось расстаться с альбомом: «Главная причина — мне жаль расставаться. Я уверен в подлинности, понимаю, что вещь уникальная, мемориальная и попала она в руки филолога, в руки несостоявшегося литературоведа, может быть архивиста. Это все моя молодость. Как она всем дорога на склоне лет!»

Понадобилось более двух лет, чтобы убедить Анатолия Николаевича в том, что реликвия должна быть в музее. Наконец, в июле 2003 года я получила разрешение приехать за альбомом. Анатолий Николаевич оказался доброжелательным, деликатным человеком, что видно было и по письмам. После соблюдения формальной процедуры он отдал альбом. Несколько позднее по моей просьбе Анатолий Николаевич изложил историю альбома, как он ее знал.

Из письма от 13 февраля 2004 года:

«В 1968–1969 годах я почти заканчивал университет в Воронеже. Меня увлекало архивное дело, для того чтобы закончить дипломное сочинение об Иринархе Ивановиче Введенском. Исследовательская работа меня очень увлекала. По личным делам был я как-то в Ельце... по привычке прошелся по Женскому рынку в поисках чего-нибудь “старенького”, а еще лучше “древнего”.

Погода была осенняя, пошел мелкий первый снежок, ветер, холодно. Торговцы замерзали. Вижу на прилавке книги, предлагает их мужчина. Высокий, заметно худой, даже болезненно-худой. Я у него купил И. Шмелева 1915 года. Обложка старая, рыхлая. Бумага под мрамор, много штампов. Очень обрадовался. Вижу у него какие-то листки. Целая пачка.

— А это что у вас? — спрашиваю.

— Да вот, посмотрите сами.

Когда я посмотрел, то увидел, что это листовки, которые разбрасывали с самолетов в толпу людей. Если мне не изменяет память, они были о полете Чкалова. Это были так называемые “летучие издания”, о которых мне рассказал впервые Олег Григорьевич Ласунский (мне посчастливилось быть участником его семинара по истории книги).

Я спросил у продавца, нет ли у него еще чего-нибудь. Заплатил я хорошо, весь товар купил и освободил его от состояния на улице, а он мне говорит: “здесь нет, а дома, это недалеко, могу предложить старый альбом”. Я пошел вместе с ним. Помню, что вход был в дом не с улицы, а с площадки внутри двора. Помню, что на стене была какая-то картина очень небрежного вида. Я купил у него альбом, который теперь у Вас, и кожаную крышку от альбома с фотографиями, на крышке овальное окошко. Мне захотелось его отреставрировать.

Кто этот мужчина, я не знаю. Как этот альбом оказался у него, мне неизвестно.

Господь хотел, вероятно, я даже уверен в этом, чтобы я занялся историей этого раритета, но... Места в аспирантуре после окончания университета не было, а потом побежала жизнь: работа в Сибири, командировка в Германию, работа в Воронеже, командировка в Индию. Альбом терпеливо ждал меня. Последние семь лет я прожил около своих немощных родителей и поселке Хоботово. Привез школьников к Вам на экскурсию, многое из юности вспомнил, погрузил, поразмышлял. Но Господь укрепил меня, и я решил расстаться с альбомом».

Сделаем небольшое отступление об истории появления и бытования подобных альбомов в России. Альбомная традиция в России восходит к XVIII веку, она пришла из Западной Европы, и в переводе слово альбом означает «смесь», «сброд»... Альбомы можно отнести равно как к бытовой культуре эпохи, так и к искусству. Их нельзя отделить ни от домашнего уклада дворянской семьи, ни от литературной традиции времени.

«Каждая наша дама непременно желает иметь альбом. На улицах, в кабинетах, в спальнях — везде вы увидите альбомы. Маленькие альбомы, заключенные в ридикюлях, странствуют везде с нашими господами...» — заявлялось в 1820 году в журнале «Благонамеренный»¹. В альманахе «Северный Меркурий» (1830) домашнему альбому были посвящены такие строки:

Суть сборы нежности, смещение языков,
Чужих испорченных стихов,
Добавьте к этому загадки и шарady —
Вот очерк вам альбомов тех².

Хрестоматийными стали стихи А. С. Пушкина об альбоме «уездной барышни»:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены. <...>
Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски... (VI, 85)

В конце 1820-х годов происходит разделение альбомов на литературные и рисованные.

Большая часть альбомов, особенно в провинции, представляла собой «памятники дружбы» с нехитрыми записями к знаменательным датам.

Альбом, приобретенный нами (мы дали ему условное название «альбом уездной барышни»), — маленькая (10,5 × 16 × 1,5 см) вещичка — очаровала своим видом: коричневый сафьяновый переплет и корочки с золотым тисненым орнаментом (который, уверена, после реставрации заиграет); бумага (65 л.) с золотым обрезом. Сохранился он достаточно хорошо. Конечно, за столь долгую, почти двухсотлетнюю, жизнь (некоторые записи помечены 1814 годом) листы загрязнились, но все записи хорошо читаются.

Сразу после получения альбома мы обратились к специалистам, чтобы установить, верно ли, что часть записей сделана матерью поэта. В «Заключении почерковедческой экспертизы», которая была сделана в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, говорится: «В результате историко-почерковедческой экспертизы установлено, что текст на л. 26 об., 27, 47, 47 об., 48, 50 об., 51, 51 об. альбома 1810-х гг. выполнен Лермонтовой Марией Михайловной (1795–1817) (вывод в категорической форме)».

Приведем текст записей на указанных листах (во всех цитатах из альбома орфография оригинала сохранена):

Л. 26 об.: «Ужасна разлука для сердец чувствительных! — она запрещает радоваться и грустить вместе. — Когда я весела ты может быть скучаешь, — Ты обременен печалью и я не спешу тебя утешить. — Я проливаю слезы, а улыбка блистает на лице твоём! — Нет уже согласия между нами. Marie».

Ниже две строчки тем же почерком по-французски: «Гармония самая нежная для нашего сердца — это голос того, кого ты любишь».

Л. 27:

Писать в альбоме сем мне друг повелевает
И волю тем спешу исполнить я его
Нескладные стихи рука хоть начертает
Но ты увидишь в нем глас сердца моего

Люблю тебя, люблю — сам Бог мне и том свидетель
возможно ли твоих достоинств не ценить
Любя тебя, мой друг, люблю я Добродетель
Желание одно, — тебе подобной быть
Нельстивых чувств

М. Лермонтовой

На л. 47–47 об., 48 стихи не подписаны, но на л. 48 об. — окончание их тем же подчеркиком и подпись «Мария Лермонтова», в «Заключении...» РНБ этот лист не указан просто по ошибке:

Тучи, вихри собирались
Мрачно небо — снег летел
К огоньку мы все прижались
И в камине ветер свистел
Все сидели вокруг уныло
Всякий думал про себя
Тихо семь часов пробило
И раздался гул стена.

Сердце нежное забилося
Слезы полились из глаз
Вспоминая, как простилась
С милым я в последний раз.
Страсти показать не смела
И вмещала ад в себе
В след за ним душа летела
Застывала кровь во мне
Слезы скорби при расстаньи
Не блистали на очах
В сердце грусть была терзанье
А улыбка на устах! —
Скоро ль жизни сей мятежной
Скользкий путь я перейду
И ограду безнадежной
Страсти в гробе я найду!

Для счастливых смерть ужасна.
Но влачит кто жизнь стена,
Для того ты не опасна.
Смерть — блаженство для меня,
Коль узнаешь, что любезный
Тебе прах уж гроб сокрыл,
Не жалею о мне, друг нежный,
Без тебя мне свет не мил.

Это традиционное, по-девичьи трогательное, мелодраматического содержания стихотворение, какими увлекались барышни во все времена и уж, конечно, в начале XIX века. В подтверждение этому приведу два стихотворения из «Записок Е. А. Сушковой», относящихся ко времени знакомства автора «Записок...» с М. Ю. Лермонтовым:

I

Прости, цветочек молодой,
 Прости, цветочек нежный, милый,
 Хранимый небом и судьбой
 Цвети под сению родной.
 Прости, мое шумит ветрило
 И мчится бесприютный челн,
 Надежд коварное светило
 Едва мне светит, — грусти полн,
 Я оставляю град чужбины,
 Где молодость мою сгубил,
 Где сердце и счастье схоронил!
 Мне в путь ни сердца вздох единый
 Не полетит; — следа любви
 Не канет в горести унылой,
 Хоть ты, цветочек нежно-милый,
 Хоть ты мой путь благослови!³

II

В деревне жить,
 Цветы садить,
 В полях ходить —
 Вот счастье земное!
 Любимым стать,
 Своей назвать,
 Руку снискать —
 Вот это небывое⁴.

Эти стихи записаны в альбом мужчинами; женщинам могли принадлежать еще более сентиментальные тексты.

На л. 50–51 об. «нашего» альбома читаем стихотворение:

Души моей одно желанье
 Всегда любить тебя
 И сердцу тяжело старанье (?)
 Быть милой для тебя
 Ах, есть ли в жизни наслажденье
 Друг нежный, без тебя
 Кто даст мне в грусти утешенье
 Коль нет со мной тебя

Доверенность в душе имею
 Я к одному тебе,
 Коль постоянной быть умею
 Обязана тебе.
 Люблю весельем наслаждаться

Но близко от тебя
И с жизнью боюсь расстаться
Для одного тебя.

Кто сердцу может быть милее
Бесценный друг тебя
Без воздуха могу скорее
Прожить, чем без тебя,
Всю радость в жизни, утешенье
Имею от тебя,
С тобой повсюду наслажденье
И мрачность без тебя!!!

Текст заканчивается замысловатым вензелем «М. Л.». И хотя в заключении экспертизы не указан л. 50, его следует включить в число автографов матери поэта в этом альбоме, так как на нем начало стихотворения, конец которого отнесен к числу записей М. М. Лермонтовой.

Внимательно изучая альбом, я поняла, что есть еще несколько записей, которые сделаны рукой Марии Михайловны, не отмеченных в «Заключении...», и вновь обратилась в Санкт-Петербург в Российскую национальную библиотеку и получила подтверждения своих догадок. Приведем записи полностью.

На л. 13 об. двестишесте:

И вы жестокие, мне предлагать могли
Без дружбы и любви скитаться на земли.

Здесь же стихотворение «Сельский житель»:

Кто в мире счастья прямого цену знает
И сельской жизни в апяртности вкушает,
В кругу своих друзей от шума удален,
Тот истинно в душе покоен и блажен.

В пустых надеждах просыпаюсь
В последний день весны моей
И тем лишь только утешаюсь,
Что нету счастья в жизни сей.

Ах! Есть оно и существует,
Великим лишь душам дано
И ввек отрадою тех будет,
Кем было признано оно.

Томлюсь в мучении ужасном,
Своей я жизни не прерву!
Смерть есть отрада для несчастных,

А я для горестей живу!
 Ах! Кто возмог из нас
 Преодолеть природу?
 Прекрасная! любить весьма опасно вас!
 Но не любить — мы не имеем силы;
 Хотя уж многие, влюбясь в образ милый,
 Безвременно сошли во мрак холодных могилы.

На л. 16 об.: «Отнять душу! Вырвать сердце! и — после сказать живи, нет!! мой друг это свыше сил человеческих!!!»

На л. 17 и 17 об. — стихотворение:

Расстаться милый друг с тобою,
 Увы, так рок определил.
 Но образ твой всегда со мною
 И вечно будет сердцу мил.

Что может сделать отдаленье?
 Любовь сильнее укрепить.
 Одна минута утешенья —
 И я готова все забыть.

Забуду горесть и мученье
 В разлуке, что терпела я,
 Забуду все и в восхищенье
 Дам клятву вечно быть твоя.

Но если ты, о мысль ужасна,
 За страсть изменой платишь мне,
 Тогда что делать мне несчастной?
 Сокрыть мой стыд в сырой земле.

Ты в скором времени услышишь:
 Она скончала жизнь стенья, —
 Взойдешь на холм и там увидишь
 Мой гроб, ах! он сразит тебя.

Любовь, горесть и мученье —
 Все смерть моя окончит вдруг.
 Она отмстит за преступленье
 Тебе, жестокий, милый друг!

Предположительно также рукою Марии Михайловны сделана запись на л. 2:

Он нежный друг природы был,
 Невинности, добру людей учил.

М... Л...

Возможно, речь идет поэте Геснере. Соломон Геснер (1730–1787) — немецкий поэт и художник, автор идиллий «Дафнис», «Смерть Авеля» и др. На русский язык были переведены его идиллии «Ламех и Цилла», «Золотой век Дафниса», «Лаура».

На л. 3 — стихи с риторическим обращением к фиалочке:

Ты, фиалочка любезна, на что в лесу живешь?
Ты так мила, прекрасна и в садик жить нейдешь.
Там все бы любовались красотой твоей,
Смотрели б, утишались фиалочкой моей.

Далее этим же почерком: «Фиалочка отвечала». Следующее ниже четверостишие «ответ» фиалочки вписан рукою Марии Михайловны:

Мне в мире быть известной
Мне, право, нужды нет,
Кому кажусь прелестной,
Тот здесь меня найдет.

Москва 1814 года 13... 12...
февраля 17

Итак, можно сделать вывод, что в альбоме 14 листов, заполненных матерью М. Ю. Лермонтова, и, подчеркну, это не окончательный, а лишь предварительный вывод. Вполне может быть, что таких листов станет больше (будет произведена дополнительная экспертиза).

Приведем результаты первого этапа атрибуции «нашего» альбома (его постраничного описания).

Л. 1 (оборот форзаца):

И я блаженствовал! Я никогда не любил — в Дуняше счастье находил!
Мы пили радости душевных наслаждений.

Л. 2: четверостишие:

Пусть злоба свой яд
На добрых поливает,
Но нет успеху в том:
Бог добрых защищает.

После строк, адресованных Геснеру (предположительно, написанных М. Лермонтовой), следует:

Несчастен быть могу
Бесчестен! — никогда

Г. А.

Л. 2 об.: четверостишие «Надежда» и прозаический текст «Две розы»:

«Я посылаю тебе две розы, одну белую, другую самую алую, одна представляет бледность моего лица, другая изобразит пламень моего сердца: обе будут тебе вспоминать о моем счастье».

Ниже: «Исчезни, грустна мысль! что будет, не минует».

Л. 3: стихотворение «Фиалочка».

Л. 3 об.: стихотворения «Средь бедствий, горестей гонимого судьбиной», «Когда к любви [нрзб.] надежду я имел...» и строки: «Близь милой [нрзб.] всегда сильнее сердце бьется!...», «Душой прекрасные [нрзб.] не вянут».

Л. 4: стихотворения «Когда с милой я бываю» (подписано: «П...»); «Луна, ты хороша, ты мой пленяешь взор...»

Л. 4 об. — 5: продолжение стихотворения «Луна, ты хороша...»

Л. 5 об.: стихотворение «В тебе одной ищу блаженства для себя...»

Л. 6: окончание стихотворения «В тебе одной ищу блаженства для себя...» (подпись: «Елена»), ниже двустихие: «Ни время долготы, ни места удаленье

Не истребят к тебе души моей почтенье»; далее стихотворение «Тебе вручаю душу...»

Л. 6 об.: окончание стихотворения «Тебе вручаю душу...» и стихотворение «К шаляпику».

Л. 7: стихотворение «Неужель судьба жестока...» (подписано: «Е. Л.»); ниже: «Нет для мертвых невозможного!» (1814 года 20 февр. [нрзб.]²).

Л. 7 об.:

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Когда для мира я навеки охладю,
 Когда в сырой земле сокроется мой прах,
 Пусть надпись сбережет на камне в сих словах:
 «О, Катенька! и здесь к тебе я страстью таю».

Очевидно, четверостишие обращено к Е. Л., вписавшей стихи: «Неужель судьба жестока...». Ниже тем же почерком — продолжение «альбомного диалога»:

ЭПИТАФИЯ ЭПИТАФИЯМ

Прохожий! Пусть тебе напомнит этот стих,
 Что все на час под небесами,
 Поутру плакали о смерти мы других,
 А к вечеру скончались сами.

Еще ниже:

Мила нам добра весть о нашей стороне,
 «Отечества и дым нам сладок й приятен!»

Л. 8–8 об.: стихотворение «К луне» неизвестного автора.

Л. 9: стихотворение «На разлуку» неизвестного автора.

Л. 9 об. — 10: стихотворение-диалог «Бабочка и горлица» (подпись — цифры: 13... 12...).

Л. 10 об.: стихотворение «Счастье не за горами» неизвестного автора.

Л. 11: четверостишие: «В терпенье мудрый познаваем...» (подпись: «И... ГИ...»; дата «20 февраля 1814 года»). Внизу листа: «Несчастный и в обществе ищет уединенье...»

Л. 11 об.: стихотворение «К горлице», которое заканчивается на л. 12.

Л. 12 об. — 13 об. — стихи неизвестного автора.

Л. 15–16 об.: «Песня» неизвестного автора.

Л. 18–25 об.: «Людмила, русская баллада»: в сноске: «Подражание Биргеровой Леоноре». Приводится текст баллады В. А. Жуковского «Людмила» (1808) с подзаголовком «Подражание Бюргеру».

Л. 27 об. — 46: разные стихотворения, в том числе «Полночный час в темнице» Державина, «Чувство в разлуке» неизвестного автора, «Сельская элегия» неизвестного автора, «Песня» неизвестного автора.

Л. 49–50 об.: стихотворение «Фиалка»; подписано: «Екатерина Лермонтова»; ниже: «Перевод с французского».

Екатериной звали одну из сестер Ю. П. Лермонтова (тетку поэта). Вероятнее всего, что именно она и вписала стихотворение «Фиалочка», так как исследование почерка показало, что он похож на почерк отца поэта, а, как известно, у родственников, особенно близких, такое сходство закономерно.

Л. 52–64 об.: разные стихотворения, в том числе «Ночь» неизвестного автора, «Чужая сторона» (подпись: Г. Сокольский), «Надгробное» и др.

Первый этап атрибуции раритетного альбома позволил обнаружить большое количество автографов М. Лермонтовой, что позволяет сделать предварительное предположение о его принадлежности матери поэта.

Примечания

¹ Цит. по: Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. А–К. СПб., 2003. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Записки Екатерины Александровны Хвостовой. 1812–1841. СПб., 1870. С. 61.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ По моему мнению, эту запись можно отнести к числу автографов М. М. Лермонтовой.

⁶ Готфрид Август Бюргер (1747–1794) — немецкий поэт-лирик, один из самых значительных представителей движения «Буря и натиск». Он считал, что искусство должно быть национально окрашенным, исторически конкретным, а истоки поэзии видел в народно-поэтической стихии. Создал жанр серьезной баллады. В балладе «Ленора», он использовал фантастический сюжет о мертвом женихе, рассказал о горе простой крестьянки, потерявшей возлюбленного в Семилетней войне.

В. П. Ульянова

ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ ИКОНЫ «СПОРУЧНИЦА ГРЕШНЫХ»

27 июля 1995 года, в день памяти М. Ю. Лермонтова, житель г. Саратова Вячеслав Александрович Севирионов передал в дар музею-заповеднику «Тарханы» икону Пресвятой Богородицы Споручницы грешных. Икона имеет интересную историю бытования. Последняя владелица Тархан Мария Владимировна Каткова, внучатая племянница Е. А. Арсеньевой, проживала в Петербурге, а в свое имение навещалась время от времени, поручив ведение хозяйства управляющему. Она приезжала сюда накануне юбилея, 100-летия со дня рождения поэта, — хотела определиться на месте, какие работы по благоустройству необходимо провести безотлагательно. В результате по ее указанию были капитально отремонтированы обе церкви, а в часовне обновлена роспись.

К этому же времени относится и совсем незначительное бытовое событие, которое к предстоящему юбилею не имело никакого отношения; с благословения Катковой повенчалась пара молодых людей, которые пользовались ее прямым покровительством. Невеста — «Дашенька, душечка», как звала ее Каткова, — Дарья Евстигнеевна Гусарова. Жених — Александр Николаевич Беликов. Оба сироты.

Дарья Евстигнеевна называла себя воспитанницей Катковой. Родилась она в 1880 году в с. Барки Сердобского уезда (в то время Саратовской губернии). В возрасте десяти месяцев она лишилась матери (мать Дарьи Евстигнеевны — прабабушка дарителя В. А. Севирионова). Отец до глубокой старости прожил в Барках. Сама же Дарья Евстигнеевна в 1893 году, т. е. в тринадцатилетнем возрасте, при неизвестных обстоятельствах попала в Тарханы. Она читала, знала отдельные фразы на французском языке, была преданна своей барыне.

Саша Беликов остался круглым сиротой десятилетнем подростком. Отец его был священником в г. Моршанске. Каким образом мальчик попал в Тарханы, тоже неизвестно. Каткова заинтересовалась судьбой мальчика и приняла в ней живое участие. Саша Беликов хорошо рисовал: один из его рисунков, «Птичка на дереве», Каткова представила на московский конкурс детских рисунков, где он занял второе место. Каткова хотела, чтобы Саша занялся искусствами. Но он очень любил животных, поэтому пожелал поступить в ветеринарный институт. Беликов закончил (конечно, при денежной помощи Катковой) Казанский ветеринарный институт и работал ветеринарным врачом в Тарханах.

Каткова благословила своих воспитанников на брак иконой Пресвятой Богородицы Споручницы грешных. Дарья Евстигнеевна рассказывала так: «Мы поднялись к барыне, она сняла со стены икону и благословила нас»¹.

Беликов пользовался уважением среди крестьян, по их просьбе написал Катковой письмо, предлагая убрать жестокого управляющего Казьмина. Помещица настолько доверяла Беликову, что заменила управляющего. Новым управляющим стал Григорий Александрович Игнатьев. Беликовы подружились с ним, Александр Николаевич пользовался его библиотекой.

В 1918 году Беликов узнал о грозящем дворянину Игнатьеву аресте. В эту же ночь, спасая Игнатьева, Беликовы бежали вместе с ним из Тархан. Уходили они летом; в телеге везли детей (пятилетнюю Татьяну и двухлетнюю Екатерину) и некоторые вещи: посуду, тазик для купания детей, сундук с вещами, книги. В числе прочего была и икона Споручница грешных, которой они очень дорожили и почитали как «барынино благословение». Беглецы остановились в с. Кипцы Саратовской губернии, где жила двоюродная сестра Дарьи Евдокия (бабушка Вячеслава Александровича Севирионова). Беликов объявил Игнатьева своим двоюродным братом. Но очень скоро жители села по домашнему его обиходу («ест на тарелочках», вилкой) поняли что он «не брат его, а барин». В дело вмешались власти. Родственники Беликовых вызывались в НКВД, ГПУ. В 1929 году под угрозой ареста Беликовы и Игнатьев были вынуждены вновь пересечь. Беликовы обосновались в совхозе им. Близкиса Саратовской губернии. Игнатьев подался в Крым. Умер он в 1946 году. Получая от Игнатьева открытки, Дарья Евстигнеевна очень пугалась, «дрожала», так она боялась, что узнают об их дружбе с Игнатьевым. Игнатьев, кажется, был глубоко неравнодушен к ней, возможно, поэтому и не женился.

В 1937 году был сильный падеж скота. От Беликова как от ветеринарного врача потребовали назвать виновных и дали три дня срока. Как человек «совестливый», Александр Николаевич не мог обвинить невиновных пастухов (работал он ветврачом на овчарне), его арестовали. В тюрьме он и «сгинул». При последнем свидании с женой наказал ей: «Уходите, а то пропадете здесь» как семья врага народа. По словам Дарьи Евстигнеевны, в тюрьме его невозможно было узнать, так он похудел, почернел, завшивел и оброс. Оставшись без мужа, Дарья Евстигнеевна возвратилась к сестре в с. Кипцы. Жили они «двумя домами, но одной семьей», бережно храня воспоминания об Александре Николаевиче, Игнатьеве и барыне. Правда, разговаривали о них только дома, боясь, как бы не узнали об этом односельчане. Бережно хранили и тарханские вещи, уцелевшие во время невзгод. Особенно берегли икону, ее никогда не вынимали из сундука, держали завернутой в холст.

Сохранились также рожок для кормления младенцев, металлическая пепельница, бисерная нитка и фаянсовая шкатулка в виде кузовка с грибами. Рожок, пепельница, бисерная нитка переданы владельцем в музей «Тарханы». Шкатулку В. А. Севирионова желает подарить музею М. Ю. Лермонтова в Москве, предполагая, что она изготовлена в 1828 году и в это время куплена и подарена Лермонтовым бабушке.

Среди вещей, взятых Беликовым из Тархан, было много книг. Почти все они погибли в огне в 1937 году, когда Дарья Евстигнеевна после ареста мужа переезжала из совхоза им. Близкиса в Кипцы и на кострах из этих книг «сварила ужин, завтрак и обед», выбирая из них «самые старые». Часть книг цела и хранится у В. А. Севирионова. Это в основном книги по ветеринарному делу, принадлежавшие А. Н. Беликову.

Состояние иконы было весьма плачевным: живопись потемнела, красочный слой осыпался при малейшем движении, так что держать ее можно было только в горизонтальном положении, а о транспортировке иконы из Саратова в Тарханы не могло быть и речи. В Саратове художник-реставратор музея Г. В. Сальков произвел укрепление и

консервацию иконы, а уже в Тарханах — и реставрацию. После удаления загрязнений и потемневшей олифы открылась тонкая и чистая живопись XIX столетия.

Примечания

¹ В кавычки взяты подлинные слова и обороты речи Д. Е. Беликовой в передаче В. А. Севиринова.

ПУШКИН И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ

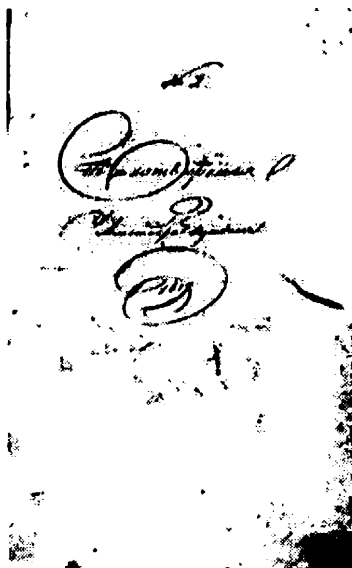
Л. И. Певзнер

А. С. ПУШКИН — ХУДОЖНИК КНИГИ

Оформляя книгу, нужно ответить не только на сюжет, но и на стиль литературного произведения.

В. Фаворский¹

В пушкинское время книга была произведением искусства. Текст, иллюстрации, шрифт, внешнее оформление, титул и фронтиспис составляли единый художественный ансамбль. «Лицо» книги, титульный, или, как его тогда называли, заглавный лист и фронтиспис (левый разворот титула) — самостоятельные виды книжной иллюстрации, обладающие каждый собственной спецификой. Пушкин с самого начала придавал большое значение внешнему виду своих сочинений, понимание этой специфики проявилось уже в первой попытке создать проект заглавного листа к сборнику стихотворений в 1817 году, сразу по выходе из Лицея: лицо книги должно эстетически отвечать поэтике произведения. Заглавный лист «Стихотворений Александра Пушкина» оформлен художественной композицией линейного, раннего ампиричного стиля рубежа XVIII–XIX веков. «Лицо» книги легкого пушкинского лирического стиха создано самим расположением строк на листе, каллиграфическим почерком и игрой летящих росчерков музыкальной красоты: поэт придавал им эстетические свойства. Первый проект Пушкина в оформлении своих сочинений — художественное произведение: оно обладает тем качеством, о котором он сам позже скажет, что «истинный вкус состоит в чувстве соразмерности и сообразности»². Только в 1826 году были изданы «Стихотворения», однако Пушкин продолжал думать о возможном заглавном листе, рисуя его в 1820–1823 годах уже иначе — с «Автопортретом» (в круге)³. Стройный погрудный профильный силуэт сделан в стиле ампиричных профильных гравюр, которые в 1820-е годы помещали на титуле, или фронтисписе, или обложке. Но понимая, что портрет ссыль-

А. С. Пушкин. Заглавный лист «Стихотворений Александра Пушкина», чернила, 1817

А. С. Пушкин. Автопортрет (в круге), чернила, 1820–1823. Заглавный лист или фронтиспис к сб. «Стихотворения Александра Пушкина»

простота — критерии эстетики Пушкина в оформлении книги. Он боялся злоупотребления украшениями, которые А. Н. Оленин называл «цветками» и «кашками». Но Плетнев отвечает: «Виньеты, решительно говорю, не будет. С художниками нашими невозможно иметь дела. Они все побочные дети Аполлона: не понимают нас они. Да и что придаст твоим стихам какая-нибудь глупая фигура над пустоцветом?» (XIII, 235)⁴. Поэт напрасно надеялся хотя бы на виньетку (без смысла) блистательных мастеров графики, близких ему по идеалам и эстетическому вкусу, но «Стихотворения Александра Пушкина» вышли только в 1826 году с иным набором стихотворений и без пушкинского заглавного листа, а в обложке с типографской красивой рамкой вокруг названия и имени автора; на заглавном же листе, кроме того, — эпитафия из любовной лирики римского поэта Проперция: «Aetas prima sanat veneres, extrema tumultus» (В первоначальном возрасте воспевается любовь, в позднейшем — смятения).

Зная проект Пушкина 1817 года, сравнение с печатным оформлением издания 1826 года далеко не в пользу последнего и с точки зрения содержания, и по оригинальности художественного решения.

В 1820 году вышла в свет поэма «Руслан и Людмила». К нескольким экземплярам тиража была приложена в виде фронтисписа гравированная картинка, исполненная в стиле «крокады» — декоративно-условной композиции главных сцен и действующих лиц: сон Людмилы, бой Руслана с Головой, бой Руслана с Черномором, Наина и Финн. Подписи под ними: «Рис. И. Иванов, грав. М. Иванов» и внизу монограм-

ного автора не разрешат издать, Пушкин, посылая текст П. А. Плетневу, пишет в 1825 году: «Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сделайте; имянно: *Психея, которая задумалась над цветком...* <...> Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого... —

Нет! слишком дорога!
А ужьсть, как мила!.....

К тому же, кроме Уткина, ни чей резец не достоин его карандаша. <...>

Что сказать вам об издании? Печатайте <...> исправно, чисто <...> и пожалуйста без ~~~ и без ----- + ----- и без ————— вся эта пестрота безобразна <...> Заглавие крупными буквами — и à la ligne» (XIII, 153–154). Краткость, точность,

И. А. Иванов (рис.) М. Иванов (гравюра на меди). «Руслан и Людмила». 1820. Фронтиспис приложен к 1-му изданию

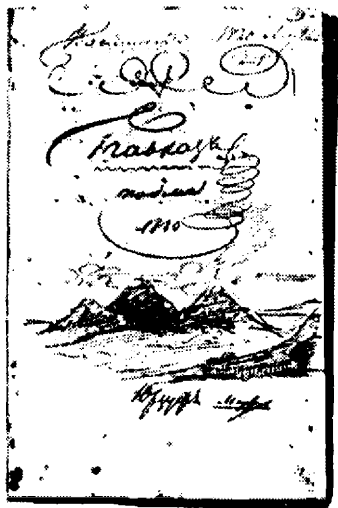
ма А. Н. Оленина: *А*. Получив авторские экземпляры, поэт писал издателю Н. И. Гнедичу в 1821 году: «Плате сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу прекрасно; и вот уже четыре дни, как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного *А*; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности» (XIII, 28). Однако под гравюрой стоит подпись: «Рис. И. Иванов». Н. Гнедич не мог этого не видеть. К тому же и В. А. Жуковскому, инициатору издания, он писал: «Пушкина поэма — *finis!* (окончена. — *Л. П.*), только окончится виньетка, которую рисовал Алек. Н. Оленин (Эге? а ты, друг, и не подозревал) и которая уже гравировается»⁵. Вследствие этого во многих изданиях автором «виньетки» называли А. Н. Оленина. Однако еще в 1937 году на юбилейной Пушкинской выставке впервые был экспонирован рисунок Ф. П. Толстого. В нем известный искусствовед и график А. А. Сидоров и увидел бесспорную первооснову «кроады», а монограмму А. Н. Оленина объяснил как визу редактора, апробацию качества⁶. Высокоодаренный профессиональный рисовальщик И. Иванов (близкий к кружку А. Н. Оленина) рисовал по его указаниям. Пушкин

правильно понял смысл монограммы как «благосклонность», он видел подобные еще в Петербурге в других изданиях высшего качества. Антикированные лица и костюмы персонажей, характерные для Ф. П. Толстого, сменились «оленинским» русским сентиментально-«народным» стилем ампира рубежа XVIII–XIX веков, что в определенной мере гармонировало с сентиментально-романтизированным стилем поэмы. Грациозность графической «кроады» Пушкину понравилась и своей «картинностью»: он не любил условный стиль аллегорий à la XVIII век. Фронтиспис с его декоративностью композиции близок к титulu как виду графики, являясь одновременно изобразительной увертюрой к тексту. Такой тип оформления «откликнется» в иллюстративном творчестве поэта позже.

В 1820 году к белой рукописи «Кавказского пленника» (первоначальное название «Кавказ») Пушкин рисует заглавный лист с романтическим пейзажем, который соответствует названию и созвучен стихам о природе Кавказа. Простор неба, горы, река, облака рисованы легко, свободным изящным рисунком и с чувством такого его расположения на листе, при котором ощущается и величие форм, и безграничность пространства. Декоративными росчерками рисуется надпись, облака и завитки букв, которые «рождают» росчерк, в свою очередь переходящий в рисунок — все вместе они составляют великолепное художественно-графическое целое. В 1822 году поэма вышла в свет с типографской виньеткой на обложке, не имеющей никакого отношения

Ф. П. Толстой. «Руслан и Людмила». Тушь, перо. 1820. Фронтиспис. Первоначальный эскиз

А. С. Пушкин. «Кавказ» («Кавказский пленник»). 1820. Заглавный лист, чернила

к тексту, на заглавном листе нет и ее. Проект Пушкина не сравним с ним как художественное произведение. В его рисунке заключено качество индивидуального стиля композиции графика-оформителя; в нем есть «лицо» поэмы: созвучность ее содержанию и романтической, пушкинской, поэтике.

Два рисунка Пушкина традиционно считаются иллюстрациями. Однако эта классификация представляется сложной. Один из них — известная «картинка» к I главе «Евгения Онегина». В начале ноября 1824 года Лев Пушкин повез рукопись первой главы «Евгения Онегина» из Михайловского в Петербург. Вслед А. С. Пушкин посылает ему письмо с рисунком⁸: «Брат, вот тебе картинка для «Онегина», найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же местоположении. Та же сцена. Слышишь ли? Это мне нужно непременно». Под рисунком — комментарий: «1 — хорош, 2 — должен быть опершился о гранит, 3 — лодка, 4 — крепость Петропавловская». И через несколько дней ему же: «Будет ли картинка у Онегина?» (XIII, 123) Первая глава романа вышла в феврале 1825 года без пушкинской «картинки». Появилась она только в 1829 году как иллюстрация к I главе в «Невском альманахе»⁹: в не слишком искусном исполнении профессионального рисовальщика А. Нотбека исчез артистизм рисунка непрофессионала Пушкина, фигура самого поэта потеряла художественно-образную поэтическую пушкинскую искрящуюся иронией характеристику. Облик поэта весьма своеобразно переделан рисовальщиком по иконографии портрета работы О. А. Кипренского (1827); это спутало эпохи: поэт «гулял» с Онегиным в 1817 — начале 1820 года (до ссылки); в результате исчезли юношеская кокетливость, знаменитые поэтические «кудри черные до плеч» и разница характеристик: у Пушкина он юный поэт, внимает язвительным речам «знатока» жизни, а на гравюре разговаривают два светских франта. Нотбек повернул Пушкина лицом к читателю из наилучших чувств, пиетета к нему, но получилась двусмысленная ситуация, им самим не осознанная, но поэт моментально уловил ее своим «быстрым, искусным» и острым карандашом.

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опёршись ... о гранит,
Сам Александр Сергеевич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом;
Не плюй в колодец, милый мой!¹⁰

Пушкин сделал рисунок для отдельного издания первой главы романа, но не указал, в каком качестве его следует использовать: как заглавный лист, фронтиспис или как иллюстрацию к стихам 47-й и 48-й строф? Однако в

А. С. Пушкин. «Автопортрет с Онегиным на берегу Невы». Карандаш, на письме к Л. С. Пушкину. Проект к 1-й главе (?) романа «Евгений Онегин»

А. Нотбек (рис.), Е. И. Гейтман. Гравюра на меди. 1828. В основе проект А. С. Пушкина 1824 г.

«Евгений Онегин» 1825 г. 1-е изд.
1-я глава. Лицевая сторона обложки

объемнее, шире, чем иллюстрация к определенной строфе текста и даже целой главе. Его образно-художественная емкость позволяет видеть в нем заглавный лист или фронтиспис ко всему роману при его полном издании, чего поэт и сам не осознавал, как не понимал и самостоятельной художественной ценности всех своих рисунков вообще.

Рисунок «отвечает» на романтическую поэтику романа, на его доминанту — автобиографичность: «Мой спутник странный», — сказал поэт в романе о своем герое. Образно-художественная обобщенность и картинная наглядность рисунка (что проявится у него позднее в оформлении своих сочинений) уже в 1825 году определили индивидуальный вкус Пушкина в области иллюстрационной графики.

Внешняя сторона официального издания первой главы «Онегина» (1825 г.) положила основание так называемому пушкинскому стилю всех его прижизненных изданий. Почти все они печатались под присмотром Плетнева и, как точно выразился Н. П. Смирнов-Сокольский, несли на себе отпечаток его художественного вкуса: «Ничто не мешает, не отвлекает. <...> Вот просто — слово Пушкина и вы — его читатель»¹². Хотя сам поэт предпочитал видеть в заглавном листе индивидуальное лицо каждого своего сочинения, т. е. его «автопортрет». Не жаловал поэт и аллегорическую стилистику, «туманность полуоткрытых истин», как говаривал И. А. Крылов. Но к одной его поэме такая «картинка» несомненно оказалась весьма удачной: в 1827

«Невском Альманахе» Петропавловская крепость не упоминается. А поэт настаивал: «... в том же местоположении... непременно». О сложном характере соотношения текста и авторской иллюстрации писал Ф. И. Буслаев: «В иллюстрации, которую создает сам поэт, или создается под его наблюдением, поэт как бы продолжает свою творческую идею, дополняет очерками, собирает в окончательно установившемся определенном образе то, чего почему-либо не смог выразить словами...»¹¹. Рисунок Пушкина дополняет стихи: слушающая Онегина, размышляя, он смотрит на крепость. Тонкости этой, «не выраженной словами», Нотбек не понял и «дополнил» Пушкина «впрямую»... Кроме того, за Невой, справа, фрагмент городского пейзажа — много домов; спереди — тумба и угловая колонна дворца. В результате рисунок Пушкина приобрел черты жанровой городской сценки. В них растворилась острота образного смысла «картинки» Пушкина. Эпиграмма ходила по рукам. Приятели поэта веселились. Плетнев был прав: артистический, легкий, быстрый, лаконичный рисунок Пушкина острее,

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1825 году)

МОСКВА.

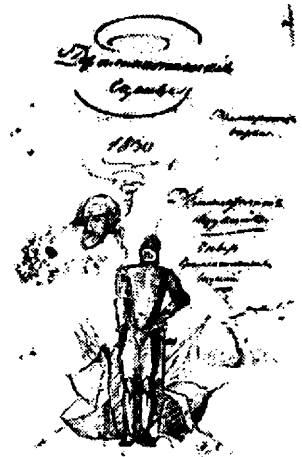
ВЪ ТИПОГРАФИИ АНДРЕЯ СЕДЕНА
У ПУШКИНОВЪ, ЧЕ-О-ХЕРЪ, А. С.
1827.

«Цыганы». Издание 1827 г. Заглавный лист

году в свет вышла поэма «Цыганы» (написана в 1824 г.). На обложке, в центре красивой наборной рамы, была помещена политипажная аллегорическая виньетка в романтическом духе: кинжал, разбитые цепи, опрокинутая чаша и змея. В «Русском инвалиде» 15 мая 1827 года писали: «“Цыганы”, новая прелестная безделка А.С.Пушкина, вышла из печати»¹³. Однако слово «безделка» не обмануло правительство, был послан запрос жандармскому генералу А. Волкову: «...было бы очень важно узнать наверное, кому принадлежит ее выбор, автору или типографу, потому что трудно предположить, чтобы она была взята случайно. Допрошенный типограф Август Семен заявил, что виньетка в числе других, купленных за границей, была в типографии и что он “имел счастье поднести его Величеству отпечатанный с них альбом”; генерал Волков ответил: выбор виньетки достоверно принадлежит автору. <...> Эта виньетка делалась не в Москве. Г. Семен получил ее из Парижа. Она имеется в Петербурге во многих типографиях и, вероятно, из того же источника. Г. Семен говорит, что употреблял эту виньетку два или три раза в заголовках трагедий»¹⁴.

Пушкин был доволен, так как мечтать не осмеливался об отдельном издании поэмы о «неволе и власти денег и цепей» с собственным титульным листом.

9 декабря 1830 года Пушкин писал из Москвы Плетневу: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ую и 9-ую <...>. Повесть писанную октавами (“Домик в Коломне”. — Л. П.) <...> Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, имянно: *Скупой Рыцарь*, *Моцарт и Сальери*, *Пир во время Чумы* и *Дон Жуан* (“Каменный гость”. — Л. П.)...» (XIV, 133) Непостижима тайна болдинских осеней 1830 и 1834 годов: именно там постоянно рвущаяся на бумагу, властная творческая потребность иллюстрировать, свои сочинения, прорывалась наружу с невероятной силой. В 1830 году поэт рисует к «Драматическим сценам...» заглавный лист. Как талантливый художник-оформитель книги Пушкин организует пространство листа декоративно, не «прорывая» его плоскости. Условно статичная фигура рыцаря — не живой персонаж; у его ног симметрично-условно, веерным узором расположены атрибуты рыцарства; заглавие, дата, само их расположение на пространстве листа и росчерки, объединя-

А. С. Пушкин. «Драматические сцены», чернила. 1830. Заглавный лист

ющие все это, образуют строгую тектоническую вертикаль¹⁵. Художественная композиция листа — это образ «рыцарской эпохи». Трагедия «Моцарт и Сальери» — единственная из всех пьес, сюжетно не связанная с эпохой. Но она связана с ней глубинно, своей этической философской сущностью — вечной и неразрешимой коллизией Совести и Злодейства. Именно в этом художественно-образном качестве пушкинский лист — «лицо», «автопортрет» всей книги.

В том же 1830 году в Болдине Пушкин написал «Сказку о попе и о работнике его Балде». Чернила, карандаш. Фрон-

А. С. Пушкин. «Сказка о попе и о работнике его Балде». Чернила, карандаш. Фронтиспис (?)

А. С. Пушкин. «Сказка о золотом петушке». Чернила. Заглавный лист. 1834

Балде» и сделал три рисунка к ней, которые по традиции всегда считались иллюстрациями в классическом понимании этого термина, т. е. связанными с определенным текстом и располагавшимися рядом с ним. Однако художественная проработка каждого рисунка и особенно их взаиморасположение приводят к иному выводу: это не три отдельные иллюстрации к определенным текстам, а продуманная композиция. Вверху две сценки — начала и конца сказки — нарисованы в одинаковом масштабе; ниже крупным планом — портрет старого Беса. Он расположен с тонким художественным расчетом — как основание, как пружина действия. Когда-то еще В. И. Суриков говорил, что композиция картины — «это математика»¹⁶. Судя по почерку, рисунки носят не набросочный характер, обычный для Пушкина, а законченный: на карандашной основе детали уточнялись, местами прорабатывались чернилами, в иных случаях оставался карандаш. По замечанию А. Эфроса, «это — наиболее развернутая и сознательно проработанная; она <...> самая сложная по технике»¹⁷. Здесь каждый рисунок в отдельности — это иллюстрация как таковая к определенному тексту и характеристика персонажей: хитрый Бес, разбитной крестьянский парень Балда, шустрый бесенок, глупый поп — все с потрясающе выразительной мимикой лиц и характерными движениями. Их стилистика и образность — в полуреалистической, полублужной манере, в духе поэтики сказки. Но вместе с тем расположение рисунков на одном листе в условно-декоративной композиции главных персонажей и ключевых сцен — это жанр «крокадь» на фронтиспис типа оленинской гравюры к «Руслану и Людмиле». Пушкин сохранил в своей памяти некогда понравившуюся ему «картинку».

Проект заглавного листа к «Сказке о Золотом петушке»¹⁸ сделан в 1834 году в Болдине, где было написано это произведение. В центре листа главный «герой» — Золотой Петушок на спице. Как объединяющая фигура он держит «архитектуру» листа, образующую вокруг него своеобразную «рампу» из романтически-средневекового восточного набора изображений: заглавие в виде виньетки, которую обрамляют две головы: слева — глупый царь Додон, справа — Звездочет саркастически смеется, разевая огромный рот, по обеим сторонам — щит, копыта, шлем, кольчуга, пейзажи: крепость и парусный корабль на волнах. Заметим интересную деталь: восточная красавица Шемаханская царица в этой композиции отсутствует; может, и не в ней «соль» происходящего в сюжете, как принято думать? Композиция листа, как и сам графический почерк, условная; в них все признаки уплощенности типа театрального занавеса к спектаклю, разыгрывающемуся на страницах текста. Такая стилистика театральных занавесов

А. П. Брюллов (рис.), С. Галактионов (гравюра на меди). Сочинения Константина Батюшкова, часть вторая. Заглавный лист. 1834

характерна для рубежа XIX–XX веков, и в этом смысле оформление книги, сделанное Пушкиным, поистине уникально для его эпохи. Аллегорическая стилистика тоже имела место в изданиях и в 1820–1830-е годы: классицистическая — в «Баснях И. А. Крылова» 1825 года, романтическая — в «Стихотворениях К. Н. Батюшкова» 1834 года и др. Официальные издания А. С. Пушкина разных жанров этого времени («Стихотворения...», поэмы, повести, даже главы романа в стихах «Евгений Онегин») при всем высоком художественном вкусе оформления отличались единообразием. При этом сам поэт к 1830-м годам все больше склонялся к индивидуальному оформлению заглавных листов, их «автопортретности» и картинности.

Едиственным примером попытки оформить сочинение А. С. Пушкина в новом, «пушкинском», роде при его жизни был заглавный лист к повестям Пушкина, созданный Г. Г. Гагариным. В октябре 1833 года известный библиофил, приятель Пушкина С. А. Соболевский намеревался стать издателем сочинений Пушкина: «Христа Ради, Александр Сергеевич, стихов и прозы... Желал бы стихотворную пьесу, повествовательную, способную к рисункам, ибо на нее-то напустили бы Гагарина» [XV, 85]¹⁹. Речь шла о художнике-любителе, ученике К. П. Брюллова кн. Г. Г. Гагарине, знакомом Пушкина с 1832 года. В журнале «Библиотека для чтения» (1834, № 3) «Пиковая дама» уже была напечатана. Безусловно, Гагарин, читавший ее, взялся рисовать заглавный лист для книги «Повести, изданные Пушкиным» (в которую она была включена) не без согласия поэта, с которым, очевидно, и обсудил наиболее психологически-трагический момент повести для рисунка — угрозу убийства. Этот сюжет — наиболее сильный и из всех других повестей, включенных в книгу. Рисунок был переведен в офорт и подписан монограммой художника, т. е. окончен и подготовлен к изданию, а следовательно, был одобрен Пушкиным, получив доказательство любезной «благосклонности» поэта, однако «Повести» вышли без этого рисунка. Что произошло — неизвестно²⁰. Но сам факт участия Пушкина в оформлении своей книги говорит о многом.

Пушкину так и не довелось увидеть при жизни достойного иллюстратора своих сочинений. Его собственные великолепные художественные проекты остались в черновиках рукописей.

Примечания

¹ Фаворский В. Об иллюстрации, о стиле и о мировоззрении // Литературный критик. 1925. № 1. С. 181–183.

² Пушкин А. С. «Северные цветы» на 1828 год // Отрывки из писем, мысли и замечания. 1827. С. 208–226. ПД 829, л. 1.

³ ПД 794, л. 1.

⁴ См. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 117.

⁵ Русский Архив. 1875. № 11. Стб. 365.

⁶ Сидоров А. А. История оформления русской книги. 2-е изд. М., 1964. С. 214.

⁷ ПД 830, л. 9.

⁸ ПД 1261, л. 34.

⁹ Невский альманах на 1829 г. С. 537. 1-я иллюстрация из 6 (к шести главам «Евгения Онегина», вышедшим к тому году). Рисунок А. Нотбека, гравюра Е. Гейтмана.

¹⁰ В примечаниях к роману Пушкин привел отрывок из сочинений поэта-сентименталиста М. Н. Муравьева «Богине Невы»:

Г. Г. Гагарин. «Повести А. С. Пушкина»: «Пиковая дама». Офорт. Заглавный лист. 1834

Вьявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит (VI, 192).

¹¹ Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. II. Гл. IV. С. 105–106.

¹² Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960. С. 12.

¹³ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 137.

¹⁴ Там же. С. 140–143.

¹⁵ ПД 1621, л. 1. Голова, деревья, кусты добавлены позже, одновременно с вариантами заглавия.

¹⁶ Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 189.

¹⁷ ПД 839, л. 45 об; Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933. С. 427.

¹⁸ ПД 972, л. 1.

¹⁹ См. также: Гаврилова Е. И. Пушкин в кругу современников // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 393.

²⁰ См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 322, 609. Причина, возможно, в сложных тяжелых финансовых делах поэта в это время.

Н. Е. Ежерец

В КРАЮ ВЫСОКИХ ВДОХНОВЕНИЙ

Поэт Александр Пушкин
и художник Сильвестр Щедрин

Более двух веков назад, в 1791 году, в России родился художник, которому, казалось бы, следовало родиться в совсем другой стране — Италии. Он создал такой ее образ, каким его не удалось увидеть никому из современных русских, немецких, французских и даже итальянских художников.

Восхищаясь живописью итальянских пейзажей Сильвестра Щедрина, А. Н. Бенуа писал, что он «в Италии влюбился не во что-либо скрытое в этой красоте, не в тайное “настроительное”, а прямо во всю ее внешность, в нежные линии скал, в ритмический плеск зеленого моря, в серебристое журчание каскадов, а главное, в солнце, в божественное солнце!».

Пенсионер Академии художеств Сильвестр Щедрин уехал в Италию в 1818 году; Пушкин в Италии никогда не был. Им не суждено было встретиться лично. Имена Сильвестра Щедрина и Пушкина никоим образом не соединяются ни в искусствоведении, ни в литературоведческой «пушкиниане». Однако, думается, есть основание считать, что имело место не только творческое соприкосновение, но и влияние.

В январе 1826 года в Петербурге на Невском проспекте (ныне — д. 46) открылась выставка Общества поощрения художников. В 1827 году она пополнилась новыми экспонатами; общество решило издать «Список художественным произведениям, бывшим в выставке в течение 1826 года и ныне в оной находящимся»; среди них были пейзажи Сильвестра Щедрина: «Вид моста и Замка Св. Ангела в Риме», «Водопад и лес», «Лес и вдаль озеро», «Морской берег (пейзажи)»².

Любитель искусства и преподаватель математики А. С. Андреев записывал разные интересные истории, встречи, факты, поразившие его. К 1840 году составились «Книги выписок». В одной из них (№ 4) находится заметка: «1827 года, в один из дней начала лета я посетил тогда выставку художественных произведений на Невском проспекте <...> В это время там была выставлена картина, присланная Карлом Брюлловым из Италии, известная под названием “Итальянское утро” <...> я вышел на улицу, и первые особы, мне встретившиеся, был барон Дельвиг и с ним под руку идущий, небольшого роста, смуглый и с кудрявыми волосами. Я с Дельвигом поздоровался, как с хорошо знакомым <...> Он, указывая на своего товарища, сказал: “Это — Пушкин” <...>; часто до его приезда я виделся с его матерью Надеждой Осиповной и сестрою Ольгой Сергеевной <...>. Желая быть долее с Пушкиным, я вместе с ними пошел опять на выставку»³. Это было в дни 24 мая — 1 июня⁴. Однако, оказывается, поэт уже знал о Щедрине и его картинах: еще в Москве 4 апреля у его приятеля С. Соболевского, что на Собачьей площадке, М. П. Погодин читал полученный Пушкиным от Дельвига из Петербурга альманах «Северные цветы» на 1827 год (сохранился в библиотеке поэта),

в котором были новые произведения Пушкина и статья В. И. Григоровича «О состоянии художеств в России»⁵. В ней Пушкин прочел восторженную рецензию на картины Сильвестра Щедрина; к статье была приложена прекрасная гравюра с картины «Рим. Замок Св. Ангела» (рисовал В. Лангер, гравировал И. Ческий). Заказал ее «художников друг и советник» А. А. Дельвиг. Статья была написана в «стиле письма»: «С особенною радостью сообщу тебе, что произведения Гальберга, Щедрина и братьев Брюлловых, бывшие на выставке, подтвердили лестное мнение знатоков об их необыкновенных дарованиях. К сожалению, я не могу послать тебе рисунков с их работ; но, чтобы вовсе не оставить тебя без понятия о бывших на выставке вещах, прилагаю два, какие достать мне было можно: первый с портрета Варника, им самим писанного, и второй с картины Щедрина, представляющей “Вид крепости Св. Ангела с мостом и противоположащим берегом”⁶. <...> из рисунка с картины Щедрина ты увидишь выбор места. Но тот, кто знает ее, не забудет ни прелестного неба, ни исполинского храма Св. Петра, синеего вдали, ни Тибра, ни берегов его, ни той милой кисти, которая умела так искусно и свободно подделаться под натуру. Произведение сие так понравилось в Риме, что многие желали иметь его. Художник, как уверяли меня, должен был повторить этот вид восемь раз, но, любя художество и природу, не захотел быть копиистом собственной работы. Всякой раз он изменял воздух и тон картины. Он таким образом произвел восемь картин, один и тот же вид представляющих, равно оригинальных. Пример, достойный подражания!»

Пушкин видел и гравюру этой картины, и ее оригинал. Гравюра позволила определить, что оригинал находится в собрании Третьяковской галереи. «...Другие произведения Щедрина, бывшие на выставке, также прекрасны, — писал далее Григорович, — и в том числе, один превосходный пейзаж, принадлежащий Ея Сиятельству графине Нессельроде»⁷. Сюжет ее автор не описал.

Вторая картина по списку — «Водопад и лес» из серии «Водопады в Тиволи»⁸. Третья в списке называется «Лес и вдали озеро». На сегодня известна одна картина с таким сюжетом (в Государственном Русском музее) под названием «Озеро Альбано в окрестностях Рима». Тенистая верхняя аллея идет по берегу (galleria di sopra), в аллее путники и две альбано в национальных костюмах отдыхают под деревом, в глубине — озеро, и за ним — гряда гор⁹. Однако анонимный автор брошюры сообщает о трех вариантах вида озеро Альбано: «Тенистые аллеи и озеро в кратер угасшего вулкана», «Вид озера Альбано» (на выставке в АХ 1833 г.) и «для Перовского Вид верхней аллеи и Альбанское озеро с горю Каво»¹⁰. Последняя близкая по описанию к картине собрания Русского музея, которая, однако, была до 1897 года в Эрмитаже «со времени Александра I»¹¹. Сам В. А. Перовский писал в 1825 году, что художник сделал для него картину: «Альбанское озеро — совершенство», — так он выразил свое восхищение; об этой же картине спрашивал в письме к брату: «...и, как я уже писал тебе, желал быть извещенным о своих картинах, писанных для Перовского, ибо там вид Албанский, который я почитаю лучшей картиной, что я до сих пор писал в сем роде»¹². Картина по живописи пленэрна и декоративна по сочности красок, камерно-интимна, лирически-поэтична по композиции. Слова отличавшегося изысканным вкусом Перовского и самого художника свидетельствуют о великолепном экземпляре из собрания Русского музея. Очевидно, было, как минимум, два варианта, один — у Перовского, и, по-видимому, с ним сходный.

Последним в списке стоит «Морской берег (пейзажи)». Дат и имени владельцев, как и в предыдущих случаях, нет. Поскольку выставка открылась в начале 1826 года и продолжалась в 1827 году, все эти пейзажи должны были быть написаны не позже 1826

года. В статье В. И. Григоровича есть указание на владелицу одного из них, которое для нас особенно важно: «...превосходный пейзаж, принадлежащий Ея Сиятельству Графине Нессельроде». Оно позволило определить сюжет «превосходного пейзажа»: среди корреспонденции художника есть два письма к С. И. Гальбергу в Рим, из которых ясно, как выглядел этот «Морской берег». 26 января 1826 года художник сообщал: «...в бытность графини Риме (т. е. в 1825 г.) ей угодно было иметь от меня картину», а 23 марта 1827 года: «Картину “Вид Сорренто с Тассовым домом”, тот самый, который прошедшего году Вы отправили к графине Нессельроде, удержите при себе <...> она принадлежит А. М. Корсаковой»¹³.

«Сорренто — земля прелестнейшая, вообрази себе леса апельсиновые, лимонные, под тенью которых прогуливаешься»¹⁴, — восхищался художник. В связи с этим следует вспомнить, что еще в 1814–1845 годах на лекциях профессора А. Галича в Лицее юный Пушкин слышал: «Любимая красота в романтическом искусстве — есть живописная»¹⁵. Сильвестр Щедрин интуитивно чувствовал, что Природа — непревзойденный художник. Он писал «пейзажные портреты» непосредственно на пленэре, без этюдов, ничего не героизировал, даже Везувий, — в них все соразмерно человеку и обжито им: исторические памятники в Риме, гавани Сорренто, уютные бухты и гроты, вид на о. Капри с берега Сорренто с дождем, пронизанным золотом солнечных лучей, над морем, аллеи, озеро, сказочное Амальфи, виды Сорренто, «террасы» и «веранды» на берегу, близ Неаполя...

В одной такой «веранде» блаженствует в тени лаццарони в живописных лохмотьях; о них художник писал: «прислонил корзину к стене и дрыхнет в ней или, лежа в оной, смотрит с презрением <...>, если он не умирает с голоду, то он счастливейший человек в свете»¹⁶. Русский романтик, Сильвестр Щедрин стремился к живописному выражению художественной ценности «картин Природы». Но «Вид Сорренто с Тассовым домом» — особая картина: это был город поэта Торквато Тассо. «Вид с домом Тассо» заказывали наперебой и любители, и коллекционеры. Итальянский поэт Тассо родился в Сорренто в 1544 году и подолгу жил там¹⁷. «На скалистом берегу отвесно над морем стоят на мощных камнях причудливой формы старинные дома. Одно из этих зданий молва еще во времена Сильвестра Щедрина связывала с именем Торквато Тассо. В действительности дом, где родился великий поэт, еще в давние времена обрушился в море вместе с частью берега. Однако легенда о том, что дом сохранился, продолжала жить»¹⁸. Один из «Видов Сорренто с Тассовым домом» находится в ГТГ под названием «Малая гавань в Сорренто»¹⁹.

«Адриатические волны», «Волшебный край» — рай на земле, мечта поэтов и художников романтической эпохи и самого Пушкина, не могли не привлечь поэта. Морская атмосфера была художнику особенно интересна живописной серебристо-голубой общей тональностью неба, и при всей красочности своих костюмов фигуры, помещенные в тень или против света, вписываются в серебристый по общему тону пейзаж. Благодаря статье Григоровича точно определяется, что среди пейзажей «Морского берега» Пушкин видел на выставке и пейзаж с домом Тассо, поэзией которого увлекались художники К. Брюллов, О. Кипренский, А. Бруни, поэт К. Батюшков, и сам Пушкин. Хотя откликов поэта на пейзаж Щедрина ни в его письмах, ни в статьях нет, но у него был «зрячий», зоркий глаз: когда-нибудь «эхо» впечатлений должно было откликнуться.

С 1977 года в Государственном музее А. С. Пушкина хранится великолепная миниатюра австрийского мастера М. М. Даффингера «Портрет графини М. А. Мусиной-Пушкиной»²⁰. Урожденная княжна Урусова в 1822 году вышла замуж за графа И. А. Мусина-Пушкина; по свидетельству князя П. А. Вяземского, поэт одно время был сильно ею увлечен и посвятил ей стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...»²¹.

М. А. Цявловский установил, что стихотворение датируется 1828 годом, когда Мария Александровна, вернувшаяся из Италии, и поэт встречались в петербургских светских салонах²².

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
<...>
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
<...>
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений
<...>
На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненьи вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
<...>
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентийскою Кипридой,
<...>
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадоны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...
<...>
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
<...>
Ты, вдохновенный Рафаэль?
<...>
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках (III, 96–98).

Лишь в последних строках Пушкин назвал ее имя. Первый эпитафия к стихотворению — из песенки Миньоны в романе И. Гете «Вильгельм Мейстер» (Kennstg du das Land...). Второй (По клюкву, по клюкву, по ягоду, по клюкву...) связан с тем, что «кра-

савица, вернувшись из Италии, капризничала и раз спросила себе клюквы в Большом Собрании...»²³. Модный венский мастер-миниатюрист представил графиню с «задумчивой красой», с томной «капризностью» и во всем блеске — Grande-Dame.

Поэтика и содержание стихотворения и картина «Вид Сорренто с домом Торквато Тассо» Сильвестра Щедрина как объекты сопоставления до сих пор оказывались в поле внимания специалистов в области художественной культуры пушкинской эпохи.

Как видим, описания мест, где путешествовала Людмила, картинны, конкретны имена поэта, художника, назван даже современник Людмилы скульптор Антонио Канова (ум. в 1822 г.); особенно важен стих о Киприде Медицейской — это мраморная *древнеримская* копия типа Киприды Капитолийской (собрание Капитолия) с Афродиты (Венеры) Праксителя²⁴; Медицейская, т. е. в собрании Медичи (Флоренция). Все это говорит не просто о поэтической образности, но и о том, что Пушкин слышал рассказ самой путешественницы.

Русский художник Сильвестр Щедрин писал пейзажи, и в том числе с видом дома Тассо; эту картину в Петербурге видел на выставке поэт Пушкин. В то же время вернувшаяся в Россию прекрасная М. А. Мусина-Пушкина, путешествовавшая по Италии, рассказывает в его присутствии о своем путешествии, поэт пишет стихотворение по этим мотивам, а слушая ее, «видит» Италию глазами романтика Сильвестра Щедрина. В 1838 году Мария Александровна вышла замуж во второй раз за князя А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина. Его стихи, посвященные ей, Мусина-Пушкина прочла уже после гибели великого поэта в «Современнике», изданном П. А. Плетневым²⁵.

«Бывают странные сближения», — заметил однажды Пушкин.

В конце 1827 — начале 1828 года Пушкин, бесспорно, мог видеть и другие работы Щедрина: 1 сентября 1827 года в Академии художеств брат художника выставил его картину «Вид Соррентского берега» (из собрания А. Д. Влодек) и писал ему, что «в журнале ее похвалили»²⁶. На этой же выставке был представлен знаменитый портрет Пушкина работы Кипренского 1827 года. Не приходится сомневаться, что вернувшийся 16 октября 1827 года из ссылки Пушкин посетил эту выставку.

В Петербурге поэт мог любоваться картинами Щедрина и в доме А. Н. Оленина: в 1825 году художник написал для старшей дочери Оленина «Вид из окошка его дома», а в 1828 — для младшей, Анны Олениной, «Ночное извержение Везувия»²⁷; в несохранившемся альбоме Анны Олениной был и автограф стихотворения «Я вас любил...». И, безусловно, приятельские отношения Пушкина и Перовского не оставляют сомнений, что картины Щедрина поэт видел в его доме, а Перовский, конечно, знал, что вид Сорренто связан с именем Торквато Тассо. Пушкин вернулся в Петербург после ссылки в Михайловское 23 мая 1827 года. В Петербурге он был с 23 мая по 27 июля 1827 года и с 16 октября 1827 по 19 октября 1828 года²⁸.

С Перовским выяснить это сложнее. Переписка Сильвестра Щедрина — В. Перовского — А. Брюллова неизвестна, поэтому не может рассматриваться как источник дат пребывания и встреч в Петербурге Пушкина и Перовского в 1827–1828 годах. Попытаемся, насколько возможного, восстановить по этим и другим источникам хронику жизни Перовского в 1820-е годы.

1824 год: в Италии (с 1822 г.). 29 июня 1824 год из Сорренто А. П. Брюллов писал отцу в Петербург: «...Дом его (Перовского. — Н. Е.) стоит в месте уединенном», здесь художник и написал его портрет. Акварель экспонировалась на выставке «Тень Пушкина меня усыновила» в 1999 году в Москве²⁹.

1825 год: 19 апреля А. Брюллов сообщил из Неаполя родителям: «Перовский вчера уехал отсюда и может быть через два месяца в Петербурге».

Перовский сообщал из Петербурга А. Брюллову о картинах Щедрина «Тибр», «попорченных дорогою»³⁰.

1826 год: В. Перовский переписывался через П. А. Кикина с Сильвестром Щедриным о его заказе художнику серии видов Италии: Рима, Неаполя и других, всего около двадцати³¹.

1827 год: 25 декабря Щедрин передает с некоторым опозданием С. Гальбергу и другим приветы от Перовского из Петербурга, но 22 января 1828 года Щедрина уже известно, что Перовского в Петербурге нет³². В декабре 1827 — начале января 1828 года Перовский был отправлен императором сначала в Черноморье «исследовать беспорядки», а в середине апреля — на театр военных действий с Турцией³³.

Таким образом, Перовский был в Петербурге в период с конца мая 1825 до середины декабря 1827 года. За это время (с 23 мая 1827 по конец июля и с 16 октября до середины декабря 1827 года) Пушкин мог не единожды побывать в доме своего старинного приятеля и, конечно, видел у него картины Щедрина «Тибр», «Альбанское озеро» (одну из реплик), также, бесспорно, виды Неаполя и Сорренто, «Сорренто с домом Тассо», вид, который Щедрин писал неоднократно и в 1825–1826 годах, а также «Рим. Замок Св. Ангела» (любимый вид Перовского), и, вероятно, один из «Водопадов в Тиволии». Из письма Щедрина к Перовскому 16 июля 1826 года следует, что у него уже тогда было много картин художника³⁴.

Романтизм Сильвестра Щедрина, восхищавшегося Италией, сродни пушкинскому, о котором Н. В. Гоголь писал: «Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии»³⁵.

В описании итальянской природы слог стиха Пушкина живописен; ритм и звукопись повторяют ритм музыки волн, живописные морские баркаролы Сильвестра Щедрина ритмичны и мелодичны.

Пушкинские строки, посвященные Италии, вызывают в памяти именно те виды прекрасной средиземноморской страны, которую проникновенно запечатлел Сильвестр Щедрин.

В пушкиноведении давно замечено особое свойство поэтического воображения Пушкина — «видеть» внутренним зрением страны, где он не был. Но пейзаж Италии он не только воображал: представляется, что в стихотворении «Кто знает край...» отразилось и творческое влияние романтика Щедрина, музыки его живописи на музыку слов романтика Пушкина и прямое повторение сюжета.

Такое творческое художественное воздействие могло иметь место только потому, что как художник Щедрин формировался в лоне русской культуры, в гармоническом времени «зари пушкинской поры». Пленительно-лирический живописный язык мира природы в картинах Щедрина лучезарен и гармоничен, как пушкинский стих. Итальянские по мотиву пейзажи Сильвестра Щедрина принадлежат культуре пушкинской эпохи: Италия — существующий в реальности романтический идеал, мир, в котором человек испытывает эстетическое наслаждение и радость бытия, существовавший в его мечте, идеальный мир для свободного человека в нем и источник творческого вдохновения.

Примечания

- ¹ Бенуа А. Н. История живописи в XIX веке. Русская живопись. СПб., 1901. С. 52.
- ² Список художественным произведениям... СПб., 1827. С. 16; в ГТГ и ГРМ: «Новый Рим. Замок Св. Ангела».
- ³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 11. С. 328, 503–504; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 11. С. 269–270; Автограф А. С. Андреева — ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 17. А. С. Андреев. № 1. «Встреча с А. С. Пушкиным».
- ⁴ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 2: 1825–1828 / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999. С. 268, 272.
- ⁵ Там же. С. 254, 257; Сочинения А. С. Пушкина: «Письмо Татьяны» и «Ночной разговор с няней» («Евгений Онегин»), К *** («Я помню чудное мгновенье...») и «19-е октября» (1825).
- ⁶ Инв. № ГТГ 5197: «Новый Рим. Замок Св. Ангела». Приобр. в 1925 г. из Румянцевского музея (собр. Ф. И. Прянишникова).
- ⁷ Статья подписана: «В...». (Северные цветы) на 1827 г. С. 19–23).
- ⁸ Инв. № ГТГ 184 (1822); инв. № ГРМ ж-3570 (1823) и др.
- ⁹ Инв. № ГРМ ж-5108; из ГЭ в 1897, в Эрмитаже был уже при Александре I (см. Императорский Эрмитаж: Каталог картинной галереи / Сост. А. Сомов. 3-е изд. СПб., 1895. С. 133, № 1620; Государственный Русский музей. Живопись XVIII — начала XX века: Каталог. Л., 1980. № 6356).
- ¹⁰ СПб. 1842. Оттиск из «Памятника искусства» 1841. Тетрадь 10. С. 8, 20, 23 (Автор брошюры, вероятно, брат художника, Апп. Щедрин. — Н. Е.).
- ¹¹ Императорский Эрмитаж... № 1620 под старым названием «Озеро Неми».
- ¹² Архив Брюлловых, принадлежащий В. А. Брюллову. Сообщил И. Кубасов. СПб., 1900. С. 189–190; Письма из Италии / Вступ. статья, ред. и примеч. А. Эфроса. М.; Л., 1932. С. 219.
- ¹³ С. Гальберг отправлял картины Щедрина из Рима в Россию. См.: *Щедрин, Сильв.* Письма / Сост. и примеч. Э. Ацаркиной. М., 1978. С. 110, 135.
- ¹⁴ *Щедрин, Сильв.* Письма. С. 105.
- ¹⁵ *Галич А.* Опыт науки изящного. СПб., 1825. С. 104.
- ¹⁶ Инв. № ГТГ-187, 189, 183, 5196; Письма из Италии. С. 123.
- ¹⁷ Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 397.
- ¹⁸ *Михайлова К. В.* Сильвестр Щедрин. Л., 1984. С. 45–46.
- ¹⁹ Инв. № ГТГ-188.
- Картина много раз меняла название:
- На ОПХ — «Морской берег». Пейзаж из собрания графини М. Д. Нессельроде (См. статью В. И. Григоровича в упомянутом альманахе «Северные цветы» на 1827 год и в письме С. Щедрина С. Гальбергу от 27.03.1827 г.
- Опись художественных произведений Городской Галереи Павла и Сергея Третьяковых. Москва, 1893. С. 5, порядковый номер 88 — «Малая гавань в Сорренто».
- Каталог ГТГ. Живопись XVIII — начала XX века (до 1917 года). М., 1952, С. 480. Инв. № 188: «Вид Сорренто близ Неаполя». Приобр. в 1868 г. у Д. Е. Бернардаки.
- Э. Н. Ацаркина. Сильвестр Щедрин. М., 1978. Первая монография: под иллюстрацией № 30 и в списке произведений художника на с. 186: «Малая гавань в Сорренто» (с домом Тассо). Автором внесены в название слова художника из его письма С. Гальбергу от 23.08.1827. и в соответствии со статьей В. Григоровича.
- Э. Н. Ацаркина в работе над монографией использовала сведения, полученные ею из Италии, относительно вида названной картины и «Вида на остров Капри».
- Каталог ГТГ. М., 1984. Живопись XVIII — начала XX века (до 1917 года): «Малая гавань в Сорренто». 1826. С. 517, инв. № 188, приобретено у Д. Е. Бернардаки П. М. Третьяковым в 1868 году.
- К. В. Михайлова (*Михайлова К. В.* Указ. соч.) приняла правильную атрибуцию Э. Н. Ацаркиной: на с. 28 воспроизведение нашей картины — инв. № 188, на с. 45–46 в описании картины раскрыт сюжет «Дома Тассо» на скале. Еще в 1825 году в письме к С. Гальбергу от 28 октября художник упоминает о картине для маркиза Буски: «...вид взятый мною в Сорренто, где виден дом Тасса на ближайшей скале». Такие виды художник исполнил много раз по заказу любителей.
- ²⁰ ГМП инв. № 8217 — с 1977 г.; до 1977 — в ГРМ «Портрет молодой женщины в тюрбане»,

атрибуция Л. И. Певзнер // Литературная Россия. 1975. № 39. По воспр. в ж. «Столица и усадьба». 1916. С. 3–14. Статья «Особняк Св. кн. К. А. Горчакова», воспр. — С. 9.

²¹ Прометей. 1974. X. С. 380–381.

²² Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 369–376; Прометей. С. 361.

²³ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л. 1929. С. 341–342.

²⁴ Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 135, С. 134 ил. № 2. — Героиня стихотворения видела Киприду Медицейскую, т. е. из собрания Медичи (Флоренция). Ее прототипом была Афродита Праксителя (по копии мраморной — Венера Капитолийская, собр. Капитолия).

²⁵ Прометей. С. 381; Напечатано в «Современнике» 1838 г. П. Плетневым. Т. IX. Кн. 1. С. 143–145.

²⁶ Брат художника Апп. Щедрин сообщал ему в ноябре 1827 г. о выставке, открытой 1 сентября 1827 г. в Академии художеств (См.: Щедрин, Сильв. Письма из Италии. С. 380–381).

²⁷ Ацаркина Э. Н. Сильв. Щедрин. М., 1978. Л 189; Щедрин, Сильв. Письма. С. 165; Письма из Италии. С. 247, 372; Оленина А. А. Дневник воспоминаний. СПб., 1999. С. 326.

²⁸ Летопись. Указ. изд. Т. II. С. 287, 310, 354.

²⁹ «Тень Пушкина меня усыновила...»: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 78, ил. 258.

³⁰ Архив Брюлловых. С. 190.

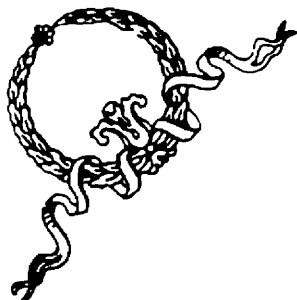
³¹ Щедрин, Сильвестр. Письма. С. 123–124, 214.

³² Письма из Италии. С. 243.

³³ Русский Архив. 1878. Кн. I. Вып. 3. С. 374; РБС. Т. 13. СПб., 1902. С. 532.

³⁴ Письмо брату от 1 сентября 1825 г.: «За картины, писанные для Василия Алекс... Перовского заплачено за каждую по 32 червонца, которые он (Сапожников, член Общества поощрения художеств. — Н. Е.) может у него видеть». Щедрин, Сильв. Письма. С. 105.

³⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6: Статьи. М., 1978. С. 64.

Е. А. Никольская

**КАРТИНА «ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
В ПРЕДГОРЬЯХ КАВКАЗА»**

К пушкинской теме

в творчестве художников Чернецовых

Художник Никанор Григорьевич Чернецов (1805–1879) — ученик М. Н. Воробьева и продолжатель традиции видового пейзажа — занимался также интерьерной и портретной живописью. Известно, что его творческий путь связан со старшим братом Григорием (1802–1865), особенно начиная со второй половины 1830-х годов. Именно поэтому, исследуя творчество одного из братьев-художников, параллельно рассматривается творчество и другого.

Имена братьев Чернецовых известны прежде всего своим вкладом в пушкиниану. Так, например, картина Никанора Чернецова «Дарьяльское ущелье» висела в квартире А. С. Пушкина на Мойке. В 1899 году это произведение экспонировалось на юбилейной выставке как собственность старшего сына поэта. Однако дальнейшая судьба картины нам неизвестна. На основе документальных источников той поры было учтено три картины Чернецова, изображающие Кавказские горы. Он написал их по заказу императора Николая I, а Совет Академии представил художника на звание «назначенного в академики»¹. Возможно, художник написал больше вариантов, поскольку этот вид пользовался большим успехом в обществе. Три варианта картины, изображающей ущелье, находятся в Тюменской картинной галерее, во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Петербурге и в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве. Но из-за отсутствия документальных свидетельств нельзя с полной уверенностью утверждать, где хранится картина, принадлежавшая поэту.

Другое произведение, «Пушкин в Бахчисарайском дворце» (1837, ВМП), также связывает братьев Чернецовых с Пушкиным. Картина стала в некотором роде фантазией братьев, потому что с 1833 по 1836 год, когда Никанор путешествовал по Крыму, он не мог встретиться с поэтом, который был на юге в 1820 году, а Григорий никогда не был в Крыму, но тем не менее эта совместная картина-фантазия появилась. Скорее всего, Чернецовы, как и многие современники, не могли пройти мимо трагического события и в память о погибшем поэте создали это произведение в 1837 году. И. И. Панаев писал: «Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали своим долгом поклониться телу поэта»².

Никанор написал интерьер Бахчисарайского дворца, а Григорий — фигуру поэта, используя тот же самый набросок, что и для картины «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге» (1837, ГРМ). Этот рисунок фигуры Пушкина сохранился (ВМП). Благодаря сделанной на нем записи Григория Чернецова мы знаем рост поэта: «Александр Сергеевич Пушкин, рисовано с натуры 1832 года, Апреля 15-го. Ростом 2 арш. 5 вершк. с половиною», то есть почти 167 сантиметров. В 1832 году Григорием был выполнен этюд к «Параду», который стал самостоятельной картиной «Писатели в Летнем саду».

Г. Чернецов на фоне Летнего сада поместил фигуры литераторов: Пушкина, Жуковского, Гнедича, Крылова. Протокольная точность данного портрета сделала картину ценным иконографическим документом. Мы можем доверять живописцу: современники считали его отличным портретистом, умевшим с документальной точностью передать облик модели. Картина была очень популярна. Впоследствии она находилась в собрании Третьяковской галереи, а сейчас — в экспозиции Всероссийского музея А. С. Пушкина. Григорий сделал с картины литографии и написал несколько копий масляными красками для желающих, одной из которых была императрица Александра Федоровна, в 1836 году увидевшая картину и пожелавшая ее иметь. Известно также, что писатель Петр Вяземский послал копию этой картины Ивану Дмитриеву в подарок «для кабинета» знаменитого поэта со словами: «Вы, вероятно, видели эту картину в Эрмитаже».

Хотя о братьях Чернецовых известно довольно много, практически ничего не сохранилось о личных контактах с самим поэтом (существуют лишь косвенные доказательства). Этот факт является одной из лагун в биографии художников и поэта. О том, что они были знакомы, исследователи уже не раз делали предположения. Существует ряд свидетельств. Во-первых, это записка А. С. Пушкина: «Ты хотел видеть Тифлисского живописца — уговорись с ним, когда бы нам вместе к нему приехать. Да можешь ли ты обедать завтра у меня? А. П.». Исследователи (Л. Б. Модзалевский, Л. И. Вуич, Г. Н. Голдовский) склонны утверждать, что в ней «тифлисским живописцем» поэт называет Никанора Чернецова. Предположительно, что записку Пушкин адресовал кому-то из своих близких друзей. Еще один любопытный факт, который нельзя обойти, был обнаружен известным пушкинистом Б. В. Томашевским и опубликован Т. Г. Цявловской³. В рукописях А. С. Пушкина «Евгений Онегин» было обнаружено профильное узнаваемое изображение головы Григория Чернецова. Рядом со строками «Порой дождливою наемни / Я, завернув на скотный двор...» поэт задумчиво начертил портрет художника. Очевидно, что их знакомство произошло несколько месяцев раньше, а в октябре 1829 года, когда поэт писал о путешествии Онегина, встреча состояться никак не могла: Пушкин был в Москве или в Тверской губернии, а Чернецовы в Петербурге. Можно заключить, что поэт и художник были в достаточно близком знакомстве, поэтому и возник в памяти поэта облик живописца.

По указанию Л. А. Черейского, в 1832 году Пушкин позировал Григорию Чернецову в доме графа П. И. Кутайсова на Большой Миллионной (ныне улица Халтурина, участок дома 28), где художник работал над «Парадом... на Царицыном лугу».

Все вышесказанное позволило утверждать, что братья Чернецовы были знакомы с Пушкиным.

В исследовании пушкинской темы в творчестве Чернецовых остается еще много пробелов и загадок. Одной из картин-загадок стало полотно Никанора Чернецова «Путешественники в предгорьях Кавказа» (1849, холст, масло; 43,5 × 58) из собрания Третьяковской галереи, куда оно поступило в 1993 году. До этого картина принадлежала А. Г. Федоровой — дочери московского коллекционера Г. А. Платкина. Эта известная семья является прямыми потомками московского издателя Гржебина. К сожалению, владелица не помнила, каким образом эта картина появилась в ее семье.

Произведение первоначально принесли в Государственный музей А. С. Пушкина. Сотрудники музея предположили, что на картине изображен Пушкин, и полотно было предложено в коллекцию Третьяковской галереи. Благодаря стараниям научных сотрудников галереи, особенно И. М. Сахаровой, картину приобрели.

Впервые полотно экспонировалось на выставке «Новые поступления. Русское искусство XVIII — начала XX века» и было включено в каталог⁴ в 1999 году, но воспроизведения не было.

На картине изображена расстилающаяся долина, замкнутая на горизонте двуглавой горой. На переднем плане изображены деревья, небольшой дом и группа людей. Произведение выполнено в мастерской, но на основе множества зарисовок с натуры. В нем ощущается тонкое понимание природы, пробуждающее поэтическое чувство — спокойное и безмятежное. Особый интерес к картине появился при внимательном рассмотрении человеческих фигур. В центральной группе людей на переднем плане исследователи выделили две фигуры: об одной с большой долей вероятности говорили, что это фигура Пушкина, о другой — что изображен сам художник. Благодаря тому, что экспертом галереи И. Е. Ломизе был проведен полный комплекс стилистических и технологических исследований, было выяснено, что произведение действительно принадлежит кисти Никанора Чернецова.

Колористическое решение произведения и построение красного слоя не противоречит эталонным произведениям Н. Чернецова. Тщательное исполнение, точность в передаче деталей, сдержанность колорита — характерные черты почерка Никанора Чернецова. Однако подпись в левом нижнем углу: «Н. Чернецовъ 1849» лежит между двумя слоями лака, она была выполнена не одновременно с живописью. Вероятно, картина писалась в два приема. Необычный подрамник заставляет также предположить, что картина была начата за границей.

В 1849 году братья возвращались после своего второго путешествия по Италии, которое длилось с 1846 по 1849 год. В связи с революционными событиями 1848 года император отдал распоряжение о немедленном возвращении из-за границы художников. Братья Чернецовы не ускорили свой отъезд. Они еще целый год провели в Риме. В одном из своих писем они так оправдывали свой поступок: «Один из нас находится в таком состоянии, которое приводит в недоумение. Его нельзя назвать болезненным... Припадки столь же непонятные и новые, как и настоящее положение, что заставляет отсрочить выезд из Рима в Неаполь, а оттуда по предложению должны были отправиться морем в Одессу... Надежда на Божие милосердие подкрепляла тела, приводящие как в моральном, так и физическом отношении к упадку. Мы находимся в таком положении, что оно может привести нас в уныние, если не более. К чему все это ведет, не понятно! За отсутствием особ, к которым мы могли прибегнуть и испросить их покровительства, мы пришли к более затруднительному положению — к выезду из Рима»⁵. Получив, наконец, из государственной казны сумму на дорогу, они в конце 1849 года выехали в Россию. Особенный интерес представляет подпись в правой нижней части картины — «Hagen.». Ее можно истолковывать как одну из версий того, что картина писалась по дороге в Россию, когда Чернецовы проезжали Германию и, вероятно, останавливались в небольшом городке Хаген, недалеко от Дюссельдорфа. Говорить с полной уверенностью об этом мы не можем. Чернецовы, известные своей дотошностью записывать мельчайшие детали, в этот период мало обращались к дневникам из-за депрессивного состояния. Поэтому точный маршрут возвращения художников домой нам неизвестен.

Можно предположить, что в этом городе Никанор написал картину и поставил подпись «Хаген», как бы обозначив место создания. При исследовании пейзажа и этой подписи было обнаружено, что они сделаны одновременно. Свою подпись-фамилию Никанор, вероятно, поставил на картину, когда уже вернулся домой, доделывая какие-то мелочи и готовя ее для продажи или подарка.

На возникающий вопрос о том, что время создания картины не совпадает с датами жизни поэта, ответ будет неоднозначным. Документально известно, что жи-

вописцы во время своих путешествий писали не только местные виды. Они очень часто обращались к российской теме. Как отмечал Ф. В. Чижов в одном из своих писем, «Чернецовы взяли в Италию альбом своего путешествия по Волге и поездки в Крым, Кавказ с бесчисленным множеством живописных видов отечества, так мало всем знакомым»⁶. На основе таких альбомов и своих воспоминаний художники создавали новые картины, выставляя их на местные выставки и знакомя иностранцев и, по словам В. В. Стасова, «объитальняившихся» русских с красотой природы России. Поэтому возможность того, что Никанор начал писать картину «Путешественники в предгорьях Кавказа» именно за границей, не вызывает сомнения.

Немаловажно отметить, что возможно возникновение новой картины-фантазии на основе старых рисунков и эскизов. В одном и том же году — 1829-м — поэт и художник были на Кавказе. Проследив весь путь следования Пушкина по Кавказу — его известное путешествие в Арзрум, — убеждаемся, что вероятность их встречи по пути из Москвы в Петербург очень мала. Никанор выехал из Петербурга на Кавказ только 16 октября 1829 года. Он сопровождал графа П. И. Кутайсова, целью поездки которого была инспекция территорий Закавказья, отошедших России по Адрианопольскому договору с Турцией. А Пушкин в это время уже вернулся из своего опасного путешествия (длившегося с мая по сентябрь), некоторое время провел в Москве (навещал Гончаровых) и 12 октября выехал в Петербург. Он писал А. Н. Вульффу: «Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян. В Бернове я не застал уже толстую Минерву. Зато Netty, нежная, томная, истерическая, потолстевшая здесь. Вот уже третий день как я в нее влюблен...»⁷ Только 10 ноября Пушкин добрался до столицы⁸. Поэтому вероятность того, что Чернецов тоже «сделал крюк» в сторону, чтобы встретиться с поэтом и услышать его впечатления о путешествии, слишком мала. Никакие документальные свидетельства этого факта также не обнаружены. Но интересна закономерность: Никанор, следуя с официальным поручением, проехал практически по всем тем местам, где побывал Пушкин: через Москву, Владикавказ и далее по Военно-Грузинской дороге до Тифлиса, совершил вояж в Кутаиси, ездил на минеральные воды в Пятигорск и другие места, встречался с теми же людьми, видел ту же природу. Возможно, молодой художник мечтал встретиться в этом путешествии с поэтом, а впоследствии, в 1835 году, когда Пушкин опубликовал свое «Путешествие в Арзрум», Никанор его прочитал.

Интересно также установить пейзаж местности. Предположительно на картине изображена долина в Армении и известная двуглавая гора Арарат (Большой и Малый Арарат). О ней поэт писал так: «Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: “это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...» (VIII, 463).

Сравнительный анализ фигуры Пушкина на картине «Путешественники в предгорьях Кавказа» с другими изображениями поэта затруднен тем, что ранее названные произведения «Писатели в Летнем саду», «Парад», «В Бахчисарайском дворце» были созданы Григорием — старшим братом, который был отличным портретистом, прошедшим хорошую школу А. Г. Варнека. Утверждать, что Григорий помогал в написании этой картины младшему брату, затруднительно. Фигуры написаны слабо и робко. В этом чувствуется кисть Никанора, который был более пристрастен к пейзажу, фигуры ему удавались хуже и обычно служили лишь дополнением (стаффажем) пейзажа. Порой, соединяя два рода живописи — портрет и пейзаж, Никанор не умел

найти нужные соотношения. Фигуры из-за малого масштаба теряли в выразительности. Тем не менее необходимо отметить, что и для творчества Никанора фигуры написаны несколько «примитивно». Сомнения в авторстве Никанора удалось развеять благодаря технологическому исследованию: Чернецов в своих работах всегда использовал подготовительный рисунок карандашом или кистью, хорошо выявляемый в отраженных инфракрасных лучах. В данной картине имеется подготовительный рисунок кистью. Таким образом, мы можем обоснованно определить эту работу как авторскую. К тому же было выявлено, что изначально художник планировал сделать фигуры значительно крупнее и несколько раз менял их местоположение. В конечном итоге Никанор остановился на меньшем масштабе.

Сравнивая облик поэта с изображениями, выполненными другими художниками, например произведениями Г. Г. Мясоедова «Пушкин и его друзья в салоне Волконской», художника школы А. Г. Венецианова «Субботы у В. А. Жуковского», с «Пушкиным» П. Ф. Соколова, «Панорамой Невского проспекта» В. Садовникова, можно предполагать, что это действительно изображение Пушкина. Тем более, что к концу 1840-х годов уже сложился общепринятый тип изображения Пушкина — типаж, который за основу брали все художники, изображая невысокого человека с бакенбардами и в цилиндре. Поэтому можно расценивать попытку Никанора Чернецова изобразить поэта, не передавая портретные черты, написать «знаковую» фигуру, узнаваемую по этим общепринятым меркам.

О том, что рядом с фигурой поэта изображен сам художник, свидетельствует следующее: Чернецовы часто выступали хроникерами памятных событий и не упускали возможность «зафиксировать» и себя. Это картины «Художники за работой», «Колизей», «Руины в Болгарах», рисунки «Внутренний вид развалин храма в Болгарах на Волге», «В Костычевских горах» и другие. Порой на фоне пейзажа Никанор писал себя или брата с папкой в руке. В собрании Третьяковской галереи имеется «Автопортрет Никанора», который позволяет говорить о сходстве с данным изображением. Вероятно, так же как и поэта, Никанор только обозначил себя с папкой рисунков, которые всегда были с ним, сделав фигуру «знаковой».

Вопрос о том, что заставило художника изобразить рядом с собой и Пушкина, вызывает некоторые споры. Мною может быть представлена одна из версий: ухудшившееся материальное положение Чернецовых, снизившийся интерес к их творчеству заставили Никанора обратиться к всегда популярной теме в искусстве — изображению А. С. Пушкина.

К сожалению, нам неизвестна история бытования картины после того, как ее написал живописец, поэтому сложно утверждать, для кого и с какой целью произведение было создано.

Загадка, связывающая братьев Чернецовых и Пушкина, еще ждет своего исследования. Несомненно, что произведение «Путешественники в предгорьях Кавказа» представляет иконографическую ценность, так как оно написано художником, знакомым с Пушкиным и сумевшим по-своему изобразить великого русского поэта.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 1452, л. 1.

² Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 157.

³ Цвяловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1983. С. 220–232.

⁴ Новые поступления. Русское искусство XVIII — начала XX века. Живопись. Скульптура: Каталог выставки / Отв. ред. Л. И. Иовлева. М., 1999. С. 83.

⁵ РГИА. Ф. 789, оп. I, ч. II, д. 3486, л. 45.

⁶ Чижов Ф. В. Русские художники в Риме. Письмо к А. Н. Очкину. СПб., 1842. С. 32.

⁷ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 21.

⁸ Там же.

ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

«ДЛЯ ЗВУКОВ СЛАДКИХ И МОЛИТВ...»
(К 200-летию М. И. Глинки), 2004)

В. А. Терехова

НЕОЖИДАННЫЙ ГЛИНКА Немузыкальные интересы Михаила Ивановича Глинки и истоки этих интересов

Настоящая статья не претендует на исчерпывающее рассмотрение интересов Михаила Ивановича Глинки, не связанных с музыкальным творчеством, — рассматривается только стремление Глинки к изучению естественных наук, таких как зоология, ботаника, география.

Современники и биографы Глинки отмечали его жажду знаний и настойчивость в их приобретении, да он и сам признавался в письме к матери: «Чем труднее достижение цели, тем я упорнее и постояннее стремлюсь к ней»¹.

С детства Глинка рос любознательным ребенком. Он рано научился читать и за чтением проводил больше времени, чем в играх со сверстниками. В «Записках» он писал, что «приводил в умиление мою бабуку... чтением священных книг»². Глинка вспоминал, как дальний родственник рассказывал ему, мальчику, «о далеких краях, о диких людях, о климатах»³ и, поощряя любознательность ребенка, подарил «Историю о странствиях вообще», сочиненную Прево. «История» состояла из 22 томов, иллюстрированных гравюрами, чертежами, картами, и оказалась чрезвычайно увлекательной.

Глинка с жадностью принялся за Прево в русском переводе. Читая, делал выписки из описаний островов Индийского архипелага и путешествий Васко да Гамы: «...мое воображение так разыгрывалось, что я принялся изучать описание этих прелестных островов и начал делать извлечения из вышеозначенных книг, что и послужило основанием моей страсти к географии и путешествиям»⁴. С детства у Глинки выработалась привычка к серьезному и сосредоточенному чтению. Впечатлительный мальчик мечтал о странствиях. И потому поездку в Петербург для поступления в Благородный пансион Михаил Глинка воспринял как настоящее приключение. Ему было тринадцать лет, он впервые отправился в столь дальнее странствие и по дороге уверял сестру, что они едут открывать новые земли, себя представлял Робинзоном, а сестру — Пятницей.

В Благородном пансионе Глинке нравилось учиться, он изучал все дисциплины, включая необязательные. Ему хорошо давались точные науки: «Я сделал столь быстрые успехи в арифметике и алгебре, что был репетитором последней из них»⁵. В «Записках» он вспоминал, что любимыми предметами были языки, а география и зоология были любимыми науками. «Географию я знал хорошо, историю порядочно. Естественные науки, в особенности зоология, любил страстно»⁶. Любовь к учебе, проявившуюся еще в детстве, профессора пансиона поддерживали и развили. Своими увлечениями Глинка обязан наставникам. Прежде всего это преподаватель ботаники, зоологии, геологии, минералогии Яким Григорьевич Зембницкий. Он жил во дворе Благородного пансиона и потому близко общался с воспитанниками, а в свободное от занятий время устраивал

им загородные прогулки. В «Записках», написанных спустя тридцать лет после выпуска из пансиона, Глинка с благодарностью вспоминал эти поездки на Крестовский остров, в Парголово, когда дети собирали ботанические и минералогические «коллекции». Во время посещения Кунсткамеры среди прочих экспонатов он видел коллекции Кука, Крузенштерна, о которых читал в детстве у Прево. Зембницкий был одним из учредителей, а позднее и директором Русского минералогического общества (1817). Он следил за развитием естествознания в мире, первым в России заговорил о систематической зоологии и сравнительной анатомии. Занимаясь у Зембницкого, Глинка уже в юношеские годы был осведомлен в различных областях природоведения.

Сильное влияние на молодого Глинку имел профессор пансиона Константин Иванович Арсеньев. О том, какой любовью пользовался этот человек среди воспитанников, говорит тот факт, что рыжего от природы Арсеньева мальчишки, скорые на прозвища, прозвали не Рыжим, а Красным Солнышком. Арсеньев был эрудированным и разносторонне одаренным человеком. Один из современников писал о нем: «Я не могу забыть того поражающего впечатления, которое произвела на меня обширность сведений Арсеньева, когда я, в конце 1834 года, увидел его впервые в доме у Плетнева беседующим с Пушкиным о лицах и событиях времен Петра Великого, историю которого собирался тогда писать великий поэт. О лицах этих и их отношениях между собою, родственных и служебных, говорил Арсеньев с такими подробностями, точно был современником им, близким человеком»⁷. В «Дневнике художника Мокрицкого» также есть упоминания, что на средах у Плетнева встречались Арсеньев и Пушкин.

Арсеньев стоял у истоков русской официальной статистики и был одним из учредителей Русского географического общества (1817).

Будущий академик Арсеньев уже в годы обучения Глинки проявлял себя выдающимся педагогом. Сочиненная им «Краткая всеобщая география» стала любимой книгой Глинки, его одноклассник Мельгунов вспоминал: «Если бы кто видел его, сидящего в летнюю, лунную ночь у окна с географией Арсеньева или с любимым Кювье в руках, тот верно бы сказал: “Это прилежный, рачительный ученик”»⁸. Учебник Арсеньева включал разделы математической, физической и политической географии, далее шел рассказ о странах света и находящихся в них государствах по рубрикам: границы, пространства, реки, горы, климат и т. п. Спешно написанный по заданию начальства пансиона, учебник оказался сжатым и сухим, но обладал методическими достоинствами, благодаря которым за тридцать лет выдержал двадцать изданий и оставался основным пособием по географии до середины XIX века. В «Литературной газете» (1830. № 3), издаваемой бароном Дельвигом, были напечатаны анонимные рецензии на труды Арсеньева «Краткая всеобщая география» и «Всеобщий атлас». Гершензон высказывал предположение, что эти анонимные рецензии принадлежат перу Пушкина.

Еще один небольшой комментарий к вышеприведенной цитате: «любимого Кювье» Глинка читал в оригинале, ибо в то время перевода еще не было, но знаний ученика хватало для чтения книг на иностранных языках.

Солидные познания в географии пригодились Глинке и в семейной жизни. В 1829 году, живя в родовом имении Новоспасском, Глинка обучал тринадцатилетнюю сестру Людмилу музыке и общеобразовательным предметам. Не найдя в деревне руководства по географии, старший брат составил учебник для сестры. Так появилась «География» Глинки. Эта рукопись долго хранилась у младшей сестры Глинки, в замужестве Шестаковой. В память о брате она раздаривала отдельные страницы «Географии», поэтому они попали в различные архивы. Сохранившиеся отрывки не позволяют исчерпывающе судить об учебнике в целом, однако по ним можно составить общее впечатление от рукописи. «География» Глинки строилась по принципу книги Арсеньева: лаконичное

изложение материала, строго систематизированного по отделам и рубрикам, служило схемой, увлекательная беседа с учеником должна была наполнить схему содержанием. Трудно допустить, чтобы Глинка смотрел на учебник иначе: он неоднократно порицал учение «вдолбляшку»⁹ и не заставил бы сестру ограничиться «сухой» географией, да и она писала, что брат умел «ловко преподавать, я с радостью училась у него»¹⁰. Учебник подтверждает наличие у Глинки солидных знаний, хорошей научной тренировки и способность получать удовлетворение от интеллектуального труда.

Уже во время пребывания в пансионе Глинка проявлял серьезное отношение к науке. Он получал похвальные листы и награды. Впрочем, о своих успехах в учебе Глинка вспоминал с иронией, якобы экзамены он сдавал успешно «от ловких моих уверток»¹¹. Но такое заявление не более чем кокетство, так как пансион Глинка окончил вторым по успеваемости.

Солидная осведомленность в различных областях, обнаруженная Глинкой в дальнейшем, свидетельствует о серьезных, углубленных занятиях на протяжении многих лет. Князю Одоевскому Глинка как-то сказал, что в постановке «Руслана и Людмилы» сад Черномора он хотел бы видеть из «небывалых деревьев и цветов»¹². Тогда же у князя Одоевского композитор увидел прекрасно изданный фолиант Эренберга с изображением инфузорий, экзотических растений. В прилагаемом атласе были и странные грибы на вытянутых ножках с настороженно повернутыми в сторону шляпками, и длинные тонкие нити микроскопических водорослей. Блеклые, нежные тона рисунков делали их непохожими на реальные формы жизни и казались плодом богатой фантазии. Конечно, нельзя воспринимать рассматривание Глинкой атласа по биологии как доказательство его увлечения биологической литературой, но даже поверхностное знакомство с подобным трудом способствовало расширению кругозора композитора и имело неожиданное следствие: выбрав некоторые рисунки, Глинка предложил их художнику А. А. Роллеру в качестве образцов для декораций четвертого действия «Руслана и Людмилы». Так владения Черномора, превратились в небывалый сад. За эти декорации А. А. Роллер получил звание академика. Часть написанных им декораций сегодня хранится в фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина¹³.

Свидетельство об интересе Глинки к научной литературе имеется в переписке его товарищей по пансиону. Н. А. Римский-Корсаков писал Соболевскому о том, что в Варшавской публичной библиотеке находится «Лексикон естественной истории» из шестидесяти томов, и их общему приятелю Глинке позволено брать из этой библиотеки книги на дом, т. к. Глинка по болезни не выходит из дома. Шестидесять томов энциклопедии — это уже не случайная заинтересованность, тем более что для получения разрешения на книги надо было проявить немало энергии, а все современники отмечают, что Глинка не любил «хлопотать». Но любознательность заставляет его предпринимать значительные усилия: подать прошение на имя директора, изложить причины, побудившие обратиться за книгами, и просить разрешения отпускать ему лексикон по пяти или даже лучше по десяти книжек. В энциклопедии помещались статьи по анатомии, физиологии, ботанике, геологии, минералогии, физике. К лексикону был приложен том биографий виднейших натуралистов и тринадцатитомный атлас с литографированными рисунками.

Преподавание естественных наук в Благородном пансионе было поставлено так, что пробуждало страсть к этим наукам не только у Глинки. Известно, что одноклассник Глинки, Соболевский, интересовался географией. Страстный библиофил, Соболевский имел библиотеку в 25 тысяч книг, в которой наиболее полно были представлены отделы географии и путешествий. Возможно, что о шестидесятитомной энциклопедии по естествознанию, о которой было упомянуто выше, Глинка узнал от Соболевского, так как в московской библиотеке последнего энциклопедия была представлена полностью.

Интерес Глинки к естественным наукам подтверждает и его письмо к А. Н. Серову с сообщением о возвращаемых книгах в количестве 29 томов. Речь идет о сорокатымном иллюстрированном издании Дюжарден, каждый том которого был посвящен отдельно виду животных: млекопитающие, птицы, насекомые.

Чтение специальной литературы обогащало Глинку, путешествия позволяли закрепить знания на практике. Путешествия манили Глинку с раннего детства, о своей мечте он неоднократно писал в письмах: «...с нетерпением жду я начала путешествия, которое, без сомнения, доставит мне новые и оригинальные идеи»¹⁴. Глинка любил путешествовать, серьезно готовился к дальним странствиям. Перед поездкой в Испанию кроме изучения испанского языка и литературы в подлинниках он основательно штудировал и географию. Уже отправляясь в Испанию, Глинка сообщал приятелю: «Так как я долго приготавливался к этому путешествию, я избрал самые интересные провинции»¹⁵. Другому приятелю Глинка похвастался о своих успехах: «Книги читаю уже довольно свободно. Сервантеса — с помощью учителя. Окружен пространными картами Испании и Андалузии и приобрел географию Испании на испанском языке в 700 страниц»¹⁶. В путешествиях Глинка находил все то, к чему влекло его «беспокойное воображение»¹⁷: он видел природу, исторические памятники, посещал музеи, картинные галереи, ботанические и зоологические сады. В одном из писем матери он сообщал о своих намерениях: «Я нашел здесь столько пищи для ума и воображения, что желал бы продлить день еще на 24 часа лишних»¹⁸. В другом письме, Н. В. Кукольнику: «Париж город чудесный — разнообразие умственных наслаждений неистощимое»¹⁹.

В Петербурге Глинка посещал Эрмитаж, в Париже — Лувр, в Мадриде — Прадо. Из Парижа в письме к Серову восторженно делился: «Музеумы, библиотеки, курсы всех наук — все даром. Древностей исторических не изучить и в год»²⁰. «Лувр — чудо собрание полотен и скульптур. Можно, не выходя из галереи, изучить историю живописи»²¹. В Лувре он восхищался полотнами Рафаэля, Тициана, Пуссена, античными статуями, среди которых Глинка выделил Венеру Милосскую и статую музы лирической поэзии и музыки — Полигимнии. В его письмах — описания картинных галерей с оригинальными замечаниями, порой ироничными и остроумными: «Позабыл о Conception²² Мурильо — я очень рад, что Бруни не купил ее. Картина большая, но измятая, написана вроде рисунков на сверском фарфоре. Восторг мадонны вроде гримасы после хорошей понюшки табаку»²³.

Глинка хорошо знал географию Европы. Описывая свои путешествия, он приводил точные сведения о расстояниях, высоте над уровнем моря, особенностях почвы, климата. Некоторые письма Глинки, например В. П. Энгельгардту, являются настоящими путеводителями с перечислением всего, достойного обозрения, с желательной последовательностью осмотра, с приложением точной разверстки маршрута с инструкцией опытного туриста в отношении времени и порядка осмотра²⁴. При отъезде Энгельгардта за границу Глинка подарил ему географический атлас с дарственной надписью: «В. П. Энгельгардту для успешного странствования по сушам и морям усердное от Глинки приношение»²⁵. Путешествуя, Глинка не ограничивался беглым осмотром запланированных в туристских маршрутах достопримечательностей, непременно бывал в ботанических и зоологических садах. Об этом постоянное упоминание в письмах матери: «В Париже мое любимое место: Jardin des Plantes²⁶; там зверинец, множество птиц и чрезвычайных растений»²⁷. В письмах друзьям Глинка проводил сравнение между аналогичными заведениями Берлина и Парижа, останавливался на наиболее заинтересовавших его представителях животного мира — диком быке и носороге. В Петербург своему доктору Л. А. Гейденрейху, любителю птиц, он послал колибри. Любовь Глинки к птицам известна. По преданию, в минуту рождения будущего композитора за

окнами запел соловей. «Птичьи заведения» были у Глинки-ребенка в Новоспасском. Отец Глинки имел достаточно средств, чтобы сына и еще двух мальчиков поселить в пансионе в отдельном флигеле, где у Михаила жили птицы и кролики. В зрелые годы Глинка заводил птиц и в Париже, и в Севилье, и в Варшаве, в клетках или в отдельной комнате летало у него до двадцати птиц. Композитор любил слушать их пение, после чего шел к роялю и долго играл, а желая «раззадорить птиц», играл для них на скрипке. Как вспоминал Л. А. Гейденрейх, Глинка в такие минуты был похож на легендарного Орфея. В Варшаве Глинка держал двух ручных зайцев, которые барабанили по ночам и пугали гостей.

Глинка посещал оранжереи Парижа и Петербурга, приходил в восторг от пышной растительности Испании. В письмах из Испании — гимн природе наслаждающегося путешественника с зарисовками пейзажей страны цветов и солнца. Глинка называл себя «охотником до растений и садов», писал матери: «...здесь между прочих растений кактусы и апельсиновые деревья так сочны и огромны, что до сих пор не могу ими налюбоваться»²⁸. Его письма сестре по характеру отдаваемых распоряжений выдают в нем знающего цветовода: «...потрудись отобрать в оранжерею пред твоим отъездом в Питер 8 штук померанцевых дерев, 5 миртов средней величины — аршина в полтора, 2 или 3 кактуса *grandiflori* <...> для доставления в Питер. Как это увязать в мох и пр., это уже вам известно»²⁹.

Путешествия давали Глинке эстетические переживания, смену впечатлений, яркую, полную, насыщенную жизнь. Богатство красок и звуков переплавлялось в музыкальные образы. Путешествия помогли Глинке понять национальное в жизни и искусстве. Не случайно за Михаилом Ивановичем Глинкой закрепилась слава первого национального композитора.

Интересуясь литературой, рисованием, изучением языков, увлекаясь историей, естествознанием и географией, Глинка не был любителем, он подходил ко всему вдумчиво и серьезно, так, он не только овладел шестью языками, но и заинтересовался отдельными наречиями. Отсюда не только общее знакомство с литературой, но и чтение в подлинниках произведений древних авторов. Из Парижа он писал сестре: «В этом шумном Париже живу тихо и скромно <...> читаю древних классиков: Гомера, Софокла, а теперь и Овидия...»³⁰. Как человек талантливый, Глинка был разносторонне одарен. Он имел прекрасный голос, довольно высокий, контральто, что позволяло ему исполнять в любительском спектакле партию Доны Анны в «Дон-Жуане» Моцарта. В Испании Глинка брал уроки танцев и пробовал даже танцевать с кастаньетами, о чем он вспоминал в своих «Записках»: «Пробовал я сам учиться танцевать <...> ноги повиновались, но с кастаньетами я не смог справиться»³¹. В остроумных карикатурах Степанова запечатлен танцующий Глинка. Глинка прекрасно рисовал, в фондах Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства сохранились его рисунки с одобрительными пометками Карла Брюллова. В письме к матери Глинка писал: «...постоянно рисую и играю на скрипке»³².

Бесспорно, музыка была основным занятием Глинки, однако разнообразные увлечения способствовали накоплению ярких впечатлений, становившихся материалом для творчества композитора. В результате рождалась гениальная, бессмертная музыка, благодаря которой двести лет спустя мы чествуем великого композитора Михаила Ивановича Глинку.

Примечания

- ¹ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Глинка М. И. Литературное наследие. Л., 1953. Т. 2. С. 302.
- ² Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 8.
- ³ Там же. С. 9.
- ⁴ Там же. С. 9–10.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 18.
- ⁷ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. С. 8. Ссылки, примечания и дополнения.
- ⁸ Мельгунов Н. А. Глинка и его музыкальные сочинения // Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 159.
- ⁹ Глинка М. И. Записки. С. 11.
- ¹⁰ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. С. 36.
- ¹¹ Глинка М. И. Записки. С. 18.
- ¹² Одоевский В. Ф. Заметки к письмам М. И. Глинки к К. А. Булгакову // Глинка в воспоминаниях современников. С. 104.
- ¹³ Эскизы декораций А. А. Роллера к опере «Руслан и Людмила». Фонды ВМП КП 3147–3150, 5941, 5942.
- ¹⁴ Глинка М. И. Письмо к В. И. Флери // Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 2. С. 284.
- ¹⁵ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Там же. С. 297.
- ¹⁶ Глинка М. И. Письмо к Л. А. Гейденрейху // Там же. С. 263.
- ¹⁷ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Там же. С. 302.
- ¹⁸ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Там же. С. 272.
- ¹⁹ Глинка М. И. Письмо к Н. В. Кукольнику // Там же. С. 276.
- ²⁰ Глинка М. И. Письмо к А. Н. Серову // Там же. С. 425.
- ²¹ Глинка М. И. Письмо к А. Н. Серову // Там же. С. 424.
- ²² Непорочное зачатие.
- ²³ Глинка М. И. Письмо к А. Н. Серову // Литературное наследие. Т. 2. С. 425.
- ²⁴ Глинка М. И. Письма к В. П. Энгельгардту // Там же. С. 511, 677.
- ²⁵ Там же. С. 511, 678.
- ²⁶ Научно-исследовательский Ботанический сад, имевший зверинец и музей естественной истории.
- ²⁷ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 2. С. 228.
- ²⁸ Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Там же. С. 331.
- ²⁹ Глинка М. И. Письмо к Л. И. Шестаковой // Там же. С. 482.
- ³⁰ Глинка М. И. Письмо к Л. И. Шестаковой // Там же. С. 432.
- ³¹ Глинка М. И. Записки. С. 125.
- ³² Глинка М. И. Письмо к Е. А. Глинке // Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 2. С. 216.

Т. Р. Мазур

«СЛУШАЯ СИЮ НОВИНКУ...»

К 170-летию премьеры оперы
М. И. Глинки «Жизнь за царя»

27 ноября 1836 года на сцене Петербургского Большого театра состоялась премьера, которую давно уже ждали в столице, — опера М. И. Глинки «Жизнь за царя». «С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе, — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки, — писал В. Ф. Одоевский. — Такой подвиг есть дело не только таланта, но гения!»¹ Прошло более 170 лет со дня премьеры, но эта опера, ставшая значительным событием не только музыкальной, но и общественной жизни столицы, продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей творчества М. И. Глинки. Тем, кто интересуется музыкальной жизнью России XIX века, хорошо известны работы О. Е. Левашовой «М. И. Глинка» (1987), И. Н. Ремезова «Две оперы Глинки» (1960), А. А. Гозенпуда «Русский оперный театр XIX века» (1969), Б. В. Асафьева «Избранные труды» и многие другие. Эти книги и статьи посвящены не только истории создания музыки, либретто, но и значению первой национальной оперы в развитии русской музыкальной культуры начиная с XIX века.

Ни одно музыкальное событие столицы не привлекало к себе столько внимания, как опера «Жизнь за царя». Многочисленные воспоминания современников Глинки о самом композиторе, о его работе над оперой, о создании либретто и, наконец, о премьере (разные, зачастую противоречивые) необходимы для нашего представления о музыкальной и литературной жизни Петербурга 1830-х годов.

Возникновение замысла будущей оперы таится в тумане противоречивых сведений. Весной 1834 года Глинка писал в Берлин одному из своих друзей: «В голове у меня есть один проект, один замысел. Думаю, что и я мог бы одарить наш театр достойным его произведением. Важнее всего найти сюжет; во всяком случае, я хочу, чтоб все это было национальным — прежде всего сюжет, а затем и музыка...»² Композитор и музыкальный критик Феофил Толстой вспоминал о возникновении замысла оперы так: «Я очень хорошо помню, как в бытность мою в Милане в 1832 году, он развивал уже мне подробно план задуманной им большой пятиактной национальной оперы... Послужил ли этот план впоследствии основанием “Жизни за царя” — не ручаюсь, но положительно помню, что задуманный сюжет был вполне национальным, с сильно патриотическим оттенком и довольно мрачный (“Темы остаются те же, — говаривал он своеобразным ему языком, — и покррой сарафана или кафтана останется тот же; но уже что касается до прочих украшений — так мое почтение! По этой части скупиться уже не станем!”) Слова эти я слышал в конце 1832 года...»³ Начиная работать над музыкой, Глинка серьезно задумывается и над сюжетом будущего «достойного произведения». Зимой 1834–1835 годов композитор провел в России и продолжал размышлять над своим замыслом: «...запала мне мысль о русской опере, слов у меня не было, а в голове вертелась “Ма-

рына роца», и я играл на фортепьяно несколько отрывков сцен, которые отчасти послужили мне для «Жизни за царя»⁴. Сентиментально-романтическая повесть В. А. Жуковского «Марьяна роца» впервые была опубликована в 1809 году в журнале «Вестник Европы» и в 1826 году перепечатана. Вероятно, Глинка мог познакомиться с этим произведением еще до поездки в Германию, и повесть, сюжет которой можно назвать национальным, должна была произвести на композитора сильное впечатление.

Надо отметить, что к Жуковскому в семье Глинки всегда было особое отношение. Он был любимым поэтом Ивана Николаевича Глинки — отца композитора. Сам Михаил Иванович вспоминал: «Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез»⁵. Вернувшись в Петербург после заграничного путешествия, Глинка часто бывал у известного поэта. «Я жил тогда домоседом... однако же постоянно посещал вечера В. А. Жуковского, — вспоминал композитор. — Он жил в Зимнем дворце, и у него еженедельно собиралось избранное общество, состоявшее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному. Назову здесь некоторых: А. С. Пушкин, князь Вяземский, Гоголь, Плетнев — были постоянными посетителями»⁶. И не случайно, что именно Жуковский подсказал Глинке сюжет для задуманного большого музыкального произведения. «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, Жуковский искренне одобрил мое намерение и предложил мне сюжет «Ивана Сусанина», — писал композитор. — Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении; я находил в [ней] много оригинального, характерно русского»⁷. Говоря о сцене в лесу, композитор, конечно, имел в виду хорошо известную в определенных кругах «Думу» К. Ф. Рылеева (имя поэта Глинка не называет, т. к. в 1845–1855 гг., когда он составлял свои «Записки», оно еще находилось под запретом).

История о подвиге русского крестьянина давно интересовала Жуковского. Еще в 1830 году, когда публика обсуждала только что вышедший исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», Жуковский писал автору: «По прочтении романа Вашего пришла мне в голову мысль для другого романа; напишите 1613 год, а главным происшествием... пусть будет молодой царь Михаил Федорович и Иван Сусанин... и перед вами развернулась бы картина, кипящая жизнью с некоторыми различными лицами на самом первом плане, каковы Пожарский, царь Михаил и его опасности, Сусанин и его самопожертвование... Не знаю, будет ли по вкусу Вашему предлагаемая мною задача; мне она представила что-то исключительное...»⁸ Жуковский так увлекся идеей создания патриотической оперы об Иване Сусанине, что сам собирался сотрудничать с Глинкой и для пробы сочинил стихи, которые впоследствии вошли в текст либретто:

Ах, не мне бедному
Ветру буйному

Однако, как с сожалением вспоминал Глинка, Жуковский не смог приступить к работе. По поводу отказа Жуковского от столь интересующей его темы высказывались разные предположения. В. Ф. Одоевский вспоминал: «Жуковский был бы готов решиться на этот подвиг, но он лишь чувствовал музыку — многосложные условия ее техники были ему вовсе не известны <...> Жуковский <...> с самоотвержением переделывал стихи, изменял обороты, рифмы, переносил слова с места на место по музыкальным условиям <...> Однако все это доставалось не без труда <...> Такого рода работа для пятиактной оперы, и притом в условиях самых стеснительных, невольно устрасила его, несмотря на всю его чистую, теплую любовь к искусству, на всю приязнь и уважение к Глинке»⁹. Ряд исследователей полагали, что Жуковский, возможно, просто не

захотел браться за работу, считающуюся некоторыми литераторами не престижной. Вспомним письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому: «Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для России не пошевелился» (XIII, 73). Несмотря на отказ от сотрудничества, Жуковский продолжал интересоваться оперой, активно поддерживая интерес к ней в придворных кругах. Кроме того, он написал всю последнюю сцену, и Е. Ф. Розен впоследствии использовал этот текст в своем либретто. Также по эскизам Жуковского были выполнены декорации к сцене у Кремля. Эта сцена так поражала зрителей, что некоторые из них приходили на спектакль только ради того, чтобы полюбоваться последним актом — ликованием народа.

В декабре 1834 года Глинка познакомился с Нестором Кукольниковым, которого ему представили как лучшего драматического писателя, и предложил ему написать либретто. Кукольник согласился, но вскоре уехал в Москву, и Глинка с сожалением отказался от этого творческого союза: «...уехал в Москву, оттуда прислал образец сцены, из которого я увидел, что нельзя было заочно работать, в особенности потому, что большая часть музыки была готова, и нужно было под нее подделываться»¹⁰.

Проблемы, возникавшие во время работы над оперой, зачастую обсуждались, а возможно, и решались в доме Жуковского. В начале 1836 года (март-апрель) Жуковский писал А. С. Пушкину: «У меня будут нынче, часов в 10, Глинка, Одоевский и Розен для некоторого совещания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно» (XVI, 100). Следовательно, можно с уверенностью сказать, что Пушкин также был в курсе вопросов, связанных с оперой, и его мнение или совет были важными, а возможно, и решающими.

Жуковский упоминает в записке Розена. Глинка познакомился с бароном Егором Федоровичем Розеном, как и с Кукольниковым, в конце 1834 года. Композитор вспоминал, что, отказавшись от работы над либретто, Жуковский «сдал меня в этом деле на руки барона Розена, усердного литератора из немцев, бывшего тогда секретарем его высочества государя цесаревича»¹¹. После отъезда Кукольника Глинка был вынужден согласиться на это сотрудничество, хотя, судя по всему, не был особенно заинтересован в этом: «...из уважения к В. А. Жуковскому мне нельзя было избегнуть его содействия»¹², — вспоминал он впоследствии. Кроме того, по воспоминаниям дочери Розена, сам император рекомендовал барона Жуковскому как человека достойного: «Он хоть и немец, но хорошо владеет русским языком, ему довериться можно»¹³.

Об авторе либретто сохранилось множество противоречивых отзывов. Сам Глинка говорил о нем с иронией: «...ему надлежало подделывать слова под музыку, требовавшую иногда самых разных размеров. Розен был на это молодец; закажешь, бывало, столько-то стихов такого-то размера, двух-, трехсложного и даже небывалого, ему все равно — придешь через день, уже и готово. Жуковский и другие в насмешку говорили, что у Розена по карманам были разложены впредь уже заготовленные стихи... он вынимал столько каждого сорта, сколько следовало, и каждый сорт из особенного кармана. Когда же размер и мысль [не] подходили к музыке и согласовывались с ходом драмы, тогда являлось в моем пиите необыкновенное упрямство. Он каждый свой стих защищал со стоическим геройством»¹⁴. Близкий знакомый Глинки П. А. Степанов писал: «Прав Кукольник, что Глинка неудачно попал на такого либреттиста, как Розен <...> это был рыжий немец, говоривший, по-русски с сильным акцентом: и нашло на меня сомнение: как этот человек, плохо говорящий по-русски, может писать народное русское либретто. Но в ту пору музыка составляла всю суть, слова же только служили подкладкою, как выражается Кукольник»¹⁵. Ф. Ф. Вигель в письме к В. Ф. Одоевскому замечал: «Либретто, мне кажется, никуда не годится, и, по мнению моему, эта опера скорее

может почитаться ораторией с декорациями и костюмами. Но что за музыка!»¹⁶ Резко высказался о Розене и В. П. Энгельгард: «...к несчастью, глупый либреттист слишком постарался и испортил текст слишком частыми выходками ложного, квасного патриотизма. Исправить это следует непременно, иначе гениальная опера “Жизнь за царя” будет обречена на забвение»¹⁷.

Но существовало и другое мнение. В. Ф. Одоевский в «Письме к любителю музыки» об опере г. Глинки «Жизнь за царя» отмечал огромную работу, проделанную поэтом: «Барон Розен исполнил это дело с редким успехом, несмотря на немаловажные затруднения, которые ему предстояли <...> ибо <...> многие места музыки уже существовали в голове музыканта <...> что заставило поэта изобретать совершенно новые размеры стихов <...> на каждой странице встречаются стихи, истинно прекрасные, которые бы годились и не в оперу. Честь и слава и таланту, и опытности, и терпению поэта!»¹⁸. В письме критика к В. В. Стасову также подчеркивается значительная роль либреттиста в успехе оперы: «Барону Розену — и я радуюсь случаю выговорить эти слова — барону Розену мы все, русские, любящие искусство, обязаны вечною благодарностью: без него опера “Жизнь за царя” не существовала бы <...> он подчинил свой отличный талант тем невообразимым условиям, которые требовались в этом деле»¹⁹. Говоря о «невообразимых условиях» Одоевский имел в виду, что «...большая часть оперы была написана прежде слов; я думаю, такой курьезной истории не случалось еще ни с одной оперой»²⁰. И далее: «Странное дело! В эту пору Михаилу Ивановичу казалось, что написать стихи на готовую музыку — суцая безделица <...> он как будто забывал о нашем резком, упорном стихотворном метре, которого невозможно ни вытягивать, ни сокращать, подобно итальянскому»²¹.

Известен и отзыв А. С. Пушкина о поэтических способностях Розена: «Кукольник пишет Ляпунова, Хомяков — то же. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» (XII, 332). Сохранилось единственное письмо Пушкина, написанное барону осенью 1831 года. Из него можно судить о достаточно теплых отношениях, связывающих двух поэтов: «Горю нетерпением прочитать Ваше предисловие к “Борису”, думаю для второго издания написать к Вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию» (XIV, 240). Интересно и письмо Розена, написанное А. С. Пушкину сразу после премьеры оперы. Возможно, оно было отправлено в ответ на просьбу Пушкина прислать текст либретто для публикации в журнале «Современник». В этом послании Розен дает очень эмоциональную и откровенную оценку своей работе, как бы отвечая всем своим недоброжелателям: «Дорогой друг! Вот вам либретто оперы... Если у вас есть желание вложить в чтение моего либретто все то внимание, которого заслуживает тщательно обдуманная работа, вы увидите, смею надеяться, что драматическое в нем отнюдь не пострадало; наоборот, в случае коллизии я всегда приносил лирические красоты в жертву драматизму. Никто не замечает огромных усилий, которых мне стоило это произведение; я этим горжусь. Это доказывает, что я победил трудности. Но вот что уж следовало бы заметить: во всем либретто нет ни одной самой незначительной детали, которая не была бы тесно связана с сюжетом пьесы <...> Характер Вани — целиком мое создание; все приписывали личным качествам м-ль Воробьевой; не видят, что не кто иной, как поэт, создал простодушие и детскую прелесть этого образа. Впрочем, это меня не трогает; я сам доволен — и это все, что мне нужно <...> Я уверен в себе! Было время, когда я порицал в сердце моем тех, кто, зная мне цену, не имел смелости вступить в мою защиту; теперь я этим очень доволен; я хочу быть обязанным только самому себе за то малое, что исторгаю у публики, как бы оно не было ничтожно» (XVI, 399). Кроме того, известно еще два письма Розена

к Пушкину. В одном из них, в ответ на просьбу Пушкина прислать для его журнала статью, барон подчеркивает близость их взглядов на произведения Н. Кукольника: «...так как мы с вами придерживаемся почти одинаковых мнений о нем, не встретится никаких препятствий к помещению данной статьи, цель которой будет: доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, не многого стоит» (XVI, 381).

Несмотря на различные трудности, работа над сочинением оперы шла быстро, Глинка работал с упоением: «Всякое утро сидел я за столом и писал по 6 страниц мелкой партитуры <...> я мало принимал участия во всем меня окружающем; я весь был погружен в труд»²². 1 февраля 1836 года была организована репетиция во дворце Юсуповых на Мойке. «Первые оркестровые репетиции своей оперы “Жизнь за царя” Глинка делал с помощью моею и капельмейстера Иоганниса у князя Юсупова с его домашним оркестром, — вспоминал А. С. Даргомыжский, — этот оркестр, составленный из крепостных людей, совершенно гармонизировал с либретто оперы, но для музыки Глинки был никуда не годен»²³. И хотя хоры не исполнялись, а хоровые мелодии и сольные партии «кое-где» пел сам композитор и певцы-любители, композитор остался доволен репетицией. Вторая репетиция, которую Глинка считал «очень удовлетворительной», состоялась 10 марта в доме композитора М. Ю. Виельгорского, которого Глинка называл «мой Иоанн Креститель». На этот раз партии исполняли профессиональные артисты, а хоры — певчие. Через восемь месяцев опера наконец была принята к постановке.

В это же время Глинка дает письменное обязательство не требовать за оперу никакого вознаграждения, несмотря на то, что материальное положение его семьи было крайне тяжелым. Зимой 1836 года он писал С. А. Соболевскому: «Бяратинский мучит меня своими непрерывными требованиями платы за квартиру. Ежели можешь, пришли мне или вручи ему самому хоть за месяц следующие деньги»²⁴. В начале мая, т. е. в момент начала работы над постановкой оперы, он сообщает матери: «Мое здоровье сильно пошаливает, огорчения, заботы и, наконец, несколько сильных простуд расстроили меня очень...» И далее: «Все эти проделки меня довели до того, что мне музыка и опера опостытели, и я только желаю сбыть ее скорее с рук долой да убраться из Петербурга, который по дороговизне слишком накладен для кошелька — мы непрерывно в нужде. <...> Если бы не опера и не наша болезнь, то бы мы непременно отправились нынешним же летом в деревню...»²⁵

Читая эти письма, невольно сравниваешь их с другими — с письмами Пушкина, в которых он, как и Глинка, пишет о желании уехать из Петербурга: «Жизнь в Петербурге ужасно дорога. <...> Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть, нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия...» (XVI, 31).

Говоря об особенностях оперы, надо отметить еще одну: редкая русская опера так часто меняла свое название. Первоначально она называлась по имени главного героя — «Иван Сусанин», затем — «Смерть за царя». Второе название не было одобрено императором, и слово «смерть» заменили словом «жизнь». «Через содействие Гедеонова, — писал композитор, — я получил позволение посвятить оперу мою государю императору и вместо “Ивана Сусанина” названа она “Жизнь за царя”»²⁶. Как отмечают некоторые исследователи творчества Глинки, одной из причин изменения названия было желание избежать путаницы с сочинением композитора К. А. Кавоса. Его опера «Иван Сусанин», посвященная императору Александру I, с успехом шла в Петербурге с 1815 года. И именно Кавосу, дирижеру Большого театра, была поручена к постановке опера Глинки. Первая исполнительница роли Вани, актриса

А. Я. Петрова-Воробьева вспоминает: «В первое время дирекция решительно отказывалась ставить оперу, ссылаясь на то, что постановка будет дорого стоить. <...> Но когда со всех сторон стали хвалить оперу, и многие из влиятельных лиц приняли в этом участие, то директор театров А. М. Геденон велел доставить оперу к нашему учителю и дирижеру К. А. Кавосу, для просмотра. Между тем нашлись недобрые люди, которые уверяли Глинку, что его оперу не примут, потому что Кавос будет против него интриговать. <...> Наконец, просмотрев и оценив достоинства новой оперы, Кавос явился к Геденону и сказал <...> что ее следует принять и немедленно заняться постановкой. Директор <...> рассердился; он никак не ожидал со стороны Кавоса такого отзыва. <...> Долго они спорили <...> наконец, директор <...> сказал: “Да что вы так хлопчете об этой опере, ведь у нас есть ваша опера на тот же сюжет!” На это <...> Кавос заявил, что если поставят “Жизнь за царя”, он свою оперу давать не позволит. <...> [Кавос] сдержал свое слово: пока он был жив, его опера сошла с репертуара <...> не будь Кавос таким честным и беспристрастным человеком <...> долго бы пришлось нашей публике ждать постановки “Жизни за царя”...»²⁷ Как отмечалось в «Ежегоднике императорских театров» за 1911 год: «...с постановкой оперы Глинки связан редкий, едва ли не единственный факт в истории музыки — отречение от авторских прав на оперу с однородным сюжетом»²⁸. Однако существует и другая точка зрения — академик Б. В. Асафьева: «Позволю себе усомниться в легенде, пущенной в оборот самим Глинкой, о благожелательности альтруистической композитора и дирижера итальянца Кавоса к “Сусанину”. Так в театре дела не делаются. <...> Чтобы Кавос не интриговал, необходимо было, чтобы ему было известно, что музыкой Глинки интересуются люди весьма высокие...»²⁹ Сам Глинка в «Воспоминаниях» называл Кавоса «благородным человеком» и отмечал, что он «вел репетиции усердно и честно» (на полях рукой Глинки приписано: «сколько мог»)³⁰.

Репетиции, вначале проходившие на сцене Александринского театра, затем были переведены в Большой театр, где спешно заканчивали ремонт. А. Я. Петрова-Воробьева вспоминала: «Репетиции у нас шли усердно, а внутренняя отделка была еще не готова, и мы делали репетиции с двойным аккомпанементом: внизу играл оркестр, а во всех ложах обойщики стучали молотками. На одной репетиции заболел тенор Леонов. Михаил Иванович говорит: “Ну, ничего, я за него спою”. Глинка храбро подходит к сцене, открывает рот, но, произнеся первый слог, остановился, оркестр тоже замолчал, все смотрят на Глинку <...>: “Михаил Иванович, что же вы, продолжайте...” А он сконфуженно отвечает: “Не могу, оробел. Посмотрите, и руки похолодели, и сердце бьется. Ах, чорт возьми, не ожидал, чтоб так страшно было петь на этой сцене”...»³¹ Глинка вспоминал: «Незадолго до первого представления я имел счастье встретить государя на одной из репетиций; молотки умолкли, и Петров с Воробьевой пели дуэт <...> очень недурно. Государь подошел ко мне и ласково спросил, доволен ли я его артистами? — “В особенности ревностью и усердием, с которыми они исполняют свою обязанность”, — отвечал я. Этот ответ понравился государю...»³²

И наконец день долгожданной премьеры наступил. «Да, никогда еще столица не присутствовала на подобном празднике, — вспоминал Э. П. Мещерский. — Она была приглашена послушать нечто, до сих пор небывалое — большую русскую оперу, русскую с ног до головы. <...> Как раз 27 ноября исполнялась годовщина смерти Ивана Сусанина и спасения возрождающейся России»³³. Сенатор Лебедев писал: «Я сейчас из Большого театра, зрителей тысячи, все, что есть лучшего в Петербурге. Давали “Смерть за царя” Глинки»³⁴. Н. Кукольник вспоминал: «Русский театр был свидетелем восторга неопisanного; не только восторга, но и умиления: я сам видел, как плакали многие дамы и мужчины, даже и сам царь прослезился»³⁵.

На премьере присутствовал и А. С. Пушкин, принимавший, как нам известно, самое непосредственное участие в обсуждении будущего спектакля. Об этом вспоминал его давний знакомый, драматург Н. И. Куликов: «Я решился погостить в Петербурге, а притом хотелось видеть первое представление оперы “Жизнь за царя”. Сосницкий записал кресло на торжественный спектакль, что без протекции было трудновато. Здесь я видел в последний раз Александра Сергеевича, его кресло было крайним у прохода в 11 ряду, мое — за ним в 12-м. В антрактах все интеллигентное общество из первых рядов подходило к нему с похвалами Глинке, и вообще опера имела блестящий успех»³⁶. Успехом опера была в значительной мере обязана и артистам. А. И. Тургенев сохранил для нас имена исполнителей: «Разумеется, успеху способствовал и великолепный подбор исполнителей: за пультом — Катерино Кавос, декоратор — Андрей Роллер, Ваня — Петрова-Воробьева, Антонина — Мария Степанова, Собинин — Лев Леонов и признанный лидер русской оперы — Осип Афанасьевич Петров, непревзойденный Иван Сусанин»³⁷. Тургенев был в восторге от премьеры: «Я вчера был на открытии театра: ставили новую русскую оперу “Семейство Сусаниных” композитора Глинки, и все было превосходно: постановка, костюмы, музыка и балеты. Двор присутствовал почти полностью. Ложи были украшены нарядными женщинами»³⁸. Среди множества «нарядных женщин», присутствовавших на спектакле, находилась и С. Н. Карамзина: «Я была там с доброй госпожой Шевич в ложе второго яруса (мы, естественно, сами не могли добыть)»³⁹. Действительно, достать билеты на премьеру было очень сложно. «Виельгорский с жаром говорит об этой опере как о прекрасной вещи, — писал Александр Карамзин брату. — К сожалению, говорят, что невозможно будет получить места на первое представление...»⁴⁰ Актриса Петрова-Воробьева, блестяще исполнившая партию Вани, вспоминала: «Как прошла первый раз опера и какой имела успех — ни один из участвовавших не мог в тот день дать ясного отчета. Все мы взволнованы, все робеем и за себя и за оперу, все как в тумане... слышим, что кому-то и за что-то аплодируют, кого-то публика вызывает и по окончании спектакля все как во сне...»⁴¹ На следующий день Глинка сообщил матери: «Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом, актеры выходили из себя от рвения. Теперь решительно от посещений и поздравлений нет минуты свободной»⁴². После окончания спектакля композитор был приглашен в императорскую ложу. «Государь первый поблагодарил меня за мою оперу, заметив, что нехорошо, что Сусанина убивают на сцене, — вспоминал позднее Глинка, — я объяснил Его Величеству <...> что по моей программе во время нападения поляков на Сусанина занавес должен сейчас опустить <...> После императора благодарила меня императрица, а потом великие князья и великие княжны, находившиеся в театре». И далее: «В скором времени я получил за оперу императорский подарок: перстень в 4000 рублей асс., он состоял из топаза, окруженного тремя рядами превосходнейших бриллиантов; я тогда же подарил его жене моей»⁴³.

Но, несмотря на многочисленные восторженные отзывы и высочайшие милости, публика оценивала происходящее на сцене далеко не однозначно: «Первый акт прошел благополучно, — вспоминал композитор. — В сцене поляков <...> царствовало глубокое молчание <...> я оставался в недоумении»⁴⁴. Софья Карамзина так описывала свои впечатления: «Многие арии прелестны, но все в целом показалось мне написанным в жалобном тоне, несколько однообразным и недостаточно блестящим, все построено на русских темах и в миноре. <...> Восторг, как обычно у нас, был холодноват, аплодисменты замирали и возобновлялись как бы с усилием»⁴⁵. Сохранились афиши императорских театров, на полях которых можно прочесть замечания о спектаклях «главнокомандующего российского репертуара» А. И. Храповицкого. После посещения второго спектакля 29 ноября он высказался очень

резко: «Скажу про оперу всю правду-матку, как я понимаю. <...> Глинка от русского отстал, а к иностранному не пристал, и вышла чепуха»⁴⁶. Подобные отзывы — а их было немало — огорчали композитора: «Несмотря на блистательный успех, нашлись зоилы; Фаддей Булгарин напечатал в “Северной пчеле” две длинные статьи. <...> Эти статьи любопытны и ясно определяют степень невежества в музыке их автора»⁴⁷. Ф. Булгарин, в частности, писал: «В целой музыке мало разнообразия, и от этого, от длинных хоров, как ни восхитительны отдельные части, но опера, извините, скучна...»⁴⁸

Ответом на подобные высказывания стали известные статьи В. Ф. Одоевского: «Письма к любителю музыки об опере г. Глинки “Жизнь за царя”», «Новая русская опера “Жизнь за царя”» и другие. «Мое старое сердце расшевелилось при звуках родной музыки нашей оперы. Меня поразили многие суждения о ней, суждения, которые я счел бы несбыточными, если бы не был сам очевидным слушателем»⁴⁹, — писал автор редактору «Литературных прибавлений».

Для композитора мнение Одоевского было чрезвычайно важно, как важен и еще один отзыв, прозвучавший в форме шуточного «Канона», сочиненного М. Ю. Виельгорским, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным на чествование Глинки 13 декабря в доме А. В. Всеволожского на Екатерингофском проспекте. Музыка к «Канону» была написана В. Ф. Одоевским.

Спустя почти 20 лет, в 1856 году, на полях «Записок» Глинка записал: «Умоляю доброго и, как я полагаю, искренно меня любящего Дмитрия Васильевича Стасова приобрести копию этих стихов от кн. Одоевского. Получа, прошу присоединить к этим запискам»⁵⁰. (Среди авторов «Канона» Глинка ошибочно называет Соболевского и, как хозяина дома, где были сочинены стихи, Одоевского.)

Почти 170 лет прошло со дня написания строк «Канона». Перечитывая слова, сказанные близкими друзьями композитора о далеко не однозначном, сложном отношении общества, почитателей и недоброжелателей к опере Глинки, мы вновь обращаемся к событию, не потерявшему своей значимости и в настоящее время, — премьере первой русской национальной оперы «Жизнь за царя».

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! Наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасною новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой опираясь,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

(III, 490; 4-я строфа — пушкинская).

Примечания

- ¹ Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 328.
- ² Асафьев Б. В. Глинка. М., 1947. С. 36–37.
- ³ Русская старина. 1871. С. 43.
- ⁴ Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 61.
- ⁵ Там же. С. 28.
- ⁶ Там же. С. 64.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 372.
- ⁹ Глинка в воспоминаниях современников. С. 167.
- ¹⁰ Глинка М. И. Записки. С. 69.
- ¹¹ Там же. С. 64.
- ¹² Там же. С. 69.
- ¹³ Новое время. 1900. № 8913.
- ¹⁴ Глинка М. И. Записки. С. 65.
- ¹⁵ Глинка в воспоминаниях современников. С. 184.
- ¹⁶ Там же. С. 401.
- ¹⁷ Там же. С. 322.
- ¹⁸ Там же. С. 329.
- ¹⁹ Там же. С. 167.
- ²⁰ Там же. С. 166.
- ²¹ Там же.
- ²² Глинка М. И. Записки. С. 64.
- ²³ Глинка в воспоминаниях современников. С. 165.
- ²⁴ Глинка М. И. Литературное наследие. Л., 1953. Т. 2. С. 92.
- ²⁵ Там же. С. 94.
- ²⁶ Глинка М. И. Записки. С. 72.
- ²⁷ Глинка в воспоминаниях современников. С. 171.
- ²⁸ Ежегодник императорских театров. СПб., 1911. С. 28.
- ²⁹ Асафьев Б. В. Избранные труды. М., 1952. Т. 1. С. 85.
- ³⁰ Глинка М. И. Записки. С. 70.
- ³¹ Глинка в воспоминаниях современников. С. 172.
- ³² Глинка М. И. Записки. С. 72.
- ³³ Советская музыка. М., 1954. № 6. С. 54.
- ³⁴ Русский архив. СПб., 1910. Кн. 2. С. 377.
- ³⁵ Баян. 1899. № 10. С. 91.
- ³⁶ Русская старина. 1881. Т. 2. С. 614.
- ³⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 533.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Пушкин в письмах Карамзина 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 143.
- ⁴⁰ Там же. С. 133.
- ⁴¹ Глинка в воспоминаниях современников. С. 172.
- ⁴² Глинка М. И. Письма и документы. Л., 1953. С. 96.
- ⁴³ Глинка М. И. Записки. С. 73.
- ⁴⁴ Там же. С. 72.
- ⁴⁵ Пушкин в письмах Карамзина... С. 144.
- ⁴⁶ Театр и жизнь. СПб., 1886. № 180. С. 2.
- ⁴⁷ Глинка М. И. Записки. С. 73.
- ⁴⁸ Северная пчела. СПб., 1836. № 292.
- ⁴⁹ Глинка в воспоминаниях современников. С. 332.
- ⁵⁰ Глинка М. И. Записки. С. 73.

Е. Б. Добровольская

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА
В ЦАРСКОМ СЕЛЕ И ПАВЛОВСКЕ**

Царское Село издавна называют городом муз, но при этом чаще всего вспоминают имена прославивших его писателей и поэтов. Имя М. И. Глинки в нашем городе, как мне кажется, незаслуженно забыто.

Удивительно, но ведь именно здесь, в Царском Селе, из-под пера великого русского композитора Михаила Ивановича Глинки вышли не только нотные знаки, но и проза: летом 1854 года были созданы две части его «Записок». Это произведение интересно тем, что в нем содержатся ценные высказывания автора об искусстве, о современной ему жизни России и Европы. «Записки» — своеобразная исповедь, отразившая благородство и чистоту его души. Если с Царским Селом связано прежде всего литературное творчество М. И. Глинки, то с Павловском — его музыкальные произведения «Вальс-фантазия», «Попутная песня» и многие другие, не раз исполнявшиеся во время концертов в Павловском вокзале.

Это повествование — хроника событий жизни великого русского композитора, связанных с Царским Селом и Павловском. В основе рассказа только документальный материал: «Записки» М. И. Глинки, его переписка с родными и знакомыми, воспоминания сестры композитора Л. И. Шестаковой и его друзей.

1825 год. Царское Село

Итак, впервые Глинка оказался в Царском Селе летом 1825 года. Именно в это время он познакомился с Юрием Хованским, выпускником VII курса Царскосельского лицейского благородного пансиона. Хованские жили в Царском Селе, и юный Михаил Глинка часто останавливался у них в гостях на несколько дней.

В своих «Записках» композитор рассказывал: «Я с ним подружился и в короткое время был принят в доме, как родной»¹, «Мое появление приводило всех в радость, знали, что где я, там скуки не будет. <...> Действительно, я умел в то время (милое время) разнообразно потешать моих знакомых, в особенности исполнением сцен из опер buffa (комических)»².

Каким же был 23-летний музыкант? Один из гостей дома Хованских, дальний родственник и друг Глинки, Петр Степанов описал его так: «Был он маленький, худенький, бледный, но с очень приятной и выразительной физиономией. Мы скоро сошлись, и нельзя было не полюбить его сразу: образованный ум, увлекательный разговор, приправленный порядочной долей юмора, делали беседу его желательною...»³

В семье Хованских кроме сына Юрия росли две дочери — София и Мария. Для них княгиня устраивала танцевальные вечера, на которые в качестве кавалеров приглашались молодые люди, друзья их брата: Степанов, Бахметев (в будущем начальник при-

дворной Капеллы), Глинка и другие. Любопытно, что Степанов в своих «Воспоминаниях» довольно подробно рассказал именно о барышнях, а Глинка в «Записках» — об их учительнице музыки, пианистке из Вены мадмуазель Лигле: «Она учила музыке дочерей княгини, превосходно играла с листа и аккомпанировала. С ней я много играл в четыре руки, большей частью квартеты Гайдна, симфонии Гайдна, Моцарта и даже некоторые пьесы Бетховена»⁴.

В доме Хованских состоялся авторский дебют Глинки. Об этом известно из рассказа Степанова: «Я знал, что Глинка — пианист, но я не подозревал, что он и композитор. Вечера кн. Хованской мне это открыли. Ему пришла мысль написать французскую кадрили для этих вечеров. Скоро музыка была готова, и Глинка отдал ее разучивать музыкантам, обыкновенно игравшим у кн. Хованской»⁵. Даже спустя полвека Степанов помнил, с каким волнением ехали они в тот вечер в Царское Село: «Музыка Глинки казалась нам родною»⁶. При первых аккордах он предупредил свою даму, что будет исполнена кадрили начинающего автора, но... Степанов не приукрашивает ситуацию: «Музыка заиграла, пары задвигались, начались разговоры, и дамы слушали не музыку, а речи своих кавалеров. Музыка прошла незамеченною. Тем не менее Глинка был очень доволен: в первый раз он являлся перед публикой, и мы им гордились»⁷.

А сейчас мы перенесемся на два года вперед и окажемся в Павловске, где любили проводить летние месяцы дворянские семьи.

1827 год. Павловск

Летом 1827 года Глинка постоянно гостил в семье Штеричей на даче в Павловске, где его радушно принимала хозяйка дома Серафима Ивановна. Ее сын, Евгений Петрович Штерич, был талантливый пианист. К сожалению, он прожил всего 24 года и умер от чахотки в 1833 году. Современники отмечали, что это была большая потеря для Глинки, т. к. Штерич был для него и меценатом, и другом. Сам Михаил Иванович в «Записках» создал запоминающийся образ юноши: «В то время между молодыми людьми высшего круга находился камер-юнкер Штерич. Хотя он был elegant (щеголь) в полном смысле этого слова и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим, он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепьяно. Я с ним вскоре подружился и нередко с Сергеем Голицыным (Фирсом) мы посещали его в Павловске, где он жил в летние месяцы»⁸.

Там, в доме Штеричей, Глинку впервые увидел Владимир Соллогуб. В своих «Воспоминаниях» он подробно рассказал о первой встрече «с маленькою фигуркою и колоссальным талантом Михаила Ивановича Глинки». <...> «Он отличался весьма малым ростом и своеобразной физиономиею, то далеко не красивою, то увлекательною. Черноволосый, с коротким крупным и прямым носом, с выдвинутым подбородком, он закидывал постоянно голову назад, носом вверх, по инстинктивному желанию казаться выше. Затем привычным жестом он засовывал палец за скважину жилета под мышкой, что еще более его выпрямляло. Всего поразительнее в нем оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то сверкавшие искрами, то расширявшиеся и глубоко торжественные под наитием вдохновения сверхъестественного. Он обыкновенно молчал или шутил довольно редко, на семинарский лад. Часто садился он за фортепиано и погружался весь в свою игру, не видя и не зная, что около него творилось. Мы, дети, едва переводили дыхание и как-то изумленно и испуганно его слушали»⁹.

Острая детская память Соллогуба сохранила впечатление от пения Глинки: «Голос его был глухой, слабый, неприятный. Сперва он шептал говорком с оттенками

выражения, которые я, конечно, начал понимать только после; потом, мало-помалу оживляясь, переходил чуть не в иступление и выкрикивал высокие ноты с натугою, с неистовством, даже с болью. Потом он вставал с места, заливался детским смехом и, засунув палец за жилет и закинув голову, начинал ходить петушком по комнате, спрашивая: “А каков был грудной си-бемоль?”¹⁰.

Тогда же, летом 1827 года, в Павловске подружился с графом М. Ю. Виельгорским, с которым отныне его связывали общие музыкальные интересы: «...Мы писали, помнится каждый по канону, пробуя таким образом наши силы в композиции»¹¹.

1828 год. Царское Село

Летом следующего 1828 года Глинка и его талантливые молодые друзья с удовольствием были приняты в самых разных салонах и гостиных. Об одном из таких вечеров мы узнаем из его «Записок»: «В Царском Селе мы дали еще представление, где произвели мою серенаду и куплеты с хором: “Лила в черной мантии” (слова кн. С. Голицына). Куплеты пел Иванов, а хор — придворные певчие, была также маленькая выходка и для кн. С. Голицына»¹². К сожалению, эти куплеты и партитура Глинки не сохранились. Николай Иванов — молодой певчий придворной Капеллы. Сергей Голицын — выпускник VI курса Благородного лицейского пансиона (в 1824 году он окончил его с золотой медалью), один из близких друзей М. И. Глинки в пору его молодости.

1837 год

Прошло почти десять лет. Эти годы вместили многое: и премьеру оперы «Жизнь за царя», и несчастливую женитьбу, и не исполнившееся желание провести лето 1837 года в Царском Селе! Об этом желании мы узнаем из письма Михаила Ивановича матери от 13 апреля: «...Я в таком только случае решусь ехать в деревню, когда буду иметь поручение в Малороссию, в противном случае намерен провести лето в Царском Селе»¹³. Известно, что этим летом Глинка отправился в Малороссию.

1839 год. Павловск

Зато лето 1839 года в жизни М. И. Глинки связано с Павловском! Именно здесь, в зале знаменитого Павловского вокзала, впервые был исполнен «Вальс-фантазия» в переложении для оркестра дирижером И. Германом. Музыка «Вальса-фантазии» покорила слушателей с первого исполнения. «Мы не забудем встречи публики, — писал Нестор Кукольник в «Северной пчеле», — вальс, обширный и трудный, был повторен по ее требованию, не забудем и самого исполнения, мастерского соединения чувства нежности с порывами сильных бурных ощущений, и всякий раз приятно слышать, когда у палатки г. Германа толпятся любители и просят сыграть вальс Глинки»¹⁴. Первое исполнение состоялось 2 июля, затем 4 июля.

Глинка и сам не раз ездил в Павловск послушать свою музыку. Под непосредственным впечатлением от поездок по Царскосельской железной дороге была написана «Попутная песня», один из романсов цикла «Прощание с Петербургом».

В газете «Северная пчела» от 24 и 26 июля 1839 года упоминается об исполнении в Павловске «Вальса-фантазии» и песни Глинки «Как мать убили» в переложении для духового оркестра.

1840 год. Павловск

Летом 1840 года в Павловском вокзале вновь звучит музыка Глинки. Сам он вспоминал об этом времени так: «Наша братия по сему случаю оставалась несколько дней в Павловске, где мы очень весело провели время»¹⁵.

Следующее лето связано для Глинки с Царским Селом, причем эти его воспоминания не из самых приятных...

1841 год. Царское Село

11 июня 1841 года в письме композитора матери упоминается Царское Село и рассказывается о жене: «Она в Царском, и я подал по совету Александра прошение в тамошнюю полицию о невыпуске ее из города»¹⁶.

Через три недели в письме матери он поведал о состоявшейся 25 июня встрече: «...я имел свидание с Марьей Петровной в Царскоесельском саду в присутствии Платона Кукольника. Цель этого свидания состояла в том, чтобы убедить М. П. не противиться и, обвиняя меня, не прибегать к неприличным выражениям, вместе с тем я обещал в доказательство, что не питаю к ней ничего враждебного, сам ходатайствовал в ее пользу в свое время. Она была совершенно растеряна, призналась во всем <...> уверяла, что страшится не монастыря, а вечного безбрачия. Сама на суд не явится, а адвоката еще не имеет. Подробно весь разговор описать нельзя»¹⁷.

8 августа композитор был вызван для объяснения в консисторию, а его жена не явилась. На другой день он писал матери: «Она сказывается больною, а между тем в Царском Селе завела еще новую интригу, досадно, а вместе с тем и жаль этой несчастной женщины...»¹⁸.

И еще немного о неприятных для Глинки моментах, на этот раз щекотливая ситуация возникла в Павловске.

1842 год. Павловск

В начале осени 1842 года в Павловском вокзале произошла ссора Глинки с Ф. В. Булгариным. Мы знаем об этом эпизоде из «Записок» композитора: «Булгарин что-то долго шептал на ухо Герману. Я вполголоса сказала шутиво Герману: "Не слушайте его, он ничего в музыке не разумеет". За эту шутку Булгарин взбесился. <...> Завязался спор, и так как дело шло о музыке, то естественно, что мне легко было объяснить и доказать, что он нашего искусства не разумеет. Этот спор продолжался долго и в присутствии многочисленной толпы»¹⁹.

Чтобы разрешить возникший конфликт, О. И. Сенковский, который был в ту пору дружен с Глинкой, приглашает на обед к павловскому ресторатору Кулону обоих спорщиков, а также бельгийскую певицу Мерти с матерью и еще несколько знакомых. Глинка вспоминал об этом: «Мы подали друг другу руку в знак примирения, но я, однако, не хотел просить <...> о покровительстве»²⁰.

А теперь мы пропустим десять лет и перенесемся в Царское Село 1852 года...

21 мая 1852 года. Царское Село

«21 мая (день моего ангела) я выпустил в летний сад две пеночки и юлку, которые потешали нас весною. Позавтракав у Дюпон (Данон, петербургский ресторатор. — Е. Д.), мы с сестрой провели день в Царском Селе, к ужину вечером собрались приятели...», — так описал день своих именин Глинка в «Записках»²¹.

1853 год

В 1853 году Михаил Иванович получил приглашение от сестры Людмилы вернуться в Россию и вместе провести лето в Царском Селе. Он сразу же дал согласие, из Парижа пи-

сал сестре: «...совершенно одобряю твое предположение провести, с Божьей помощью, будущее лето в Царском Селе. Уже сказано было, что все почти дачи в окрестностях Питера и на островах нарочито сыры, а следовательно, крайне вредны для твоих деток <...>. Напротив того, Царское Село, во-первых, место возвышенное, здоровое и прекрасное, во-вторых, удобно по причине железной дороги для сообщения с Питером, в-третьих, напоминает мне самые счастливые дни моей молодости, когда я гостил там у княгини Хованской, с сыном коей был дружен (в 1825 или 1826 год). Наконец, 4-е, не лишнее также и то, что всего 7 или 10 минут до Павловска, где в хорошую погоду бывает очень весело. <...> Надобно также сообщить тебе, что в Царском помещении будет тесное. Но это не беда — найдется каждому по тесной конурке с общею залою, чего, по-моему, весьма достаточно. <...> В Царском, в особенности в конце лета, когда там пребывает двор, нельзя жить, как в деревне, и на улице всегда должно быть облаченну в торжественные или полуторжественные ризы. По сей-то причине также необходимо нанять отдельный домик, соседей нам не надо, а летом в особенности»²².

Письма композитора, написанные в Париже в декабре 1853 года, заполнены просьбами и распоряжениями, он просит сестру связаться с Д. В. Стасовым: «Сему последнему прошу тебя писать как можно более обстоятельнее о квартире или лучше об отдельном домике в Царском Селе. На островах сыро, а у Лесного института мерзко, — надобно непременно умудриться и найти уголок в Царском...»²³.

Сам он в эти же дни также отправляет Стасову письмо: «Есть у меня к вам и другая весьма важная просьба: потрудитесь приискать нам, мне и сестре Людмиле, летнее жилище в Царском Селе... Главное в том, чтобы домик был отдельный, т. е. чтобы, кроме нас, других жильцов не было, сверх того для меня необходимо нечто вроде маленького садика, но не на улицу, а сзади. Палисадник на улицу ни к чему не служит: не откажите, любезнейший Дмитрий Васильевич»²⁴.

Свое желание: «Давно, очень давно я мечтаю о домике с садиком, но с садиком за домиком...» Глинка обосновывает очень четко: «...сие потому, что я нелюдим и присутствие посторонних лиц для меня враждебно и отравило бы все»²⁵.

1854 год. Царское Село

Желание композитора было исполнено: дом в Царском был нанят в точном соответствии с его указаниями. В начале мая он сообщает сестре: «На днях буду писать Дмитрию Стасову — благодарить за дачу...»²⁶. Исторический адрес дома, где Глинка провел лето 1854 года: Малая улица, 3-й участок, дом № 45 Мейера. До нашего времени дом не сохранился, на его месте находятся теперь дома за гимназией № 406.

На атласе Цылова (1857) обозначен деревянный одноэтажный, с террасой и мезонином, дом, крыльцо выходит на Малую улицу. Дом принадлежал гвардии полковнику Петру Мартыновичу Мейеру, поблизости находились дома часовых дел мастера Мартына Шерцингера, Мусориных, Нееловых, ближе к Церковной улице и Александровскому парку — сарай и мастерские дворцового ведомства.

16 мая 1854 года Глинка со своим спутником (доном Педро) приехал в Царское Село, где его уже ждала сестра Людмила Ивановна с маленькой дочкой. Это известно из его собственных «Записок» и воспоминаний сестры. Михаил Иванович довольно подробно описал свой переезд: «11 мая в почтовой карете мы отправились в Санкт-Петербург, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 года рано поутру. Я вздремнул, а Педро узнавши адрес сестры в Царском Селе, полусонного повез меня в Царское, где я нашел сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу племянницу Оленьку в вожделенном здравии»²⁷.

Обращает на себя внимание некоторое совпадение ситуаций в жизни Глинки и Пушкина. И тому и другому нанимают дачу в Царском Селе друзья. В письмах поэта и композитора даны точные указания, какой видится им дача. Пушкин: «Садика нам не надо будет, под боком будет садище». Глинка: «Цветник спереди ни к чему не пригодится»²⁸. Оба приезжают в Царское примерно в одно и то же время: 16–20 мая, для каждого жизнь на даче начинается с семейного праздника: Пушкин отмечает 26 мая день рождения, Глинка день именин — 21 мая.

21 мая, в день именин Михаила Ивановича, в доме принимали гостей. «21 мая, в день ангела брата, собралось у нас большое общество, и брат был весел», — вспоминала Л. И. Шестакова²⁹.

Людмила Ивановна оставила два варианта своих воспоминаний: «Былое М. И. Глинки и его родителей» (1870) и «Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки» (1887), для нас это неоценимый источник важных сведений о жизни композитора, в частности о его последнем лете в Царском Селе.

Обратимся к тексту воспоминаний: «Дача наша была в Царском селе на Грязной в доме Мейера — очень удобная, с хорошим балконом и небольшим садиком, оба парка были очень близки от нее. Вообще жилось хорошо»³⁰. Казалось, этим летом все способствовало созданию положительного настроения в семье: уютный дом, теплая солнечная погода, встречи с добрыми друзьями: «Нам жилось очень хорошо. Дача была большая удобная, брат не хандрил, погода это лето соответствовала его настроению»³¹.

Из воспоминаний Шестаковой можно узнать, как проходил обычно день композитора: «...Вставал он довольно рано и исписывал мелким шрифтом целый лист своих "Записок", часов в 10 приходил к чаю и прочитывал мне написанное им в то утро. Поговоря немного, мы уходили на балкон. Иногда он писал что-нибудь (все лето он решительно ничего не сочинил, но наоркестровал несколько пьес), а чаще читал один, или я ему читала громко. Для отдыха он валялся или занимался с девочкой моею, его крестницею, которую он очень любил, на ковре, разостланном тут же на балконе, и когда, бывало, принесут им еще котенка, то он оставался очень доволен. В первом часу мы завтракали, потом обыкновенно приезжали знакомые из Петербурга, вечером ходили гулять в парк или оранжереи. Так шли день за днем, тихо, покойно, исключения были редки...»³².

Какие же это «исключения»? Среди них можно назвать вечер, проведенный в Павловском вокзале. С некоторым огорчением сестра композитора отметила в своих мемуарах: «...Один раз всего были в Павловске на музыке, и то по моему желанию»³³. Действительно, это может показаться странным, но на музыкальных концертах в Павловске, где дирижировал тогда Йозеф Гунгль, Глинка побывал всего один раз. «Неизвестна ни дата концерта, ни его программа, но исполнение, по-видимому, не произвело на Глинку большого впечатления, т. к. нигде в письмах он не обмолвился об этом вечере ни словом», — пишет автор последней биографической книги о композиторе А. С. Розанов³⁴.

Зато известно, что большое удовольствие он получил, когда В. П. Энгельгардт устроил для него квартетный вечер, на котором, по воспоминаниям сестры, «между прочими пьесами исполняли одно из юношеских произведений брата, и брат не узнал своего квартета. Помню, как будто бы сейчас вижу довольное лицо брата, когда он слушал прелестное исполнение артистов...»³⁵.

Интересен тот факт, что Глинка в это лето увлеченно занимался игрой на скрипке. 2 июня 1854 года он писал Энгельгардту: «Любезный и бесподобный барин Василий Павлович! Вот бы одолжили, если бы поручили какому ни есть человечку доставить мне скрипку вашу <...>. А дело в том, что желание пилить на скрипке пилит меня самого

<...> продолжая здесь упражняться, полагаю, мог бы со временем держать секунду (не в квартетах), но хотя в аккомпанементах вокальной музыки Генделя, Баха и других т. п.»³⁶.

Отмечая серьезность этого увлечения Михаила Ивановича, видный музыковед Борис Асафьев утверждал: «Глинка, стремясь все в музыке постичь на опыте, не зря несколько раз добивался усовершенствования владения скрипкой. Ему хотелось ощутить, осязая явление скоростей музыкального движения»³⁷.

Продолжались и занятия композицией: Глинка работал над партитурой «Руслана и Людмилы». Из Царского Села он писал: «Рассматривая партитуру Руслана, я нашел нужным и полезным для эффекта сделать изменения в некоторых местах партитуры»³⁸.

Еще на даче он задумал оркестровать популярную романтическую пьесу «Приглашение к танцу» Вебера. О том, какую задачу ставил перед собой композитор, известно из рассказа В. В. Стасова: «...принялся инструментовать *Aufforderung zum tanze* Вебера, чтобы доказать, говорил он, что трудный тон *des* (в котором написана эта пьеса) может быть сохранен и в оркестре, потому что не было надобности перелаживать эту пьесу в другой тон (как это сделал около того же времени Берльгод) для того, чтобы блестящим образом выразить в оркестре все эффекты Веберова сочинения. Эта инструментовка Глинки есть вещь образцовая»³⁹. К сожалению, партитура этого сочинения не сохранилась. Зато сохранились его письма той поры, обращенные к друзьям и добрым знакомым. Из них можно узнать о его душевном и физическом состоянии, о его занятиях: при чтении прежде всего вырисовывается его характер — любящий, увлекающийся, добрый.

Михаил Иванович соскучился по соотечественникам, жаждет общения и зовет друзей навестить его, так как сам он из-за нездоровья не может далеко выезжать. Поэтому почти в каждом письме встречается фраза: «В надежде Вашего посещения...». Письма, написанные в первые недели дачной жизни, пестрят жалобами на тяжелое физическое состояние: «Сам же я быть в Петербурге не могу по причине болезни ноги, которая не допускает выезжать или выходить из дому»⁴⁰.

Вот характерные для той поры строчки из письма другу Глинки, известному музыкальному деятелю Энгельгардту от 2 июня: «О себе скажу, что нога моя все в том же положении и полагаю, что продолжит меня долго здесь. Что же делать, мне уже 50 лет и пора честь знать <...>. В надежде ответа, а еще лучше посещения вашего»⁴¹. Порой к письмам брата приписки делала сестра, присоединяясь к его просьбам: «Если вы свободны, добрый наш Василий Павлович, поспешите навестить нас. Мне жаль брата — он скучает (но здоров)»⁴².

В тот же день, 2 июня, написано еще одно письмо — Марии Кржисевич, доброй знакомой композитора и Екатерины Керн. Здесь и приглашение приехать в гости и забрать у него письма Е. Керн, и трогательная жалоба на состояние здоровья: «...Нога все еще болит, а по временам пухнет, я заказал легкие башмаки (скучно же сидеть в заточении)». И тут же довольно обстоятельная просьба о помощи в «нелегком» для него деле: «...Нужно мне две пары шелковых чулок. Итак, посылая вам, мой ангел, на мерку мои носки, надеясь, что вы с свойственной вам добротой потрудитесь купить мне одну пару черных, а другую серую, не а *joue* (прозрачных) и не пестрых, а просто одноцветных, длинных. Сиречь не носков, а просто чулок, и хорошего прочного шелку»⁴³.

Вот еще одна забавная, на первый взгляд, но абсолютно серьезная для самого композитора просьба-заказ, обращенная к другу композитора, известному музыкальному и общественному деятелю Д. В. Стасову: «К именинам Оли мне нужно приготовить подарок. Терпеть не могу дарить тем, кого искренне люблю, тряпки, конфеты и др. вещи, скоро истребляющиеся. А потому и придумал вещь приятную и полезную, а именно кастрюлечку серебряную, около двух вершков в диаметре, с ручкой, которую можно

было вставить и вынимать по произволению. Внутри вызолотить, а снаружи поставить О. S. готическими буквами, как на привезенном мною из Парижа приборе. Мне этого желается тем более, что я знаю, что сестре бы это понравилось, а я ведь ее неоплатный должник»⁴⁴.

К дню ангела Ольги Глинка готовится очень серьезно и заранее созывает гостей. 3 июля он пишет врачу императорских театров Л. А. Гейденрейху: «Любезнейший друг, Людвиг Андреевич! По приказанию сестры спешу тебе напомнить, что через 8 дней, в воскресенье 11 сего июля, день ангела Оленьки. Сие пишу потому, чтобы ты имел время сообразить и распорядиться так, чтобы пожаловать к нам на обед и провести остаток дня вместе с нами чем *много* утешите, ибо *много* любимы нами»⁴⁵ (Слова, выделенные курсивом, вписаны рукой Шестаковой. — Е. Д.).

Брат и сестра с удовольствием принимают гостей, среди них А. Ф. Львов, В. П. Энгельгардт, И. А. Шестаков, А. Н. Серов, Д. В. Стасов, К. П. Вильбоа и В. П. Рындин с женою. Обратимся к воспоминаниям Шестаковой, которые живо передают атмосферу этих дружеских вечеров: «Часто у А. Н. Серова с братом шли толки о музыке, и продолжительные. <...> Не раз слыхала я, как он исчислял красоты этой оперы («Руслан и Людмила». — Е. Д.) самому брату. Еще из посетителей был П. П. Дубровский, профессор польского языка, академик, он был переведен из Варшавы, где имел случай оказать брату несколько услуг... Дубровский был человек добрый, но имел такую страсть спорить, что иногда выводил брата из терпения. Помню, однажды страсть Дубровского была в полном разгаре, брат долго слушал его, потом, не отвечая ему, подошел к портрету покойного государя императора Николая Павловича, стал перед ним на колени, со словами: “Ваше императорское величество! Уничтожили вы Виленский университет, уничтожьте и Московский! (Дубровский воспитывался в Московском университете), чтобы подобный сему господину меньше было на свете”. Конечно, эту выходку сопровождал всеобщий смех присутствовавших лиц»⁴⁶.

Атмосферу веселья, шуток, царящую в доме, доносят до нас рисунки, выполненные другом композитора Н. А. Степановым. Он автор многих карикатур на М. И. Глинку. В Пушкинском Доме хранится альбом Степанова, в котором собрана 51 карикатура. Некоторые из них отображают царскосельский период жизни Глинки. На одной изображено, как Глинка и его спутник дон Педро бегут мимо домов и деревьев по холмистой местности, а из-за холма выходит группа дам в летних платьях с зонтиками. Карикатура называется «М. И. принимает царекосельских дам за английских мародеров и обращается в бегство». На другом листе Глинка и дон Педро изображены в ополченских мундирах. Михаил Иванович уговаривает мужиков идти в милицию. Записан диалог:

«Мужик: Экой балагур! А ты, барин, пойдешь с нами?

М. И.: Нет, друзья мои. Я остаюсь для защиты Царского Села»⁴⁷.

Пожалуй, наиболее интересен для нас лист под № 92, на котором изображена процедура песочных ванн: «М. И. лечится в Царском селе песочными ваннами от контузий, полученных в компании пьяных турецких солдат».

Исследователь Е. Рудакова, автор статьи «Глинка в карикатурах Н. А. Степанова (1850–1854)» пишет: «На карикатуре изображена дача с мезонином, с балконом наверху и террасой с навесом, с большими окнами с закругленным верхом. Широкая лестница ведет в сад. Слева на переднем плане куча песка, в которой сидит обнаженный Глинка и пересыпает руками золотой песок. Дон Педро с тем же невозмутимым видом вываливает еще тачку песка. Во всем изображении ощущение покоя и безмятежности»⁴⁸. Стоит отметить, что о процедуре

солнечных ванн Глинка мечтал еще осенью 1853 года и писал сестре: «Желал бы и весьма, чтобы при домике был садик сзади, дабы можно было брать песочные ванны, на кои под твоим руководством возлагаю великую надежду»⁴⁹.

Итак, как свидетельствуют рисунки Степанова, в часы отдыха композитор с удовольствием принимал песочные ванны. А из воспоминаний Людмилы Ивановны Шестаковой мы знаем, что его досуг был заполнен чтением, прогулками, беседами с друзьями.

Глинки прожили в Царском Селе недолго — с середины мая по середину августа 1854 года. И главным событием этих дней нужно назвать начало работы Михаила Ивановича над воспоминаниями, которые автор скромно назвал «Записки». Композитор начал писать, уступив настоятельным уговорам сестры и Дмитрия Стасова. 2 июня он писал другу: «Спешу сообщить вам, что завтра приступаю к собственной биографии, на основании программы вашей и по желанию сестры Людмилы»⁵⁰. На первой странице рукописи, которая хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, помечено: «Царское Село. 3 июня 1854 года».

О том, что он пишет мемуары, Глинка оповестил многих своих знакомых. Например, 3 июля, через месяц после начала работы, посылая своему старому знакомому З. Дену старинную табакерку, 3 пьесы для оркестра, в том числе вариант «Арагонской хоты», он рассказывал: «Чтобы не оставаться праздным, я предпринял — и выполняю это аккуратно — писание своих мемуаров без всякой претензии на изящество стиля. В эти последние дни я занес на бумагу как раз свое пребывание в Берлине зимой 1833–34 г. и, как вы хорошо понимаете, ваши занятия со мной не были забыты»⁵¹. Примерно через месяц, в августе, в письме к Д. В. Стасову автор сообщает: «В моих записках я уже дошел до первого представления Жизни за царя. Приезжайте прочесть, а еще лучше и братца привезите»⁵². Работа была продолжена и в Петербурге, в ноябре 1854 года Глинка сообщал Н. В. Кукольнику: «Пишу я эти записки без всякого покушения на красоту слога, а пишу просто, что было и как было, в хронологическом порядке...»⁵³.

Дата отъезда Глинки из Царского Села, судя по воспоминаниям сестры композитора, — 26 августа. Шестакова писала: «26 августа 1854 г. перебрались в Петербург. Странно из Царского переехать в августе месяце, тогда как там осень так хороша, но брат находил, что холодно, а мне кажется, он спешил переехать потому, что начались уже вечера, а посетителей по случаю дурной погоды было меньше, и он скучал»⁵⁴. Была и еще одна причина, на нее также указывает сестра композитора: «...к тому же, к этому времени В. П. Энгельгардт, которого брат очень любил, уехал за границу, это подействовало на нервы брата, и он начал торопить меня переездом в город»⁵⁵.

Уже устроившись в Петербурге, на квартире в Эртелевом переулке, Глинка в одном из писем друзьям подытожил события последних месяцев своей жизни: «...провел лето в Царском селе вместе с сестрою, ее малолетнюю дочкою и дон Педро, который еще с нами обретается. В августе переехали мы в Питер <...>. На обратном пути из Парижа развилась была боль (артрическая) в правой ноге, но советы Гейденрейха и тихая правильная жизнь мало-помалу ослабили и даже почти уничтожили эту боль <...>. Я в последний год моего пребывания в Париже очень потолстел и с виду более похож на брюхан-майора, нежели на отставного коллежского асессора»⁵⁶.

За шутливым тоном этого дружеского послания скрывается грусть. И все же время, проведенное в Царском Селе, навсегда осталось светлым воспоминанием в жизни композитора. Он много ездил по свету, видел немало стран и замечательных городов, но именно Царское Село всегда напоминало ему счастливые время молодости, здесь ему довелось пережить тихие светлые дни и в зрелые годы — летом 1854 года. Город муз подарил Глинке яркие мгновения литературного и музыкального творчества.

Статью хотелось бы завершить стихотворением, созданным в 1885 году смоленским композитором и поэтом Г. А. Лишиным⁵⁷:

Поток несет в течении своем
И мощный дуб, и бедные пылинки.
Так в том венке, что Русь слагает Глинке,
Мой скромный стих пусть служит лепестком...
Теперь вся Русь — гордящаяся мать,
Душою здесь у славного подножья.
Над той страной почит милость Божья,
Которой Он мог Глинку даровать.

Примечания

- ¹ М. И. Глинка // Литературное наследие: В 2 т. Л.; М., 1952. Т. 1. С. 90.
- ² Там же.
- ³ Степанов П. А. Воспоминания о М. И. Глинке // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 40.
- ⁴ М. И. Глинка. Т. 1. С. 90.
- ⁵ Степанов П. А. Указ. соч. С. 40.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ М. И. Глинка. Т. 1. С. 108.
- ⁹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 387.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ М. И. Глинка. Т. 1. С. 108.
- ¹² Там же. С. 110.
- ¹³ М. И. Глинка. Т. 2. С. 104.
- ¹⁴ Цит. по: Орлова А. А. М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества. М., 1952. С. 169.
- ¹⁵ Там же. С. 186.
- ¹⁶ М. И. Глинка. Т. 2. С. 192.
- ¹⁷ Там же. С. 196–197.
- ¹⁸ Там же. С. 207–208.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. С. 224–225.
- ²⁰ Там же. С. 225.
- ²¹ Там же. С. 283.
- ²² РНБ, ф. 190, № 128, с. 45–46.
- ²³ Там же. С. 52–53.
- ²⁴ Там же. № 236. С. 323; М. И. Глинка. Т. 2. С. 472.
- ²⁵ Там же. № 128. С. 39–40.
- ²⁶ Там же. № 129. С. 18.
- ²⁷ М. И. Глинка. Т. 1. С. 290.
- ²⁸ РНБ, ф. 190. № 128. С. 46.
- ²⁹ Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки // Глинка в воспоминаниях современников / Под ред. А. А. Орловой. М., 1955. С. 297.
- ³⁰ Там же. С. 296.
- ³¹ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. С. 42.
- ³² Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки. С. 296.
- ³³ Там же. С. 297.
- ³⁴ Розанов А. С. «Северная звезда». Жизнь и судьба М. И. Глинки. СПб.; М., 2002. С. 236.
- ³⁵ Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки. С. 297.
- ³⁶ М. И. Глинка. Указ. соч. Т. 2. С. 489.
- ³⁷ Асафьев Б. В. М. И. Глинка. Л., 1978. С. 264.
- ³⁸ М. И. Глинка. Т. 2. С. 493.

- ³⁹ Стасов В. В. М. И. Глинка // Глинка в воспоминаниях современников. С. 276.
- ⁴⁰ М. И. Глинка. Т. 2. С. 491.
- ⁴¹ РНБ, ф. 190. № 13. С. 25.
- ⁴² Там же. С. 26.
- ⁴³ М. И. Глинка. Т. 2. С. 488.
- ⁴⁴ Там же. С. 492.
- ⁴⁵ Там же. С. 492–493.
- ⁴⁶ Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки. С. 297.
- ⁴⁷ ИРЛИ, ф. № 6136, л. 86.
- ⁴⁸ М. И. Глинка: К 100-летию со дня смерти: Сб. статей / Под ред. Е. Гордеевой. М., 1958. С. 308.
- ⁴⁹ М. И. Глинка. Т. 2. С. 465.
- ⁵⁰ Там же. С. 490.
- ⁵¹ Там же. С. 495.
- ⁵² Там же. С. 496.
- ⁵³ Там же. Т. 1. С. 14.
- ⁵⁴ Шестакова Л. И. Последние годы жизни и кончина М. И. Глинки. С. 297.
- ⁵⁵ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей. С. 42.
- ⁵⁶ М. И. Глинка. Т. 2. С. 501.
- ⁵⁷ РНБ, ф. 451. оп. 1, № 895.

ПУШКИН И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

М. С. Глинка

У КАЖДОГО ИЗ НАС
СВОЙ ПУШКИН

Одной из важнейших лично для меня особенностей этого человека, жившего две сотни лет назад, является его отношение к собственной семейной истории как к части истории России. Отношение это может показаться безжалостным.

История России ухабиста и кровава. Такова и семейная история самих Пушкиных. «Имя предков моих, — пишет Пушкин, — встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных».¹

Четверо Пушкиных подписались под грамотою об избрании на царство Романовых, но уже при Петре — I стольник Федор Матвеевич Пушкин был уличен в заговоре и казнен. Прадед поэта в припадке сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах. Дед поэта уморил свою первую жену в домашней тюрьме, а француза, учителя сыновей, повесил. Вторая его жена чуть не умерла, разрешившись от бремени в карете — муж вез ее, бывшую на сносях, в гости, а она не смела отказаться. Но этот род, два поколения которого являли собой средневековые образцы феодального деспотизма, в следующем поколении (отца поэта) дал людей совершенно противоположного типа. Почерк их жизни — это легкие умственные занятия, виртуозность фразы и полная неспособность к практическому делу. Расточительность и небрежность сменялись у отца поэта мелочной расчетливостью и даже жадностью. Он, как пишет Анненков, был способен острить у смертного одра жены, но зато иногда из-за пустяков заливался слезами.

Не менее колоритна и родня поэта по матери, Надежды Осиповны Ганнибал. Арап Петра Великого по свидетельству того же биографа Пушкина был «мягкая, трусливая, но вспыльчивая абиссинская натура, “наклонная” к невообразимой, необдуманной решимости».² Один из сыновей арапа, брат деда поэта, был строителем Херсона и наваринским героем. Но братья морского героя были также деспотами — крепостных, возбудивших их гнев, наказывали так, что тех «выносили на простынях».³ В Надежде Осиповне, матери поэта, иногда скользили черты характера своих предков — муж ее боялся так, что до старости курил лишь тайком от нее. Осерчав, она могла не разговаривать с детьми или прислугой месяцами (так с Александром однажды она не разговаривала чуть ли не год).

Все это, широко известное о предках Пушкина, известно по большей части от него самого. Он, повторю, был, казалось, безжалостен к истории своей семьи, то есть безжалостно ее осознал. Как и историю России. Но это и есть подход истинного историка и патриота. Скрывая страшное в нашем прошлом, мы хотим казаться иными. Но тем самым создаем лишь видимость, поскольку только истинное знание может помочь нам делать те выводы, которые укажут путь из сумеречных ядовитых дебрей красивых за-

блуждений. Не разобрав по волокнам прошлое и не покаявшись в его кровавых грехах, мы утрачиваем способность различать добро и зло. Например, не понимаем связи игр наперсточников в нефтяные месторождения с волчьими ямами политических тупиков. А уж те рано или поздно оборачиваются новой кровью. Чечня.

Не гром литавр и фанфары побед формируют настоящего патриота, а, возможно, осознание поражений, горечь ясности, что и поверженная, погрязшая в пороках Родина — это все равно Родина, и долг гражданина не скрывать ее болезни, а всемерно способствовать излечению их.

Во время войны в Японии кинохрониками, возбуждавшими самые сильные патриотические чувства, были признаны те, которые свидетельствовали, о том, что Япония гибнет. Быть верным и мужественным в дни побед — заслуга невелика, так считают японцы. Не следствие ли это того, что вся их нация веками любовалась цветущей сакурой? Нам бы, россиянам, хоть чем-нибудь полюбоваться вместе... Любим ли мы все вместе хоть что-либо?

Я завидую тем людям, жизнь которых построена так, что они часто читают Пушкина. Наверно, это чрезвычайно благотворно.

Грешен, сам я уже давным-давно к таким не отношусь и давно не беру томик Пушкина с полки для того, чтобы просто посидеть с книгой в кресле и полистать любимые места. А беру в руки Пушкина только затем, чтобы сверить цитату или найти конкретную, для чего-то понадобившуюся строку. Грешен.

Однако не в качестве любимой книги для чтения, а для некоего обстоятельства совершенно другого, Пушкин, а вернее, то, что он, по моему понятию, мог бы или должен был бы сказать, просто необходим. Он служит мне чем-то вроде того оптического прибора или измерительного устройства, которые сразу же дают возможность взвесить многое из нынешней жизни. При этом ответ чаще всего я слышу сразу.

И, мне кажется, я слышу, что сказал бы Пушкин о нашей войне в Афганистане, обо всем том, что окружало апокалипсис Чернобыля, о Крыме, который мы потеряли так, словно он у нас просто вывалился из дыры в кармане... О миллионах соотечественников, забытых нами в свежих сатрапиях Средней Азии, о новеньком храме Христа Спасителя, обманутых вкладчиках, о политике Жириновском и скульпторе Церетели, о собачьей свадьбе наших телекомористов и группе Тату, о том, что окружало подъем лодки «Курск», о школе в Беслане и об индустрии фармакологических подделок и пищевых суррогатов. О книгах Коэльо, Мураками или Дэна Брауна, об этих крабовых палочках современной литературы, в которых, как известно, нет ни намека на крабов... О стране, где каждый пятый молодой человек служит охранником, но где при такой сверхобороне от самих себя окна нижних этажей по всей стране забраны стальными решетками...

Спросим у Пушкина и послушаем, что бы он по поводу всего этого сказал... И мысленно услышать его ответ — это, на мой взгляд, один из способов привести себя в норму. Так у современных цифровых аппаратов предусмотрена техническая операция, восстанавливающая нормальную передачу цветов — называется она «баланс белого».

Соотнесение обстоятельств нынешней жизни с тем, что сказал бы по их поводу Пушкин, и есть для меня лично подобие той операции — попыткой восстановления нормальных цветов.

Примечания

¹ Сочинения Пушкина. Дневники. Записки. Исторические статьи и разные заметки. 3-е изд. СПб., 1887. Т. 9. С. 25.

² Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 5.

³ Там же.

З. К. Церетели

**ОН БЫЛ ОБРАЗЦОМ
НАСТОЯЩЕГО УЧИТЕЛЯ...***

Василий Иванович Шухаев — великий художник-рисовальщик! Так сложилась его судьба, что в 1920–1930-е годы он работал во Франции. В Париже тогда существовал клуб художников, в который входили Ф. Леже, П. Пикассо, другие известные художники. И Шухаев давал в этом клубе публичные сеансы, показывая желающим, как построить рисунок, выстроить композицию, создать образ и т. д. Интересующиеся покупали билеты и смотрели с антресолей, а он сидел и рисовал обнаженную натуру.

По возвращении художника в Россию его отправили в лагерь, а потом, после освобождения, запретили жить в Москве и в Ленинграде и сослали на Кавказ. Но и на Кавказе ему нельзя было жить в столице. В Тбилиси как раз вернулись такие известные художники, как Е. Д. Ахвледиани, Л. Д. Гудиашвили и Я. И. Николадзе — ученик Родена. И они обратились к Рухадзе, тогдашнему руководителю Комитета государственной безопасности Грузии с просьбой, чтобы Шухаеву разрешили жить в Тбилиси. Именно в это время в город стали возвращаться уникальнейшие педагоги, которые составили славу Тбилисской академии: В. И. Шухаев, И. А. Шарлемань, В. К. Шебуев, Е. Е. Лансере...

Шухаев преподавал нам рисование. Он был образцом настоящего учителя. Всегда приходил на занятия бодрый, в хорошем настроении. Он и одевался изящно: всегда в «бабочке», всегда в костюме, всегда подтянут. И всегда был выдержанным: характер свой, свое настроение никогда студентам не показывал.. Он хотел, чтобы мы, студенты, были, как он выражался, «полноценными». Чтобы не было этой расхлябанности: мол, сегодня хочу работать, а завтра не в настроении, нет вдохновения... Тот, кто профессионально полноценен, говорил он, всегда должен быть на высоте...

Он никогда не говорил ничего лишнего. Он просто смотрел на нас в классе и про себя думал: вот из него получится художник, а из него не получится. Меня и Тенгиза Мирзанишвили он выделил и давал нам лишние часы, а со мной и потом еще продолжал заниматься. После уроков я оставался и рисовал. Для меня были очень важны его уроки. Натура на сеансе стояла сзади, мольберт — впереди, бумага — впереди, я — между натурой и мольбертом. Я смотрел, запоминал, а он меня наставлял: «Ты должен рисовать по памяти, “наизусть”»; сначала смотри и отмечай главное, что нужно увидеть

* Статья подготовлена Т. С. Мишиной по материалам беседы с З. К. Церетели (Ред.).

и выделить в натуре. Запоминай пропорции, объем, а потом, отвернувшись, по памяти переноси их на бумагу, на холст...» И это был очень правильный и плодотворный метод обучения.

У Шухаева были очень теплые дружеские отношения с С. Т. Рихтером. На квартире у Рихтера проходили выставки художника. Все это устраивала Е. Д. Ахвледиани. Приглашались те, кто ценил искусство, знал рисунок.

У меня много работ мастера: две большие работы (это сангины) он мне подарил, много работ я приобрел для своей коллекции, и все это передам Московскому музею современного искусства.

Ю. К. Люкшин

«ОБНАЖЕНА МОЯ ДУША
ПРЕД ВАМИ...»

Теплым летним утром, гуляя по городу, я зашел в церковь на Конюшенной. День был будний, прихожан почти не было, служба еще не началась, и в ожидании ее я стал листать книги в церковной лавке. Многие были мне знакомы — простые безыскусные рассказы об отцах Церкви, священномучениках и исповедниках, душеполезное и душеспасительное чтение. Но одна небольшая брошюрка совершенно поразила меня: «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» и неизвестный автор — митрополит Анастасий (Грибановский). Отстояв службу, я буквально побежал домой — читать...

И как же счастлив я стал, раскрыв это изумительное исследование. Никогда еще не открывался мне наш национальный гений такой теплой, такой радостной, такой родной стороной. А ведь я всю жизнь читаю Пушкина и читаю о Пушкине... Как же сам я мог не заметить, не прочувствовать, не проникнуть?!

«Пушкин подходит ко всему просто и естественно, как это искони свойственно русскому сердцу. У него нет предвзятых тенденций, как у Толстого или Достоевского, стремящихся подчинить им своего читателя. Он не пытался насиловать свой талант и не “мудрствовал лукаво”: поэтому ему было открыто более, чем кому-либо из других наших поэтов. Он принимает действительность такую, “какою Бог ее дал”. Он созерцает и зарисовывает ее картины спокойно и объективно, как истинный художник. Отсюда какая-то детская непосредственность, ясность и чистота его созерцания, акварельная легкость и прозрачность его рисунка, делающая его творения одинаково доступными всем возрастам. Мы воспринимаем его образы так же просто и непосредственно, как саму природу».

Митрополит Анастасий пишет о Пушкине искренно и сердечно, без разьедающих душу сомнений и циничного панибратства с гением. Его удивительной проникновенности рассказ о «Борисе Годунове» заставил меня перечитать трагедию и обратиться к ее иллюстрированию.

Но о чем же пушкинская драма? Народ и власть — да! Русское самозванство — да, конечно! И еще это драма личности в истории — это поиск ответа на вечный вопрос Достоевского: «Кто я — тварь дрожащая, или право имею?!» Но для меня главное — вопросы веры, веры и безверия.

Я думаю, что у Пушкина в пьесе три главные линии повествования. Первая линия: Григорий Отрепьев — Самозванец. Беглый монах Чудова монастыря, «был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота дала-ся ему не от Господа Бога...» У совсем молодого человека уже нет ничего святого. Григорий — это квинтэссенция безверия. Он не только хочет захватить московский трон, не только ведет на Русь «проклятых ляхов», желая разделить с ними все выгоды

будущего своего положения, но и переходит в католическую веру, предает Русское Православие и обещает монаху-иезуиту принятие новой веры всей Русью:

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра (VII, 50).

Но, возможно, Григорий искренен с иезуитом? К несчастью, нет. Он открывается лишь Марине Мнишек:

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я Бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою (VII, 62).

В чем же правда Самозванца? В циничном и наглом безверии, которое он даже не думает скрывать перед гордой и красивой, но, в сущности, такой пустой полячкой...

Вторая важнейшая линия повествования — это бесконечно прекрасная, гармоничная вера летописца Пимена. «На почве расширенного духовного опыта поэта и исторических познаний, — пишет митрополит Анастасий, — родился весь несравненный по красоте духовный и бытовой колорит драмы “Борис Годунов”, которую автор считал наиболее зрелым плодом его гения (хотя ему было в то время только 25 лет) и особенно “смиранный и величавый” образ Пимена, которого не могут затмить другие действующие лица драмы. Пимен — это не просто художественное изображение, сделанное рукой великого мастера: это живое лицо, которое трогает, учит и пленяет читателя, подчиняя его своей тихой, кроткой, но неотразимой духовной власти. Он вышел из самого горнила сокровенного творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения, как мать со своим ребенком. Не напрасно он говорит, что “полюбил своего Пимена”, плененный сам его духовной красотой. В нем поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе.

Пушкин уразумел своим русским чутьем, что здесь запечатлена от века лучшая часть нашей народной души, видевшей в монашестве высший идеал духовно-религиозной жизни. Ее неутолимая тоска по горнему отечеству находила отклик в его собственном сердце, звавшем его туда, “в заоблачную келию, в соседство Бога самого”. Уже одним этим своим чудным и возвышенным образом, вышедшим из народной стихии и снова воплощенным в нее гением поэта, он искупил в значительной степени нравственный соблазн, который он мог посеять ранними своими легкомысленными произведениями».

И, наконец, третья, самая трагическая линия пушкинского рассказа — это глубокая, истовая вера царя Бориса, омраченная страшным злодеянием — убийством маленького царевича в Угличе. Она не дает ему насладиться незаконно захваченной властью. Му-

чимый совестью все годы своего правления, Годунов, не перенеся столь великого греха и зная невозможность искупить его добрыми делами, умирает.

Очень важным мне представляется первое появление Бориса Годунова. Он предстает перед читателем в момент искренней молитвы. Обращение Бориса к патриарху и боярам, пришедшим звать его на царство: «Обнажена моя душа пред вами...», и последующий призыв к усопшему царю Феодору:

О праведник! о мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен как ты (VII, 15).

В словах молитвы Годунова невозможно усмотреть и тени фальши. Он верен памяти усопшего царя, любит свой народ и, конечно, желает ему лишь блага. Борис верит в Бога и обращается к нему с открытым сердцем. Он верит в свои силы, в свою богоизбранность, в возможность долгого и счастливого царствования. И что же может ему помешать? По словам Николая Карамзина (а ведь именно «История государства Российского», этот блестящий труд вдохновил Пушкина на создание драмы): «Если бы Борис родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но рожденный подданным, с необузданною страстью к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодно — и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову».

Годунов сам осознает всю глубину падения. Перечисляя многочисленные благодеяния, которыми он успел наградить свой народ за пять лет царствования, Борис в тоске восклицает:

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе (VII, 26).

Борис — убийца. По его преступному приказу зарезали царевича Димитрия в Угличе. В погоне за тронем Годунов надеялся «перешагнуть» через «кровь невинного младенца», но христианская душа не дает ему покоя:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.

<...>

Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит... (VII, 26–27)

И все-таки Пушкин сострадает своему герою. Как же, воскликнете вы, это возможно? Ведь самый гармоничный, абсолютно положительный образ трагедии — Пимен — является его рым хулителем. Он впрямую обвиняет Бориса, говоря:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли (VII, 21).

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не призывал «милость к падшим». В каком-то смысле поэт милосерднее доброго и смиренного старца. Подчеркивая очистительные страдания царя Бориса в конце жизни, он дает ему упокоиться на руках сына, которого Годунов безмерно любил, принять схиму и отойти к своему небесному отцу. И лишь небесный судия вправе вынести ему справедливый приговор. Но необходимо вспомнить и два кульминационных эпизода трагедии, через которые Пушкин безжалостно проводит своего героя. Душевны муки и раскаяние Годунова примиряют читателя с грешным царем. Это исполненный дивной прелести рассказ Патриарха о чуде на мощах усопшего царевича Димитрия. Пушкин впервые в светской русской литературе поднимается на невиданную высоту духовного рассказа, рисуя картину столь умилительную и совершенную, достойную пера великого летописца древности, оставившего потомству столь гениальный памятник, как «Жития Бориса и Глеба». Слепому старцу-пастуху является во сне ангел-царевич и зовет его в Преображенский собор в Угличе, обещая исцеление. Влекомый только искренней верой, старик направляется в путь:

Вот Углича достиг я, прихожу
В святыи собор и слушаю обедню,
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: «Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия». И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку» (VII, 70–71).

Царь слушает сей рассказ в присутствии бояр, он смущен, растерян, «несколько раз отирает лицо платком». В завершение сцены один боярин в тревоге обращается к своему товарищу:

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал? (VII, 72).

И тот отвечает:

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться (VII, 72).

Терзаемый муками совести, Годунов, кажется, близок к полному раскаянию, публичному признанию своей вины...

Вторая сцена душевных страданий Бориса выписана Пушкиным не менее потрясающе. Это явление юродивого Николки и его страшные, обличающие слова:

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит (VII, 78).

Годунов потрясен, мучается, казнит себя, и вскоре по повествованию умирает.

Образ Николки очень важен для Пушкина. Блаженный говорит голосом Бога, голосом тихой смиренной народной совести, и потому его маленькая невзрачная фигура вырастает до исполинских высот библейского пророка. Поэт, рисуя своего юродивого, конечно, опирается на рассказ Карамзина о святом праведнике Николе Саллосе, который своим смелым пророческим обличением жестокосердного тирана Иоанна Грозного спас от страшного разорения Псков. «Старец предложил Иоанну в дар... кусок сырого мяса; на что Царь сказал: “Я Христианин и не ем мяса в Великий пост”, а пустынный отвечив: “Ты делаешь хуже: питаешься человеческой плотью и кровью, забывая не только пост, но и Бога!” Грозил ему, предсказывал несчастья и так устранил Иоанна, что он немедленно выехал из города; и как бы невольно пощадив Ольгину родину, спешил в Москву...» Вот такие примеры русского подвижничества показал Пушкин в своей драме.

Своими иллюстрациями к «Борису Годунову», живописными диалогами я пытался со столь дорогим для меня автором поговорить со зрителями о вопросах православия, совести, любви, раскаяния, прикоснуться к истории государства Российского, сохранившего еще дореформенную, глубокую веру. И закончить свои размышления я хотел бы словами Николая Карамзина: «Кто из нас не любит тех времен, когда Русские были Русскими; когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили так, как думали? По крайней мере, я люблю сии времена...»

О. М. Свалова

ПУШКИН В МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Пять лет назад по инициативе З. К. Церетели и на основе его личной коллекции открылся Музей современного искусства, давно задуманный и необходимый, — поистине долгожданное дитя культуры. Разместился музей в старинном особняке, построенном архитектором Матвеем Казаковым в конце XVIII века. Дом-дворец с колоннами, пилястрами, широкими лестницами, бальным залом, расписными плафонами и легендами находится в историческом центре Москвы, напротив — Высоко-Петровский монастырь, рядом — Страстной бульвар, неподалеку — памятник А. С. Пушкину. Год рождения музея, 1999-й, прошел под знаком 200-летнего юбилея великого поэта. И если новому музею суждено было стать, по мысли его создателей, своеобразным зеркалом, в котором отразится художественное сознание общества, то именно Пушкин, не раз уже сброшенный «с корабля современности», должен был появиться в нем непременно. Так и случилось: яркие и своеобразные скульптурные и графические портреты Пушкина, выполненные современными авторами, пополнили музейную коллекцию и украсили экспозицию в первые же годы жизни музея.

Современное изображение любой знаменитой личности прошлого невозможно в наше время ограничить рамками классического жанра исторического портрета, настолько это сложное личностное восприятие и воплощение образа со всеми его трансформациями и наслоениями прошедших эпох. Иконографию Пушкина вообще можно сравнить с мифотворчеством, а облик поэта настолько узнаваем и распространен, что воспринимается как символ.

Портреты Пушкина из собрания Музея современного искусства объединяет прежде всего метафоричность художественного решения образа. Общим для них является также набор узнаваемых деталей: цилиндр, сюртук, фрак или плащ, трость — знакомые приметы вещного мира, несущие на себе печать исторического времени, а также, конечно, бакенбарды, локоны, арабский профиль — всем с раннего детства так хорошо известные черты. Однако на этом реалистичность исчерпывается, вытесненная иными стилистическими изысками.

Некоторое время назад в вестибюле музея у входа на первый этаж встречал посетителей медный Пушкин работы скульпторов Даниэля Митлянского и Анны Богушевой 1999 года. Скульптурная композиция, где прямо из роз поэт взлетает вверх, взмахнув руками, решена в стиле возвышенного гротеска. За спиной — взметнувшиеся крылья пелерины его плаща. Пушкин предстает как архангел поэзии, наместник Аполлона, как видение из области сказок, поэтических грез и снов детства. Поэт парит в воздухе, кажется, что это так естественно для него, по крайней мере, легко согласиться с авторской фантазией. Здесь Пушкин — символ и сама душа творчества — словом, «как аквилон, где хочет там и веет он», послушный только свободе и вдохновению.

Совсем другой пластический образ поэта в бронзовой скульптуре Аделаиды Пологовой (1999). Изящная фигура в рост во фраке, лосинах и сапогах с тонкой тростью в руке. Легко представить его таким на балу, например в Аничковом дворце, незадолго до дуэли: внешне привычная светскость и аристократическая непринужденность, но в позе и в повороте головы передана напряженность и настороженность, что подчеркнуто и усилено жестом правой руки, пальцами которой он очень прямо держит тонкую трость. Кажется, что вокруг него «светская чернь», враждебность, пересуды, сплетни, где-то рядом Дантес. Пластически точно передано ощущение натянутой до предела трагической струны.

Графические портреты также очень выразительны и оригинальны. Это листы художников-поэтов Андрея Вознесенского и Валерия Мишина. Первый — рисунок пером в характерной для Вознесенского манере: из прописных букв фамилии, написанных черной тушью на белом листе, составлен полупрофиль Пушкина: заглавная «П» перевернута, она играет роль цилиндра, «у» намечает линию лба и носа, буквы «шк» образуют локоны, «ин» — бакенбарды. Легкий росчерк пера, словно автограф, — и рисунок напоминает знаменитые профильные автопортреты самого Пушкина.

Литография Валерия Мишина сделана в 1987 году. Это погрудный портрет Александра Сергеевича, пальцами правой руки он держит листы бумаги. Изображение парадное — так портретировали в позапрошлом веке: академический рисунок, детальное внешнее сходство с оригиналом, внимание к мелочам, четкость линий. Но при этом на полях его цилиндра разыгрывается фантазмагорическая сцена пушкинского Петербурга: дома, церковь, парусник, верстовой полосатый столб с фонарем и фигурки прогуливающих дам, военных и штатских кавалеров, экипаж с кучером и седоками. Некоторые из них в полушаге от пропасти, одна из фигурок, в сюртуке, с бакенбардами, цилиндром и тростью — это сам Пушкин — уже падает вниз.

Пушкинская тема в музейном собрании не исчерпывается только портретами, в прошлом году музей пополнился роскошным изданием «Пиковой дамы», иллюстрированным офортами В. А. Мишина. Фолиант в тисненном кожаном переплете вышел в издательстве «Редкая книга из Санкт-Петербурга» в 2001 году небольшим тиражом. Черно-белые офорты ручной печати выполнены в стилизованной манере книжной графики пушкинского времени. В композициях из предметов эпохи соблюдена документальность, поскольку игральные карты, письменные приборы и другие вещи рисованы автором с подлинных раритетов — экспонатов Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке. Характерная для книг того времени соразмерность текста, иллюстраций и полей, использование орнаментов, виньеток, буквиц, заставок, тиснения в украшении книги — все это делает издание уникальным произведением полиграфического искусства.

О. М. Свалова

ПУШКИН В МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Пять лет назад по инициативе З. К. Церетели и на основе его личной коллекции открылся Музей современного искусства, давно задуманный и необходимый, — поистине долгожданное дитя культуры. Разместился музей в старинном особняке, построенном архитектором Матвеем Казаковым в конце XVIII века. Дом-дворец с колоннами, пилястрами, широкими лестницами, бальным залом, расписными плафонами и легендами находится в историческом центре Москвы, напротив — Высоко-Петровский монастырь, рядом — Страстной бульвар, неподалеку — памятник А. С. Пушкину. Год рождения музея, 1999-й, прошел под знаком 200-летнего юбилея великого поэта. И если новому музею суждено было стать, по мысли его создателей, своеобразным зеркалом, в котором отразится художественное сознание общества, то именно Пушкин, не раз уже сброшенный «с корабля современности», должен был появиться в нем непременно. Так и случилось: яркие и своеобразные скульптурные и графические портреты Пушкина, выполненные современными авторами, пополнили музейную коллекцию и украсили экспозицию в первые же годы жизни музея.

Современное изображение любой знаменитой личности прошлого невозможно в наше время ограничить рамками классического жанра исторического портрета, настолько это сложное личностное восприятие и воплощение образа со всеми его трансформациями и наслоениями прошедших эпох. Иконографию Пушкина вообще можно сравнить с мифотворчеством, а облик поэта настолько узнаваем и распространен, что воспринимается как символ.

Портреты Пушкина из собрания Музея современного искусства объединяет прежде всего метафоричность художественного решения образа. Общим для них является также набор узнаваемых деталей: цилиндр, стюртук, фрак или плащ, трость — знакомые приметы вещного мира, несущие на себе печать исторического времени, а также, конечно, бакенбарды, локоны, арабский профиль — всем с раннего детства так хорошо известные черты. Однако на этом реалистичность исчерпывается, вытесненная иными стилистическими изысками.

Некоторое время назад в вестибюле музея у входа на первый этаж встречал посетителей медный Пушкин работы скульпторов Даниэля Митлянского и Анны Богушевской 1999 года. Скульптурная композиция, где прямо из роз поэт взлетает вверх, взмахнув руками, решена в стиле возвышенного гротеска. За спиной — взметнувшиеся крылья пелерины его плаща. Пушкин предстает как архангел поэзии, наместник Аполлона, как видение из области сказок, поэтических грез и снов детства. Поэт парит в воздухе, кажется, что это так естественно для него, по крайней мере, легко согласиться с авторской фантазией. Здесь Пушкин — символ и сама душа творчества — словом, «как аквилон, где хочет там и веет он», послушный только свободе и вдохновению.

Молодого театра (Atelier Jeune Theatre) при Брюссельском Национальном театре (Бельгия). Премьера спектакля состоялась в январе 2001 года.

Концертный зал в особняке княгини С. Г. Волконской на Мойке, 12, сложно назвать полноценной театральной площадкой: неглубокая сцена, отсутствие кулис, театральной машинерии, профессионального оборудования. В основном зал используется для проведения конференций и лекций, здесь проходят поэтические вечера и концерты камерной музыки. Бельгийцы отважились на создание театральной площадки из этого не приспособленного помещения. Глубину сцены увеличили с помощью помоста, построили фермы для монтажа декораций и установки осветительной аппаратуры. Переоборудование сцены заняло достаточно много времени, а пока артисты имели возможность побывать в музее-квартире поэта, ознакомиться с экспозицией «Пушкин. Жизнь и творчество». В небольшом уютном фойе и в самом концертном зале в это время продолжала работу выставка, посвященная памяти известного петербургского художника, скульптора и педагога Владимира Васильковского — иллюстратора и интерпретатора пушкинских произведений. Она стала своеобразным прологом к спектаклю.

В начале действия все артисты, а их шесть, рассаживаются полукругом на сцене, являясь и исполнителями, и зрителями одновременно, поскольку они будут играть «в персонажей», придуманных Пушкиным, по ходу действия меняя костюмы и роли. На протяжении всего спектакля на сцене присутствует портрет Пушкина в массивной раме. Такой режиссерский ход выглядел бы несколько прямолинейным и иллюстративным в том случае, если бы спектакль разыгрывался на сцене театра, но он абсолютно оправдан в зале, на стенах которого развешаны картины. Театр пришел в гости к Музею, и Музей поделился с Театром своим неизменным атрибутом — картиной в раме. Кроме того, в данном случае это была не просто картина, а копия с портрета Пушкина работы В. Тропинина, оригинал которого хранится в собрании ВМПИ. Таким образом, «играющий» в спектакле портрет представлял не только автора сценического произведения (именно так он «читался» бы на сцене театра), но и хозяина дома. Эта сценографическая деталь с особой пронзительностью прозвучит в «Пире во время чумы», когда за импровизированный стол сядут персонажи пьесы, и замыкать их ряд — то ли актеров, надевших лицедейские маски, то ли будущих мертвецов, — будет сам автор. Он пригласил гостей на вечный пир жизни и смерти...

Сценограф спектакля Ани Гулеро выстроила по бокам сцены два ряда железных вешалок с костюмами персонажей, в которые по ходу действия облачались актеры. Жизнь вершит свой вечный круговорот, герои меняют одежду и имена: плащ Дон Гуана, камзол Сальери — они оставлены здесь для новых поколений Гуанов и Сальери, персонажей, олицетворивших борение человеческих страстей, «героев» и их «демонов». Актеры начинают спектакль легко, как будто в шутку решив примерить на себя костюмы пушкинских героев. Затем в размеренный и строгий мир Сальери ворвется шумный и веселый Моцарт. Экспрессивная французская речь (спектакль шел без синхронного перевода, что совершенно не затрудняло его восприятие) похожа на брызги, вырывающиеся из откупоренной бутылки шампанского, о которой упоминает Моцарт. Уже первая сцена дала возможность зрителям оценить знаменитую французскую школу пластики и произношения поэтического текста. Сначала кажется, что «французский» Пушкин слишком грациозен и легок. Но этому есть объяснение: национальные актерские школы существуют до сих пор, несмотря на процесс «перемешивания культуры», характерный для нашего времени. Постановщик спектакля Жюльен Руа своими учителями в профессии считает Марсея Марсо и Мориса Бежара. Впрочем, когда вспоминаешь, что первое прозвище Пушкина в Лицее было Француз, а его первые детские стихи написаны на французском языке, — все становится на свои места. «Французский колорит»

не помешал режиссеру создать глубокий и трагический спектакль. В сцене «Пир во время чумы» без каких-либо постановочных ухищрений (они и невозможны в условиях описанного выше зала), из актерской эмоции, замечательно выраженной пластикой, и мелодики пушкинского стиха вырастает образ вселенской чумы.

В спектакле приняли участие актеры Франсуа Бертран, Себастьян Дутри, Николас Хаесброк, Блаз Людек, Николь Оливер и Мариель Шолтиссен. Каждый из них имел возможность выступить в нескольких ролях, но выделить кого-то из исполнителей сложно. Актеры продемонстрировали ансамблевую игру, ту «притертость» и единство стиля, на которые тратится не один год кропотливой режиссерской работы.

Режиссеру удалось избежать аллюзий, чрезвычайно распространенных в нашем театре в советские времена, когда очень ценился язык иносказания и намека. В спектакле нет попытки осовременить Пушкина, достичь желаемой реакции публики за счет злободневной трактовки персонажей, отдельных реплик. При этом постановка чрезвычайно ценна своей метафоричностью. Все образы, витающие в этом спектакле, замкнуты на пушкинское произведение. Слепой музыкант, которого Моцарт приводит в дом Сальери — эпизодическое действующее лицо, но в «Пире во время чумы» перед нами в исполнении того же актера предстанет слепой Вальсингам. Таким образом, в живых (не надев «маску смерти») останется, по замыслу режиссера, слепой музыкант-поэт, оказавшийся «у бездны мрачной на краю».

Так множатся и сплетаются в один узел смысловые линии спектакля. Уже выпивший яд Моцарт медленно оседает на руки обнявшего его Сальери. Палач и жертва, «гений и злодейство», две ипостаси одной личности — теперь они неразделимое целое. В такое же смертельное объятие заключит Командор Дон Гуана, как будто совершит акт воссоединения долга и чувственности. Или еще одна метафора спектакля: в финале «Каменного гостя» на главного героя надвигается гигантская фигура Командора, мы видим ее тень через отрез белой ткани (применено проекционное освещение). Пройдет несколько минут, и актеры, прикрытые тем же покрывалом-саваном, выстроятся зловещей «сороконожкой» смерти, вовлекая в дикую игру все новые жертвы чумы.

Формулируя законы драматического театра, Пушкин писал, что в нем должна быть «истина страстей» и «правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах». Бельгийскому театру удалось без заигрывания с аудиторией, сохраняя внутреннее достоинство и право на «своего Пушкина», создать образный, живой спектакль, который приблизился к изображению «человеческих страстей».

Режиссер Жюльен Руа, работая над постановкой, отказался от «Скупого рыцаря», оставив из пушкинских «опытов драматических поучений» «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и «Пир во время чумы», а завершил его «Сценой из Фауста». Такая композиция имеет аналоги в постановочной истории «Маленьких трагедий». (В середине 1990-х годов в Петербурге с большим успехом шел спектакль знаменитого литовского режиссера Э. Някрошюса, который так и назывался «Моцарт и Сальери. Дон Гуан. Чума».)

Мы не случайно начали рассказ о спектакле определением времени, места и главного действующего лица: дом Пушкина, день рождения Пушкина, главный герой — Пушкин... В тот день в доме на Мойке, 12, зритель встретил не театр с его традициями, фотографиями артистов и режиссеров на стенах фойе, бутафорскими мастерскими и зрительским буфетом, где автор-литератор лишь гость, которому наряду с другими собратями по перу разрешают время от времени выйти на сцену и обратиться к публике словами оживших персонажей. В данном случае театр пришел в гости к автору, в дом, в котором в конце января 1837 года решался вопрос о смерти

и бессмертии. Это обстоятельство, которое можно назвать «приращением смысла», задавало нужный масштаб и актерской игре, и восприятию зрителей.

Перенос театральной постановки в пространство музея, конечно, не мог иметь только положительные стороны. Несмотря на усилия актеров, ощущалось, что они стеснены малыми размерами сцены, а сценическая площадка оказалась перегружена реквизитом и бутафорскими деталями, не обязательными для «поэтического театра». Но спектакль стал поводом для размышлений о вечном вопросе, над которым ломает голову не одно поколение театроведов и пушкинистов: о сценичности или несценичности, а правильнее было бы сказать — о специфичной сценичности пушкинских драматургических произведений. Ведь из русских драматургов первой половины XIX века Пушкин, пожалуй, менее всех привязан к «сцене-коробке» Нового времени. С небольшими допущениями можно предположить, что он и не писал для такого театра (им он переболел в юности). Возможно, воображению поэта рисовались другие сценические подмостки, в том числе площади средневековых городов или интерьеры замков, другие ритмы смены места действия, адекватные разве что возможностям кинематографа. А это, в свою очередь, означает, что произведения Пушкина могут разыгрываться на импровизированных «сценических площадках», в том числе и музейных. Успех у зрителей оперы М. Мусоргского «Борис Годунов», показанной во дворе Выборгского замка (спектакль Мариинского театра, режиссер В. Крамер, дирижер В. Гергиев) — еще одно тому подтверждение. Но это уже другая история об «истине человеческих страстей».

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

В. Ю. Козмин

МУЗЕЙ В БУТРОВО: В ПОИСКАХ СВОЕОБРАЗИЯ

В состав литературного музея «Мельница в деревне Бутрово»¹ входят крестьянский двор, водяная двупоставная мельница, дом мельника, амбар, баня, гумно с овинком. На первый взгляд это сугубо этнографический музей. Различие между ним и другими музей-усадьбами Пушкинского заповедника очевидно: иные масштабы застройки, иная высота покоев, мебель и т. д. Между тем в литературном музее «культурное пограничье» между крестьянской избой и барским домом проявляется в специфических формах.

Для того чтобы поклониться гению поэта и вспомнить его стихи, вовсе не обязательно возводить новодельные усадебные комплексы. Для этого достаточно куда более многозначительных руин. Поводом для масштабного восстановления дворянских гнезд в Михайловском, Тригорском и Петровском стала насыщенная фактами биографии «семейная» и «усадебная» хроника. Периферийная, по сравнению с поэтическим творчеством, информация стала основой тех экспозиций, которые создавались в Пушкинском заповеднике. Экспозиционный скелет стал «обрастать» плотью, на которой появились как бы литературно-мифотворческие «родинки»: «Гостинная Онегина», «Кабинет Онегина», «Аллея Керн», «Дуб уединенный» и т. д. Материализация литературного мифа в музейном пространстве стала способом соединить несоединимое: творчество и жизнь. Но по сложившейся традиции местный колорит во всех его нелитературных подробностях в усадебных экспозициях все-таки доминирует. Как следствие, попутчики (имена и вещи) превалируют над самим путником, каковым в нашем случае выступает поэт Пушкин. Логика развития подобных «документальных» экспозиций парадоксальна. Сначала появляется идея восстановить «Дом поэта», потом восстанавливается «Дом Пушкина», и в конце концов детализация экспозиции приводит к образованию «Дома помещика Пушкина».

В «народном» музее все обстоит несколько иначе. Так, о хозяине водяной мельницы в деревне Бутрово нам известно только то, что звали его Петр. Достаточно сравнить сведения о нем с тем, что мы, знаем, например, о Петре Абрамовиче Ганнибале, чтобы явственно почувствовать разницу. Если бы не было Петра Абрамовича и его знаменитого отца Абрама Петровича, вряд ли появился бы музей Ганнибалов в Петровском. Но если бы не было бутровского мельника Петра, музей в Бутрово появился бы все равно. Потому что мельника Петра «родила» для нас бутровская мельница, бутровскую мельницу «родила» литературная мельница из драмы «Русалка», литературную мельницу «родил» Поэт. Об этом свидетельствует логика появления и существования музея, созданного в 1986 году С. С. Гейченко. До того как в псковском архиве в 1999 году

обнаружилось имя мельника — Петр, музею и его посетителям достаточно было «знаний» о безымянном бугровском мельнике, «говорящем» монологами из пушкинской драмы. «Петр» явился со страниц пожелтевших от времени документов. Безымянный пушкинский мельник «обрел» имя, причем это имя вполне «мельничное»: жернова-то изготавливались из камня. И, кажется, на этом биографический вектор наших изысканий можно завершить. Вряд ли, учитывая социальный статус местного мельника, мы еще что-то узнаем из его реальной биографии. Поэтому недостающие факты поневоле придется дописывать из другого источника — литературного. Впрочем, уточним: не «поневоле», а вполне сознательно и целенаправленно. На наш взгляд, в литературном музее биография реального человека должна тесно смыкаться с биографией литературного персонажа. Как следствие — создание музейной биографии героя, построенной на симбиозе местного и литературного: «Вот мельница (VII, 205), на которой трудился бугровский крестьянин Петр!»².

В музейном комплексе «Крестьянский двор» «мемориальных» хозяев, имен и фамилий изначально не может существовать, так как постройкой восстанавливаются в виде обобщенного типологического портрета псковской деревни пушкинского времени. Подобный подход может показаться спорным и неубедительным, так как в этом случае отсутствует правда индивидуального бытия. Но типология может превратить музей в скучную и многотомную энциклопедию псковской деревни, где нет начала и конца, предисловия и послесловия и где отсутствует главное — драматургия жизни. К тому же следует учесть и то, что у авторов подобных экспозиций могут быть свои вкусы и привязанности: кого-то «дразнит» аромат щей со сметками, кому-то милей бабушкино «цоканье», а кого-то очаровывает кружение мельничного колеса.

Традиционные способы передачи литературной составляющей экспозиции в виде настенных витрин с помещенными в них копиями пушкинских рукописей вряд ли уместны в крестьянской избе. В то же время типичный набор предметов крестьянского быта в большей степени будет иллюстрацией жизни «народа», но не «народности» Пушкина. Поэтому вещи в таком музее должны быть говорящими: в первую очередь на языке пушкинской поэзии, поэзии поэтов его круга, предшественников и последователей³. Именно эти объекты являются сюжетообразующими. Остальное — то, что именуется этнографией, — необходимый фон, наподобие декораций в театре. Понятно, что фон может быть более или менее интенсивным, более или менее информативным, ярким, но он не должен заслонять, а то и бросать тень на «солнце нашей поэзии». При соответствующей организации научной работы фон способен стать этнографическим комментарием к пушкинским произведениям. Но отметим еще раз: «этно» — не самоцель, а средство. И в принципе построение экспозиции аналогично построению статей в комментариях Ю. М. Лотмана, В. В. Набокова и авторов «Онегинской энциклопедии»: сначала слово (в нашем случае слово представлено через предмет), затем комментарий.

На наш взгляд, именно это направление исследовательской и научно-просветительской деятельности наиболее перспективное и в полной мере оправдывает статус музея как научного учреждения. Наиболее реальное направление, которое может сделать музей в Бугрово привлекательным, — литературная этнография. Прочее — «живые» ремесла и промыслы, скансен-пространство, «прибыльная» мельница, могут оказаться замечательным фоном к литературному портрету музея. Но только фоном, так как все это давно известные в туризме «приманки».

Литературная этнография в ее музейной интерпретации находится пока в начальной стадии своего развития. Успехом можно будет считать уже то, что музей фактом своего открытия и несколькими экспозиционными штрихами заявит о себе⁴. Понятно, что

успех возможен только по линии серьезной научно-исследовательской работы и, как следствие, новаторских культурно-образовательных программ. Затем, попав в зону внимания и интереса, можно подумать об иных «реальных» формах подачи этнографии. Но для этого потребуются и новые площадки, и новый, не традиционный статус музейных «ремесленников».

Особенность музея в Бугрово связана со спецификой того языка, на котором «говоят» вещи в экспозиции народного литературного музея. Михайловское, Тригорское, Петровское — это зафиксированные в документах адреса пушкинского присутствия. Наличие этого факта обязывает и экспозиционера, и экскурсовода к демонстрации и освещению биографии поэта. «Жизнь» поневоле побеждает «творчество». В то же время очевидно и то, что Михайловское — это не музей мемуаристики, а нечто большее. Его культурная география не совпадает с межевыми планами и вовсе не ограничивается «поломанным» забором.

В настоящее время в экспозиции «Дома поэта» в Михайловском осуществлена попытка соединить несоединимое: вещь и образ. Речь идет о гравюрах «Метаморфозы» Овидия в «комнате родителей». По замыслу автора концепции, это опосредованный пересказ ситуации творческих метаморфоз, произошедших с поэтом в годы михайловской ссылки: «В личностном и творческом плане в Михайловском с Пушкиным происходит мощное развитие и преображение. Своего рода метаморфоза. И поворот начинается здесь с момента столкновения сына и отца, эмоционального взрыва...»⁵ Примечательная попытка осуществить перевод с языка вещей на язык понятий и представлений! Но каким трудоемким становится подобный «перевод» в стенах михайловского дома! Понятно, что авторы этой идеи попытались через вещь продемонстрировать слово «метаморфозы», соотнеся при этом название поэтического произведения с житейскими метаморфозами Овидия и Пушкина. Между тем в музее простая метафора неизбежно сталкивается с этикетом представления вещи. В данном случае к искомому «метаморфозам» неизбежно добавляется косвенная информация: «Автор — художник Вольпато, написавший картину по рисунку Вутд с картины Сванefeldа⁶. Мы говорим о поэтах и метаморфозах, а приходится вспоминать имена малоизвестных художников. Но выбора в данном случае нет — такова специфика комментария любой авторской работы. «Неизвестный художник» прозвучало бы куда лучше. И именно так картина неизвестного художника на сюжет «Искушение святого Антония» «работает» в Тригорском. Авторство отсутствует, зато в полную силу звучит онегинская строфа, сливающаяся в потоке экскурсионного рассказа с другими строфами и стихотворными отрывками, которыми насыщено пространство гостиной. Здесь же, при исполнении обязательного пояснительного обряда, возникает ощущение, что мы случайно забрели в боковую комнатушку «Дома поэта». Сюжеты овидиевских «метаморфоз», занимающие значительную экспозиционную площадь, несомненно, требуют разъяснений, а разъяснения по поводу овидиевских метаморфоз способны увести и вовсе в иные сферы.

Живопись в крестьянской избе — это сами стены, которые в барском доме прикрыты картинами. Трещины и царапины на стенах — по сути, произведения на тему «История дома». Если же, например, трещина появлялась в красном углу, то это, согласно народным представлениям, предвещало смерть хозяину. Единственный автор подобных «произведений» — время, экспонировать которое хорошо умел С. С. Гейченко.

Картины в крестьянской избе — это народные картинки-лубки. Им, в отличие от «картинных галерей» в комнатах барского дома, отведено свое особое место: справа и слева от божницы, находящейся в красном углу. В центре — иконы. Отсюда воспринятая от храмовой архитектуры идеологическая иерархия пространства избы, в помещицьем доме изрядно растворенная в массе иных художественных произведений.

Идеологическая и художественная составляющие крестьянского дома имеют ритуализированный характер: входя в избу, первым делом следует поклониться иконам и помнить «биографию» святого, покровителя дома. Иначе и экскурсовод, и посетители рискуют оказаться в роли пушкинских разбойников: «Взошли толпой, не поклоняясь, / Икон не замечая...» (II, 409). Только после этого обязательного ритуального жеста возможно продолжение знакомства с домом.

Лубочные картинки, в отличие от авторских работ, произведения безымянные, что избавляет от вводной части: «Гравюра того-то с оригинала этого...». Поэтому комментарий лубочной «живописи» сводится к одному сложносочиненному предложению: «Лубочные картинки, на которых изображены “Славный объедало, веселый подпивало”, “невеста, идущая под венец”, “Еруслан Лазаревич”» и т. д. Таков, кстати, способ «сюжетного» восприятия народных картинок в «Капитанской дочке» Пушкина: «В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота» (VIII, 295). Отсутствие рамок в прямом и переносном смыслах способствует созданию цельного художественного полотна. Здесь уместно вспомнить пушкинский пролог к поэме «Руслан и Людмила». Пролог, в котором «живут» и сосуществуют отдельные персонажи художественного мира сказки, собранные воедино у сказочного дуба. Пушкинское «Лукоморье» — это и есть литературная формула сказочного мира, обязательно присутствующего в любой избе.

Иконы, лубки, роспись на прялке, узоры на полотенце — это детали культурного наполнения избы, через которые у посетителя, подобно пушкинской Татьяне, оказавшейся в кабинете Онегина, будет складываться представление о хозяине. Хозяина михайловского дома мы узнаем по его портрету, портретам его друзей и родственников, по рукописям, аккуратно разложенным в витринах. То есть даже при наличии «онегинских» штрихов, стихийно проявляющихся в экспозиции, главный герой визуально и характерно обозначен. Это — Пушкин. Неизвестного нам хозяина крестьянской избы понять и представить мы можем только через предметы, находящиеся в избе. Возможен, конечно, вариант рассказа о некоем усредненном труженике полей. Но это — из другой сферы. Здесь же появляется уникальная возможность материализации литературных образов.

Лубки, упомянутые в произведениях Пушкина, показ которых сопровождается соответствующей цитатой, — один из способов подобной опосредованной материализации. Как следствие — поиск портретного сходства хозяина избы то с «Ерусланом — Русланом», то с «мельником» (лубок «Воротился ночью мельник...») и т. д. Дополнительные штрихи внесут лубки, созданные по мотивам пушкинских произведений.

О хозяине «рассказывают» и предметы обихода, и одежда, и мебель. Стол, например. В доме помещика есть столы для еды, для работы, для игры в карты. В крестьянском доме стол, как правило, один. За ним тоже едят, работают и играют (в детские игры). Но в нем сохраняется то, что утеряно в помещичьем доме — символика. Этимологически слово «стол» родственно «престолу». Исчезнувшее, казалось бы, из обычной жизни значение тем не менее продолжает присутствовать в крестьянской жизни. «Престол» в избе — это место за столом в красном углу под образами, которое занимает хозяин.

Теми же свойствами обладает крестьянская одежда. Лежит, например, под лавкой обыкновенный сапог, сделанный неизвестным мастером. Мастер — это образ собирательный: фольклорный и литературный. Поэтому, приняв данное изделие из кожи за точку отправления, мы легко перенесемся в чудесный мир сказки и художественной литературы. В «миру» (в быту) сапог — изделие. В сказке, растворенной в пространстве крестьянской избы, любая вещь, в том числе простой сапог, приобретает допол-

нительные смыслы. В Михайловском поэт записал несколько сказок Арины Родионовны. В одной из них сапог, наряду с шапкой и платком, приобретает чудесные свойства: «...они оставляют сестре платок, сапог и шапку — если кровью нальются — то не жди нас...» (XVII, 368). Напомнить об этом свойстве простого сапога — значит перенести посетителя в иное, сказочное измерение. А чтобы вспомнить еще одно литературное произведение и героиню, столь близкую пушкинской Татьяне, следует рядом с сапогом поставить женские башмачки:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...⁷

Сапог «окрасится», брошенный «башмачок» улетит в хрустальные сферы высокой поэзии, а посетитель хотя бы ненадолго оторвется от земного притяжения. К слову, об упомянутых выше метаморфозах. Иллюзорная трансформация из одного состояния в другое в крестьянской избе вовсе не требует сложной системы доказательств. Здесь любая, самая простая вещь, способна к перевоплощению и переходу в иные жанровые измерения. Цель экспозиционера: «разрешить» вещам говорить не на языке материи, а на языке культуры. Языке, который был интересен поэту в первую очередь.

Этнограф и культуролог А. К. Байбурин предложил следующую шкалу семиотичности крестьянских вещей: «С учетом семиотичности вещей всю совокупность используемых человеком предметов можно условно разделить на три группы, каждая из которых займет свое место на шкале семиотичности. Верхнюю часть шкалы займут предметы с постоянно высоким семиотическим статусом. К их числу относятся реалии, используемые исключительно в знаковых целях (такие ритуальные символы, как маски, амулеты, обереги; символы престижности и т. п.) По сути дела, это не “вещи”, а знаки, так как их “вещность” минимальна.

В нижней части шкалы семиотичности расположатся предметы с постоянно низким семиотическим статусом, минимально используемые в знаковых целях. Учитывая отмеченные выше особенности функционирования вещей в традиционной культуре, существование в ней исключительно утилитарных вещей весьма проблематично»⁸. Добавим: наряду со знаковостью вещей, сформировавшейся в народной культуре, для нас важна также знаковость этих же вещей, закреплённая в художественной литературе. Соответственно демонстрация любой вещи в литературно-этнографическом музее обусловлена ее литературной, знаковой и утилитарной значимостью. Причем право «решающего голоса» здесь принадлежит литературному компоненту.

Акцент на литературной составляющей музейной экспозиции помимо субъективного фактора имеет вполне объективные причины. Бывал поэт на мельнице или не бывал — об этом мы можем только гадать, так как прямых документальных свидетельств нет. Впрочем, одно все-таки есть. Это воспоминания деда Прохи, который со слов своего деда свидетельствует о том, что «Пушкин любил зимой с дворовыми в людской лучину щипать, песни петь, в особенности про березу белую. На мельницу в Бугрово бегать любил. Иной раз совсем от муки поседеет, станет как старый мельник»⁹. Но одного свидетельства, к тому же из разряда народной мифологии, явно недостаточно.

Поэтому в Бугрово отсутствует один из главных факторов музейного притяжения — эффект присутствия героя. Уточним: документально подтвержденный эффект присутс-

твия. Для того чтобы хоть каким-то образом соблюсти правила музейной игры, в 1993 году нам «самовольно» пришлось расширить традиционные рамки понятия мемориальности. Мемориальным может и должно быть признано не только то место, где поэт жил, ел и спал, т. е. дом, но и то, где родились вдохновение и замысел. Понятно, что проследить географию всех подобных творческих всплесков достаточно трудно.

Но в Пушкинском заповеднике круг подобных «меморий» давно очерчен. «Три сосны», «береза-седло», «пруд под сенью ив густых» превратились в музеи под открытым небом задолго до наших «открытий». Эти «музеи» вдохновения мемориальны в той же степени, что и те, под крышей, в которых разговор идет преимущественно о бытовых отражениях в жизни поэта. Концептуально водяная мельница в Бугрово входит в разряд именно таких «музеев». Пушкин выходит за двери своего «мемориального» дома, идет в Тригорское мимо сосновой рощи, и впоследствии вводит свои впечатления в поэтический текст элегии («...Вновь я посетил...»). В Бугрово: поэт идет или едет в Святогорский монастырь, обращает внимание на водяную мельницу и затем, по воспоминаниям, воспроизводит ее в художественном произведении.

Но между соснами, михайловским ветряком, скамьей Онегина и музеем в Бугрово существует если и не принципиальная, то достаточно большая разница. Сосны — сами по себе экспозиция. В Бугрово экспозицию необходимо создать. Легче всего, воздав должное поэтическому чутью создателя музея, укрупнить площади и построить совершенно новую экспозицию, к творчеству поэта никакого отношения не имеющую. Но, может быть, попытаться расширить диапазон возможных литературных реминисценций, способных проявиться в музее? Тем более, что музей в Бугрово — последний в ряду реконструируемых. И это, быть может, последняя попытка предметно поразмышлять о жанровых отличиях, существующих в музейных экспозициях Пушкинского заповедника. Понять различия — значит прийти к чистоте жанра и выявлению индивидуальной «физиономии» каждого музейного объекта.

Дворянская культура помещичьих усадеб (Михайловское, Тригорское, Петровское) была для Пушкина своей, привычной средой. Той средой, в которой поэт родился, воспитывался и жил. Но именно здесь привычка, данная свыше, по рождению, сменилась «счастьем» открытий. Крестьянский мир был для поэта «чужим», «экзотичным», «новым». Но именно он стал той «америкой», которую поэт открыл. Пусть и наши посетители, пройдя путь из Михайловского в Бугрово, откроют его для себя.

Бугрово — Михайловское

К крестьянской деревне как объекту новых и неожиданных открытий были обращены творческие искания поэта. В музейном пространстве этот идеологический вектор реализуется последовательностью посещения музеев: сначала Михайловское, затем Бугрово. В том же направлении должен развиваться экскурсионный маршрут «Поединок». Сначала во флигелях Михайловского экспозиционная демонстрация двух сцен из главы V романа «Евгений Онегин»: «Дворовый мальчик» и «Татьяна по совету няни...». Далее — мельница и мельничный пруд и Бугрово, «апеллирующие» к строфам XXV–XXVII главы VI¹⁰.

На предварительном этапе реэкспозиции нами было предложено таким образом проводить отбор вещей для экспозиций Михайловского и Бугрово, чтобы, переходя из дома поэта во флигели Михайловского и затем очутившись в крестьянской избе в Бугрово, посетитель предметно ощущал, что он движется от «мира» помещика через «мир» двора к «миру» крестьянина¹¹. В процессе оформления флигелей Михайловского автором реэкспозиции М. А. Бесарабовой отбирались те предметы, которые были наиболее характерны для помещичьих флигелей. При этом подразумевалось, что че-

рез некоторое время откроется народный музей в Бугрово. Поэтому во флигеле-кухне, например, наряду с предметами кустарного производства теперь экспонируется и «городская» фабричная посуда, характерная для господских строений. В то же время жилое помещение флигеля осталось прежним, «крестьянским», и вот уже несколько лет исполняет «представительскую» функцию того мира русской деревни, который в полном объеме должен быть сформирован в Бугрово после реконструкции. Чтобы избежать дублирования (изба в Бугрово = флигель в Михайловском), придется не только создавать экспозицию в Бугрово, но параллельно вносить коррективы в «господский» интерьер флигеля. Необходимо учесть и местную специфику. К таковой мы относим «Опись Михайловского и других деревень, принадлежавших Н. О. Пушкиной» (1838)¹², в которой присутствует подробное описание «столового прибора». В экспозиции может быть представлен муляж пресловутого немецкого сыра или горчица в соответствующей пушкинскому времени упаковке, которую поэт заказывал из Петербурга, чтобы сдабривать местную пищу. Одежда дворовых (а сейчас во флигеле экспонируется традиционный крестьянский сарафан) также может приобрести «усадебный» колорит, если вспомнить о традиции ношения дворовыми барских обносок.

Следующей точкой пересечения крестьянской и «дворовой» культуры является тема «Арина Родионовна Яковлева». В Михайловском она представлена тремя экспозиционными сюжетами. Первый — в доме поэта, в «комнате няни». Здесь автор экспозиции С. С. Гейченко создал на основе трех пушкинских текстов образ «рассказчицы»: старое кресло, столик, клубок шерсти. Сразу вспоминается цитата из письма: «...вечерами слушаю сказки...» (XIII, 121). Легко представить осенний вечер 1824 года: няня сидит в кресле, поэт слушает и записывает. Последнее — «записывает» — можно было бы проиллюстрировать копиями пушкинских записей сказок и гусиным пером на столике, дополнив тем самым гейченковскую экспозицию. Так как глагол «слушаю» предполагает процесс, то и копии записей должны представлять собой листы с неокончательным, находящимся в процессе заполнения, текстом. Второй сюжет связан со стихотворением «Няне». Наиболее «говорящим» здесь оказывается клубок шерсти: «И медлят поминутно спицы / В твоих наморщенных руках» (III, 33). Правда, если «идти» по тексту, столик должен стоять у окна — «под окном своей светлицы». Третий сюжет (прялки, работы дворовых девушек) построен на основе воспоминаний И. И. Пущина¹³. Все три текста хроникальны и воссоздают атмосферу Михайловского 1824–1826 годов.

Принципиально новую «нянину» обстановку создал Гейченко во флигеле под названием «Домик няни». «Нянина светлица» стала материальной иллюстрацией появившегося в 30-е годы XX века культпросветовского мифа об Арине Родионовне как о женщине из народа, воспитавшей и «просветившей» поэта. Интерьер этого помещения точно копировал интерьер крестьянской избы, и, естественно, никак не соответствовал интерьеру того реального «предбанника», в котором в советское время появилась мифическая «светлица». Реконструкция Михайловского 1998–1999 годов «подтянула» баню к ее реальному облику, но полностью разрушила материализованный в экспозиции миф. Как компенсировать утрату былого «Домика няни» — предмет особых размышлений. Нас же в связи с музеем в Бугрово интересует другая идея, присутствовавшая в экспозиции «светлицы». Созданная Гейченко «светлица» не имела никакого отношения к тому реальному Михайловскому, где произошла передача сказочного материала от бывшей крестьянки к поэту. Но очевидно, что няня не сама и не здесь, в помещицьем доме, придумала сказки о Лукоморье, о работнике Балде или о царе Салтане. Она услышала их в своем далеком детстве от деревенских сказителей, в том культурном ареале русской деревни, который стал сначала для нее, а потом и для Пушкина источником

русского фольклора. Именно такой интерьер, отражавший среду, в которой рождались сказки, создал Гейченко в «Домике няни».

С исчезновением «светлицы» модель «сказочнопорождающей» среды исчезла. Зато такая, в своем более естественном облике, должна появиться в Бугрово, в более соответствующей среде деревенского музея.

Мир русской деревни консервативен. Поэтому нянино «сказочное» детство по сути всегда существовало не только в ее воспоминаниях, но и рядом, в любой из крестьянских изб, расположенных за околицей Михайловского. Одна из таковых возрождена в Бугрово. Отсюда — необходимость проведения водораздела в методике передачи няниного культурного наследия в Михайловском и Бугрово. Экспозиция в Михайловском — это рассказ о сказительнице. Экспозиция в Бугрово — сказ о самих сказках. Здесь находятся три прялки, за которыми сидят три сказочные «девицы», стол в красном углу («стол под образами»). В сенях — обыкновенная бочка, способная с помощью экскурсовода и воображения сказочно трансформироваться в средство передвижения по морю. Перед избой растет дуб. В «документальном» Михайловском теперь плохо приживается «Дуб у Лукоморья». В «сказочном» Бугрово ему самое место. То же самое относится и к другим «народным» пушкинским сюжетам. Так, например, в главе V романа «Евгений Онегин» Пушкин в описании «святочного» поведения «дворового мальчика»¹⁴ отмечает одну из деталей праздника — обряд ряжения. Это вовсе не означает, что только этим единственным эпизодом ограничены знания поэтом святочного обряда. Из собственной копилки знаний поэт цитирует только одну, значимую в данном контексте деталь. В Бугрово, на фоне «русской деревни», музей экспозиционно или в игровой форме способен «дописать» то, что осталось за пределами пушкинского текста. Причем «дописывать» возможно как на основе этнографического, так и на основе литературного материала. Под «литературным» мы подразумеваем близкие по тематике и известные поэту произведения других авторов. Одним из таковых могло стать стихотворение А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (1785):

...А салазки?
Эй, ребята!
По подвязке
Надо с брата.
Привяжите,
Ну! везите:
Едем в Питер.
Я пусть кучер,
Вы лошадки
Резвоноги —
Прочь с дороги!¹⁵

Пушкин не повторяется в деталях праздника, описанных предшественником. Он просто вносит один, характерный для его авторской манеры штрих. Так же, одним штрихом, поэт обозначает другой обязательный эпизод Святка — гадание. Более подробное описание обряда ранее предложил в «Светлане» В. А. Жуковский. Но если поэт не переписывает на свой лад чужие тексты, следовательно, для него они являются эталонными, не требующими собственной переработки и дополнений. Они существуют в литературном сознании поэта и наряду с пушкинским текстом могут быть использованы в экспозиции музея.

Еще одна грань деятельности А. С. Пушкина, никак до сих пор не освещенная в экспозициях Пушкинского заповедника, — собирание народных песен. Именно здесь, в Михайловском, поэтом собрана большая их часть. В Бугрово песни могут звучать в живом исполнении. Экспонаты, соответствующие песенному тексту, способны «подыграть», «подпеть» и проиллюстрировать их содержание. В «бане», например, ковш с пивом напомнит пушкинскую запись: «В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая: “Как-то мне будет в чужие люди идти?..”» (XVII, 372). А сарафан в избе «споет»: «Сошьет Дуньке сарафан / Китайчатый голубой» (XVII, 394).

Бугрово — Святогорский монастырь — часовня в деревне Луговке

В пушкинское время водяная мельница в Бугрово принадлежала Святогорскому монастырю, мука отправлялась в монастырские закрома. Из муки выпекали не только хлеб для будничных потребностей монахов, но и просфоры: хлеб, освященный и используемый во время литургии в качестве одного из символов Христа: вино и хлеб = кровь и плоть. В феврале 1828 года Пушкин подарил Е. Н. Вульф главы IV и V романа «Евгений Онегин» с надписью: «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от твоих. 22 февр. 1828» (XVII, 584).

Слова «твоя от твоих» взяты из речи, произносимой священником во время литургии: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». При этом «твоя» — это и есть хлеб и вино, символизирующие кровь и плоть Создателя. Позднее автор подарил Е. Н. Вревской и VI главу романа, в которой в «дуэльных» строфах в качестве реального объекта второго плана присутствует водяная мельница. Таким образом, формируется любопытное сближение между водяной мельницей в Бугрово, Святогорским монастырем и Тригорским.

Это «странное сближение» может быть проиллюстрировано в сюжете, реконструирующем «движение» муки, изготовленной на монастырской мельнице, к просфоре, приобретающей религиозную символику. Далее символ приобретает формулу литературного посвящения. Того посвящения («Твоя от твоих»), которое возвращает слово-символ на землю: к реальной мельнице, фактически принадлежавшей владельцам Тригорского и реально осязаемой бугровской муке, еще не приобретшей художественного содержания. Это «перемалывание» материи в художественных жерновах логично укладывается в рамки концепции музея: показ того, как «земное» превращается в «духовное» — в слово, символ и образ. Первый отрезок «превращения» может быть освещен (и освящен монахами Святогорского монастыря. — В. К.) через историческую реконструкцию: мука, изготовленная на восстановленной монастырской мельнице, передается в монастырские «печкарские» покои, где из нее выпекаются просфоры, «участвующие» уже в качестве символов в литургии. Заметим, что подобная реконструкция десятков лет тому назад уже была произведена вернувшимися в Святогорский монастырь монахами в непосредственной близости от бугровской мельницы в виде превращения обыкновенной речной воды в освященную (крещенскую) во время церковного действия, ежегодно происходящего в районе Луговской часовни.

Луговская часовня была восстановлена в 1994 году. Но в настоящее время она оказалась вне экскурсионных маршрутов. Между тем именно Луговская часовня стоит у начала пушкинской истории этих мест: поэт похоронен у стен Святогорского монастыря, фактическое строительство которого началось именно здесь в 1563 году. Тогда, когда пастушку Тимофею явилась икона Божьей Матери.

Туристическая (паломническая) тропа, длиной в несколько сотен метров от Бугрово к Луговке реанимирует «луговский» сюжет. Тропа свяжет две постройки, в пушкинское

время принадлежавшие одному владельцу — монастырю, раскроет диапазон деятельности монахов: от культовых сооружений до хозяйственных.

Но еще больший интерес монастырские мельница и часовня могут представлять, если рассматривать их в качестве объектов культурного (и в том числе литературного) освоения. Часовня — сугубо культовое сооружение, сохранившее свою идеологическую семантику до наших дней. Мельница, тоже монастырская и тоже освященная, подверглась между тем активному литературному освоению со стороны далеко не божьих сил: водяных, русалок и т. д. На тех же идеологических полюсах построен сюжет пушкинской драмы «Русалка»¹⁶. Два родственных (по происхождению) объекта обладают двумя прямо противоположными идеологическими и художественными аурами. Но это не поляризация, а «единство противоположностей». Явление, известное в русской культуре как «двоеверие» или «народное православие». Отражения подобного мировоззренческого синтеза мы находим не только в «Русалке», но и в других произведениях Пушкина. Таковым, на наш взгляд должно быть и экспозиционное мышление создателей музея.

Бугрово — Тригорское

Наряду с монастырем другими фактическими совладельцами бугровской мельницы длительное время являлись хозяева Тригорского. Мельница состояла в аренде сначала у А. М. Вындомского, затем у П. А. Осиповой.

Из деревни Бугрово в пушкинское время вела дорога в Тригорское. Через 200–300 метров от Бугрово эта дорога сливалась с главной дорогой, соединявшей Михайловское и Тригорское. Дорога «Бугрово — Савкино» в целом отражает маршрут, по которому в Тригорское следовали телеги с мукой и по которой поэт отправлялся в «прият, сияньем муз одетый». Современная дорога выходит к пушкинской «дороге, изрытой дождями» и к «трем соснам», месту, которое традиционно связывают с пушкинской элегией «...Вновь я посетил». Пусть таким и останется содержание данного локуса для групп, следующих в Тригорское из Михайловского берегом Маленца. Мы же, следуя в Тригорское из народного музея, вспомним у «трех сосен» другое произведение Пушкина: повесть «Барышня-крестьянка».

Произведение написано в Болдино, однако его литературная география явно апеллирует к воспоминаниям о Михайловском. В частности, к эпизоду, в котором присутствует описание места свидания Лизы с Алексеем: в «роще, на рубеже отцовского владения». Далее можно фантазировать до бесконечности, угадывая в литературных усадьбах Берестова и Муромского черты Михайловского и Тригорского. Оснований для подобных аналогий предостаточно. Сравним хотя бы то, что мы знаем о литературном владельце Тугилова, в 1797 году переехавшем в деревню, «заведшем у себя суконную фабрику» и имевшем сына Алексея, с историей владельца Тригорского А. М. Вындомского, также заведшем здесь парусиновую фабрику и имевшем внука Алексея Вульфа.

Обратимся к хозяйственно-экономическим связям между Тригорским и бугровской мельницей. С 1809 года монастырская мельница сдается в аренду А. М. Вындомскому, пополняя «мельничное» хозяйство владельца Тригорского. (Вындомский к тому времени владел уже водяной мельницей в низовьях речки Луговки у д. Ваулино и ветряной мельницей неподалеку от усадьбы.) Поэтому к ряду многочисленных определений, присвоенных Вындомскому, вполне подходит звание «мукомол», точнее, учитывая его близость к кругу русских просветителей, — «просвещенный мукомол». В этом смысле он — один из «школы Левшина птенцов». Это обстоятельство дает основание для активного сопровождения экспозиционного текста цитатами из книги В. И. Левшина «Полное наставление на гидростатических правилах основанное о строении мельниц», выпущенной в Москве в 1811 году. Впрочем, следует помнить и о том, что «просвещен-

ный» период в сельском хозяйстве России и Тригорского к началу «пушкинского века» закончился. Опустела полотняная фабрика в Тригорском, а по поводу мельницы в Бугрово в рапортах настоятеля Святогорского монастыря за 1829 году отмечено: «Мельница от долговременности пришла в ветхость»¹⁷. В 1835 году рефреном повторяется: «Сия мельница от долговременности приходит в ветхость»¹⁸. Так что в пушкинское время «ветхость» становится одной из характерных черт этого сооружения. А о том, каким образом отразить эту характерную черту в новом сооружении, следует подумать как экспозиционеру, так и реставратору.

Круг чтения в тригорском доме в пушкинское время была ориентирован на французскую и немецкую литературу. Здесь между Бугрово и Тригорским — бездонная пропасть. Музейная мифология «атрибутирует» Тригорский дом как «Дом Лариных»¹⁹. А Ларины, как известно, «Хранили в жизни мирной / привычки милой старины» и любили то же, что любил простой народ: «русские блины», «круглые качели», «подблюдны песни», «хоровод» (II, 35). «Привычки милой старины» — это те привычки, которые ко времени действия пушкинского романа повсеместно сохранялись только в крестьянской среде. По-видимому, нецелесообразно разбавлять «народной» темой сложившийся за десятилетия «усадебный» образ Тригорского. Используя «арендную» связь с Бугровым, содержание ларинских «привычек» логичнее раскрыть именно здесь. Тут может быть сыграна масленица, а «жирные блины» могут быть испечены из муки, перемолотой в жерновах бугровской мельницы.

Бугрово — Петровское

Стержневые темы музея в Петровском связаны с именем А. П. Ганнибала и преобразовательной деятельностью Петра Великого. Напротив, музей в Бугрово должен продемонстрировать консервативный, сложившийся в течение столетий, уклад жизни. Одним из результатов Петровских реформ стала утеря культурных связей между высшим и низшим сословиями русского общества. Появление музея в Бугрово, позволяет показать тот «водораздел», который к пушкинскому времени образовался между дворянством и крестьянством и который стал следствием европеизации России.

Проблема скачкообразного социального и культурного развития актуальна и для позднейшей истории России, и для нашего времени. Экспозиции в Петровском и в Бугрово, по сути, могут стать музейными полюсами неоднозначной оценки Пушкиным деятельности Петра I. Любой экспонат в Петровском (серебряная ложка, изысканная живописная работа, фортепьяно) способен «полемизировать» с подобными экспонатами музея в Бугрово (деревянная долбленая ложка, лубок, пастуший рожок). Противоположность оценок может носить и более точечный характер. Подобными музейными антиподами могут стать: в Петровском — картина Н. Лармессен «Битва при Лесной», на которой Петр I изображен во всем своем величии; в Бугрово — простонародная картинка «Погребение kota мышами», являющаяся сатирой на царя-преобразователя. Кроме того, связка «Петровское — Бугрово» содержит в себе, быть может, наиболее актуальную на сегодняшний день проблематику: отношения между властью и народом. Правдиво и остро выстроенная музейными средствами экспозиция-оппозиция, поможет понять смысл и сегодняшних преобразований.

Петровское буквально насыщено именем «Петр» (Петр Первый, Абрам Петров, Петр Абрамович). Из числа бугровских мельников нам известно лишь одно: имя мельничного смотрителя — Петр. Используем это странное совпадение. Все они: и дворяне, и мельник — были равны перед Богом, и в один день хозяин и раб праздновали свои именины «по-божески», стоя в этот день бок о бок перед аналоем. А «по-людски» празднование начиналось уже за пределами храма в любой другой день. Тогда, когда тезки

возвращались в свою социальную иерархическую нишу. Петр Абрамович — в Петровское, мельник Петр — в Бугрово.

Примечания

¹ Музей является филиалом государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Открыт в 1986 г.

² См.: *Емелина О. В.* Летопись бугровской мельницы // Михайловская пушкиниана. М., 2000. Вып. 7. С. 230.

³ См. подробнее: *Козмин В. Ю.* Методика и принципы построения музея литературного образа в деревне Бугрово (1993 г.) // Михайловская пушкиниана (Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское») Вып. 10–11. М., 2000. С. 182–203.

⁴ Поиски «своего» ракурса в освещении темы «Этнография» представляются нам еще более актуальными в связи с последними музейными образованиями. В Псковской области открылись музей народности сету, музей пчеловодства. В Пскове открыт центр ремесел. В Порховском музее прядут и едят «по-псковски». В Пушкиногорском районе в 2003 г. открылся «народный» музей в школе-интернате. Подобный музей предполагается открыть в с. Васильевском. Все это — этнография. Но поедут туристы лишь в тот музей, который будет иметь свое, не похожее ни на чье другое, лицо.

⁵ *Парчевская И. Ю.* Концепция резкспозиции Дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском // Михайловская пушкиниана Вып. 10–11. С. 40.

⁶ См.: Михайловская пушкиниана. Вып. 10–11. С. 74.

⁷ *Жуковский В. А.* Стихотворения, баллады. Л., 1983. С. 173.

⁸ *Байбурин А. К.* О жизни вещей в народной культуре // Живая старина. № 3 (11). 1996. С. 3.

⁹ *Гейченко С. С.* У Лукоморья Л., 1986. С. 223.

¹⁰ Данный маршрут см.: *Козмин В. Ю.* «Себя в коня преобразив» (из комментариев к «Евгению Онегину») // Время и текст (историко-литературный сборник). СПб., 2002. С. 102–110; *Бесарабова М. А.* Экспозиционный сюжет «Домика няни» // Михайловская пушкиниана. М., 1999. Вып. 4. С. 49–53.

¹¹ *Козмин В. Ю.* Флигели Михайловского // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 75–97.

¹² См.: Летописи государственного литературного музея. Архив опеки Пушкина М., 1939. Кн. пятая. С. 272.

¹³ *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 95.

¹⁴ См.: *Козмин В. Ю.* «Себя в коня преобразив». С. 102–110.

¹⁵ Русская поэзия детям. Л., 1989. С. 104.

¹⁶ См.: *Козмин В. Ю.* Монастырская мельница: стереотипы восприятия // Михайловская пушкиниана. М., 2000. Вып. 12. С. 108–117.

¹⁷ Цит. по: *Емелина О. В.* Летопись бугровской мельницы // Михайловская пушкиниана. М., 2000. Вып. 7. С. 233.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Тихонова Л. П.* «Приют, сияньем муз одетый...» Методическая разработка экскурсии по дому-музею Осиповых-Вульф в Тригорском // Михайловская пушкиниана. М., 2002. Вып. 21. С. 80.

В. Г. Никифоров
БАРОНЫ ВРЕВСКИЕ,
СЫН И ВНУК

Дети тригорской приятельницы А. С. Пушкина Евпраксии Николаевны Вульф, в замужестве баронессы Вревской, были незаурядными людьми. У Евпраксии Николаевны и Бориса Александровича Вревского («воспитанника» кн. А. Б. Куракина. — *В. Н.*) родилось 13 детей, двое умерли в младенчестве. Старшим в семье был Александр, он родился в имении отца, сельце Голубове Островского уезда Псковской губернии, как сказано в его послужном списке, 31 мая 1834 года¹.

«Будучи племянником Павла Александровича Вревского, в юности жил и воспитывался в доме его второй жены кн. Анастасии Сергеевны Щербатовой»², — пишет в своих воспоминаниях Наталья Павловна Вревская, жена Михаила Степановича Вревского, известного ученого-химика. Далее из послужного списка мы узнаем, что Александр Борисович окончил школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров и Николаевскую академию Генерального штаба. С 13 августа 1852 года служил в течение двух лет в л.-гв. Кирасирском Его Величества полку. После завершения учебы в Академии с 8 декабря 1856 года по 9 сентября 1861 года служил в Генеральном штабе. Три дальнейших года состоял в распоряжении Военного министерства и генерал-квартирмейстера Главного штаба. С 1 декабря 1863 года по 28 апреля 1867 года с небольшим перерывом состоял при Главном управлении Генштаба для особых поручений и научных занятий. С этого времени по 30 августа 1875 года служил чиновником при Главном штабе. Далее год служил начальником штаба Московского военного округа. Позднее занимал пост начальника штаба 10 армейского корпуса, затем почти 5 лет командовал Одесским военным округом. С 28 октября 1889 года по 17 марта 1898 года — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. «...17 марта 1898 года произведен в генералы от инфантерии и назначен членом Военного совета, и уволен от должности, согласно прошения»³, — говорится в послужном списке.

Барон Александр Борисович Вревский «был женат на воспитаннице генерал-адъютанта Храповицкого Анастасии Матвеевне Спасской... имел детей: сыновей: Павла, р. 10 июля 1858 года, Бориса, р. 9 мая 1868 года; дочь Антонину, р. 26 марта 1865 года»⁴. По данным потомницы баронов Вревских Н. В. Лукиной, у него были еще дети: Матвей (1860–1884), Александр (1864–1864), Игорь, Аделаида. За многолетнюю службу России барон Вревский был награжден многими орденами и медалями. Он — кавалер орденов: «Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками, Белого Орла, Св. Владимира 1, 2, 3, 4 ст., Св. Анны 1, 2, 3 ст. Св. Станислава 1, 2 ст. с Императорскими коронами. Иностранные: прусского Красного Орла 2 ст., шведского Меча Короны 3 ст. с бриллиантовыми украшениями, тунисского Нишан Ифтихар большого креста. Имел медали: серебряные: в память царствования Александра III, Священного коронования их Величеств 14 мая 1896 г., в память в Бозе почившего императора Николая I; бронзовые: в память войны 1853–1856 гг., за усмирение Польского мятежа 1863–1864 гг., темнобронзовые: в память Турецкой войны 1877–1878 гг., за участие в первой всеобщей переписи»⁵.

Дом Павла Александровича Вревского в сельце Голубове. Фото М. И. Пальмова. 1900-е годы. Из архива Н. Н. Бушковой, внучки Пальмова. Публикуется впервые

же камня и красивая железная решетка на входной дверце — все просто и внушительно. Над горкой водружен простой, белый, деревянный крест. Он ясно выделяется на темной зелени деревьев, покрывающий холм. Вокруг цветы и красивые кусты, дорожки посыпаны песком...»⁶

Сельцом Голубово стал владеть старший сын Павел Александрович Вревский (его назвали в честь двоюродного деда. — В. Н.). Он родился 10 июня 1858 года в Санкт-Петербурге. Когда подросток, бабушка Евпраксия Николаевна подарила ему первое полное издание романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с дарственной надписью ей самого поэта.

Как рассказывает формулярный список, составленный в 1914 году, Павел Александрович окончил Пажеский корпус по 1 разряду и был зачислен в пажи к высочайшему двору 31 января 1873 года. На службу поступил корнетом в л.-гв. Конный полк в 1877 году и через год был утвержден полковым адъютантом. В 1880 году четыре месяца служил в 4-й конно-артиллерийской бригаде, обучал нижних чинов действиям при орудиях. С 1 мая по 4 июня был командирован в Москву в состав войск по случаю коронации Их Величеств. Почти два с половиной года, с 24 июля 1885 года по 24 октября 1887 года, состоял в императорском посольстве в Риме. Вернувшись, был послан с 15 декабря 1887 года по 14 апреля 1888 года в 3-й военно-телеграфный парк для обучения. По домашним обстоятельствам Высочайшим приказом уволен от службы с награждением чином штаб-ротмистра 17 июля 1889 года.

«...Церемониалмейстер Двора Его Императорского Величества, действительный статский советник. Имеет ордена: Св. Владимира 4 ст. Св. Анны 2 ст.; медали: темно-бронзовую в память коронации в 1883 г. Их Величеств, серебряную в память царствования Императора Александра III, и иностранные: Бухарской Золотой Звезды 2 ст., австрийский — Железной Короны 3 ст., итальянский — Св. Маврикия и Лазаря Кавалерского Креста, испанский — Карла III Кавалерского Креста, и французский — Почетного Легиона Кавалерского Креста...»⁷

В своих воспоминаниях Н. П. Вревская пишет о Павле Александровиче: «...женился на Светлане Николаевне Лопухиной из рода Евдокии Лопухиной — первой жены Петра I, не столь красивой, как он, но представительной девушке с большими лучистыми глазами. Не столько любовь, как желание иметь привлекательную, представительную хозяйку салона, явились причиной его брака... Действительно, их дом

в Санкт-Петербурге на Миллионной посещался всем придворным высшим светом... Широкий образ жизни расшатал его здоровье... Сперва проживал свое наследство, затем приданое жены... Стремление к роскоши увлекало. Он строит дворец в Киевском имении Светланы по своим чертежам и рисункам; заказывает мебель в Вене и Париже, разбивает сад, не рассчитав, — денег не хватило... В зрелых годах, по ухудшившемуся здоровью, вышел в отставку и поселился в 3 маленьких комнатках голубовского флигеля, потому что в доме жила тетка — сестра отца, которая вела все хозяйство... (До 1914 года там жила младшая дочь Евпраксии Николаевны Вульф-Вревской Софья Борисовна. — В. Н.).

Получив по наследству Голубово, Павел Александрович энергично принялся за переделку дома. От дедовских покоев осталось одно воспоминание. Дом перестроен, отделан заново... Вместо старинного барского убранства появился английский “хоум”... Светлана, изысканно одетая всегда во все белое, и летом и зимой, с изумительными кольцами на руках, светски радужная, ведет легкую, остроумную болтовню. Поль — в домашней куртке из английского сукна... неспешно и вяло поддерживает разговор на газетные темы. Он довольно начитан, не глуп, но не блестящ, как жена...

Он вживается в деревенскую жизнь. Насколько вначале был расточителен, настолько теперь скромен его обиход... он превратился в человека, интересующегося землей, крестьянской жизнью и земскими интересами... не протягивает больше 2 пальца, не чванится... Летом прогуливался пешком на Городище (г. Врев. — В. Н.), где фамильное кладбище — предмет особых попечений. По его плану там разбиты цветники, дорожки, насажены редкие породы хвойных...»⁸.

«Светлана Николаевна была занята попечительством о Вревской кустарной ткацкой и вышивальной школе, основанной Софьей Михайловной Ладзьженской (двоюродной сестрой мужа. — В. Н.) и обладала большим вкусом. Школа исполняла заказы столичных модниц на «шушуну» — платья, скатерти и т. п. в русском вкусе, что было очень модно, потому что сама Государыня Александра Федоровна покровительствовала кустарному делу. На выставке во Пскове Государыне было преподнесено полотенце замечательной работы Вревской школы...»⁹.

Павел Александрович был избран дворянством на должность Островского уездного предводителя и 6 сентября 1900 года был утвержден на этот пост. В 1902 году «в 14 день апреля... всемиростивейше пожалован званием камер-юнкера Высочайшего Двора»¹⁰ и был переведен на службу по Ведомству внутренних дел.

Наталья Павловна Вревская вспоминает далее: «...В 1916 году “голубовские” пригласили встречать Новый, 17-й год. Ночь была холодная, вьюжная. С трудом преодолели 2 версты, отделявшие Голубово от Александрова (имение, построенное кн. А. Б. Куракиным (1758–1818), прадедом Павла Александровича. — В. Н.).

На крыльце дома. На первом плане: слева — внук Е. Н. Вульф-Вревской Павел Александрович и его жена Светлана Николаевна. На втором плане: справа — последний владелец с. Тригорского М. И. Пальмов, за столом сидит его жена Анна Сергеевна. Фото 1902 г. Из архива Н. Н. Бушковой. Публикуется впервые

Очень приятен был контраст — после снега, тьмы и ветра — попасть в ярко освещенные, теплые комнаты роскошные и комфортабельные.

В гостиной — огромные китайские вазы, лампы под шелковыми абажурами, тусклый блеск красного дерева на фоне темно-красных ковров, застилающих весь пол. Оранжевые цветы разливают нежный запах.

Хозяева устроили изысканный, парадный ужин на золотых тарелках и старинном серебре, с цветами и винами.

Я сидела по правую руку от Поля. Он после ранений и лазарета проводил Рождество в Голубове... (очевидно, принимал участие в Первой мировой войне. — *В. Н.*). Светлана вся в белом и в драгоценностях, остальные дамы в костюмах с белыми блузами и шелковыми галстучками. Мужчины в сюртуках; военные — со всеми отличиями. Все нарядно и весело. Пили за победу над немцами, за скорейшее окончание войны. Кто бы мог подумать, что в феврале 1917 года произойдет революция, что в сентябре скончается Павел Александрович, что Михаил Степанович (двоюродный брат, владелец с. Александрова. — *В. Н.*) похоронит его, последнего Вревского, в фамильном кладбище на городище Врев... Светлана не хотела уезжать из Голубова — покинуть могилу Полинки, нет, ни за что...

В феврале 1918 года банда, сжигавшая все имения по большой дороге, начиная с Тригорского, докатилась и до Голубова. Когда она орудовала в 4 верстах в Михалево (имение Степана Борисовича Вревского, 10-го сына Евпраксии Николаевны Вульф-Вревской. — *В. Н.*), Светлане предлагали вывезти ее в экипаже и на ее же лошадях в город. — “Нет, не хочу”, — твердила она. И что же?.. Пришлось ей поздно вечером бежать бегом (это с больной ногой) в одном платье, захватив одну лишь шкатулочку с драгоценностями, бежать сугробами, падая в снег и снова дальше — во Врев, в школу. Но там опасно... Ее закутали в бабий зипун, повязали платком, усадили в дровни и свезли ночью же в деревню Винокурово, близ Голубова, где жила преданная ей девушка, горничная. На другой день, когда от Голубова остались одни трубы да куча пепла, ее отвезли во Псков... Она жила в ужасающей нищете... среди полного беспорядка... у какой-то Воробьевой. У Светланы была подагра, большое сердце и гангрена пальцев. Одета по-прежнему во все белое, но, увы, халат был грязноват, волосы не причесаны, лицо подернуто судорогой. В больницу ее не брали, как бывшую “барыню”. Доктор Вольфсон, лечивший ее, рассказывал, что она, говорили... закопала в имении свои драгоценности и не смогла их достать потом, при немцах. А то, что было с собой, она распродала без толку, так, за бесценок... многое украли. В результате голодала и нищенствовала... Смерть была тяжелая, от паралича и кровоизлияния в голову с мучительными сердечными приступами... Брат Иван Николаевич Лопухин, живший в Варшаве, звал ее к себе. Нет! Осталась-таки. Ужасно! И это потомок Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I, отец которой прожил в Париже за один год миллион рублей, и сама — блиставшая при дворе Николая II...»¹¹. Где в Пскове похоронена баронесса Светлана Николаевна Вревская, никто не знает...

Примечания

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 12, ед. хр. 22104, л. 217–225.

² *Вревская Н. П.* Воспоминания. Архив ПЗ. № 2242. С. 50.

³ РГВИА, ф. 400, оп. 12, ед. хр. 22104, л. 217–225.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Вревская Н. П.* Воспоминания. С. 31.

⁷ ГАПО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 1506.

⁸ *Вревская Н. П.* Воспоминания. С. 38.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ ГАПО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 1506.

¹¹ *Вревская Н. П.* Воспоминания. С. 38–40.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПУШКИНИАНА

М. А. Кублицкая
ПУШКИН В АРГЕНТИНЕ

Пушкина в Южную Америку «привезли» русские эмигранты. Плыли в трюмах огромных кораблей в неведомую страну, весь багаж — в одном чемоданчике. И в этом чемоданчике — томик Пушкина, издания И. Сытина или А. Суворина, или — через Европу — издания берлинские, парижские... И в южном шумном, нарядном городе, после работы на фабрике или в порту шли репетировать «Барышню-крестьянку» или читать детям «Полтаву». Под созвездием Южного Креста, тяжело работая, не имея своего угла, потеряв родных и все имущество, они слышали в этом светлом имени отзвук родного, безвозвратно потерянного, бесконечно любимого. Думаю, Пушкин помог им выжить.

Кто-то привез в Буэнос-Айрес тоненький сборник стихов Николая Туроверова, изданный в Безансоне в 1939 году в количестве всего 500 экземпляров.

В огне все было и в дыму, —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Тогда скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последний, мой, разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненье,
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустенье.
И увидал я ветхий зал, —
Мерцала тускло позолота, —
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то;
Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема,
Когда и где мне голос твой
Опять почудится, Зарема?
Прощай, фонтан холодных слез,
Мне сердце жгла слеза иная —
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая.

Жизнь русской белой эмиграции в Южной Америке интересно и подробно описана в книге К. Парчевского «В Парагвай и Аргентину» (Париж, 1937). Командированный из Парижа в Южную Америку редакцией газеты «Последние новости», автор добросовестно собирает все сведения о положении русских в Бразилии, Парагвае, Уругвае и Аргентине.

Особенно тяжело пришлось русским в Парагвае. «Переселиться в Парагвай — это значит поставить крест на всякой духовной жизни. Газета, музыка, книга, картина, лекция, разумная беседа — все то, что наши энтузиасты почему-то называют европейской псевдокультурой, нам недоступно, потому что этого нет, а средств хватает только на пищу. Живем, чтобы есть, а едим, чтобы жить... Нет ощущения, что ты дома, все чуждо, и приспособиться невозможно...»¹. И после этого грустного разговора с женой русского генерала автор направляется в гости к недавно переселившемуся из Франции в Асунсьон русскому доктору со звучной французской фамилией Шарбо д'Артуа. «Похожая больше на разрытые траншеи, в которые я то и дело ныряю, улица еще не имеет освещения. Где-то сердито лают собаки, кричит осел, кругом навороченные груды песку и глины, темнота, и только вверх, над головой, ярко сияет Южный Крест» (с. 205–206). Хозяин дома, уроженец Санкт-Петербурга и потомок французских эмигрантов, сам теперь эмигрант, прослужил восемь лет врачом в Конго, в Европе не смог найти работу и решил попытать счастья в Парагвае. Здесь он пробует наладить производство чугунных котелков, в которых туземцы варят на кострах пищу. В его кабинете — привезенный из Парижа ковер на каменном полу, тяжелые занавеси на окнах, портрет Пушкина на стене. «Самое тяжелое для переселенцев, мне кажется, это психологическая акклиматизация, — говорит доктор. — Люди забывают, что человеческая душа, ее требования и законы — не последнее дело. Не хлебом единым сыт человек. Это очень правильно сказано» (с. 207). Доктор-философ перечитывает Платона и Пушкина, пишет стихи... Что с ним будет завтра, когда кончатся его небольшие сбережения? За плотными шторами — потонувший в ночной тьме Асунсьон, на другом берегу реки Парагвай начинается громадная, почти неисследованная пустыня Чако, наполовину покрытая лесами, наполовину болотами...

В Аргентине в 1930-х годах «белым русским» было несравненно легче, но и попасть в Буэнос-Айрес мог не каждый — только тот, кто имел вызов от родственников, друзей или контракт на работу. Или же — нелегально, по туристической визе, как умудряются это делать русские во все времена. Вот почему в это время русская белая колония (колония русской политической эмиграции, вышвырнутой из России революцией) в Буэнос-Айресе насчитывала всего около 500 человек. Это капля в море старых переселенцев (в основном крестьян), уехавших «за океан» на заработки из разных областей Российской империи еще до Первой мировой войны; в столице и других, земледельческих, провинциях Аргентины их число доходило до 200 тысяч человек. Но именно эта «капля в море» и сформировала в результате лицо русской эмиграции в Аргентине в 1920–1940-х годах. Тогда забурлила общественная жизнь. В 1931 году был создан отдел РОВСа, затем гимнастическое общество молодежи «Сокол», разные кружки и объединения и даже драматический кружок. «Единственным связующим и осведомленным о русской жизни в Аргентине центром служит местная еженедельная газета “Русский в Аргентине”. Редактором ее является бывший парижанин, инженер Г. М. Киселевский, шесть лет тому назад переселившийся в Буэнос-Айрес, а издателем — предприимчивый С. И. Стапран, бывший офицер» (с. 234). Тираж газеты доходил до 4 тысяч экземпляров и рассылался по всей Южной Америке. Естественно, что в подготовке к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина газета сыграла ведущую роль.

На обложке тоненькой брошюрки в 79 страниц: «Календарь на 1937 год. Посвящается памяти А. С. Пушкина по случаю столетней годовщины со дня смерти поэта. Издание Пушкинского комитета. Буэнос-Айрес» — портрет поэта кисти О. А. Кипренского. Кроме отмеченных в каждом месяце года важных дат жизни Пушкина, его краткой биографии (без подписи), знаменитой «пушкинской» речи Ф. М. Достоевского и стихов самого Пушкина есть нечто в этом календаре, что привлекает особое внимание — «Состав Пушкинского комитета в Буэнос-Айресе». С волнением перечитываю 33 строчки. Ведь эта довоенная эмиграция в Аргентине для нас — белое пятно. Ни имен, ни дат, ни могил... Сведения случайны, отрывочны, неполны. А ведь в состав этого комитета, вероятно, входили люди, известные в городе, люди высокой культуры, игравшие заметную роль в белой русской колонии...

За год поисков удалось найти сведения далеко не обо всех членах Пушкинского комитета.

Председатель комитета — Михаил Александрович Нечаев (1880—1945). Офицер лейб-гвардии Семеновского полка, он, по неполным данным, служил в русской военной миссии в Париже. В Буэнос-Айресе работал в крупной электрической компании. Занимался активной культурной деятельностью в кругах русской эмиграции, был председателем кружка «Наука и искусство». Похоронен на Британском кладбище Буэнос-Айреса.

Члены президиума — уже известный нам издатель газеты Сергей Иванович Стапран (приехал в Аргентину в 1920-х годах, служил администратором клиники) и Галина Ивановна Толмачева, актриса, ученица Станиславского. Преподавала сценическое искусство в университете г. Мендоса. Переводила произведения Пушкина на испанский язык. В 1958 году в Буэнос-Айресе была издана книга «Alejandro Pushkin. Teatro completo» с переводами драматических произведений Пушкина: «Борис Годунов», «Сцена из Фауста», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Русалка» (перевод Галины Толмачевой и Фернандо Лоренцо (Lorenzo)). Толмачевой же была написана и большая вступительная статья о жизни и творчестве поэта.

Секретарь комитета — князь Юрий Николаевич Волконский.

Члены комитета:

Ирина Николаевна Александрова (1910—1986) — известная в русских кругах Буэнос-Айреса певица, участница многих благотворительных концертов, супруга В. В. Добровольского. Похоронена на Британском кладбище.

Анатолий Аполлонович Бейер — генерал, выпускник Михайловского артиллерийского училища. В Буэнос-Айресе служил в газовой компании. Вел большую культурную работу среди русских эмигрантов, основал кружок «Наука и техника», где читались доклады, затем переименованный в кружок «Наука и искусство». Скончался в 1940-х годах.

Об Александре Александровиче Бернгарде и его супруге Евдокии Андреевне практически ничего не известно.

Дмитрий Анатольевич Бразоль — моряк российского императорского флота, выпускник Морского корпуса, приехал в Аргентину в 1930-х годах. Работал в военной метеорологической службе.

Яков Михайлович Гальперин — служил в театре «Колон» переводчиком либретто, преподавал пение.

Дмитрий Иванович Григорьев (1889—1966), окончивший Михайловское артиллерийское училище и 2-й Кадетский корпус в Санкт-Петербурге, прошел бои Первой мировой и Гражданской войн. В Праге окончил русский юридический факультет, а затем межевой факультет Карловского университета. Приехал в Аргентину в 1930 году. Работал

по специальности землемером, затем многие годы — переводчиком в суде (переводил с 14 языков). Публиковал в газете «Русский в Аргентине» еженедельные обзоры международных событий. Похоронен на кладбище в Булони (пригороде Буэнос-Айреса).

Владимир Викторович Добровольский — удивительный человек, удивительная судьба! Поиском сведений о нем я занялась еще два года назад, когда на Британском кладбище увидела надгробие: «Dobrovolsky Vladimir. 5.9.1895–7.9.1987. Pionero de la Antartida del ano 1924». Пионер Антарктиды 1924 года! Каким образом русский эмигрант оказался в Антарктиде? Удача пришла, когда сын покойного Сергея Ивановича Хотунцова (1898–1981) передал мне сведения о своем отце. Оказалось, что корабельный гардемарин Хотунцов и Владимир Викторович Добровольский служили вместе на крейсере «Орел», пережили вместе головокружительные приключения в 1919–1920 годы (порт Лаваль во Франции — Владивосток — порт Дубровник в Адриатическом море) и, не найдя работы в Европе, вместе в 1921 году приехали в Аргентину. Остальные сведения удалось обнаружить в книгах об исследовании Антарктиды. Добровольский, моряк, имеющий навыки обращения с точными приборами, сумел найти свое место и в чужой стране. С 1904 года Аргентина ежегодно отправляла группу из пяти человек для зимовки на островах Оркадас (Южных Оркнейских островах) вблизи берегов Антарктиды. Там были построены станция для изучения метеорологических и магнитных явлений и деревянный домик (чуть более 50 м²) для жилья. Группы формировались в основном из представителей северных народов: шведов, датчан, шотландцев... Начальником группы, в которую, кроме него, входили два немца, один швед и один аргентинец, и был в 1924 году назначен Добровольский. За год, проведенный в тяжелых полярных условиях, он был награжден золотой медалью.

Н. П. Кажая — мичман российского императорского флота.

Иосиф Иосифович Ломоть приехал в Аргентину из Польши в 1926 году. В 1930-х годах — издатель «Русской Газеты» в Буэнос-Айресе. Скончался 2 октября 1977 года.

Юрий Владимирович Макаров (1886–1949). В Буэнос-Айресе в 1951 году была издана его книга воспоминаний «Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война», где автор описывает свою жизнь — от детских лет в ярославском кадетском корпусе, юности в Первом Павловском военном училище — и до развала армии в 1917 году, который он встретил штабс-капитаном лейб-гвардии Семеновского полка. Приехал в Аргентину в 1929 году. Служил переводчиком на Главпочтамте. Похоронен на Британском кладбище.

Вера Михайловна Макарова — его жена (урожд. Эбелова). В Буэнос-Айресе выступала с лекциями об искусстве. Занимала ответственную должность в банке «Торнквист». Скончалась в 1983 году и похоронена рядом с мужем.

В. С. Михайликов служил страховым агентом.

Александра Владимировна Нечаева (урожд. Олова) — супруга М. А. Нечаева, родом из Санкт-Петербурга.

Владимир Николаевич Николаев, 1902 года рождения, племянник известного генерала Н. Ф. Эрна, жившего в Парагвае. Учился в Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, затем вихрь Гражданской войны забросил его в Константинополь. В Париже Николаев работал таксистом, а в 1920-х годах (во всяком случае до 1928 года) приехал в Аргентину. Был служащим в торговой фирме.

М. С. Нюренберг занимал ответственный пост в электрической компании.

Имя художника Константина Васильевича Попова (1897–1952) хорошо известно в русских кругах Буэнос-Айреса. Потомок донских казаков, он учился живописи в Москве (его учителем был К. Коровин), а в 1920 году покинул страну. За три года занятий живописью в Италии и 15 лет жизни в Париже он вырос в прекрасного театрального

художника и живописца. В 1936 году Попов приехал в Буэнос-Айрес, работал в театрах «Колон», «Атенео» и др., писал пейзажи, портреты, натюрморты. В Аргентине он представил более 40 персональных выставок, не только в столице, но и в городах Росарио, Баия-Бланка, Мар-дель-Плата, Тукуман, Мендоса. Едва приехав в страну, Попов сразу же окупнулся в культурную жизнь русской колонии, в том числе сотрудничал с Пушкинским комитетом.

Александр Сергеевич Сосновский — владелец русской библиотеки в Буэнос-Айресе.

Василий Сергеевич Толмачев — офицер российской императорской армии, окончил Константиновское артиллерийское училище.

Итак, в нашем распоряжении — краткие сведения всего лишь о 22 (из 33) участниках Пушкинского комитета.

Потеряв надежду узнать хотя бы что-то о деятельности Пушкинского комитета, я неожиданно встретила с Антоном Дмитриевичем Григорьевым, отец которого участвовал в заседаниях комитета и брал с собой сына-подростка. Антон Дмитриевич прекрасно помнит многих друзей отца и очень помог мне при составлении этого списка. Но некоторые детали повергли меня в смятение. Оказывается, в Буэнос-Айресе было два Пушкинских комитета! И два торжественных акта! Причина этому — раскол в среде русской эмиграции, политические разногласия. Комитет, сведения о котором приведены выше, состоял из «оборонцев», т. е. тех, кто занимал левые или близкие к левым позиции. Сам председатель комитета М. А. Нечаев ко времени окончания Второй мировой войны стал «советским патриотом» и порвал отношения со многими старыми друзьями и однополчанами. Другой же Пушкинский комитет, сведений о котором я не смогла отыскать, состоял из «пораженцев», т. е. эмигрантов крайне правой ориентации. Как хотелось бы рассказать о деятельности этих Пушкинских комитетов, вечерах, лекциях, любительских спектаклях... Но ничего. Никакой информации. Вакуум.

Единственный источник сведений — периодическая печать. Но никаких русских изданий этого времени невозможно найти не только в нескольких русских библиотеках Буэнос-Айреса, но и в Национальной библиотеке Аргентины, где чудом я смогла получить почти полный комплект журнала «Сеятель» (издатель Н. А. Чоловский) за 1932–1978 годы. Но, к несчастью, именно в 1937–1938 годы Никифор Аввакумович, набиравший свой журнал вручную, не смог выпустить ни одного номера из-за отсутствия средств. Кроме «Сеятеля», нет никаких следов ни четырехтысячного тиража «Русского в Аргентине», ни «Нового мира», ни «Русского вестника», ни «Вольной мысли», ни «Голоса труда».

Единственное утешение — косвенные свидетельства влияния русских белоэмигрантов на жизнь Буэнос-Айреса. В статье И. Окунцова «Русская культура» («Сеятель», 1939. № 11. Декабрь) читаем: «Совсем неожиданно выплыло огромное влияние русской культуры в Аргентине (в 1936 году), особенно в ее столице, Буэнос-Айресе, “южно-американском Париже”. Этот красивый и быстро растущий город буквально пленен русской музыкой, русским театром, русским искусством. Там все русское в ходу. Там большое и широкое русское влияние. От оперного государственного театра “Колон” до кабарэ-ресторана с самоваром и русскими вышитыми рубашками. <...> Песня бурлаков становится народной песней Аргентины. Русские цветные наряды порабащают глаза аргентинцев...»

В «Сеятеле» (1936. № 8): «...русское искусство занимало национальный аргентинский театр весь сезон 1936 года, где были поставлены русские оперы: “Борис Годунов”, “Царь Салтан”, “Град Китеж” и т. д.»

Не имея возможности в рамках данной статьи раскрыть такую большую и сложную тему, как русское искусство на сцене оперного театра «Колон» (т. е. театра «Колумб»),

хочу только сказать, что еще в 1930 году на его сцене состоялось триумфальное выступление Ф. И. Шаляпина в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Великий артист приехал в Буэнос-Айрес спустя 22 года после своего дебюта здесь в 1908 году.

Вспыхнувший интерес к русской культуре, а значит в первую очередь к творчеству Пушкина, сказался и на появлении переводов поэта на испанский язык. Еще в 1916 году в Буэнос-Айресе была издана «Капитанская дочка» в переводе Томаса Ортс-Рамоса (Tomas Orts-Ramos). Прошли годы — и появились русские переводчики, у которых было очень большое преимущество: они переводили «с оригинала», тогда как ранние переводы Пушкина делались с английского или французского изданий. В 1945 году был издан сборник прозы Пушкина под названием «Гробовщик» («El fabricante de ataúdes»), куда вошли «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Рославлев» в переводах Педро де Олазабала (Pedro de Olazabal), А. Урванцовой и М. Быковой. В 1944 году — пять повестей Пушкина («Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Египетские ночи», «Роман в письмах») в переводе Ольги Волконской. Княгиня Ольга Александровна Волконская (урожд. Грекова) эмигрировала ребенком с родителями сначала в Турцию, затем во Францию, где училась в Сорбонне. В Аргентине помимо переводов с русского, английского, французского она написала книги: «История и развитие русской поэзии» («Historia y evolucion de la poesia rusa», Буэнос-Айрес, 1943), «Александр Пушкин. Жизнь и творчество» («Alejandro Pushkin. Su vida y sus obras», Буэнос-Айрес, 1947), а также роман «Эмигранты» («Los Emigrados», Буэнос-Айрес, 1948).

Но могли ли русские в Аргентине читать Пушкина на своем родном языке?

Вот трогательные стихи, присланные в редакцию «Сеятеля» (1939. № 9) из Варшавы А. Хирьяковым:

У народа русского
 Есть обыкновение:
 Покидая родину,
 Брать на память в ладанку,
 Брать с благоговением
 Горсть родной земли.
 Русские изгнанники,
 В Божьем мире странники,
 Ладанку священную взяли ль мы с собой?
 Ладанку бесценную — горсть земли родной?
 Взяли!.. Пушкин — ладанка, горсть родной земли.
 Пушкин — наша вечная, одухотворенная горсточка земли.
 Мы в изгнание тягостном,
 Но в сознание благостном,
 В сердце гордом, радостном
 Горсточку священную,
 Одухотворенную
 В сердце принесли.
 Пушкин — неизменная,
 Вечная, нетленная,
 Одухотворенная
 Горсть родной земли.

Эту «священную ладанку» эмигранты хотели передать своим детям. Молодежь, родившаяся в Буэнос-Айресе, ходила в аргентинские школы и могла научиться читать и писать по-русски только в семье и в приходской школе при храме Святой Троицы. Трудно было найти русские книги, русские учебники... Но каким-то чудом попали в Аргентину и сохранились до нашего времени прекрасные юбилейные издания А. С. Пушкина: «Сочинения Александра Пушкина. Юбилейное издание Пушкинского комитета под редакцией проф. М. Л. Гофмана (1837–1937. Отпечатано в Германии)», «М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Париж. Юбилейное издание (второе), 1837–1937». Но книг этих было так мало!

«...Простой белорус приехал, в буквальном смысле слова, без копейки. Через год у него уже была лавочка, через два года — магазин, в котором он торговал всякой мелочью и, между прочим, польскими и русскими газетами и книгами» (с. 239), — так пишет о начале долгой и плодотворной деятельности в Аргентине Владимира Лашкевича К. Парчевский. И сегодня книжная лавка «Eslava» («Славянская») существует в центре города — на проспекте Санта Фэ, но торгует она испанскими книгами и канцелярскими товарами, а за прилавком стоит типичный молодой аргентинец — смуглый, черноволосый. «Лашкевич — это дед моего дяди, — объясняет он по-испански, — но историю семьи я не знаю». А ведь Владимир Михайлович Лашкевич, скончавшийся в 1989 году, на 83-м году жизни, и похороненный на городском кладбище Чакарита, был первым (и единственным!) в Аргентине, вместе с братом Николаем, издателем произведений А. С. Пушкина на русском языке. В 1943–1945 годы он издал целую серию книг («Евгений Онегин», «Арап Петра Великого», «Сказки», «Капитанская дочка», «История Пугачевского бунта», «Дубровский», «Полтава») на дешевой серой бумаге, в скромных переплетах. Эти книги и поныне хранятся во многих русских семьях.

В предисловии к «Евгению Онегину» (первая книга из «пушкинской серии», 1943) издатель пишет: «В наши дни, когда отдаленность от родины особенно тяжела всякому русскому человеку, каждая русская книга особенно ценна. К сожалению, последнее время из-за осложнений военного времени становится все труднее и труднее получать русские книги. Между тем с все возрастающим интересом к нашему языку и нашей культуре растет и спрос на русскую книгу не только среди русских, но и среди иностранцев, изучающих русский язык и интересующихся нашей культурой. Идя навстречу этим требованиям, мы хотели бы приложить все силы, чтобы дать читателю самые высшие образцы наших классиков и в особенности величайшего нашего национального поэта А. С. Пушкина. <...> Не имея возможности приступить к изданию полного собрания сочинений нашего великого поэта, мы решили издать отдельными выпусками хоть некоторые из его произведений».

В годы Второй мировой войны Лашкевичами было издано более 20 книг: избранные произведения И. С. Тургенева, «Война и мир. Отрывки из романа» Л. Н. Толстого, «Басни» И. А. Крылова, «Русский Букварь» В. Вахтерова, «Книга для чтения» Е. Фортунатовой, «Грамматика русского языка» Е. Спиридоновой, «Учебник русской истории» профессора С. Платонова...

После войны, как только доставка русских книг из Европы возобновилась, Лашкевичи снова с успехом занялись книжной торговлей.

После окончания Второй мировой войны около 10 тысяч русских, получивших въездные визы в Аргентину по распоряжению президента генерала Перона, прибыли в страну. Как отметил И. Н. Андрушкевич, «среди прибывших в 1948–1951 годы были не только эмигранты, проживавшие до войны в странах Западной Европы, но также и значительное число бывших советских военнопленных в Германии, не пожелавших

вернуться в продолжавшую находиться под коммунизмом Россию и включившихся в белую эмиграцию»².

Прожившие несколько лет в лагерях DP, под постоянной угрозой выдачи в СССР, они везли за океан вместе с документами и фотографиями родных тоненькие книжки Пушкина, изданные в послевоенной Германии: «Метель» (1946), «Дубровский» (1947); изданные UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Association, созданной в 1943 году для помощи перемещенным лицам) «Избранные стихотворения» (Златоуст; Мюнхен; Шлейсгейм, 1946), «Сказки» (Байройт, 1946); «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин» (Женева, 1944) с наклейкой: «Напечатана отделом помощи военнопленным Союза христианской молодежи (У.М.С.А.) для исключительного пользования в лагерях для военнопленных».

Везли с собой и реликвии, связанные с именем Пушкина. Велико было мое удивление, когда Михаил Михайлович Борель (внук генерала М. В. Алексеева) показал мне одну из семейных ценностей — программку: «Памяти А. С. Пушкина. Торжественные представления русских школ г. Белграда» (1937). Война, лагерь, долгое путешествие, годы... Сохранили. Следует отметить, что пушкинские торжества в Белграде происходили в театре Русского дома; в них участвовали ученики русских женской и мужской гимназий и основной школы.

Послевоенные эмигранты продолжили традиции пушкинских юбилеев. 14 августа 1949 года они устроили большой вечер, посвященный 150-летию со дня рождения поэта. Со вступительным словом к публике обратился председатель Пушкинского комитета П. Крачковский. В концерте приняли участие прекрасные певцы, которые исполнили арии из опер и романсы: Иван (1898–1959) и Софья (?–1991) Шведовы, до войны — солисты Киевского оперного театра; Леонид Иванов (1894–1982) — регент церковного хора, учившийся и преподававший пение в Италии. Стихотворения Пушкина читали: преподаватель русского языка в университете г. Ла Плата, поэтесса Лидия Компанейская (псевдоним — Лидия Даль), скончавшаяся в 1994 году; Анатолий Борщ (1920–2002) — боец РОА, поэт, публиковавший свои стихи под псевдонимом А. Бор в эмигрантской прессе, а в последние годы жизни — и в патриотических изданиях на родине, и И. Новосильцов (1905–2002). Об Игоре Леонидовиче Новосильцове собрала и подготовила к публикации материалы Людмила Оболенская-Флам (Порт-Тобакко, США). Ссылаясь на ее еще не опубликованный труд, привожу некоторые данные. Мать Игоря Леонидовича Ольга Дмитриевна, урожд. Гончарова, была внучатой племянницей Наталии Николаевны Пушкиной. Вместе с семьей Игорь Леонидович оказался в эмиграции в Югославии еще ребенком. После окончания Кадетского корпуса в Сараево он переехал в Прагу, где стал актером, а затем и директором Русского театра, снимался в кино. В 1949 году приехал в Аргентину, где прожил около 13 лет до отъезда в США. Л. Оболенская-Флам пишет: «Это были трудные годы нужды и вечных поисков работы. Единственной отдушиной был русский театр, в котором И. Л. время от времени играл на сцене». В последние годы жизни Игорь Леонидович несколько раз приезжал в Россию, в Полотняный Завод, много помогал соотечественникам.

В том же 1949 году в Буэнос-Айресе была издана тоненькая книжка под названием «Лукомория. Замечательное описание мнимого сказочного государства, сочиненное Александром Сергеевичем Пушкиным, в котором читатель увидит, как великий поэт, обладая пророческим даром предвидения, начертал нам яркую картину современной социалистической родины». В обращении «К читателю» художник Виктор Цымбал пишет: «В своей известной поэме он дал исключительное изображение широкой страны — Лукомории и ее обитателей — лукоморов. Нет сомнения, что поэт под Лукоморией подразумевал страну, в которой “жить стало лучше, жить стало веселей”. Авторская сноска: Лукомория — слово составное: лук (*Allium*, сера) и морить (напр., морить голодом)». Знаменитые стро-

ки из пролога к «Руслану и Людмиле» оставлены почти без изменения, но карикатуры к каждой строчке — злые и меткие: Леший — Ленин, Кот ученый — Сталин, Русалка — Маркс, избушка на курьих ножках — колхоз, Королевич — Троицкий, а «Колдун несет богатыря» — выдача союзниками русских пленных советским властям.

Послевоенные эмигранты, прожившие несколько лет в Европе в лагерях DP, привезли с собой в Аргентину уже сложившиеся коллективы, музыкальные и театральные. Мне посчастливилось встретиться с Ириной Николаевной Ланской, которая записала свои краткие воспоминания: «Первой искрой на горизонте русского искусства появился на сцене хор Дмитрия Михайловича Авраменко, который он создал после войны в Австрии и позже выехал в Аргентину почти со всеми хористами и всеми костюмами (боярские, украинские и казачьи). Хор состоял из 28–30 человек. Были хорошие солисты: Елена Герцог, Тамара Багвот, Владимир и Нина Сталманис, очень красивый баритон Виктор Трофимов». Руководитель хора, который в Аргентине назывался «Большой смешанный русский хор», Д. М. Авраменко окончил Московскую консерваторию и до войны работал в ансамбле песни и пляски Александрова. Хористы собирались на репетиции два раза в неделю, после работы. Для концертов снимали помещения лучших залов Буэнос-Айреса. Коллектив с большим успехом гастролировал в Бразилии и Чили. Были выпущены пластинки с записями концертов. Кроме народных русских, украинских, цыганских песен исполняли и классический репертуар. Так, например, в 1953 году были поставлены фрагменты из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Успех был огромный. С отъездом в 1960-х годах Д. Авраменко в США хор распался.

В 1950-е годы сложилась и театральная труппа из приехавших в Аргентину профессиональных актеров и любителей. В 1955–1956 годы на сцене «Дома русских белых» в Буэнос-Айресе были поставлены «Веер леди Венденмейер» О. Уайльда и «Василиса Мелентьева» А. Н. Островского. Премьеры прошли блестяще, и вскоре было основано «Общество друзей русского театра», просуществовавшее 25 лет и поставившее немало спектаклей. В 1968 году была создана «Театральная группа имени А. С. Пушкина» (режиссер Ирина Ланская, в прошлом артистка Винницкого драматического театра). Группа, естественно, была любительской, постановку нового спектакля готовили целый год: сами шили костюмы, съезжались на репетиции из разных районов и даже пригородов Буэнос-Айреса. Но какой радостью для всей русской колонии была каждая премьера! Сколько говорили, спорили, обсуждали! Больная, одинокая Ирина Николаевна жила этими воспоминаниями и до своей кончины в мае 2006 года охотно рассказывала об этих незабываемых годах. Работа портнихой, потом массажисткой — это для хлеба насущного, а в спектакли вложена вся душа. В ежегодно проводившийся «День русской культуры», в августе 1968 года, «Театральной группой имени А. С. Пушкина» был поставлен спектакль «Барышня-крестьянка (вариации на темы, заимствованные из произведений «Повести Белкина», «Барышня-крестьянка», «Дубровский» и др.)». Восторженные рецензии на спектакль появились во всех русских газетах Буэнос-Айреса. Вот одна из них: «“Барышня-крестьянка” привлекла на редкость большое число зрителей, особенно молодежи, которая бурно аплодировала артистам, выражая свой восторг. Публика, уходя после спектакля, оживленная, веселая, наперебой высказывала свои впечатления: “Это не успех — гораздо больше, чем успех”, “Лучший спектакль из всех, которые я здесь видел”, “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”. И действительно, мы видели кусочек России, ее народные костюмы (чудесно сшитые г-й Ланской), ее танцы девушек (их прекрасно поставила Л. Колесникова-Бабич, пригласив учениц своей балетной студии); видели чудного старика-сказочника (И. Самарин) и русских детей (Леночка Дубко и Т. Андрусен), переживавших страшные моменты сказок; видели жизнь старой помещичьей семьи; слы-

шали народный и рядом с ним разговорно-литературный язык; слышали русские песни в прекрасном исполнении Н. Калиняк-Бочаровой и В. Трофимова...»

Через год была поставлена «Метель». Газета «Русское Слово» (1969. № 405. 13 сент.) писала: «Традиционное торжество, организованное правлением российской колонии в Аргентине в сотрудничестве с “Артистической группой имени А. С. Пушкина”, прошло, по мнению публики, очень хорошо. Места в театральном зале “Касаль де Каталуния” были распроданы до последнего. <...> Низкий поклон всем русским людям, заполнившим театральный зал, и всем участвовавшим в национальном торжестве в честь великой русской культуры».

В 1972 году, по случаю 300-летия со дня рождения императора Петра Великого, была инсценирована «Полтава».

Многих участников этих спектаклей уже нет в живых... Те, с кем я смогла поговорить, как лучшие мгновения своей молодости вспоминают репетиции, спектакли, радость творчества. Эту радость стараются передать и своим детям. Вот уже почти полвека существует в Буэнос-Айресе «Русский театр для детей», созданный и руководимый Георгием Львовичем Лукиным, начальником Организации российских юных разведчиков (ОРЮР). Инженер-строитель по специальности, он все свое свободное время отдает работе с детьми — субботней школе ОРЮР, детскому театру. Георгию Львовичу уже за 80 лет, и сколько детей с его помощью приобщились к русской культуре, к Пушкину! Театр начал свою деятельность со спектакля «Руслан и Людмила». Затем грандиозная постановка «Сказки о царе Салтане» — на сцене 80 человек! Для спектаклей снимались театральные залы на 500–600 мест, и они всегда были переполнены. Возраст актеров — от 7 до 70 лет. Школьные пушкинские вечера с постановкой отрывков из «Русалки», «Полтавы», «Евгения Онегина». Спектакли «Снегурочка», «Князь Серебряный», «Ночь под Рождество», «Жизнь за Царя»... Не верится, что это — в Аргентине.

Ежегодные выпускные акты в епархиальной субботней школе при храме Св. Сергия Радонежского в пригороде Буэнос-Айреса Вижа Бажестер (настоятель храма — митрофорный протоиерей о. Владимир Шленев) всегда заканчиваются спектаклем, подготовленным учениками школы. Это и «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», и «Сказка о рыбаке и рыбке», и сцены из «Бориса Годунова», и «Метель»... Школа существует уже больше 30 лет. В 1999 году в ее стенах состоялся торжественный акт, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, организованный Кадетским объединением и Союзом Св. Александра Невского в Аргентине.

Пушкин и история русской эмиграции... Эта тема поистине неисчерпаема.

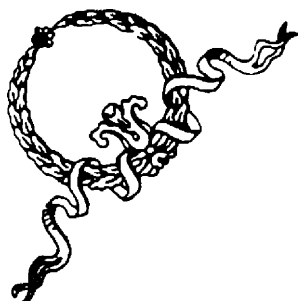
Недавно я увидела портрет Пушкина на «Странице кооперативного общества “Русские иммигранты в Венецуэле”»³. Оказывается, в этой экзотической стране был создан «Русский дом имени Пушкина»!

Примечания

¹ Парчевский К. В Парагвай и Аргентину. Париж, 1937. С. 205. — Далее при ссылке на это издание в тексте указываются страницы.

² Андрушкевич И. Н. Русская белая эмиграция в Аргентине и в мире // Кадетское письмо. Специальный номер. 2002. Октябрь.

³ «Общее дело». 1956. № 35.

О. А. Бэрд

ПРОПАВШИЙ ПОРТРЕТ ШЕКСПИРА: ИСТОРИЯ ПОИСКА

В 2004 году в Центральной Англии началась разработка нового веб-сайта «Окна в графство Йоркшир»¹. Шекспировский центр в Стратфорде-на-Эйвоне решил опубликовать значительную часть своей коллекции на новом веб-сайте, поэтому происходила ревизия описания музейных вещей. В процессе ревизии понадобился перевод на английский язык надписи на обороте одного из предметов.

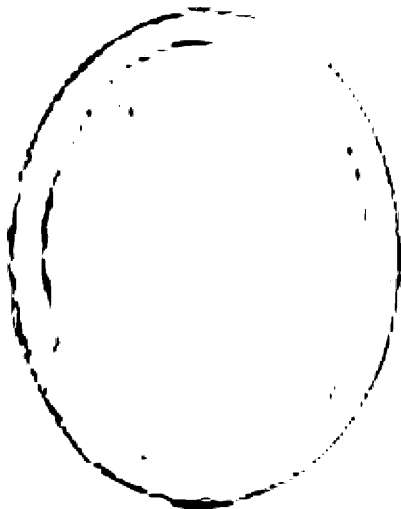
Эта надпись, исполненная в дореволюционном русском алфавите, гласит: *Принадлежит русскому помещику Ивану Ермолаевичу Великопольскому*. Кроме этой надписи на обороте портрета есть номера 74 и 69 472, и две надписи по-английски: *Shakespeare* и *Reframed 12 Oct/1910*. После второй надписи следуют три инициала. Первый не читается, далее — *SW*.

Перевод русской надписи вызвал сенсацию, так как оказалось, что Шекспировский музей всегда полагал, что надпись сделана по-польски, и, соответственно, никогда даже не рассматривал возможность русского происхождения экспоната.

Это маленький овальный портрет в профиль, направо, 15,5 × 12,5 см, написанный на стекле. Герой одет в красный камзол и белую рубашку. На шее — медальон с неустановленным изображением. Подпись художника и дата отсутствуют.

Хранители Шекспировского музея датируют портрет 1766–1830 годами. Подробности его поступления в музей неясны. Согласно музейному описанию, он поступил в музей «11 сентября 1950 года, в дар (?) от Британского Совета (?)». Портрет никогда не изучался и не экспонировался в Англии и был впервые опубликован на веб-сайте «Окна в Йоркшир».

Разумеется, часть истории этого портрета хорошо известна в России, по крайней мере историкам литературы XIX века и пушкинистам. Владелец портрета И. Е. Великопольский (27.12.1797–06.02.1868) — современник и знакомый А. С. Пушкина, адресат нескольких его посланий. Портрет упомянут в книге Б. Л. Модзалевского

*Портрет Шекспира,
оборотная сторона*

*Портрет Шекспира,
лицевая сторона*

«И. Е. Великопольский»², хотя сам Модзалевский никогда не видел оригинала.

Портрет впервые стал известен русской публике в 1858 году, после того как он был опубликован в петербургской газете «Иллюстрация», основанной выпускником Царского Лицея, писателем, драматургом и журналистом Владимиром Рафаиловичем Зотовым (1821(1822)–1896). Сегодня В. Р. Зотов практически забыт, но в свое время он был хорошо известным и уважаемым литератором. Главным его делом стало написание «Истории мировой литературы», над которой он работал почти 30 лет.

В 1857 году, сразу после окончания Крымской войны, он путешествовал по Европе и провел июль и август в Англии. Предполагается, что он приехал для встречи с А. И. Герценом. Зотов был среди корреспондентов Герцена и писал для «Колокола», первый выпуск которого появился летом 1857 года.

Собирая материалы для своей «Истории мировой литературы», Зотов, естественно, интересовался английской литературой, театром и искусством. Свои заграничные впечатления он описал в семи «Письмах из заграницы» к издателю «Сына Отечества», которые публиковались в журнале по мере получения. Из этих писем мы узнаем, что в Лондоне он видел «Бурю» Шекспира с Чарльзом Кином в роли Просперо и Кейт Терри (старшую сестру знаменитой актрисы Эллен Терри) в роли Ариэля. Он специально поехал в Манчестер на знаменитую выставку «Сокровища искусства», где было представлено около 16 тысяч произведений искусства из частных собраний, среди них — работы Рембрандта и Микеланджело, стекло и майолика эпохи Ренессанса и многое другое. За четыре месяца работы выставку посетило около 1,3 миллиона человек.

Осенью 1857 года Зотов вернулся в Россию. В следующем году он основал «Иллюстрацию», в 23-м выпуске появилась его статья, озаглавленная «Неизвестный портрет Шекспира», пафос которой, возможно, был навеян его впечатлениями от Манчестерской выставки: «В частных галереях хранится, без сомнения, много сокровищ, обнаружение которых пролило бы яркий свет на многие спорные вопросы искусства, обогатило бы его многими редкими произведениями. К сожалению, частные лица, как правило, не имеют возможности сообщать публике то, что заслуживало бы ее внимания. Посредником в этом деле должно быть художественное издание, и мы считаем себя счастливыми, что в самом начале существования «Иллюстрации» можем познакомить публику с одною из любопытных редкостей, сообщенных нам владельцем ее, И. Е. Великопольским. Редкость эта — новый, никому не известный портрет Шекспира. Что он неизвестен даже в Англии, в этом мы имели случай убедиться лично, сообщив фотографический снимок с него некоторым лицам во время нашего пребывания в Лондоне в июле прошлого года. Нас просили даже отправить этот снимок в Стратфорд, в Шекспировское общество, которое так дорожит всем, что относится до великого писателя; но мы предпочли сделать сначала известным этот портрет русской публике»³.

Зотов описал портрет следующим образом: «Главная отличительная особенность его состоит в том, что здесь Шекспир изображен в профиль, тогда как на всех известных доселе десяти портретах он рисуется en face или в три четверти; замечательно также, что он рисован на стекле изнутри, масляными красками. Черта, идущая вдоль медальона, на нашем рисунке произошла оттого, что в этом месте стекло расколото, вероятно нарочно, чтобы убедиться: действительно ли рисунок сделан на стекле, а не под стеклом. Глаза на портрете карие, волосы пепельного цвета, камзол красный, зеленый пардесю, на шее какая-то медаль на цепи; портрет в старой бронзовой раме. На обратной стороне надпись: "Shakespeare 69 472"»⁴.

Статья сопровождалась иллюстрацией. Чтобы сравнить этот портрет Шекспира с его известными портретами, Зотов окружил его десятью портретами, взятыми из различных, большей частью английских, источников.

Так как Зотов не был историком искусства, он избегал анализа или комментирования портрета и закончил свою статью словами: «Читатели наши увидят сами, какое важное место занимает представляемый нами портрет в ряду всех остальных изображений Шекспира. Любопытно было бы знать о нем мнение "Шекспировского Общества". Во всяком случае, за сообщение его, вероятно, будут благодарны художники и любители великого поэта»⁵.

В 1864 году, в преддверии трехсотлетнего юбилея Шекспира, Великопольский опубликовал статью или, скорее, письмо о своем портрете Шекспира в 75-м выпуске газеты «Голос», тоже принадлежавшей Зотову: «Я напоминаю почитателям знаменитого драматурга о находящемся у меня замечательном портрете его, гравюра которого, на дереве, с фотографического снимка, помещена в № 23 русской "Иллюстрации" 1858 года»⁶.

Великопольский повторил это описание портрета 1858 года с маленькими поправками и комментариями. Например, он уточнил, что неизвестный медальон изображен не на цепочке, а на ленте. Совершенно невероятное объяснение разбитого стекла Великопольский исправил следующим образом: «Стекло расколосось, скорее, от усилия высвободить его из рамки, укрепленной так, что когда я, с целью подпереть отпадающую нижнюю часть стекла, обращался к мастерам для снятия рамки, то, попробовав, ни один не взялся сделать этого без опасения еще более причинить вреда»⁷. Великопольский не был уверен, что портрет написан масляными красками. «Краски для живописи на стекле приготавливались особенным образдм, и притом всегда, кажется, металлических. Масло горит, а стекла с такою живописью были подвергаемы действию огня»⁸.

Публикация в газете «Иллюстрация».
1858.

В этот раз впервые были приведены некоторые детали бытования портрета: «Портрет достался мне совершенно случайно уже лет около тридцати назад, в Москве, в подарок от одного доктора, получившего его, в свою очередь, таким же образом от одной небогатой больной, которую он пользовал. Кто была та больная, жива ли еще она и каким образом попал к ней этот портрет, я не знаю. Доктор уж скончался, но, сколько мне помнятся его слова, портрет достался ей по наследству»⁹.

Можно предположить, что этим неизвестным доктором был тесть Великопольского, доктор Матвей Яковлевич Мудров (1776–1831), профессор патологии в московском отделении Медико-хирургической академии и профессор Московского университета. Мудров умер во время эпидемии холеры. Его биография, опубликованная в 1855 году, содержит множество примеров проявления с его стороны доброты и участия к бедным пациентам.

Надпись «*Shakespeare 69 472*» на обороте портрета Великопольский объясняет так: «Написать имени, видимо, сделана гораздо ранее цифр, хотя и она, по всей вероятности, несовременна портрету. При жизни Шекспира или при свежей еще памяти о его наружности, не нужно было подписывать: чей портрет. Это было необходимо уже после, при помещении портрета в какой-нибудь музей или хотя в числе домашних вещей. Цифры я сначала полагал номером какого-нибудь огромного хранилища. Может быть, оно и так, но вероятнее, что это номер продажи с аукциона. <...> Это объясняет, каким путем он мог попасть и в Москву, быв, может быть, куплен русским»¹⁰.

Он старался прокомментировать медальон: «Медаль не может быть предметом сомнения, а вызывает только на исследование: что это за медаль? Надобно взять притом в соображение, что Шекспир был драматический артист. Поэтому костюм его может иметь отношение и к сцене. (Во Франции театральные костюмы начались со времени Лекеня¹¹. Не знаю, как это было в Англии.)»¹² Он заключил свою статью словами: «Я намерен выставить принадлежащий мне портрет на показ всем желающим видеть его и судить о нем. Будь он даже и подложный, во всяком случае он замечателен, требуя еще доказательств подложности»¹³.

Состоялась ли выставка портрета — неизвестно, но статья была послана в Англию вместе с предыдущей публикацией Зотова 1858 года: «Полагая, что это известие, как любопытное не для одних русских, будет, с политипажем и статью в “Иллюстрации”, перепечатано в газетах иностранных, в особенности же в Англии, где есть в Стратфорде особое, учрежденное в честь великого писателя, “шекспировское общество”, я изъясляю готовность отвечать на вопросы...»¹⁴.

Скорее всего, Великопольский имел в виду не Шекспировское общество (The Shakespeare Society), которое было распушено в 1853 году, а Попечительский совет дома, где родился Шекспир (The Shakespeare Birthplace Trust). Попечительский совет был основан в 1847 году для приобретения дома и превращения его в национальный мемориал. По словам дочери Великопольского, «общество, по отправленному Великопольским описанию и снимку с портрета, усомнилось тогда в его подлинности»¹⁵. Мы не знаем, как эта информация была передана Великопольскому и получил ли он письменное заключение от Попечительского совета.

Стараясь справиться со своими финансовыми трудностями, Великопольский хотел разыграть портрет в лотерею, но не получил официального разрешения. В конце концов, незадолго до смерти, он все-таки послал портрет в Англию через британского консула в Петербурге Чарльза Истланда де Мичеле (1810–1898).

Де Мичеле был известным журналистом и издателем газеты «Morning Post» в 1834–1844 гг. Пост консула в Петербурге он занимал дважды — в 1849–1854 и 1856–1866 годах, до и после Крымской войны. Таким образом, он исполнил комис-

сию Великопольского к концу своего второго срока, в 1865–1866 годах. Видимо, именно тогда на обороте была сделана надпись о принадлежности портрета «русскому помещику И. Е. Великопольскому». Портрет никогда не вернулся обратно, и Б. Л. Модзалевский иронически заметил, что «просвещенные мореплаватели оставили эту редкость себе».

К кому же мог обратиться де Мичеле, выполняя просьбу Великопольского?

Шекспировское общество было основано в 1840 году журналистом Джоном Пейном Коллиером (1789–1883), который в 1840-х годах завоевал славу выдающегося шекспироведа. В 1852 году Коллиер объявил о своем открытии экземпляра второго фолио шекспировских пьес, так называемого фолио Перкинса, с многочисленными заметками и поправками, сделанными почерком XVII века. В следующем году Коллиер опубликовал свои находки, а затем издал пьесы Шекспира, с учетом этих изменений и поправок. Открытия Коллиера стали сенсацией, но вызвали и подозрения.

Эксперты Британского музея исследовали фолио Перкинса в 1859 году и объявили пометки в нем подделкой XIX века. В своем «Полном обзоре шекспировской проблемы» Клемент Мансфилд Инглби (Clement Mansfield Ingleby) обвинил Коллиера в подделке рукописных пометок в фолио Перкинса.

Шекспировское общество, основанное Коллиером, было распущено в 1853 году. Хотя Коллиер продолжал свои научные исследования и даже редактировал еще одно издание Шекспира, его репутация никогда не была полностью восстановлена. Ясно, что в 1860-х годах он был в центре скандала и к нему явно не стоило обращаться с вопросами о русской шекспириане. Поэтому гораздо более вероятным корреспондентом де Мичеле был Джеймс Орчард Халливелл (1820–1889), основатель Попечительского совета дома, где родился Шекспир. В 1860-х годах он принимал участие в кампании по увековечиванию памяти Шекспира в Стратфорде и возглавлял работу по преобразованию «Нового места» (дом, куда Шекспир вернулся из Лондона и где провел последние годы) в еще один шекспировский мемориал.

Как попечитель шекспировских мест Халливелл оказывал им постоянную финансовую поддержку. Он был одним из основателей шекспировского музея в Стратфорде и передал ему множество ценных книг, манускриптов и картин. Имея дела с индивидуальными лицами и учреждениями, он регулярно покупал и продавал предметы для шекспировской библиотеки и музея.

Согласно каталожной записи, портрет поступил в дар от Британского совета 11 сентября 1950 года и был датирован под номером 74, что соответствует очень раннему периоду существования коллекции. Вспомним, что Британский совет был основан только в 1934 году. Номер 74 обозначает, что портрет мог быть среди первых приобретений Попечительского совета. Он не упоминается в каталогах Шекспировского музея (между 1868 и 1944 годами было опубликовано пять каталогов)¹⁶, возможно потому, что никогда не рассматривался как прижизненный оригинальный портрет. Английская карандашная запись 1910 года, документирующая помещение портрета в новую раму, тоже подтверждает, что в 1910 году

Джон Пейн Коллиер

Джеймс Орчард Халливелл

портрет уже мог быть в музейной коллекции. Инициалы «?CW» могут обозначать Фредерика Кристиана Веллстуда (Frederick Christian Wellstood, 1884–1942), ученого-антиквара и библиотекаря, который в 1910–1942 годах был секретарем и библиотекарем Шекспировского попечительского совета.

К сожалению, доступные источники не дают ответов на самые насущные и волнующие вопросы: действительно ли Шекспир изображен на портрете? кто написал его? где и когда?

Мы уже видели, что Великопольский был всегда уверен, что это портрет Шекспира, и считал надпись «*Shakespeare*» доказательством. В своей статье 1864 года он не сказал прямо, что это прижизненный портрет поэта, но явно верил (или хотел верить) в это. «Я дорожу этим портретом как драгоценною редкостью, но не скрываю, что многие из лиц, которым я показывал его, сомневаются в его истинности. Может быть, они и правы, но необходимо доказать»¹⁷. Он назвал главные аргументы против подлинности портрета: слишком свежие краски; костюм, отличающийся от всех других изображений Шекспира; непохожесть на известные портреты поэта, — и старался опровергнуть их. Он особенно подчеркивал, что «портрет № 2 (Martin Droeshout. — О. Б.) <...> представляет такое сходство с профилем нового портрета, что это должно <...> отстранить всякое сомнение»¹⁸.

Как бы то ни было, аргументы, приведенные в 1860-х годах против оригинальности портрета, все еще представляются убедительными. Всегда подозрительно, когда сенсационные открытия происходят в преддверии больших событий и юбилеев. Согласно Великопольскому, портрет появился в 1830-х годах, но нет никаких свидетельств его происхождения ранее, чем конец XVIII — начало XIX века.

Портрет вряд ли имеет русское происхождение. В русском искусстве того времени почти нет портретов иностранных деятелей, написанных не с натуры. Шекспир был впервые представлен русской аудитории в 1748 году («Гамлет» в переводе А. П. Сумарокова). В дальнейшем знакомство русской публики с Шекспиром происходило скорее через переводы и театральные представления, чем через изобразительное искусство. Гораздо более вероятно, что портрет был написан в Англии, это косвенно подтверждается английским написанием имени драматурга на обороте портрета.

Когда Зотов в своей статье 1858 года упомянул десять известных портретов Шекспира, он явно имел в виду прижизненные (и предположительно прижизненные) портреты драматурга и не принимал во внимание более поздние изображения. Но шекспировский юбилей, организованный Дэвидом Гарриком в 1769 году в Стратфорде, инициировал огромный спрос на портреты Шекспира, которые стали выполняться в различных техниках. Среди них было множество профильных портретов: медальон работы скульптора Уильяма Хаквуда (1777) был выпущен на фарфоровой фабрике Веджвуда по крайней мере в пяти разных размерах. Профильный портрет Шекспира, выре-

Портрет Шекспира, поданный Гаррику, 1769

занный из его знаменитого шелковичного дерева, был преподнесен Гаррику в 1769 году. Сегодня он экспонируется в доме Нэша в Стратфорде. Бронзовая памятная медаль с профилем Шекспира вошла в серию «Великие люди мира» (Illustrious Men of the World), выпущенную во Франции в 1818 году.

Наш портрет мог быть создан на волне этого интереса и вдохновлен изображениями Шекспира, появившимися на рынке. В определенном смысле его можно сравнить с так называемым флауэровским портретом Шекспира из собрания Королевской шекспировской компании, исследование которого было предпринято в 2005 году и показало, что это не оригинальный портрет, а живописная копия ранней гравюры, исполненная в XIX веке.

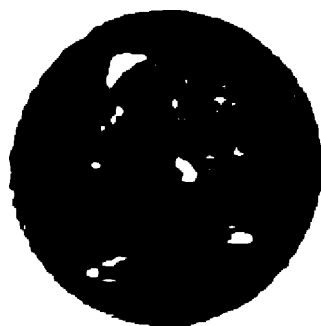
Принимая во внимание детали портрета, мнение Великопольского о том, что неизвестный медальон, изображенный на портрете, является частью театрального костюма, кажется вполне убедительным, особенно потому, что английский театр времен Гаррика схож с французским театром времен Лекена. Хотя медальон написан довольно грубо и, как во многих предметах театральной бутафории, мелкие детали отсутствуют, он похож на изображение многогрудой богини Дианы Эфесской.

В английском искусстве конца XIX века имеется произведение, в котором образ Шекспира комментируется через образ Дианы Эфесской. Это эмаль Джона Хауза (John Howes, fl., 1772–1793) по оригиналу Джованни Баттиста Киприани (Giovanni Battista Cipriani, 1727–1785) 1777 года «*David Garrick unveiling a Herm of Shakespeare and the Ephesian Diana*».

Эмаль была преподнесена Дэвиду Гаррику в благодарность за основание Фонда театра Друри-Лейн. В 1823 году, после смерти Евы Гаррик, вдовы актера, эмаль была приобретена на распродаже имущества Гарриков и подарена Джону Форсетту (John Fawcett), казначею Театрального фонда Ковент-Гардена. Сегодня эмаль находится в собрании Шекспировской библиотеки Фолджера в Вашингтоне.

Медальон, изображенный на портрете

Шекспировская медаль, 1818

Диана Эфесская обычно считалась (особенно масонами) символом воображения, чувственности, творческого таланта, а также болезненности поэтов и художников. Стоит заметить, что Киприани был известным масоном, членом Лондонской ложи «Девять муз».

Если портрет действительно содержит некоторую масонскую символику, то следует принять во внимание, что доктор М. Я. Мудров и его тесть Харитон Чеботарев были хорошо известными московскими масонами. Они имели тесные связи с Александром Лабзиным (1766–1825), великим мастером московской ложи «Умирующий Сфинкс». Жена Лабзина, Анна (1758–1828), не только была активно вовлечена в деятельность ложи, но после смерти мужа переехала в дом

Гаррик и Диана Эфесская

Мудрова, под его попечение, где и умерла в 1828 году. Не была ли она той «небогатой больной», которая унаследовала портрет и затем передала его доктору Мудрову?

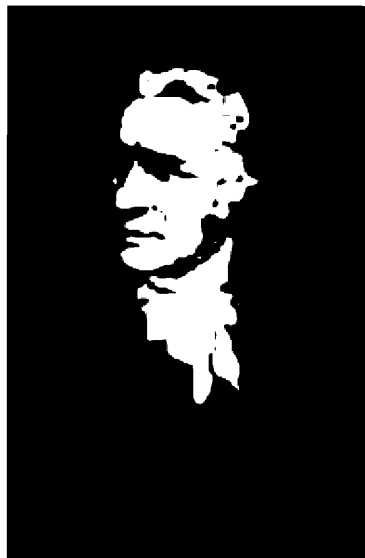
Как возможного автора портрета можно рассмотреть кандидатуру Джона Боадена (1780s?–1839), одного из девяти детей драматурга, журналиста, переводчика и театрального критика Джеймса Боадена (1762–1839).

Среди пьес и других сочинений Джеймса Боадена выделяются его работы о Шекспире и особенно «Исследование подлинности различных картин и гравюр, которые с момента смерти поэта и до нашего времени были предложены публике как портреты Шекспира, содержащее внимательный анализ причин, по которым они объявлялись подлинными или по которым они были отвергнуты, а подлинность установлена и доказана, иллюстрированное точными и законченными гравюрами с оригиналов, имеющих неоспоримый авторитет» (An Inquiry Into the Authenticity of Various

Pictures and Prints, Which From the Decease of the Poet to Our Own Times Have Been Offered to the Public as Portraits of Shakespeare: Containing a Careful Examination of the Evidence on Which They Claim to be Received; By Which the Pretended Portraits Have Been Rejected, the Genuine Confirmed and Established, Illustrated by Accurate and Finished Engravings, By the Ablest Artists, From Such Originals as Were of Indisputable Authority. London: Printed for Robert Triphook), 1824.

Этот труд сопровождался гравюрами со всех известных портретов Шекспира, т. е. впервые в истории давал читателю возможность сравнить разные изображения поэта, собранные вместе в одной книге. В предисловии к своему труду Джеймс Боаден писал: «Более сорока лет моей жизни было посвящено изучению произведений Шекспира... Моя любовь к поэту заставила меня приобрести самые точные его изображения. С годами я увидел все, имеющее отношение к Шекспиру, и имел счастье приобрести все, чем хотел обладать... Меня поддержали старания и таланты художников, украсивших мою книгу. Мой сын, мистер Джон Боаден, любезно изобразил для меня стратфордский бюст; по мнению уважаемых судей, он прекрасно выразил черты этой достопочтенной скульптуры. В процессе гравирования он инспектировал оттиски»¹⁹.

О Джоне Боадене, к сожалению, известно немного. С 1810 года он регулярно выставлял свои картины

Джеймс Боаден

в Королевской академии художеств, Британском институте и Королевском обществе британских художников. Неудивительно, что, будучи близким к театру, находясь под влиянием отца и участвуя в его работе, Джон Боаден написал много театральных картин и портретов актеров в театральных ролях. Кроме того, две картины, озаглавленные «Мильтон» и «Шекспир», экспонировались в 1833 году в Королевском обществе британских художников.

В 1830-х годах его отец готовил к печати переписку Дэвида Гаррика и его биографию. Поэтому Джон Боаден определенно был знаком с упомянутой выше эмалью Хауза — Киприани, которая появилась на распродаже имущества Гаррика в 1823 году.

К сожалению, оказалось трудно установить современное местонахождение театральных и шекспировских картин Джона Боадена. В коллекции Национальной портретной галереи в Лондоне есть несколько литографий боаденовских портретов актера Джона Филиппа Кембла в шекспировских ролях. В Шекспировском центре в Стратфорде есть копия картины Боадена 1828 года «Шекспир в своем кабинете» (T. Newland after John Boaden, 1828. SBT 1994–19/116).

Но эти вторичные работы не дают достаточного материала для суждения о стиле и художественной манере Боадена и, следовательно, об уверенной атрибуции рассматриваемого портрета Шекспира.

Еще стоит заметить, что семья Боаденов могла иметь русские связи и знакомства, так как отец Джеймса Боадена был купцом, торговавшим с Россией.

Можно предположить, что Пушкин мог видеть этот портрет Шекспира в 1830-х годах и вдохновляться им, работая над «Анджело». Для русских любителей литературы печально, что портрет был вывезен из России, и русская публика никогда не видела и не знала его по-настоящему. Но радуется, что портрет не погиб, а обнаружился в хорошем месте! Шекспировский центр в Стратфорде представляется самым подходящим местом для хранения, а может быть, и экспонирования этой маленькой жемчужины.

Конечно, исследование портрета должно быть продолжено. Но, даже сомневаясь в его подлинности, мы можем согласиться с его последним русским владельцем: «Будь он даже и подложный, он все еще замечателен».

Шекспир в своем кабинете

Примечания

¹ См.: www.windowsonwarwickshire.org.uk

² Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский. СПб., 1902.

³ Иллюстрация. СПб., 1858. № 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Голос. СПб., 1864. № 75.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Анри-Луи Лекен (1728–1778) — знаменитый актер театра Комеди Франсэз, протеже Вольтера. Был среди первых актеров, реалистического направления.

¹² Голос. СПб., 1864. № 75.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский // Пушкин и его современники.* СПб., 1999. С. 431.

¹⁶ *Hopper C. A Catalogue of the books, manuscripts, works of art, antiquities and relics, illustrative of the Life and Works of Shakespeare, and of the History of Stratford-upon-Avon; which are preserved in the Shakespeare Library and Museum in Henley Street. London, 1868; A Catalogue of the books, manuscripts... Stratford-upon-Avon, 1869; Savage R. Catalogue of the Books, Manuscripts, Works of Art, Antiquities and Relics at Present Exhibited in Shakespeare's Birthplace. Stratford-upon-Avon, 1910; Wellstood F. C. Catalogue of the Books, Manuscripts, Works of Art and Relics Exhibited in Shakespeare Birthplace. Stratford-upon-Avon, 1925; Reprint with supplementary list of recent acquisitions. 1944.*

¹⁷ Голос. СПб., 1864. № 75.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «A period of my life of something more than forty years has been devoted to the study of Shakespeare's works <...>. My fondness for the writer led me to obtain the most accurate resemblances of his countenance. In a series of years I have seen every thing conducive to both these objects, and been so fortunate as to obtain all that I myself desired to possess <...> I have in truth been most ably seconded by the zeal and the talent of the artists who have adorned the present work. My son, Mr John Boaden, very kindly drew the Stratford Bust for me; and, in the opinion of able Judges, he had perfectly expressed the effect of that venerable sculpture, During the progress of all the engravings, he occasionally inspected the proofs».

Л. Осинкина

«КАРТОЧНЫЙ СОН» ГЕРМАННА

После публикации «Пиковой дамы» Пушкин записал в своем дневнике, что повесть в большой моде и что игроки понтируют на тройку, семерку, туз. Пушкин, очевидно, воспринимал как должное, что его читателям известны правила карточной игры и роковая ошибка Германна. Не будучи сама игроком, я с ранних лет была заинтригована тайной, окружающей «дуэль» Германна с судьбой.

Существует неоднозначное мнение о происхождении игральных карт в России¹. Наиболее очевидным представляется, что карты пришли из Франции, а во Францию — из Испании и Италии. Во Франции также появились новые масти: *Carreaux*, *Couers*, *Piques* и *Trefles*. Колода состояла из 52 карт с 10 цифровыми картами и 3 фигурами в каждой масти. Дамы были особенностью французской системы, где они заменили собой рыцарей.

Карточные, и в частности азартные, игры вошли в моду в России в XVIII веке и стали, по словам Ю. М. Лотмана, важным атрибутом стиля жизни русского дворянства². За карточным столом происходили своеобразные дуэли, проигрывались миллионные состояния, как у пушкинского Чаплицкого.

Порядок игры Германна и выигрышные карты хорошо изучены. Тройка, семерка и туз подробно описаны в ряде статей³. Ограничимся небольшим экскурсом в историю карт в России.

«Фараон» — карточная игра, в которую играл Германн — была одной из распространенных и модных игр в XVIII–XIX веках. В Россию она пришла из Франции, где, как мы помним, в нее играла пушкинская графиня Анна Федоровна при французском дворе. Для тех, кто не знаком с правилами игры в «фараон», позволю себе напомнить их. Банкир держал банк против игроков, при этом игроки использовали индивидуальные колоды. Игрок мог выбрать любую карту, положить ее лицом вниз и либо поставить на нее деньги, либо написать мелом сумму ставки. После этого банкир доставал карты из своей колоды и клал их лицом вверх на две стороны. Если карта, подобная карте понтера, ляжет направо, выиграет банкир, а если налево, то понтер. Игроки могли удваивать и учетверять ставки, загибая углы у карты. В своей статье «The Magic Cards in the Queen of Spades» Н. Розен приводит иллюстрацию русских карт 1830 года⁴. Я пользуюсь другой коллекцией карт. Карты I, II, III и IX — из стандартной французской колоды 1816–1832 годов. Изображение Дамы не зеркально, и остальные карты слегка отличаются от русских карт. На русских картах, приведенных Розеном, пики обращены в противоположную сторону, и русские пики несколько острее французских. Поскольку герои Пушкина принадлежали к высшему обществу и «играли в карты у конногвардейца Нарумова», то более вероятно, что они пользовались французскими картами, а не русскими⁵.

Существует мнение, что ранние русские карты носили название немецких мастей, и поэтому могут восходить к немецким. Это подтверждается фактом, что русская карточная терминология произошла из немецкой, вероятно, через польское и немецкое посредство⁶.

Ф. М. Достоевский, сам азартный игрок, считал Германна самым петербургским героем в русской литературе. Все писавшие о пушкинской повести неизменно останавливались на вопросе о национальности Германна⁷. Для некоторых неясно социальное происхождение Германна, некоторые видят в нем «чужака», бережливого немца. Но именно его «немецкость» может оказаться важной в связи с его знаменитым сном, его фантастической одержимостью картами.

«Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: “Как она стройна! ... Настоящая тройка червонная!” <...> Тройка, семерка, туз преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком» (VIII, 25, 30).

Розен интерпретирует образы в пушкинской повести очень буквально и сравнивает карту из сна Германна с реальными готическими воротами, построенными Юрием Фельтеном в Екатерининском парке в Царском Селе, а туза и пиковую даму — с репродукцией натурального паука, стараясь таким образом раскрыть причину, объясняющую фантазию пушкинского героя⁸. Я согласна с Розеном, что сон Германна связан с трансформацией: люди напоминают Германну об игральных картах и игральные карты воплощаются в различные объекты, — но предлагаю другое, «неэнтомологическое» объяснение «карточного сна».

Считается, что «трансформационные» карты произошли от светской игры, которая требовала умения рисовать. Участники должны были преобразовать карточные масти в картинку. Вероятно, эта игра появилась в Англии в конце XVIII века, а вскоре «трансформационные» карты стали излюбленным занятием «благородных» классов. Игра называлась «Karten Almanac» и была задумана как поздравление к Новому году. Первая колода была выпущена компанией Д. Ж. Готта в Германии в 1805 году и состояла из 52 карт. В XIX веке «трансформационные» карты печатались и рисовались практически везде. Венская фирма «Х. Ф. Мюллер» выпустила несколько наборов карт, называемых Munchener Bilderbogen, и впоследствии эти карты можно было обнаружить во многих странах. Карты, именуемые некоторыми презренным дурачеством, использовались и для предсказания судьбы. Некоторые «трансформационные» карты оставляют фигурные карты без изменений, некоторые слегка изменяют их; большинство же карт в каждой колоде не повторяются и часто обладают каким-либо художественным достоинством.

Поэтому вполне возможно, что Германн, будучи немцем, мог видеть такие карты или помнить о них. В его сне они трансформировались в определенные образы: стройную девушку, готические ворота и роскошный грандифлор.

Следует отметить, что в сне Германна, кроме упоминания стройной червонной девушки, никакая другая масть не называется. В «фараоне» масти не играли роли и поэтому, очевидно, неважны и в сне Германна. На «трансформационной» карте (номер V) представляющей семерку пик, мы видим ворота. Эта карта была выпущена в Вене Винсентом Раймондом Грюнером в 1810 году, она входила в колоду под номером 17, была напечатана акватинтой и раскрашена фирмой «Гестрингер». На карте червонной тройки мы видим изображение девушки. Эта карта (номер IV) происходит из колоды, называемой Cotta Arabs 1809, номер 11. То, что изображение молодых девушек на «тройке» было традиционным, подтверждается другой

колодой, где на «тройке» изображены две девушки (карта VII). На карте VI трефовый туз трансформируется в жука, а в пушкинской повести — в паука. Эта карта происходит из знаменитой колоды «трансформационных» карт Д. Ж. Готта. Что же касается превращения в сне Германна («тройки») в роскошный грандифлор, то на карте с тузом (номер VIII) из австрийской ботанической колоды, напечатанной в Вене в 1806 году и вручную раскрашенной Хуаном-Иеронимом Лощенколем, как раз изображен великолепный цветок.

Поскольку изображения, используемые в «трансформационных» картах, были достаточно обычными в то время, можно даже сказать клишированными, то легко себе представить, какой эффект они производили на воспаленное воображение и сознание Германна.

Надеюсь, эта небольшая статья поможет взглянуть на сон Германна несколько иначе и изучение волшебных карт на этом не закончится.

Примечания

¹ *Burnett P.* Russian Playing Card History-From the beginnings to 1917 // *The Playing Card. Journal of the International playing-card society.* 1985. Vol. XIII. N 4, P. 97–113. Выражаю искреннюю благодарность П. Бурнетту из Бодлеанской библиотеки, Оксфорд, за беседу о русских игральных картах.

² *Лотман Ю. М.* Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // *Труды по знаковым системам.* 1975. № 7. С. 122–142; см также каталог выставки, состоявшейся в Москве в ГИМе «Пиковая дама; карты в жизни и жизни в картах» (М., 2001).

³ См.: *Чхеидзе Л. В.* О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме». Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. III. С. 455–460; *Leighton L.* Numbers and numerology in «The Queen of Spades» // *Slavic and East European Journal.* 1975. N 19. P. 255–227.

⁴ *Rosen N.* The Magic Cards in the Queen of Spades. New York, 1997.

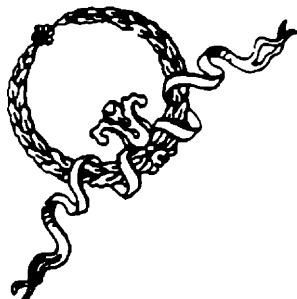
⁵ Сергей Давыдов вслед за Н. Розеном приводит в виде иллюстрации все ту же русскую колоду карт 1830 года из собрания Британского музея. См.: *Davydov S.* The Ace in the «Queen of Spades» // *Slavic Review.* 1999. Vol. 58. N 2. P. 309–328.

⁶ Ричард Джеймс, капеллан английского посольства на Руси, в 1618–1620 годах составил русско-английский словарь, где привел имена четырех карточных мастей. Бубена — славянский перевод немецкого Schetten, неизвестна в польском и очевидно заимствование из чешского языка. Червона — адаптация или польского Czerwien, или чешского Cervene, оба слова — перевод немецкого слова Rot. Вина и Лопаты — первое заимствовано через польское посредство из немецкого Laub. Второе можно возвести к немецкому Spaten или Schuppe/Schippe через чешское посредство. Zludy близко к чешскому Zaiudy и перевод немецкого Eichel. См.: *Unbegaun B. O.* Cards and Card-Playing in Moskovite Russia // *The Slavonic and East European Review.* 1962. Vol. XLI. N 96. P. 25–30.

⁷ См., напр.: *Falchikov M.* The Outsider and Number Game (Some observations on Pиковaya Dama) // *Essays in Poetics.* 1977. Vol. 2.1. P. 96–106.

⁸ См.: *Rosen N.* Op. cit. P. 266. — В своем «энтомологическом» порыве к объяснению литературных произведений (воспроизведение паука из специальной энциклопедии «A Guide to Spiders and Their Kin». New York, 1968) Н. Розен превзошел даже самого В. Набокова, который был не только известным писателем, но и энтомологом. Говоря о том, что в России не было готических соборов, Розен ошибается, поскольку забывает о Чесменской церкви, построенной тем же архитектором Ю. Фельтеном в честь русской морской победы.

РЕЦЕНЗИИ

Т. П. Волохонская

О Н. С. БРАГИНСКОЙ И ЕЕ КНИГЕ

Передо мной небольшая, изящно оформленная книга с емким и лаконичным названием: «О Пушкине». Она издана в 2004 году в нью-йоркском издательстве «Зеленая лампа». Автор книги — Надежда Семеновна Брагинская, многолетний друг Всероссийского музея А. С. Пушкина.

И не только друг: в далекие 1980-е годы Брагинская была сотрудником нашего музея, входила в его попечительский совет. Многие из тех, кто работал с ней, прекрасно помнят доброжелательную, живую, остроумную Надежду Семеновну. Нам казалось, что сотрудничество с ней будет долгим, но получилось иначе. В начале 1990-х годов Надежда Семеновна поехала в гости в США. Ее пригласил один из ее учеников, к тому времени перебравшийся жить в Нью-Йорк. Надежда Семеновна собиралась посмотреть город, получить представление о стране и вернуться в Петербург. Произошло непредвиденное: сильный сердечный приступ, внезапная операция — и невозможность по состоянию здоровья перелететь океан. Эмиграция поневоле!

Казалось бы, жизнь изменилась резко и во всем. Но нет, самое главное Надежде Семеновне удалось и сохранить, и приумножить: она не потеряла любви к русской культуре, к Пушкину. Не потеряла и потребности этой любовью делиться. Давно отмечено: Пушкин объединяет людей. Вскоре у Брагинской появились в Америке читатели, слушатели, ученики. На русско-американском радио она сделала более двухсот передач и сейчас продолжает готовить новые. Статьи Надежды Семеновны регулярно появляются в прессе, прежде всего в газете «Новое русское слово». И еще одно, не менее важное: ее американский ученик Джулиан Лоуэнфелд стал знатоком и прекрасным переводчиком Пушкина. Редкая удача!

Книга Брагинской «О Пушкине» содержит статьи, публиковавшиеся и в России, и в США. Первое, что хочется отметить, — эти статьи хорошо написаны. В них есть сопричастность прошлому, авторское чувство личной близости давно ушедшим людям и событиям. Пример — статья об Арине Родионовне. Кто не знает о няне Пушкина? А между тем рассказ Надежды Семеновны о ней по-настоящему увлекает. Вроде бы незамысловатое повествование о няне Пушкина заставляет задуматься о ценности народной культуры, о красоте русской речи и, конечно, о богатствах души... Няня — глубоко чувствующий человек, иначе ее любовь к барским детям Александру и Ольге не была бы такой счастливой, взаимной, родственной... Рассказ Брагинской об Арине Родионовне оказывается рассказом о многих и многом.

Значительная часть статей Надежды Семеновны представляет собой серьезные и заинтересованные отклики на юбилейные и памятные даты. В февральские дни 1996 года она поместила в «Новом русском слове» своеобразную хронику событий, связанных с погребением тела Пушкина и с судьбой его могилы от 1837 года до наших дней. Приведенные в статье факты подводят читателя к размышлениям о грубой идеологизации,

которой подвергался порой образ великого поэта. Статья не потеряла актуальности и представляет интерес для читателей книги.

Помещены в книге и рецензии Н. С. Брагинской. Благодаря просветительской работе Надежды Семеновны русско-американские читатели могут следить за развитием пушкинской темы в России. Она активно включает в свои передачи и статьи находки, предположения, размышления современных пушкинистов, откликается и на театральные постановки, связанные с пушкинской темой. В статье «А счастье было так возможно» автор делится своими впечатлениями о спектакле московского театра «Новая опера», представившего зрителям нетрадиционную постановку оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Надежда Семеновна открыта новым впечатлениям, и спектакль ей понравился. Но есть в книге и полемичные рецензии, как, например, статья «Нет другой стороны медали» (комментарий к статье В. М. Фридкина «Чемодан Клода Дантеса»). Брагинской чужды стремления «посочувствовать» убийце Пушкина, и она умеет защитить любимого поэта от нападок «бульварной пушкинианы».

Словом, книга Н. С. Брагинской «О Пушкине» — интересная и живая. Пожелаем Надежде Семеновне дальнейших творческих успехов!

И. В. Розина

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ И СТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Рец. на кн.: *Сафьян В. Ю., Сафьян Ю. А.* Ономастическая и страноведческая лексика «Евгения Онегина»: Учебный словарь. Ереван: Айастан, 2003. — 249 с.

Поэтическая ономастика и топонимика впервые стали заглавной темой справочного издания в современном пушкиноведении.

Цель словаря — представить корректно организованный материал для применения в учебном процессе. Издание адресовано преподавателям русского языка и литературы как в иностранной, так и в русской аудитории. Словарем могут воспользоваться составители методических пособий и материалов, учебных пособий по лексике, истории русского литературного языка; авторы спецкурсов и спецсеминаров по русскому языку и литературе. Исходя из основной цели, словарь призван решить следующие задачи: содержательно представить репертуар всех типов имен собственных, употребляемых в романе «Евгений Онегин», выявить их статистическую структуру, выступить основой системы специализированных учебных словарей, продемонстрировать возможный путь синтеза лингвистического и энциклопедического словарей.

Несомненного внимания заслуживает схема построения материала. Словарь состоит из двух обширных разделов. Первый — «Система ономастической лексики» — содержит материал об именах собственных. Во втором разделе — «Тематическая классификация лексико-семантических групп страноведческого типа» — заключен свод тематически связанных лексических перечней. Словарь дополняют предисловие, объяснительно-инструктивная статья, список справочных источников, список условных сокращений и обозначений. В состав словаря включены два приложения.

Содержание словаря базируется на солидном учебно-методическом материале, о чем свидетельствует список использованных источников, состоящий из 108 работ, справочников, монографий, иллюстрированных альбомов.

Издание совмещает в себе качества лингвистических и энциклопедических словарей. Стоит объединять четкость рубрикации и естественность построения статей, позволяющую пропорционально охватить достаточно широкий пласт ономастики. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке. В словарных статьях рассмотрены имена собственные персонажей романа, имена собственные героев других произведений, имена собственные реальных исторических лиц, условно-поэтических лиц, мифологии, географических объектов, нарицательных обозначений.

В словаре представлены основные и отсылочные статьи. Основная статья включает количественную и содержательную информацию об имени собственном во всем объеме его вариантов, форм и структурных разновидностей. В каждой словарной статье приведен пример употребления данного имени собственного в тексте «Евгения Онегина».

Кроме классификации имен собственных выявлена частотность их употребления. В словаре приведена подробная статистика личных и нарицательных имен собственных. Со-

ответствующий подраздел словаря приобрел вид лингвостатистического справочника, информационная емкость которого обеспечивается набором сведений, статистически релевантных для каждого из типов имен собственных. Отметим особо, что частотный словарь составлен квалифицированно, чувствуется высокая лингвостатистическая культура авторов.

Особое значение приобретает теоретический аспект работы в разделе, посвященном тематической лексике. Формирование тематических списков предполагает последовательный анализ лексики романа «Евгений Онегин», выявление в тексте круга слов, отражающих культуру, быт и т. п., создание связанных по смыслу лексических групп. После составления лексико-семантических групп каждая из них дополнялась ассоциируемыми с ней словами, привлеченными из других лексико-графических источников.

Так как без обращения к текстологическим пояснениям адекватное восприятие многих фрагментов романа «Евгений Онегина» может быть затруднено, в подразделе «Текстологические справки» представлены комментарии историко-литературного и языкового характера. Отметим, что этому подразделу предшествует краткая история создания романа, а также приводятся текстовые отрезки, которые, по мнению авторов, требуют особого комментария.

Рецензируемое издание вызывает интерес не только своей общетеоретической и лингвистической концепцией, но и ярко выраженной культурологической направленностью. Авторы словаря продолжают традицию отечественного литературоведения, в соответствии с которой, рассматривая художественные тексты, исследователи всегда стремились предельно расширить то культурное пространство, в котором рождается, живет и функционирует произведение литературы.

В словаре содержится много ценных и интересных сведений о русской культуре, быте, национальных традициях. Большой пласт культурологического материала, обширные и подробные комментарии будут востребованы как в русскоязычной, так и в иностранной аудитории.

В четко структурированном приложении представлен перечень образных выражений романа «Евгений Онегин», прочно вошедших в русскую речь. Примечательно, что крылатые выражения приводятся, как правило, без изменений, хотя в литературной речи и разговорной практике они нередко употребляются в трансформированном виде (изменяют лексический состав, сокращаются).

Кроме этого лексического пласта к основным разделам словаря приложен перечень наиболее распространённых словцов русской поэзии того времени. Подобный перечень выполняет весьма актуальную миссию, предоставляет современному читателю конкретный лингвокультурологический материал, предотвращая тем самым возможное неверное толкование поэтической символики.

Заслуживает одобрения включение в состав словаря художественных иллюстраций романа, сделанных представителями разных эпох: художниками — современниками Пушкина, иллюстраторами более поздних изданий, художниками XIX–XX столетий.

Вообще иллюстративный материал представлен довольно разнообразно: портреты исторических лиц, иконография героев, пейзажные виды Москвы и ее окрестностей, Санкт-Петербурга и его пригородов, окраин и провинций империи. Тщательно подобран материал к темам «Питание...», «Дом, жилище...», «Одежда, обувь...», «Церковный быт, обряды», «Крепостничество», «Средства передвижения...», «Дворянское времяпрепровождение...», «Обрядовые и необрядовые жанры русского народного творчества...».

Все находки авторов нового словаря, безусловно, следует приветствовать. Однако некоторое недоумение вызывает отсутствие ссылок и указаний на одну из ярчайших

работ отечественного литературоведа Ю. М. Лотмана, книгу «Пушкин. Комментарии к роману “Евгений Онегин”» (СПб., 1995).

Авторами проделана скрупулезная статистическая работа. Однако подобный тщательный и выверенный анализ нуждается, на наш взгляд, в четко обозначенной и аргументированной мотивации, отсутствующей в предисловии словаря.

К сожалению, в подразделе, содержащем иллюстративный материал, посвященный реальным историческим лицам, не нашлось места для обозначения авторов живописных портретов, гравюр и литографий. Недостаточно прояснены и прокомментированы иллюстрации к теме «Одежда, обувь...».

В целом учебное пособие подготовлено квалифицированно, аргументировано в основных позициях. Соответствующий учебный материал подается, как правило, в доступной форме. Все это дает достаточные основания для его положительной оценки.

Для рецензируемого словаря характерны системность, многоаспектность, контекстуальность. Эти черты определяют теоретическую и учебно-методическую значимость рецензируемой работы. Несмотря на отмеченные недостатки, появление подобного издания сегодня крайне своевременно и необходимо для гуманитарных вузов.

Е. А. Александрова

«УСЛЫШАТЬ МУЗЫКУ ПУШКИНА»

Рец. на кн.: **Мой талисман: Избранная лирика А. С. Пушкина = My talisman: Selected lyric poetry of Alexander Pushkin / На рус. и англ. яз. Пер., коммент. и биогр. А. С. Пушкина Джулиан Генри Лоуэнфелд = Julian Henry Lowenfeld. Нью-Йорк: Зеленая лампа, 2004. — 718 с.**

В Нью-Йорке вышло двуязычное издание произведений А. С. Пушкина в переводах на английский язык Джулиана Генри Лоуэнфелда, отмеченное глубоким пониманием, бережным отношением к Пушкину и поэтическим даром переводчика.

Первые переводы произведений Пушкина на английский язык появляются в Англии уже в 1827 году¹. В Америке переводить Пушкина начинают ближе к середине XIX века (1849), но интерес к нему активизируется значительно позже, уже в XX веке. На смену первым, не слишком удачным или просто слабым опытам приходят глубокие и серьезные, такие как работы Уолтера Арндта и Джеймса Фэлена. Но думается, что даже на фоне этих талантливых переводов работа Лоуэнфелда займет свое, особое место.

Джулиан Лоуэнфелд уже выступал на литературном поприще как переводчик с испанского двух пьес Жулио Кортасара, поставленных на театральной сцене, и автор песен.

Это первая книга, где Лоуэнфелд выступает переводчиком Пушкина, охватывает она большой объем его творчества (лирика разных лет, отрывки из драматических произведений и сказок, главы из «Евгения Онегина»). Кроме того, она снабжена большим вступлением, весьма подробной биографией Пушкина (на рус. и англ. яз.) и стихами самого Лоуэнфелда «Meditation on Pushkin», посвященными поэту (только на англ. яз.).

Уже во вступлении и этих стихах звучит удивительно близкое русскому читателю восприятие имени Пушкина, которое помогает жить, хранит при любых невзгодах и разочарованиях; предшествует вступлению перевод стихотворения «Храни меня, мой талисман...» — программного для переводчика и звучащего как обращение к Пушкину.

Правда, начало вступления вызывает некоторое недоумение: оно начинается строками о сталинском терроре (!). Понятно, что это дань времени, но в предисловии к книге переводов Пушкина, к тому же в первых его строках, звучит явным диссонансом. Таким же диссонансом звучат и проекции на советскую действительность, не совсем уместные, но зато это, пожалуй, единственное действительно слабое место книги. Анахронизмы очень редки и настолько незначительны и объяснимы, что их никак не хочется поставить в упрек автору, тем более что в остальном он обнаруживает истин-

ное понимание значения Пушкина для России и русской литературы и, самое главное, удивительно тонкое понимание сути пушкинского гения.

И везде, даже и в спорных суждениях автора, всегда подкупают истинная любовь к Пушкину и боль за тяготы и невзгоды его жизни. Так, читая о дуэльной истории в изложении Лоуэнфелда, как бы переживаешь трагедию заново.

Не раз уже писалось о трудностях передачи пушкинской поэзии на английский язык из-за разницы в рифме (преимущественно мужской в английской поэзии) и целого ряда других объективных причин, как частных, так и общих для переводов на различные языки. Тем не менее рассуждение Лоуэнфелда на эту тему замечательно тонко и умно, интересно не только для английского, но и русского читателя и специалиста. Говоря о «поэтической вольности» («poetic license»), допустимой при переводе, Лоуэнфелд касается и переводов иностранных стихов самим Пушкиным на русский язык и отмечает, что они обычно «что-то теряют» в оригинале. В частности, он приводит пример Барри Корнуолла, сопоставляя оригинал «Inesilla! I am here!» с пушкинским переводом «Я здесь, Инезилья...». В этом стихотворении интересен опыт как бы обратного перевода Пушкина на английский язык, выполненный Лоуэнфелдом, передающий пушкинский «поющий» и «танцующий» ритм:

I am here, Inesilla,
Your window beneath,
While all of Sevilla
Embraces gloom's sleep.

With valorous heart, here.
In broad cloak I'm sheathed,
With sword and guitar, here,
Your window beneath.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном

Исполнен отвагой,
Окутан плащом
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном (III, 239).

И наконец, на вопрос, который ставит почти каждый исследователь, пишущий о переводах Пушкина, а надо ли вообще переводить его поэзию на иностранные языки, — Лоуэнфелд дает свой ответ: «“Доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит”, пока поэзия еще жива в наших душах, нам нужен Пушкин, поэт поэтов, поэт русской души. Нам нужен его пример, его выбор трудности <...> вместо компромисса...». И дальше: «Пусть эта книга поможет не знающим русский язык услышать, наконец, его музыку».

Хотя далее автор извиняется за все равно неизбежное несовершенство переводов, где «невыразимое волшебство Пушкина не может не пропадать», музыка пушкинской поэзии в этой книге звучит! В самом ритме стиха слышится Пушкин, ощущается его присутствие. К тому же Лоуэнфелд практически везде следует за пушкинской рифмой (есть всего несколько исключений, связанных с чисто техническими трудностями).

И если мелкие стилистические несоответствия иногда встречаются: «And, oh, how sadly you were sitting!» — эмоционально завышенный тон по сравнению с нейтральным пушкинским: «И ты печальная сидела» («Зимнее утро»), зато практически нет неточностей, свидетельствующих о незнании тонкостей русского языка.

О своих предпочтениях в выборе тематики сам автор говорит в обращении к читателям: просит политически или философски настроенного читателя простить его «уклон в бесподобную любовную лирику». И действительно, хотя у Лоуэнфелда представлены произведения самой разной тематики, и представлены хорошими и просто замечатель-

ными переводами, но как только возникает тема любви, ее перипетий, различных проявлений, стихи сразу захватывают эмоционально, текут удивительно легко, свободно. При этом часто поражает, как Лоуэнфелду удается найти точное лексическое соответствие в другом языке, не разрушив при этом ни пушкинской интонации, ни музыки пушкинского стиха:

But in still sadness, undisturbed,
Pronounce aloud my name while grieving;
Say: I'm remembered in this world;
There is a heart where I'm still living.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я
(«Что в имени тебе моем?...» III, 210).

And how the heart beats in elation!
And once again in it rise up
The spark of God, and inspiration,
And life, and tears at last, and love

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество и вдохновенье
И жизнь, и слезы, и любовь
(К*** («Я помню чудное мгновенье»))

My love for you was wordless, hopeless cruelly,
Drowned now in shyness, now in jealousy,
And I loved you so tenderly, so truly,
As God grant by another you may be.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим
(«Я вас любил...»)

То же самое можно сказать о стихотворениях «Каков я прежде был, таков и ныне я», «Признание», «Ненастный день потух, ненастной ночи мгла». Список стихотворений и отдельных строк можно продолжать. Книга охватывает очень большой объем любовной лирики, причем стихи увлекают, зачаровывают.

Примечательно, что есть строки, которые звучат по-пушкински, несмотря и на неточность значения отдельного слова. В последней строфе стихотворения «Нет, я не до рожу мятежным наслаждением»:

Till livening with time, you too start thrilling
Till more and more at last my flame you share unwilling!

И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле! (III, 213)

«thrill» — слово повышенного эмоционального наполнения по сравнению, например, с «оживляешься». Но оно не разбивает общей интонации, включено органично — у переводчика есть ощущение пушкинского стиха, которое позволяет ему разрешить технические сложности перевода, не нарушив пушкинского звучания и не исказив смысла.

Есть и интересные примеры не дословного перевода, где тем не менее ничего не хочется менять, настолько находки восхищают изобретательностью, например концовка вступления к «Руслану и Людмиле»:

I've one remembered, and this story
Through me now comes to light, world, glory.

Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету... (IV, 6)

Конечно, здесь тон завышен эмоционально, но сделано красиво, легко, изящно. (К тому же это единственный случай такого вольного обращения с текстом.)

Все сказанное о переводческой технике Лоуэнфелда относится не только к любовной лирике. Например, в стихотворении «Во глубине сибирских руд» точно воссозданы авторские интонация и пафос, происходит полное слияние с пушкинской мыслью и чувством. То же в «Телеге жизни». Вообще волнения, эмоции везде ярко переданы, будь то inferнальная стихия «Бесов» с их пугающе затягивающим, совершенно пушкинским ритмом, или сцена объяснения Самозванца с Мариной из «Бориса Годунова».

Объяснение по страстности и драматическому напряжению не теряет ничего по сравнению с оригиналом — поединок своей борьбой захватывает так же.

С неменьшей глубиной и силой звучит и «Сцена из Фауста».

Лоуэнфелд останавливает свой выбор как на произведениях, которые не переводились раньше или переводились редко, так и на самых известных и часто переводимых. В связи с этим невольно напрашивается сравнение с другими переводчиками. У каждого из них есть свои сильные стороны, излюбленные темы и просто отдельные удачи. И если «Анчар», пожалуй, лучше всего звучит в переводе У. Арндта, который тяготеет к «монументальной» поэзии, то Лоуэнфелду ближе созерцательная, интимная сторона философской лирики.

И здесь он выступает достойным соперником лучших переводчиков, а в таких произведениях, как «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный...», «Из Пиндемонти», «Элегия» достигает большей силы воздействия и близости к оригиналу:

The faded gaiety of past year's frenzies
 Cloud up my heart, as if hung over, heavy,
 But like a wine, of days gone by the woe.
 While aging in my soul, with time does stronger grow.
 My way ahead is bleak. Of work and grieving
 The ocean of my future worries, heaving.

Безумных лет угасшее веселье
 Мне тяжело, как смутное похмелье.
 Но, как вино — печаль минувших дней
 В моей душе чем старе, тем сильней.
 Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
 Грядущего волнуемое море («Элегия» — III, 228).

Также несомненные удачи — «Отцы пустынноики, и жены непорочны» и «Не дай мне бог сойти с ума». Кстати, в заключительной строке этого стихотворения из всех переводчиков только Лоуэнфелд уловил и передал эффект аллитерации: and rattling, clanking chains — «да визг, да звон оков».

Он пошел здесь не по пути дословного совпадения (rattle — «грохот»), а аналогичного пушкинскому эффекту звукоподражания. Как и у Пушкина, оно не форсированное, почти скрытое, но достигает нужного эффекта. Очень хорошо звучит по-английски — привычно для уха английского читателя, и при этом сохраняется смысл и звуковая форма оригинала.

Особое место в книге занимает тема роли поэта, его предназначения. Лоуэнфелд уделяет размышлениям на эту тему большое место в предисловии, она звучит лейтмотивом в его стихах о Пушкине «Meditation on Pushkin», и, конечно, он отбирает для

перевода пушкинские строки, посвященные поэту, из которых особо хочется отметить «Поэт идет — открыты вежды» (из «Египетских ночей») — перевод глубокий, торжественно звучащий и близкий к пушкинскому тексту; хотя надо сказать, что отсутствие рифмы в последней строке, создавая неожиданный диссонансирующий эффект, если и не разбивает целостного впечатления, то все-таки вредит ему:

The poet, like the wind, is thus:
He picks up anything he wants —
And, like an eagle, soars in flying,
And asks of no one what to do,
As Desdemona chooses blindly
An idol for her loving heart.

Таков поэт. Как Аквилон
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего

(VIII, 269)

Очень хорош перевод стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...»), точный по духу и практически дословный. Причем, где возможно, переводчик тонко следует за пушкинской инверсией:

And 'midst this world's unhappy children,
Unhappiest, perhaps, is he.

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он

(III, 65).

И завершают книгу отрывки из романа «Евгений Онегин», который имеет свою историю переводов в США.

Несмотря на то что Пушкина начали активно переводить в Америке довольно поздно, в 30-е годы XX века, уже к юбилейному 1937 году, появляется целых три перевода «Евгения Онегина», и с тех пор он переводился неоднократно. В настоящее время существует порядка десяти работ английских и американских переводчиков, из них признанные хорошие переводы Уолтера Арндта², Чарльза Джонстона³, и, по мнению многих исследователей, самый удачный перевод Джеймса Фэлена⁴, действительно, качественно отличающийся от всех предыдущих. То есть в этой области многое достигнуто, многое изучено, и появление нового перевода, конечно, требует отдельного подробного рассмотрения и сопоставления с более ранними, однако в рамках рецензии можно отметить некоторые черты этой новой версии.

Поскольку переводчик сам говорит о том, что предпочитает всему любовную лирику, то понятен и выбор отрывков: это главным образом основные этапы любовной коллизии романа, моменты наивысшего эмоционального напряжения.

В письме Татьяны ярко передана динамика настроения: взлеты надежды, которые сменяются отчаянием. И лексически переводчик тоже очень близок к пушкинскому тексту:

No! I'd have never rendered
My heart to anyone but you!
That's in the highest court intended:
It's Heaven's will! I'm yours, I'm true!

Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя... (VI, 66)

И даже там, где перевод идет не слово в слово, создается тот же уровень эмоционального напряжения каждого момента, что и в оригинале:

You first walked in, and flash! I know you!
I froze and blazed inside — all through...

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала... (VI, 67)

И опять же, где возможно, переводчик использует пушкинскую технику. Например, повторение одного и того же слова для создания эффекта навязчиво звучащей мысли:

Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи (VI, 66).

у Лоуэнфелда это иное слово, но достигается тот же эффект неотвязно мучающей мысли:

To think, both day and night of when
Oh when? — oh when we'll next be meeting, —

И, наконец, финал письма — безоглядное предание себя в руки судьбы — звучит с пушкинской силой:

I'm finished! To re-read I dread	Кончаю! Страшно перечесть...
Both shame and fear my spirit rivet.	Стыдом и страхом замираю...
Your honor though, stands in my stead, \	Но мне порукой ваша честь,
And boldly I entrust you with it.	И смело ей себя вверю...

Перевод письма Онегина к Татьяне не уступает по эмоциональному воздействию и близости к пушкинскому тексту.

Заметим, что, как и большинство переводчиков романа, Лоуэнфелд соблюдает онегинскую строфу.

Многие строки отличаются чистотой стиля и музыкальностью (кстати, удивительно легко ложатся на музыку П. И. Чайковского): объяснение Онегина с Татьяной в четвертой главе (IV, 77), тема Ленского: «Perhaps he had been born for glory...» («Быть может, он для блага мира...») (VI, 133), «To love all ages are submissive...» («Любви все возрасты покорны...») (VI, 178).

И везде, где возможно, в переводе передана пушкинская ирония:

The feeling rose again within	Когда жестокая хандра
Of cruel depression seizing him,	За ним гналася в шумном свете,
As earlier, 'midst modish riot,	Поймала, за ворот взяла
It grabbed his collar, took firm hold,	-И в темный угол заперла (VI, 182).
And locked him up in a dark hole.	

Там же, где ирония отдельного слова оказывается действительно непереводаемой:

И человека *растянуть*
Он позволял не как-нибудь... (VI, 128), —

переведа, «растянуть» нейтральным «kill» — «убить»: «And wouldn't let someone get killed», — переводчик дальше сразу подхватывает ироническую интонацию: «Just any sort of way you will», — и общее впечатление остается близким пушкинскому.

Хочется также сказать об употреблении французских слов и выражений, в котором порой упрекают англоязычных переводчиков Пушкина. Но, во-первых, в английском языке отдельные французские слова и идиомы более «узаконены», чем в русском языке, даже на уровне словарей. (Ср., например: У. Хогарт свою серию картин и гравюр, известных у нас под названием «Модный брак», называет «*Marriage a la Mode*».) А, во-вторых, Лоуэнфелд никогда не злоупотребляет ими, и они всегда органичны:

To chat of all things *en passant*
And looking sage, like a savant,
Hear weightiest disputes and hush,
And then incite smiles from *les dames*
With sparks from surprise epigrams.

Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм (VI, 7).

Over "ideal", word *a la mode*,
Quietly Lensky, nodded, dozed

На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал (VI, 126)

Как видно, французские слова вплетаются в ткань текста естественно, с деликатностью и мастерством, свойственными переводчику.

Подводя итоги, хочется сказать, что, когда речь идет о книге переводов Пушкина на английский язык, наверное, важнее всего, какое впечатление она произведет на англоязычного читателя, зазвучит ли для него пушкинское слово, ощутит ли он величие и неповторимость его поэзии. Но очень хотелось бы, чтобы в данном случае это произошло. Тем более что во многих строках Дж. Г. Лоуэнфелд достигает пушкинской легкости и музыкальности, какой не было ни у кого из его предшественников.

Однако интересна книга будет и русскому читателю, поскольку хороший перевод, поиск переводчиком верного слова часто помогают уловить новую грань в известных и привычных строках, как сам автор пишет в предисловии, «иное сияние ярчайшей звезды русского литературного небосклона».

И, видимо, самое главное — это то, что, начав читать эту книгу, хочется продолжить, прочитав отрывок или фрагменты, хочется увидеть полную версию и ждать от автора продолжения его большого и успешного труда.

Примечания

¹ См. об этом: Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 311.

² *Pushkin A. Eugene Onegin* / Tr. Walter Arndt. New York, 1963.

³ *Pushkin A. Eugene Onegin* / Tr. by Charles Johnston. London, 1977.

⁴ *Pushkin A. Eugene Onegin* / Tr. James Falen. Carbondale, 1990.

Е. Грунин

ВЕСЬ ПУШКИН НА АНГЛИЙСКОМ

В ряду даже самых ярких событий-подарков, приуроченных к 200-летнему юбилею «солнца нашей поэзии», на особом месте, как нам представляется, — полное собрание сочинений А. С. Пушкина на английском языке. Такого еще не было! Читатели в Великобритании, Соединенных Штатах и других англоязычных странах получили (в конце 2003 года вышли последние два тома) яркое, благородно оформленное, научно выверенное пятнадцатитомное издание: три тома лирики, три тома художественной прозы, «Евгений Онегин», поэмы и сказки, «"Борис Годунов"» и другие драматические произведения, «История Пугачевского бунта», «Критическая и автобиографическая проза», три тома писем, «История Петра Великого и другая историческая проза».

То, что этот уникальный проект осуществлен именно в Англии, мы расцениваем как вполне закономерное событие, ведь общеизвестно, что Пушкин, по его собственному признанию, «с ума сходил» по Байрону, восхищаясь его «мрачной, богатырской поэзией», увлекался Шекспиром, с удовольствием перечитывал романы «шотландского чародея» Вальтера Скотта, переводил стихи Роберта Саути.

В Англии русского гения еще при его жизни воспринимали как выдающегося русского поэта, много переводили. И вот, наконец, появилось на свет это, бесспорно, очень нужное иностранному читателю издание.

Подчеркнем, что это не только первое, но на сегодняшний день полное зарубежное собрание сочинений великого поэта.

Инициатор проекта — господин Иан Спрот, бывший министр культуры Великобритании, политик и бизнесмен.

Еще в 1990 году господин Иан Спрот обратился в Советский фонд культуры к академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и Раисе Максимовне Горбачевой с просьбой привлечь научные силы фонда культуры к осуществлению этого проекта.

Д. С. Лихачев (как руководитель СФК) принял решение о том, что Фонд культуры будет привлекать научные силы для осуществления этого проекта и впоследствии сам написал предисловие к тому поэм¹.

В своем письме к нам господин Спрот так ответил на наш вопрос о вкладе в проект Дмитрия Сергеевича Лихачева: «В самом начале академик Лихачев дал свое благословение на идею такого издания и посоветовал мне, на кого в России мы должны опираться и кого из российских ученых включить в редколлективу. То, что такой ученый, как академик Лихачев, был вовлечен в этот проект, давало людям повсюду в мире впечатление, что этот проект имеет огромную важность и должен быть поддержан».

Была сформирована международная редколлегия, в состав которой вошли ведущие британские, американские и российские ученые-пушкинисты, в том числе Энтони

Кросс, профессор Кембриджского университета, лауреат Анциферовской премии (учреждена в Санкт-Петербурге), Энтони Бриггс, профессор Бирмингемского университета; пушкиновед Томас Шоу; ведущие сотрудники Пушкинского Дома профессора С. А. Фомичев, В. Э. Вацуро, председатель Совета Российского фонда культуры по пушкинской программе Л. М. Аринштейн.

Отметим, что научное участие российских пушкинистов в осуществлении этого уникального издания благодарно оговорено в каждой книге собрания. Так, уже на первых его страницах выражается признательность Российскому фонду культуры в лице Никиты Сергеевича Михалкова за привлечение научных сил фонда к этому проекту и особо отмечается «уникальный и в высшей степени ценный вклад» профессора Леонида Матвеевича Аринштейна, непосредственно занимавшегося подготовкой издания.

Первые пять томов: лирика (1826–1836) (т. 3), «Евгений Онегин» (т. 4), «Борис Годунов и другие драматические произведения» (т. 6), «Капитанская дочка» (т. 7), письма 1815–1826 гг. (т. 10) вышли в Великобритании 6 июня 1999 года — в день 200-летия великого поэта.

Каждый том открывается обширным «введением в тему» — предисловием ученых-пушкинистов, объединенных международной редколлекцией. Том писем представляет патриарх американской пушкинистики Томас Шоу, автор многих выдающихся научных трудов о Пушкине. Предисловия к «Евгению Онегину» и драматургии написали ведущие английские пушкинисты профессор Джон Байли и профессор Энтони Бриггс; к «Капитанской дочке» — пушкинист и издатель прозы Пушкина в США профессор Пол Дебрени и, наконец, к каждому из томов лирики — российский ученый, автор известных книг о Пушкине Леонид Матвеевич Аринштейн.

Издание (а названо оно «The Complete Works of Alexander Pushkin») было задумано (и получилось) дорогое — прекрасная бумага и печать, роскошные переплеты. Книги выпускает издательство «Milner and Company Limited», а финансирует его сам Иан Спрот². Особо заметим, что большинство переводчиков, а также все российские участники отказались от гонораров. Патронами проекта стали принц Майкл Кентский и Р. М. Горбачева.

Несколько слов о технических особенностях каждого тома. Составители ориентировались на наиболее полное и научно выверенное академическое 10-томное собрание сочинений под редакцией Б. В. Томашевского, выдержавшее в России с 1950 по 1970 год четыре издания. Вместе с тем — и это очень важно, — поскольку работа над рукописями Пушкина продолжалась и в 1970–1990-е годы (причем в ходе этой работы были уточнены некоторые трудные читаемые тексты) в английское издание внесены соответствующие коррективы.

Важной особенностью издания является то, что «The Complete Works of Alexander Pushkin» содержит различные уточнения и комментарии. Адресованность англоязычному читателю объясняет особенности этих комментариев. «Если письма Пушкина или историческая драма “Борис Годунов” прокомментированы очень подробно, то стихотворения даются практически без комментариев, чтобы не отвлекать читателей от чисто поэтических красот пушкинской лирики»³. Объясняются только самые необходимые реалии, имена, даты. Причем «это не просто перевод на английский язык имеющихся у нас полных собраний, а первый и пока единственный опыт постсоветского издания Пушкина, с учетом новейших открытий российских ученых»⁴.

Не включены в издание некоторые незавершенные фрагменты, отрывочные строки неизвестных стихотворений и т. п.

Основная, на наш взгляд, задача составителей заключалась в том, чтобы наилучшим образом преподнести иностранному читателю произведения Пушкина, сделать их

как можно более приближенными к пушкинскому оригиналу. «Главной проблемой при подготовке любого переводного издания является адекватность переводов, особенно стихотворных»⁵. Многие произведения были переведены заново, и «сделали это специалисты высокой квалификации с использованием новейших достижений научного пушкиноведения...»⁶.

Вот один пример новых переводов (шутливый экспромт)

Candied peel
I bail to feel,
Almond paste
I not my taste
Apple tart is hard to start
When were apart, my dearest Heart

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цукерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа (Ш, 101)

(Из стихов в альбом А. П. Керн, 1828)

Перевод принадлежит замечательному современному переводчику Адриану Руму. Кроме него над новыми переводами лирики успешно работали Ирина Хендерсон, Джеймс Фэлен, Джилл Хиггс, Джон Куттс и др.

Есть в третьем томе и классические переводы: начиная с 1839 года, когда другой Томас Шоу, современник Пушкина⁷, впервые перевел стихотворения Пушкина на английский язык, и заканчивая переводами Владимира Набокова («Что в имени тебе моем...»). Таким образом, «хронологические рамки переводов лирики составляют 160 лет — 1839–1999 годы»⁸.

Часто считают, что любой перевод поэзии очень далек от оригинала, что Шекспир в русском переводе имеет отношение к творчеству Пастернака, а не Шекспира. Никто не спорит, что лучше читать поэзию на языке подлинника. Но «если следовать такой крайней точке зрения, мы должны отказать самому Пушкину в знании Байрона и Шекспира (как известно, он читал их во французском переводе), не говоря уже о Гомере, Саади и псалмах Давида»⁹, ведь наш великий поэт не владел ни греческим, ни восточными языками.

У самого Пушкина есть около десяти стихотворных переводов с английского языка.

Если говорить о них, то они настолько точны, что даже привели к курьезным ситуациям. Так, один из переводчиков лирики, не зная, что имеет дело с переводом Пушкиным «Гимна Пенатам» Саути («Hymn to the Penates»), перевел его на английский язык в стилистике, поразительно близкой к английскому оригиналу. Поэтому редколлегия отказалась от публикации стихотворения в обратном английском переводе. По той же причине не помещены в обратном переводе такие пушкинские произведения, как «The Twa Corbies» («Шотландская баллада»), «Медок (“Ворон к ворону летит”» (из Саути), «Мера за меру» (из Шекспира), «Из Barry Cornwall» («Song»), «То было вскоре после боя» (из «Мазепы» Байрона), «Как редко плату получает» (из Колриджа). В этих случаях редколлегия отсылает читателя к соответствующим произведениям Саути, Колриджа, Шекспира, Барри Корнуолла... Нельзя, конечно, не пожалеть, что в приложении к тому лирики не приводятся эти тексты — источники Пушкина. Редколлегия сочла неуместным помещать оригинальные английские произведения в собрании сочинений Пушкина.

Зачастую из 14–15 вариантов отбирались именно те переводы, которые «учитывали как смысл, так и поэтическую форму оригинала, передавали и содержание, и образность, и ритм поэзии Пушкина»¹⁰.

Впервые на английском языке были представлены не только «легкая» любовная поэзия, но и философская и политическая лирика. Благодаря «The Complete Works of Alexander Pushkin in English translation in 15 volumes», Пушкин-пророк, «религиозный философ, патриот и певец самодержавной России»¹¹ впервые может быть понят в англоязычном мире.

Но дело даже не в том, что было недостаточно переводов конкретных произведений (ведь все-таки проза Пушкина, «Евгений Онегин», даже письма поэта издавались по-английски трудами таких ученых, как Томас Шоу, Пол Дебрецени, Джеймс Фэлен), а в том, что «в англоязычном мире неотъемлемым атрибутом великого писателя является полное собрание его сочинений. Из-за отсутствия такого издания творчество Пушкина оставалось в сознании английского читателя «белым пятном» в истории русской литературы. Достоевский, Толстой, Чехов, чьи полные собрания давно переведены на английский язык, гораздо больше известны за рубежом, чем Пушкин»¹².

Особое значение издания определяется тем, что англоязычный мир огромен: сегодня каждый четвертый житель планеты говорит по-английски, а значит, с «полным Пушкиным» теперь имеет возможность познакомиться четвертая часть населения Земли!

Значение же такого знакомства неоспоримо велико, ведь оно позволит англоязычному миру по-новому понять и оценить Россию. Существует миф о «загадочности», «закрытости» русской души, а Пушкин, писатель очень светлый, раскрывает эту душу, делает ее ближе и понятнее людям других наций. «Я убежден, — говорит Иан Спрот, инициатор и издатель «всего Пушкина» на английском, — что именно с литературы начинается понимание России как страны, а русская литература — это прежде всего Пушкин»¹³.

Примечания

¹ На русском языке оно опубликовано в сборнике «Памяти Д. С. Лихачева» // Русское возрождение. 2000. № 77/78.

² В своем письме к нам он пишет: «Найти деньги на издание было очень трудно: в конце концов я вынужден был платить за все сам из своих личных средств, но при этом я имею прекрасную бесплатную научную помощь от Российского фонда культуры, который, со времен академика Лихачева, прекрасно помогает: сотрудники фонда отдают свое время и свои научные знания этому проекту». Господин Спрот имеет здесь в виду Леонида Матвеевича Аринштейна и Ирину Юрьевну Юрьеву.

³ Юрьева И. Ю. Статья «Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 15 томах на английском языке» — авторская компьютерная верстка.

⁴ Юрьева И. Ю. Полный Пушкин в переводе на английский // Exlibris (приложение к Независимой газете). 1999. 22 июня. Справедливости ради следует назвать полное комментированное издание собрания сочинений Пушкина в двух томах под редакцией Н. Н. Скатова (М.: Классика, 1999), подготовленное сотрудниками Всероссийского музея А. С. Пушкина и ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН под руководством Р. В. Иезуитовой.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Томас Шоу приехал в Россию через год после смерти великого поэта и преподавал в Лицее. Фома Шоу, как его называли в России, был знаком с П. А. Плетневым, другом А. С. Пушкина и первым издателем его произведений; Плетнев считал переводы Шоу поразительно точными.

⁸ Юрьева И. Ю. Полный Пушкин в переводе на английский.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Юрьева И. Ю. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина...

¹³ Цит. по: Никитина М. Почему английский бизнесмен влюбился в «Капитанскую дочку» // Российская газета. 1998. 4 июня.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной 233–237
Анджело, поэма 367
Анфологические эпиграммы 184, 224, 232
Анчар 184, 380
Арап Петра Великого 173, 354, 355
Арион 234
Барышня-крестьянка 342, 349, 357
Бахчисарайский фонтан 104, 213
Бесы 184, 380
Борис Годунов 4, 172, 175, 236, 322, 323, 326, 332, 351, 353, 354, 358, 380, 384, 385
Братья разбойники 104
«Вам Музы, милые старушки» (В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак») 239
«В его “Истории” изящность, простота» (<На Карамзина>) 215
«В стране, где я забыл тревоги прежних лет» (Чедаеву) 212
«Весна, весна, пора любви» 234
«Вновь я посетил» 338, 342
«Во глубине сибирских руд» 380
«Ворон к ворону летит» (Из Саути) 386
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») 181, 380
Второе послание к цензору 218
Гавриилиада 184
«Дар напрасный, дар случайный» 181, 380
19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 284
Делибаш 184
«Для берегов отчизны дальней» 230
Домик в Коломне, поэма 274
Дорожные жалобы 184
Дубровский 354–357
Евгений Онегин 7, 97, 164, 178, 180, 212, 218–220, 222, 224, 230, 272–274, 276, 284, 287, 338, 340, 341, 344, 346, 355–358, 373–377, 381, 384, 385, 387
Египетские ночи 230, 354, 381
Застольные беседы 251
Зимнее утро («И ты печальная сидела») 378
Золото и булат 225
Из Ваггу Cotnwall 386
Из Пиндемонти 380
История Петра 173, 255, 384
История Пугачева; История Пугачевского бунта 185–187, 355, 384
«И я бы мог как [шут ви]<сеть> 234
К вельможе («От северных оков освобождая мир») 194
К Наталье 177
К*** («Я помню чудное мгновенье») 284, 379
Кавказский пленник 271
«Какая ночь! Мороз трескучий» 234
«Как бурею пловец» 234
«Как редко плату получает» 386
«Каков я прежде был, таков и ныне я» 379
Каменный гость 274, 331, 351
Канон 305
Капитанская дочка 186, 336, 354–356, 385, 387
Киржали 354
Клеветникам России 183
Клеопатра 230
«Когда за городом, задумчив, я брожу» 229
Кривцову («Не пугай нас, милый друг») 230
«Кто знает край, где небо блещет» 280, 281
«Мера за меру» (Из Шекспира) 386
Метель 356, 358
«Мне жаль великия жены» 220, 223

- Мои замечания об русском театре 178
Моцарт и Сальери 184, 216, 274, 331
Моя родословная 108
«Не дай мне бог сойти с ума» 380
«Ненастный день потух, ненастной ночи
мгла» 379
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»
379
О народном воспитании 179
<О статьях кн. Вяземского> 183
«От многоречия отречься добровольно...»
209–212, 214–220
Отрок 184, 224, 231
Отрывки из Путешествия Онегина см. Евге-
ний Онегин
«Отцы пустынноики и жены непорочны» 380
Пиковая дама 276, 328, 354, 369, 371
Пир во время чумы 274, 330, 331, 351
Повести Белкина 354, 357
Подражания древним 232
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья» 183
Полтава 349, 355, 358
«Послушайте, я сказку вам начну»
(Эпиграмма на Карамзина) 217
Поэт («Пока не требует поэта») 381
Предчувствие 181
Признание 379
Путешествие в Арзрум во время похода
1829 г. 181, 289
<Путешествие из Москвы в Петербург> 170
Рифма 184, 224, 231
Роза 210
Роман в письмах 354
Роман на Кавказских водах 151, 354
Рославлев 354
Российская Академия 213, 218
«Румяный крик мой, насмешник толстопу-
зый» 224, 231
Русалка, драма 342, 351, 358
Руслан и Людмила 98, 178, 270, 271, 294, 297,
313, 314, 336, 357, 358, 379
Сказка о золотом петушке 275
Сказка о мертвой царевне и семи богатырях
358
Сказка о попе и о работнике его Балде 274
Сказка о рыбаке и рыбке 358
Сказка о царе Салтане 358
Скупой рыцарь 274, 331, 351
<Сочинения и переводы в стихах Павла Кате-
рина> 183
«Среди рассеянной Москвы» (Княгиня
З. А. Волконской) 182
Сцена из Фауста 331, 351, 380
«Так море, древний душегубец» (К Вязем-
скому) 234
Талисман 114
Телега жизни 380
«То было вскоре после боя» 386
Труд 184, 224, 231
«Храни меня, мой талисман» 377
Художнику 228
Царскосельская статуя 184, 224–227, 229–232
Цыганы, поэма 273, 274
«Что в имени тебе моем?» 379, 386
«Шотландская баллада» 386
Элегия («Безумных лет угасшее веселье») 380
Элегия («Погасло дневное светило») 243
Элегия («Я видел смерть») 230
Эхо 184
«Я вас любил: любовь еще, быть может» 379
«Я здесь, Инезилья» 378
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»
186

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза В. В. 100
Абаза П. 243
Аверин, фруктовщик 74
Авраменко Д. М. 357
Аврелий М. 192
Адлерберг А. В. 203, 204
Азерников В. З. 204
Аксаков И. С. 86
Аксаков К. С. 197, 198
Аксаков С. Т. 193, 197, 198, 248
Аксакова В. С. 192
Аксаковы 188, 192, 244
Аксюк А. П. 47, 57
Александр I 14, 19, 25, 37, 39, 41, 54, 55, 77, 83, 84, 117, 122, 184, 220, 236, 279, 284, 302
Александр II 37, 54, 67, 70, 71, 83, 88, 200, 203–207
Александр III (Александр Александрович) 8, 28, 34, 35, 41, 46, 61, 62, 80, 82, 203, 204, 346
Александр Македонский 226
Александр Михайлович, вел. кн. 41
Александра Федоровна (1798–1860), имп. 188, 190, 196, 287
Александра Федоровна (1872–1917), имп. 84, 347
Александров А. В. 357
Александров Т. А. 310
Александрова Е. А. 377–383
Александрова И. Н. 351
Алексеев М. В. 356
Алексеев М. П. 383
Алексеев С. 187
Алексий (Алферий), митр. см. Бяконт А. Ф.
Алефельд Л. 111
Алташина В. Д. 255
Алферов Ж. И. 5
Альбедиль 150
Альбедиль Г.-К. 146, 148
Альбедиль Х.-Э. см. Съеберг Х.-Э.
Алябьев А. 195
Алябьев А. А. 195, 199, 207, 243, 248
Алябьев В. Ф. 195
Алябьев Г. А. 195
Алябьева-Киреева А. В. 194–199
Алябьева-Лескова В. В. 195, 198, 199
Алябьева (Римская-Корсакова) Е. А. 199
Алябьева Е. А. см. Соймонова Е. А.
Алябьевы 194–196, 199, 200
Амана (Бруха), кн. 175
Амвросий Медиоланский 48
Анакреонт 226
Андреев I 98
Андреев А. С. 278, 284
Андрусен Т. 357
Андрешкевич И. Н. 355, 358
Аничков В. И. 167
Анненков П. В. 15, 25, 164, 318, 319
Анненский И. 227, 232
Антипатр Сидонский 226
Апухтин А. Н. 86
Арендт Н. Ф. 36, 127
Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
Аринштейн Л. М. 385, 387

- Аристархов, кухмистер 97
Арднт У. 377, 380, 381
Арнольд Н. 199
Арнольд-Алябьев В. И. 194
Арнольди А. И. 188
Арнольди Л. 192
Арсеньев В. Д. 252
Арсеньев И. А. 250, 255
Арсеньев К. И. 21, 27, 293
Арсеньева Е. А. 266
Артюхов К. В. 204
Арцишевский Н. И. 51, 52, 57
Асагуров, подрядчик 156
Асафьев Б. В. 298, 303, 306, 313, 316
Асклепиад Самосский 226
Аснаш С. М. 42
Атаманов К. В. 53
Ахвледiani Е. Д. 320, 321
Ахмадулина Б. А. 5, 6
Ахматова А. А. 6, 227, 229, 232, 329
Ацаркина Э. Н. 284, 285
Ашукин Н. С. 144
- Багговут Т. 357
Базанина П. Г. см. Муравьева П. Г.
Байбурин А. К. 337, 344
Байли Дж. 385
Байрон Дж. Г. 178, 384, 386
Балог Г. П. 4, 102–107
Балтимур, лорд 171
Баранов Э. Т. 203
Барановская М. Ю. 246
Баратынская (Казембек) О. А. 253
Баратынский Е. А. 253
Баратынский Н. Е. 253
Бартнев М. И. 66, 76
Бартнев Н. М. 66, 67, 78–80
Бартнева Н. А. 66, 67, 80
Бартнева П. 243
Барятинский 302
Батюшков К. Н. 171, 217, 222, 225, 276, 280
Бауер (Бауэр) В. В. 23–25, 27, 74, 76–78, 80
Бах И.-С. 313
Бахметев 307
Бахметева В. см. Столыпина В.
Бежар М. 330
Безбородко А. А. 202
- Безобразов В. П. 72, 74, 76, 80, 86
Безобразов Ю. В. (Юшка) 72, 76, 86
Безобразова М. В. 76, 80
Бейер А. А. 351
Бейне К.-А. А. 117
Бекетов Н. А. 158, 159
Беклемишев Н. П. 168, 176
Беклемишев П. Н. 168, 176
Беленкова А. И. 44–60
Беликов А. Н. 266, 267
Беликова (Гусарова) Д. Е. 266–268
Беликова Е. А. 267
Беликова Т. А. 267
Беликовы 267
Белинский А. А. 6
Белинский В. Г. 121
Беллинггаузен Ф. Ф. 198, 207
Белов Е. А. 49, 57, 76, 80
Белоголовый Н. А. 139–141, 143
Белозерова Л. 232
Белуха-Кохановский М. А. 16, 26
Белый А. 230
Белых К. И. 53, 57
Белюстин В. В. 68, 76, 80
Беляев М. Д. 127–132, 134, 135
Бенеци 118
Бенкендорфы 65
Бенкендорф А. Х. 65, 109
Бенуа А. Н. 89, 127, 278, 284
Беранже Т. 187
Берви-Флеровский В. 137
Бергелиа Б. см. Съёберг Б.
Березкина С. В. 209–223
Берльгод 313
Бернар, учитель-француз 242
Бернардаки Д. Е. 284
Бернгард А. А. 351
Бернгард Е. А. 351
Бертран Ф. 331
Бершадский С. А. 35, 42
Бесарабова М. А. 338, 344
Бестужев А. П. 163
Бестужев-Рюмин М. 234
Бетховен Л. ван 243, 308
Бехтеев С. С. 60, 89, 90
Бибиков И. Б. 125
Бибикова (Гончарова) В. А. 125
Бильрот Т. 140, 141, 143
Бирон Э. И. 164

- Бируков А. С. 218
Бичурин Н. Я. 177–187
Благово Д. 110, 116
Благой Д. Д. 154, 164, 232
Близняковская С. П. 104
Блудов Д. Н. 121, 222
Боаден Джемс 366, 367
Боаден Джон 366, 367
Боадены 367
Бобринские 244, 253
Бобруйский А. Я. 102
Богарне Е. 82
Богдановский Е. И. 139–141, 143
Богословская Е. 208
Богушевская А. 327
Бокариус М. В. 187
Болохов К. 53, 57
Борель М. М. 356
Бортнянский Д. С. 245
Борх А. М. 189
Борщ А. (псевд. А. Бор) 356
Боссе Г. А. 200
Босси Д. 104
Боткин С. П. 139, 140, 143
Брагинская Н. В. 232
Брагинская Н. С. 372, 373
Бразоль Д. А. 351
Браун Д. 319
Бритгс Э. 385
Брокгауз Ф. А. 197, 202, 207, 222
Брукст, портной 51
Бруни А. 280
Бруни Ф. А. 127, 295
Брут 220
Брюллов А. П. 104, 117, 275, 282, 283
Брюллов В. А. 284
Брюллов К. П. 276, 278, 280
Брюлловы 103, 279, 285
Брюно, шляпник 52
Брюс Я. А. 172
Брюсов В. Я. 5
Бублик М. Д. 50, 57
Будко А. А. 139–144
Буйницкий С. Н. 39
Булгаков А. П. 100
Булгаков Б. А. 97, 99, 100
Булгаков К. А. 297
Булгаков К. Я. 250
Булгакова Е. А. («Кленя») 100
Булгакова Н. А. 100
Булгакова С. М. 100
Булгаковы 100, 101, 241
Булгарин Ф. В. 109, 192, 305, 310
Булич С. К. 212, 221
Булла К. К. 62
Булыгин Ф. П. 125
Булыгина (Гончарова) Н. А. 125
Булыгина Е. А. 252, 254
Булыгина О. Д. 252
Бунге Н. Х. 92
Бунин И. А. 241, 254
Бунина А. П. 241
Бунины 241
Бурнетт П. 371
Буски, маркиз 284
Буслаев Ф. И. 273, 277
Буткевич А. А. 140
Бутович Н. И. 98
Буш Э. П. 92
Бушкова Н. Н. 346, 347
Быкова М. 354
Бэрд О. А. 359–368
Бюргер Г. А. 178, 183, 265
Бюффон 216
Бяконт А. Ф. см. Плешей А. Ф.
Бяконт Е. (Алферий) Ф. (митр. Алексей)
169–175
Бяконт К. Ф. 170
Бяконт М. 170
Бяконт М. Ф. 170
Бяконт Ф. А. 170
Бяконт Ф. Ф. 170
Бялик Г. И. 117
Вадковский В. Ф. 68, 80
Валькендорф (Сьёберг) Е.-М. 146
Валькендорф Х.-Х. 146
Варваций И. А. 155, 159
Варнек (Варник) А. Г. 289
Варшавский С. П. 107
Василий Ермолаевич, крепостной 252
Василий Иоаннович Темный 195
Васильев И. Д. 73
Васильковский В. 330
Вахтеров В. 355
Вацуро В. Э. 215, 217, 220, 222, 236, 385
Введенский И. И. 257
Вебб В. И. 47, 57

- Вебер К. М. фон 313
Вегнер М. 166
Веджвуд Дж. 364
Вейнер П. П. 95, 99, 101
Вейнер А. П. 38
Великопольский И. Е. 359–365, 367, 368
Велинский В. В. 75, 80
Веллстуд Ф. К. 364
Вельяминова М. Н. 244
Венгеров С. А. 164, 222
Веневитинов Г. В. 93, 97
Венецианов А. Г. 290
Вергилий 49
Вересаев В. В. 291
Веригина Н. Ф. см. Плещеева Н. Ф.
Верстовский А. Н. 199, 243
Верховская О. А. 100
Верховские 99, 100
Верховский В. В. (отец) 100
Верховский В. В. (сын) 100
Верховский Н. В. 100
Веселкин М. М. 40, 98, 99
Веселовский К. С. 16, 17, 20, 26, 27, 45, 57
Веселовский С. Б. 176
Виардо-Гарсиа П. 10, 35
Вигель Ф. Ф. 8, 300
Виельгорские 191, 253
Виельгорский Матв. Ю. 244
Виельгорский Мих. Ю. 199, 302, 304, 305, 309
Викситен В. Ф. 73, 80
Викторова Ф. А. см. Некрасова З. Н.
Викторович В. 141, 144
Вильбоа К. П. 314
Винберг И. А. 117
Винкельман И. И. 229, 232
Виноградов В. В. 222, 231, 232
Виноградов П. Г. 38, 42
Виролайнен М. Н. 164
Висковатов А. 166
Висконти М. А. 53, 57
Витали И. П. 129
Владимир Александрович, вел. кн. 80, 84
Владок А. Д. 282
Воейков А. И. 247
Воейкова П. Ф. 242
Воейковы 241
Военский К. А. 118
Вознесенский А. 328
Войцеховский Л. Д. 92
Волков А. 274
Волкова Е. С. 253
Волкова М. А. 244
Волконская А. П. см. Дурново А. П.
Волконская З. А. 182, 184, 243–245, 248, 290
Волконская (Трекова) О. А. 354
Волконская (Кикина) М. П. 120
Волконская С. Г. 119–121, 330
Волконские 11, 102, 117, 119–121, 132–135, 329
Волконский А. 246
Волконский Г. П. 119–122
Волконский Д. П. 119–122
Волконский П. М. 119, 120, 122
Волконский С. Г. 119, 120, 122
Волконский С. М. 120, 255
Волконский Ю. Н. 351
Волохонская Т. П. 372–373
Волошина Т. 122
Вольпато, художник 335
Вольгер (Аруэ М. Ф.) 119, 368
Вольф Б. Э. фон 56, 57
Вольф С. 187
Вольфсон, доктор 348
Воробьев М. Н. 286
Воробьева 348
Воробьева см. Петрова-Воробьева А. Я.
Воронец А. В. 68, 81, 99
Воронихина Т. Н. 133
Воронович Г. Г. 97
Воронович Г. Ф. 49, 57, 60
Воронцов М. С. 6, 255
Воронцова Е. К. 112, 114, 255
Врангели 146
Врангель А. Е. 27
Врангель А. К. 98, 99
Врангель В. Е. 26
Врангель Г. М. 47, 54, 58, 60
Врангель Е. В. 19, 20, 25
Врангель О. М. см. Врангель Г. М.
Врангель Ф. Ф. 28–42, 46, 50, 52, 53, 56, 58, 60, 96
Вревская Аделаида А. 346
Вревская Антонина А. 345
Вревская Н. П. 345–348
Вревская С. Б. 346, 347

- Вревская (Лопухина) С. Н. 347, 348
 Вревская (Спаская) А. М. 345
 Вревские 346
 Вревский А. А. 346
 Вревский А. Б. 345
 Вревский Б. А. 345, 346
 Вревский Б. А. (р. 1868) 345
 Вревский И. А. 346
 Вревский М. А. 346
 Вревский М. С. 345, 348
 Вревский П. А. 345–348
 Вревский С. Б. 348
 Вронченко М. 170
 Всеволожский А. В. 305
 Всеволожский Н. В. 112, 113, 209–210, 220, 221
 Вугд 335
 Вуич Л. И. 287
 Вулих Б. З. 42, 58
 Вулих З. Б. 34–37, 41, 42, 52, 58
 Вульф А. Н. 169, 289, 342
 Вульф-Вревская Е. Н. 341, 345–348
 Вульфферт А. К. 95
 Вындомский А. М. 342
 Вырубов И. П. 104
 Вырубов П. И. 104
 Высоцкий В. С. 329
 Вяземские 107, 109, 207, 222, 241, 244
 Вяземский П. А. 108, 109, 116, 118, 121, 164, 171, 178, 179, 183, 188–190, 194, 207, 211, 214, 215, 217, 218, 221, 222, 233, 234, 239, 243, 254, 280, 287, 299, 300, 305
 Г. 167
 Г. А. 263
 Гааз Ф. П. 248
 Гавеман Р. С. 50, 58, 73, 81
 Гаверин 79
 Гаврилова Е. И. 277
 Гагарин Г. И. 246
 Гагарин Г. Г. 276
 Гагарин Г. П. 242
 Гаевские 46
 Гаевский В. П. 44, 58
 Гаевский Н. В. 44, 58
 Гаевский Н. С. 44, 58
 Гайдн Й. 308
 Галактионов С. Ф. 104, 275
 Галич А. И. 15, 21, 284
 Галушко Т. К. 132, 133
 Гальберг С. И. 279, 280, 283, 284
 Гальперин Я. М. 351
 Гальтунг (Грабов) Б. 146, 150
 Гальтунг К.-М. см. Съёберг К. М.
 Гальтунг Ларс (Лауритц) 146, 150
 Гальтунги 150
 Гама В. да 292
 Ганнибал А. 147
 Ганнибал А. А. см. Неелова А. А.
 Ганнибал (Чихачева) А. А. 149
 Ганнибал (Аннибал, Абрам Петров) А. П. 147, 152, 153–166, 174, 175, 318, 333, 343
 Ганнибал А. С. 164–166
 Ганнибал Евд. 148
 Ганнибал Ек. А. 149
 Ганнибал Елиз. А. см. Пушкина Е. А.
 Ганнибал Иван А. 164, 149
 Ганнибал Исаак А. 149
 Ганнибал (Пушкина) М. А. 149, 151, 171, 174, 175
 Ганнибал Н. О. см. Пушкина Н. О.
 Ганнибал (Данненстерн) О. Г. 149
 Ганнибал О. (И.) А. 149, 151, 175
 Ганнибал П. А. 149, 333, 343
 Ганнибал С. А. см. Роткирх С. А.
 Ганнибал (Съёберг; Шеберх) Х.-Р. 145–152, 175
 Ганнибал Я. А. 149
 Ганнибалы 129, 333
 Ганс 21
 Гардин В. Р. 118
 Гардины 118
 Гаррикс Д. 364, 365, 367
 Гаррикс Е. 365
 Гартман Н. Н. 28, 32, 34, 35, 46, 49, 56, 58, 77, 79, 81, 96
 Гастфрейнд Н. 164, 166
 Гафт В. 6
 Гедеонов А. М. 302, 303
 Гедримович П. А. 74, 76, 78, 81
 Гейденрейх Л. А. 295–297, 314, 315
 Гейслер Х.-Г.-Г. 105
 Гейтман Е. 272, 276
 Гейченко С. С. 333, 335, 339, 340, 344
 Гельбиг Г. 154
 Гендель Г. Ф. 313

- Геништа И. И. 243, 244
Георгиевский П. Е. 16
Георгий Александрович, вел. кн. 41
Герард Н. Н. 49, 58
Герард В. Н. 35
Гергиев В. А. 332
Гердер И. Г. 229, 232
Герман И. 309, 310
Герман К. Ф. 21
Герцен А. И. 25, 360
Герценберг Э. Ф. 49, 58, 73, 78, 79, 81
Герцог Е. 357
Гершензон М. О. 293
Геснер С. 263
Гете И. В. 58, 73, 281
Гизо Ф.-П.-Г. 18
Гиллельсон М. И. 236
Гис (Хис) К. О. 68, 71, 81
Глебов М. Б. см. Головина М. Б.
Глебенко Е. Ю. 4, 136–138
Глинка В. М. 103
Глинка Е. А. 297
Глинка И. Н. 299
Глинка М. И. 3, 4, 243, 244, 292–297, 298–306, 307–317
Глинка М. П. 310
Глинка М. С. 318–319
Глушановский 99
Глушанок Г. 166
Гмелин С. Г. 158, 165
Гнедич Н. И. 113, 271, 287
Гоголь Н. В. 117, 120, 188–193, 283, 285, 299
Годунов Б. 172, 175, 323–325
Гозенпуд А. А. 298
Голдовский Г. Н. 287
Голиков И. И. 164
Голицын А. Н. 218
Голицын М. А. 190
Голицын Н. Д. 15
Голицын С. (Фирс) 308, 309
Голицына Е. И. 113
Голов, швейцар 70
Головин И. М. 175
Головина (Глебова) М. Б. 175
Головина Е. И. см. Пушкина Е. И.
Голод В. 122
Голохвастов Д. П. 249
Голубев Л. В. 32
Гольштейн-Бек П., принц 158
Гомер 226, 296, 386
Гончаров А. А. 124–126
Гончаров А. Н. 126
Гончаров И. А. 125, 126
Гончаров Н. А. 103, 124–126
Гончаров Н. А. (1-й) 124, 126
Гончарова Е. А. 125
Гончарова Н. Г. 124
Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Гончарова Н. П. 103
Гончаровы 103, 124–126, 129, 133, 289
Гораций 49, 239
Горбачева Р. М. 384, 385
Гордеева Е. 317
Горелов В. А. 165
Городецкий Б. П. 229, 232
Горчаков А. М. 282
Горчаков К. А. 285
Горяинова В. А. см. Муравьева В. А.
Гостомысл 108
Готель Г. Ф. 104
Готт Д. Ж. 370, 371
Готье Т. 232
Гофман М. Л. 89, 355
Грабов Б. фон см. Гальтунг Б.
Грабов И. 150
Грабов (Стенсен) М. 150
Грабов Х. 150
Грабовы 150
Градова Д. 122
Градовский А. Д. («Марфутка») 54, 58, 74, 75, 81
Гранин Д. А. 5
Грановская Н. И. 102
Гревениц П. Ф. 16
Гревс 94
Грехнев В. А. 225, 232
Греч Н. И. 212
Гржебин З. И. 287
Грибановский А., митр. 322
Грибоедов А. С. 104, 199, 239
Григоров А. А. 116
Григорович В. И. 279, 280, 284
Григорьев А. Д. 353
Григорьев В. В. 297
Григорьев Д. И. 351
Григорьева А. Д. 227, 232
Грижцов (Грифцов) Н. А. 76

- Грин А. 329
 Гринев 186
 Громницкий И. П. 54, 58
 Грот Я. К. 15, 16
 Гроты 15, 16, 26, 241
 Груббер В. Л. 143
 Грунин Е. 384–387
 Грюнер В. Р. 370
 Губар П. В. 103, 104
 Гудиашвили Л. Д. 320
 Гуковский Г. А. 130
 Гулеро А. 330
 Гумбольдт А. Ф. 137, 251
 Гумбольт, букинист 137
 Гунгль Й. 312
 Гусарова Е. В. 153–166
 Гусарова Д. Е. см. Беликова Д. Е.
 Густав II Адольф 151
- Давид (библ.) 386
 Давыдов, книгопродавец 136
 Давыдов В. Л. 248
 Давыдов Д. В. 104, 199
 Давыдов С. 371
 Даль В. И. 127
 Дамам-Демартре М. Ф. 105
 Дамов П. Я. 73
 Даниил Александрович, вел. кн. 170
 Даниил Заточник 49
 Даницкая А. Б. см. Съёберг А. Б.
 Данненстерн О. Г. см. Ганнибал О. Г.
 Данон, ресторатор 310
 Дантес Геккерн Ж. Ш. 63, 129, 132, 187, 328, 373
 Даргомыжский А. С. 302
 Даффингер М. М. 280
 Дашевский Г. М. 164
 Дашков Д. В. 222
 Дашков П. Я. 118, 119, 122
 Дебресени П. 385, 387
 Деколонг, инженер 156
 Делабарт Ж. 105
 Дельвиг А. А. 16, 25, 44, 103, 109, 113, 199, 209, 226, 227, 230, 232, 278, 279, 293
 Демарин О. К. 156
 Демидов М. 246
 Ден З. 315
 Державин Г. Р. 11, 113, 177, 246, 265, 329
- Дерюжинские 95
 Дерюжинский В. Ф. 95
 Джеймс Р. 371
 Джонстон Ч. 381
 Диккенс Ч. 85
 Дмитриев И. И. 238, 239, 287
 Дмитрий (Самозванец) 172
 Димитрий, царевич 324, 325
 Добровольская Е. Б. 307–317
 Добровольский В. В. 351, 352
 Добролюбов Н. А. 25
 Долгорукая Е. М. см. Юрьевская Е. М.
 Долгорукая О. А. 104
 Долгоруков П. 207
 Дольский А. 7
 Дон Педро см. Педро Н.-Ф.-С.
 Достоевский Ф. М. 322, 329, 351, 370, 387
 Друзь А. 7
 Друкер Б. Е. 7
 Друцкой-Соколинский 92
 Дубко Е. 357
 Дубровский П. П. 314
 Дурново (Волконская) А. П. 119, 120, 122
 Дурново П. Д. 119, 120
 Дурново П. П. 122
 Дуруп И. К. 97
 Дутри С. 331
 Душин Г. Д. 117–119, 121, 122
 Дьякова Е. 244
 Дю Лу К. Ю. 47, 48, 50, 58
 Дювернуа Н. Л. 35, 94
 Дюжарден Ф. 295
 Дягилев С. П. 118
- Е. Л. 264
 Евсеев В. 122
 Ежерец Н. Е. 278–285
 Екатерина I 109, 154, 164, 173
 Екатерина II 14, 115, 126, 158, 161, 219, 220, 223, 242, 251
 Екатерина Михайловна, вел. кн. 28, 76, 81
 Екатерина Павловна, вел. кн. 83
 Елагина А. П. 244
 Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария Вюртембергская), вел. кн. 76, 82
 Елизавета (дочь имп. Елизаветы Алексеевны) 231
 Елизавета Алексеевна, имп. 231
 Елизавета Петровна, имп. 14, 228

- Елизавета Федоровна (Гессен-Дармштадтская) 84
Емелина О. В. 344
Епанчин Н. А. 81
Епатко Ю. Г. 117–123
Ермолов А. А. 96
Ермолов А. С. 15
Ершова В. И. 117
Есенин С. А. 5
Есипова У. Ю. см. Приклонская У. Ю.
Есипова Ф. Ю. см. Пушкина Ф. Ю.
Есиповы 175
Ефремов П. А. 237
Ефрон И. А. 197, 202, 207, 222
- Жванецкий М. М. 7
Жданов И. Н. 49, 58, 95
Жемчугова П. 106
Жемчужников А. М. 86
Жириновский В. В. 319
Жуйкова Р. Г. 4, 124–126
Жуков М. М. 159
Жуковский В. А. 103, 118, 121, 127, 133, 171, 178, 188, 191, 193, 198, 209, 214, 217, 218, 233, 235, 241, 242, 244, 248, 250, 265, 271, 287, 290, 299, 300, 305, 306, 309, 340, 344
- Загоскин М. Н. 244, 248, 299
Зак Я. Г. 103, 104
Залеев, подрядчик 156
Зарнекау А. см. Юрьевская А.
Захаров И. С. 159
Звонарев, книгопродавец 136
Зембницкий Я. Г. 292, 293
Зноско-Боровский А. А. 101
Зноско-Боровские 99–101
Золотова М. 100
Зотов В. Р. 360–362, 364
Зыков И. П. 100
- И. Б. см. Бичурин Н. Я.
И... ГИ... 264
Иакинф, о. см. Бичурин Н. Я.
Иван Данилович, вел. кн. 170
Иванов 117, 122
Иванов, книгопродавец 192
Иванов А. А. 191
Иванов И. А. 270, 271
- Иванов Л. 356
Иванов М. А. 270
Иванов Н. 309
Иванова Л. Д. 139–144
Ивановский Игн. Акинф. 20, 75, 76, 82, 94, 96
Ивановский Игн. Ал-др. 52, 58, 60
Иванчин-Писарев Н. Д. 236, 237
Иваск У. Г. 136, 138
Ивашева К. 104
Ивашевы 103
Игнатъев Г. А. 267
Идаров (Идоров) С. С. 64, 67, 82
Иезуитов А. Н. 177–187
Иезуитова Р. В. 233–237, 387
Иисус Христос 180, 181, 187
Икскуль Б. Я. 20, 27
Ильин А. А. 41
Ильичев А. В. 224–232
Илья Васильевич (Илиос) 73, 74
Инглиби К. М. 363
Иоанн III 110
Иоанн IV Грозный 37, 195, 217, 318, 326
Иовлева Л. И. 290
Иоганнис, капельмейстер 302
Исидор, митр. 142
Ишимова А. О. 113
- Кавос К. А. 302–304
Кадоль А. 105
Кажая Н. П. 352
Казакв М. 327
Казембек А. К. 253
Казьмин, управляющий 267
Кайданов И. К. 15, 16
Калаушин М. М. 102
Калиняк-Бочарова Н. 358
Калмыков П. Д. 20–23, 25, 27
Кальверт Ф. 171
Каляев И. П. 84
Канкрин Е. Ф. 150
Канкрин (Муравьева) Е. З. 150
Канн-Новикова И. Е. 254
Канова А. 282
Карамзин А. 189, 304
Карамзин Н. М. 108, 171, 172, 175, 209–211, 214–220, 222, 223, 233, 235–237, 250, 324, 326
Карамзина Е. А. 118, 233

- Карамзина Е. Н. см. Мещерская Е. Н.
Карамзина С. Н. 304
Карамзины 215, 233, 234, 236
Каратыгин В. А. 244
Кареев Н. И. 35, 37, 42, 94
Карл X Густав 145
Карл Иванович, гувернер 252
Карпов Н. А. 221
Картавов П. А. 136
Карцов Я. И. 15, 16
Катенин П. А. 178, 183
Катин-Ярцев М. Ю. 152
Каткова М. В. 266, 267
Кауфман К. П. фон 61, 67
Кауфман Л. М. фон 15
Кауфман М. П. фон (отец П. М.) 61, 67
Кауфман М. П. фон (сын П. М.) 62
Кауфман-Туркестанский П. М. фон 61–64, 67, 70–72
Каховский П. 234
Каченовский М. Т. 108
Кваренги Дж. 106
Квашнин-Самарин П. А. 172
Квашнины-Самарины 174
Кембл Дж. Ф. 367
Кентский М., принц 385
Керенский А. Ф. 253
Керенский Ф. 253
Керн А. П. 8, 333, 386
Керн Е. 313
Кетриц В. В. 93
Кибальник С. А. 227, 232
Кикин П. А. 120, 283
Кикина М. П. 120
Киль А. см. Съёберг А.
Кин Ч. 360
Кипренский О. А. 4, 272, 280, 282, 351
Киприани Дж. Б. 365, 367
Киреев А. А. 195–197
Киреев А. Н. 196, 198
Киреев В. Н. 196
Киреев Н. А. (Гаджи-Гирей) 197
Киреев Н. Н. 196
Киреев Н. Н. (р. 1841) 197
Киреев Н. Ф. 196
Киреева Е. Н. 196
Киреева О. А. см. Новикова О. А.
Киреевские 241, 244
Киреевы 196, 197, 207
Киселев Н. Д. 189, 192
Киселевский Г. М. 350
Клещук С. 208
Клопшток Ф. 58
Княжнин П. см. Попов П. П.
Кобеко Д. Ф. 18, 22, 26, 39, 61
Ковалевский В. О. 86
Ковалевский М. Е. 86
Козина Ш. 195, 252
Козлов А. А. 127
Козмин В. Ю. 333–344
Козьмин Б. 138
Кокочцов В. Н. 15, 35, 42, 55, 58, 87, 88, 96, 98
Кокочцова А. Ф. 96
Кокошкин Ф. Ф. 244
Кокошкин, обер-полицмейстер 83
Колесников Г. 161
Колесников Д. 161
Колесников К. 161
Колесникова-Бабич Л. 357
Коллиер Дж. П. 363
Кологривов Г. А. 39
Колосов Г. А. 143
Колосова Н. П. 193
Колридж (Кольридж) С. Т. 386
Кольчев С. А. 172
Кольцов А. В. 78
Компанийская Л. (псевд. Лидия Даль) 356
Кони А. Ф. 15
Константин Константинович, вел. кн. 48, 81
Константин Николаевич, вел. кн. 17, 197
Константинович В. 116
Конфуций 178
Коренева К. И. см. Пушкина К. И.
Коркунов Н. М. 35, 42, 47, 55, 58, 94
Корнилов П. Е. 103
Корнуолл Б. 378, 386
Коровин К. 352
Корсаков 251
Корсакова А. М. 280
Кортасар Х. 377
Корф А. 26
Корф Е. А. см. Муравьева Е. А.
Корф М. А. 26
Корф Н. А. 18, 19, 22, 26
Корф О. П. 32
Корф П. А. 32

- Корфы 26
Косиков Г. К. 226, 232
Косов Ф. Н. 44, 58
Костливец П. А. 149
Костливцева (Муравьева) А. М. 149
Котляревский Н. А. 15, 49, 58, 60, 94
Кошанский Н. Ф. 15, 222
Кошен О. 166
Козьло П. 319
Крамер В. 332
Краснов Г. В. 144
Краснощеков И. 107
Красовский А. И. 218
Крачковский П. 356
Крейслер Э. А. 51, 60
Кречетников М. Н. 125
Кржисевич М. 313
Кривцов Н. И. 230
Кросс Э. 385
Крошин Г. Г. 122
Круг С. П. фон 53, 58
Крузенштерн И. Ф. 293
Крутых А. Н. 256
Крылов В. А. 103, 105
Крылов Е. Е. 64, 73–75, 82
Крылов И. А. 273, 276, 287, 355
Ксения Александровна, вел. кн. 41
Кубасов И. 284
Кублицкая М. А. 349–358
Кузьмина Л. П. 105
Кузьмичев Ф. 137
Кук Дж. 293
Кукольник Н. В. 295, 297, 300–303, 309, 315
Кукольник П. 310
Куликов Н. И. 304
Кулон, ресторатор 310
Куницын А. П. 15, 16
Куприн, литограф 39
Куприянова Н. И. 173, 176
Купчинов И. П. 54, 58
Куракин А. Б. 345, 347
Кустодиев Б. М. 159
Кутайсов П. И. 287, 289
Куторг М. С. 23
Куттс Дж. 386
Кучумов А. М. 103
Кушелев-Безбородко А. Г. 200
Кюба, ресторатор 97
Кювье 293
Кюхельбекер В. К. 8, 16, 44, 60, 104
Кюхельбекер В. М. 44, 45, 60, 96
Кюхельбекер М. В. 44
Лабзин А. 365
Лабзина А. 366
Ладьженская С. М. 347
Лазаревский В. М. 137
Лакиер А. Б. 98, 113, 116
Лакьер (Лакиер) М. А. 98
Ламздорфы 65
Лангер В. 105, 279
Ланда С. С. 132, 133
Ланкастер 249
Лансере Е. Е. 320
Лансере Н. Е. 127
Ланская В. П. 244
Ланская И. Н. 357
Ланской 252
Ланской П. П. 198
Лармессен Н. 343
Ласковский Ф. Ф. 165
Ласунский О. Г. 256, 257
Лаферте В. (псевд.) см. Юрьевская Е. М.
Лафонтен Ж. де 228, 229
Лафорт 24
Лашкевич В. М. 355
Лашкевич Н. М. 355
Лашкевичи 355
Лебедев, сенатор 303
Левашев А. И. 245
Левашева (Евлашева) М. З. 246
Левашева (Решетова) Е. Г. 254
Левашева 244
Левашевы 241
Левашов Е. А. 212
Левашова О. Е. 298
Левенец В. В. 51, 54, 59
Левкович Я. Л. 223
Левшин В. И. 342
Леец Г. А. 160, 164–166
Леже Ф. 320
Лейхтенбергская Т. П. (принцесса Терезия-Фредерика-Ольга) 67, 82
Лейхтенбергский Г. М. (Юрий, кн. Романовский) 67, 82
Лейхтенбергский Е. М. 80
Лейхтенбергский М. 82

- Лейхтенбергский С. М. 80
 Лекен А. Л. 362, 365, 368
 Лелевич Г. (Калмансон Л. Г.) 130
 Лемм А. Э. 29, 35, 45, 59, 60
 Лемм О. Э. 68, 82
 Лемм Э. С. 68, 82
 Ленн 72
 Ленюшкина Л. Г. 240
 Леонидов Л. Л. 10
 Леонов Л. 303, 304
 Леопольд, бельг. король 95
 Лепренс Ж.-Б. 105
 Лермонтов М. Ю. 4, 5, 78, 188, 194, 196,
 207, 256, 259, 266, 267
 Лермонтов Ю. П. 265
 Лермонтова Е. 265
 Лермонтова М. М. 256, 258, 259, 261–263,
 265
 Лернер Н. О. 112, 116, 222, 237
 Лерхе Г. Г. 40
 Лесков А. С. 198
 Лесков Н. С. 83
 Лесман М. С. 103–105
 Лессинг Э. Г. 226
 Ливен А. А. 204
 Ливий Тит 220
 Лигле, пианистка 308
 Линев И. Л. 10
 Лисенков И. Т. 137
 Лисипп 226
 Листов В. С. 164
 Лифарь С. М. 88, 89, 103, 111, 355
 Лихачев Д. С. 384, 387
 Лишин Г. А. 316
 Лобанов-Ростовский А. Б. 15
 Лобкова (Игнатъева) А. И. 247, 250
 Лозинский К. И. 50, 59, 60
 Ломан Н. Л. 166
 Ломан О. В. 102
 Ломизе И. Е. 288
 Ломоносов М. В. 22, 113, 161, 219, 228,
 232
 Ломоть И. И. 352
 Лопухин И. Н. 348
 Лопухина Е. 347, 348
 Лопухина С. Н. см. Вревская С. Н.
 Лоренцо Ф. 351
 Лотман Ю. М. 218, 219, 222, 223, 334,
 369, 371, 376
 Лоуэнфелд Дж. Г. 372, 377–383
 Лощенколь Х.-И. 371
 Лукин Г. Л. 358
 Лукина Н. В. 346
 Лунд А. К. 72, 82
 Лускарев П. 52, 59
 Львов А. Ф. 314
 Львов Н. А. 106, 245, 251, 255
 Людек Б. 331
 Люкшин Ю. К. 4, 322–326
 Лялин В. С. 82
 Лялин С. В. 66, 82, 85
 Лялин С. С. 65, 82
 М. Л. (М... Л...) см. Лермонтова М. М.
 М. Т. 74
 Магницкий М. Л. 19, 26
 Маговченко И. Г. 122
 Мазур Т. Р. 298–306
 Майдель В. П. 83
 Макаров И. А. 203
 Макаров Ю. В. 352
 Макарова (Эбелова) В. М. 352
 Маковская Л. К. 166
 Маковский К. Е. 93
 Макогоненко Г. П. 222
 Максимович С. О. 97
 Максимович, профессор 249
 Малеванов Н. А. 160, 164, 166
 Малевинский Н. Н. 54, 59
 Малиновский А. Ф. 16, 250, 255
 Малиновский И. В. 16
 Мальчукова Т. Г. 225, 229, 231, 232
 Малютин Б. 30
 Мандель 68
 Мандельштам А. Н. 38, 39, 42
 Мандельштам О. Э. 6
 Манзей Н. Л. 117
 Мансуров П. Б. 112
 Марен 150
 Мария (дочь имп. Елизаветы
 Алексеевны) 231
 Мария Александровна, вел. кн. 81
 Мария Александровна, имп. 80, 195, 203,
 204
 Мария Николаевна, вел. кн. (Лейхтен-
 бергская) 23, 80, 82, 191, 196
 Мария Федоровна (1759–1828), имп. 171,
 188

- Мария Федоровна (1847–1928), имп. 45,
54, 97, 188, 204, 207, 208
Маркграф NN 146
Марков А. С. 165
Марков С. Л. 103, 105
Маркс К. 357
Марсо М. 330
Маргенс Ф. Ф. 35, 38, 42, 95
Маслов Н. П. 68, 83
Матвеев 98
Матюшкин Ф. Ф. 26
Мацулевич К. Л. 49, 59
Маяковский В. В. 5, 329
Медем М. Н. 92
Медичи 282, 285
Мей Л. 78
Мейер Л. 308
Мейер П. М. 311, 312
Мейлах Б. С. 218, 222
Мекленбургские 46
Мекленбург-Стрелицкая Е. Г. 41
Мекленбург-Стрелицкий Г. Г. 41, 81
Мекленбург-Стрелицкий М. Г. 28, 41
Мельгунов Н. А. 243, 293, 297
Мельникова Т. М. 256–265
Менцелиус Л. 156
Меншиков А. Д. 154
Меренберг (Пушкина) Н. А. 206, 207
Меренберг (Юрьевская) О. А. 203, 206
Меренберг Г. Н. 206
Мертваго (Соймонова) С. А. 243, 246,
249, 253, 255
Мертваго 241
Мертваго Н. Д. 255
Мертваго С. П. см. Шляпкина С. П.
Мерти, бельг. певица 310
Месковский А. 137
Мещерская (Карамзина) Е. Н. 233, 235,
236
Мещерский Э. П. 303
Мигицко С. 8
Микеланджело Б. 360
Миллер К. К. 93
Миллер Н. И. 66, 67, 69–72, 74, 77, 83, 86
Милославский Ю. 299
Мильтбрет, ресторатор 51
Минина А. И. 102, 132
Миних Б.-Х. 154, 158
Мирзанишвили Т. 320
Мирон 226
Миронова А. М. см. Шаблинская А. М.
Митлянский Д. 327
Митьков М. Ф. 242, 246–248, 254
Митьков П. 247
Митькова (Демидова) А. М. 246
Михаил Александрович, вел. кн. 41
Михаил Николаевич, вел. кн. 17, 196
Михаил Павлович, вел. кн. 81, 82, 109
Михаил Федорович, царь 299
Михайликов В. С. 352
Михайлова К. В. 284
Михайлова Л. Б. 13–27
Михайлова Н. А. 124, 126
Михайлова Н. И. 222, 238–240
Михалков Н. С. 385
Михельсон И. И. 186
Мицкевич А. 253
Мичеле Ч. И. де 362, 363
Мишель, ресторатор 51
Мишин В. А. 328
Мишина Т. С. 320
Мишо Ж.-Ф. 137
Мнишек М. 323
Модзалевский Б. Л. 113, 127, 164, 176,
187, 235, 237, 240, 285, 359, 363, 367,
368
Модзалевский Л. Б. 287
Мокрицкий А. Н. 127, 293
Молчанов Н. 137
Монтестье Ш. 71
Мордвинов А. 247
Морозов А. 237
Мосолов А. А. 204, 207
Мохова Т. Н. 134
Моцарт В. А. 296, 308
Мошарский, литограф 105
Мстиславская Е. П. 253, 255
Мудров М. Я. 362, 365, 366
Муравьев Ал-др З. 150
Муравьев Арт. З. 150
Муравьев З. М. 149
Муравьев И. М. 148, 149
Муравьев М. А. (младший) 147–149
Муравьев М. В. 176
Муравьев М. Н. 148, 149, 248, 276
Муравьев П. М. 149
Муравьева А. М. см. Костливцева А. М.
Муравьева (Горяинова) В. А. 150

- Муравьева (Корф) Е. А. 150
 Муравьева Е. З. см. Канкрина Е. З.
 Муравьева (Поссе) Е. К. 149
 Муравьева Е. Ф. 215
 Муравьева (Съёберг) К. 147–149
 Муравьева (Базанина) П. Г. 149
 Муравьев-Апостол И. М. 104, 246
 Муравьев-Апостол М. И. 246
 Муравьев-Апостол С. И. 234, 246
 Муравьевы 150
 Муравьевы-Съёберги 150
 Мураками Х. 319
 Мурильо Б. Э. 295
 Муруагу 68
 Мусин-Пушкин А. А. 24, 27, 80
 Мусин-Пушкин И. А. 280
 Мусина-Пушкина (Урусова) М. А. 280–282
 Мусоргский М. П. 332, 354
 Мусорины 311
 Муханов П. А. 246
 Мюллер Х. Ф. 370
 Мякотин В. А. 94
 Мясоедов А. Н. 88, 90, 91, 98
 Мясоедов Г. Г. 290
- Н. Б. см. Бичурин Н. Я.
 Н. В. см. Гоголь Н. В.
 Н. Я. см. Бичурин Н. Я.
 Набоков В. В. 153, 154, 161–166, 329, 334, 371, 386
 Набоковы 166
 Наполеон I (Бонапарт) 82, 104
 Наранович К. П. 63, 83
 Нартов А. А. 212, 213
 Населенко Е. П. 132
 Насибулин Э. Х. 5
 Нассауский Н., принц 207
 Наумов А. А. 10, 127
 Нащокин П. В. 250, 255
 Нащокины 103
 Неелова (Ганнибал) А. А. 149
 Неелов С. С. 149
 Нееловы 311
 Некрасов Н. А. 4, 11, 107, 136–140, 142–144, 232
 Некрасов С. М. 87–101
 Некрасова Н. Н. 232
 Некрасов Ф. А. 139–141
- Некрасова (Викторова Ф. А.) З. Н. 141, 142
 Некрасовы 139
 Нелидова В. 198
 Нелидова Е. 104
 Непомнин Е. Я. 103, 104
 Неранович К. П. 63
 Неронов В. В. 158, 159
 Неслуховская-Мерц И. К. 200
 Неслуховский (Неслухов) Ф. К. 49, 59, 76
 Нессельроде К. В. 183
 Нессельроде М. Д. 279, 280, 284
 Нестеров А. М. 125
 Нестерова (Гончарова) А. А. 125, 126
 Нестеровы 125
 Нестерук Ф. 164, 166
 Нечаев М. А. 351–353
 Нечаева (Олова) А. В. 352
 Нечай А. И. 139–144
 Никитенко А. В. 22, 26, 27
 Никитина М. 387
 Никифоров В. Г. 345–348
 Никифоров Н. К. 78, 83
 Николоадзе Я. И. 320
 Николаев В. Н. 352
 Николаевский Ф. Я. 119, 122
 Николай I (Николай Павлович) 14, 81, 82, 183, 184, 187, 190, 194–199, 203, 246, 248, 286, 314, 346
 Николай II (Николай Александрович) 35, 40, 45, 54, 61, 81, 96, 97, 206, 348
 Николай Александрович, вел. кн. 203
 Николай Михайлович, вел. кн. 10, 118, 122
 Николай Николаевич, вел. кн. 17
 Никольская Е. А. 286–291
 Никольский В. В. 74, 78, 83
 Новиков И. П. 197
 Новиков Н. И. 108, 199
 Новиков Н. С. 147
 Новикова А. А. 199
 Новикова (Киреева) О. А. 197
 Новосильцов И. Л. 356
 Новосильцова (Гончарова) О. Д. 356
 Ноллендорф И. В. 65, 71, 83
 Ноллендорфы 65
 Нолькен А. Г. 65, 68, 83
 Нордин (Нординг) Г. 109, 116
 Нотбек А. 272, 273, 276

- Нотович Н. 180
Нэш 365
Нюренберг М. С. 352
Някрошюс Э. 331
- О. М. С... см. Сомов О. М.
Оболенская-Флам Л. 356
Оболенские 244
Овидий 296, 335
Овчинникова Е. А. 26
Огарев Н. И. 25
Одоевский В. Ф. 121, 182, 187, 199, 243, 244, 294, 297, 299–301, 305
Ознобишин Д. И. 88
Окунев 68
Окунцов И. 353
Олазабаль П. де 354
Олег, кн. 110
Оленин А. Н. 120, 182, 271, 282
Оленина А. А. 120, 122, 282, 285
Оливер Н. 331
Ольга Александровна, вел. кн. 41
Ольга Николаевна, вел. кнж. 97
Ольденбургская Т. П. 82
Ольденбургский Г. 83
Ольденбургский П. Г. 46, 59, 66, 67, 69, 71, 72, 77, 82, 83, 86
Ольхин, книгопродавец 192
Опекушин А. М. 81
Орлов А. С. 130
Орлов, сенатор 39
Орлов А. Ф. 190, 248
Орлов М. Ф. 103, 244
Орлова А. А. 316
Орлова Е. Н. 244
Ортс-Рамос Т. 354
Осинкина Л. 369–371
Осипенко А. Е. 8
Осипова П. А. 342
Осиповы-Вульф 344
Осват А. Л. 222
Островский А. Н. 58, 329, 357
Отрепьев Г. 322, 323
Охотников В. Н. 87
Очкин А. Н. 291
- П... 264
Павел I 14, 37, 82, 104, 118, 242
Павел Александрович, вел. кн. 81, 203
Павел Петрович, цесаревич 171
Павлищева (Пушкина) О. С. 112, 176, 278, 372
Павлищев Н. И. 168
Павлов Н. Ф. 244
Павлова К. 244
Павлова С. В. 26, 61–86, 105
Павский Г., о. 213, 222
Пален фон дер 39
Палеолог М. 203, 204, 206–208
Паллас П. С. 105
Пальмов М. И. 346, 347
Пальмова А. С. 347
Панаев И. И. 286, 290
Пановский 169
Пантелеев Л. Ф. 22, 25, 27
Парланд А. А. 203
Парчевская И. Ю. 344
Парчевский К. 350, 355, 358
Паскевич И. Ф. 167
Пастернак Б. Л. 6, 104, 386
Паукер А. Е. 64–66, 71–73, 79, 84
Пахман С. В. 74, 76, 81
Певзнер Л. И. 269–277, 285
Педро Н.-Ф.-С. 311, 314, 315
Перваль, доктор 73
Перевезенцева Н. А. 252
Перкинс 363
Перовский В. А. 120, 279, 282, 283, 285
Перовский Л. А. 120
Перон Х. Д. 355
Пестель П. И. 234
Петай М. Н. 102
Петр I 13, 65, 110, 124, 145, 146, 151, 153, 155, 160, 164–166, 172, 173, 222, 241, 251, 255, 293318, 343, 347, 348, 358
Петр II (Петр Алексеевич) 154
Петр III 158, 163
Петр, мельник 333, 334, 343
Петров А. см. Ганнибал А. П.
Петров И. 160
Петров О. А. 303, 304
Петров П. Н. 123
Петрова Н. Л. 188–193
Петрова-Воробьева А. Я. 301, 303, 304
Печерин В. С. 225, 232
Пикассо П. 320
Пимен, летописец 323, 324
Пименов В. 187

- Платон 350
 Платонов В. 189
 Платонов С. Ф. 355
 Платхин Г. А. 287
 Плеве В. К. 76
 Плетнев П. А. 188, 190, 198, 209, 270,
 273, 282, 285, 293, 299, 387
 Плещеев А. Л. 170
 Плещеев А. Н. 171
 Плещеев А. П. 167–170, 174, 176
 Плещеев А. Р. 172
 Плещеев Ал-др Ал-др. 171
 Плещеев Ал-др Алекс. (1778–1862) 171
 Плещеев Ал-др Алекс. (1858–1944) 171
 Плещеев Алекс. Ал-др. 171
 Плещеев Д. Н. 173, 174
 Плещеев И. Н. 172–174
 Плещеев Н. Б. 172–174
 Плещеев Н. 173, 174
 Плещеев П. А. 171
 Плещеев С. И. 171
 Плещеева Е. Н. см. Ржевская Е. Н.
 Плещеева (Веригина) Н. Ф. 171
 Плещеева (Пушкина) А. И. 170
 Плещеева (Чернышева) А. И. 171
 Плещеева Анастасия 173
 Плещеевы 167, 170–174
 Плещей А. Ф. 170
 Плещей Д. А. 170
 Победоносцев К. П. 86
 Повержо А. А. 53, 55, 59, 60
 Погодин М. П. 182, 198, 278
 Пожарский Д. М. 299
 Полевой Н. А. 108, 109
 Полетика М. И. 117, 118
 Полетика П. И. 117, 118
 Пологова А. 328
 Полоцкий С. 49
 Полторацкий М. Ф. 245
 Полукарова Л. В. 256
 Полушкин Н. С. 99
 Поляков А. А. 116
 Пономарев П. А. 253
 Пономарев П. Н. 84
 Попов В. С. 103, 104, 106, 107
 Попов К. В. 352, 353
 Попов П. П. (Княжнин П.) 81
 Попова Н. И. 102, 133
 Поссе Е. К. см. Муравьева Е. К.
 Поссельт 24
 Постников О. Г. 232
 Пракситель 282, 285
 Прево д'Экзиль А. Ф. 292, 293
 Преображенский И. Д. 115, 116
 Приклонская (Есипова) У. Ю. 175
 Приклонская Л. В. см. Чичерина Л. В.
 Приклонский В. И. 175
 Прокопович Ф. 86
 Проперций 270
 Проскурин О. 221, 223
 Протасова А. И. 171
 Протасов-Бахметев Н. А. 34, 39, 40, 52,
 53, 59, 62
 Протасовы 171
 Протопопов Е. С. 53, 59
 Профферы 166
 Проха, дед 337
 Прошин Г. Г. 117
 Прянишников Ф. И. 284
 Пугачев Е. И. 169, 185–187
 Пулиновский 64
 Пуссен Н. 295
 Пустошкин И. Н. 40
 Путин В. В. 3, 9
 Пушкин А. 244
 Пушкин А. А. (р. 1942) 3, 9, 115
 Пушкин А. А. (1833–1914) 113
 Пушкин А. В. 116
 Пушкин А. Л. 115
 Пушкин Андр. П. 149
 Пушкин Ал-др П. 175
 Пушкин А. Ф. 174, 175
 Пушкин А. Ю. 115
 Пушкин В. Л. (внук А. Ю. Пушкина) 115,
 116
 Пушкин В. Л. (1766–1830) 111, 238–240,
 244, 250
 Пушкин Г. А. 44, 59
 Пушкин Г. Г. 172
 Пушкин И. И. 170
 Пушкин Л. А. (1723–1790) 111, 175
 Пушкин Л. А. (сын А. Ю. Пушкина) 115
 Пушкин Л. С. 111, 167–171, 174, 176, 209,
 218, 272
 Пушкин Н. А. (1885–1964) 89
 Пушкин Н. А. (сын А. Ю. Пушкина) 115
 Пушкин П. П. 174, 175
 Пушкин С. Л. 174, 175, 244, 250

- Пушкин С. Б. 114
 Пушкин Ф. М. 318
 Пушкин Ф. П. 174, 175
 Пушкин Ю. А. 115
 Пушкина А. А. 114
 Пушкина А. И. см. Плещеева А. И.
 Пушкина М. Ал-др. 115
 Пушкина М. Алекс. см. Ганнибал М. А.
 Пушкина О. С. см. Павлищева О. С.
 Пушкина (Ганнибал) Н. О. 104, 115, 151, 174, 175, 278, 318, 339
 Пушкина (Ганнибал) Е. А. 149
 Пушкина (Головина) Е. И. 175
 Пушкина (Гончарова) Н. Н. 103, 111, 119, 124, 126, 128, 150, 187, 194, 195, 198, 355, 356
 Пушкина (Дурново) М. А. (р. 1943) 3, 9
 Пушкина (Есипова) Ф. Ю. 175
 Пушкина (Загряжская) Е. А. 169
 Пушкина (Коренева) К. И. 175
 Пушкина (Меренберг) Н. А. 206, 207
 Пушкина (Ржевская) С. Ю. 173–175
 Пушкина (Чичерина) О. В. 174, 175
 Пушкины 108, 111, 113–116, 129, 170–173, 175, 176, 318
 Пушин И. И. 44, 59, 339, 344
 Пушин Л. И. 44, 59, 96
 Пушины 103
 Пыляев М. И. 112, 116, 202, 207
 Пыпин А. Н. 188
 Пыпин Н. А. 127
- Р. П. см. Рейнбот П. Е.
 Радша 113
 Раевский М. Н. 41
 Раевский Н. Н. (младший) 172, 249
 Разумовские 253
 Ралль (Римская-Корсакова) М. Д. 103, 104
 Раупах Э.-В. 21
 Рафаэль С. 281, 295
 Рахманова (Волконская) Е. С. 120
 Рейнбот А. Е., 2-й 75, 84
 Рейнбот П. Е. 63, 66, 84, 85
 Рембрандт ван Р. 360
 Ремезов И. Н. 298
 Репин И. Е. 62
 Репина Н. 243
 Репнин Андрей 174
 Репнина Татьяна 174
- Рерих Н. К. 181
 Решко Е. К. 104
 Ржевская А. 173, 174
 Ржевская А. А. 173, 173
 Ржевская А. Ю. 173, 174
 Ржевская С. Ю. см. Пушкина С. Ю.
 Ржевская Т. А. 173
 Ржевская (Плещеева) Е. Н. 173–175
 Ржевские 109, 171, 173, 174
 Ржевский А. 173, 174
 Ржевский И. Ю. 173
 Ржевский М. А. 173, 174
 Ржевский Ю. А. 151, 173–175
 Ржевская (Верховская) А. В. 100
 Ризенталь 100
 Римская-Корсакова Е. А. см. Алябьева Е. А.
 Римский-Корсаков Н. А. 294
 Рихтер С. Т. 321
 Риччи М. 244
 Ровинский Д. А. 86
 Роде Г.-Р. 147
 Роде (Съёберг) Ю.-Ш. 147
 Роден О. 320
 Родионов Р. Р. 103
 Родов С. 130
 Розанов А. С. 312, 316
 Розен Е. Ф. 300, 301
 Розен Н. 369, 371
 Розина И. В. 374–376
 Розетти 188
 Роллер А. А. 294, 297, 304
 Романовы 206, 207, 318
 Ромм М. Д. 103, 122
 Россет Ф. Ф. 47, 59
 Россини Дж. 244
 Ростопчина 191
 Ростопчина Е. П. 191, 244
 Роткирх А. К. 148, 149, 151, 152
 Роткирх (Ганнибал) С. А. 149
 Руа Ж. 330, 331
 Рубини 244
 Рубан В. Г. 171
 Рубец А. А. 97
 Рудакова Е. 314
 Руденская М. П. 102, 105
 Рум А. 386
 Русаков В. М. 114, 116, 208
 Рухадзе 320

- Рыбушкин М. С. 165
Рылеев А. М. 203
Рылеев К. Ф. 104, 110, 234, 299
Рынди́н В. П. 314
Рюо К. Г. 78, 84
Рязанов Э. А. 8
- Саади 386
Саблин 88
Сабуров 248
Сабуров А. С. 15
Савельев А. И. 165, 166
Савиньи 21
Садовников В. 290
Сазонов С. Д. 15
Саитов В. И. 255
Сакулин П. Н. 255
Сакья-Муни 180
Саллос Н. 326
Саломон см. Соломон
Саломон А. П. 44, 54, 56, 59, 95
Сальков Г. В. 267
Самарин И. 357
Самарин Ю. Ф. 192
Сантис Ф. 172
Сапожников А. П. 104, 285
Саути Р. 384, 386
Сафьян В. Ю. 374
Сафьян Ю. А. 374
Сахаров 137
Сахарова И. М. 287
Свалова О. М. 4, 327–328
Сванефельд 335
Свечин А. Ф. 98, 99
Свечин Н. П. 244, 250
Свечин Н. С. 242
Свечина (Соймонова) С. П. 242
Свечи́ны 242
Свирин Н. Г. 131
Северский Я. Г. 50, 53, 59
Севирионов В. А. 266–268
Седова Г. М. 127–135
Селезнев И. Я. 25, 27
Семезский В. И. 15
Семен (Рене-Семен) А. И. 274, 281
Семенова Л. Н. 25
Сенковский О. И. 310
Сенявская 74
- Серафим, митр. 184
Сербинович К. С. 222
Сервантес С. М. де 295
Сергеевский Н. Д. 35, 42
Сергей Александрович, вел. кн. 76, 81, 84
Серов А. Н. 86, 295, 297, 314
Сибирякова А. 174
Сивачев 100
Сидоров А. А. 271, 276
Скабичевский А. М. 136, 138
Скатов Н. Н. 387
Склифосовский Н. В. 139, 143
Скотт В. 384
Слонимский М. 232
Слуцкий С. А. 166
Смельский А. А. 99
Смирдин А. Ф. 104
Смирнов А. И. 59
Смирнов Б. И. 59
Смирнов В. Г. 28–43
Смирнов И. Н. 39, 48, 59, 65, 73, 78, 79, 84, 95
Смирнов Н. М. 188
Смирнова-Россет А. О. 8, 188–193, 232
Смирнов-Сокольский Н. П. 104, 273, 276, 277
Смирновы 189, 190, 192
Смит А. 18
Снегирев, книгопродавец 192
Собинов Л. В. 97, 98, 199
Соболевский С. А. 103, 167, 241–244, 247, 249, 250, 255, 276, 278, 294, 302, 305
Соймонов А. Н. (1780–1856) 242–254
Соймонов В. Ю. 242, 248
Соймонов М. Н. 242
Соймонов М. Ф. 242, 243, 251
Соймонов Н. А. (1828–1868) 246, 249, 250, 253
Соймонов Н. А. 245, 246, 249, 251–252
Соймонов П. А. 242, 251
Соймонов Ф. И. (1680–1780) 241, 251
Соймонов Ф. И. 242
Соймонова Е. А. 242–244, 246, 249, 251–254
Соймонова (Алябьева) Е. А. 248
Соймонова (Левашева) М. А. 242–245, 247, 249, 252–254
Соймонова П. А. 249
Соймонова С. Д. 246

- Соймоновы 241–244, 246–248, 250–252, 254
- Соколов А. С. 12
- Соколов П. П. 228, 229, 231
- Соколов П. Ф. 132, 290
- Соколовски (Съёберг) А.-Г. 148
- Соколовски Г.-С. фон 148
- Сокольский Г. 265
- Солдатова Л. М. 135
- Солженицын А. И. 166
- Соллогуб В. А. 190, 308, 316
- Соллогуб Л. 189
- Соллогубы 191
- Соловая 244
- Соловьев В. С. 197
- Соловьев Ю. Я. 98
- Соломон (библ.) 169
- Солон 112
- Сомов А. 284
- Сомов О. М. 184
- Сосницкий И. И. 304
- Сосновский А. С. 353
- Софокл 296
- Спасская А. М. см. Вревская А. М.
- Сперанский М. М. 19, 21
- Спиридонова Е. 355
- Спрот И. 384, 385, 387
- Средин А. В. 124
- Стакельберг Г. (А.) Э. 68, 84
- Сталин И. В. 131, 357
- Сталманис В. 357
- Сталманис Н. 357
- Станиславский К. С. 351
- Стапран С. И. 350, 351
- Старинкова Е. В. 4, 108–116
- Старк В. П. 164, 167–176
- Стасов В. В. 86, 289, 301, 313, 317
- Стасов Д. В. 305, 311, 313–315
- Стенсен 150
- Стенсен М. см. Грабов М.
- Степанов 296
- Степанов Н. А. 314
- Степанов П. А. 300, 307, 308, 316
- Степанова М. 304
- Строганов А. Г. 173
- Строганов Г. А. 127
- Строкин А. Н. 78, 84
- Строкин Н. А. 65
- Стуколкин Т. А. 73, 84
- Стюарт, тайный советник 39
- Суворин А. С. 142, 349
- Суворов А. В. 115
- Суковкин М. А. 64, 68, 84
- Сумароков А. П. 364
- Суриков В. И. 275, 277
- Суровцева Н. Г. 122
- Сусанин И. 299, 303
- Сухомлина Т. И. 107
- Сухомлинов М. И. 221
- Сушкова Е. А. см. Хвостова Е. А.
- Сытин И. 349
- Съёберг (Киль) А. 147
- Съёберг (Даницкая) А. Б. 147
- Съёберг А.-К. 146, 152
- Съёберг А.-Ш. 149
- Съёберг (Бергелиа) Б. 147
- Съёберг Г. 146, 150, 151
- Съёберг Г. (К.-Г.) 148, 151
- Съёберг Г.-К. 147, 148
- Съёберг Д.-Э. см. Флак Д.-Э.
- Съёберг Е.-М. см. Валькендорф Е.-М.
- Съёберг И.-У. 149
- Съёберг К.-Г. (1689/90–1745) 147, 148, 151
- Съёберг К.-Г. (1746–1751) 148, 149, 151
- Съёберг К. (К.-Й.) см. Муравьева К.
- Съёберг К.-Й. (р. 1751) 149
- Съёберг (Гальтунг) К.-М. 146, 150, 151
- Съёберг Л.-О. 146
- Съёберг М.-Э. (р. 1715) 147, 148
- Съёберг М.-Э. (1744–1751) 149
- Съёберг М.-О. 145
- Съёберг М.-Ю. 146, 148, 150, 151, 175
- Съёберг Х.-Р. см. Ганнибал Х.-Р.
- Съёберг (Альбедиль) Х.-Э. 146, 148, 150, 175
- Съёберг Х.-Э. (р. 1742) 148, 149
- Съёберг Э.-М. см. Шалин Э.-М.
- Съёберг Ю.-Ш. см. Роде Ю.-Ш.
- Съёберг (Томсон) Ю.-Э. 146
- Съёберги 148
- Таганцев Н. С. 74, 75, 84
- Тайдула 170
- Тальма 250
- Тарасов Т. И. 93
- Тарасов Е. И. 54, 59
- Тарквиний 220

- Тархова Н. А. 284
Тассо Т. 280, 282–284
Татаринов А. В. 255
Татищев Б. А. 39
Татищев В. Н. 110, 155
Татищевы 241
Татьяна Николаевна, вел. кнж. 97
Таубе К. Ф. 68, 85
Твардовский А. А. 5
Телетова Н. К. 145–152, 154, 164, 166, 173, 176
Терезия-Вильгельмина-Изабелла-Шарлотта, принцесса (Ольденбургская) 67, 82
Терехова В. А. 292–297
Терилева М. 130
Тернер К. И. 72, 78, 85
Терри К. 360
Терри Э. 360
Тимашев С. И. 15
Тимофеев Г. 199, 207
Тинц Х. 182
Тит Ливий 220
Тихонова Л. П. 344
Тициан 295
Ткачева Н. Н. 232
Толмачев В. С. 353
Толмачева Г. И. 351
Толстой А. К. 137, 138, 190
Толстой Л. Н. 77, 86, 136, 244, 322, 329, 355, 387
Толстой Ф. П. 270, 271
Толстой Ф. 298
Толстой Я. Л. 113
Толычева Т. 255
Томашевский Б. В. 209–211, 221, 287, 385
Томсон Ю.-Э. см. Съёберг Ю.-Э.
Траверсе де 198
Трепещ Г. 249
Третьяков П. М. 284
Третьяков С. М. 284
Трефилов В. 126
Троицкая К. К. 126
Тройницкий Н. А. 39
Тропинин В. А. 4, 117, 330
Трофимов В. 357, 358
Троцкий Л. Б. 357
Трубецкая Е. И. 246, 247
Трувор 108
Тургенев А. И. 113, 120, 127, 136, 171, 214, 217, 218, 222, 233, 243, 254, 304
Тургенев И. С. 35, 355
Тургенев Н. И. 214
Тургеневы 104
Туроверов Н. 349
Тынянов Ю. Н. 6, 236
Тютчев Ф. И. 248
Тютчева А. Ф. 195, 198, 207
Уайльд О. 357
Уваров С. С. 190, 225, 232
Ульянов В. И. (Ленин) 357
Ульянова В. П. 266–268
Урванцова А. 354
Устрялов Н. Г. 22
Устрялов Ф. Н. 22, 27
Уткин Н. И. 270
Ф. Ш. (баронесса) 75
Фабрициус И. Г. 166
Фаворский В. 269, 276
Файбисович В. М. 122
Федоров А. А. 40
Федоров В. Ф. 50, 59
Федорова А. Г. 287
Фейербах Л. 22
Фейнберг И. Л. 164, 166
Фельдман А. Н. 52, 59
Фельдман Ф. А. 35, 52, 56, 59, 95, 96
Фельтен Ю. М. 370, 371
Филимонов В. С. 238–240
Фиркс Ф. И. (псевд. Шедо-Феротти) 249
Фишер К. А. 119, 122
Флак (Съёберг) Д.-Э. 146
Флак Н. А. фон 146
Флери В. И. 297
Флерова Г. В. 241–255
Флиге Н. Н. 87–91, 92–101
Флиге П. де 91
Фойницкий И. Я. 75, 85
Фолджер 365
Фомичев С. А. 222, 385
Фонвизин М. А. 246
Формозов А. А. 222
Форсетт Дж. 365
Фортунатов Н. Н. 144
Фортунатова Е. 355
Франк Г. В. (Херя) 99, 100

- Франки 100
 Фрейдель Е. В. 132
 Фридкин В. М. 373
 Фридрих III 80
 Фэлен Дж. 377, 381, 386, 387

 Хаесброк Н. 331
 Хаквуд У. 364
 Халливелл Дж. О. 363
 Харитонов А. А. 18, 26
 Хауз Дж. 365, 367
 Хвостов А. Н. 40, 48, 59, 98, 99
 Хвостов Н. А. 98
 Хвостова Е. А. 259, 265
 Хемницер И. И. 251
 Хендерсон И. 386
 Херасков М. М. 22
 Хиггс Дж. 386
 Хирьяков А. 354
 Хис см. Гис К. О.
 Хитрово Е. М. 109
 Хитрово Е. М. 127
 Хмыров М. Д. 154, 160, 164, 165
 Хованская 308
 Хованская М. 307
 Хованская С. 307
 Хованские 241, 307
 Хованский Ю. 307
 Хогарт У. 383
 Хомченко А. М. 116
 Хомяков А. С. 301
 Хомяков А. С. 188, 198, 244
 Хотунцов С. И. 352
 Храповицкий, ген.-адъютант 345
 Храповицкий А. И. 304

 Цветаева М. И. 6
 Церетели З. К. 319, 320–321, 327
 Цуриков А. С. 249
 Цылов Н. И. 311
 Цымбал В. 356
 Цявловская Т. Г. 210, 287, 290
 Цявловские 104
 Цявловский М. А. 209, 215, 221, 222, 253,
 255, 281, 284, 285

 Ч. см. Чарыков Н. В.
 Чаадаев П. Я. 127, 212, 243, 254
 Чайковский П. И. 82, 86, 357, 373, 382

 Чанибек 170
 Чарыков Н. В. 64, 85
 Чеботарев Х. 365
 Чебышев П. Л. 15
 Челюсткина У. А. см. Чичерина У. А.
 Черейский Л. А. 119, 120, 122, 176, 207,
 252, 287
 Черкасов И. А. 134
 Черкесов А. А. 137, 138
 Чернецкая Н. М. 102
 Чернецов Г. Г. 286, 287, 289
 Чернецов Н. Г. 131, 286–290
 Чернецовы 286–290
 Чернов Г. 246, 254
 Черногорская А. Н. 82
 Чернышева А. И. см. Плещеева А. И.
 Чернышевский Н. Г. 25
 Чернышевы 172
 Чернявский М. 207
 Ческий И. В. 279
 Чехов А. П. 329, 387
 Чижов Ф. В. 289, 291
 Чижова И. Б. 207
 Чириков 92
 Чириков В. С. 16, 92
 Чириков С. Г. 16
 Чистякова Н. А. 232
 Чихачева А. А. см. Ганнибал Анна Андр.
 Чихачов (Чихачев) Д. Н. 40, 54, 59
 Чичерин Б. Н. 197, 243, 250, 254, 255
 Чичерин В. И. 175
 Чичерин И. А. 175
 Чичерина О. В. см. Пушкина О. В.
 Чичерина (Приклонская) Л. В. 175
 Чичерина (Челюсткина) У. А. 175
 Чкалов В. 257
 Чоловский Н. А. 353
 Чуковский К. И. 138
 Чумакова Т. В. 26
 Чхеидзе Л. В. 371

 Шаблинская (Миронова) А. М. 205, 206
 Шаблинская Е. А. 205
 Шаблинская Н. В. 194–208
 Шаблинская Р. А. 205, 206
 Шаблинский А. В. 203–206
 Шаблинский В. 205
 Шаблинский Н. А. 203, 205
 Шакирова Л. Г. 222

- Шалин Г. 147
Шалин (Съёберг) Э.-М. 147
Шаляпин Ф. И. 354
Шапошников Б. В. 131–134
Шарбо д'Артуа 350
Шарлемань И. А. 320
Шаховской А. А. 214
Шведов И. 356
Шведова С. 356
Швенцон А. А. фон 92, 98
Швенцон И. А. фон 98
Швыдкой М. Е. 12
Шебеко В. И. 203
Шебуев В. К. 320
Шевич (Блудова) Л. Д. 304
Шевырев С. П. 241, 242, 246, 250, 254
Шейна М. Ф. 27
Шекспир У. 359–367, 384, 386
Шеллинг 21
Шереметева Е. Б. 106
Шереметева О. Б. 106
Шереметевы 106
Шереметьева Н. Н. 248
Шерцингер М. 311
Шестаков И. А. 314
Шестакова О. 311, 313, 314
Шестакова (Глинка) Л. И. 293, 296, 297, 307, 310–312, 314–317
Шиллер Ф. 58, 73
Шиллинг А. Э. 60
Шиллинг П. Л. 182, 183
Шиллинг Э. О. 47, 50, 60
Шилов Л. А. 104
Шильдер А. М. 97
Шильдер В. А. 52, 55, 56, 60, 85, 86, 96, 97, 101
Шильдер М. В. 97, 101
Шишкин А. 51, 60
Шишков А. С. 211–214, 217–221, 223, 340
Шкилондзь И. 79, 85
Шленев В. 358
Шляпкин И. А. («Шляпикош») 42, 95, 253
Шляпкина (Мертваго) С. П. 253
Шмелев И. 257
Шмидт Э. Я. 200
Шмит Ф. И. 135
Шолтиссен М. 331
Шоу Т. 385, 387
Шоу Т. (Фома) 386, 387
Шредер И. Н. 86
Штерич Е. П. 308
Штерич С. И. 308
Штеричи 308
Шторх А. К. 18
Штылько А. Н. 165
Шувалов П. И. 156–158, 160–163, 166
Шульгин И. П. 15–18, 20, 25
Шульц 92
Шульц, сенатор 39
Шухаев В. И. 320, 321
Щеголев П. Е. 176, 237, 306
Щедрин А. 284, 285
Щедрин С. 278–281, 282–285
Щепетильников, подрядчик 156
Щепеткова И. А. 329–332
Щербатова А. С. 345
Щербина Н. Ф. 137
Эдлингер К.-Ф. 117
Эйдельман Н. Я. 214, 215, 222
Эйхгорн К. Ф. 27
Эйхберг Я. Ф. 168, 169
Энгельгардт В. В. 168
Энгельгардт В. П. 295, 297, 301, 312–315
Энгельгардт Е. А. 19, 20, 26
Эрдели Я. Е. 68, 85
Эренберг Х.-Г. 294
Эрн Н. Ф. 352
Эфрос А. 275, 277, 284
Юдин В. А. 49, 51, 54, 60
Юзефович М. В. 169
Юрьева И. Ю. 387
Юрьевская (Зарнекау) А. 206
Юрьевская Е. А. 203, 207
Юрьевская О. А. см. Меренберг О. А.
Юрьевская (Долгоорукая) Е. М. 200, 203–207
Юрьевская У. А.-М. 206
Юрьевский А. 206
Юрьевский Б. А. 203
Юрьевский Г. А. 203, 206
Юрьевский Г. Г. А. 206
Юстиниан 20
Юсупов Б. Н. 302
Юсуповы 302
Юшковы 241

- Языков Н. М. 197, 207
Якобсон В. И. 68, 85
Якобсон Р. О. 226, 227, 232
Яковлева А. Р., няня 337, 339, 372
Яковлев М. 107
Якушкин И. Д. 246, 248, 254
Якшина А. Г. 114
Янсон Ю. Э. 35
Янькова Е. П. 110
Яроцкий В. Г. 35, 42, 95
Яхонтов А. Н. 16, 18, 20, 25–27, 42, 60, 82
Яхонтов Н. А. 103
Яценко О. А. 135
- S. 109
Albedyll 146
Arndt W. 383
Boaden J. 367, 368
Burnett P. 371
CW 359, 364
Cipriani G. B. 365
Cornwall B. 386
Davydov S. 371
Dobrobolsky V. см. Добровольский В. В.
Donon 310
Droeshout M. 364
Falchikov M. 371
- Falen J. 383
Fawcett J. 365
Galtung L. E. 152
Garrick D. 365
Grabow 152
Johnston Ch. 383
Helbig G. 165
Hopper C. 368
Howes J. 365
Ikonnikov 176
Ingleby C. M. 363
Knutsson K. 152
Leighton L. 371
Lorenzo 351
Lowenfeld J. H. 377
Marie см. Лермонтова М. М.
Netty 289
Olazabal P. de 354
Orts-Ramos T. 354
Rosen N. 371
Savage R. 368
Shakespeare W. 359, 361, 362, 364, 368
Stallmstaren M. O. 152
Sizberg M.-O. 152
Uexküll B. F. 27
Unbegaun B. O. 371
Wellstood F. C. 364, 368

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Пушкин и наши современники

Под музыку пушкинских строк	5
Потомки А. С. Пушкина — граждане России	9
125-летие старейшего Пушкинского музея России	10

Навстречу 200-летию Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея

Л. Б. Михайлова «...Равняется с российскими университетами». Университетские профессора — наставники лицеистов	13
В. Г. Смирнов Барон Ф. Ф. Врангель и Императорский Александровский Лицей	28
А. И. Беленкова Воспоминания лицеиста В. М. Кюхельбекера	44
С. В. Павлова Воспоминания лицеиста П. М. фон Кауфмана	61
С. М. Некрасов «Лицейский староста» русского зарубежья. Записки Н. Н. Флиге	87

Жизнь и труды музея

Г. П. Балог Комплектование коллекции Всесоюзного музея А. С. Пушкина: Страницы истории (1965–1985)	102
Е. В. Старинкова Пушкин и вопросы и геральдики. Печатки Пушкиных в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина	108
Ю. Г. Елатко Князя Волконские в гостях у... Пушкина	117
Р. Г. Жуйкова Несколько штрихов к старинному портрету	124
Г. М. Седова Бытование литературной экспозиции в мемориальном пространстве Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12	127
Е. Ю. Глевенко К вопросу об истории библиотеки Николая Алексеевича Некрасова	136

А. И. Нечай, А. А. Будко, Л. Д. Иванова Болезнь и лечение Н. А. Некрасова	139
---	-----

Вокруг Пушкина

Н. К. Телетова О скандинавских предках Пушкина	145
Е. В. Гусарова «Генерал инженер Аврам Ганибал» и строительство канала в Астрахани («Антинабоков»)	153
В. П. Старк Пушкин и род Плещеевых	167
А. Н. Иезуитов Н. Я. Бичурин и А. С. Пушкин	177
Н. Л. Петрова А. О. Смирнова-Россет и Н. В. Гоголь	188
Н. В. Шаблинская Семейные предания заговорили	194

Публикации и комментарии

С. В. Березкина Из истории полемики Пушкина с Карамзиным: Эпиграмма «От многоречия отрекшись добровольно»	209
А. В. Ильичев Скульптура и текст: «Царскосельская статуя» А. С. Пушкина	224
Р. В. Иезуитова Пушкинский «Акафист»	233
Н. И. Михайлова Письмо В. Л. Пушкина к В. С. Филимонову	238
Г. В. Флерова Московская семья Соймоновых	241
Т. М. Мельникова Альбом уездной барышни	256
В. П. Ульянова История бытования иконы «Споручница грешных»	266

Пушкин и художественная культура его времени

Л. И. Певзнер А. С. Пушкин — художник книги	269
---	-----

Н. Е. Ежерец

В краю высоких вдохновений. Поэт Александр Пушкин
и художник Сильвестр Щедрин 278

Е. А. Никольская

Картина «Путешественники в предгорьях Кавказа».
К пушкинской теме в творчестве художников Чернецовых 286

**По материалам музейных конференций
«Для звуков сладких и молитв...»
(К 200-летию М. И. Глинки, 2004)**

В. А. Терехова

Неожиданный Глинка. Немзыкальные интересы М. И. Глинки
и истоки этих интересов 292

Т. Р. Мазур

«Слушая сию новинку»: К 170-летию премьеры оперы М. И. Глинки
«Жизнь за царя» 298

Е. Б. Добровольская

М. И. Глинка в Царском Селе 307

Пушкин и современное искусство

М. С. Глинка

У каждого из нас свой Пушкин 318

З. К. Церетели

Он был образцом настоящего учителя... 320

Ю. К. Люкшин

«Обнажена моя душа пред вами» 322

О. М. Свалова

Пушкин в музее современного искусства 327

И. А. Щепеткова

Поверив в «истину страстей» 329

Пушкинские места России

В. Ю. Козмин

Музей в Бутрово: В поисках своеобразия 333

В. Г. Никифоров

Бароны Вревские, сын и внук 345

Зарубежная пушкиниана

М. А. Кублицкая

Пушкин в Аргентине 349

О. А. Бэрд	
Пропавший портрет Шекспира: история поиска	359
Л. Осинкина	
«Карточный сон» Германна	369

Рецензии

Т. П. Волохонская	
О Н. С. Брагинской и ее книге	372
И. В. Розина	
Ономастическая и страноведческая лексика «Евгения Онегина»	374
Е. А. Александрова	
«Услышать музыку Пушкина»	377
Е. Грунин	
Весь Пушкин на английском	384
Указатель произведений А. С. Пушкина	388
Указатель имен	390

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕУМ

Альманах

Редактор *В.С. Кизило*

**Компьютерный набор: *Ю.А. Зигерн-Корн,*
*М. Л. Куракина***

**Подписано в печать 29.10.2007. Формат 70 × 100 1/16. Объем 30,5 печ. л.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 3441.**

**Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.**

